S 59/18
m.5

ЭБ

3100 S 55/18

П. Н. Ардашевъ

ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ ПО ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ ПРОФ. М. Н. ПЕТРОВА.

ТОМЪ V.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

(ОТЪ КОНВЕНТА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ).

ЧАСТЬ I-я. — 2

ДО НАЧАЛА ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

Издалъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14

1910.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

На границахъ Средней Азіи. Путевые очерки въ 3-хъ книгахъ. Съ рисунками и картами. Составилъ **Д. Н. Логофетъ.**

Книга I. **Персидская граница.**
— II. **Русско-афганская граница.**
— III. **Бухарско-афганская граница.**

Цѣна каждой книги по . . . . . **1 р. 25 к.**

... Въ только что вышедшемъ новомъ трудѣ Д. Н. Логофетъ съ присущей ему талантливостью развертываетъ передъ читателемъ широкую картину нашихъ среднеазіатскихъ границъ, обрисовывая жизнь всѣхъ населенныхъ пунктовъ въ этой полосѣ, начиная съ сѣдой старины и по настоящее время.

Интересующіеся Средней Азіей и бытомъ мусульманскихъ племенъ, живущихъ на ея южныхъ окраинахъ, отъ Каспійскаго моря и до Памировъ, прочтутъ съ большимъ удовольствіемъ эти книги, являющіяся новымъ крупнымъ вкладомъ въ далеко небогатую литературу по Средней Азіи.

Г. Э. „Туркестанск. Вѣдом.“, 1908 г. № 255.

Страна безправія. Бухарское ханство и его современное состояніе. Съ рисунками. **Д. Н. Логофетъ.**
Спб. 1909 г. . . . . **1 р. 25 к.**

... Книга г. Логофета является болѣе чѣмъ кстати: она заполняетъ огромный пробѣлъ въ литературѣ о нашихъ окраинахъ и даетъ массу цѣннаго матеріала для правильнаго рѣшенія бухарскаго вопроса, который въ недалекомъ будущемъ обнаружитъ свою остроту...

Книга посвящена „высокому вниманію Государственной Думы“, и надо сказать, что посвященіе это чрезвычайно удачно. Но не только Государственная Дума въ цѣломъ и отдѣльные ея члены должны заинтересоваться книгой г. Логофета,—она прочтется съ большимъ интересомъ и всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ...

М. Б. „Голосъ Москвы“ 1908 г. № 236.

Очеркъ возстаній пограничныхъ племенъ Индіи за послѣднія 10 лѣтъ. Составилъ **М. Грулевъ.** 1909 г. **2 р.**

... Случись война, намъ на первыхъ порахъ поневолѣ пришлось бы дѣйствовать съ закрытыми глазами.

Полезно учиться чужимъ опытомъ, чему въ сильной степени можетъ помочь книга г. Грулева.

Для офицеровъ Туркестанскаго округа подробное ознакомленіе съ трудомъ г. Грулева должно быть признано положительно обязательнымъ.

Издана книга отлично и съ достаточнымъ количествомъ картъ, написана очень хорошимъ языкомъ, читается, несмотря на сухость предмета, легко.

Д. Филатьевъ. „Рус. Инв.“, 1908 г. № 32.

... Ознакомленіе съ событіями, изложенными въ книгѣ г. Грулева, представляется весьма желательнымъ для нашихъ офицеровъ, особенно въ нашихъ Туркестанскихъ владѣніяхъ...

Книга г. Грулева написана хорошимъ литературнымъ языкомъ, не загромождена цифрами, которыя могли бы затруднять чтеніе и даетъ вполнѣ ясное представленіе о положеніи дѣлъ на сѣверо-западной границѣ Индіи, даже читателю незнакомому ни съ географіей тѣхъ мѣстъ, ни съ англо-индійской арміей.

В. Новицкій. „Развѣдчикъ“ № 939. Октябрь 1908 г.

S 59/18

ф 1-73/16632

П. Н. Ардашевъ

профессоръ Императорскаго Университета Св. Владиміра.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

по

ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

проф. М. Н. Петрова.

ТОМЪ V.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

(ОТЪ КОНВЕНТА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ).

ЧАСТЬ I-я.

ДО НАЧАЛА ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

Публич. и Румянцов. музеи * Библіотека

Издалъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14

1910.

2775

2007041359

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб., Вас. остр., 5 л., 28.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

За курсомъ всеобщей исторіи покойнаго харьковскаго профессора М. Н. Петрова, вышедшимъ недавно въ обновленномъ видѣ, вторымъ изданіемъ, съ весьма цѣнными дополненіями профессоровъ В. П. Бузескула, А. С. Вязигина и А. Н. Деревицкаго, уже давно установилась репутація превосходнаго пособія для студентовъ высшей и преподавателей средней школы, а также для самообразованія. Курсъ проф. Петрова, соединяющій научность съ общедоступностью, сжатость съ ясностью и большую содержательность съ сравнительною краткостью, даетъ въ текстѣ необходимый минимумъ свѣдѣній, а содержащимися въ немъ многочисленными библіографическими указаніями (надъ пополненіемъ которыхъ много потрудились редакторы второго изданія) открываетъ широко дверь на необъятный просторъ исторической литературы для всякаго, кто бы пожелалъ самостоятельно расширить свои знанія въ области всеобщей исторіи или углубить ихъ въ сторону детальнаго изученія той или другой эпохи, того или другого спеціальнаго вопроса.

Къ сожалѣнію, курсъ проф. Петрова остался не оконченнымъ: онъ обрывается на послѣднемъ десятилѣтіи XVIII вѣка. Это, безспорно, серьезное неудобство для книги, предназначенной служить пособіемъ. Предлагаемое «Дополненіе» и является попыткой восполнить этотъ пробѣлъ.

Въ качествѣ пособія, имѣющаго характеръ университетскихъ лекцій, оно, само собою разумѣется, предполагаетъ въ читателѣ извѣстный запасъ свѣдѣній, по меньшей мѣрѣ—въ объемѣ учебника средней школы. Въ отличіе отъ учебника, оно, какъ и всякій университетскій курсъ по исторіи, не задается возможно равномѣрнымъ

въ хронологическомъ и географическомъ смыслѣ изложеніемъ исторіи даннаго періода, а имѣетъ въ виду необходимое для осмысленнаго пониманія цѣлаго возможно всестороннее и выпуклое изображеніе наиболѣе важныхъ эпохъ и наиболѣе выдающихся моментовъ. Въ виду большей сложности новѣйшей исторіи сравнительно съ исторіей болѣе раннихъ періодовъ, пришлось нѣсколько увеличить масштабъ изложенія сравнительно съ тѣмъ, который былъ принятъ проф. Петровымъ. Что касается библіографическихъ указаній, то, по примѣру редакторовъ курса проф. Петрова, составитель «Дополненія» стремился къ возможной полнотѣ лишь по отношенію къ русскимъ или же переведеннымъ на русскій языкъ сочиненіямъ, ограничиваясь лишь важнѣйшимъ относительно изданій на иностранныхъ языкахъ. Надо ли оговариваться, что «важный» въ этомъ случаѣ далеко не всегда означаетъ «хорошій» или даже просто «удовлетворительный» въ научномъ отношеніи? И «происхожденіе современной Франціи» Тэна и «Соціалистская исторія» Жореса принадлежатъ, безспорно, хотя и совершенно въ различномъ смыслѣ, къ числу важнѣйшихъ явленій въ исторической литературѣ по исторіи новѣйшей Франціи; но столько же безспорно, что ни то, ни другое изъ этихъ сочиненій не является безусловно удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія требованій научной исторіи.

Павелъ Ардашевъ.

Святошинъ, близъ Кіева,
3 августа 1909 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Національный конвентъ и революціонный терроръ. Стр. 1—46.

Источники и литература (1). Обстановка выборовъ въ Конвентъ (2). Переворотъ 10 августа 1792 г., Парижская Коммуна и Революціонный трибуналъ (2—3). Вторженіе пруссаковъ (5). Маратъ и сентябрьскія убійства (5—9). Якобинскіе клубы и якобинскіе комиссары въ провинціи (10). Якобинцы въ Конвентѣ (12). Робеспьеръ и провозглашеніе республики (13). Побѣда при Вальми (14). Якобинцы и жирондисты и начало борьбы между ними (15—17). Вопросъ о судѣ надъ Людовикомъ XVI (18—20). Казнь короля и ея слѣдствія (21—22).

Борьба между „горой“ и „жирондой“ (стр. 22—27).

Комитетъ всеобщей безопасности (22). Революціонный трибуналъ (22). Комитетъ общественнаго спасенія (23). Маратъ и парижская Коммуна (23). Переворотъ 31 мая и 2 іюня 1792 г. и его значеніе (25—27).

Анти-якобинскія возстанія (стр. 27—33).

Причины возстаній (27). Начало вандейскаго возстанія (28). Подавленіе возстанія; Шуаны (29). Киберонъ (30). Возстанія въ городахъ (30). Ліонское возстаніе (31). Возстаніе въ Бордо (31). Возстанія на югѣ (31). Возстаніе Тулона (32). Корсика (32). Водвореніе якобинскаго террора (33).

Организація террора (стр. 33—42).

Новая чистка администраціи (33). Наблюдательные комитеты и національные агенты (33). Шарлота Кордэ (34). „Терроръ на очереди“ (34). Декретъ о „подозрительныхъ“ (35). Разрушеніе Ліона (35). Каррье въ Нантѣ (36). Процессъ жирондистовъ (36). Массовыя казни (37). „Бѣшеные“ и дантонисты (38—39). Законъ 22 преріаля (40). Переворотъ 9 термидора, анти-якобинская реакція и конецъ Конвента (41—42).

Законодательная дѣятельность Конвента (стр. 42—47).

Выработка новой конституціи (43). Теорія и практика якобинцевъ (43). Конституція третьяго года республики (44). Областное управленіе (45). Министерство полиціи (45). Другіе законодательные акты Конвента (46).

II. Директорія. Стр. 47—57.

Источники и литература (47). Составъ Законодательнаго корпуса (47). Двѣ тенденціи. Бабёфъ (48). Переворотъ 18 фрюктидора (49). Наполеонъ Бонапартъ (50). Переворотъ 30 преріаля (51). Возрожденіе террора (52). Реставрація якобинства (52). Ростъ анти-республиканскаго настроенія (53).

Переворотъ 18 брюмера (стр. 53—57).

Директорія и генералъ Бонапартъ (54). Возвращеніе Бонапарта изъ Египта (55). Переворотъ 18—19 брюмера и его значеніе (57).

III. Консульство и Имперія. Стр. 58—74.

Источники и литература (58—59). Конституція восьмого года (59). Ея характеръ (61). Административная организація (62). Реставрація абсолютизма и централизаціи (62). „Органическій сенатусконсультъ“ 1802 г. (63). Плебисцитъ и установленіе имперіи (64). Императорскіе декреты (65). Политическая полиція и политическія тюрьмы (65). Императорскій дворъ (66). „Имперское дворянство“ (67).

Законодательство Наполеона (стр. 67—70).

Гражданскій и другіе кодексы (67—69). Судъ (69). Финансы и администрація (69—70).

Церковный вопросъ и конкордатъ 1801 г. (стр. 70—74).

Источники и литература (70). „Гражданское устройство духовенства“ и его слѣдствія (70—71). Конкордатъ 1801 г. (72). „Органическія статьи“ и Пій VII (72—74).

IV. Европа въ эпоху революціи, консульства и имперіи. Международныя отношенія и войны. Стр. 75—140.

Источники и литература (75).

Начало войнъ между революціонной Франціей и монархической Европой, 1791—1792 г. (стр. 76—82).

Происхожденіе революціонныхъ войнъ (76). Пильницкая декларація (77). Вальми (77). Савоя (78). Героическій періодъ республиканскихъ войнъ (79). Двѣ программы (79—80). „Естественныя границы“ (80). Образованіе первой коалиціи противъ Франціи (81).

Первая коалиція и миръ въ Кампо-Форміо, 1793—1797 (стр. 82—93).

Голландская экспедиція (83). Измѣна Дюмурье (83). Разладъ въ коалиціи (84). Конвентъ и національная оборона (84). Новый характеръ войны (85). Развалъ коалиціи (86). Базельскій миръ (87). Карно (88). Генералъ Бонапартъ (89). Разгромъ австрійцевъ и леобенское перемиріе (90). „Республики-сестры“ въ Италіи (91). Миръ въ Кампо-Форміо и его значеніе (92—93).

Вторая коалиція и Амьенскій миръ, 1797—1802 г. (стр. 93—103).

Продолженіе войны съ Англіей; экспедиція въ Ирландію (93). Планы Бонапарта (94). Египетская экспедиція (95). Катастрофа при Абукирѣ (95). Сирійская экспедиція (95). Побѣда при Абукирѣ (96). Клеберъ (96). Александрійская конвенція и Амьенскій миръ. (97). Вторая коалиція и ея происхожденіе (97). „Республики-сестры“ (98). Суворовъ въ Италіи (100). Битва при Нови (100). Отступленіе Суворова (101). Выходъ Россіи изъ коалиціи (101). Бонапартъ въ Италіи; Маренго (101). Гогенлиденъ (102). Люневильскій миръ (102). Амьенскій миръ (103).

Третья коалиція, Пресбургскій миръ и Рейнскій союзъ, 1803—1806 г. (стр. 103—108).

Непрочность Амьенскаго мира (103). Возобновленіе войны (104). Трафальгаръ (105). Третья коалиція (105). Ульмъ, Вѣна, Аустерлицъ (106). Пресбургскій миръ (106). Величавые планы Наполеона (107). Конецъ „римской имперіи германской націи“ (107). Рейнскій союзъ (107). Перекройка политической карты Европы (108). Новыя королевства и княжества (108).

Четвертая коалиція и Тильзитскій миръ, 1806—1807 г. (стр. 108—112).

Четвертая коалиція (108). Іена и Ауэрштэдтъ (109). Эйлау и Фридландъ (110). Тильзитскій миръ (111). Герцогство Варшавское (111). Вестфальское королевство (112).

Эрфуртская конвенція, пятая коалиція и Вѣнскій миръ, 1808—1809 г. (стр. 112—121).

„Континентальная система“ (112). Пробужденіе національнаго чувства (113). Оккупаціи и аннексіи (113). Начало завоеванія Пиренейскаго полуострова (114). Начало народной войны въ Испаніи (115). Сіерра-Морена (116). Англичане въ Португаліи (116—117). Эрфуртская конвенція и ея значеніе (117). Талейранъ (117). Пятая коалиція (118). Первое пораженіе Наполеона (119). Ваграмъ (119). Вѣнскій миръ (119). Апогей наполеоновской Франціи (120 - 121).

Шестая коалиція, походъ Наполеона въ Россію и начало конца наполеоновской имперіи, 1810—1813 г. (стр. 121—128).

Происхожденіе разрыва между Александромъ I и Наполеономъ (121—122). Походъ въ Россію (123—124). Березина (125). Изгнаніе французовъ изъ Испаніи (125). Пруссія; Шарнгорстъ, Штейнъ и Гарденбергъ (126—127). Бауценъ. „Битва народовъ“ (при Лейпцигѣ) и ея слѣдствія (127—128).

Первая реставрація и Сто дней, 1814—1815 г. (стр. 128—135).

Источники и литература (128—129). Союзники во Франціи и ихъ декларація (129). Низложеніе Наполеона; Эльба (129). Парижскій миръ (130). Людовикъ XVIII и его декларація (130). Конституціонная хартія (130—131). Причины непопулярности Людовика XVIII (131—132). Армія (132). Реставрація имперіи (133). Седьмая коалиція (133—134). Второй парижскій трактатъ (134).

Вѣнскій конгрессъ (стр. 135—140).

Значеніе вѣнскаго конгресса (135—136). Переработка политической карты Европы (136—137). Германскій союзъ (137). Международныя отношенія (139—140).

V. Священный союзъ, европейская реакція и начало національно-освободительнаго движенія. Стр. 140—161.

Источники и литература (140—141).

Старый порядокъ и революція за предѣлами Франціи (стр. 141—152).

Идеологи реакціи (144). Либерализмъ и конституціи (144—145). Реставрація и реакція въ Испаніи и Италіи (145—147). Революціонныя движенія въ Испаніи, Португаліи и Италіи (147—152).

Священный союзъ и эпоха конгрессовъ (стр. 152—162).

Принципъ международнаго вмѣшательства (152). Священный союзъ (153—154). Договоръ 20 ноября 1815 г. (154). Меттернихъ (154—155). Конгрессъ въ Ахенѣ (155—156). Карлсбадская конференція (156—157). Конгрессъ въ Троппау и Лайбахѣ (157—158). Конгрессъ въ Веронѣ (159). Возстаніе грековъ и начало раскола въ Союзѣ (159—160). Смерть Александра I и перемѣна русской политики (130—131). Конецъ Священнаго союза (131—132).

VI. Конституціонная монархія во Франціи и революція 1830 г. Стр. 162—184.

Источники и литература (162).

Монархія реставраціи во Франціи, 1815—1830 г. (стр. 162—171).

Людовикъ XVIII и ультра-роялисты (162—163). „Палата, какой не сыскать“ (163). Убійство герцога Беррійскаго (164). Виллель (164—165). „Палата, которую удалось сыскать“ (165). Карлъ X (165—167). Ростъ оппозиціи (167—168). Побѣда оппозиціи (168). Министерство Мартиньяка (168). Министерство Полиньяка (168). Начало партіи орлеанистовъ (169). Конфликтъ между короной и палатой (169—170). Пораженіе правительства (170). Ордонансы 26 іюля 1830 г. (170—171).

Іюльская революція (стр. 171—176).

25 іюля 1830 г. (171—172). 27 іюля 1830 г. (172—173). 28 іюля (173). 29 іюля (173—174). 30 іюля (174). 31 іюля (174). Отреченіе Карла X (175). Пересмотръ конституціи (175—176). Характеръ и значеніе іюльской революціи (176).

Отголоски іюльской революціи за предѣлами Франціи (стр. 176—184).

Источники и литература (176—177). Нидерландское королевство (178—179). Бельгійская революція (179—180). Начало независимой Бельгіи (180). Бельгійская конституція (180—181). Международное рѣшеніе бельгійскаго вопроса (181—182). Революціонныя движенія въ Италіи (182—183). Германія (183). Польша (183—184).

VII. Англія съ конца XVIII в. до парламентской реформы 1832 г. Стр. 184—214.

Источники и литература (184—185).

Культурно-экономическій переворотъ въ Англіи въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в. и начало соціальнаго движенія (стр. 185—197).

Аграрный переворотъ (186—188). Промышленный переворотъ (188—190). Капитализмъ и рабочій пролетаріатъ (190—191). Пролетаріатъ и рабочее движеніе (192—193). Положеніе рабочаго класса (193). Промышленные кризисы и безработица (194). Робертъ Оуэнъ и утопическій соціализмъ (195—197).

Борьба за отмѣну хлѣбныхъ законовъ и за парламентскую реформу (стр. 197—214).

Происхожденіе хлѣбныхъ законовъ (197—198). Борьба противъ хлѣбныхъ законовъ; Кобденъ (198—199). Роль англійскаго пролетаріата въ борьбѣ за парламентскую реформу (199—200). Вопросъ о реформѣ избирательной системы (200—202). Реформисты и католики (202). „Актъ о присягѣ“ (203). О'Коннель и „Католическая Ассоціація“ (203—204). Отмѣна „акта о присягѣ“ (204). Реформистская агитація (204—206). „Мэнчестерская бойня“ (206). Поворотъ въ правящихъ классахъ (206—207). Законъ 1824 г. и рабочіе союзы (207—208). Іюльская революція и возобновленіе реформистскаго движенія (208—209). Грей и билль о реформѣ парламента (210). Сопротивленіе лордовъ (211). Кризисъ (211). Принятіе билля верхней палатой (212). Реформа 1832 г., ея значеніе и ея ближайшія послѣдствія (212).

I. Національный конвентъ и якобинскій терроръ.

Источники и литература.

I. Документальные источники по исторіи этой эпохи: Mavidal et Laurent. Archives parlementaires, 1-re série; A. Aulard. Recueil des actes du Comité de salut public, avec la correspondance officielle des représentants en mission et le registre du Conseil exécutif provisoire. 18 vol. Paris, 1889—1909; A. Aulard. La Société des Jacobins. Recueil de documents pour servir à l'histoire du club des Jacobins de Paris. 6 vol. Paris, 1889—1897; Sigismond Lacroix. Actes de la Commune de Paris pendant la Révolution. Paris, 1894 et suiv.; Tourneux. Procès-verbal de la Commune de Paris, du 10 août 1792 au 1-er juin 1793. Paris, 1894; Adolph Schmidt. Pariser Zustände während der franz. Revolutionszeit, 1789—1800. 3 Bde. Jena, 1876; Adolphe Schmidt. Paris pendant la Révolution française, d'après les rapports de la police secrète. 4 vol. Paris, 1880—1894.—II. Мемуары и записки современниковъ; большинство указанныхъ въ т. 4, стр. 131—132, изданій относятся и къ эпохѣ Конвента; кромѣ того, можно указать: Mémoires sur les journées révolutionnaires et les coups d'Etat (1792—1799), avec introduction, notices et notes par M. de Lescure. 2 vol. Paris, 1875; Mémoires du comte de Paroy, souvenirs d'un défenseur de la famille royale (1789—1797). Paris, 1895; Thibaudeau. Mes souvenirs sur les principaux événements de la Révolution. Poitiers, 1895; Grouchy et Guillois. La Révolution racontée par un diplomate étranger. Correspondance du bailli de Virieu, ministre de Parme (1788—1793). Paris, 1903; Biré. Journal d'un bourgeois de Paris pendant la Terreur. 5 vol. Paris, 1895—1898 (авторъ излагаетъ событія и впечатлѣнія эпохи въ формѣ дневника парижскаго обывателя; личность послѣдняго составляетъ вымыселъ автора, но содержаніе дневника почерпнуто изъ различныхъ современныхъ источниковъ). — III. Новѣйшія сочиненія; кромѣ указанныхъ въ т. 4, на стр. 130 и слѣд. сочиненій по исторіи революціи, можно указать еще слѣдующія сочиненія, частью относящіяся къ революціонной эпохѣ вообще, частью спеціально къ эпохѣ Конвента: Grégoire. Histoire de France, période contemporaine, 1789—1875. 4 vol. Paris, 1879—1883; Hamel. Histoire de France depuis la Révolution jusqu'à la chute du premier Empire. 7 vol. Paris, 1883—1893; Petit. Histoire contemporaine de la France, 1789—1870. 12 vol. Paris, 1881—1889; Trousset. Histoire d'un siècle. 12 vol. Paris, 1889—1892; Rambaud. Histoire de la civilisation contemporaine en France. Paris, 1888; Challamel et Lacroix. Album du centenaire (1789—1889). Paris, 1902; vicomte de Broc. La France pendant la Révolution. 2 vol. Paris, 1891; Héri-

cault. La France révolutionnaire. Paris, 1888; Hoefler. Bilder aus der franz. Revoluzion. Münster, 1889; Debidour. Etudes critiques sur la Révolution et la période contemporaine. Paris, 1886; Lenôtre. Paris révolutionnaire. Paris, 1896; G. Grosjean. La Révolution française d'après les témoignages contemporains et les historiens modernes. Paris, 1887; Aulard. Etudes et leçons sur la Révolution française. Paris, 1893 et suiv. (часть этихъ очерковъ переведена по-русски); Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Спб., 1909; Dauban. La démagogie en 1793 à Paris. Paris, 1868; Dauban. Paris en 1794—1795. Paris, 1869; Mortimer-Ternaux. Histoire de la Terreur, d'après des documents authentiques et inédits. 8 vol. Paris, 1862—1881; H. Wallon. La Terreur. 2 vol. Paris, 1881; J. Guiffrey. Les conventionnels. Paris, 1889; Paul Gaulot. Les grandes journées révolutionnaires. Histoire anecdotique de la Convention nationale. Paris, 1897.

Обстановка выборовъ въ Конвентъ.

Для пониманія и оцѣнки дѣятельности того представительнаго собранія, которое, подъ именемъ Національнаго Конвента (Convention nationale) [1]), сыграло столь важную роль въ исторіи французской революціи, необходимо познакомиться съ той обстановкой, среди которой были выбраны 750 народныхъ представителей, входившихъ въ составъ Конвента.

Переворотъ 10 августа 1792 г.

Выборы эти происходили подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ переворота 10 августа [2]), смыслъ котораго заключался въ фактическомъ низверженіи монархіи, а сущность — въ побѣдѣ численно ничтожнаго, но энергичнаго меньшинства, руководимаго якобинцами, надъ косным большинствомъ мирнаго населенія Парижа, а черезъ Парижъ — и всей страны. „Переворотъ 10 августа, говоритъ современный наблюдатель, Сулави, былъ произведенъ тремя тысячами рабочихъ — противъ большинства столичнаго населенія и Законодательнаго собранія". Другой современникъ, Лафайеттъ, прибавляетъ къ этому, что переворотъ былъ произведенъ также и противъ 40.000 парижской національной гвардіи, настроеніе которой было конституціонное, но отнюдь не анти-монархическое.

Парижская Коммуна.

Низвергнувши одну изъ конституціонныхъ властей, власть короля, и оттѣснивши фактически другую въ лицѣ Законодательнаго собранія, вожаки переворота, организовавшіеся въ видѣ революціонной парижской Коммуны [3]), фактически захватили государ-

[1]) На политическомъ языкѣ эпохи это названіе означало представительное собраніе, облеченное полномочіями для пересмотра конституціи.

[2]) См. томъ IV, стр. 244—248. Объ этомъ переворотѣ см. Bigot de Sainte Croix. Histoire de la conspiration du 10 août 1792. London, 1793; Chaumette. Mémoires sur la révolution du 10 août 1792. Paris, 1893; A. Corre. Autour du 10 août (Rèvolution fr., t. 33).

[3]) Tourneux. Procès-verbal de la Commune de Paris, du 10 août 1792 au 1-er juin 1793. Paris, 1894; S. Lacroix. Actes de la Commune de la Paris pendant la Révolution, 1789 et suiv. Paris, 1894; Becker, B. Geschichte der revoluzio-

ственную власть въ свои руки. Требовалось такъ или иначе обезпечить обладаніе этой захваченной революціоннымъ путемъ властью. Требовалось предупредить всякую попытку сопротивленія со стороны большинства, а для этого надо было парализовать его энергію и лишить его дѣйствительныхъ или возможныхъ вождей. Для обезпеченія же себѣ власти въ дальнѣйшемъ, требовалось не допустить этихъ послѣднихъ въ созываемый Національный конвентъ, большинство въ которомъ необходимо было обезпечить за партійными единомышленниками авторовъ переворота 10 августа, т.-е. за якобинцами.

Для достиженія этихъ цѣлей якобинцами революціонной Коммуны, находившими себѣ поддержку со стороны своихъ единомышленниковъ въ Законодательномъ собраніи, были пущены два уже ранѣе съ успѣхомъ испробованныя средства: демагогія и терроръ. Посредствомъ демагогіи и террора удалось имъ захватить власть, путемъ сугубой демагогіи и сугубаго террора разсчитывали они удержать эту власть въ своихъ рукахъ въ данный моментъ и обезпечить ее за собой въ будущемъ.

Уже на другой день послѣ переворота, взвинченная якобинскими агитаторами чернь собирается толпой около зданія фельяновъ, гдѣ спаслись уцѣлѣвшіе наканунѣ швейцарцы, и требуетъ ихъ выдачи для кровавой расправы; въ другихъ мѣстахъ раздаются зловѣщіе разговоры о необходимости учинить „скорый судъ“ надъ заключенными въ тюрьмахъ „контръ-революціонерами“. Противъ „контръ-революціонеровъ“, то-есть, всѣхъ фактическихъ или предполагаемыхъ противниковъ переворота 10 августа и якобинской диктатуры, была организована настоящая травля.

Революціонный трибуналъ.

Недѣлю спустя послѣ переворота 10 августа, по требованію революціонной Коммуны, былъ учрежденъ Законодательнымъ собраніемъ чрезвычайный трибуналъ для суда надъ „преступленіями, совершенными 10 августа“, при чемъ подъ „преступленіями“ разумѣлись тѣ слабыя попытки сопротивленія, которыя были оказаны „контръ-революціонерами“ противъ переворота 10 августа. При этомъ, по мысли учредителей трибунала, высказанной устами Робеспьера, суду должны были быть преданы не только тѣ, которые участвовали въ этомъ сопротивленіи, но и тѣ, которые могли въ немъ участвовать.

18 августа началъ функціонировать Революціонный трибу-

---

naeren Pariser Kommune, 1789—1794. Braunschweig, 1875; Robiquet. Histoire municipale de Paris. 3 vol. Paris, 1904.

налъ, сформированный изъ наиболѣе надежныхъ якобинцевъ, и въ ближайшіе дни нѣсколько лицъ сложили свои головы на эшафотѣ по его приговору. Это были первыя политическія казни, первый опытъ организованнаго политическаго террора. Эти мѣры заставили быстро смолкнуть раздавшіеся было изъ провинціи и изъ арміи протесты противъ якобинскаго переворота. Многіе офицеры дѣйствующей арміи и нѣсколько генераловъ, въ томъ числѣ знаменитый Лафайеттъ, предпочли покинуть страну, чѣмъ признать совершившійся фактъ. Въ Парижѣ въ то же время «Подозрительные». начались усиленные аресты всѣхъ „подозрительныхъ“; за переполненіемъ тюремъ, въ мѣста заключенія были обращены госпитали, аббатства и другія общественныя зданія. Особенному преслѣдованію подверглись „неприсяжные“, то-есть отказавшіеся дать „гражданскую присягу“, священники. 26 августа 1792 года было сдѣлано предписаніе всѣмъ неприсяжнымъ священникамъ выѣхать изъ Франціи въ теченіе двухъ недѣль, подъ страхомъ ссылки въ Гвіану. Но прежде чѣмъ священники успѣли воспользоваться даннымъ имъ срокомъ для выѣзда, якобинская полиція уже въ первые дни послѣ изданія декрета начала настоящую охоту за ними. Около 300 священниковъ были заключены въ различныя парижскія тюрьмы, гдѣ вскорѣ и погибли вмѣстѣ съ другими жертвами сентябрьскихъ убійствъ.

Вторженіе Пруссаковъ. Начавшееся въ это время вторженіе непріятеля дало въ руки побѣдителямъ 10 августа благовидный предлогъ для оправданія этой системы террора, истинной цѣлью которой было закрѣпленіе захваченной власти. 19 августа прусская армія подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго вступила въ предѣлы Франціи, а 23-го августа, послѣ двухдневной бомбардировки, овладѣла первой французской крѣпостью Лонгви (Longwy).

Возбужденное этимъ вторженіемъ патріотическое чувство массъ было искусно использовано въ своихъ видахъ якобинцами, присвоившими себѣ эпитетъ „патріотовъ“, въ противоположность всѣмъ противникамъ переворота 10 августа, которые изъ „подозрительныхъ“ превратились теперь въ „заговорщиковъ“ и „измѣнниковъ“. Болѣе ретивые среди „патріотовъ“ начинаютъ высказывать недовольство медлительностью Революціоннаго трибунала. Вдохновитель Маратъ. убійствъ, якобинскій журналистъ Маратъ (Marat) [1]) въ своей га-

[1]) V. Méric. Marat. Paris, 1908; Aug. Cabanès. Marat inconnu. Paris, 1891; Bourgeard. Marat, Ami du peuple. 2 vol. Paris, 1865; Charles Brunet. Marat, dit l'Ami du peuple. Notice sur sa vie et ses ouvrages. Paris, 1862; Xavier Roux. Marat. Paris, 1875; Taxil et Vindex. Marat, ou les Héros de la Révolution. Paris, 1890.

зетѣ находитъ совершенно излишними судебныя формальности по отношенію къ „измѣнникамъ“ и открыто проповѣдуетъ „короткую расправу“ съ заключенными въ тюрьмахъ. Что этого рода печатные призывы не оставались безъ вліянія, видно изъ примѣра депутаціи, явившейся 23 августа въ парижскую Коммуну отъ одной изъ городскихъ секцій съ угрозой, что „наскучившій и выведенный изъ терпѣнія“ медлительностью Революціоннаго трибунала народъ силой ворвется въ тюрьмы и мигомъ расправится съ „измѣнниками“.

Подготовка сентябрьскихъ убійствъ.

Мысль о народной расправѣ съ „измѣнниками“ усердно культивировалась организаторами переворота 10 августа; такимъ путемъ они надѣялись легко и быстро отдѣлаться отъ опасныхъ для ихъ диктатуры людей. Вдохновителями подготовлявшихся „сентябрьскихъ убійствъ“ были въ то же время приняты мѣры къ тому, чтобы захватить въ готовившіяся сѣти какъ можно больше опасныхъ людей.

28 августа, по настоянію вожаковъ парижской Коммуны, Законодательнымъ собраніемъ былъ изданъ декретъ, которымъ всѣмъ коммунальнымъ властямъ Франціи, въ томъ числѣ и парижской Коммунѣ, предписывалось, подъ предлогомъ обнаруженія годнаго для военныхъ цѣлей оружія, произвести повсемѣстные повальные обыски. Во исполненіе этого декрета, 29 августа начались въ Парижѣ повальные обыски, продолжавшіеся до вечера 31 августа. Оружія было найдено ничтожное количество, но зато было задержано при этихъ обыскахъ множество „подозрительныхъ“, отъ трехъ до восьми тысячъ, по различнымъ современнымъ свидѣтельствамъ,— въ томъ числѣ до трехсотъ неприсяжныхъ священниковъ, не успѣвшихъ выѣхать за границу по декрету 26 августа. Что судьба, которая постигла всѣхъ арестованныхъ „подозрительныхъ“ въ первые дни сентября, была заранѣе опредѣлена, это видно изъ сдѣланнаго 31 августа депутаціей Коммуны заявленія въ Законодательномъ собраніи: „Мы арестовали мятежныхъ священниковъ, мы ихъ заключили въ тюрьмы согласно вашему декрету, и черезъ нѣсколько дней почва свободы будетъ очищена отъ ихъ присутствія“. Для облегченія „патріотамъ“ работы по этой очисткѣ, на другой день, 1 сентября, Коммуной была командирована во всѣ мѣста заключенія комиссія изъ четырехъ членовъ, на которыхъ было возложено отдѣлить заключенныхъ по обычнымъ преступленіямъ отъ политическихъ арестантовъ, „для преданія послѣднихъ народной мести“, какъ гласило постановленіе.

Военныя событія облегчили якобинской Коммунѣ осуществленіе ея замысловъ.

2 сентября 1792 г.

Утромъ 2 сентября Парижъ облетѣло извѣстіе объ осадѣ пруссаками крѣпости Вердёна. Это сенсаціонное извѣстіе создавало какъ нельзя болѣе благопріятную атмосферу для взрыва той „народной мести“, жертвы для которой были приготовлены послѣдними массовыми арестами. По приказанію Коммуны была поднята тревога пушечными выстрѣлами и набатомъ. Возбужденныя толпы народа устремились къ городской ратушѣ, надъ фасадомъ которой зловѣще развѣвалось черное знамя съ надписью крупными буквами: „Отечество въ опасности“. Во взволнованной толпѣ шныряли якобинскіе агитаторы, старавшіеся использовать въ своихъ видахъ народное возбужденіе и направить „народную месть“ по адресу приготовленныхъ для нея главарями Коммуны жертвъ. „Самые опасные непріятели, говорили они, не въ Вердёнѣ, а въ Парижѣ, что сидятъ въ тюрьмахъ. Когда мы уйдемъ на границу, сражаться съ пруссаками, эти злодѣи вырвутся изъ тюремъ и перебьютъ нашихъ женъ и дѣтей. Нѣтъ! надо съ ними покончить, прежде чѣмъ отправиться въ походъ“. Въ томъ же духѣ высказывались вышедшіе въ этотъ день якобинскіе листки. Нѣкоторые прибавляли, что арестанты, въ случаѣ вступленія непріятеля въ Парижъ, вырвутся изъ тюремъ и перебьютъ защитниковъ съ тыла. Агитація эта не осталась безплодной. Въ тотъ же день одна изъ секцій постановила, что, „въ виду опаснаго положенія отечества, призывающаго гражданъ къ его защитѣ, необходимо очистить столицу отъ чудовищъ, составившихъ заговоръ для его погибели“. По заслушаніи этого постановленія, другая секція постановила: „всѣ заключенные въ тюрьмахъ Парижа и Орлеана заговорщики будутъ умерщвлены до отправленія гражданъ на защиту отечества“. Другая секція постановила: „очистить тюрьмы посредствомъ пролитія крови всѣхъ заключенныхъ“, и командировала трехъ делегатовъ для сообщенія этого постановленія прочимъ секціямъ, „въ видахъ единообразія дѣйствій“. Аналогичныя постановленія были приняты и большинствомъ остальныхъ парижскихъ секцій, которыя послѣ 10 августа были по большей части прибраны къ рукамъ якобинцами.

Сентябрьскія убійства въ Парижѣ.

Уже въ третьемъ часу того же дня отдѣльныя толпы возбужденныхъ „патріотовъ“ начали приводить въ исполненіе эти постановленія. Первыми жертвами пали двадцать священниковъ, которыхъ въ то время вели подъ конвоемъ изъ Коммуны въ тюрьму „аббатства“; они были всѣ умерщвлены толпой, при благосклонномъ нейтралитетѣ конвоя, состоявшаго изъ преданныхъ якобин-

цамъ марсельскихъ федератовъ [1]). Опьяненная первою пролитою кровью толпа бросилась оттуда къ тюрьмѣ Кармелитовъ, ворвалась въ нее и принялась поголовно избивать заключенныхъ здѣсь священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ. Палачи работали кто чѣмъ попало: ружьемъ, саблей, пикой, дубиной. Съ четырехъ до шести часовъ продолжалась эта отвратительная бойня, пока не осталось болѣе въ живыхъ ни одного „измѣнника“. Вечеромъ того же дня началось „очищеніе“ тюрьмы Аббатства, гдѣ, согласно полученной отъ Наблюдательнаго комитета (Comité de surveillance) Коммуны инструкціи, доброхотные палачи устроили импровизированный „народный судъ“. За уставленнымъ бутылками столомъ сидѣли, съ трубками въ зубахъ, самозванные судьи. Заключенныхъ приводили по одиночкѣ и производили въ двухъ-трехъ словахъ „допросъ“, за которымъ обыкновенно слѣдовала резолюція „суда“: „освободить“, что означало смертный приговоръ, который тутъ же на мѣстѣ приводился въ исполненіе—при помощи ружейнаго приклада, топора, сабли, пики. Нѣсколько позднѣе бойня распространилась и на нѣкоторыя другія тюрьмы и продолжалась всю ночь. Въ числѣ заключенныхъ были въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ подростки и мальчики отъ двѣнадцатилѣтняго возраста: никто изъ нихъ не былъ пощаженъ якобинскими палачами. Тюремные ужасы возобновились днемъ 3 сентября и продолжались почти безъ перерыва вплоть до ночи на 7-е сентября, когда, наконецъ, закончилась „эта ужасная бойня“, какъ выразился впослѣдствіи Петіонъ, бывшій парижскимъ меромъ въ эти страшные дни. Убійцы, число которыхъ въ точности неизвѣстно—оно во всякомъ случаѣ не превышало нѣсколькихъ сотъ—не только не встрѣчали препятствія въ своей кровавой работѣ, продолжавшейся цѣлые шесть дней, но и получили отъ революціонной Коммуны денежное вознагражденіе за свой трудъ по очищенію парижскихъ тюремъ отъ „измѣнниковъ“. Что касается количества жертвъ „сентябрьскихъ убійствъ“, то оно въ точности также неизвѣстно, но о немъ можно судить по числу арестованныхъ послѣ 10 августа: послѣднее доходило до нѣсколькихъ тысячъ; число счастливцевъ, избѣжавшихъ ужасной смерти, было во всякомъ случаѣ очень незначительно среди оказавшихся въ тюрьмахъ въ эти кровавые дни [2]).

Что касается Законодательнаго собранія, то его крайняя лѣ-

---

[1]) Федератами (fédérés) назывались явившіеся въ Парижъ для празднованія „праздника федераціи“ делегаты различныхъ мѣстныхъ отрядовъ національной гвардіи.

[2]) Lenôtre. Les massacres de septembre. Paris. 1906.

вая была вполнѣ солидарна съ вдохновительницей кроваваго „очищенія“ тюремъ—парижской революціонной Коммуной; остальная же часть депутатовъ была настолько терроризована всѣмъ, что произошло съ 10 августа, что въ огромномъ своемъ большинствѣ совершенно устранилась отъ участія въ дѣятельности Законодательнаго собранія. Изъ 750 членовъ собранія на засѣданіяхъ присутствовало обыкновенно менѣе трехсотъ человѣкъ, и для рѣшенія многихъ дѣлъ оказывалось достаточнымъ полутораста голосовъ. Такимъ образомъ, якобинское меньшинство собранія сдѣлалось его полнымъ хозяиномъ. Мирное большинство парижскаго населенія находилось также въ подавленномъ состояніи и не рѣшалось реагировать на совершавшіеся на его глазахъ ужасы. Монархическая пресса должна была прекратить свое существованіе, такъ какъ парижская Коммуна приняла строгія мѣры противъ разсылки и продажи неугодныхъ якобинцамъ листковъ. Впрочемъ, и независимо отъ этого, монархическіе журналисты принуждены были прекратить свою дѣятельность, одни потому что попали въ тюрьму въ качествѣ „подозрительныхъ“, другіе—потому что боялись туда попасть.

Выборы въ Конвентъ.

Такова была обстановка, среди которой происходили въ Парижѣ выборы въ Конвентъ. Выборныя операціи начались незадолго до сентябрьскихъ убійствъ, продолжались въ самый разгаръ послѣднихъ и закончились послѣ нихъ. Эта обстановка уже сама по себѣ обезпечивала якобинскимъ террористамъ желательное для нихъ воздержаніе запуганнаго мирнаго большинства населенія отъ участія въ выборахъ. Но якобинскіе главари до такой степени ясно сознавали свою слабость и численное ничтожество своихъ сторонниковъ въ парижскомъ населеніи, что, даже и при наличности такихъ условій, не считали обезпеченнымъ успѣхъ своихъ кандидатовъ безъ чрезвычайныхъ мѣръ. Не встрѣчая себѣ противодѣйствія, благодаря общему подавленному настроенію, якобинцы, вопреки закону, предписывавшему тайную подачу голосовъ путемъ записокъ, устроили выборы посредствомъ открытой словесной подачи голосовъ. Самые выборы были назначены въ помѣщеніи якобинскаго клуба, въ присутствіи преданнаго террористамъ „народа“. При такихъ условіяхъ, якобинскіе кандидаты, какъ и слѣдовало ожидать, прошли подавляющимъ большинствомъ голосовъ, хотя въ дѣйствительности это большинство составляло лишь незначительную часть парижскихъ избирателей. Соотвѣтствующія мѣры для обезпеченія побѣды своимъ единомышленникамъ приняты были самозваннымъ якобинскимъ правительствомъ также и

въ провинціи. 3 сентября, на другой день послѣ начала сентябрьскихъ убійствъ, парижской революціонной Коммуной былъ разосланъ въ провинцію слѣдующій циркуляръ, составленный „другомъ народа“ Маратомъ и подписанный, кромѣ него, еще восемью членами Коммуны: „Парижская Коммуна спѣшитъ извѣстить своихъ провинціальныхъ братьевъ, что часть свирѣпыхъ заговорщиковъ, заключенныхъ въ тюрьмы, была умерщвлена народомъ. Эти акты правосудія ему казались необходимыми для того, чтобы удержать посредствомъ страха скрывшіеся въ своихъ стѣнахъ легіоны измѣнниковъ, въ тотъ моментъ, когда онъ спаряжался въ походъ противъ непріятеля. Безъ сомнѣнія, вся нація, послѣ длиннаго ряда предательствъ, приведшихъ ее на край пропасти, поспѣшитъ прибѣгнуть къ тому же средству, столь необходимому для общественнаго спасенія, и всѣ французы воскликнутъ вмѣстѣ съ парижанами: „Мы идемъ на непріятеля, но мы не оставимъ у себя въ тылу душегубовъ, готовыхъ перерѣзать нашихъ женъ и дѣтей“.

Этотъ оффиціальный призывъ къ кровавой расправѣ съ „измѣнниками“ по методу парижскихъ „сентябризаторовъ“ (septembriseurs) не остался безъ послѣдствій, въ особенности тамъ, гдѣ и безъ того краснорѣчивый текстъ циркуляра сопровождался соотвѣтствующими словесными комментаріями со стороны развозившихъ его по провинціи якобинскихъ эмиссаровъ, разсказывавшихъ довѣрчивымъ крестьянамъ и рабочимъ разныя страшныя небылицы объ адскихъ замыслахъ непрпсяжныхъ священниковъ и „аристократовъ“. Такимъ образомъ, многія мѣстности въ провинціи обогатились своими „сентябрьскими убійствами“ [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Мо, въ Реймсѣ, выборы происходили подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что происшедшей бойни по парижскому образцу. Въ Ліонѣ, два дня спустя послѣ подобныхъ же убійствъ, якобинскій командиръ пишетъ министру: „Позавчерашняя катастрофа обращаетъ аристократовъ въ бѣгство и обезпечиваетъ намъ большинство въ Ліонѣ“.

Сентябрьскія убійства въ провинціи.

По сигналу, данному парижскими террористами изъ революціонной Коммуны, якобинскій терроръ разлился широкой волной по странѣ. Командированные въ провинціи комиссары, частью отъ имени Законодательнаго собранія, частью отъ имени „исполнительной власти“, но главнымъ образомъ отъ имени парижской

[1]) Утвержденіе проф. Олара, будто „совѣты Марата не имѣли успѣха нигдѣ кромѣ Версаля“ (Lavisse et Rambaud, Histoire générale, t. VIII, p. 155) невѣрно, какъ видно изъ документальныхъ данныхъ, собранныхъ въ третьемъ томѣ капитальнаго труда Mortimer-Ternaux, Histoire de la Terreur (Paris, 1868).

Коммуны, все болѣе или менѣе „передовые“ якобинцы, встрѣчали себѣ во многихъ мѣстностяхъ почву, хорошо подготовленную предшествовавшею дѣятельностью мѣстныхъ якобинскихъ клубовъ [1]). Въ этихъ клубахъ, успѣвшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пріобрѣсти значительное вліяніе, якобинскіе комиссары находили надежныя точки опоры для своей дѣятельности. Оффиціально ихъ задача заключалась въ призывѣ населенія къ защитѣ отечества, къ привлеченію въ армію волонтеровъ и въ организаціи продовольственной части, при чемъ комиссары были облечены правомъ реквизиціи по отношенію къ зажиточной части мѣстнаго населенія. Но эта показная цѣль командировокъ была лишь ширмой, за которой скрывалась другая цѣль, менѣе почтенная, но болѣе близкая сердцу якобинскихъ заправилъ: упроченіе въ провинціи власти, завоеванной ими въ столицѣ. При содѣйствіи мѣстныхъ якобинскихъ клубовъ, парижскіе комиссары организовали на мѣстахъ „наблюдательные комитеты“ по образцу парижскаго, изъ мѣстныхъ якобинскихъ главарей, и производили чистку мѣстной администраціи, отрѣшая неугодныхъ якобинцамъ должностныхъ лицъ и ставя на ихъ мѣста надежныхъ людей изъ „патріотовъ“.

Якобинскіе клубы въ провинціи.

Какъ широко понимали свои полномочія якобинскіе комиссары, можно судить по тому, что нѣкоторые изъ нихъ предавали смертной казни безъ суда людей, признанныхъ ими опасными. Такимъ образомъ, въ Реймсѣ были казнены нѣсколько священниковъ и чиновниковъ; въ Сансѣ были казнены двое молодыхъ людей за осквернепіе „дерева свободы“. Были случаи, что платились своей головой помѣщики, не выказывавшіе достаточной поспѣшности въ исполненіи реквизиціонныхъ требованій комиссаровъ. Вообще, съ появленіемъ парижскаго комиссара въ данной мѣстности, каждый, имѣвшій неосторожность вооружить противъ себя мѣстныхъ якобинцевъ, чувствовалъ петвердо на плечахъ свою голову.

Якобинскіе комиссары.

---

[1]) О провинціальныхъ якобинскихъ и другихъ политическихъ клубахъ имѣется въ настоящее время довольно обширная литература, разбросанная впрочемъ по большей части по различнымъ провинціальнымъ періодическимъ научнымъ изданіямъ. Вотъ нѣсколько важнѣйшихъ работъ по этому вопросу: Bled. Les Sociétés populaires à Saint-Omer (1789—1795). Paris 1907; L. Bultingaire. Le club des jacobins de Metz. Paris. 1906; Mugnier. La Société populaire, ou Club des jacobins de Thonon. 1793—1795. Paris. 1898; Fray-Fournier. Le club des jacobins de Limoges (1790—1795), d'apres ses délibérations, sa correspondance et ses journaux. Limoges, 1903; E. Martin. Les Jacobins au village (documents annotés). Clermont-Ferrand. 1902; Ch. Constant. Histoire d'un club jacobin en province. Fontainebleau pendant la Révolution. Paris, 1875; Le Roy. La Société populaire de Montignac (1793—1794). Procès-verbaux des séances. Bordeaux, 1889. Albert Denis. Le Club des jacobins de Toul (1793—1795). Nancy, 1895

Все это въ достаточной мѣрѣ объясняетъ тотъ фактъ, что въ большинствѣ случаевъ мирное большинство населенія совершенно отстранилось отъ участія въ выборахъ, предоставивъ, такимъ образомъ, арену руководимому якобинцами революціонному меньшинству.

Во многихъ мѣстахъ выборы происходили подъ фактическимъ руководствомъ парижскихъ комиссаровъ, въ особенности тамъ, гдѣ не имѣлось мѣстныхъ якобинскихъ клубовъ. Въ этомъ случаѣ комиссары обыкновенно сами намѣчали кандидатовъ, а для обезпеченія имъ успѣха, примѣняли, по парижскому образцу, открытое устное голосованіе. Въ результатѣ было то, что во множествѣ случаевъ, на глазахъ терроризованнаго большинства населенія прошли кандидаты террористическаго меньшинства.

Не довольствуясь добровольнымъ устраненіемъ терроризованныхъ избирателей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ якобинскіе заправилы произвольно вычеркивали изъ избирательныхъ списковъ „неблагонадежныхъ“ гражданъ, успѣвшихъ заявить чѣмъ-либо свое антиреволюціонное настроеніе, напримѣръ—своею подписью подъ какимъ-либо „непатріотическимъ“ адресомъ или петиціей, своимъ участіемъ въ какомъ-либо анти-революціонномъ клубѣ и т. п.

Наконецъ, въ пользу якобинцевъ работалъ изданный побѣдителями 10 августа избирательный законъ, провозглашавшій всеобщее избирательное право, съ совершеннымъ устраненіемъ имущественнаго ценза и пониженіемъ предѣльнаго возраста для избирателей до 21 года (а для депутатовъ до 25 лѣтъ), чѣмъ судьба выборовъ отдавалась въ руки „санкюлотовъ“ и молодежи, то-есть тѣхъ наиболѣе неустойчивыхъ и наименѣе зрѣлыхъ элементовъ, среди которыхъ якобинскій демагогическій радикализмъ пользовался наибольшей популярностью. Пониженіе предѣльнаго возраста, кромѣ того, позволяло членамъ якобинскихъ клубовъ, состоявшихъ въ значительномъ своемъ большинствѣ изъ молодыхъ людей [1]), принимать широкое и дѣятельное участіе въ выборахъ, какъ въ качествѣ избирателей, такъ и въ качествѣ кандидатовъ въ депутаты.

Тѣмъ знаменательнѣе тотъ фактъ, что, при всѣхъ этихъ крайне благопріятныхъ для якобинцевъ условіяхъ, въ національный Конвентъ прошло все-таки довольно значительное количество умѣренныхъ и частью даже консервативно настроенныхъ депутатовъ; и вообще, по своему составу, онъ былъ далекъ отъ якобинскаго

[1]) Для вступленія въ клубы требовался обыкновенно 18-лѣтній возрастъ, нѣкоторые же клубы допускали подростковъ въ 15—16 лѣтъ и даже мальчиковъ отъ 12 лѣтъ.

идеала. Но, во всякомъ случаѣ, еще менѣе того отвѣчалъ этотъ „національный“ Конвентъ тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ народному представительству. Избранный меньшинствомъ населенія, при насильственномъ отстраненіи отъ выборовъ большинства избирателей, Конвентъ не являлся представителемъ большинства французской націи и выразителемъ ея настроенія въ данный моментъ, и то, что было сдѣлано Конвентомъ, не можетъ разсматриваться, какъ результатъ ея дѣйствительныхъ желаній и стремленій.

Якобинцы въ Конвентѣ.

Якобинцамъ удалось провести значительное количество своихъ кандидатовъ. Почти вся лѣвая Законодательнаго собранія прошла въ Конвентъ; прошли сюда и всѣ организаторы и активные участники переворота 10 августа. Тѣмъ не менѣе якобинцы оказывались все-таки въ меньшинствѣ. Зато на ихъ сторонѣ было то важное преимущество, что они представляли собой единственную сплоченную группу, одушевленную къ тому же чисто боевымъ настроеніемъ. Это преимущество было въ полной мѣрѣ использовано якобинскими вожаками для осуществленія главнаго пункта ихъ политической программы, то-есть сверженія монархіи и учрежденія республики.

И вотъ, когда въ первомъ же засѣданіи Конвента, 21 сентября 1792 года, прежде чѣмъ большинство неякобинскихъ депутатовъ успѣли осмотрѣться и сорганизоваться въ единомышленныя группы и столковаться по основнымъ принципіальнымъ вопросамъ, со стороны якобинцевъ было внесено предложеніе—отмѣнить королевскую власть. Большинство собранія было ошеломлено такимъ неожиданнымъ предложеніемъ, которое было покрыто бурными возгласами одобренія со стороны якобинскихъ депутатовъ. Одинъ депутатъ попробовалъ было робко замѣтить, что слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, предварительно обсудить это предложеніе, но его заявленіе было покрыто негодующими возгласами якобинцевъ, а одинъ изъ якобинскихъ ораторовъ заявилъ: „Къ чему обсуждать, когда всѣ согласны? Короли въ нравственномъ мірѣ тоже, что чудовища въ природѣ. Дворы королей, это—лабораторіи преступленій и вертепы тирановъ, а исторія королей—повѣсть о страданіяхъ народовъ“. Послѣ столь авторитетнаго заявленія, поддержаннаго дружными одобреніями единомышленниковъ оратора, возражателей больше не оказалось, и при общемъ глубокомъ молчаніи предложеніе было „единогласно“ принято. „Національный Конвентъ единогласно постановляетъ, что королевская власть во Франціи отмѣ-

нена“—такъ гласила принятая Конвентомъ формула. Слово „республика“, отсутствовавшее въ этой формулѣ, не было равнымъ образомъ произнесено и ни однимъ изъ ораторовъ. Якобинское меньшинство не хотѣло слишкомъ пугать большинство Конвента, совершенно не помышлявшее о республикѣ. Такимъ образомъ, якобинцамъ удалось „незамѣтно подсунуть“ республику, какъ потомъ выразился объ этомъ Робеспьеръ [1]). Робеспьеръ.

Подъ впечатлѣніемъ объявленнаго вечеромъ постановленія Конвента, на улицахъ появились группы манифестантовъ, изъ среды которыхъ раздались первые возгласы: „Да здравствуетъ республика!“ На другой день республика получила и оффиціальную санкцію. Въ засѣданіи 22 сентября Конвентомъ было принято постановленіе, что впредь всѣ оффиціальные акты будутъ датироваться „первымъ годомъ республики“, считая съ этого дня [2]). Въ тотъ же день якобинцамъ удалось провести постановленіе о немедленномъ обновленіи личнаго состава всѣхъ мѣстныхъ управленій—муниципальныхъ, дистриктныхъ и департаментальныхъ. Пр возглашеніе республики.

Избирательная кампанія, для выбора новыхъ членовъ мѣстныхъ управленій, дала якобинцамъ возможность примѣнить къ этому дѣлу тѣ самые методы, которые съ значительнымъ успѣхомъ были ими испробованы при выборахъ въ Конвентъ, и продѣлать опгомъ уже до этого начатую въ розницу чистку административнаго персонала въ смыслѣ устраненія изъ нея „неблагонадежныхъ“ элементовъ и замѣны послѣднихъ „патріотами“ якобинской марки. Это обстоятельство въ значительной мѣрѣ объясняетъ ту легкость, съ какой парижскимъ якобинцамъ удалось навязать республику такой глубоко монархической странѣ, какою была Франція. Правда, монархиче- Чистка административнаго персонала.

[1]) Ernest Hamel. Histoire de Robespierre, d'après des papiers de famille, des sources originales et des documents entièrement inédits. 3 vol. Paris, 1878; Karl Brunnemann. Maximilian Robespierre. Ein Lebensbild nach zum Theil noch unbenützten Quellen. Leipzig, 1880; Anatole de Gallier. Robespierre, ses principes, son système politique. Besançon, 1896; Ant. Schumm. Maximilian Robespierre. Ein geschichtliches Bildniss aus der Revoluzionszeit. Freiburg-in-Breisgau, 1885; Maurice Graterolle. Robespierre (1758—1794). Paris, 1894; H. Belloc. Robespierre. A study. London, 1901. Oeuvres de Robespierre, recueillies et annotées par A. Vermorel. Paris 1868. Въ 1908 г. кружкомъ молодыхъ историковъ революціи организовано въ Парижѣ ученое общество подъ названіемъ Société des Etudes Robespierristes, издающее періодическій сборникъ, посвященный изученію личности Робеспьера и его эпохи, подъ заглавіемъ: Annales révolutionnaires.

[2]) Alphonse Aulard. La proclamation de la République en 1792 (Etudes et lecons sur la Révolution Francaise, 1—re série); Gustave Bord. La proclamation de la République, 22 septembre 1792 (Revuee de la Révolution, tomes 1—4); G. Bord. La proclamation de la République dans l'Indre (Revue de Berry, t. I).

скому настроенію страны былъ нанесенъ тяжелый моральный ударъ злополучной попыткой короля бѣжать за границу (въ іюнѣ 1791 г. [1]); но что традиціонный монархизмъ націи устоялъ даже противъ этого удара, наглядное тому свидѣтельство—тѣ многочисленные протесты, которыми былъ встрѣченъ въ провинціи переворотъ 10 августа 1792 года [2]), а также авторитетное заявленіе, сдѣланное около этого времени Дантономъ въ Комитетѣ національной обороны: „Республиканцы составляютъ лишь ничтожное меньшинство, остальное населеніе Франціи предано монархіи". Но особенно важную услугу якобинцамъ оказало то обстоятельство, что извѣстіе о постановленіи Конвента 21 сентября было получено почти всюду одновременно съ радостной вѣстью о побѣдѣ французскаго оружія при Вальми (20 сентября) и объ отступленіи герцога Брауншвейгскаго. Это торжество надъ побѣдоносно наступавшимъ до сихъ поръ непріятелемъ представлялось какъ бы первой побѣдой республиканской Франціи послѣ цѣлаго ряда пораженій Франціи монархической. Двадцатое сентября 1792 года многихъ примирило съ республикой, какъ двадцатое іюня предыдущаго года многихъ оттолкнуло отъ монархіи. Это благопріятное для новорожденной республики впечатлѣніе получило себѣ новую пищу въ дальнѣйшихъ успѣхахъ французскаго оружія, перешедшаго послѣ Вальми изъ обороны въ наступленіе (о чемъ подробнѣе—ниже).

Побѣда при Вальми.

Постановленіе 21—22 сентября, являвшееся завершеніемъ того, что было сдѣлано 10 августа подъ давленіемъ парижской революціонной Коммуны (пріостановка дѣйствія королевской власти), было блестящей побѣдой якобинцевъ. Но побѣдой этой они обязаны были не тому лишь, что неорганизованное и неподготовленное большинство было застигнуто ими врасплохъ, но также и тому еще, что въ данномъ случаѣ ихъ поддержали жирондисты, симпатіи которыхъ точно также тяготѣли въ сторону республики.

[1]) См. томъ IV, стр. 230—232.—О бѣгствѣ Людовика XVI имѣется довольно много сочиненій и статей; главнѣйшія изъ нихъ: Ancelon. La vérité sur la fuite et l'arrestastion de Louis XVI à Varenne. Paris 1866; Bimbenet. Fuite de Louis XVI à Varennes, d'après les documents judiciaires et administratifs déposés au greffe de la Haute Cour nationale établie à Orléans. Paris, 1868; Oscar Browning. The flight to Varennes. London, 1893.

[2]) Департаментъ Крёзы высказываетъ въ оффиціальномъ отношеніи къ сосѣднимъ департаментамъ „сомнѣніе въ свободѣ самого Національнаго собранія" и высказывается за необходимость для всѣхъ департаментовъ—„выработать, съ общаго согласія, диктуемыя обстоятельствами мѣры". Департаментъ Верхняго Рейна издалъ по этому поводу прокламацію, въ которой заявлялось: „Мы поддержимъ монархію и будемъ защищать Національное собраніе и конституціоннаго короля".

На этомъ пунктѣ—объявленіи республики—осуществлялась естественнымъ образомъ взаимная солидарность между двумя наиболѣе активными и вліятельными группами Конвента, но здѣсь же она и оканчивалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ миновало и то мимолетное единодушіе (правда, поверхностное и въ значительной мѣрѣ искусственное), которымъ были отмѣчены первые шаги Національнаго Конвента. Этотъ первый случай единодушія въ собраніи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ. Уже въ третьемъ засѣданіи Конвента обнаруживается антагонизмъ между обѣими руководящими группами собранія,—и борьба между якобинцами и жирондистами составляетъ съ этого момента основной фонъ внутренней жизни Конвента вплоть до окончательнаго торжества якобинцевъ 2 іюня 1793 года.

Якобинцы и Жирондисты.

Антагонизмъ этотъ вытекаетъ столько же изъ различія темпераментовъ людей обѣихъ группъ, сколько изъ взаимнаго противорѣчія ихъ политическихъ стремленій.

Жирондисты, это—люди мирные по своему темпераменту, „академики“ по своему настроенію, свободолюбцы по своимъ политическимъ стремленіямъ. Якобинцы, это—бойцы по своему темпераменту, революціонеры по своему настроенію, властолюбцы по своимъ политическимъ стремленіямъ. И тѣ и другіе были республиканцы въ душѣ, но жирондисты видѣли въ республикѣ средство для осуществленія своего идеала свободы, для якобинцевъ же это было средство для упроченія своей диктатуры [1]). Демагоги и террористы по своимъ инстинктамъ, якобинцы сдѣлались таковыми и по своей тактикѣ, съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря демагогіи и терроpу, они добились столь блестящихъ успѣховъ—сначала въ переворотѣ 10 августа, а затѣмъ—въ выборахъ въ Конвентъ. Но такъ какъ имъ все-таки не удалось овладѣть большинствомъ депутатскихъ мѣстъ, то они разсчитывали поправить свое положеніе при помощи тѣхъ же средствъ, то-есть демагогіи и террора, поставивши самый Конвентъ подъ ферулу „парода“, какъ они называли послушную имъ парижскую чернь. Терроризованное преданными якобинцамъ „санкюлотами“ большинство Конвента должно было

[1]) О якобинцахъ, кромѣ указанныхъ выше, на стр. 10, сочиненій о провинціальныхъ клубахъ, см. капитальный трудъ проф. Олара: La Société des Jacobins. Recueil de documents pour servir à l'histoire du Club des Jacobins de Paris. 6 vol. Paris, 1889—1897; а также W.—Fr. von Mülinen. Der Jakobinerstaat. Bern, 1894; Kock. Der jakobinische Staat von 1794. Berlin, 1904.—О жирондистахъ, кромѣ устарѣлаго сочиненія Ламартина („Исторія жирондистовъ“, есть въ русскомъ переводѣ), см.: Joseph Guadet. Les Girondins. Paris, 1889; Grayssinet. La République des Girondins. Toulouse, 1903; A. Aulard. Organisatison intérieure de la Gironde (Révolution francaise, t. 7).

слѣпо идти за якобинцами, или по крайней мѣрѣ не мѣшать имъ. А такъ какъ провинція выказала недостаточный „патріотизмъ“, пославши между прочимъ въ Конвентъ, на ряду съ якобинцами, множество депутатовъ мало пріятныхъ послѣднимъ, то она, естественно, внушала къ себѣ значительное недовѣріе якобинцевъ. Отсюда—ихъ стремленіе поставить департаменты подъ ферулу послушнаго имъ парижскаго „народа“ и закрѣпить за послѣднимъ то властное положеніе, которое онъ узурпировалъ, въ лицѣ революціонной Коммуны, послѣ переворота 10 августа.

Борьба между «горой» и «жирондой».

Вопросъ о революціонномъ террорѣ и вопросъ о революціонной диктатурѣ Парижа и послужилъ поводомъ для открытія военныхъ дѣйствій между якобинской „горой“ и „жирондой“.

Въ засѣданіи 24 сентября, по случаю только-что полученнаго извѣстія о политическихъ убійствахъ въ Шалонѣ (послѣдній отголосокъ парижскихъ „сентябрьскихъ убійствъ“), жирондисты подняли вопросъ о необходимости принять энергичныя мѣры къ прекращенію политическихъ убійствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ огражденію безопасности самихъ народныхъ представителей. „Пора воздвигнуть эшафоты для убійцъ и ихъ руководителей!“—воскликалъ одинъ изъ ораторовъ жиронды. „Пора отомстить за попранныя человѣческія права! Быть можетъ, нужно больше мужества, чѣмъ думаютъ, для того чтобы возвысить голосъ противъ убійцъ...“ Этотъ первый громкій протестъ противъ сентябрьскихъ убійствъ, брошенный въ лицо тутъ же сидѣвшимъ организаторамъ и участникамъ послѣднихъ, былъ покрытъ бурнымъ взрывомъ одобреній. Ораторъ закончилъ предложеніемъ избрать комиссію для разслѣдованія положенія страны и выработки мѣръ противъ разбойничества и убійствъ. Ошеломленные террористы „горы“ пытаются отклонить предложеніе, какъ излишнее, въ виду существованія законовъ и судовъ; другіе предлагаютъ отложить обсужденіе; но настроеніе большинства собранія оказывается не въ ихъ пользу. Заявленіе жирондистскаго оратора поддерживается и дополняется другими ораторами жиронды. Одинъ изъ нихъ, Бюзо, [1]), довольно прозрачно намекаетъ на замыслы якобинцевъ относительно подчиненія себѣ Конвента путемъ террора и дополняетъ предложеніе перваго оратора требованіемъ, чтобы „Конвентъ былъ окруженъ настолько внушительной силой, чтобы не только намъ самимъ не приходилось ничего бояться, но чтобы и департаменты могли быть

[1]) Mémoires de Buzot sur la Revolution française, précédés d'un précis de sa vie et de recherches historiques su les Girondins, par A. Guadet. Paris, 1827.

вполнѣ спокойны за насъ". Въ результатѣ, подавляющимъ большинствомъ было принято предложеніе Бюзо объ избраніи комиссіи изъ шести человѣкъ, на которую возложено: 1) представить докладъ о современномъ состояніи страны, 2) выработать проектъ закона противъ подстрекателей къ убійствамъ и 3) представить свои соображенія относительно организаціи вооруженной силы для охраны національнаго Конвента.

Своей блестящей побѣдой жиронда была обязана поддержкѣ „долины" или „болота", какъ называли безпартійный и пассивный центръ Конвента. Но жирондисты оказались плохими тактиками и не сумѣли ни использовать своей побѣды 24 сентября, ни удержать за собой въ дальнѣйшей борьбѣ съ якобинской „горой" голоса центра. Они сразу взяли слишкомъ высокую ноту и оборвались. Бросивши своимъ противникамъ обвиненіе въ диктаторскихъ замыслахъ, они лишь дали имъ право потребовать доказательствъ. А такъ какъ такихъ доказательствъ жирондисты не могли представить, то тѣмъ самымъ они дали своимъ противникамъ не только возможность отпарировать направленный на нихъ ударъ, но и перейти изъ обороны въ наступленіе.

Въ отвѣтъ на недоказанное обвиненіе въ диктаторскихъ замыслахъ ораторы горы бросили жирондѣ обвиненіе въ „федерализмѣ", въ стремленіи расчленить Францію, разрушить ея національное и политическое единство, при чемъ нѣкоторыя неосторожныя заявленія самихъ жирондистовъ дали ихъ противникамъ матеріалъ для подкрѣпленія формулированныхъ ими обвиненій. Жирондисты рѣзко нападали на Парижъ, который они обвиняли въ диктаторскихъ поползновеніяхъ по отношенію къ департаментамъ, и не скрывали своей симпатіи къ провинціальной автономіи. Вообще, въ противоположность централизаторскимъ тенденціямъ якобинцевъ, жирондисты были приверженцами децентрализаціи. Одинъ изъ лидеровъ жиронды, Бриссо [1]), даже высказался въ своей газетѣ за организацію французской республики по образцу сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ всего лучше обезпечивающую политическую свободу. Между тѣмъ эти „федералистскія" идеи жиронды шли въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда настроеніемъ въ странѣ: національное единство ощущалось особенно сильно въ этотъ моментъ внутренняго кризиса и внѣшняго непріятельскаго

[1]) A. Aulard. La politique et l'éloquence de Brissot (Révolution française, t. 7); Mémoires de Brissot, avec introduction, notices et notes par M. de Lescure. Paris, 1877; Pingaud. Brissot et l'Académie de Besançon (Mémoires de l'Académie de Besançon, 1890).

нашествія. Ораторамъ „горы“ было нетрудно выставить „федерализмъ“ жиронды, какъ дѣло анти-патріотическое, и провести въ Конвентѣ постановленіе, гласившее: „Національный Конвентъ объявляетъ, что французская республика едина и нераздѣльна“. Это постановленіе, являвшееся косвеннымъ осужденіемъ жирондистскаго „федерализма“, было вмѣстѣ съ тѣмъ и пораженіемъ жиронды,— пораженіемъ тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что оно имѣло мѣсто на другой день послѣ блестящей, казалось бы, побѣды ея 24 сентября; послѣдняя въ концѣ концовъ свелась на нѣтъ, такъ какъ у жиронды не хватило уже силы настоять на приведеніи въ исполненіе направленныхъ противъ якобинцевъ постановленій 24 сентября. Изъ наступающей стороны жирондисты превратились въ сторону обороняющуюся, при чемъ, благодаря отсутствію такта и выдержки, ораторы жиронды продолжали подставлять своимъ болѣе искуснымъ противникамъ наиболѣе слабыя свои стороны. Такъ, они продолжали свои полемическія выходки по адресу Парижа. Одинъ изъ жирондистскихъ ораторовъ увлекся разъ до того, что пригрозилъ походомъ департаментовъ на Парижъ, „отъ котораго тогда не останется камня на камнѣ“. Подобными выходками жиронда, естественно, возстановляла противъ себя столичное населеніе и давала новое оружіе противъ себя своимъ противникамъ. Кончилось тѣмъ, что якобинцы перестали церемониться съ жирондистами, еще такъ недавно заставившими было ихъ трепетать. Жирондисты были съ позоромъ изгнаны изъ якобинскаго клуба (10 октября), и якобинскіе террористы стали открыто бахвалиться сентябрьскими убійствами. „Нечего скрывать: ужасное дѣло 2 сентября, это—великій членъ символа вѣры нашей свободы. Безъ этого дня республика никогда бы не сдѣлалась совершившимся фактомъ“—заявилъ, при громкихъ одобреніяхъ, въ якобинскомъ клубѣ 5 ноября Колло д'Эрбуа, бывшій актеръ и одинъ изъ героевъ сентябрьскихъ убійствъ [1]).

Апологія сентябрьскихъ убійствъ.

Якобинскій терроръ снова поднималъ голову. Въ то время, какъ Колло д'Эрбуа произносилъ свою апологію сентябрьскихъ убійствъ, якобинцами готовилось предложеніе, долженствовавшее стать вторымъ членомъ ихъ символа вѣры.

Предложеніе о преданіи Людовика XVI суду.

7 ноября Конвенту былъ представленъ отъ имени Законодательнаго комитета докладъ о необходимости предать Людовика XVI суду Конвента. Въ числѣ прочихъ „преступленій“ низложеннаго

---

[1]) A. Bégis. Collot d'Herbois, comédien politique en 1793. (Revue de la Revolution, t. 4).

короля, въ качествѣ главнаго пункта обвиненія, докладъ выдвигалъ его сношенія съ эмигрантами и коалиціей.

Предложеніе это шло въ разрѣзъ съ дѣйствовавшей конституціей (1791 г.), объявлявшей короля неприкосновеннымъ и неотвѣтственнымъ и возлагавшей отвѣтственность за всякій шагъ короля на его оффиціальныхъ совѣтниковъ, министровъ. Вообще судъ надъ королемъ былъ невозможенъ съ точки зрѣнія конституціи. Послѣдняя предусматривала лишь возможность низложенія короля—это въ томъ единственномъ случаѣ, если король „употребитъ враждебныя мѣры противъ націи и призоветъ иноземное войско". Предполагая доказаннымъ, что поведеніе Людовика XVI подходило подъ этотъ случай, онъ подлежалъ лишенію престола, но послѣднее вѣдь было уже совершившимся фактомъ послѣ постановленія Конвента 21 сентября 1792 г.

Подобныя соображенія, дѣйствительно, и были высказаны однимъ изъ ораторовъ, когда 13 ноября было приступлено къ преніямъ по этому вопросу. Но у якобинцевъ была особая логика. Сенъ-Жюстъ [1]) заявилъ, что дѣло дѣло идетъ о судѣ не надъ королемъ и не надъ гражданиномъ, а надъ непріятелемъ; съ непріятелемъ же расправа коротка. Ораторъ рекомендуетъ собранію вдохновиться примѣромъ римлянъ временъ Юлія Цезаря: „тамъ съ тираномъ расправились двадцатью двумя ударами кинжаловъ, безъ всякихъ иныхъ формальностей". Всякій король преступникъ уже просто потому, что онъ король, слѣдовательно—тиранъ. „Званіе короля есть вѣчное преступленіе, противъ котораго всякій вправѣ бороться съ оружіемъ въ рукахъ. Всякій человѣкъ самой природой предназначенъ къ тому, чтобы истреблять тиранніи во всякой странѣ. Нельзя царствовать безвинно: всякій король—бунтовщикъ и узурпаторъ". Сенъ-Жюстъ.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій (3 декабря) Робеспьеръ дополнилъ новыми штрихами аргументацію Сенъ-Жюста. „Людовикъ вовсе не подсудимый, а вы отнюдь не судьи", заявилъ онъ. „Если вы будете судить Людовика, вы лишь разыграете передъ всѣмъ свѣтомъ смѣшную комедію. Ваше дѣло не въ томъ, чтобы вынести тотъ или другой судебный приговоръ противъ того или другого человѣка, а въ томъ, чтобы принять извѣстную мѣру въ интересахъ общаго блага, выполнить извѣстный актъ національнаго провидѣнія". Совмѣстное существованіе тирана и республики Робеспьеръ.

[1]) E. Hamel. Histoire de Saint-Just. 2 vol. Bruxelles, 1860; Ed. Fleury. Saint-Just et la Terreur. 2 vol. Paris, 1852; A. Bégis. Curiosités révolutionnaires. Saint-Just, membre du Comité de Salut public. Paris, 1892.

невозможно, такъ какъ первый составляетъ постоянную угрозу для послѣдней. Дѣло національнаго Конвента устранить источникъ этой постоянной опасности,—устранить тирана. „Людовикъ долженъ умереть потому что отечество должно жить“. Большинство Конвента, однако, не согласилось съ предложеніемъ расправиться съ бывшимъ королемъ „безъ дальнѣйшихъ формальностей“ и рѣшило, какъ выразился Робеспьеръ, „разыграть передъ всѣмъ свѣтомъ смѣшную комедію“.

3 декабря Конвентъ постановилъ предать Людовика XVI своему собственному суду и назначилъ комиссію изъ 21 члена для составленія обвинительнаго акта. 10 декабря обвинительный актъ былъ готовъ, и на другой день „Людовикъ Капетъ“ предсталъ передъ Конвентомъ въ качествѣ подсудимаго. По прочтеніи обвинительнаго акта, онъ былъ подвергнутъ допросу, который производилъ предсѣдатель собранія Бареръ [1]). Такимъ образомъ, подсудимому не дали даже предварительно ознакомиться съ обвинительнымъ актомъ. Людовикъ XVI довольно покорно принялъ навязанную ему роль подсудимаго, онъ отвѣчалъ на всѣ предлагавшіеся ему вопросы и пожелалъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ взять себѣ защитниковъ, давши тѣмъ возможность Конвенту разыграть до конца комедію судебнаго процесса, исходъ котораго былъ заранѣе предрѣшенъ. 15 декабря Людовикъ былъ признанъ почти единогласно „виновнымъ въ заговорѣ противъ общественной свободы и въ покушеніи противъ безопасности государства“, а два дня спустя незначительнымъ большинствомъ голосовъ приговоренъ къ смертной казни. „Гора“ вотировала въ этомъ смыслѣ единодушно, жиронда же раскололась, и часть ея поддержала своими голосами „гору“, доставивши ей тѣмъ самымъ новую побѣду.

Бареръ.

Судъ и приговоръ надъ королемъ.

Подача голосовъ производилась открыто, при чемъ многіе мотивировали свое „да“ или „нѣтъ“. Камиллъ Демулэнъ, одинъ изъ иниціаторовъ террора и одна изъ его будущихъ жертвъ, сказалъ: „Я голосую за смертную казнь—слишкомъ поздно, быть можетъ, для чести Конвента“. Бареръ, создавшій себѣ имя „Анакреона гильотины“, мотивировалъ свой голосъ въ пользу смертной казни тѣмъ, что „дерево свободы нуждается для своего роста въ поливкѣ изъ крови тирановъ“. Въ числѣ голосавшихъ за смертную казнь былъ родственникъ Людовика XVI, герцогъ Филиппъ

Филиппъ Эгалитэ.

[1]) Mémoires de Barère, publiés par Carnot et David d'Angers, précédés d'une notice historique par Carnot. 4 vol. Paris, 1842.

Орлеанскій, правнукъ регента и отецъ будущаго короля Луи-Филиппа [1]).

Большинство жирондистовъ были противъ казни Людовика XVI. Они сдѣлали попытку спасти короля, представивши приговоръ на утвержденіе націи (путемъ референдума): они были увѣрены, что такимъ путемъ приговоръ этотъ будетъ отвергнутъ. Это прекрасно понимали также и якобинцы, которые поэтому употребили всѣ усилія къ тому, чтобы провалить предложеніе объ апелляціи къ народу, что имъ и удалось, благодаря отсутствію единодушія въ средѣ жиронды. 21 января 1793 г. смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе на центральной площади Парижа, „площади Революціи“ (бывшей „площади Людовика XV“, нынѣ place de la Concorde) [2]). Казнь Людовика XVI и ея слѣдствія.

---

[1]) До революціи герцогъ Орлеанскій игралъ въ оппозицію и находился въ опалѣ, что, при господствовавшемъ въ ту пору оппозиціонномъ настроеніи, снискало герцогу популярность. Онъ былъ выбранъ въ число депутатовъ въ генеральные штаты 1789 года, гдѣ старался аффишировать свой либерализмъ и демократизмъ. Повидимому, онъ игралъ какую-то закулисную роль въ первыхъ бурныхъ движеніяхъ парижской черни въ 1789 году (разгромъ мануфактуры Ревейона, взятіе Бастиліи), на что указываетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что наканунѣ взятія Бастиліи герцогъ былъ предметомъ овацій со стороны парижской толпы (его бюстъ съ тріумфомъ носили по улицамъ). Съ возникновеніемъ якобинскаго клуба, онъ вступилъ въ число его членовъ. Въ сентябрѣ 1792 года онъ выставилъ свою кандидатуру въ депутаты Конвента и чтобы подгрѣть свою популярность въ захватившихъ въ свои руки вліяніе на выборы якобинскихъ кругахъ, обратился въ парижскую Коммуну съ просьбой дать ему другое фамильное имя взамѣнъ историческаго имени его фамиліи, какъ „дворянскаго“ и слѣдовательно противнаго постановленію Національнаго собранія, отмѣнившаго дворянство и дворянскіе титулы. Парижская Коммуна придумала для него республиканское имя Egalité, „Равенство“. Были предложены (но не приняты) также другія имена, какъ-то: „Публикола“ или „Свободенъ-Въ-Добрый-Часъ“ (Bonne-Aventure-Libre). Все это однако не спасло герцога-якобинца отъ судьбы, постигшей всѣхъ главарей террора: отъ гильотины. Не прошло и года со времени казни Людовика XVI, какъ Филиппу Эгалитэ пришлось сложить голову на той же площади Революціи и вѣроятно на томъ же самомъ эшафотѣ (6 ноября 1793 г.). О Филиппѣ Эгалитэ см.: Gazeau de Vautibault. Les d'Orléans au tribunal de l'histoire. 7 vol. Paris, 1887—1889; Comte de Montrey. Les d'Orleans devant l'histoire. Paris, 1888; Vitrac. Philippe Egalité et Monsieur Chiappini. Paris. 1907.

[2]) Документы, относящіеся къ процессу Людовика XVI, сохраняются въ парижскомъ Національномъ архивѣ (серія AD I 103—106). Наиболѣе полное собраніе оффиціальныхъ документовъ по этому дѣлу было напечатано въ 1795 году подъ заглавіемъ: Le procès de Louis XVI, ou Collection complète des opinions, discours et mémoirs des membres de la Convention nationale sur les crimes de Louis XVI. Одно изъ наиболѣе подробныхъ изложеній процесса Людовика XVI, на основаніи оффиціальныхъ документовъ и показаній современниковъ, было сдѣлано Мортиме-Терно, въ пятомъ томѣ его восьмитомнаго труда Histoire de la Terreur (Paris, 1866). См. также: G. de Beaucourt. Captivite et derniers moments de Louis XVI. Récits originaux et documents officiels. 2 vol. Paris, 1892; G. Bord. La Vérité sur la condamnation de Louis XVI (Révue de la Revolution, t. 3); L. Constant. Les grands procès politiques. Louis XVI d'après des documents authentiques. Paris, 1868; Delaporte. Le Roi martyr, Paris, 1893; Vinck d'Orp. Le meurtre du 21 Janvier 1793. Paris, 1877; Belhomme. Les Régicides. Paris, 1893; Bourloton. Comment finirent les Régicides (Correspondant, 1892);

Ближайшими слѣдствіями казни Людовика XVI были: 1) обостреніе партійной борьбы въ Конвентѣ между горой и жирондой, 2) цѣлый рядъ анти-якобинскихъ возстаній въ разныхъ частяхъ страны, наконецъ, 3) рѣзкій разрывъ Франціи со всей монархической Европой и образованіе второй коалиціи противъ Франціи.

Борьба между „горой“ и „жирондой“.

Хотя исходъ процесса короля былъ крупнымъ пораженіемъ для жиронды, она все еще составляла внушительную силу, съ которой приходилось считаться якобинской горѣ, желавшей властвовать безраздѣльно. Благодаря своей солидарности и неразборчивости въ средствахъ, а также поддержкѣ со стороны парижской Коммуны и парижской черни, якобинцамъ, дѣйствительно, удалось мало-по-малу сначала ослабить вліяніе жиронды, а потомъ и совершенно сломить ее.

Комитетъ всеобщей безопасности.

Уже въ день казни короля жиронда потерпѣла сильное пораженіе при возобновленіи состава Комитета всеобщей безопасности (Comité de sûreté générale): жирондисты были вытѣснены изъ него монтаньярами. Около двухъ недѣль спустя, по настоянію этого комитета, сдѣлавшагося якобинскимъ, онъ былъ облеченъ Конвентомъ почти неограниченными полномочіями, вплоть до права смѣщать выборныхъ чиновниковъ и арестовать „подозрительныхъ лицъ“.

Революціонный трибуналъ.

Что касается Революціоннаго трибунала (Tribunal révolutionnaire), на который возлагалась миссія „судить всякаго рода противо-революціонныя дѣянія, покушенія на свободу, равенство, единство и нераздѣльность республики и на безопасность государства“, то его значеніе, какъ политическаго боевого орудія въ лицѣ стремящейся къ закрѣпленію своего господства партіи, ясно уже изъ его наименованія, равно какъ и изъ текста декрета, характерныя выраженія котораго приведены въ этихъ строкахъ [1]). Надежность новаго трибунала обезпечивалась тѣмъ, что весь его

Welver t. Les Conventionnels régicides après la Révolution. (Revue Historique, 1897, t. 64); Du Chatellier. La mort de Louis XVI. Scènes historiques. Paris, 1875; La Morinerie. Les papiers du Temple (1792—1794). Captivité de la famille royale (Nouvelle Revue, 1884); P. Beck. Zur 21 Januar 1793 (Histor.-polit. Blätter, 1903).

[1]) Wallon. Histoire du Tribunal révolutionnaire de Paris, 6 vol. P. 1880—89; Campardon. Histoire du Tribunal révolutionnaire. Paris 1866. 2 vol.; Lenôtre. Le Tribunal révolutionnaire. Paris, 1908.

личный составъ назначался Конвентомъ, а быстрота его работы— тѣмъ, что его приговоры были безапелляціонны и подлежали немедленному исполненію. Дѣйствительность не замедлила оправдать надежды, возлагавшіяся на это учрежденіе его творцами.

Комитетъ общественнаго спасенія.

Около мѣсяца спустя якобинской горѣ удалось провести въ Конвентѣ новую мѣру, дававшую ей въ руки новое орудіе для закрѣпленія завоеванной власти; мѣра эта была—учрежденіе знаменитаго Комитета общественнаго спасенія (Comité de salut public). Въ составъ его входили девять членовъ Конвента по выбору послѣдняго, возобновляемому каждый мѣсяцъ. Первоначально на него возложено было высшее наблюденіе за военными операціями и дипломатическими сношеніями (это было какъ разъ вскорѣ послѣ измѣны Дюмурье), но вскорѣ Комитетъ, руководящая роль въ которомъ принадлежала сначала Дантону, а потомъ Робеспьеру, распространилъ свою дѣятельность и на всѣ прочія сферы правительственной дѣятельности. Не довольствуясь функціями надзора, на которыя уполномачивалъ его учредительный декретъ, Комитетъ присвоилъ себѣ настоящія правительственныя полномочія, поставивъ Временный исполнительный совѣтъ (Conseil exécutif provisoire) въ подчиненное по отношенію къ себѣ положеніе и оттѣснивши на второй планъ существовавшій съ октября 1792 года Комитетъ всеобщей безопасности. Ставши въ положеніе высшей исполнительной власти, Комитетъ общественнаго спасенія, замѣщаемый ежемѣсячно представителями большинства Конвента, сдѣлался могучимъ орудіемъ въ рукахъ господствующей партіи. Правда, большинство въ Конвентѣ не всегда послушно шло за ней, какъ это показало, напримѣръ, голосованіе 13 апрѣля, когда, по настоянію жиронды, было постановлено предать суду одного изъ крайнихъ якобинцевъ, Марата, за его рѣзкія выходки въ печати противъ жирондистской части Конвента. Но это эфемерное торжество жиронды лишь подогрѣло боевой пылъ ея противниковъ, успѣвшихъ къ тому же завладѣть такими важными боевыми позиціями, какъ Революціонный трибуналъ и парижская Коммуна, не говоря уже о послушной террористскимъ вожакамъ парижской черни.

Маратъ и парижская Коммуна.

Въ отвѣтъ на проведенное жирондистами постановленіе Конвента о преданіи суду Марата, два дня спустя, парижская Коммуна обратилась въ Конвентъ съ петиціей объ устраненіи двадцати двухъ „бриссотинцевъ“, какъ любили называть жирондистовъ ихъ противники, по имени Бриссо, одного изъ лидеровъ жиронды. Большинство Конвента отнеслось отрицательно къ этой петиціи,

обнаруживавшей слишкомъ явно стремленіе Коммуны подчинить Конвентъ своему вліянію. На почвѣ обнаруженнаго петиціей 15 апрѣля антагонизма между Коммуной и Конвентомъ жирондѣ удалось даже одержать еще одну побѣду, но эта побѣда была уже послѣднею. Парижская Коммуна, дѣйствительно, все болѣе и болѣе расширяла захватнымъ путемъ свои полномочія, и начинала разыгрывать роль второго правительства на ряду съ Конвентомъ и его двумя правительственными комитетами (Comités de gouvernement), какъ стали называть Комитетъ общественнаго спасенія и Комитетъ общей безопасности [1]). Еще въ началѣ апрѣля она организовала особый комитетъ для постоянныхъ сношеній съ провинціальными муниципалитетами. Два дня спустя послѣ упомянутой петиціи она объявляетъ себя „на революціонномъ положеніи“, а еще мѣсяцъ спустя назначаетъ собственною властью временнаго главнокомандующаго всѣхъ вооруженныхъ силъ въ Парижѣ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого акта Коммуны, жирондѣ удалось на другой день провести въ Конвентѣ постановленіе объ учрежденіи слѣдственной комиссіи по поводу незаконныхъ дѣйствій парижской Коммуны. Черезъ нѣсколько дней, по докладу комиссіи, въ составъ которой вошли наиболѣе боевые члены жиронды, Конвентъ декретировалъ усиленіе своей вооруженной стражи
Эберъ. и арестъ Эбера (Hébert), одного изъ вліятельныхъ членовъ Коммуны [2]). Когда на другой день въ Конвентъ явилась депутація Коммуны съ петиціей объ освобожденіи Эбера, то предсѣдатель-
Инаръ. ствующій въ этомъ засѣданіи Инаръ (Isnard), одинъ изъ лидеровъ жиронды, въ своемъ отвѣтѣ произнесъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „Если, благодаря не прекращающимся волненіямъ, будетъ нанесенъ ущербъ національному представительству, то я заявляю вамъ отъ имени всей Франціи, что скоро придется разыскивать на берегахъ Сены то мѣсто, гдѣ былъ Парижъ...“ Эти слова, въ которыхъ былъ такъ выпукло выраженъ антагонизмъ, существовавшій между якобинской идеей централизаціи, основанной на господствѣ Парижа надъ всей страной, и жирондистскимъ идеаломъ областной свободы, не замедлили использовать якобинскіе агитаторы, для того чтобы еще болѣе подогрѣть

---

[1]) Aulard. Le Comité de salut public (Révol. fr. 1890, t. 18); Gros. Le Comité de salut public de la Convention nationale. Paris, 1893; Métin. Les origines du Comité de sûreté générale de la Convention nationale. (Rév. fr., t. 28); Villeneuve. L'anarchie et le Comité de salut public en 1793. Paris, 1885; Marcel Navarre. Le Comité de salut public. Paris, 1909. См. также указанныя въ началѣ главы документальныя изданія Олара и Лескюра.

[2]) D'Estrée. Hébert et la Commune de Paris (1792—1794). Paris, 1908.

возбужденіе парижской черни противъ жирондистовъ, которыхъ теперь легко было, ссылаясь на подлинныя слова одного изъ ихъ лидеровъ, выставить недругами Парижа, и врагами парижскаго „народа“. Про жирондистовъ, кромѣ того, распространялись слухи, что они находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ внѣшними врагами.

Какъ бы то ни было, на почвѣ возбужденія парижской черни противъ жирондистовъ якобинскимъ вожакамъ удалось произвести тотъ переворотъ, безъ котораго они чувствовали себя безсильными окончательно сломить своихъ противниковъ и овладѣть безраздѣльно властью. Переворотъ этотъ, состоявшій изъ двухъ актовъ, былъ дѣло знаменитыхъ „дней“ (journées) 31 мая и 2 іюня [1]). Переворотъ 31 мая и 2 іюня 1793 г.

Переворотъ этотъ былъ результатомъ правильно организованнаго заговора, руководимаго особымъ инсуррекціоннымъ комитетомъ изъ представителей парижскихъ секцій, хозяевами которыхъ были наиболѣе рьяные якобинцы.

По распоряженію этого самозваннаго комитета въ ночь на 31 мая были закрыты городскія заставы. Раннимъ утромъ раздался набатъ, сопровождавшійся пушечными выстрѣлами. Изо всѣхъ секцій сбѣгаются къ городской ратушѣ вооруженныя толпы, подъ покровомъ которыхъ инсуррекціонный комитетъ кассируетъ Коммуну и немедленно же возстановляетъ ее, какъ облеченную полномочіями отъ „революціоннаго народа“. Подобная же операція производится съ Директоріей парижскаго департамента. Назначается новый временный главнокомандующій парижскихъ вооруженныхъ силъ, одинъ изъ заслуженныхъ „сентябризаторовъ“, Анріо (Hanriot), изъ бывшихъ лакеевъ и уличныхъ шарлатановъ. Подъ его предводительствомъ толпа двигается къ Конвенту, окружаетъ его, многіе врываются въ самый залъ засѣданія. Вслѣдъ затѣмъ является въ Конвентъ депутація отъ парижской Коммуны съ требованіемъ упраздненія слѣдственной комиссіи и ареста двадцати двухъ депутатовъ жиронды. Это неслыханное требованіе не должно было, однако, представляться неожиданнымъ послѣ того, что самъ же Конвентъ постановилъ въ началѣ апрѣля временную пріостановку дѣйствія закона о личной неприкосновенности депутатовъ, и жирондисты не нашли тогда нужнымъ помѣшать (хотя и могли это сдѣлать) принятію этого постановленія, первое при- Анріо.

---

[1]) Wallon. La Révolution du 31 mai 1793, ou la France vaincue par la Commune de Paris. 2 vol. Paris, 1886; Corre, A. Le procès de Louis XVI et la révolution du 31 mai, d'après la correspondance de Blad, député à la Convention nationale (Révolution f., t. 29); Dulaure. Fragments des souvenirs sur les journées du 31 mai et du 2 juin. Paris, 1846.

мѣненіе котораго на практикѣ имъ предстояло испытать на себѣ самихъ. Большинство собранія нашло въ себѣ, однако, достаточно мужества, для того чтобы отвѣтить отказомъ на требованіе объ арестѣ депутатовъ, несмотря на оказанную послѣднему поддержку со стороны Робеспьера. Депутаціи Коммуны было дано частичное удовлетвореніе: постановлено упразднить слѣдственную комиссію, послѣ чего толпа мирно разошлась. Однако главари анти-жирондистскаго заговора остались неудовлетворенными столь скромной побѣдой и рѣшили довести до конца начатое дѣло. 2 іюня была организована „дополнительная революція“, къ участію въ которой была привлечена на этотъ разъ часть національной гвардіи. Сопровождаемые вооруженной толпой, нѣсколько батальоновъ гвардіи, въ полномъ вооруженіи, съ заряженными пушками, окружили Тюильри, гдѣ засѣдалъ Конвентъ. Въ такой обстановкѣ явилась снова депутація парижской Коммуны съ требованіемъ объ арестѣ 22 жирондистовъ. Когда во время начавшихся бурныхъ дебатовъ нѣкоторые изъ депутатовъ, въ томъ числѣ одинъ изъ членовъ Комитета общественнаго спасенія, попытались выйти, они натолкнулись на вооруженныхъ людей, которые грубо преградили имъ выходъ. Такое насиліе надъ народнымъ представительствомъ возмутило даже многихъ депутатовъ, не сочувствовавшихъ жирондистамъ; противъ него протестовалъ и предсѣдатель собранія, Эро-де-Сешелль (Héraut de Séchelles), принадлежавшій къ числу якобинцевъ. По предложенію Барера, предсѣдатель потребовалъ въ залу для объясненія командира національной гвардіи, Анріо, но этотъ бывшій лакей отвѣтилъ гордымъ отказомъ. Когда, послѣ этого, по предложенію того же Барера, Конвентъ рѣшилъ выйти изъ зданія въ полномъ составѣ, во главѣ съ предсѣдателемъ, то Анріо скомандовалъ: „Канониры, къ орудіямъ!“ и грубо заявилъ народнымъ представителямъ, что не выпуститъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ исполнено требованіе объ арестѣ 22 депутатовъ. Конвентъ не только повиновался и въ немедленно возобновленномъ засѣданіи постановилъ исполнить предъявленное къ нему требованіе, которое онъ только что отвергъ съ негодованіемъ, какъ унизительное, но и простеръ свое усердіе въ раболѣпіи передъ толпой до того, что къ предъявленному списку 22 депутатовъ присоединилъ еще семерыхъ депутатовъ. Всѣ 29 были объявлены „временно лишенными“ своихъ депутатскихъ полномочій и подвергнуты домашнему аресту.

Эро-де-Сешелль.

Переворотъ 2 іюня, закончившій „революцію“ 31 мая, былъ съ одной стороны—побѣдой парижской революціон-

Значеніе переворота 31 мая и 2 іюня 1793 г.

ной Коммуны надъ національнымъ Конвентомъ и въ извѣстномъ смыслѣ побѣдой Парижа надъ Франціей, съ другой — торжествомъ уличной толпы надъ національнымъ представительствомъ, наконецъ — побѣдой якобинскаго меньшинства въ Конвентѣ надъ жирондистскимъ большинствомъ. Заслуживаетъ вниманія еще одна новая сторона въ этомъ событіи: это—вторженіе регулярной вооруженной силы, какъ рѣшающаго фактора, въ вопросы партійной политической борьбы. „День“ 2 іюня 1793 года носитъ уже до извѣстной степени характеръ военнаго переворота и въ этомъ смыслѣ является предвѣстникомъ другого, болѣе глубокаго и болѣе богатаго послѣствіями переворота 18 брюмера, о которомъ намъ придется говорить ниже.

Анти-якобинскія возстанія.

Причины возстаній.

Общей основой анти-революціонныхъ или точнѣе—анти-якобинскихъ движеній 1793 года было негодованіе, вызванное въ широкихъ слояхъ французскаго населенія, продолжавшаго въ своей массѣ оставаться преданнымъ монархіи, казнью короля. Тамъ, гдѣ къ этому настроенію присоединялись еще другіе поводы для недовольства якобинскимъ правительствомъ, тамъ дѣло доходило до вооруженнаго сопротивленія послѣднему. Такъ было, прежде всего, въ Бретани и сосѣднихъ съ нею областяхъ Анжу и Пуату, гдѣ къ оскорбленному монархическому чувству присоединилось оскорбленное религіозное чувство. Населеніе названныхъ областей отличалось глубокою религіозностью, а духовенство пользовалось среди него большимъ уваженіемъ и вліяніемъ. Преслѣдованіе, которому подвергались священники, не желавшіе подчиниться предписанію о гражданской присягѣ, а такихъ было подавляющее большинство, казалось какъ имъ самимъ, такъ и ихъ паствѣ, гоненіемъ на религію. Какъ въ былое время гугеноты, такъ теперь католики, желавшіе остаться вѣрными своей вѣрѣ, какъ они ее понимали, были принуждены, вмѣстѣ съ своими священниками, скрываться въ потайныхъ мѣстахъ для отправленія церковнаго богослуженія, всегда подъ страхомъ быть открытыми якобинской полиціей, либо доброхотными шпіонами, и попасть подъ судъ революціоннаго трибунала, какъ заговорщики и „контръ-революціонеры“. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, гоненія лишь экзальтировали религіозное чувство, придавали ему повышенную энергію и

вмѣстѣ—доводили до крайней остроты раздраженіе противъ гонителей. Такова была та почва, на которой вспыхнуло знаменитое вандейское возстаніе. Сигналомъ къ возстанію послужили операціи по набору рекрутъ, декретированному конвентомъ 24 февраля 1793 года. Возстаніе вспыхнуло одновременно во многихъ мѣстностяхъ названныхъ провинцій, въ области нижней Луары, въ воскресенье 10 марта, когда была назначена явка призывныхъ въ сборные пункты. Съ криками „долой республику!“ собравшаяся крестьянская молодежь набросилась на чиновниковъ, избила ихъ и прогнала. Вооружились, кто чѣмъ могъ. Вооруженныя толпы стали соединяться въ болѣе крупные отряды; такъ образовалась первая вандейская или, какъ она себя называла, „христіанская армія“, въ которой священники являлись въ роли если не предводителей, то руководителей. Военные предводители вскорѣ явились изъ среды мѣстныхъ дворянъ. Въ массѣ своей мѣстное дворянство, жившее на своихъ родовыхъ земляхъ, вело скромный, патріархальный, зачастую трудовой образъ жизни (многіе бѣдные дворяне сами пахали землю и жили по-крестьянски), и между дворянствомъ и крестьянствомъ въ Вандеѣ не существовало такого взаимнаго отчужденія и антогонизма, какое наблюдалось въ большинствѣ другихъ областей, гдѣ дворянство обыкновенно не жило на своихъ земляхъ и лишь эксплуатировало ихъ, какъ доходную статью, либо черезъ своихъ приказчиковъ, либо черезъ арендаторовъ, и гдѣ взаимныя отношенія между дворянствомъ и крестьянствомъ складывались почти исключительно на почвѣ тягостныхъ, иногда унизительныхъ и во всякомъ случаѣ глубоко ненавистныхъ для крестьянина „феодальныхъ повинностей“ (droits féodaux). Примкнувшіе къ возстанію дворяне, для которыхъ религіозный вопросъ не имѣлъ такого преобладающаго значенія, какъ для крестьянъ, не замедлили подчеркнуть политическій характеръ движенія. Это выразилось, между прочимъ, въ переименованіи повстанческихъ вооруженныхъ силъ изъ „христіанской арміи“ въ „католическо-королевскую“.

Начало вандейскаго возстанія.

Съ быстротой лавины возстаніе охватило большую часть Бретани и часть сосѣднихъ областей Анжу и Пуату. Характерно, что города остались въ сторонѣ отъ движенія; но нѣкоторые изъ нихъ были захвачены повстанцами. Такъ началось знаменитое вандейское возстаніе [1]).

---

[1]) Исторія вандейскаго возстанія имѣетъ чрезвычайно обширную литературу. Приводимъ заглавія важнѣйшихъ сочиненій. Ch. Chassin. Etudes docu-

Занятое внѣшней войной, правительство не могло послать значительныхъ военныхъ силъ для подавленія возстанія, а мелкіе военные отряды терпѣли пораженія при встрѣчѣ съ вандейцами. Въ іюнѣ повстанцы захватили значительный городъ на Луарѣ Сомюръ, а двѣ недѣли спустя овладѣли городомъ Анжеромъ, столицей области Анжу, послѣ чего атаковали Нантъ, второй по величинѣ городъ въ Бретани и важный морской портъ. Правда, здѣсь вандейцы потерпѣли неудачу и даже потеряли своего „генералиссимуса“, Катлино, но это отнюдь не ослабило ихъ инсуррекціонной энергіи, и въ началѣ іюля они нанесли пораженіе высланному противъ нихъ Конвентомъ генералу Вестерману. Раздраженный до крайности упорнымъ сопротивленіемъ повстанцевъ и напуганный цѣлымъ рядомъ анти-якобинскихъ движеній въ другихъ частяхъ Франціи, Конвентъ, въ которомъ послѣ насильственнаго устраненія наиболѣе видныхъ жирондистовъ, якобинскіе террористы стали полными хозяевами, послалъ двухъ ярыхъ якобинцевъ, облеченныхъ генеральскими полномочіями, съ порученіемъ подавить возстаніе огнемъ и мечемъ, превративъ, если окажется нужнымъ, всю область въ сплошную пустыню. Въ декабрѣ 1793 года были раздавлены главныя силы вандейцевъ. Но и послѣ этого долго еще держались отдѣльными шайками наиболѣе энергичные и непримиримые изъ повстанцевъ, которые, избѣгая открытаго столкновенія съ правительственными войсками, и оставаясь неуловимыми для нихъ, продолжали вести партизанскую войну. Часть повстанцевъ получила названіе шануновъ по прозвищу одного изъ своихъ предводителей (Жанъ Шуанъ, настоящее же имя его Коттеро).

Подавленіе возстанія

Шуаны.

Для того, чтобы окончательно потушить возстаніе, Конвентъ вынужденъ былъ пойти на уступки. Въ концѣ 1794 года была объявлена амнистія всѣмъ тѣмъ изъ повстанцевъ, которые положатъ оружіе въ теченіе мѣсяца. Вскорѣ послѣ этого, въ началѣ 1795 года, уполномоченными генералами правительственныхъ войскъ были подписаны мирные договоры съ вождями повстанцевъ. Однако этотъ миръ оказался въ дѣйствительности лишь перемиріемъ. Лѣтомъ того же года, въ связи съ попыткой французскихъ эмигран-

---

mentaires sur la Révolution française. La préparation de la guerre de Vendée (1789—1793). 3 vol. Paris, 1892; Chassin. Etudes documentaires. La Vendée patriote (1793—1800). 4 vol. Paris, 1893—1895; Chassin. Etudes documentaires. Les pacifications de l'Ouest (1794—1901). 3 vol. Paris, 1896—1899; Crétineau-Joly. Histoire de la Vendée militaire. Paris, 1895—1896, 5 vol.; Boguslawski. Der Krieg der Vendée gegen die franz. Respublik. Berlin, 1894; C. Port. La Vendée Angevine d'après des documents inédits, 2 vol., 1888; Baguenier-Desormeaux. Mémoires et documents concernant les guerres de la Vendée. Angers, 1896; Michelot Moulin. Mémoires sur la Chouannerie normande. Paris, 1893.

Киберонъ. товъ высадиться, при содѣйствіи англійскаго флота, на берегахъ Бретани, вандейцы снова подняли оружіе подъ предводительствомъ одного изъ своихъ бывшихъ вождей, Шаретта, возведеннаго претендентомъ на французскій престолъ, братомъ Людовика XVI, Людовикомъ XVIII, въ чинъ „генералиссимуса королевской арміи“. Но эта послѣдняя вспышка возстанія была непродолжительна; она была обречена на полную неудачу уже въ самомъ началѣ, такъ какъ главная опора, на которую оно могло разсчитывать, высадившійся въ Бретани отрядъ эмигрантовъ (три полка) былъ уничтоженъ генераломъ Гошемъ немедленно послѣ высадки на берегъ; тѣ изъ высадившихся, кто избѣжалъ смерти въ бою, попали всѣ въ плѣнъ и были немедленно разстрѣляны [1]).

Возстанія въ городахъ. Вслѣдъ за вандейскимъ возстаніемъ и частью въ самый разгаръ послѣдняго цѣлый рядъ подобныхъ же анти-якобинскихъ движеній возникаетъ, одно вслѣдъ за другимъ, въ разныхъ концахъ Франціи, преимущественно на югѣ и юго-западѣ. Но въ отличіе отъ чисто деревенскаго, крестьянскаго характера вандейскаго движенія, въ другихъ одновременныхъ возстаніяхъ очагами движенія являются наиболѣе крупные изъ провинціальныхъ городскихъ центровъ: Ліонъ, Марсель, Бордо. Эти чисто городскія движенія были совершенно лишены той религіозной окраски, которой было отмѣчено вандейское возстаніе. Наконецъ, эти городскія и чисто политическія возстанія не имѣли также и того ярко монархическаго характера, какимъ отличалось вандейское движеніе. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ въ Ліонѣ и Тулонѣ, роялистамъ удавалось пріобрѣсти руководящую роль, то въ общемъ эти городскія возстанія носили не столько монархическій, антиреспубликанскій, сколько жирондистскій и федералистскій, анти-якобинскій характеръ. Лозунгомъ движенія было (за отмѣченными исключеніями) не уничтоженіе республики и возстановленіе монархіи, а сверженіе диктатуры якобинскаго Парижа во имя областной свободы. Въ сущности эти возстанія

---

[1]) Ch. Chassin. Le général Hoche à Quiberon. Paris, 1897; Closmadeuc. Quiberon, 1795. Paris, 1869; C. Robert. Expédition des Emigrés à Quiberon, 1795. Paris, 1889; La Garrec. Quiberon. Auray, 1895; A. Nettement. Quiberon. Souvenirs du Morbihan. Paris, 1869; Mémoires sur les guerres de la Vendée et l'expédition de Quiberon, avec introduction, notes et notices par M. de Lescure. Paris, 1877; H. Maze. Hoche en Vendée. Paris, 1882.—О французскихъ эмигрантахъ въ эпоху революціи: H. Forneron. Histoire générale des Emigrès pendant la Révolution française. 3 vol. Paris, 1884—1890; Ernest Daudet. Histoire de l'Emigration pendant la Révolution francaise. 3 vol. Paris, 1906; Mémoires sur l'émigration (1791—1800), avec introduction, notices et notes par M. de Lescure. Paris, 1877.

были прямымъ отраженіемъ и непосредственнымъ продолженіемъ въ областяхъ той борьбы, которая велась въ Конвентѣ между централистами-якобинцами и федералистами-жирондистами. Возстанія эти начались частью до парижскаго переворота 31 мая—2 іюня, но большею частью послѣ него и, именно, какъ протестъ противъ этого переворота.

Ліонское возстаніе.

Первымъ поднялся Ліонъ, второй послѣ Парижа городъ по цифрѣ населенія [1]). За нѣсколько дней до переворота 31 мая и 2 іюня здѣсь произошли аналогичныя по своей внѣшней обстановкѣ событія, но только въ противоположномъ направленіи. Здѣсь образовался заговоръ противъ якобинской Коммуны, при чемъ вожакамъ анти-якобинскаго движенія удалось привлечь на свою сторону большинство городскихъ секцій. Они нашли себѣ поддержку также со стороны департаментской администраціи. Послѣ кровопролитной уличной битвы, городская ратуша была взята соединенными силами жирондистовъ и роялистовъ. Якобинская Коммуна была кассирована и замѣнена роялистско-жирондистской. Парижскій переворотъ 2 іюня послужилъ сигналомъ къ подобнымъ же анти-якобинскимъ революціямъ на югѣ и юго-западѣ. Часть подпавшихъ подъ декретъ 2 іюня жирондистскихъ депутатовъ бѣжали въ свои департаменты и здѣсь стали во главѣ анти-якобинскаго движенія. Первымъ поднялся департаментъ Жиронды во главѣ съ городомъ Бордо [2]). 7 іюня департаментъ объявилъ себя въ „состояніи возстанія“, декретировалъ немедленное сформированіе департаментскаго войска и объявилъ о предстоящемъ созывѣ новаго національнаго Конвента въ Буржѣ. Жирондистскіе агитаторы пытались привлечь къ возстанію сосѣдніе департаменты, но ихъ усилія разбились о противодѣйствіе многочисленныхъ мѣстныхъ якобинскихъ клубовъ. Благодаря этому, возстаніе на родинѣ жирондистовъ было скоро подавлено Конвентомъ.

Возстаніе въ Бордо.

Возстаніе на Югѣ.

На югѣ вѣсть о парижскомъ переворотѣ 2 іюня послужила сигналомъ къ возстанію въ Марселѣ, въ Нимѣ, въ Авиньонѣ, въ Тулонѣ. Марсельцы даже послали военный отрядъ для подкрѣпленія инсургентовъ Нима и Ліона, но онъ принужденъ былъ возвратиться, встрѣтившись съ болѣе сильнымъ правительствен-

---

[1]) О ліонскомъ возстаніи: A. Duvand. L'insurrection et le siège de Lyon en 1793 (Révolution francaise, t. 8—12): A. Metzger. Lyon en 1793. Le siège. Lyon, 1884; Salomon de la Chapelle. Documents sur la révolution de Lyon et ses environs sous la terreur. Paris, 1885.

[2]) Vivie, A. Historie de la terreur à Bordeaux. 2 vol. Bordeaux 1877.

нымъ отрядомъ, который 25 іюня вступилъ побѣдителемъ въ Марсель [1]).

Гораздо труднѣе было справиться съ возстаніемъ въ Ліонѣ и Тулонѣ. Ліонъ удалось заставить сдаться только послѣ усиленной бомбардировки и двухмѣсячной осады, въ октябрѣ 1793 года.

Возстаніе Тулона.

Еще болѣе упорное сопротивленіе оказалъ военно-портовый городъ Тулонъ [2]). Повстанцы, нашедшіе здѣсь поддержку со стороны военнаго флота, организовали настоящую контръ-революцію, получившую здѣсь ярко-роялистскій характеръ. Вожаки якобинцевъ были заключены въ тюрьмы и частью погибли, сложивъ свои головы на эшафотѣ. Малолѣтній сынъ Людовика XVI былъ провозглашенъ королемъ подъ именемъ Людовика XVII [3]). Въ концѣ августа въ помощь повстанцамъ явился англійскій флотъ, который именемъ короля Людовика XVII занялъ тулонскій портъ. Сопротивленіе Тулона удалось сломить лишь къ концу 1793 года, послѣ продолжительной осады и бомбардировки, которой руководилъ, за выбытіемъ изъ строя раненаго командира артиллеріи Даммартена, „гражданинъ Бонапартъ, образованный капитанъ“, какъ аттестовалъ будущаго императора въ своемъ донесеніи Конвенту одинъ изъ его уполномоченныхъ. Послѣ этого въ Тулонѣ, какъ раньше въ Бордо, Ліонѣ, Марсели, водворилось безраздѣльное господство якобинецевъ, которое поддерживалось при помощи гильотины.

Такимъ образомъ, анти-якобинскія возстанія, охватившія въ теченіе лѣта 1793 года около двухъ третей всѣхъ департаментовъ, были къ концу года совершенно подавлены всюду, за исключеніемъ продолжавшей безплодную борьбу Вандеи да отдаленной Корсики, которая воспользовалась внутренними смутами во Франціи, для того чтобы попытаться возвратить себѣ былую національную независимость. Впрочемъ, свободолюбивымъ островитянамъ пришлось вскорѣ убѣдиться въ невозможности отстоять свою

Корсика.

---

[1]) Rouvière, F. Histoire de la Révolution française dans le département du Gard. T. III. La Convention nationale. Le fédéralisme. Nimes, 1888.

[2]) Cottin. Toulon et les Anglais en 1793. Paris. 1898.

[3]) A. de Beauchesne. Louis XVII, sa vie, son agonie, sa mort. 2 vol. Paris. 1866; P. A. Changeur. Louis XVII, sa vie, son martyre. Paris, 1896; Régis Chatelauze. Louis XVII, son enfance, sa prison et sa mort au Temple d'après des documents inédits. Paris, 1884; Delrozay. La question Louis XVII. Lyon. 1890; Auguste Dide. La légende de Louis XVII (Révolution fr., t. 3); Otto Friedrichs. Un crime politique. Etude historique sur Louis XVII. Bruxelles, 1884; W. Gabler. Ludwig XVII. Eine historische Streitfrage und ihre Lösung. Prag, 1897; Le Normant des Varannes. Histoire de Louis XVII d'après des documents inédits. Orléans, 1890; Ad. Lanne. Louis XVII et le secret de la Révolution. S. d. Paris, s. d. (недавно вышедшее соч.).

независимость собственными силами; они отдались подъ покровительство Англіи, и англійскій король принялъ корсиканскую корону. Но вскорѣ блестящіе успѣхи и быстро растущая слава ихъ соотечественника Бонапарта во Франціи настолько усилили въ населеніи тяготѣніе къ Франціи, что уже въ концѣ 1796 года англичане сочли болѣе благоразумнымъ добровольно очистить островъ, который послѣ того безъ сопротивленія отдался Франціи [1]).

Водвореніе якобинскаго террора.

Подавленіе областныхъ возстаній сопровождалось всюду водвореніемъ якобинскаго террора, возведеннаго въ настоящую систему, въ режимъ.

Организація террора.

Новая чистка администраціи.

Послѣ переворота 2 іюня якобинцы сдѣлались безраздѣльными хозяевами Конвента. Для закрѣпленія и поддержанія завоеванной власти они имѣли къ своимъ услугамъ созданные раньше органы: Комитетъ общественнаго спасенія съ Комитетомъ всеобщей безопасности и Революціоннымъ трибуналомъ—въ Парижѣ, и уполномоченныхъ Конвента въ областяхъ. Замѣстивши эти учрежденія и должности своими, якобинцы Конвента принялись, не теряя времени, за „очистку“ администраціи на мѣстахъ—тамъ, гдѣ, по своему составу, несмотря на прежнюю чистку, она не отвѣчала ихъ видамъ. Якобинцы сами хвастались, что замѣстили „своими“ до девяти тысячъ мѣстъ въ администраціи. Якобинскіе клубы сдѣлались, по оффиціальному выраженію, настоящими „разсадниками чиновничества“. Подобной же чисткѣ подверглись и выборные муниципалитеты, при чемъ послѣдніе были поставлены подъ надзоръ мѣстныхъ „наблюдательныхъ комитетовъ“ (comités de surveillance) изъ наиболѣе надежныхъ якобинцевъ. Выборныя управленія департаментовъ были точно такъ же поставлены подъ ближайшій контроль Конвента чрезъ посредство вновь учрежденныхъ (въ концѣ 1793 г.) особыхъ чиновниковъ, такъ называемыхъ національныхъ агентовъ (agents nationaux). Эти назначаемые правительствомъ, по представленію мѣстныхъ уполномоченныхъ Конвента, чиновники замѣнили собою выборныхъ старшинъ департаментовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были „временно“ упразднены въ департаментахъ выборные Совѣты. Такимъ образомъ, введенное

Наблюдательные комитеты.

Національные агенты

[1]) Fleury-Bergier. L'île de Corse (1736—1800) (Mém. de l'Académie de Besançon, 1894); Maurice Jollivet. La Révolution française en Corse. Paris, 1892; Procès-verbaux des Séances du parlement anglo-corse (1795—1796) (Bull. de la Soc... Corse, 1891—92).

конституціей 1791 года мѣстное выборное самоуправленіе было замѣнено бюрократической централизаціей, несравненно болѣе деспотической, чѣмъ уничтоженная Учредительнымъ собраніемъ администрація интендантовъ. Гнетъ этой новой бюрократической централизаціи былъ тѣмъ чувствительнѣе, что она была чисто партійная и потому нетерпимая и тираническая. Это была организованная диктатура партіи надъ страной. Навязанная странѣ насильственными средствами, эта якобинская диктатура могла держаться лишь дальнѣйшими насиліями и мѣрами устрашенія, словомъ—терроромъ.

Въ концѣ іюля Конвентъ объявилъ внѣ закона, то-есть подлежащими умерщвленію безъ суда, тѣхъ изъ жирондистскихъ депутатовъ, которые принимали участіе въ возстаніи департаментовъ.

Далѣе, подъ вліяніемъ продолжающихся возстаній и внѣшнихъ неудачъ [1]), а также подъ впечатлѣніемъ убійства Марата Шарлоттою Кордэ (13 іюля 1793 г.) [2]), Конвентъ издаетъ въ началѣ августа цѣлый рядъ свирѣпыхъ декретовъ: о ссылкѣ (въ принципѣ) всѣхъ Бурбоновъ, разрушеніи королевскихъ гробницъ въ Сенъ-Дени, конфискаціи имуществъ лицъ, объявленныхъ внѣ закона, закрытіи парижскихъ заставъ и массовыхъ арестахъ „подозрительныхъ“. Немного спустя Конвентъ декретируетъ принудительный заемъ съ наиболѣе состоятельныхъ гражданъ въ размѣрѣ одного милліона, то-есть частичную конфискацію ихъ имуществъ.

Шарлотта Кордэ

«Терроръ на очереди».

Въ засѣданіи 5 сентября Конвентъ „ставитъ терроръ на очередь“ (la terreur à l'ordre du jour) и декретируетъ сформированіе особой „революціонной арміи“ для борьбы съ „контръ-революціонерами“ и для обезпеченія Парижа съѣстными припасами, то-есть для насильственнаго захвата съѣстныхъ продуктовъ у окрестныхъ сельскихъ хозяевъ. Въ Парижѣ солдаты революціонной арміи, за отсутствіемъ вооруженнаго сопротивленія со стороны контръ-революціонеровъ, занимались главнымъ образомъ разгромомъ церквей, которыя якобинцами считались очагами контръ-революціи. Что же касается снабженія Парижа съѣстными припасами, то содѣйствіе вооруженной силы являлось для этого необходимымъ въ силу того, что на хлѣба и прочіе припасы была установлена Конвентомъ произвольная такса ниже дѣйстви-

---

[1]) См. ниже, гл. IV.

[2]) Charlotte Corday et les Girondins, pièces classées et annotées par Charles Vatel. 3 vol. Paris, 1864—1872; Cheron de Villiers. Vie de Charlotte Corday. Paris, 1865.

тельной стоимости продуктовъ, результатомъ чего было прекращеніе подвоза послѣднихъ въ столицу. Одновременно съ этимъ было декретировано денежное вознагражденіе гражданамъ, посѣщающимъ собранія секцій. Смыслъ этой мѣры легко понять, если принять во вниманіе, что, какъ въ моментъ переворота 2 іюня, такъ и позднѣе якобинцы опирались главнымъ образомъ именно на ту вооруженную толпу, которая собиралась въ секціяхъ.

На первыхъ же порахъ усиленнаго примѣненія террора Революціонный трибуналъ, несмотря на свое ускоренное судопроизводство, оказался не въ силахъ справиться съ своимъ дѣломъ. Въ виду этого онъ былъ раздѣленъ на четыре секціи, которыя должны были судить одновременно.

Декретъ о «подозрительныхъ».

17 сентября Конвентомъ былъ принятъ знаменитый декретъ о „подозрительныхъ“ (suspects), одинъ изъ самыхъ жестокихъ актовъ террористическаго законодательства. Въ силу этого декрета подлежали немедленному задержанію всѣ подозрительные. Къ разряду подозрительныхъ декретъ относилъ вообще всѣхъ тѣхъ, которые, „своимъ ли поведеніемъ, своими ли знакомствами, наконецъ—своими рѣчами или сочиненіями, выказали себя приверженцами тираніи или федерализма и врагами свободы“. Въ частности, подозрительными объявлялись „всѣ тѣ изъ старинныхъ дворянъ, которые не заявили себя неизмѣнной преданностью революціи“. Если принять во вниманіе, что примѣненіе этого страшнаго въ своей неопредѣленности закона было возложено на состоявшіе изъ крайнихъ якобинцевъ революціонные комитеты (другое названіе для наблюдательныхъ комитетовъ), то легко понять, какимъ тяжелымъ кошмаромъ нависла надъ страной якобинская тиранія. Вѣдь всякое слово не то чтобы протеста, а простого неодобренія по адресу правительства и даже любого мѣстнаго якобинскаго комитета, даже отдѣльнаго якобинца, могло быть достаточнымъ для признанія человѣка „подозрительнымъ“, слѣдовательно—для ареста и преданія суду Революціоннаго трибунала, что въ большинствѣ случаевъ было равносильно смертному приговору.

3 октября Конвентъ постановилъ предать суду Революціоннаго трибунала арестованныхъ депутатовъ-жирондистовъ и прочихъ „федералистовъ“, числомъ 41, а также и „вдовы Капетъ“, то-есть бывшей королевы Маріи-Антуанетты.

Разрушеніе Ліона.

По полученіи извѣстія о подавленіи ліонскаго возстанія Конвентъ принялъ слѣдующее лаконическое постановленіе (12 октября): „Городъ Ліонъ будетъ разрушенъ. Всѣ жилища богатыхъ будутъ сравнены съ землей. Не будетъ ничего оставлено, кромѣ

хижины бѣдняка, жилищъ погибшихъ или изгнанныхъ патріотовъ, зданій, спеціально предназначенныхъ для потребностей промышленности, и памятниковъ, посвященныхъ человѣчеству и народному просвѣщенію. Имя Ліона будетъ вычеркнуто изъ списка городовъ республики. Совокупность оставшихся въ цѣлости домовъ будетъ отнынѣ именоваться Освобожденнымъ-Городомъ (Ville-Affranchie)". Во исполненіе этого постановленія лучшіе кварталы второго послѣ Парижа города во Франціи въ нѣсколько дней были превращены въ груды развалинъ. Все сколько-нибудь зажиточное населеніе, вмѣстѣ съ главарями востанія, искали спасенія въ бѣгствѣ, но большинство попали въ руки побѣдителей. Такъ какъ гильотина не успѣвала работать, то для ускоренія расправы съ контръ-революціонерами прибѣгли къ „митральядамъ". Выкапывали большой ровъ, на края котораго ставили толпу предназначенныхъ къ разстрѣлу, и сметали ее въ ровъ картечью. Сколько людей было уложено такимъ образомъ, въ точности неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ количество разстрѣлянныхъ исчислялось тысячами [1]).

Каррье въ Нантѣ.

Посланный Конвентомъ для искорененія контръ-революціи въ Нантъ уполномоченный Каррье, находя работу гильотины недостаточно быстрой, распорядился нагрузить нѣсколько лодокъ „разбойниками" (вандейцами) и неприсяжными священниками, и выведя ихъ на средину Луары, потопить вмѣстѣ съ привязанными къ нимъ пассажирами. Аналогичныя сцены имѣли мѣсто въ Анжерѣ. Подобное изувѣрство возмутило даже большинство Конвента, и Каррье былъ отозванъ въ февралѣ слѣдующаго года, послѣ того, впрочемъ, какъ онъ успѣлъ обезглавить, разстрѣлять и потопить нѣсколько тысячъ человѣкъ [2]).

Процессъ жирондистовъ.

24 октября начался процессъ жирондистскихъ депутатовъ. Процессъ грозилъ затянуться, въ виду многочисленности вызванныхъ свидѣтелей. 29 октября якобинскій клубъ обратился въ Конвентъ съ петиціей объ „освобожденіи трибунала отъ формальностей, заглушающихъ совѣсть судей и сбивающихъ ихъ съ толку". Въ удовлетвореніе просителей, Конвентъ предоставилъ Революціон-

---

[1]) Maurice Wahl. Joseph Chalier. Etude sur la Révolution française à Lyon (Révolution fr., t. 34).

[2]) Caillé, D. Carrier à Nantes. (Annales de la Société acad. de Nantes 1895); Dugast-Matifeux. Carrier à Nantes. Précis de la conduite patriotique et révolutionnaire des citoyens de Nantes en réponse aux inculpations de Carrier, Robespierre et Jullien. Nantes, 1885; Fleury. Les grands terroristes. Carrier à Nantes (1793—1794). Paris. 1897; Lallié, A. Etudes sur la Terreur. Les fusillades de Nantes (1793 — 1794) (R. de Bretagne et Vendée, 1882); Lallié, A. Les Noyades de Nantes. Nantes, 1878.

ному трибуналу выносить приговоръ, не доводя до конца судебнаго слѣдствія, если присяжные заявятъ, что находятъ достаточно выясненнымъ дѣло. Подобранные изъ крайнихъ террористовъ присяжные поспѣшили воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, и выслушавши обвиняемыхъ, признали ихъ виновными въ „заговорѣ противъ единства и нераздѣльности республики, противъ блага и безопасности французскаго народа“. Всѣ подсудимые, числомъ 21, были приговорены къ смертной казни.

Массовыя казни.

Съ тѣхъ поръ гильотина, установленная на площади Революціи, не убиралась вплоть до сверженія якобинскаго правительства 9—10 термидора. Казни получили массовый характеръ. Въ виду упрощенія и сокращенія судопроизводства, Революціонный трибуналъ заработалъ настолько быстро, что одной гильотины оказалось вскорѣ недостаточно, и пришлось поставить другую—на площади Націи. Всего до 9 термидора было казнено въ Парижѣ до трехъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ Марія-Антуанета (16 октября 1793 г.) [1]), г-жа Роланъ (8 ноября) [2]), герцогъ Филиппъ Орлеанскій (9 ноября) [3]), нѣсколько бывшихъ депутатовъ и министровъ, много генераловъ, офицеровъ, администраторовъ, дворянъ, духовныхъ, вообще — „аристократовъ“. Въ числѣ жертвъ террора былъ и знаменитый химикъ Лавуазье, казненный въ качествѣ одного изъ бывшихъ государственныхъ откупщиковъ (8 мая 1794 г.).

Кромѣ парижскаго, было организовано нѣсколько революціонныхъ трибуналовъ въ провинціяхъ, и они старались не отстать въ своемъ усердіи отъ своего старшаго собрата [4]).

Къ концу 1793 года якобинскій терроръ господствовалъ во

[1]) Frantz Funck-Brentano. La mort de la Reine. Paris, 1901; Maxime de La Rocheterie. Histoire de Marie-Antoinette. 2 vol. Paris, 1890; Imbert de Saint-Amand. Marie-Antoinette. 5 vol. Paris, 1885—1887; Marty. La dernière année de Marie-Antoinette. Paris, 1907; Lettres de Marie-Antoinette, publiées par M. de Beaucourt. 2 vol. Paris, 1895; G. Lenôtre. La captivité et la mort de Marie-Antoinette. Paris, 1897; Charles Ostyn. Le procès de Marie-Antoinette (Révolution fr., t. 3—6); Bower. Last Days of Marie-Antoinette. An historical Sketch. London, 1885. Для ориентировки въ обширной литературѣ, посвященной Маріи-Антуанетѣ, см. Tourneux. Marie-Antoinette devant l'histoire. Essai bibliographique. Paris, 1895.

[2]) M-me Eugène Garcin. Madame Roland. Paris, 1880; Tarbell. Madame Roland. A biographical Study. London, 1896; Mémoires de Madame Roland. Nouvelle édition critique. 2 vol., Paris, 1905; Lettres de Madame Roland, publiées par Claude Perroud. 2 vol. Toulouse, 1900—1902. Мемуары г-жи Ролан были изданы въ русскомъ переводѣ Спб. Историческимъ Обществомъ (подъ предсѣд. проф. Карѣева).

[3]) О немъ см. выше, примѣчаніе на стр. 21.

[4]) Одна изъ лучшихъ монографій о провинціальныхъ революціонныхъ трибуналахъ: A. Duboul. Le Tribunal révolutionnaire de Toulouse. Toulouse, 1894.

всей Франціи; анти-якобинскія движенія были всюду подавлены, за исключеніемъ Ванде, гдѣ, впрочемъ, главныя силы повстанцевъ также были раздавлены. Завоеваніе страны якобинцами было закончено. Но побѣда, какъ это обыкновенно бываетъ, не замедлила вскрыть существовавшіе въ рядахъ побѣдителей элементы антагонизма. Покончивши съ своими противниками, якобинцы вступили въ борьбу другъ съ другомъ, при чемъ въ этой борьбѣ они пользовались тѣми самыми орудіями, которыя имъ были созданы для борьбы съ ихъ общимъ врагомъ. Какъ только одной группѣ удавалось одержать верхъ надъ своими противниками, такъ побѣжденные сейчасъ же сдавались палачу при посредствѣ Революціоннаго трибунала, бывшаго всегда къ услугамъ побѣдителей.

«Бѣшеные».

Замѣчательно, что въ первую очередь пришлось испытать на себѣ дѣйствіе террористическихъ орудій, именно, самымъ крайнимъ изъ террористовъ, получившихъ характерную кличку бѣшеныхъ (enragés). Они были извѣстны также подъ именемъ эбертистовъ, по имени своего главнаго лидера и журналиста, издававшаго гнусный листокъ подъ названіемъ Père Duchesne и требовавшаго поголовнаго истребленія всѣхъ подозрительныхъ и всѣхъ „измѣнниковъ“, къ числу которыхъ онъ относилъ и ту болѣе умѣренную часть якобинцевъ, которые смотрѣли на терроръ, лишь какъ на печальную необходимость,—необходимость, которую они считали теперь миновавшею и потому настаивали на смягченіи террора. Недовольные слишкомъ большою, какъ имъ казалось, умѣренностью правительства, „бѣшеные“, находившіе себѣ опору въ парижской Коммунѣ и разсчитывавшіе на поддержку черни, задумали устроить переворотъ въ свою пользу по образцу замѣнитыхъ „дней“ 31 мая и 2 іюня. Но попытка поднять „народъ“ противъ Конвента потерпѣла неудачу; эбертисты, во главѣ съ самимъ Эберомъ, были арестованы, преданы суду Революціоннаго трибунала и казнены, какъ „измѣнники“ (24 марта 1794 г.) [1]).

Дантонисты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилъ существованіе и клубъ корделье-ровъ, служившій сборнымъ пунктомъ для „бѣшеныхъ“. Лѣвое крыло террора было обрублено; подобная же участь вскорѣ постигла и правое крыло, въ лицѣ „дантонистовъ“. Дантонъ принадлежалъ къ числу иниціаторовъ террора, начиная съ эпохи сентябрьскихъ убійствъ, въ организаціи которыхъ онъ, правда, не участвовалъ [2]). Во всякомъ случаѣ, онъ былъ одно время въ числѣ

[1]) См. выше, стр. 24, примѣч. 2.

[2]) Съ легкой руки Мортиме-Терно, Дантону долгое время приписывали чуть ли не руководящую роль въ дѣлѣ организаціи сентябрьскихъ убійствъ, на

самыхъ рѣшительныхъ террористовъ. Еще въ сентябрѣ 1793 года онъ требовалъ, по крайней мѣрѣ, по одной головѣ „аристократа“ каждый день и принималъ безъ возраженій названіе кровопійцы. Тогда онъ считалъ терроръ необходимостью, хотя и печальной. Это былъ террористъ по убѣжденію, а не по темпераменту, какъ Эберъ съ своими „бѣшеными“. Но въ концѣ 1793 и въ началѣ 1794 года, когда контръ-революціонное движеніе было раздавлено, и непріятельское нашествіе отражено, Дантонъ считалъ терроръ ненужнымъ и громко настаивалъ на прекращеніи террористической бойни. Дантонъ нашелъ себѣ поддержку со стороны части якобинцевъ, въ числѣ которыхъ былъ даровитый журналистъ Камиллъ Демуленъ, когда-то самъ ярый революціонеръ и террористъ, но теперь взывавшій съ необычайнымъ краснорѣчіемъ и жаромъ, въ своемъ листкѣ le Vieux Cordelier, къ умѣренности и милости. Но говорить и писать такія вещи, какія говорилъ Дантонъ и писалъ Камиллъ Демуленъ съ ихъ единомышленниками, получившими отъ правовѣрныхъ якобинцевъ-террористовъ презрительно-иронническія названія „умѣренныхъ“ (modérés) и „милостивыхъ“ (clements), не значило ли это записаться въ разрядъ „подозрительныхъ“, предусмотрѣнныхъ грознымъ декретомъ 17 сентября? Въ ночь на 31 марта Дантонъ, Демуленъ и нѣсколько другихъ „дантонистовъ“ были арестованы по предписанію Комитета общественнаго спасенія. Согласно установившейся практикѣ революціоннаго суда, подсудимые не были даже выслушаны, а когда они вздумали протестовать, то ихъ вывели изъ залы суда и заочно приговорили къ гильотинѣ (5 апрѣля 1794 г.) [1]).

Камиллъ Демуленъ.

Покончивши съ своими противниками слѣва и справа, якобинскій центръ, руководимый Робеспьеромъ съ его вѣрными оруже-

томъ основаніи, что въ ту пору онъ былъ министромъ юстиціи, и въ его вѣдомствѣ находились тюрьмы. Въ недавнее время проф. Олару удалось доказать ошибочность этого мнѣнія. Нельзя, однако, не признать, что, желая доказать полную непричастность Дантона къ сентябрьскимъ убійствамъ и даже будто бы его попытки противодѣйствовать послѣднимъ, проф. Оларъ явно насилуетъ историческую правду въ угоду симпатичному для него Дантону. Въ дѣйствительности, если Дантонъ не былъ иниціаторомъ и организаторомъ убійствъ, то онъ и ничего не сдѣлалъ для того, чтобы имъ воспрепятствовать. Оларъ утверждаетъ, что Дантонъ былъ безсиленъ сдѣлать это, но это утвержденіе нельзя считать доказаннымъ. О Дантонѣ см.: A. Aulard. Danton. Paris, 1884; Alfred Bougeard. Danton. Documents authentiques pour servir à l'histoire de la Révolution française. Arcis-sur-Aube. 1879; Robinet. Danton d'après les documents. (Révolution fr., t. 3—4); Oeuvres de Danton, recueillis et annotées par A. Vermorel. Paris, 1866.

[1]) Robinet. La procès des Dantonistes, d'après les documents. Paris, 1879; Jules Claretie. Camille Desmoulins, Lucile Desmoulins. Etude sur les Dantonistes, d'après des documents nouvaux et inédits. Paris, 1875.

носцами, Кутономъ [1]) и Сенъ-Жюстомъ, немедленно началъ осуществлять свою программу.

Террористическая энергія Комитета общественнаго спасенія, состоявшаго изъ приверженцевъ Робеспьера, получаетъ теперь небывалое развитіе. Постановленіе о преданіи суду революціоннаго трибунала отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ начинаютъ сыпаться градомъ. Революціонный трибуналъ не успѣвалъ справляться съ работой, несмотря на принятыя уже раньше мѣры къ возможному ускоренію судебной процедуры. Тогда Робеспьеръ провелъ въ Конвентѣ новый кровавый законъ, „законъ 22 преріаля“ (10 іюня), которымъ отмѣнялась защита подсудимыхъ, отмѣнялся допросъ свидѣтелей, отмѣнялась необходимость фактическихъ уликъ и вещественныхъ доказательствъ, при чемъ признавалась достаточною наличность однѣхъ „моральныхъ уликъ“. Составъ присяжныхъ подвергся при этомъ тщательной очисткѣ, въ смыслѣ недопущенія въ него умѣренныхъ. Въ виду ожидаемаго повышенія производительности работы Революціоннаго трибунала, декретъ предусмотрительно обезпечивалъ его достаточнымъ сырымъ матеріаломъ. Именно, согласно декрету, признавалось политическимъ преступленіемъ, наказуемымъ смертью, всякое противодѣйствіе правительству. Въ силу этого кроваваго закона, Революціонный трибуналъ превращался въ простой вспомогательный аппаратъ къ гильотинѣ, а гильотина — въ настоящую мясорубку. Массовыя казни достигаютъ съ этого момента небывалаго размаха, превращаясь въ настоящія человѣческія бойни. Въ первой половинѣ іюня, въ теченіе трехъ дней подъ рядъ, обезглавливаютъ 159 человѣкъ, въ томъ числѣ 78 человѣкъ бывшихъ членовъ парижскаго и тулузскаго парламентовъ, 35 государственныхъ откупщиковъ, нѣсколько генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ. Черезъ нѣсколько дней — массовая казнь 45 „заговорщиковъ“, и т. д. За сорокъ восемь дней интенсивнаго террора, съ 22 преріаля по 9 термидора, было совершено въ Парижѣ значительно больше казней (около 1400), чѣмъ за предыдущіе тринадцать мѣсяцевъ (около 1200) [2]).

Законъ 22 преріаля.

Дѣятельность Комитета общественнаго спасенія, ставшаго послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Робеспьера и его ближайшихъ

---

[1]) Fr. Mège. Correspondance inédite de Georges Couthon. Paris, 1872. О Робеспьерѣ и Сенъ-Жюстѣ см. выше, примѣч. на стр. 13 и 19.

[2]) Lenôtre. La Guillotine. Paris, 1900; H. Fleischmann. La Guillotine en 1793. Paris, 1908; A. Manstaedt. Die Blutopfer der Guillotine. Berlin, 1894; Alger. Paris in 1789—1794. Farewell letters of victims of the Guillotine. London, 1902; P. Bliard. La Justice révolutionnaire. Paris, 1909; Prudhomme. Dictionnaire des individus envoyés a la mort. Paris, 1797.

сотрудниковъ, получила такой характеръ, что почти никто не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности, и внутри самаго Конвента многіе, даже изъ числа заслуженныхъ якобинцевъ, стали ощущать тревогу за свои собственныя головы. Чувство общей опасности сблизило прежнихъ противниковъ, и часть монтаньяровъ вступила въ заговоръ съ умѣренными, съ цѣлью сверженія тиранніи „тріумвирата“, какъ стали называть Робеспьера съ его ближайшими приспѣшниками, Кутономъ и Сенъ-Жюстомъ. Результатомъ этого заговора былъ переворотъ 9 термидора (27 іюля 1794 г.) [1]). Переворотъ 9 термидора.

Выступившій въ этотъ день въ Конвентѣ съ рѣчью Робеспьеръ былъ встрѣченъ со стороны заговорщиковъ враждебными возгласами. Послышались крики: „Долой тирана!“... Ему не дали закончить рѣчь и среди всеобщаго возбужденія и шума заговорщики провели постановленіе объ арестѣ Робеспьера вмѣстѣ съ Кутономъ и Сенъ-Жюстомъ. Парижская Коммуна, состоявшая въ большинствѣ изъ робеспьеристовъ, сдѣлала-было попытку освободить арестованныхъ и вызвать народное движеніе противъ Конвента, но потерпѣла полную неудачу: парижская чернь отказывалась уже идти за террористами.

Раненый въ происшедшей свалкѣ Робеспьеръ, его братъ, Кутонъ, Сенъ-Жюстъ, командиръ національной гвардіи Анріо и многіе другіе изъ робеспьеристовъ предстали на другой день передъ Революціоннымъ трибуналомъ. Какъ хорошо налаженная машина, онъ отправилъ въ тотъ же день на эшафотъ своихъ творцовъ съ такой же быстротой и легкостью, съ какою передъ тѣмъ онъ продѣлывалъ ту же операцію съ ихъ жертвами, а окружающая эшафотъ толпа, которая еще недавно рукоплескала якобинскимъ ораторамъ, теперь злорадно хлопала въ ладоши и кричала: „Долой тирана!.. Да здравствуетъ республика!“ На другой день та же участь ожидала семьдесятъ другихъ робеспьеристовъ, главнымъ образомъ изъ числа членовъ парижской Коммуны. Нѣсколько позднѣе были казнены судьи и присяжные Революціоннаго трибунала эпохи террора.

Вчерашнія жертвы помѣнялись ролями со вчерашними палачами. Вчерашніе тираны подверглись сами жестокимъ преслѣдованіямъ. На смѣну толпамъ якобинскихъ санкюлотовъ появляются на улицахъ Парижа толпы буржуазной „золотой молодежи“, которая въ началѣ ноября разгромила помѣщеніе якобинскаго клуба Анти-якобинская реакція.

[1]) Ernest Hamel. Thermidor, d'après les sources originales et les documents authentiques. Paris, 1891; Ch. d'Héricault. La révolution de thermidor. Paris, 1878.

и разогнала палками и кулаками засѣдавшихъ тамъ якобинцевъ. Умѣренное большинство Конвента воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы декретировать закрытіе клуба (12 ноября 1794 г.). Если еще недавно было небезопасно обнаружить отрицательное отношеніе къ якобинцамъ, то теперь, какъ-разъ наоборотъ, стало опасно прослыть якобинцемъ. Якобинскій образъ мыслей, который еще недавно было выгодно выставлять напоказъ, приходилось тщательно скрывать тѣмъ, кто его раздѣлялъ. Якобинцы стушевались, попрятались, исчезли. Уцѣлѣвшіе жирондистскіе депутаты были съ честью возвращены въ Конвентъ вмѣстѣ съ тѣми 75 депутатами, которые при якобинскомъ режимѣ подверглись преслѣдованію за свое выступленіе въ ихъ защиту.

Тѣмъ не менѣе, большинство Конвента при всякомъ случаѣ старалось подчеркнуть свой республиканизмъ. Роялизмъ преслѣдовался точно такъ же, какъ и якобинство. Въ числѣ послѣднихъ актовъ дѣятельности Конвента былъ декретъ о преданіи суду членовъ возникшихъ послѣ 9 термидора на югѣ роялистскихъ организацій и о недопущеніи ихъ на какія бы то ни было государственныя и административныя должности. Въ Ліонѣ происходитъ массовое избіеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ якобинцевъ по методу, изобрѣтенному въ свое время якобинскими „сентябризаторами“. Аналогичныя расправы происходятъ въ Марсели, Эксѣ и другихъ мѣстахъ. Власть якобинскаго меньшинства не пережила террора, на которомъ держалась, но терроръ пережилъ террористовъ, для того чтобы поглотить ихъ.

Конецъ Конвента.

26 октября 1795 года Конвентъ объявилъ свои функціи законченными и разошелся съ возгласами: „Да здравствуетъ республика!“

Законодательная дѣятельность Конвента.

На ряду съ страстной политической борьбой внутри Конвента, на ряду съ его боевой дѣятельностью, съ одной стороны—противъ контръ-революціи внутри страны, съ другой—противъ европейской коалиціи, Конвентъ проявилъ кипучую законодательную и организаторскую дѣятельность. Онъ не только доканчивалъ разрушеніе стараго режима, но въ то же время съ необычайной энергіей строилъ новое зданіе на мѣстѣ разрушеннаго. Если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Конвентъ разрушалъ то, что было сдѣлано предъидущими законодательными собраніями, то въ другихъ случаяхъ онъ продолжалъ начатое ими дѣло.

Выработка новой конституціи

Въ первые мѣсяцы существованія Конвента центръ тяжести его законодательной дѣятельности лежалъ въ выработкѣ новой республиканской конституціи, вмѣсто монархической конституціи 1791 года. Первопачально проектъ конституціи вырабатывался въ умѣренно-республиканскомъ духѣ, такъ какъ руководящая роль въ избранномъ для выработки конституціи комитетѣ принадлежала жирондистамъ. Но послѣ переворота 2 іюня 1793 года послѣдніе должны были уступить мѣсто якобинцамъ, которые поспѣшили внести въ выработанный уже проектъ соотвѣтствующія поправки, и представленный комитетомъ Конвенту, всего недѣлю спустя послѣ переворота 2 іюня, проектъ конституціи имѣлъ уже чисто якобинскій характеръ. Проектъ этотъ, послѣ непродолжительныхъ преній, былъ принятъ якобинскимъ большинствомъ Конвента, впрочемъ съ одной существенной оговоркой, принятой по предложенію Робеспьера: практическое примѣненіе конституціи отсрочивалось впредь до прекращенія войны [1]). Въ дѣйствительности дѣло было не въ войнѣ, а въ хорошо сознававшейся самими авторами конституціи безусловной несовмѣстимости вложенной въ нее якобинской теоріи съ фактической якобинской практикой. Въ основѣ якобинской теоріи лежалъ составлявшій первый членъ якобинскаго символа вѣры демократическій принципъ народовластія, связанный съ выборнымъ началомъ и широкимъ самоуправленіемъ; якобинская практика была, наоборотъ, отмѣчена самой тираннической централизаціей, нашедшей себѣ позднѣе воплощеніе въ Комитетѣ общественнаго спасенія, съ его провинціальными органами въ лицѣ уполномоченныхъ и національныхъ агентовъ. Якобинцы говорили о власти народа, но на дѣлѣ стремились сами властвовать надъ народомъ.

Теорія и практика якобинцевъ.

Отдавши платоническимъ принятіемъ конституціи дань своей доктринѣ народовластія, якобинцы на практикѣ продолжали попрежнему работать надъ подчиненіемъ себѣ страны посредствомъ террора. А когда война въ 1795 году окончилась и, согласно принятому ранѣе постановленію, пришло время осуществить кон-

[1]) Prat. La Constitution de 1793, annotée et comparée avec la constitution de 1848 et la constitution des Etats-Unis d'Amérique. Paris, 1884; Acollas. La Déclaration des droits de l'homme de 1793, commentée. Paris, 1885; Duguit et Monnier. Les Constitutions de la France depuis 1789. Paris, 1898; Hélie. Les Constitutions de la France. Paris, 1880; Huguet. Les déclarations des droits de l'homme et du citoyen de 1789, 1793, 1795 et 1848, précédées d'une introduction historique. Paris, 1889; Depper. Commentaire de la Déclaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789 et de 1793. Paris, 1902.

ституцію 1793 года, то термидоріанское большинство Конвента настроенное анти-якобински, признало ее негодной и поспѣшило выработать новую конституцію (въ августѣ 1795 г.). Эта такъ называемая конституція третьяго года (по новому республиканскому лѣтосчисленію, съ начала республики, то-есть съ 22 сентября 1792 г.), составленная въ умѣренно-республиканскомъ духѣ, въ духѣ жирондистовъ, была первою республиканскою конституціею, получившею практическое примѣненіе, хотя и недолговременное. Въ отличіе отъ прежнихъ двухъ конституцій, ей было предпослано, кромѣ новой декларацiи правъ, декларація обязанностей [1]). Въ основу политической организаціи было положено начало раздѣленія властей, при чемъ для законодательной власти впервые принимается двухпалатная система. Верхнюю палату составляетъ Совѣтъ старѣйшинъ (Conseil des Anciens), состоящій изъ 250 депутатовъ, не моложе сорока лѣтъ, женатыхъ или вдовцовъ (но не холостяковъ). Нижняя палата, такъ называемый Совѣтъ пятисотъ (Conseil des Cinq-Cent) состоитъ изъ пятисотъ членовъ, не моложе тридцати лѣтъ. Законодательная инiціатива принадлежитъ исключительно нижней палатѣ, за верхней же остается лишь право законодательнаго veto. Во введеніи двухпалатной системы и въ подчиненіи нижней палаты сдерживающему контролю болѣе зрѣлаго по возрасту своихъ членовъ и болѣе спокойнаго, благодаря меньшей численности состава верхней палаты сказывается подсказанное печальнымъ опытомъ Конвента желаніе авторовъ конституціи предупредить повтореніе диктатуры единаго и ничѣмъ не сдерживаемаго законодательнаго собранія.

Конституція третьяго года.

Съ другой стороны, чисто охлократическія замашки революціоннаго „народа“, при наличности явно демократическихъ тенденцій, обнаруженныхъ Конвентомъ, организованнымъ на началѣ всеобщаго избирательнаго права, внушили умѣренному большинству термидоріанскаго Конвента глубокое недовѣріе къ самому демократическому принципу и связанному съ нимъ всеобщему избирательному праву. Эта анти-демократическая тенденція термидоріанскаго Конвента нашла себѣ выраженіе въ ограниченіи, по конституціи третьяго года, избирательнаго права опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ.

Что касается организаціи исполнительной власти, то харак-

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

терпо, что составители конституціи третьяго года уже серьезно задумывались надъ возможностью узурпаціи власти однимъ человѣкомъ, и чтобы предупредить такую возможность, поставили во главѣ правительства коллегію изъ пяти членовъ подъ именемъ Директоріи (Directoire). По своимъ полномочіямъ Директорія является какъ бы коллективнымъ конституціоннымъ монархомъ: она назначаетъ министровъ, пословъ, генераловъ; ей принадлежитъ высшее наблюденіе за исполненіемъ законовъ и распоряженіе вооруженными силами страны. Директоры, какъ назывались члены Директоріи, избирались изъ своей среды обѣими палатами. Каждый годъ одинъ изъ нихъ выбывалъ по жребію и замѣщался новымъ членомъ, избираемымъ Совѣтомъ старѣйшинъ изъ числа десяти кандидатовъ, намѣченныхъ Совѣтомъ пятисотъ.

Областное управленіе.

Что касается областного управленія, то было сохранено дѣленіе на департаменты. Во главѣ каждаго стоитъ коллегія изъ пяти выборныхъ членовъ, подъ названіемъ Центральной администраціи департамента (прежняя департаментская Директорія). Дистрикты, какъ административныя единицы, были уничтожены, равно какъ и муниципалитеты, за исключеніемъ лишь большихъ городовъ. Вмѣсто упраздненныхъ городскихъ муниципалитетовъ, учреждены кантональные муниципалитеты, нѣчто въ родѣ волостей, въ которыхъ каждая община (городская или сельская) была представлена выборнымъ делегатомъ. При каждой департаментской администраціи и при каждомъ муниципалитетѣ состоитъ, въ качествѣ представителя правительства, особый комиссаръ. Старые „королевскіе комиссары“ или интенданты возрождались, такимъ образомъ, и притомъ въ увеличенномъ числѣ.

Министерство полиціи.

Въ числѣ учрежденныхъ конституціей третьяго года семи министерствъ обращаетъ на себя вниманіе министерство полиціи, на которое была возложена спеціальная забота по охранѣ общественнаго порядка и спокойствія, преимущественно въ столицѣ. Это не было возвращеніемъ къ старому порядку, потому что онъ не зналъ такого министерства и не ощущалъ въ немъ надобности; но это не было въ то же время и результатомъ теоретическаго творчества: это былъ просто отвѣтъ на выдвинутую самой жизнью потребность, — потребность положить конецъ терзавшей страну анархіи и обуздать разнузданную парижскую чернь, привыкшую, съ легкой руки якобинцевъ, разыгрывать роль „самодержавнаго народа“ и служившей обыкновенно послушнымъ орудіемъ въ рукахъ предпріимчивыхъ агитаторовъ и заговорщиковъ. Клубы и политическія ассоціаціи, сдѣлавшіяся постоянными очагами разныхъ

политическихъ заговоровъ, были совершенно воспрещены новой конституціей, разрѣшавшей лишь „частныя общества для занятія политикой“, но безъ права имѣть публичную трибуну, вступать между собой въ сношенія и предъявлять коллективныя петиціи.

Другіе законодательные акты Конвента

Изъ другихъ актовъ законодательной дѣятельности Конвента, имѣвшихъ болѣе или менѣе длительное значеніе, заслуживаютъ быть упомянутыми: окончательная ликвидиція остатковъ феодальнаго режима, при чемъ всѣ сохранившіеся еще документы относительно различныхъ сеньеріальныхъ правъ и повинностей было предписано предать уничтоженію; подготовительныя работы по составленію кодекса гражданскаго права, который былъ законченъ уже при Наполеонѣ; установленіе въ принципѣ всеобщаго и безплатнаго начальнаго образованія; учрежденіе первой нормальной школы для подготовки преподавателей низшихъ школъ; учрежденіе политехнической школы, медицинскихъ и другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній; учрежденіе Института вмѣсто упраздненныхъ академій; объединеніе мѣръ и вѣсовъ путемъ введенія десятичной метрической системы; наконецъ, введеніе новаго лѣтосчисленія съ начала республики (22 сентября 1792 г.) и новаго свѣтскаго и республиканскаго календаря, изъ котораго было устранено все, что могло напоминать старый режимъ и въ особенности—церковь и христіанство вообще. Въ видахъ этого, не только были измѣнены названія мѣсяцевъ, но и самая недѣля съ воскресеньемъ была замѣнена десятидневной „декадой“ съ нумераціей дней (primidi, duodi, tridi etc.), а „для того, чтобы уничтожить всякій слѣдъ предразсудковъ, связанныхъ съ трономъ и алтаремъ“, имена святыхъ на каждый день года были замѣнены названіями разныхъ овощей, фруктовъ и сельскохозяйственныхъ орудій.

Имѣлось въ виду вообще „декатолицизировать Францію“. Была сдѣлана довольно смѣлая попытка замѣнить христіанство „философской религіей“ и католическій культъ „культомъ Истины и Разума“. Въ ноябрѣ 1793 года, по иниціативѣ парижской Коммуны, былъ организованъ въ соборѣ Богоматери торжественный „праздникъ Разума“. Комиссары Конвента старались насадить новую „республиканскую религію“ въ провинціи, изгоняли священниковъ изъ церквей и обращали послѣднія въ „храмы Истины“ и въ „храмы Разума“ [1]). Попытки эти, однако, не имѣли особеннаго успѣха, а мѣстами, особенно въ деревняхъ, жители встрѣ-

[1]) A. Aulard. Le culte de la Raison et le culte de l'Etre suprême. Paris, 1904; J. Brugerette. Les créations religieuses de la Révolution. Le calendrier républicain, le culte de la Raison, le culte de l'Etre suprême. Paris, 1901 (брошюра).

чали миссіонеровъ новой религіи косами и вилами, заявляя, что „они желаютъ оставаться католиками, а якобинцевъ чтобы не было“. Это послѣднее пожеланіе иногда подкрѣплялось разгромомъ мѣстныхъ якобинскихъ клубовъ [1]).

II. Директорія.

Источники и литература

I. Документальные источники по исторіи Директоріи: Collection générale des Lois, Proclamations, Arrêtés et autres actes du Directoire exécutif. 5 vol. Paris, 1796—1800; Procès-verbal des séances du Conseil des Anciens. 49 vol. Paris, 1795—1799; Procès-verbal des séances du Conseil des Cinq-Cents. 50 vol. Paris, 1796—1799; Mavidal et Laurent. Archives parlementaires; Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution. Paris, 1838; A. Aulard. Paris pendant la Réaction thérmidorienne et sous le Directoire (Collection de documents relatifs à l'histoire de Paris pendant la Révolution). 5 vol. Paris, 1898—1902; A. Aulard. L'Etat de la France en l'an VIII et en l'an IX (documents). Paris, 1897; F. Rocquain. L'Etat de la France au 18 Brumaire d'après les rapports des Conseillers d'Etat. Paris, 1894.—II. Мемуары, переписка и другія сочиненія современниковъ: Mémoires de Barras, publiés par G. Duruy. 4 vol. Paris, 1895—1896.; Mémoires de Gohier. 2 vol. Paris, 1824; Mémoires de la Reveillière de Lépeaux. 3 vol. Paris, 1895; A. C. Thibaudeau. Mémoires sur la Convention et le Directoire. 2 vol. Paris, 1827; Correspondance inédite de Mallet du Pan. 2 vol. Paris, 1884; Albert Babeau. La France et Paris sous le Directoire. Lettres d'une voyageuse anglaise, suivies d'extraits de lettres de Swinburne, traduites et annotées. Paris, 1888. — III. Новѣйшія историческія сочиненія: L. Sciout. Le Directoire. 4 vol. Paris, 1895—1897; Hamel. Histoire de la République française sous le Directoire et sous le Consulat. Paris, 1872; A. Sorel. L'Europe et la Révolution française, t. V. Paris, 1903; V. Pierre. La déportation ecclésiastique sous le Directoire. Paris, 1896; V. Pierre. La Terreur sous le Directoire. Paris, 1887; A. Thys. La persécution religieuse en Belgique sous le Directoire. Anvers, 1899; O. Pallain. Le ministère de Talleyrand sous le Directoire. Paris, 1901.

Составъ Законодательнаго корпуса

Умѣренное большинство термидоріанскаго Конвента настолько боялось возрожденія якобинства, что, несмотря на принятыя конституціей мѣры къ устраненію отъ выборовъ санкюлотскихъ элементовъ, на которые опирались якобинцы, сочло нужнымъ принять еще одну чрезвычайную мѣру для обезпеченія большинства будущихъ законодательныхъ палатъ за умѣренными элементами. Эта мѣра заключалась въ принятомъ Конвентомъ декретѣ, въ силу котораго въ число будущихъ членовъ обѣихъ палатъ должно было войти не менѣе двухъ третей его состава, то-есть не менѣе 500 человѣкъ (изъ общаго числа 750). Такъ какъ состоявшіеся вы-

[1]) Изъ этого видно, что анти-якобинское движеніе началось въ провинціи еще задолго до парижскаго переворота 9 термидора.

боры дали меньше 400 бывшихъ конвентистовъ, то недостающее число законодателей было пополнено избранными депутатами путемъ кооптаціи.

Такимъ образомъ, умѣренно-республиканское большинство Конвента вошло почти цѣликомъ въ составъ новаго Законодательнаго корпуса и тѣмъ опредѣлило направленіе его дѣятельности. Послѣдняя характеризуется во внутренней политикѣ двумя противоположными тенденціями: антиякобинской и анти-роялистской. Первая изъ этихъ тенденцій получаетъ даже преобладаніе, такъ какъ въ числѣ 250 новыхъ депутатовъ оказалось значительное число частью явныхъ, частью открытыхъ роялистовъ, что наглядно указывало на происшедшій поворотъ въ настроеніи страны, или, по крайней мѣрѣ—тѣхъ слоевъ средней и мелкой буржуазіи, которые играли главную роль въ выборахъ. Въ духѣ большинства Законодательнаго корпуса дѣйствовала, естественно, и Директорія, вышедшая изъ его среды.

Двѣ тенденціи

Попытка непримиримыхъ якобинцевъ, совмѣстно съ коммунистомъ Каемъ-Гракхомъ Бабёфомъ, произвести переворотъ посредствомъ вооруженнаго возстанія была энергически подавлена Директоріей. Бабёфъ и другіе главари заговора были арестованы, а когда якобинцы попытались послѣ этого поднять противъ правительства парижскую чернь и войска, то на ихъ зовъ явилось всего нѣсколько сотъ вооруженныхъ санкюлотовъ, а войска на приглашеніе присоединиться къ „возставшему народу“ отвѣчали залпомъ. Около девяноста главныхъ зачинщиковъ поплатились частью тюрьмой и ссылкой, частью смертной казнью (сентябрь 1796 г.). Нѣсколько времени спустя были казнены и участники заговора съ Бабёфомъ во главѣ (въ маѣ 1797 г.) [1]).

Бабёфъ.

Между тѣмъ, въ Парижѣ и во всей странѣ замѣтно росло контръ-революціонное движеніе, все болѣе и болѣе принимавшее роялистскій характеръ. Новое настроеніе обнаружилось впервые въ томъ, что среди вновь избранныхъ членовъ обѣихъ палатъ оказалось значительное число роялистовъ. Въ Парижѣ возникъ даже роялистскій клубъ, въ составъ котораго

[1]) V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du Babouvisme. 2 vol. Paris, 1884; Bonnet. Le Babouvisme et la Révolution. Paris, 1907; Thomas. Babeuf. La doctrine des Egaux. Paris. 1906; Ph. Buonarotti. Gracchus Babeuf et la conspiration des Egaux. Paris, 1895; G. Lecocq. Un manifeste de Gracchus Babeuf. Paris, 1885; Ed. Fleury. Babeuf et le socialisme en 1796. Paris, 1851; André Lichtenberger. Le Socialisme et la Révolution française. Paris, 1899.

вошло восемдесятъ членовъ обѣихъ палатъ [1]). Частичные выборы 1797 года для возобновленія трети состава палатъ были настолько успѣшны для роялистовъ, что они оказались теперь въ большинствѣ въ обѣихъ палатахъ. Вышедшій по жребію директоръ былъ замѣненъ роялистомъ. Но такъ какъ большинство Директоріи оставалось республиканскимъ, то не замедлилъ обнаружиться антагонизмъ между нимъ и большинствомъ палатъ, явно стремившимся къ возстановленію монархіи.

На почвѣ этого антагонизма разыгрался такъ называемый переворотъ 18 фрюктидора (5 сентября 1797 г.) [2]). Переворотъ 18 фрюктидора.

Республиканское большинство Директоріи рѣшило „очистить“ палаты отъ роялистовъ по примѣру якобинцевъ, очистившихъ въ свое время Конвентъ отъ жирондистовъ. Но, что̀ наглядно говоритъ о происшедшей съ тѣхъ поръ существенной перемѣнѣ въ общественной обстановкѣ, заговорщики рѣшили прибѣгнуть въ данномъ случаѣ не къ вооруженной толпѣ, а къ регулярному войску. Съ этой цѣлью они вошли въ сношеніе съ главнокомандующимъ итальянской арміей, молодымъ генераломъ Наполеономъ Бонапартомъ. Послѣдній согласился содѣйствовать заговорщикамъ и послалъ въ Парижъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, генерала Ожеро съ отрядомъ. Ожеро занялъ Тюильри, гдѣ помѣщались палаты, и арестовалъ часть роялистскихъ депутатовъ, пытавшихся устроить засѣданіе; другіе благоразумно поспѣшили скрыться. Роялистскій директоръ Бартельми также былъ арестованъ и сосланъ въ Кайену вмѣстѣ со многими роялистскими депутатами. По всему Парижу были расклеены афиши, предупреждавшія, что будетъ немедленно разстрѣлянъ „всякій, кто позволитъ напомнить о монархіи, конституціи 1793 года или о фамиліи Орлеановъ“. Вслѣдъ затѣмъ „очищенный“ Совѣтъ пятисотъ кассировалъ выборы въ 49 департаментахъ, пославшихъ роялистскихъ депутатовъ.

Мѣстами населеніе вздумало было осуществить на дѣлѣ провозглашенное конституціей 1793 года право возстанія, въ случаѣ нарушенія правительственной властью правъ народа, но эти попытки возстанія были быстро и круто подавлены [3]). Учрежденныя

[1]) Augustin Challamel. Les clubs contre-révolutionnaires (1789 — 1798). Paris, 1895.

[2]) V. Pierre. 18 fructidor. Documents pour la plupart inédits. Paris, 1893; Albert Macé. Journée de fructidor (Révue de la Révolution, t. 6); H. de Lacombe. La constitution républicaine de l'an III et le coup d'Etat du 18 fructidor (Correspondant, 1878); De la Rue. Histoire du 18 fructidor. Paris, 1895; A. Sorel. Bonaparte et Hoche en 1797. Paris, 1896.

[3]) B. Lavigne. Histoire de l'insurrection royaliste de l'an VII d'après les documents officiels existants dans les archives des départements insurgés et dans celles du ministère de la guerre. Paris, 1887.

для ликвидаціи возстанія въ 32 городахъ чрезвычайныя военно-судныя комиссіи вынесли болѣе полутораста смертныхъ приговоровъ. Были возобновлены и возстановлены частью отмѣненные, частью смягченные декреты якобинскаго Конвента противъ эмигрантовъ и священниковъ. Директорія, облеченная черезвычайнымъ правомъ ссылать „мятежныхъ священниковъ“, стала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ осуществлять это полномочіе. Свобода печати была временно отмѣнена. Печать была поставлена подъ надзоръ полиціи, получившей право пріостанавливать и закрывать періодическія изданія. Многіе журналисты подверглись ссылкѣ, получившей въ это время широкое примѣненіе въ качествѣ „сухой гильотины“.

Республиканцы поздравляли себя съ побѣдой. Но въ сущности переворотъ 18 фрюктидора былъ побѣдой арміи,— арміи, пока, правда, республиканской, но кто могъ поручиться, что съ большинствомъ арміи не произойдетъ той же перемѣны, какая только-что произошла съ самимъ народнымъ представительствомъ? 18 фрюктидора было торжествомъ республики, но въ немъ не трудно было прочесть memento mori послѣдней. 18 фрюктидора является въ сущности предисловіемъ къ 18 брюмера. Историческая и логическая связь между этими событіями подчеркивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что герой послѣдняго Наполеонъ Бонапартъ играетъ уже дѣятельную роль въ первомъ [1]).

Наполеонъ Бонапартъ.

Уроженецъ недавно присоединеннаго къ Франціи острова Корсики, одинъ изъ восьми сыновей небогатаго дворянина (род. въ 1769 г.), Неполеонъ Бонапартъ былъ принятъ на казенный счетъ въ Парижскую военную школу, которую и окончилъ съ чиномъ артиллерійскаго поручика. Осада Тулона въ 1793 году впервые

---

[1]) Біографіи Наполеона Бонапарта: Fournier. Napoleon I. Eine Biographie. 3 Bde. Wien 1904—1907) (сочиненіе это издано также по-французски); P. Lanfrey. Histoire de Napoléon I. 5 vol. Paris, 1867—1875; Masson. Napoléon et sa famille. 7 vol. Paris, 1897—1906; Masson. Napoléon chez lui. Paris, 1894; A. Lévy. Napoléon intime. Paris, 1893; R. Peyre. Napoléon et son temps. 2 vol. Paris, 1896; G. Roloff. Napoléon I. Berlin, 1900; J. Rose. Life of Napoléon I. 2 vol. London, 1902; W. M. Sloane. Life of Napoleon. 4 vol. New-York, 1896 (сочиненіе это имѣется также въ русскомъ переводѣ); Г. Е. Афанасьевъ. Наполеонъ I. Кіевъ, 1898 (сочиненіе это переиздано въ вышедшемъ недавно собраніи статей автора); E. Déprez. Les origines républicaines de Bonaparte. Paris. 1908; Chuquet. La jeunesse de Napoléon. 3 vol; Jung. Bonaparte et son temps, 2 vol. Paris, 1881; D. Lacroix. Histoire de Napoléon. Paris, 1902: A. Dayot. Napoléon raconté par l'image. Paris, 1895; Grand-Carteret. Napoléon en images. Paris, 1895; Gonnard. Les origines de la légende napoléonienne. Paris, 1906. Для ориентировки въ огромной литературѣ о Наполеонѣ можетъ служить библіографическій указатель, приложенный къ сочиненію Фурнье, а также спеціальныя подробныя библіографіи, составленныя нѣмцемъ Кирхейзеномъ и итальянцемъ Лумброзо, а также болѣе краткую библіографію француза Dufayard'a въ Revue de synthèse historique, t. VI (1903).

дала случай молодому офицеру обнаружить свои военные таланты и обратить на себя благосклонное вниманіе уполномоченныхъ Конвента, по ходатайству которыхъ Бонапартъ получилъ, въ концѣ осады Тулона, генеральскій чинъ. Переворотъ 9 термидора лишилъ молодого генерала сильныхъ покровителей и даже набросилъ на него тѣнь, какъ на протеже якобинцевъ. Но Бонапарту удалось вскорѣ разсѣять недовѣріе термидоріанцевъ, въ особенности послѣ того, какъ онъ женился на Жозефинѣ Богарнэ, вдовѣ генерала изъ дворянъ, казненнаго въ эпоху террора. Ему дали мѣсто въ военномъ министерствѣ. Вскорѣ Бонапарту представился случай отличиться въ глазахъ термидоріанскаго Конвента, благодаря присутствію духа и энергіи, которыя онъ обнаружилъ при подавленіи роялистскаго возстанія 13 вандемьера (6 октября 1795 г.) [1]).

Дѣйствительно, пущенная въ ходъ въ 1795 году республиканская машина никакъ не могла наладиться. Несмотря на частичный ремонтъ 18 фрюктидора, въ ней вскорѣ обнаружились внутреннія тренія, которыя привели къ ея поломкѣ. Директорія, не сумѣвшая ни справиться съ унаслѣдованнымъ ею отъ Конвента тяжелымъ финансовымъ вопросомъ, ни руководить съ успѣхомъ военными операціями, утратила вскорѣ и тотъ небольшой престижъ, которымъ она сначала пользовалась, такъ сказать, въ кредитъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ нагляднѣе обнаруживалась ея неспособность справиться съ той ролью коллективнаго монарха, которая на нее была возложена конституціей. Все болѣе и болѣе возраставшее въ странѣ недовольство противъ Директоріи не замедлило найти себѣ отголосокъ и внутри народнаго представительства.

Отношенія между нимъ и Директоріей становились все болѣе и болѣе натянутыми, и кончилось тѣмъ, что, подъ давленіемъ большинства палатъ, двое изъ директоровъ должны были выйти изъ состава Директоріи до окончанія срока. Такъ какъ подобный случай не былъ предусмотрѣнъ конституціей, то это событіе получило названіе переворота 30 преріаля (18 іюня 1799 г.), хотя насильственнаго переворота здѣсь не было. Переворотъ 30 преріаля.

Обновленіе состава Директоріи, однако, не подняло ея престижа, какъ не увеличило ея способностей и не улучшило положенія страны внутри и извнѣ. Наоборотъ, французскія арміи терпѣли пораженіе за пораженіемъ въ Германіи и Италіи, побѣдоносная армія Суворова угрожала новымъ вторженіемъ непозем-

[1]) Albert Macé. Journée de vendemiaire (Revue de la Révoluton, t. 6).

ныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, въ то время какъ лучшій изъ французскихъ генераловъ, Наполеонъ Бонапартъ, съ отборными войсками, находился за моремъ, въ Египтѣ.

А между тѣмъ роялисты снова поднимали голову, ободренные неспособностью и слабостью республиканскаго правительства. Напуганное „роялистической опасностью“, послѣднее снова прибѣгаетъ къ суровымъ мѣрамъ, заимствованнымъ изъ арсенала якобинскаго террора [1]). При этомъ какъ бы возрождается старый Комитетъ общественнаго спасенія, въ формѣ учрежденной Совѣтомъ пятисотъ Комиссіи одиннадцати, потомъ — Комиссіи семи. Директорія облекается чрезвычайными полицейскими полномочіями. Какъ въ 1793 году, объявляется массовый рекрутскій наборъ и декретируется новый принудительный заемъ въ сто милліоновъ, „съ зажиточныхъ классовъ“. Издается чисто террористическій „законъ о заложникахъ“, въ силу котораго въ мѣстностяхъ, ознаменовавшихся анти-республиканскими волненіями, подлежали задержанію родственники эмигрантовъ, неприсяжные священники, дворяне и вообще всякаго рода „подозрительные“. Задержанные должны были служить заложниками и отвѣчать своимъ имуществомъ и личностью за имущественную и личную неприкосновенность „патріотовъ“: за каждаго убитаго патріота четыре заложника подлежали ссылкѣ и сверхъ того всѣ вмѣстѣ выплачивали штрафъ въ 5000 ливровъ. Въ случаѣ грабежа или погрома, потерпѣвшіе патріоты вознаграждались на счетъ заложниковъ.

Возрожденіе террора.

Всѣ эти мѣры были въ чисто якобинскомъ духѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если правительство Директоріи, еще недавно преслѣдовавшее якобинцевъ, смотрѣло теперь сквозь пальцы на реставрацію якобинскихъ клубовъ, въ обходъ статьи конституціи, воспрещавшей политическія ассоціаціи. Возникшее въ іюлѣ 1798 года Собраніе друзей свободы и равенства тщательно избѣгало всего, что могло напомнить о прежнихъ политическихъ клубахъ. У него не было ни предсѣдателя, ни секретарей, были лишь „регуляторъ“ да „аннотаторы“. Конституція запрещала коллективные адресы; „Собраніе“ расклеивало воззванія въ видѣ афишъ. Конституція не допускала аффиліацій; у нео-якобинцевъ возникали „сами собой“ различныя аналогичныя „собранія“ въ другихъ городахъ Франціи. Однако, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, не замедлившаго обнаружить свою враждебность къ возрожденному якобинству, раскрывшему свои объятія пережив-

Реставрація якобинства.

[1]) V. Pierre. La Terreur sous le Directoire. Paris, 1887.

шему своего родоначальника „бабувизму“, попытке якобинской реставраціи былъ положенъ конецъ правительствомъ, закрывшимъ „Собраніе“ послѣ 38-дневнаго существованія.

Реставрація террора въ 1799 году не была, однако, въ состояніи парализовать прогрессивнаго роста анти-республиканскаго настроенія въ странѣ. Эта мимолетная и послѣдняя вспышка республиканскаго террора, почти накапунѣ ликвидаціи республиканской революціи, даже послужила толчкомъ къ цѣлому ряду возстаній, которыя на этотъ разъ имѣли явственно монархическій характеръ. Въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ, какъ въ Бордо, въ Амьенѣ, на улицахъ появились роялистскія прокламаціи. Въ Бретани, въ Нормандіи, въ Пуату снова появились вооруженныя толпы повстанцевъ; снова зашевелилась Вандея, заволновались южные департаменты. Лозунгомъ повстанцевъ, среди которыхъ руководящая роль принадлежала по большей части эмигрантамъ и неприсяжнымъ священникамъ, были: „Да здравствуетъ религія! Да здравстуетъ король!“ Въ Лангдокѣ повстанческія четы образовали настоящую армію отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ, во главѣ которой сталъ одинъ бывшій республиканскій генералъ. Овладѣвши нѣсколькими второстепенными городами, инсургенты подступили къ Тулузѣ, но здѣсь потерпѣли неудачу и вскорѣ были разсѣяны правительственными войсками; но уже самый фактъ быстраго сформированія столь значительной инсургентской арміи наглядно говоритъ о томъ, насколько широкіе слои населенія были охвачены анти-республиканскимъ движеніемъ, и, стало быть, насколько шатко уже было положеніе республики въ то время.

Рость анти-республиканскаго настроенія.

Переворотъ 18 брюмера.

I. Документальные источники для исторіи переворота 18 брюмера тѣ же, что были указаны въ началѣ предыдущей главы. Изъ мемуаровъ и другихъ сочиненій современниковъ, кромѣ указанныхъ тамъ, слѣдуетъ назвать еще: Joseph Bonaparte. Mémoires et correspondance. Ed. Ducasse. 10 vol. Paris, 1853—1854; Mémoires de Bourrienne. 5 vol. Paris, 1899; Révolution de Brumaire, ou Ralation des principaux événements des journées des 18 et 19 brumaire, par Lucien Bonaparte. Paris, 1845; Souvenirs de Barante. 8 vol. Paris, 1890—1901; A. de Lescure. Mémoires sur les journées révolutionnaires. 2 vol. Paris, 1875; L. J. Savary. Mon examen de conscience sur le 18 Brumaire. Paris, 1819; Comte de Ségur. Mémoires d'un aide-de-camp de Napoléon. 3 vol. Paris, 1894—1895; Mémoires du prince de Tailleyrand-Périgord. 5 vol. Paris, 1891—1892; Mémoires du baron Thiébault. 5 vol. Paris, 1893—1895; Buonaparte à Saint-Cloud, ou la fameuse journée,

Источники и литература.

par L., ancien membre du Conseil des 500. Paris, 1814; W. A. Schmidt. Tableaux de la Révolution française. 3 vol. Paris, 1880—1890.—II Изъ новѣйшихъ сочиненій, кромѣ указанныхъ въ предыдущей главѣ и вообще сочиненій, посвященныхъ эпохѣ Наполеона, слѣдуетъ еще назвать: Albert Vandal. L'Avénement de Bonaparte. Paris, 1902.

Директорія и генералъ Бонапартъ.

Въ то время какъ французскія арміи въ Германіи и въ Италіи терпѣли неудачи, отвѣтственность за которыя народъ возлагалъ на правительство, изъ-за моря, изъ Египта, приходили вѣсти о блестящихъ побѣдахъ генерала Бонапарта, уже и ранѣе успѣвшаго создать себѣ громкую популярность въ народныхъ массахъ своими военными успѣхами въ Италіи. Свою экспедицію въ Египетъ Бонапартъ мотивировалъ тѣмъ, что нанести чувствительный ударъ Англіи можно лишь на Востокѣ. „Къ тому же, прибавилъ онъ, на Востокѣ же создаются великія имена“ [1]). Эта мечта о „великомъ имени“, послѣ блестящихъ побѣдъ подъ пирамидами, потомъ при Абукирѣ (іюль 1799 г.), была осуществленной. Бонапартъ сдѣлался самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи, національнымъ героемъ, народнымъ идоломъ. И, что особенно важно, въ этомъ отношеніи у него не было соперниковъ. Бонапартъ, который продолжалъ быть хорошо освѣдомленъ обо всемъ, что происходило на родинѣ, поспѣшилъ использовать, не теряя времени, свою достигшую апогея популярность и все болѣе и болѣе обнаруживавшуюся слабость правительства и шаткость республиканскаго режима. Задолго до осуществленіи своей мечты о „великомъ имени“ на Востокѣ, Бонапартъ уже не былъ чуждъ смѣлыхъ честолюбивыхъ плановъ. Въ написанныхъ впослѣдствіи запискахъ своихъ Наполеонъ самъ признается, что впервые „мысль о томъ, что онъ можетъ сыграть выдающуюся роль на политической сценѣ Франціи“, пришла ему въ голову послѣ одержанной имъ надъ австрійцами блестящей побѣдѣ при Лоди, отдавшей въ руки французовъ Миланъ и Ломбардію, въ маѣ 1796 года. „Съ этого момента, прибавляетъ Наполеонъ, я началъ подставлять ногу Директоріи“.

Когда же Директорія, начинавшая, съ своей стороны, косо посматривать на успѣхи восходящей звѣзды, вздумала подѣлить командованіе итальянской арміей между Бонапартомъ и Келлерманомъ, то первый демонстративно подалъ въ отставку. Отставку, однако, не рѣшились принять; правительство уже боялось

[1]) Подробнѣе объ этомъ—въ главѣ о войнахъ эпохи революціи и имперіи.

популярнаго генерала. Когда Бонапартъ отправился въ далекую и рискованную экспедицію въ Египетъ, Директоріи вздохнула съ чувствомъ облегченія. Но прошло три года, и Директоріи снова пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ опаснымъ генераломъ, который на этотъ разъ готовился „подставить ногу“ уже не правительству только, но и самой республикѣ.

Въ августѣ 1799 года, вслѣдъ за блестящими успѣхами французскаго оружія, Бонапартъ самовольно и тайкомъ отъ своихъ войскъ оставилъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ, Египетъ, гдѣ отрѣзанную отъ родины французскую армію ожидала неминуемая катастрофа. Бонапартъ поспѣшилъ во Францію, гдѣ политическая констелляція открывала самыя широкія перспективы для осуществленія давнишней мечты побѣдителя при Лоди—„сыграть выдающуюся роль на политической сценѣ“.

Возвращеніе Бонапарта во Францію, гдѣ онъ высадился въ началѣ октября 1799 года на южномъ берегу, послужило сигналомъ ко всеобщему взрыву народнаго энтузіазма по адресу побѣдоноснаго генерала. Переѣздъ отъ Фрежюса, гдѣ онъ высадился, до Парижа былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Его экипажъ съ трудомъ двигался по запруженнымъ улицамъ, среди шумно привѣтствовавшей его толпы. Города и мѣстечки, гдѣ ему приходилось проѣзжать вечеромъ, устраивали иллюминаціи. Въ Ліонѣ, по случаю проѣзда героя, была поставлена въ театрѣ спеціально сочиненная въ честь его пьеса. Его прославляли въ одахъ и стихахъ. Словомъ, Бонапарта чествовали всюду, какъ великаго человѣка, какъ національнаго героя, какъ гордость и славу Франціи. Во всеобщемъ энтузіазмѣ смѣшались голоса республиканцевъ и роялистовъ. Газеты всѣхъ партій и оттѣнковъ были переполнены дифирамбами по его адресу. Впѣчатлял скромность, съ какою Бонапартъ принималъ выраженія восторговъ по своему адресу, завоевали ему симпатіи всѣхъ, и въ особенности республиканцевъ, которые въ молодомъ генералѣ видѣли истиннаго героя республики, и каждый по своему ожидалъ отъ него осуществленія своихъ республиканскихъ идеаловъ. Самъ Бонапартъ заботливо подчеркивалъ свой республиканскій „цивизмъ“, показывая даже своимъ полуштатскимъ костюмомъ, что онъ, при всей своей военной славѣ, дорожитъ прежде всего своимъ званіемъ гражданина. Идолъ толпы, онъ умѣлъ завоевать себѣ восторженныя симпатіи и въ широкихъ кругахъ образованнаго общества. Передъ людьми науки онъ умѣлъ показать свой живой интересъ къ научному прогрессу

Возвращеніе Бонапарта изъ Египта.

и научнымъ открытіямъ; онъ при всякомъ случаѣ старался подчеркнуть научные результаты египетской экспедиціи [1]).

Словомъ, въ общемъ хорѣ восторженнаго преклоненія и всеобщихъ симпатій къ молодому герою не слышалось ни одной детонирующей нотки. Обстановка была самая благопріятная для осуществленія честолюбивыхъ плановъ; слѣдовало ловить моментъ. Бонапартъ началъ съ того, что сблизился съ бывшимъ членомъ Учредительнаго собранія, Сіесомъ, который только что былъ выбранъ въ члены директоріи [2]). Сіесъ, одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей той категоріи политическихъ дѣятелей, которыхъ впослѣдствіи Наполеонъ окрестилъ презрительнымъ, въ его глазахъ, названіемъ „идеологовъ", давно носился съ своими планами идеальной республики, которые теперь, ставши у власти, надѣялся осуществить. Онъ хотѣлъ водворить на мѣсто республики „болтуновъ" такой порядокъ, при которомъ руководящая роль въ государствѣ принадлежала бы „головѣ", имѣющей къ своимъ услугамъ „шпагу". На амплуа „головы" Сіесъ, естественно, прочилъ себя. Что касается искомой „шпаги", то для этой роли ему показался какъ нельзя болѣе подходящимъ только-что увѣнчанный военными лаврами молодой генералъ. Бонапартъ согласился въ принципѣ на участіе въ дѣлѣ осуществленія задуманнаго Сіесомъ переворота; но послѣдній безуспѣшно настаивалъ на томъ, чтобы генералъ вполнѣ присоединился къ выработанному имъ проекту будущей конституціи, отводившей „шпагѣ" лишь служебную роль въ идеальной республикѣ, „головой" которой собирался стать самъ Сіесъ. Заговорщики, въ числѣ которыхъ были, кромѣ Сіеса, два другихъ директора, Баррасъ [3]) и Роже-Дико, а также министръ иностранныхъ дѣлъ бывшій епископъ Таллейранъ [4]), бывшій монахъ и террористъ Фуше, а теперь министръ полиціи, и нѣсколько генераловъ, нашли себѣ многочисленныхъ сочувствующихъ въ средѣ обѣихъ палатъ; въ Совѣтѣ старѣйшинъ на сторонѣ заговорщиковъ было даже большинство. Для облегченія задуманнаго переворота послѣднее провело въ Совѣтѣ постановленіе (согласное съ кон-

[1]) Которые были, дѣйствительно, значительны. Эта экспедиція дала первый толчекъ къ научному изученію древняго Египта (египтологія).

[2]) Neton. Sieyès d'après des documents inédits. Paris, 1900.

[3]) G. Duruy. Barras et le 18 Brumaire (Revue de Paris, 1896). См. также мемуары Барраса (заглавіе приведено въ началѣ главы, стр. 47).

[4]) О Таллейранѣ см., кромѣ его мемуаровъ (указанныхъ на стр. 53): Lady Blennerhassett. Talleyrand. Eine Studie. Berlin, 1894; — Henry Litton Bulwer. Essai sur Talleyrand. Traduit de l'anglais. Paris, 1868; Marquis de Castellane. Essais de psychologie politique. Talleyrand (Nouvelle Revue, 1888).

ституціей) о перенесеніи засѣданій обѣихъ палатъ въ окрестности Парижа, въ Сенъ-Клу, куда Бонапартъ, облеченный Совѣтомъ полномочіями главнокомандующаго парижскихъ войскъ, послалъ заблаговременно значительный воинскій отрядъ и арестовалъ двухъ не участвовавшихъ въ заговорѣ директоровъ.

Когда на другой день, 19 брюмера (10 ноября 1799 г.), Совѣтъ пятисотъ собрался въ Сенъ-Клу, онъ былъ разогнанъ вооруженною силою. Вечеромъ сочувствовавшіе перевороту депутаты составили новое засѣданіе, въ которомъ Директорія была признана упраздненной, конституція третьяго года отмѣненной, Бонапартъ и двое бывшихъ директоровъ Сіесъ и Роже-Дюко (третій директоръ Баррасъ скомпрометировалъ себя своей нерѣшительностью во время переворота и принужденъ былъ устраниться) были облечены совмѣстно полномочіями временнаго правительства подъ именемъ Консульской исполнительной Комиссіи (Commission consulaire exécutive), впредь до выработки новой конституціи. Переворотъ.

Новое правительство въ особой прокламаціи торжественно заявило, что „революція закончилась“, такъ какъ теперь „окончательно утвердились тѣ принципы, изъ которыхъ она вышла“. Затѣмъ оно принесло торжественную присягу въ вѣрности „республикѣ единой и нераздѣльной, свободѣ, равенству и представительной системѣ“. Въ дѣйствительности переворотъ 18—19 брюмера означалъ конецъ республики и крушеніе тѣхъ принциповъ, изъ которыхъ вышла революція. Отъ республики сохранилась лишь наружная оболочка, подъ которой скрывалось уже далеко не республиканское содержаніе. Если переворотъ 18—19 брюмера нельзя еще назвать возстановленіемъ монархіи, то онъ былъ, во всякомъ случаѣ, рѣшительнымъ шагомъ къ послѣднему, тѣмъ болѣе, что имѣлся уже налицо и кандидатъ въ монархи: генералъ Бонапартъ, истинный авторъ и главный, можно сказать даже—единственный герой переворота. Значеніе переворота 18-19 брюмера.

Роялисты были поэтому не совсѣмъ неправы, привѣтствуя совершившійся переворотъ, какъ катастрофу республики и осыпая республиканцевъ насмѣшками и карикатурами; но они ошибались, полагая, что Бонапартъ собирается произвести реставрацію монархіи въ пользу законнаго наслѣдника престола, Людовика XVII.

Что касается республиканцевъ, то раздавшіеся кое-гдѣ съ публичной трибуны протестующіе голоса ихъ ораторовъ не встрѣтили отклика въ народныхъ массахъ; послѣднія остались совершенно спокойными и не шевельнулись въ защиту республики.

III. Консульство и Имперія.

Источники и литература.

I. Документальные источники по исторіи консульства и имперіи: A. Aulard. Paris sous le Consulat. Recueil de documents. 3 vol. Paris, 1903—1906; Aulard. L'Etat de la France en l'an VIII et en l'an IX, avec une liste des préfets et des sous-préfets au début du Consulat. Paris, 1897; Aulard. Registre des délibérations du Consulat provisoire. Paris, 1894: Procès-verbal des séances du Corps législatif. 25 vol. Paris, s. d.; Procès-verbal des séances du Tribunat. 59 vol. Paris, s. d.; Jean Destrem. Documents sur les déportations du Consulat (Revue Histor., t. 7); Destrem. Les déportations du Consulat et de l'Empire, d'après des documents inédits. Paris, 1885; Mavidal et Laurent. Archives parlementaires, 2-e série, tomes 1—12. Paris, 1862—1868; Duvergier. Collection complète des lois, décrets, ordonnances etc., t. 12—14. Paris 1826—1827. Сюда же слѣдуетъ отнести огромную переписку Наполеона, опубликованную въ нѣсколькихъ собраніяхъ, а именно: Correspondance de Napoléon, suivie des oeuvres de Napoléon à Sainte-Hélène. 32 vol. Paris, 1858—1870; Lettres inédites de Napoléon, publiées par L. Lecestre. 2 vol. Paris, 1897; Lettres inédites de Napoléon, publiées par L. de Brotonne. Paris, 1898; Dernières lettres inédites de Napoléon, publiées par L. de Brotonne. Paris, 1903; Correspondance militaire extraite de la correspondance générale et publiée par ordre du Ministre de la Guerre. 10 vol. Paris, 1875—1877.—II. Мемуары и другія сочиненія современниковъ, кромѣ указанныхъ выше: Duchesse d'Abrantès. Mémoires ou Souvenirs historiques. 18 vol. Paris, 1831—1834; Mémoires de Bourrienne sur Napoléon. 10 vol. Paris, 1820—1830; новое изданіе: 5 vol., Paris, 1899; Chaptal. Mes souvenirs sur Napoléon. Paris, 1893; Mémoires du comte d'Andigné. 2 vol. Paris, 1900—1901; Mémoires du comte de Beugnot. 1889; Souvenirs du duc de Broglie (1785—1870). 4 vol. Paris, 1886; Chateaubriand. Mémoires d'outre-tombe. 6 vol. 1898—1900; Mémoires de Fouché, duc d'Otrante. 2 vol. Paris, 1824; Mémoires du comte Miot de Mélito. 3 vol. Paris, 1858; Mémoires du comte de Mollien. 3 vol. Paris, 1898; Mémorial de Norvins 3 vol. Paris, 1896—1897; Duc de Pasquier. Histoire de mon temps. 6 vol. Paris, 1893—1894; Mémoires de Savary, duc de Rovigo. 8 vol. Paris 1828; Madame de Staël. Considérations. 3 vol. Paris, 1818. Edmond Biré. Mémoires et souvenirs (1789—1830). La Révolution, l'Empire, la Restauration. 3 vol. Paris, 1895—1893; F. Masson et S. Biagi. Napoléon inconnu, papiers inédits (1786—1793). 2 vol. Paris, 1895; Mémoires pour sevir à l'histoire de France sous le règne de Napoléon, écrits à sa dictée, par les généraux qui ont partagé sa captivité, avec introduction et notes par D. Lacroix. 5 vol., Paris, 1904.—III. Изъ новѣйшихъ сочиненій, кромѣ названныхъ на стр. 1 и 47 болѣе общихъ сочиненій, см. F. Corréard. La France sous le Consulat. Paris, 1899; Alfred des Cilleuls. De l'esprit public sous le Consulat et l'Empire. Paris, 1896; G. Stenger. La société française sous le Consulat. Paris. 1903—1905; Paul Gaffarel. L'opposition littéraire sous le Consulat (Révolution fr., t. 12); Gaffarel. L'opposition républicaine sous le Consulat (Révolution fr., t. 13—14); Ernest Oncken. Das Zeitalter der Revoluzion, des Kaiserreichs und der Befreiungskriege. 2 Bde. Berlin, 1884—1887; Pflugk-Harttung. Napoleon I, Revoluzion und Kaiserreich. Das Erwachen der Völker. 2 Bde. Berlin, 1900—1901; J. H. Rose. The Revolutionary and Napoleonic Era. Cambridge, 1895; H. M. Stephen. Europe, 1789—1815. London, 1893; P. Bondois. Napoléon et la

société de son temps. Paris, 1895; Thiers. Histoire du Consulat et l'Empire (обширное, но устарѣлое); Ernest Daudet. La police et les Chouans sous le Consult et l'Empire. Paris. 1895; G. Lenôtre. La chouannerie normande au temps de l'Empire. Paris, 1901; L. de La Sicotière. Louis de Frotté et les insurrections Normandes. 3 vol. Paris, 1889; Lanzac de Laborie. Paris sous Napoléon I. 2 vol. Paris, 1905; Edmond-Blanc. Napoléon I, ses institutions civiles et administratives. Paris, 1880; E. Monnet. Histoire de l'administration provinciale, départementale et communale en France. Paris, 1885; P. Bondois. Napoléon et la Société de son temps. Paris, 1895; de Broc. La vie en France sous le premier Empire. Paris, 1895; H. Bouchot. Le luxe français, l'Empire. Paris, 1892; E. Campardon. Liste des membres de la noblesse impériale. Paris, 1889; Vicomte A. A. Révérend. Armorial général du premier Empire. 4 vol. Paris, 1894—1897; Bonneville de Marsangy. La Légion d'honneur. Paris, 1904; E. de Saint-Maurice. Histoire de la Légion d'honneur, Paris, 1833, L. Soulajon. Les cohortes de la Légion d'honneur Paris, 1889.

Въ засѣданіи 19 брюмера была избрана комиссія изъ нѣсколькихъ членовъ обѣихъ палатъ для выработки, совмѣстно съ временными консулами, проекта новой конституціи, долженствовавшей санкціонировать переворотъ и регулировать новый порядокъ. Въ вопросѣ объ организаціи высшей власти комиссія никакъ не могла придти къ соглашенію. Кончилось тѣмъ, что Бонапартъ, наскучивши нескончаемыми преніями, продиктовалъ единолично имъ составленный проектъ, противъ котораго никто не рѣшился возражать. Какъ только подъ проектомъ были собраны подписи всѣхъ членовъ комиссіи (которая даже не была созвана въ полномъ составѣ для его обсужденія), Бонапартъ немедленно же ввелъ ее въ дѣйствіе, не считая нужнымъ подвергать ее предварительной ратификаціи народа. Это былъ въ сущности новый переворотъ, являвшійся, впрочемъ, логическимъ завершеніемъ переворота 18—19 брюмера. Конституція восьмого года [1]), какъ ее стали называть, не только санкціонировала послѣдній, но и подчеркнула, въ пользу ея автора, анти-республиканскій характеръ событія. Съ декабря 1799 года, когда вступила въ дѣйствіе конституція восьмого года, реставрацію монархіи во Франціи можно считать совершившимся фактомъ. Генералъ Бонапартъ, подъ именемъ перваго консула, представлялъ уже собою настоящаго монарха. „Господа, воскликнулъ Сіесъ: у насъ есть государь!“ Титулъ „перваго консула“, на ряду съ сохранившимся оффиціальнымъ наименованіемъ „французской республики“, могъ вводить въ заблужденіе лишь очень близорукихъ людей, да и тѣ вскорѣ не могли не отдать себѣ отчета въ дѣй-

Конституція восьмого года.

[1]) Текстъ конституціи см. въ изданіяхъ, указанныхъ выше, на стр. 43.

ствительномъ характерѣ происшедшей перемѣны. Тѣмъ характернѣе для господствующаго настроенія во Франціи въ эту пору, что въ странѣ не раздалось ни одного сколько-нибудь громкаго протеста противъ столь плохо замаскированнаго захвата „республики“ предпріимчивымъ узурпаторомъ.

Согласно конституціи восьмого года, высшая власть въ „республикѣ“ принадлежала первому консулу, монархическій характеръ котораго былъ лишь слегка замаскированъ наличностью двухъ другихъ консуловъ, назначавшихся первымъ и не имѣвшихъ никакой самостоятельной власти; это были не болѣе, какъ факультативные совѣтники перваго консула, отнюдь не связаннаго ни обязанностью спрашивать ихъ совѣта, ни тѣмъ болѣе—слѣдовать послѣднему. Первый консулъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ исполнительную власть и является представителемъ „французской республики“ въ международныхъ сношеніяхъ. Въ качествѣ послѣдняго онъ облеченъ правомъ заключать договоры и объявлять войну. Ему же принадлежитъ распоряженіе всѣми вооруженными силами государства. Во всѣхъ этихъ сферахъ власть перваго консула фактически безотчетна и неограничена, такъ какъ министры, являющіеся непосредственными органами его власти, и имъ же самимъ назначаемые, отвѣтственны только передъ нимъ. Полномочія перваго консула, далѣе, настолько захватываютъ сферу законодательства, что низводятъ Законодательный корпусъ на степень простого вспомогательнаго орудія въ его рукахъ. Начать съ того, что первому консулу принадлежитъ исключительное право законодательной инициативы. Во-вторыхъ, за нимъ обезпечивается болѣе или менѣе прямое вліяніе на тѣ учрежденія, между которыми подѣлены прочія (за вычетомъ законодательной инициативы) законодательныя функціи. Первый консулъ назначаетъ членовъ Государственнаго совѣта (Conseil d'Etat), на которомъ лежитъ подготовительная законодательная работа: выработка предложенныхъ консуломъ законопроектовъ. Далѣе, законопроектъ поступалъ на разсмотрѣніе Трибуната (Tribunat), члены котораго въ числѣ ста избирались Сенатомъ, составъ же сената въ сильной степени зависѣлъ отъ перваго консула. Изъ Трибуната законопроектъ направлялся въ Законодательный корпусъ (Corps legislatif), члены котораго въ числѣ 300 избирались также Сенатомъ. Функціи Законодательнаго корпуса заключались въ томъ, что онъ молча выслушивалъ докладъ о законопроектѣ и затѣмъ, безъ всякаго обсужденія, безъ всякихъ дебатовъ, принималъ или отвергалъ законопроектъ путемъ закрытой баллотировки. Современники прозвали

Законодательный корпусъ „собраніемъ нѣмыхъ“. Наконецъ, если законопроектъ былъ принятъ Законодательнымъ корпусомъ, то, прежде чѣмъ войти въ силу, онъ долженъ былъ еще пройти черезъ цензуру Охранительнаго Сената (Sénat conservateur), который долженъ былъ разсматривать новый законъ съ точки зрѣнія его соотвѣтствія или несоотвѣтствія съ конституціей, такъ какъ охрана конституціи и составляла главную функцію Сената. Послѣдній состоялъ изъ 80 пожизненныхъ членовъ, фактически назначенныхъ Бонапартомъ. Дальнѣйшее замѣщеніе освободившихся вакансій должно было происходить путемъ кооптаціи, но первый консулъ добился вскорѣ внесенія поправки въ соотвѣтствующій параграфъ конституціи въ томъ смыслѣ, что первому консулу предоставлялось право представлять кандидатовъ въ сенаторы, что̀ обезпечивало ему разъ навсегда вліяніе на это высшее государственное учрежденіе. Сенатъ служилъ, такъ сказать, декоративною ширмою для прикрытія фактическаго единовластія Бонапарта.

Что касается національнаго представительства, то конституціей восьмого года была сохранена одна лишь видимость его; въ дѣйствительности же представительное начало было почти сведено на нѣтъ и приведено, какъ и все прочее, къ одному знаменателю: единоличной волѣ перваго консула.

Характеръ конституціи восьмого года.

На первый взглядъ конституція восьмого года какъ будто имѣетъ болѣе демократическій характеръ, чѣмъ конституція третьяго года; она какъ будто уничтожаетъ цензъ и какъ будто возстановляетъ всеобщее избирательное право. Всѣ достигшіе 21-лѣтняго возраста граждане признаются избирателями. Но избирательное право поставлено въ сущности въ крайне тѣсныя рамки. Избиратели каждой первичной избирательной единицы, коммуны (городской или сельской общины), избираютъ изъ своей среды одну десятую часть всѣхъ ея членовъ, для составленія, такъ называемаго, „коммунальнаго списка“. Затѣмъ, коммунальные списки, путемъ приведенія къ одной десятой ихъ состава, даютъ въ каждомъ департаментѣ „департаментскій списокъ“. Наконецъ, такимъ же путемъ, изъ общей совокупности департаментскихъ списковъ получается „національный списокъ“. Коммунальные списки служатъ для рекрутированія чиновниковъ по мѣстному коммунальному управленію, департаментскіе списки играютъ ту же роль по отношенію къ департаментскому управленію; наконецъ, національный списокъ поставляетъ кандидатовъ на всѣ государственныя должности, включая сюда и членовъ такъ называемыхъ представительныхъ собраній, то-есть Государственнаго Совѣта, Трибуната, За-

коподательнаго корпуса и Сената. Что же касается выбора кандидатовъ на тѣ или другія должности, то онъ былъ предоставленъ первому консулу совмѣстно съ Сенатомъ, который, въ свою очередь, какъ было замѣчено, былъ креатурой послѣдняго.

Административная организація.

Конституція восьмого года вскорѣ была дополнена „закономъ 28 плювіоза“, довершившимъ административную организацію Франціи въ духѣ возвращенія къ бюрократической централизаціи стараго порядка. Въ каждомъ департаментѣ явился префектъ (préfet) съ подчиненными ему въ каждомъ округѣ (arrondissement) подъ-префектами (sous-préfets). Эти назначаемые и смѣщаемые по своему усмотрѣнію правительствомъ, то-есть фактически первымъ консуломъ, чиновники сдѣлались такими же могучими орудіями власти въ рукахъ послѣдняго, какъ раньше національные агенты въ рукахъ Конвента, а при старомъ порядкѣ—интенданты съ ихъ субделегатами въ рукахъ королевской власти. Бюрократическая централизація при консульствѣ пошла даже значительно дальше той, которую знала до-революціонная Франція. Не говоря уже о томъ, что центральная власть тогда не вмѣшивалась въ назначеніе субделегатовъ, предоставляя это личному усмотрѣнію самихъ интендантовъ, старая монархія щадила и остатки стараго провинціальнаго самоуправленія (провинціальные штаты), и остатки выборнаго самоуправленія въ городахъ. Первый консулъ распространилъ начало бюрократической централизаціи вплоть до муниципальнаго управленія, гдѣ выборные меры были теперь замѣнены всюду мерами по назначенію правительства. Вообще выборныхъ должностей больше не существовало. Вся страна, сверху до низу, управлялась исключительно чиновниками, креатурами центральной власти въ лицѣ перваго консула.

Реставрація абсолютизма и централизаціи.

Режимъ, введенный конституціей восьмого года и завершенный позднѣйшими частичными законами, являлся фактически абсолютной монархіей въ политической сферѣ и бюрократической централизаціей въ сферѣ административной. Это была полная ликвидація революціи, но нельзя сказать, чтобы это было реставраціей стараго порядка, потому что никогда еще въ старой Франціи, даже въ эпоху Людовика XIV, монархическій абсолютизмъ и бюрократическая централизація не достигали такого полнаго осуществленія, какъ въ „восьмой годъ республики“. Революція, разрушившая сословныя, областныя и корпоративныя привилегіи, устранила все то, что въ старой Франціи стѣсняло централизацію и ограничивало абсолютизмъ. Если въ началѣ консульства еще

были среди республиканцевъ наивные люди, вѣрившіе въ преданность перваго консула республикѣ, то онъ самъ поспѣшилъ разсѣять послѣднія иллюзіи на этотъ счетъ. Не прошло и года съ начала консульства, какъ около полутораста видныхъ республиканцевъ были частью заключены въ тюрьмы, частью сосланы въ Гвіану и на Сешельскіе острова, иные даже сложили головы на эшафотѣ. Были учреждены спеціальные трибуналы для суда по политическимъ преступленіямъ, а таковыми теперь были не только „роялизмъ“, но и недостаточно осторожный республиканизмъ.

Истомленная продолжительными смутами страна съ покорностью, чуть что не съ благодарностью, подчинилась новому режиму, новой сильной власти. Никакихъ волненій или попытокъ возстанія не было ни со стороны роялистовъ, ни со стороны республиканцевъ. Но Бонапарту этого было мало. Онъ не хотѣлъ терпѣть никакого проявленія оппозиціи, хотя бы только на словахъ. Начались репрессіи противъ прессы. Одинъ за другимъ были закрыты оппозиціонные органы, а остальнымъ была поставлена на видъ такая же перспектива, въ случаѣ дурного поведенія.

По конституціи консульская должность была быть ограничена десятилѣтнимъ срокомъ. Это ограниченіе собственно и составляло единственную грань, которая отдѣляла консульство отъ настоящей монархіи. И эта грань была вскорѣ устранена въ силу принятаго сенатомъ 4 августа 1802 года „органическаго сенатусконсульта“, которымъ предоставлялось Бонапарту пожизненное консульство, съ правомъ назначить себѣ преемника, что было равносильно превращенію консульства въ пожизненную и наслѣдственную монархію.

«Органическій сенатусконсультъ» 1802 г.

Любопытно, что этотъ, въ сущности очень крупный съ правовой точки зрѣнія, переворотъ былъ произведенъ не только безъ всякаго вмѣшательства вооруженной силы, но и съ соблюденіемъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнихъ формъ законности. Вѣдь это, съ правовой точки зрѣнія, была лишь поправка, внесенная въ конституцію Сенатомъ, а такая поправка являлась вполнѣ закономѣрной, такъ какъ конституціей было дано Сенату право регулировать посредствомъ своихъ сенатусконсультовъ „все то, что не было предусмотрѣно конституціей, и что необходимо для ея функціонированія“. Мало того, Сенатъ выступалъ въ данномъ случаѣ какъ бы въ роли органа націи, такъ какъ вопросъ о предоставленіи пожизненнаго консульства Бонапарту (впрочемъ безъ упоминанія о правѣ назначить себѣ преемника) былъ предоставленъ сначала на рѣшеніе самой націи, и послѣдняя путемъ плебисцита отвѣтила

Плебисцитъ. на этотъ вопросъ утвердительно; за отрицательный отвѣтъ высказалось лишь ничтожное меньшинство. Послѣднее обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что плебисцитъ былъ осуществленъ путемъ открытаго голосованія, при чемъ каждый голосующій долженъ былъ заносить свое да или нѣтъ, вмѣстѣ съ своею подписью, въ особые реестры. Понятно, что лица, не желавшія дать положительнаго отвѣта, въ большинствѣ случаевъ предпочли вовсе воздержаться отъ участія въ голосованіи, которое могло сулить имъ различныя непріятности. Что же касается многочисленности положительныхъ отвѣтовъ, которыхъ, по оффиціальному подсчету насчитывалось больше трехъ съ половиною милліоновъ, то это свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ, что въ широкихъ слояхъ населенія личность перваго консула имѣла больше обаянія, чѣмъ республиканская свобода. Кромѣ того, въ числѣ вотировавшихъ за положительный отвѣтъ было, несомнѣнно, значительное количество монархистовъ, которые, конечно, предпочли бы видѣть на мѣстѣ генерала Бонапарта законнаго наслѣдника французскаго престола, но за невозможностью, пока что, имѣть законную монархію, они готовы были примириться временно съ ея суррогатомъ. То обстоятельство, что незадолго до августовскаго плебисцита 1802 года Бонапартъ опубликовалъ частичную амнистію эмигрантамъ, чѣмъ примирилъ съ собою многихъ роялистовъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что и самъ Бонапартъ учитывалъ заранѣе голоса послѣднихъ въ предстоящемъ плебисцитѣ.

Характерно, что сенатусконсультъ 4 августа называетъ перваго консула уже не „гражданиномъ Бонапартомъ“, а Наполеономъ Бонапартомъ. Республиканскій титулъ „гражданинъ“, дѣйствительно, уже мало гармонировалъ съ новой „конституціей десятаго года“, какъ стали потомъ называть „органическій сенатусконсультъ“.

Установленіе имперіи. Отъ пожизненнаго (и наслѣдственнаго) консульства до имперіи оставался одинъ шагъ; онъ былъ сдѣланъ около двухъ лѣтъ спустя, въ формѣ новаго сенатусконсульта 28 флореаля двѣнадцатаго года республики (18 мая 1804 г.). Хотя этотъ сенатусконсультъ подлежалъ уже плебисциту, но первый консулъ въ тотъ же день принялъ оффиціально титулъ „императора французовъ“, подъ именемъ Наполеона I. Любопытно, что установленіе имперіи не предшествовалось и не сопровождалось формальнымъ упраздненіемъ республики. Послѣдняя продолжала еще нѣкоторое время жить въ оффиціальной терминологіи, равно какъ и въ будничномъ словоупотребленіи. Самый сенатусконсультъ, устанавливавшій

имперію, начинался словами: „Управленіе республикой ввѣряется императору“. И императорскіе акты продолжали еще нѣкоторое время датироваться, согласно введенному Конвентомъ лѣтосчисленію, такимъ-то годомъ республики.

Сенатусконсультъ 28 флореаля, или, какъ его потомъ стали также называть, конституція двѣнадцатаго года, является первой императорской конституціей, подобно тому какъ конституція 1791 года была первой королевской, а конституція 1793 года первой республиканской. Императорское достоинство объявлялось наслѣдственнымъ въ мужскомъ потомствѣ Наполеона по прямой линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ власть императора получала новыя приращенія. Независимо отъ всѣхъ тѣхъ полномочій, которыя переходили къ императору отъ перваго консула, императоръ получалъ цѣлый рядъ новыхъ прерогативъ: право одобрять или отвергать постановленія Сената относительно неконституціонности того или другого принятаго Законодательнымъ корпусомъ законопроекта; право назначать высшихъ сановниковъ имперіи, учрежденныхъ сенатусконсультомъ 28 флореаля для приданія внѣшняго блеска имперіи; право назначать президентовъ Сената, Трибуната и высшихъ судебныхъ учрежденій: кассаціонной и апелляціонной палатъ. Императоръ объявлялся главой юстиціи, и всѣ судебные приговоры должны были отнынѣ постановляться трибуналами не отъ имени „французскаго народа“, а отъ имени „императора“.

Императорскіе декреты.

Но самое важное приращеніе власти императора заключалось въ правѣ его издавать декреты, причемъ область подлежащихъ декретамъ предметовъ не была ограничена: не было проведено никакой грани между ней и областью законодательства. Слѣдствіемъ этого было то, что, посредствомъ декретовъ, императоръ фактически сдѣлался единоличнымъ законодателемъ. Что касается Законодательнаго корпуса (Трибунатъ былъ упраздненъ въ 1807 г.), то на его долю осталась лишь кодификаціонная работа; послѣ того какъ всѣ крупные кодексы были окончательно выработаны, законодательныя учрежденія фактически перестали функціонировать; иногда они не собирались въ теченіе цѣлаго года: имъ нечего было дѣлать. Всю законодательную работу за нихъ вершилъ императоръ, воля котораго отнынѣ становилась закономъ.

Политическая полиція и политическіе термины.

Для обезпеченія достигнутой власти и основаннаго на ней новаго порядка, Наполеонъ реорганизовалъ и усилилъ полицію. На ряду съ общей полиціей, во главѣ которой стояло учрежденное

еще въ эпоху Директоріи министерство полиціи, Наполеонъ организовалъ особую политическую полицію и поставилъ на широкую ногу политическое шпіонство [1]). Воскресли опять политическія тюрьмы, куда сажали людей безъ слѣдствія и суда, по простому распоряженію императора или просто по усмотрѣнію администраціи. Разрушенные, казалось, революціей правительственный деспотизмъ и административный произволъ воскресли въ новой и болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ это было въ послѣднія времена стараго порядка, когда Бастилія почти пустовала, а знаменитыя lettres de cachet служили болѣе средствомъ для ликвидаціи различныхъ семейныхъ осложненій, чѣмъ орудіемъ политическаго деспотизма.

Императорскій дворъ.

Не довольствуясь достигнутою властью императоръ хотѣлъ окружить свой тронъ внѣшнимъ блескомъ, по образцу стараго королевскаго двора. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ уже Сенатомъ, который, одновременно съ введеніемъ имперіи, декретировалъ также учрежденіе шести высшихъ имперскихъ чиновъ (grands dignitaires de l'Empire), имѣвшихъ чисто декоративное значеніе. Это были: великій избиратель (братъ императора Жозефъ Бонапартъ), архиканцлеръ имперіи (Камбасересъ), государственный архиканцлеръ (Евгеній Богарнэ), архиказначей (Лебренъ), коннетабль (Луи Бонапартъ), великій адмиралъ (Мюратъ).

Кромѣ того, былъ учрежденъ цѣлый рядъ другихъ почетныхъ чиновъ, гражданскихъ и военныхъ, частью заимствованныхъ у стараго порядка. Изъ нихъ особенную популярность получилъ высшій военный чинъ—маршала (maréchal), который сдѣлался завѣтной мечтой каждаго генерала. Продолжая въ этомъ направленіи, Наполеонъ создалъ цѣлый штатъ придворныхъ должностей, какъ для собственной особы, такъ и для всѣхъ членовъ своей фамиліи, получившихъ, по примѣру стараго королевскаго двора, титулы принцевъ и принцессъ. Онъ старался воскресить придворный этикетъ и вмѣстѣ—свѣтскій лоскъ прежняго королевскаго двора. Въ королевскомъ дворцѣ (Тюильри), сдѣлавшемся теперь резиденціею императора, задавались роскошные балы и спектакли. Разыскали придворнаго танцмейстера королевы Маріи-Антуанеты и ея камерфрейлинъ и заставили ихъ обучать новыхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ танцамъ и изящнымъ манерамъ стараго двора. Старались привлечь ко двору представителей стараго дворянства,

[1]) E. d'Hauterive. La police secrète du premier Empire. Paris, 1908.

частью возвратившагося изъ эмиграціи, съ разрѣшенія Наполеона. Но такъ какъ, несмотря на щедрость къ „примирившимся“ дворянамъ, предложеніе оставалось ниже спроса, то Наполеонъ сталъ самъ жаловать дворянское званіе и раздавать титулы кавалера, барона, графа, герцога, принца. Такъ возникъ цѣлый рядъ новыхъ дворянскихъ фамилій, образовавшихъ такъ называемое „имперское дворянство“ [1]). «Имперское дворянство».

Изъ тѣхъ же побужденій Наполеонъ старался связать свою фамилію родственными узами съ старыми иноземными династіями. Одного изъ своихъ братьевъ, Жерома, а также своего пасынка Евгенія Богарнэ онъ женилъ на нѣмецкихъ принцессахъ, племянницу своей жены выдалъ за нѣмецкаго принца и, наконецъ, самъ заставилъ австрійскаго императора выдать за себя дочь (разведясь предварительно съ своей первой женой, подъ предлогомъ ея безплодія). Завоеванныя французскимъ оружіемъ земли онъ сталъ раздавать своимъ братьямъ, родственникамъ и приближеннымъ съ титулами королей, герцоговъ и принцевъ.

Законодательство Наполеона.

Источники и литература предмета: J. de Maleville. Analyse raisonnée des discussions du Code civil au Conseil d'Etat. 4 vol. Paris, 1902; Toullier. Le droit civil français suivant l'ordre du Code. 1 vol. Paris, 1854; J. G. Locre. Esprit du Code civil Napoléon tiré de la discussion. 5 vol. Paris, 1805—1808; Code civil. Livre du centenaire, Paris, 1904; Dubédat. Cambacérès et la part prise par le second consul aux travaux préparatoires du Code Napoléon (Recueil de l'Académie de législation de Toulouse, 1858); Edmond-Blanc. Napoléon I, ses institutions civiles et administratives. Paris, 1880; A. Madelin. Le premier consul législateur. Paris 1865; M. Sévin. Etudes sur les origines révolutionnaires des Codes Napoléon. Paris, 1879; Ph. Sagnac. La législation civile de la Révolution. Paris, 1902.

До революціи Франція не имѣла общаго для всей страны кодекса гражданскаго права. Имущественныя и семейныя отношенія между гражданами регулировались отчасти (преимущественно на югѣ) римскимъ правомъ, отчасти (въ бо́льшей части Франціи) — мѣстными „кутюмами“, то-есть старымъ обычнымъ правомъ, закрѣпленномъ въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ кодексовъ, которые и были Гражданскій и другіе кодексы.

[1]) Другой формой императорской милости было пожалованіе званія кавалера, офицера или командора ордена почетнаго легіона, учрежденнаго Наполеономъ еще въ эпоху консульства, въ 1804 году. Орденъ былъ доступенъ и для штатскихъ, но Наполеонъ жаловалъ его предпочтительно военнымъ.

для данныхъ мѣстностей кодексами дѣйствующаго гражданскаго права. Устраненіе этой, связанной съ огромными практическими неудобствами, пестроты гражданско-правовыхъ нормъ было однимъ изъ пожеланій, высказанныхъ избирателями въ своихъ наказахъ въ 1789 году. Учредительное собраніе въ 1790 году признало въ принципѣ необходимость этой реформы и включило ее въ число своихъ задачъ, но выполнить ея не успѣло. Законодательное собраніе въ 1791 году сдѣлало первый шагъ къ выполненію этой задачи тѣмъ, что пригласило всѣхъ гражданъ сообщать ему свои соображенія относительно объединенія гражданскаго права, но на этомъ дѣло и остановилось. Конвентъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ, поручивъ своему Законодательному комитету выработку проекта гражданскаго кодекса, но представленный проектъ былъ забракованъ, а обсужденіе новаго проекта не было закончено, когда Конвентъ разошелся. По порученію Директоріи былъ составленъ новый проектъ, но обсужденіе его было прервано переворотомъ 18 брюмера. Задачу, намѣченную Учредительнымъ собраніемъ и не выполненную ни однимъ изъ послѣдующихъ законодательныхъ собраній республиканскаго періода, взялся выполнить первый консулъ, и дѣйствительно выполнилъ ее столько же быстро, сколько и удачно, при посредствѣ установленныхъ конституціей восьмого года законодательныхъ учрежденій. Быстрота выполненія этой огромной работы (она была выполнена въ теченіе одного года) объясняется, какъ интенсивностью работы, къ участію въ которой были привлечены первымъ консуломъ всѣ лучшіе юристы Франціи, такъ и тѣмъ, что значительная доля подготовительной работы была уже сдѣлана ранѣе. Въ мартѣ 1804 года кодексъ наконецъ былъ законченъ, и санкціонировавшій его законъ объявилъ отмѣненными дѣйствовавшіе до сихъ поръ въ различныхъ частяхъ Франціи римское право, кутюмы и различные статуты и регламенты. Новый гражданскій кодексъ, получившій названіе „кодекса Наполеона“ (Code Napoléon), полагалъ въ основу гражданскихъ отношеній провозглашенный революціей принципъ равенства, но Наполеонъ не хотѣлъ признать этого равенства за женщинами, къ которымъ онъ вообще относился пренебрежительно. Гражданскія права женщины являются въ кодексѣ, дѣйствительно, сильно урѣзанными. Наполеону же лично принадлежитъ внесенная въ кодексъ фраза: „жена должна повиноваться своему мужу“.

Изданіе гражданскаго кодекса было самымъ крупнымъ дѣломъ мирной, организаціонной дѣятельности Наполеона, какъ онъ и самъ это признавалъ впослѣдствіи. „Истинная моя

слава, писалъ онъ въ своемъ заключеніи на островѣ Св. Елены, не въ тѣхъ сорока битвахъ, которыя я выигралъ. Одна битва при Ватерлоо сотретъ память о столькихъ побѣдахъ. Но чего никто не вытравитъ, и что будетъ жить вѣчно, это—мой гражданскій кодексъ".

Объединеніе гражданскаго права было вскорѣ (уже въ эпоху имперіи) дополнено объединеніемъ судопроизводства, сначала гражданскаго (кодексъ гражданскаго судопроизводства, 1806 г.) и торговаго (торговый кодексъ, 1807 г.), а затѣмъ и уголовнаго (уголовный кодексъ, 1810 г.). Послѣдній кодексъ закрѣплялъ нѣкоторыя изъ нововведеній революціи, но въ то же время сохранялъ нѣкоторыя изъ варварскихъ наказаній старинной юстиціи (отрубаніе кисти руки, клеймленіе раскаленнымъ желѣзомъ и т. п.).

Суд.

Организація суда была затѣмъ приспособлена къ новымъ кодексамъ. Установленная въ эпоху революціи гласность и безплатность суда были сохранены, но была отмѣнена выборность судей, которые отнынѣ превращались въ чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ. Должности адвокатовъ, судебныхъ приставовъ и нотаріусовъ были сдѣланы продажными, какъ при старомъ порядкѣ.

Наконецъ, Наполеонъ организовалъ независимую отъ общей судебной организаціи спеціальную административную юстицію. Не смотря на то, что съ упраздненіемъ выборности судей и превращеніемъ ихъ въ правительственныхъ чиновниковъ, о независимости суда не могло быть рѣчи, тѣмъ не менѣе Наполеонъ считалъ нужнымъ поставить административные органы правительства въ совершенную независимость отъ обыкновеннаго суда. Всѣ дѣла, въ которыхъ одной изъ сторонъ являлись представители администраціи, подлежали вѣдѣнію спеціальной административной юстиціи, во главѣ которой былъ поставленъ Государственный совѣтъ. Въ областяхъ главнымъ органомъ административной юстиціи являлся, въ каждомъ департаментѣ, такъ называемый Совѣтъ префектуры (Conseil de préfecture), который осуществлялъ свои функціи совмѣстно съ префектомъ.

Финансы и администрація

Изъ другихъ внутреннихъ реформъ, имѣвшихъ длительное значеніе, слѣдуетъ отмѣтить: организацію податного обложенія, сохранившуюся въ общихъ чертахъ до сихъ поръ; учрежденіе продолжающаго также существовать понынѣ частнаго привилегированнаго эмиссіоннаго банка, подъ названіемъ Banque de France; наконецъ, организацію областного и мѣстнаго управленія (съ префектомъ и Общимъ совѣтомъ въ каждомъ департаментѣ, съ подпрефектомъ въ каждомъ округѣ, arrondissement), которая въ глав-

ныхъ своихъ частяхъ и по настоящее время продолжаетъ функціонировать во Франціи.

Наконецъ, Наполеономъ была сдѣлана серьезная попытка разрѣшить оставленный ему въ наслѣдство революціей тяжелый и крайне запутанный церковный вопросъ.

Церковный вопросъ и конкордатъ 1801 года.

Источники и литература.

I. Документальные источники и записки современниковъ: A. Boulay de la Meurthe. Documents sur la négociation du Concordat. Paris, 1891—1897; Correspondance authentique de la cour de Rome avec la France. Paris, 1814; Portalis. Discours, rapports et travaux inédits sur le Concordat de 1801. Paris, 1845; A. Ricard. Correspondance diplomatique et mémoires inédits du cardinal Maury, 1792—1817. Lille, 1891.—II. Новѣйшія историческія сочиненія: Le cardinal Mathieu. Le Concordat de 1801, ses origines, son histoire, d'après des documents inédits. Paris, 1903; Auguste Body. Le Concordat, sa négotiation, son histoire. Lyon, 1903; l'abbé Sevestre. L'histoire, le texte et la destinée du Concordat de 1801. Angers, 1903; J. Baissac. Le Concordat de 1801 et les articles organiques. Paris, 1879; dom F. Chambard. La Révolution, le Concordat et la liberté religieuse. Paris, 1891; l'abbé Delarc. L'Eglise de Paris pendant la Revolution française. Paris, 1895—1896; Haussonville. L'Eglise Romaine et le premier Empire. 5 vol. Paris, 1868—1870; H. Welschinger. Le Pape et l'Empereur. Paris, 1905; Emile Lafont. La politique religieuse de la Révolution française. Paris, 1909; A. Debidour. Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France, 1789—1870. Paris, 1898; P. Pisani. L'Eglise de Paris et la Révolution. Paris, 1908; E. Jungnitz. Religion und Kirche in Frankreich während der Revoluzion. Charlottenburg, s. d; E. Biré. Le Clergé de France pendant la Revolution. Lyon, 1901; H. Mailfait. La déportation et l'exil du clergé pendant la Révolution. Paris, 1905.

«Гражданское устройство» и его слѣдствія.

Начатая Учредительнымъ собраніемъ и законченная Конвентомъ новая организація національной церкви, сопровождавшаяся „націонализаціей“ церковныхъ имуществъ, то-есть ихъ отобраніемъ въ казну и распродажей, въ качествѣ „національныхъ имуществъ“, въ пользу государства, и введеніемъ „гражданскаго устройства“ въ церковную организацію, съ подчиненіемъ духовныхъ лицъ особой „гражданской присягѣ“, перевернуло вверхъ дномъ вѣками сложившіяся отношенія между церковью и государствомъ, между духовенствомъ и паствой; оно вызвало рѣзкій расколъ въ средѣ самого духовенства и вмѣстѣ съ тѣмъ внесло глубокій разладъ въ ту часть націи, которая продолжала оставаться вѣрной католичеству, а эта часть составляла огромное большинство всего населенія Франціи. Принявшее „гражданское устройство“ и подчинившееся „гражданской присягѣ“ духовенство (присяжные священники) стало

подъ покровительство государственной власти, но очутилось въ ложномъ положеніи по отношенію къ своей паствѣ, значительная часть которой не хотѣла признать своими пастырями „отщепенцевъ“, осужденныхъ св. отцомъ.

Присяжное духовенство оказалось въ ложномъ положеніи также и по отношенію къ другой части духовенства, которая, не смотря на угрозы, притѣсненія, гоненія, ссылки и казни, осталась вѣрной тому, что считала своимъ долгомъ. Эти неприсяжные, или, какъ ихъ обыкновенно называли, „непокорные“ (réfractaires) священники, не признававшіеся властями, не только продолжали пользоваться авторитетомъ и довѣріемъ со стороны большинства своей паствы, но и пріобрѣли въ ея глазахъ еще бо̀льшее вліяніе на нее, благодаря тому ореолу героизма и мученичества, который имъ создали правительственныя преслѣдованія. Эти преслѣдованія сдѣлали изъ „непокорныхъ“ священниковъ непримиримыхъ враговъ революціи и вышедшей изъ нея республики. Они горячо поддерживали и развивали контръ-революціонное движеніе всюду, гдѣ для этого имѣлись задатки, а почву для этого подготовляли обыкновенно сами же революціонныя власти.

Независимо отъ своихъ политическихъ послѣдствій, церковная смута вносила серьезныя замѣшательства и въ частно-правовыя отношенія. Благодаря ей, оказывалась сомнительной и спорной легальность множества браковъ, со всѣми вытекавшими отсюда многочисленными правовыми послѣдствіями (напримѣръ, въ правахъ наслѣдованія). Цѣлый рядъ состоявшихся актовъ распродажи церковныхъ земель республиканскимъ правительствомъ вызывали сомнѣніе въ своей законности.

Наконецъ, церковный вопросъ вносилъ серьезныя осложненія въ международныя отношенія Франціи, благодаря прекращенію дипломатическихъ сношеній съ папской куріей, представлявшей въ международной политикѣ величину, съ которой нельзя было не считаться.

Чтобы покончить съ такимъ ненормальнымъ и тягостнымъ положеніемъ вещей, Наполеонъ, уже въ первые годы своего консульства, вступилъ съ папской куріей, которая, съ своей стороны, также была заинтересована въ возстановленіи нормальныхъ отношеній съ „старшей дочерью католической церкви“ (какъ изстари называли папы Францію), въ переговоры; результатомъ послѣднихъ было основанное на обоюдныхъ уступкахъ соглашеніе, подъ обычнымъ для подобнаго рода актовъ названіемъ конкордата (concordat).

Конкордатъ 1801 г.

По конкордату 1801 года, продолжавшему регулировать взаимныя отношенія между государствомъ и церковью во Франціи, вплоть до начала двадцатаго столѣтія, когда произошло окончательное отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи (о чемъ будетъ рѣчь ниже, гл. XV), Наполеону удалось добиться отъ папы гораздо болѣе значительныхъ уступокъ въ пользу свѣтской власти, чѣмъ это имѣло мѣсто по конкордату 1516 года, который являлся вплоть до великой революціи основнымъ актомъ, регулировавшимъ взаимныя отношенія между свѣтской и духовной властью во Франціи.

Наполеонъ добился прежде всего права назначать епископовъ, при чемъ папѣ предоставлялось лишь каноническое посвященіе въ епископскій санъ намѣченнаго правительствомъ лица. Право назначать священниковъ предоставлялось епископамъ, но лишь съ одобренія правительства въ каждомъ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ, французская іерархія становилась подъ ферулу свѣтской власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ добился согласія папы на сокращеніе числа епископскихъ каѳедръ и на новое распредѣленіе епархій, въ соотвѣтствіи съ административнымъ дѣленіемъ на департаменты. Далѣе, папа примирился съ отчужденіемъ церковныхъ имуществъ, подъ условіемъ выдачи священникамъ казеннаго жалованья, и согласился признать за свѣтской властью право „полицейской регламентаціи“ надъ духовенствомъ, „ради общественнаго спокойствія“. Съ своей стороны, Наполеонъ согласился возстановить безпрепятственное публичное отправленіе католическаго богослуженія, подвергавшееся стѣсненіямъ со времепъ Конвента. Папа настаивалъ на признаніи католичества „вѣроисповѣданіемъ Франціи“; Наполеонъ согласился лишь на признаніе его „вѣроисповѣданіемъ значительнаго большинства французовъ“, но въ то же время настоялъ на включеніе въ мессу (обѣдню) молитвы „за республику и консуловъ“ (Domine, salvam fac rempublicam! Domine, salvos fac consules!). Послѣ переворота 28 флореаля формула этой молитвы была соотвѣтственнымъ образомъ измѣнена: Domine, salvum fac imperatorem!

Пользуясь признаннымъ конкордатомъ за свѣтской властью правомъ „полицейской регламентаціи“ въ церковной сферѣ, Наполеонъ провелъ въ законодательномъ порядкѣ такъ называемыя „органическія статьи“ къ конкордату, которыми, подъ предлогомъ интерпретаціи конкордата и регламентаціи внѣшней стороны католической церковной жизни, онъ въ сущности захватнымъ правомъ расширялъ ту и безъ того широкую сферу полномочій, которая была признана за свѣтской властью конкордатомъ.

«Органическія статьи» и Пій VII.

Папа Пій VII отказался признать „органическія статьи“, въ которыхъ не безъ основанія усматривалъ вторженіе въ права римской куріи, и это обстоятельство послужило поводомъ къ возобновленію улаженнаго, казалось, раздора между французскимъ правительствомъ и папской куріей, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ, вообще не склонный уважать чьихъ бы то ни было правъ, сталъ еще менѣе считаться съ правами папы, послѣ того какъ изъ перваго консула превратился въ императора. Въ 1805 году онъ самовластно, безъ согласія папы, распространилъ конкордатъ 1801 года на свои новыя владѣнія въ Италіи и сталъ назначать тамъ епископовъ, которымъ папа отказался дать каноническое посвященіе. Онъ отказался равнымъ образомъ удовлетворить требованіе императора о расторженіи брака его брата Жозефа, такъ какъ папа не усматривалъ для этого никакихъ каноническихъ основаній. Наполеонъ отвѣтилъ занятіемъ принадлежащаго къ папскимъ владѣніямъ города Анконы. Вскорѣ, въ началѣ 1806 года, Наполеонъ потребовалъ отъ папы, который объявилъ оффиціально о своемъ твердомъ намѣреніи сохранять нейтралитетъ, принятія „континентальной системы“ и удаленія изъ Рима англичанъ, русскихъ и шведовъ. „Вы—суверенный государь Рима, а я—императоръ. Мои непріятели должны быть и вашими“, писалъ, между прочимъ, папѣ Наполеонъ, называвшій себя въ другомъ письмѣ къ папѣ „покровителемъ св. престола“. А когда Пій VII отклонилъ это требованіе, ссылаясь на свой нейтралитетъ, Наполеонъ послалъ свои войска занять Церковную область, а потомъ и самый Римъ, гдѣ 24 кардинала были арестованы и сосланы. Папа оказался плѣнникомъ въ своемъ дворцѣ. Послѣ 14-мѣсячной оккупаціи Рима французскими войсками Наполеонъ объявилъ (въ маѣ 1809 г.) всю Церковную область присоединенною къ Французской имперіи, а Римъ—„вольнымъ имперскимъ городомъ“. Наполеонъ замышлялъ даже перенести въ Парижъ папскую курію, о чемъ онъ самъ писалъ впослѣдствіи на островѣ св. Елены: „Парижъ сдѣлался бы тогда столицей христіанскаго міра, и я бы управлялъ міромъ въ религіозной сферѣ такъ же, какъ и въ сферѣ политической“. На вооруженное насиліе папа отвѣтилъ церковнымъ оружіемъ: онъ объявилъ церковное отлученіе противъ виновниковъ и участниковъ насилія, не называя, впрочемъ, императора. Наполеонъ послалъ своихъ жандармовъ арестовать папу, увезти его изъ Рима и содержать подъ арестомъ въ Савонѣ (въ Генуэзской области). Наполеонъ надѣялся вынудить у Пія VII отреченіе отъ свѣтской власти, но встрѣтилъ непреклонный отказъ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ папа отказался дать каноническое посвященіе лицамъ, намѣченнымъ императоромъ для вакантныхъ епископскихъ каѳедръ. Тогда Наполеонъ приказалъ назначеннымъ лицамъ занять епископскія каѳедры, не дожидаясь каноническаго посвященія, а надъ папой усилить надзоръ, лишивъ его всякаго сношенія съ внѣшнимъ міромъ; предписано было даже отобрать у него бумагу и перья. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1811 году Наполеонъ созвалъ соборъ всѣхъ епископовъ Франціи. Разсчитывая на традиціонную борьбу за власть между папами и соборами, Наполеонъ надѣялся найти въ соборѣ французскихъ епископовъ, своихъ креатуръ, поддержку противъ непреклоннаго папы. Ему хотѣлось, чтобы соборъ призналъ папское посвященіе не необходимымъ для епископа, если въ теченіе извѣстнаго срока назначенное правительствомъ лицо не получитъ папскаго посвященія. Тогда бы императоръ могъ свободно обойтись безъ папы, а епископы превратились бы въ простыхъ чиновниковъ, въ своего рода церковныхъ префектовъ. Когда, однако, вопреки ожиданіямъ Наполеона, на соборѣ раздались рѣчи въ защиту папской прерогативы, онъ закрылъ соборъ, отправилъ трехъ наиболѣе неуступчивыхъ епископовъ въ Венсенъ (вторая Бастилія, уцѣлѣвшая послѣ разрушенія первой), а затѣмъ каждаго епископа вызывали поодиночкѣ въ министерство исповѣданій и предлагали подписать заявленіе о своемъ согласіи съ проектомъ правительственнаго декрета. Нашлось лишь 14 епископовъ, которые, несмотря ни на увѣщанія, ни на обѣщанія, ни на угрозы, не согласились дать требуемой подписи. Заручившись достаточнымъ количествомъ подписей (многія, впрочемъ, были сдѣланы съ оговоркой: „если папа дастъ на то свое согласіе“), Наполеонъ сейчасъ же снова открылъ соборъ. Онъ обѣщалъ, что декретъ будетъ представленъ на утвержденіе папы, и соборъ немедленно принялъ декретъ. Сверхъ ожиданія, Пій VII на этотъ разъ не оказалъ сопротивленія и утвердилъ декретъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, оговорками; но о нихъ Наполеонъ не хотѣлъ и слышать. Чтобы окончательно сломить уже надломленную энергію удрученнаго старостью, болѣзнью и продолжительнымъ заключеніемъ Пія VII, Наполеонъ распорядился перевезти его въ Фонтенбло (близъ Парижа), чтобы имѣть его постоянно подъ рукой. Императору, дѣйствительно, удалось наконецъ добиться почти всего, чего онъ хотѣлъ, и больной, почти умирающій папа согласился почти на все, чего отъ него требовали. Но это было въ 1813 году, накапунѣ крушенія имперіи, и Наполеону не пришлось уже осуществить на дѣлѣ свою окончательную побѣду надъ папой.

IV. Европа въ эпоху революціи, консульства и имперіи. Международныя отношенія и войны.

Источники и литература

I. Современные документальные и частные источники по исторіи международной политики и войнъ эпохи революціи и имперіи: G. F. von Martens. Recueil des principaux traités conclus par les puissances de l'Europe depuis 1761 jusqu'à présent. 8 vol. Göttingen, 1817—1835; Ф. Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами, Томы 12—14. Спб., 1905; Hüffer. Quellen zur Geschichte der franz. Revoluzion. 3 Bde. Leipzig, 1900—1901; P. Bailleu. Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. 2 Bde. Leipzig, 1881—1887; L. Naumann. Recueil des Traités et Conventions conclues par l'Autriche avec les puissances étrangères, depuis 1763 jusqu'à nos jours. 6 vol. Leipzig, 1845—1849; Correspondance de Napoleon (см. выше, въ началѣ гл. III); A. Beer. Briefwechsel zwischen Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Wien, 1873; S. Brunner. Correspondance intime de l'Empereur Joseph II avec son ami le comte de Cobentzl et son premier ministre le prince de Kaunitz. Mainz 1871; prince de Ligne. Mémoires et Mélanges historiques. 5 vol. Paris, 1827—1829; Keith. Memoirs and Correspondence. 2 vol. London, 1849; Mémoires du comte de Belliard. 3 vol. Paris, 1842—1843; Mémoires du général Bigarré. Paris, 1893; O. von Bray. Dekwürdigkeiten. Leipzig, 1901; C. W. Dohm. Dekwürdigkeiten meiner Zeit (1778—1806). 5 Bde. Hannover, 1814—1819; Ch. de Mazade. Correspondance du maréchal Davout. Paris, 1885. Кромѣ указанныхъ въ предыдущей главѣ мемуаровъ, болѣе близкое отношеніе къ международной военной исторіи эпохи имѣютъ многочисленные мемуары и воспоминанія генераловъ и маршаловъ Наполеона; въ печати имѣются (по-французски) мемуары: Soult, Marmont, Junot, Masséna, Vandamme, Rapp, Jomini, M. Dumas, Fézenzac, Marco-Saint-Hilaire, Marbot, Oudinot, Castellane, Macdonald, Boulard, Rochechouart. Bigarré etc., а также записки братьевъ Наполеона—Жозефа и Жерома и его пасынка Евгенія Богарнэ.—II. Болѣе подробныя указанія на литературу предмета можно найти въ сочиненіи Сореля (ниже упоминается), а также въ соотвѣтствующихъ томахъ (8—9) общихъ исторій Лависса и Рамбо и „Кэмбриджской Новой Исторіи“ (по англійски). Изъ относящейся сюда огромной литературы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ и новѣйшихъ работъ: Albert Sorel. L'Europe et la Révolution française. 8 vol. Paris, 1885—1903; Albert Vandal. Napoléon I et Alexandre I. 3 vol. Paris, 1896; Driault. La politique orientale de Napoléon I. Paris, 1903; H. Welschinger. Le pape et l'Empereur. 1804—1815. Paris, 1905; Leopold Ranke. Ursprung und Beginn der Revoluzions-Kriege, 1791—1792 (Sämmtliche Werke, t. 45); I. Glagau. Die französische Legislative und der Ursprung der Revoluzionskriege, 1791—1792. Berlin, 1896; Arthur Chuquet. Les guerres de la Revolution. 11 vol. Paris, 1886—1896; Commandant Camont. La guerre Napoléonienne. Précis des campagnes. 2 vol. Paris, 1903; général baron J. Ambert. Les généraux de la Révolution (1792—1904); Ed. Bonnal. Les armées de la République. Paris, 1889; Karl Bleitbreu. Die Napoleonische Kriege um die Weltherrschaft. Leipzig, 1892; von Simmern. Oesterreich und das Reich im Kampfe gegen die franz. Revoluzion. 2 Bde. Berlin, 1880. См. также сочиненія, указанныя въ т. IV, стр. 237, примѣч. Болѣе спеціальныя монографіи будутъ указаны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ подъ текстомъ.

Начало войнъ между революціонной Франціей и монархической Европой (1791—1792 г.).

Происхожденіе революціонныхъ войнъ.

Основной причиной „революціонныхъ войнъ“, непосредственнымъ продолженіемъ которыхъ явились „наполеоновскія войны“, было то глубокое противорѣчіе, въ какое стала революціонная Франція съ монархической и феодальной Европой. Дѣло въ томъ, что разрушенный революціею „старый порядокъ“, основанный на сочетаніи новаго монархическаго абсолютизма съ остатками средневѣковаго феодализма, былъ принадлежностью не одной лишь Франціи, но и всей Западной Европы. Крушеніе стараго порядка во Франціи не могло поэтому не вызвать тревоги въ правящихъ кругахъ остальной Европы, тѣмъ болѣе, что французская революція съ самаго начала проявляла тенденцію къ превращенію своему изъ явленія мѣстнаго въ явленіе общеевропейское, даже—всемірное. Вожди революціи старались подчеркивать этотъ общечеловѣческій и міровой характеръ ея, выставляя, какъ ея конечную цѣль и идеальную задачу,—освобожденіе „народовъ“ и всего человѣчества.

Съ другой стороны, французская революція встрѣтила за предѣлами Франціи горячее сочувствіе къ себѣ въ „просвѣщенныхъ“ кругахъ и въ широкихъ народныхъ массахъ, страдавшихъ подъ гнетомъ феодальнаго режима, только что низвергнутаго во Франціи. Успѣхи французской революціи послужили сигналомъ къ возникновенію революціоннаго броженія и въ другихъ странахъ. Франція становилась очагомъ революціоннаго пожара, грозившаго разлиться по всей Европѣ. Необходимо было поспѣшить потушить этотъ опасный очагъ. И вотъ, въ правящихъ кругахъ Европы возникаетъ идея о совмѣстномъ вооруженномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Франціи, для подавленія революціи и возстановленія стараго порядка. Мысль о монархическомъ крестовомъ походѣ противъ революціонной Франціи пропагандировалась уже въ 1790 году шведскимъ королемъ Густавомъ III (1771—1192); онъ даже поспѣшилъ, ради этого, примириться съ Екатериной II (верельскій миръ, въ августѣ 1790 г.), которая изъ дипломатическихъ соображеній показывала видъ, что вполнѣ раздѣляетъ мысль о необходимости вмѣшательства въ дѣла Франціи. Мысль эту усиленно поддерживали и пропагандировали при всѣхъ европейскихъ дворахъ французскіе эмигранты, преимущественно изъ придворной знати, во главѣ съ братомъ короля, графомъ д'Артуа. Это были

люди, которые всего больше потеряли съ крушеніемъ стараго порядка (позднѣе ряды эмигрантовъ стали пополняться „непокорными“ священниками). Идею объ иностранномъ вмѣшательствѣ лелѣялъ и Людовикъ XVI, когда сдѣлалъ свою злополучную попытку бѣжать за границу (іюнь 1791 г.). Неудачный исходъ этой попытки, окончившейся фактическимъ арестомъ короля, ускорилъ подготовлявшееся вмѣшательство державъ.

Пильницкая декларація.

Первымъ актомъ этого вмѣшательства была пильницкая декларація (27 августа 1791 г.) [1]). Но революціонная Франція предупредила вооруженное вмѣшательство монархической Европы, объявивши сама, въ отвѣтъ на готовящійся походъ государей противъ революціонной націи, войну королямъ во имя освобожденія народовъ. Фактически война была объявлена лишь Австріи (20 апрѣля 1792 г.); но къ ней присоединилась Пруссія, и Франціи пришлось воевать одновременно противъ двухъ державъ. Что касается Швеціи, то въ это время какъ разъ умеръ Густавъ III (мартъ 1792 г.), а его преемникъ, Густавъ IV (1792—1809), не раздѣлялъ его мысли о вмѣшательствѣ во французскія дѣла. Екатерина II, напротивъ, горячо поддерживала идею вмѣшательства, но отъ активнаго участія въ послѣдней уклонилась; ей было важно лишь отвлечь вниманіе и силы Австріи и Пруссіи въ сторону Франціи, для того чтобы имѣть развязанными руки въ Польшѣ и Пруссіи.

Немедленно вслѣдъ за объявленіемъ войны французскія войска вторглись въ Бельгію, которую французское правительство разсчитывало навсегда завоевать у Австріи. Экспедиція эта потерпѣла, однако, полную неудачу, а между тѣмъ съ востока надвигалась прусская армія подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго [2]). Въ августѣ 1792 года она безпрепятственно перешла французскую границу и обложила крѣпость Верденъ (Verdun). Принудивъ послѣднюю капитулировать (2 сентября 1792 г.), пруссаки двинулись дальше по направленію къ Парижу, но при Вальми (Valmy), въ Шампани, наткнулись на численно превосходныя силы подъ командой Келлермана и Дюмурье [3]). Опьяненные предыдущими легкими успѣхами, пруссаки, несмотря на значительное численное превосходство французской арміи, атаковали послѣднюю, но встрѣтили энергичный отпоръ, и хотя

Вальми.

---

[1]) См. т. IV, стр. 233—234.

[2]) Heidrich. Preussen im Kampfe gegen die franz. Revolution. Stuttgart, 1908.

[3]) Major A. von Boguslawski. Das Leben des Generals Dumouriez. 2 Bde. Berlin, 1879; Adolphe Monchanin. Dumouriez (1739—1823). Paris, 1884.

битва окончилась въ ничью, но такъ какъ французы удержали за собою позицію, а пруссаки отступили къ своей, то первые считали себя побѣдителями. Битва при Вальми, дѣйствительно, была для французовъ равносильна побѣдѣ, такъ какъ послѣ нѣсколькихъ дней бездѣйствія прусская армія, страдая отъ болѣзней, дурной погоды и недостатка продовольствія и военныхъ припасовъ, „похожая на походный госпиталь“, начала немедленно отступать, не тревожимая французами. 12 октября пруссаки очистили Верденъ и десять дней спустя перешли границу, въ сокращенномъ на половину составѣ; въ битвѣ при Вальми пало не больше двухсотъ пруссаковъ, остальные погибли отъ болѣзней и изнуренія.

Савоя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ободренныя первыми военными успѣхами, республиканскія арміи на всѣхъ театрахъ переходятъ въ наступленіе. Уже на другой день послѣ битвы при Вальми южная армія, подъ начальствомъ Монтескіу, вступила въ Савою и въ нѣсколько дней заняла всю область, не встрѣтивъ сопротивленія. Одновременно другая небольшая армія заняла другую часть владѣній сардинскаго короля, графство Ниццское. Въ то же время вогезская армія, подъ командой Кюстина, вторглась въ Пфальцъ; 30 сентября французы вступили въ Шпейеръ, 5 октября въ Филипсбургъ и Вормсъ, 21 октября—въ Майнцъ, 23 во Франкфуртъ. Они почти нигдѣ не встрѣчали сопротивленія. На сѣверѣ австрійская армія, послѣ безуспѣшной осады, а затѣмъ бомбардировки Лилля, отступила въ предѣлы Бельгіи, гдѣ около мѣсяца спустя была наголову разбита французами подъ командой Дюмурье (знаменитая битва при Жемаппѣ, 6 ноября). Недѣлю спустя французы овладѣли столицей Бельгіи, Брюсселемъ, а къ концу ноября были хозяевами всей Бельгіи.

Эти первые и столь блестящіе успѣхи французскаго оружія немедленно вслѣдъ за провозглашеніемъ республики не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на всѣ слои націи въ пользу республики, которая, казалось, несла съ собою побѣды Франціи. Приподнятое національное чувство подогрѣвало республиканскій энтузіазмъ; любовь къ отечеству и любовь къ республикѣ сливались въ одно чувство—одушевленнаго республиканскаго патріотизма. Это одушевленіе было особенно сильно въ арміи, и это давало ей большой моральный перевѣсъ надъ непріятельскими войсками, которымъ недоставало одушевляющей идеи. Анти-республиканское настроеніе ихъ предводителей было въ сущности чуждо массѣ солдатъ. Къ тому же одушевлявшій французскую армію патріотизмъ давалъ ей то единство настроенія и цѣли, котораго какъ

разъ не хватало непріятелямъ, цѣли и стремленія которыхъ во многомъ не только расходились, но и враждебно сталкивались между собой.

Героическій періодъ республиканскихъ войнъ.

Эпоха первыхъ успѣховъ республиканской арміи была героическимъ періодомъ республиканскихъ войнъ. И въ арміи, и въ странѣ, по крайней мѣрѣ въ республикански настроенныхъ кругахъ, смотрѣли на начинавшуюся наступательную войну, какъ на борьбу за торжество „великихъ принциповъ революціи“. Отстоявши свою собственную свободу отъ покушеній иноземныхъ „тирановъ“, республиканская Франція снаряжалась теперь въ походъ не только для реванша послѣднимъ, но и для освобожденія ихъ подданныхъ отъ „деспотизма“. Въ отвѣтъ на объявленную государями войну противъ революціи, революціонная Франція объявляла теперь войну государямъ во имя „освобожденія народовъ“. Это была война ради пропаганды революціи. Переступая границы Франціи, французскіе генералы спѣшили первымъ дѣломъ заявить населенію, что они идутъ воевать не съ „народами“, а съ государями, для „освобожденія“ первыхъ отъ „деспотизма“ послѣднихъ. А такъ какъ политическій деспотизмъ сливался для огромной массы населенія сосѣднихъ съ Франціей странъ съ ненавистнымъ сеньеріальнымъ (или феодальнымъ) режимомъ, то естественно, что во многихъ мѣстахъ населеніе встрѣчало французовъ, какъ своихъ освободителей. Вооруженная пропаганда революціонныхъ принциповъ получила на первыхъ порахъ большіе успѣхи. Вступившій 21 сентября въ Савою французскій отрядъ былъ встрѣченъ населеніемъ съ нескрываемою радостью. „Нашъ походъ, доносилъ Монтескіу военному министру, похожъ на тріумфальное шествіе. Изъ деревень и городовъ жители сбѣгаются на встрѣчу намъ... Мнѣ уже высказывали мысль объ образованіи восемьдесятъ четвертаго департамента, или же—республики подъ покровительствомъ Франціи“. Приведенныя слова интересны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ двумя идеями, которыя легли въ основаніе двухъ различныхъ программъ французской иностранной политики, изъ которыхъ одну можно назвать программой освобожденія, другую—программой завоеванія. Первая получила свое осуществленіе въ началѣ революціонныхъ войнъ, вторая въ концѣ.

Двѣ программы

Первый случай примѣненія „освободительной“ программы имѣлъ мѣсто въ Савоѣ. Монтескіу объявилъ, что освобожденному „народу аллоброговъ“ предоставляется самому рѣшить свою судьбу.

На собравшемся въ серединѣ октября 1792 г. „Верховномъ Національномъ собраніи Аллоброговъ“ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу присоединенія къ Франціи. Савоя получила названіе департамента Монъ-Бланъ. Это было первое территоріальное пріобрѣтеніе республиканской Франціи.

Нѣсколько позднѣе, собравшійся по иниціативѣ генерала Кюстина Національный Рейнско-германскій Конвентъ въ Майнцѣ вотировалъ присоединеніе къ Франціи германскихъ земель къ западу отъ Рейна. Делегатъ этого „конвента“ заявилъ въ парижскомъ якобинскомъ клубѣ, что въ рѣкѣ Рейнѣ Франція получила отнынѣ свою естественную границу на востокѣ. Въ этомъ заявленіи скрывалось указаніе на одинъ очень важный факторъ, который въ теченіе цѣлыхъ столѣтій игралъ первостепенную роль въ иностранной политикѣ Франціи, и который теперь снова выступалъ на сцену. Факторъ этотъ—идея объ естественныхъ границахъ. Эта идея, лежавшая въ основѣ политики территоріальныхъ округленій монархической Франціи, теперь, съ успѣхами республиканскаго оружія, снова выступаетъ на сцену. Связанная не съ какими-либо отвлеченными принципами, а съ вполнѣ реальными интересами, идея естественныхъ границъ не могла не отразиться на самомъ характерѣ войны, какъ и всей политики республиканской Франціи. Подъ вліяніемъ указанной идеи, освободительная программа героической эпохи очень скоро уступаетъ мѣсто программѣ завоевательной. Война за принципы мало-по-малу превращается въ войну за территоріальное округленіе Франціи; пропаганда республиканскихъ идей уступаетъ мѣсто расширенію французскаго владычества.

«Естественныя границы».

Уже въ серединѣ декабря 1792 года Конвентъ оффиціально заявляетъ, что хотя онъ и далекъ отъ завоевательныхъ замысловъ, и отъ желанія порабощать какой-либо народъ, тѣмъ не менѣе „всякая революція нуждается во временной власти“, и что „въ тѣхъ областяхъ, куда заводитъ французскія войска преслѣдованіе непріятеля, власть эта должна принадлежать только французамъ“. Соотвѣтственно съ даннымъ въ этомъ духѣ инструкціями, французскіе генералы, при содѣйствіи конвентскихъ уполномоченныхъ, принялись насаждать въ завоеванныхъ областяхъ свободу, съ замѣной мѣстныхъ властей французскими, съ конфискаціей церковныхъ и монастырскихъ земель и доманіальныхъ имуществъ, съ введеніемъ французскихъ податей и налоговъ, съ принудительнымъ курсомъ обезцѣненныхъ французскихъ ассигнацій и принудитель-

ными займами, съ притѣсненіями духовенства и профанаціей церквей, съ домашними обысками и арестами „подозрительныхъ“ и прочими аксессуарами оффиціальной якобинской свободы.

Отношеніе „освобожденныхъ народовъ“ къ своимъ освободителямъ быстро измѣнилось. Въ Бельгіи, гдѣ французскія войска встрѣтили сначала сочувственный пріемъ, пришлось прибѣгнуть къ организованному давленію, для того чтобы добиться отъ мѣстнаго населенія вотума о присоединеніи къ Франціи; но этотъ вынужденный вотумъ лишь усилилъ глухое недовольство противъ непрошеныхъ освободителей. Въ Пфальцѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ французскіе солдаты были встрѣчены населеніемъ съ распростертыми объятіями, народъ самъ взялся за оружіе, чтобы выгнать „паршивыхъ французовъ“.

Въ то же время, разыгранная Конвентомъ трагикомедія суда надъ королемъ, завершившаяся его казнью, открыла глаза многимъ увлекавшимся за предѣлами Франціи революціей, какъ мирнымъ „возрожденіемъ человѣчества“, какъ торжествомъ принциповъ разума и свободы надъ невѣжествомъ и гнетомъ стараго порядка. Событіе 21 января 1793 года значительно охладило первоначальныя симпатіи къ революціонной Франціи въ прогрессивныхъ кругахъ европейскаго общества и оттолкнуло отъ революціи, вырождавшейся въ кровавый терроръ, не только правящіе круги, но и широкіе слои населенія, которые въ массѣ своей были чужды революціонному настроенію и оставались вѣрны монархическимъ традиціямъ.

Анти-революціонное и анти-французское настроеніе, которое первоначально было достояніемъ придворныхъ и правящихъ круговъ, съ конца 1792 года и начала 1793 года распространяется быстро вширь и вглубь.

Въ эпоху процесса Людовика XVI англійскій парламентъ оглашается ярко франкофобскими рѣчами. Въ концѣ 1792 года англійское правительство прервало дипломатическія сношенія съ французскимъ. А когда въ Лондонѣ было получено извѣстіе о казни короля, французскаго посла попросили немедленно оставить Англію. Премьеръ Питтъ, при общихъ одобреніяхъ палаты, заявилъ въ парламентѣ о необходимости реагировать на „гнуснѣйшее изъ злодѣяній, о какомъ знаетъ исторія“. Вслѣдъ затѣмъ Питтъ вошелъ съ прочими державами въ переговоры, результатомъ которыхъ было образованіе такъ называемой первой европейской коалиціи противъ революціонной Франціи. Въ составъ этой коалиціи вошли, кромѣ Англіи и продолжавшихъ находиться въ войнѣ съ Франціей

Первая коалиція

Австріи и Пруссіи, Германская имперія, Россія, Испанія, Сардинія, Неаполь, Тоскана и Голландія. Душою коалиціи была Англія, руководимая Питтомъ (1759—1806) [1].

Что къ такому результату террористы Конвента шли вполнѣ сознательно, это видно изъ восклицанія одного изъ ихъ ораторовъ во время обсужденія вопроса о судѣ надъ Людовикомъ XVI: „Бросимте вызовъ Европѣ, швырнувши ей голову короля!“ Эти слова даютъ основаніе думать, что въ число побужденій къ осужденію на смерть Людовика XVI у нѣкоторыхъ изъ монтаньяровъ входило и это желаніе „бросить вызовъ Европѣ“ и слѣдовательно— создать то фактически прекратившееся послѣ отраженія австро-прусскаго нашествія (битва при Вальми 20 сентября 1792 г.) положеніе „отечества въ опасности“, которое могло бы снова дать монтаньярамъ благовидный предлогъ для организаціи въ странѣ того террора, который былъ необходимъ для окончательнаго захвата ими власти. 1 февраля 1793 года Конвентъ постановилъ объявить войну Англіи и Голландіи, 7 марта—Испаніи.

Первая коалиція и миръ въ Кампо-Форміо (1793—1797).

Изъ всѣхъ державъ, вошедшихъ въ составъ первой коалиціи, только двѣ, Австрія и Пруссія, были готовы къ войнѣ, при чемъ Пруссія, занятая въ то время вторымъ раздѣломъ Польши, старалась оттянуть свое фактическое участіе въ войнѣ противъ Франціи.

Голландская экспедиція.

Война началась еще до сформированія коалиціи нападеніемъ французовъ на Голландію. Въ февралѣ 1793 года французская армія, занимавшая Бельгію, вступила въ Голландію подъ командой Дюмурье и одержала нѣсколько быстрыхъ успѣховъ. Дюмурье надѣялся завоевать всю Голландію и овладѣть Амстердамомъ до прибытія войскъ союзниковъ, но былъ задержанъ, благодаря отсутствію достаточнаго количества судовъ для переправы черезъ рукава Рейна. Тѣмъ временемъ австрійская армія, перезимовавшая на Рейнѣ, двинулась къ Брюсселю.

Между тѣмъ, раздраженный постояннымъ вмѣшательствомъ въ его распоряженія со стороны Конвента и военнаго министра, Дюмурье явно началъ „разыгрывать изъ себя Цезаря“, какъ выразился о его поведеніи въ это время одинъ изъ комиссаровъ

[1]) Stanhope. Life of the R. H. William Pitt. 4 vol. London, 1862.

Конвента. Дюмурье написалъ Конвенту крайне рѣзкое письмо (12 марта), разсчитывая блестящей побѣдой поднять свой престижъ и свою популярность въ арміи и въ странѣ и тѣмъ сдѣлать себя неуязвимымъ для сдѣлавшагося ему ненавистнымъ Конвента съ его комиссарами. Разсчитывая на численное превосходство своей арміи, Дюмурье напалъ на окопавшихся при Неервинденѣ, на пути изъ Люттиха въ Брюссель, австрійцевъ, но потерпѣлъ полное пораженіе и долженъ былъ очистить Голландію, отступивъ къ Шельдѣ и оставивъ Брюссель побѣдителямъ. Видя невозможность опереться на армію въ затѣянной имъ борьбѣ противъ Конвента, Дюмурье рѣшился на отчаянный шагъ. Онъ рѣшилъ перейти на сторону коалиціи, склонивши къ тому часть своей арміи, среди которой было не мало офицеровъ и солдатъ, недовольныхъ якобинскимъ режимомъ и сочувствовавшихъ мысли о возстановленіи монархіи. Это было какъ разъ время, когда во Франціи началось знаменитое вандейское возстаніе противъ Конвента, во имя „Людовика XVII“. Дюмурье разсчитывалъ вооруженными силами коалиціи поддержать начавшееся во Франціи анти-якобинское движеніе, съ тѣмъ, чтобы произвести переворотъ, свергнуть Конвентъ и возстановить монархію. Въ началѣ апрѣля, послѣ двухнедѣльныхъ тайныхъ переговоровъ съ австрійскимъ главнокомандующимъ, Дюмурье открыто перешелъ на сторону непріятеля, увлекши за собой многихъ офицеровъ и нѣсколько сотъ солдатъ, которые послѣдовали за нимъ съ возгласами: „Да здравствуетъ король!“

Измѣна Дюмурье.

Пораженіе французской арміи, измѣна Дюмурье, наконецъ— начавшееся вооруженное возстаніе въ странѣ, совокупность этихъ обстоятельствъ имѣла своими послѣдствіями, съ одной стороны — окончательное водвореніе системы террора во Франціи, съ другой— ослабленіе Франціи, какъ международной и военной силы, и какъ слѣдствіе этого—повышенную притязательность коалиціи. До Неервиндена австрійцы задавались лишь отвоеваніемъ Брюсселя и Бельгіи, пруссаки—Майнца. Теперь, на состоявшейся въ Антверпенѣ конференціи союзниковъ, представитель Австріи заявилъ о намѣреніи послѣдней округлить свои бельгійскія границы на счетъ сѣверныхъ областей Франціи; представитель Пруссіи говорилъ о желаніи этой державы занять Эльзасъ, а Англія устами своего представителя заявляла о своемъ желаніи возвратить себѣ Дюнкирхенъ и „привести Францію въ состояніе полнаго политическаго безсилія“. Но именно это чрезмѣрное развитіе аппетитовъ союзниковъ въ сторону территоріальныхъ пріобрѣтеній погубило коалицію и спасло республиканскую Францію отъ угрожавшаго ей разгрома. Стремле-

Разладъ въ коалиціи.

ніе къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ отодвинуло вскорѣ на задній планъ первоначальную и общую цѣль союзниковъ—возстановленіе монархіи во Франціи, способствовало разбрасыванію ихъ военныхъ силъ, а выдвинутое территоріальными вожделѣніями различіе интересовъ внесло въ ихъ взаимныя отношенія элементъ взаимнаго недовѣрія, подозрительности и скрытой враждебности. Пруссія не желала допустить округленія австрійскихъ владѣній на счетъ Франціи и всѣми мѣрами противодѣйствовала планамъ Австріи въ этомъ направленіи. Австрія, съ своей стороны, смотрѣла косо на стремленіе Пруссіи овладѣть Эльзасомъ, что̀ послѣдней, дѣйствительно, и не удалось, благодаря намѣренному уклоненію австрійской арміи отъ содѣйствія пруссакамъ. Антагонизмъ между Австріей и Пруссіей обострился и осложнился еще благодаря снова всплывшему въ это время польскому вопросу, который на этотъ разъ получилъ свое разрѣшеніе въ формѣ второго раздѣла Польши. Австрія была устранена отъ участія въ этомъ раздѣлѣ, подготовленномъ тайно отъ нея Пруссіей и Россіей и отказалась признать этотъ раздѣлъ. Чтобы ее принудить къ этому, прусскій король намѣренно уклонялся отъ поддержки австрійцевъ своими войсками въ войнѣ съ Франціей. Что касается прочихъ членовъ коалиціи, то изъ нихъ только Англія фактически вела войну съ Франціей, но совершенно особнякомъ отъ другихъ державъ и исключительно преслѣдуя свои собственныя цѣли. Участіе же остальныхъ державъ, въ томъ числѣ и Россіи, ограничилось лишь болѣе или менѣе громкими оффиціальными заявленіями принципіальнаго характера противъ господствующаго во Франціи режима, да платоническими пожеланіями успѣховъ оружію коалиціи.

Конвентъ и національная оборона.

Благодаря разрозненности и взаимному антагонизму, союзники не только не сумѣли использовать своихъ первыхъ успѣховъ, но и дали Конвенту время и возможность организовать новую и внушительную армію. Въ дополненіе къ тѣмъ 200.000 солдатъ, которые составляли вооруженную силу Франціи въ началѣ 1793 года, Конвентъ декретировалъ въ февралѣ этого года новый наборъ въ 300.000 человѣкъ, а для ускоренія этого набора командировалъ въ департаменты комиссаровъ съ чрезвычайными, почти неограниченными полномочіями. Полгода спустя (въ августѣ 1793 г.) Конвентъ вотировалъ поголовную рекрутчину. Въ силу этого декрета французы въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ объявлялись въ положеніи „постоянной реквизиціи“. Первоначально на дѣйствительную службу призывались только холостые и вдовцы

въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, остальные числились въ резервѣ, на случай убыли или недостатка въ рекрутахъ первой категоріи. Каждый дистриктъ долженъ былъ сформировать по одному батальону. На знаменахъ должна была фигурировать надпись: „Французскій народъ поднимается противъ тирановъ“. Путемъ этихъ чрезвычайныхъ мѣръ Конвенту удалось довести къ началу 1794 года составъ арміи до небывалой дотолѣ цифры, около 850.000.

Для вооруженія этой почти милліонной арміи потребовалось устроить множество мастерскихъ, кузницъ, пороховыхъ заводовъ. На пушки не хватало мѣди, снимали съ церквей колокола и переливали ихъ. Не хватало селитры для выдѣлки пороха, ее стали добывать путемъ промыванія старыхъ каменныхъ стѣнъ, согласно сдѣланному химикомъ Бертолле открытію. Для сформированія кавалеріи была объявлена поголовная реквизиція лошадей. Путемъ реквизиціи же добывалась, за истощеніемъ казны, одежда и обувь для солдатъ, фуражъ для лошадей, квартиры для войскъ. „Республика представляетъ собою осажденный городъ, Франція должна сдѣлаться однимъ сплошнымъ лагеремъ“ — гласилъ одинъ изъ декретовъ Конвента.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Конвентъ рѣшительнымъ жестомъ сдаетъ въ архивъ свои прежнія разглагольствованія на счетъ братанья съ сосѣдними „народами“ на почвѣ „свободы“ и предписываетъ французскимъ командирамъ „поступать съ областями и лицами, покоренными ихъ оружіемъ, согласно обычному праву войны“. Согласно этому „праву“, въ оккупированной французскими войсками области у жителей будетъ отобрано оружіе и взяты заложники; необходимые для арміи продовольствіе и фуражъ будутъ взиматься съ тѣхъ же жителей путемъ реквизиціи; укрѣпленія будутъ срыты, мосты, канавы, шлюзы разрушены, и т. д. Словомъ, революціонная война противъ внѣшнихъ враговъ республики получала отнынѣ такой же жестокій и безпощадный характеръ, какъ и война противъ враговъ внутреннихъ. Революціонная диктатура и якобинскій терроръ переносились отнынѣ за предѣлы Франціи. Новый характеръ войны.

Усиленная притокомъ новыхъ силъ, французская армія переходитъ въ энергичное наступленіе и, несмотря на частичныя неудачи, въ общемъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ союзниками, которые снова принуждены отступить на всѣхъ театрахъ войны. Вслѣдъ за англичанами, потерпѣвшими пораженіе при Гондшоотѣ (сентябрь 1793 г.), были отброшены изъ сѣверной Франціи австрійцы (битва при Ваттиньи, октябрь 1793 г.). На

востокѣ къ концу 1793 года Эльзасъ снова очищенъ отъ австрійцевъ и пруссаковъ, и восточная французская армія расположилась на зимнія квартиры въ Пфальцѣ. Въ то же время на югѣ англичане принуждены были очистить Тулонъ.

Возобновившаяся весной 1794 года кампанія была еще болѣе успѣшна для французовъ. Начиная съ апрѣля, двѣ французскихъ арміи, подъ командой Пишегрю и Журдана, цѣлымъ рядомъ удачныхъ операцій совершенно вытѣснили австрійцевъ изъ Бельгіи; въ первой половинѣ іюля обѣ соединенныя арміи вступили въ Брюссель. Бельгія была вся завоевана и присоединена къ Франціи (1794—1814) [1]). Вслѣдъ затѣмъ Журданъ, продолжая преслѣдованіе австрійцевъ, заставилъ ихъ совершенно очистить лѣвый берегъ Рейна, который оказался снова въ рукахъ французовъ (за исключеніемъ Майнца). Въ то же время Пишегрю направился въ Голландію, вытѣснилъ оттуда англичанъ и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ завоевалъ всю страну. Въ январѣ 1795 года французскія войска вступили въ Амстердамъ, а нѣсколько дней спустя въ Гаагу. „Освобожденная“ Голландія, превратившаяся нѣсколько позднѣе въ Батавскую республику (la République Batave), принуждена была уплатить 200.000 франковъ контрибуціи, уступить часть своей территоріи для округленія границъ Франціи и вступить съ ней въ союзъ, въ сущности равносильный протекторату. На югѣ успѣхи французскаго оружія выразились главнымъ образомъ въ занятіи молодымъ генераломъ Наполеономъ Бонапартомъ Ниццы послѣ пораженія, нанесеннаго имъ австро-сардинской арміи, и въ занятіи другимъ французскимъ отрядомъ испанской Наварры.

На морѣ, однако, обнаружился роковой для колоніальнаго могущества Франціи рѣшительный перевѣсъ Англіи. Въ 1793 году англичане уничтожили средиземный флотъ Франціи и овладѣли на нѣкоторое время Тулономъ и Корсикой. Атлантическій флотъ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ англичанъ въ іюнѣ 1794 года, послѣ чего Франція принуждена была надолго отказаться отъ открытой борьбы на морѣ и ограничиться партизанскими нападеніями корсаровъ.

Развалъ коалиціи.

Въ общемъ, однако, война выяснила для коалиціи неосновательность ея разсчетовъ на легкую побѣду надъ революціонной Франціей. Исходъ кампаніи 1794 года окончательно охладилъ

---

[1]) Jules Delahaize. La domination française en Belgique à la fin du XVIII siècle et au commencement du XIX s. 2 vol. Bruxelles, 1908.

воинственный пылъ союзниковъ, тѣмъ болѣе, что болѣе реальные интересы влекли ихъ въ другую сторону. Пруссія первая отозвала свои войска (окт. 1794 г.). Чѣмъ рисковать дальнѣйшими малообѣщающими и убыточными военными операціями на Рейнѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ II находилъ болѣе благоразумнымъ сосредоточить свои силы и свое вниманіе на Вислѣ, гдѣ продолжавшійся развалъ Рѣчи Посполитой продолжалъ дразнить аппетиты сосѣдей. Это было время, когда подготовлялся третій и послѣдній раздѣлъ Польши. Пруссія дала понять, что не прочь прекратить войну. Конвентъ, съ своей стороны, несмотря на перевѣсъ французскаго оружія, также имѣлъ много основаній желать прекращенія войны, требовавшей страшнаго напряженія силъ и огромной затраты средствъ и въ концѣ концовъ доведшей разстроенные внутренними смутами и предыдущей войной финансы до отчаяннаго положенія. „Все готово для побѣды, пишетъ въ это время одинъ изъ уполномоченныхъ Конвента при одной изъ армій, но у насъ нѣтъ ни лошадей, ни денегъ, ни даже ассигнацій“. „Казна пуста“, признается Комитетъ общественнаго спасенія.

Базельскій миръ.

Въ январѣ 1795 года начались въ Базелѣ переговоры представителей союзныхъ державъ съ представителемъ Франціи. Въ апрѣлѣ былъ подписанъ первый мирный трактатъ между французской республикой и Пруссіей. По этому договору Франція получала себѣ всѣ земли къ западу отъ Рейна, который отнынѣ становился ея „естественной границей“ на востокѣ. Съ своей стороны, Пруссія получала свободу дѣйствій въ Польшѣ и обѣщаніе содѣйствія Франціи для полученія территоріальныхъ компенсацій въ Германіи при заключеніи всеобщаго европейскаго мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу секретныхъ статей, сѣверная Германія была признана нейтральною подъ гарантіей Пруссіи. Этотъ пунктъ интересенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые за Пруссіей признавалось право патроната надъ государствами сѣверной Германіи; это какъ бы историческій эмбріонъ будущей Германской Имперіи подъ гегемоніей Пруссіи.

Въ слѣдующемъ іюлѣ былъ подписанъ въ Базелѣ мирный трактатъ съ Испаніей. Франція согласилась возвратить ей занятыя во время войны французскими войсками территоріи къ югу отъ Пиренеевъ. Въ видѣ компенсаціи Испанія уступала ей свою колонію Санъ-Доминго. Сверхъ того, между обѣими державами былъ заключенъ союзъ.

Въ общемъ революціонная Франція вышла, такимъ

образомъ, побѣдительницей изъ борьбы съ монархической коалиціей и вдобавокъ добилась осуществленія своей давнишней исторической мечты объ естественныхъ границахъ (Рейнъ и Альпы). Въ этомъ отношеніи на долю революціонной Франціи выпало—довершить вѣковую работу французской монархіи. Что касается коалиціи, то, независимо отъ военнаго пораженія, она потерпѣла еще и моральное крушеніе. Союзъ, заключенный испанскимъ королемъ, Бурбономъ, родственникомъ покойнаго Людовика XVI, съ правительствомъ революціонеровъ и цареубійцъ, былъ торжественнымъ отреченіемъ отъ той идеи, въ которой заключалась моральная основа коалиціи.

Мирные трактаты въ Базелѣ и Гаагѣ фактически положили конецъ европейской коалиціи, но они не произвели полнаго замиренія, такъ какъ войну и послѣ того продолжали вести противъ Франціи Англія на морѣ, а на сушѣ Австрія, поддерживаемая Баваріей въ Германіи и Сардиніей въ Италіи.

Карно. Центръ тяжести продолжавшейся войны лежалъ на континентѣ, гдѣ смѣнившая Конвентъ Директорія стремилась использовать достигнутые уже Франціей военные успѣхи и вновь пріобрѣтенныя „естественныя границы“. Выработанный военнымъ министромъ Карно (1753—1823) [1]), организаторской энергіи котораго въ значительной степени обязана была Франція своими побѣдами, смѣлый планъ заключался въ походѣ на Вѣну. Двѣ соединенныя арміи Моро и Журдана должны были двинуться внизъ по Дунаю, въ то время какъ третья армія, подъ командой Наполеона Бонапарта, должна была вступить въ Тироль, чтобы оттуда соединиться съ первою арміей подъ Вѣной. Этотъ отважный планъ разбился о предусмотрительность новаго австрійскаго главнокомандующаго, эрцгерцога Карла, оказавшагося талантливымъ и энергичнымъ полководцемъ [2]). Прежде чѣмъ обѣ арміи успѣли соединиться, онъ напалъ на Журдана при Вюрцбургѣ (сентябрь 1795 г.) и обратилъ эту армію въ безпорядочное бѣгство, что̀ заставило Моро отступить во Францію. Смѣнившій Журдана молодой генералъ Гошъ быстро привелъ въ порядокъ и пополнилъ разбитую армію; соединившись съ Моро, онъ снова перешелъ Рейнъ, чтобы возобновить походъ на Вѣну, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что

[1]) Carnot. Mémoires historiques et militaires. Paris, 1824; Arago. Biorgaphie de Carnot. Paris, 1850; Picaud. Carnot, l'organisateur de la victoire. Paris, 1888; Bonnal. Carnot d'après les Archives nationales. Paris, 1888; Tissot. Mémoires historiques et militaires sur Carnot. Paris, 1824.

[2]) Angeli. Erzherzog Karl von Oesterreich als Feldherr. 5 Bde. Wien und Leipzig, 1896—1897.

Бонапартъ подписалъ предварительное перемиріе съ Австріей (18 апрѣля 1797 г.).

Генералъ Бонапартъ.

Главнокомандующимъ французской арміей въ Италіи былъ назначенъ въ мартѣ 1796 года 27-лѣтній генералъ Бонапартъ [1]).

Характеренъ первый приказъ, съ которымъ обратился новый главнокомандующій къ своей арміи. „Правительство передъ вами въ долгу, но оно ничего не въ состояніи для васъ сдѣлать. Вы голодны, почти голы. Ваша выносливость и ваша храбрость дѣлаютъ вамъ честь, но не доставляютъ вамъ ни выгоды, ни славы. Я поведу васъ въ самыя плодородныя долины въ мірѣ; тамъ вы найдете честь, славу и богатство. Солдаты, развѣ у васъ не хватитъ храбрости?!“ До сихъ поръ солдаты слышали отъ своихъ генераловъ призывы къ борьбѣ для освобожденія народовъ; теперь ихъ откровенно приглашали поживиться на ихъ счетъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ Бонапартъ лишь переводилъ на понятный солдатамъ языкъ признанное Конвентомъ за французскими войсками право продовольствоваться на счетъ освобождаемыхъ французскимъ оружіемъ народовъ. И Бонапартъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ систематически держался этого принципа. Да только при такомъ порядкѣ продовольствія арміи и возможны были тѣ невѣроятно быстрые переходы, въ которыхъ заключался одинъ изъ секретовъ побѣдоносной тактики Бонапарта. „Онъ выигрываетъ битвы нашими ногами“, говорили про него солдаты.

Съ незначительными сравнительно силами, всего около 40.000, Бонапартъ началъ энергичное наступленіе. Разбивши сардинскую армію, онъ принудилъ сардинскаго короля подписать перемиріе (апрѣль 1796 г.), вслѣдъ затѣмъ напалъ на австрійскую армію, преграждавшую путь къ Милану, взялъ приступомъ мостъ черезъ Адду при Лоди и обратилъ австрійцевъ въ бѣгство. Послѣ этого Бонапартъ вступилъ побѣдителемъ въ Миланъ, гдѣ населеніе устроило ему тріумфальный пріемъ, какъ освободителю отъ австрійскаго ига (16 мая 1796 г.). Здѣсь побѣдители нашли богатую добычу въ видѣ складовъ аммуниціи и провіанта, драгоцѣнностей, звонкой монеты. Изъ Милана Бонапартъ послалъ милліонъ франковъ Моро и десять милліоновъ Директоріи. Съ легкой руки мо-

---

[1]) Driault. Napoléon en Italie. Paris, 1906; Bouvier. Bonaparte en Italie. Paris, 1899; Clausewitz. Der Feldzug von 1796 in Italien. Berlin, 1889; Rüstow. Die ersten Feldzüge Napoleon Bonaparte's in Italien und Deutschland, 1796—1797. Zürich, 1867; Napoléon. Campagnes d'Italie, d'Egypte et de Syrie. 3 vol. Paris, 1872; Kuhl. Bonaparte's erster Feldzug von 1796, der Ausgangspunkt moderner Kriegführung. Berlin, 1902; Fabry. Histoire de l'armée d'Italie (1796—1797). 3 vol. Paris, 1900—1901.

лодого генерала война не только кормила армію, но и начинала пополнять французскую казну.

Къ этому моменту первыхъ блестящихъ успѣховъ Бонапарта относится, по его собственному позднѣйшему признанію, начало его честолюбивыхъ замысловъ, пока впрочемъ еще не принявшихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ очертаній [1]).

Разгромъ австрійцевъ.

Давши оправиться и отдохнуть своей арміи, Бонапартъ въ іюлѣ 1796 г. снова двинулся противъ австрійцевъ, нанесъ имъ цѣлый рядъ пораженій, послѣ чего оставшіеся отъ 60.000 арміи около 15.000 австрійцевъ заперлись въ „неприступной“ крѣпости Мантуѣ. Высланныя на выручку послѣдней австрійскія войска терпятъ одно за другимъ пораженія, и Мантуя принуждена капитулировать съ своимъ гарнизономъ и 350 орудіями (февраль 1797 г.). Разбивши „четыре арміи безъ генерала“, Бонапартъ, какъ онъ самъ потомъ выразился, готовился разбить „генерала безъ арміи“. Это былъ эрцгерцогъ Карлъ, передъ которымъ спасовали Журданъ и Моро, и которому Австрія вручала теперь свою послѣднюю и самую слабую армію. Опрокинувъ и эту армію, Бонапартъ перешелъ Альпы, еще разъ разбилъ австрійцевъ и двинулся прямо на Вѣну. Въ началѣ апрѣля 1797 г. Бонапартъ расположился на высотахъ Земмеринга, въ шести дняхъ перехода до Вѣны. Не желая, однако, рисковать дальнѣйшимъ походомъ съ оставшимися въ его распоряженіи всего 30.000 солдатъ, Бонапартъ предложилъ эрцгерцогу перемиріе, которое и было подписано въ Леобенѣ въ апрѣлѣ 1797 года. Это было явнымъ превышеніемъ власти со стороны Бонапарта, но оно не представляло чего-либо новаго, потому что Бонапартъ, послѣ своего миланскаго тріумфа, совершенно игнорировалъ Директорію, не только не признавая ея инструкцій, но и поступая зачастую наперекоръ ея оффиціальнымъ предписаніямъ. Онъ былъ увѣренъ, что его не посмѣютъ тронуть и не ошибался въ этомъ. Еще раньше леобенскаго перемирія онъ совершенно самостоятельно подписалъ отъ имени французской республики трактаты съ мелкими итальянскими князьями, а также съ папой Піемъ VI (1775—1798), котораго заставилъ подписать трактатъ объ отказѣ въ пользу Франціи отъ Авиньона и графства Венессенскаго, объ уступкѣ Франціи Феррары и Болоньи и объ уплатѣ контрибуціи въ 30 милліоновъ (февраль 1797 г.). Контрибуціи онъ налагалъ направо и налѣво щедрою рукой. Папа еще раньше

Леобенское перемиріе.

---

[1]) См. выше, стр. 54.

долженъ былъ уплатить 21 милліонъ, герцогъ Моденскій 10 милліоновъ, Генуя 15 милліоновъ; герцогство Миланское съ своей столицей во главѣ принуждены были уплатить нѣсколько контрибуцій, изъ которыхъ первая равнялась 20 милліонамъ.

Вообще Бонапартъ велъ себя не столько какъ главнокомандующій республики, сколько какъ настоящій „цезарь“. Заключивши перемиріе, которое фактически закончило войну съ Австріей, онъ принялся по-своему устраивать Италію. Герцогство Миланское, подъ названіемъ Ломбардіи, получило по внѣшности автономное управленіе, но всякія поползновенія въ пользу дѣйствительной автономіи строго преслѣдовались французскою полиціей, которая безцеремонно разгоняла манифестантовъ, закрывала политическіе клубы и т. д. Въ то же время, путемъ повторныхъ контрибуцій, желѣзная рука завоевателя безжалостно выжимала всѣ соки изъ „освобожденной“ французскимъ оружіемъ страны. Въ качествѣ республиканскаго генерала Бонапартъ начинаетъ усердно насаждать въ ней республиканскій режимъ. На почвѣ Италіи появляются на свѣтъ одна за другой „республики-сестры“ Франціи. Въ октябрѣ 1796 года конституируются первыя изъ такихъ республикъ — въ Моденѣ, Болоньѣ, Реджіо, Феррарѣ. Въ началѣ 1797 года эти маленькія республики сливаются въ одно политическое цѣлое подъ названіемъ Циспаданской республики (la république Cispadane). Затѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, по вытѣсненіи австрійцевъ изъ Ломбардіи, изъ герцогствъ Миланскаго и Мантуанскаго была образована Транспаданская республика (la république Transpadane). Эти двѣ республики-дочери, съ присоединенной къ нимъ Венеціей, слились въ теченіе того же года въ одно цѣлое подъ названіемъ Цизальпинской республики (la république Cisalpine). Около того же времени (въ іюнѣ 1797 г.) получила существованіе Лигурійская республика (la république Ligurienne), образовавшаяся изъ Генуэзской, гдѣ старинный аристократическій режимъ былъ свергнутъ мѣстной демократической партіей при содѣйствіи французовъ. Обѣ республики, вступившія въ союзъ съ своей старшей сестрой, получили одинаковыя конституціи, скопированныя съ французской конституціи третьяго года (1795 г.). Что касается папской области, то Бонапартъ, вопреки предписаніямъ Директоріи, настаивавшей на „уничтоженіи папскаго правительства“, оставилъ ее, удовольствовавшись лишь контрибуціей и нѣсколькими территоріальными урѣзками въ пользу Цизальпинской республики [1]).

«Республики-сестры» въ Италіи.

[1]) Gaffarel. Bonaparte et les républiques italiennes (1796—1799). Paris, 1895.

Начавшіеся вслѣдъ за леобенскимъ перемиріемъ переговоры, которые отъ имени Франціи велъ единолично Бонапартъ, затягивались благодаря требовательности послѣдняго и неподатливости австрійскаго уполномоченнаго. Кончилось тѣмъ, что Бонапартъ вспылилъ и разыгралъ одну изъ тѣхъ бурныхъ сценъ въ духѣ балаганнаго трагизма, къ которымъ Бонапартъ и впослѣдствіи, уже будучи „императоромъ французовъ", любилъ прибѣгать, какъ къ послѣднему аргументу. Ударомъ кулака онъ разбилъ въ дребезги, подъ носомъ австрійскаго дипломата, роскошный фарфоровый шкапчикъ, подарокъ императрицы Екатерины II Іосифу II. „Такъ же точно, прикрикнулъ онъ, разобью я въ дребезги вашу монархію". Аргументъ оказалъ свое дѣйствіе, и на другой день (17 октября 1797 г.) былъ подписанъ знаменитый трактатъ въ Кампо-Форміо (деревенька въ Венеціанской области). По этому трактату, закончившему пятилѣтнюю войну между Австріей и Франціей, первая признала пріобрѣтенныя Франціей „естественныя границы", санкціонированныя базельскимъ миромъ. Она отказалась отъ Бельгіи въ пользу Франціи и отъ Миланскаго герцогства въ пользу вновь сформированной Цизальпинской республики. Въ видѣ компенсаціи, Австрія получила континентальную часть Венеціанской области, тогда какъ Іонійскіе острова переходили въ обладаніе Франціи. Такимъ образомъ, Австрія впервые пріобрѣтала морской берегъ и становилась морскою державою. Франція же, съ пріобрѣтеніемъ Іонійскихъ острововъ, вступала въ тѣсное соприкосновеніе съ Востокомъ и становилась сосѣдкою Турціи.

Миръ въ Кампо-Форміо и его значеніе.

Особый конгрессъ долженъ былъ собраться въ Раштатѣ для разрѣшенія вопроса о вознагражденіи итальянскихъ и имперскихъ князей, потерявшихъ свои владѣнія въ силу произведенныхъ во время войны и санкціонированныхъ трактатомъ въ Кампо-Форміо территоріальныхъ измѣненій.

Мирный трактатъ въ Кампо-Форміо, означавшій признаніе окончательнаго торжества республиканской Франціи надъ монархической коалиціей, имѣлъ для первой двоякое значеніе. Съ одной стороны, установленный революціей новый республиканскій режимъ (правда, уже клонившійся въ это время къ упадку)

Dufourcq. Le régime jacobin en Italie 1796—1799. Paris, 1900; Pellet. La Révolution de Gênes, 1797. Paris, 1894; Bonnal. Chute d'une république (Venise). Paris, 1885; Sciout. La république française et la république de Gênes (Revue des Questions hist., 1889); Bonfadini. La Republica Cisalpina (Politecnico, 1866); Gallavresi. L'invasione francese in Milano 1796. Milano, 1903.

получилъ оффиціальное признаніе со стороны монархической Европы; новая республика получила право международнаго гражданства. Съ другой стороны, независимо отъ внутренняго своего режима, Франція вышла изъ пятилѣтней борьбы увеличенной, „округленной“ территоріально; съ пріобрѣтеніемъ „естественныхъ границъ“ на востокѣ, получала для Франціи окончательное разрѣшеніе одна изъ ея вѣковыхъ историческихъ задачъ. Въ интересахъ Франціи, какъ и въ интересахъ республики, было остановиться на достигнутыхъ результатахъ и сосредоточить свои силы на внутренней созидательной работѣ. Такимъ путемъ обновленная Франція могла бы надолго закрѣпить за собой достигнутое ею первенствующее положеніе, какъ международной силы, и избѣжать дальнѣйшихъ внутреннихъ потрясеній, а Европѣ не пришлось бы пережить той кровавой полосы, которая носитъ въ исторіи названіе эпохи наполеоновскихъ войнъ. Если Франція не остановилась на достигнутыхъ столь для нея блестящихъ результатахъ, то это благодаря тому, что дѣйствительные интересы страны далеко не стояли на первомъ планѣ въ заботахъ какъ оффиціальнаго правительства французской республики въ лицѣ Директоріи, такъ и народившагося рядомъ съ нимъ неоффиціальнаго правительства въ лицѣ побѣдоноснаго генерала Бонапарта. Для послѣдняго война была стихійною потребностью, она вмѣстѣ съ тѣмъ была для него средствомъ къ осуществленію тѣхъ честолюбивыхъ замысловъ, которые были еще въ началѣ итальянской кампаніи подсказаны ему его военными успѣхами и слабостью правительства Директоріи.

Вторая коалиція и Амьенскій миръ (1797—1802).

Послѣ мира въ Кампо-Форміо войну съ Франціей продолжала одна лишь Англія. Подобно тому, какъ англичане пытались, и частью не безъ успѣха, поддержать французскихъ инсургентовъ противъ республиканскаго правительства, такъ послѣднее въ свою очередь воспользовалось возстаніемъ, вспыхнувшимъ въ Ирландіи во имя національной независимости. Инсургенты мечтали объ основаніи независимой Ирландской республики и первые обратились съ просьбой о поддержкѣ къ Директоріи. Послѣдняя къ концу 1796 года снарядила морскую экспедицію. Въ серединѣ декабря французская флотилія съ 15.000 солдатъ отплыла отъ

Экспедиція въ Ирландію.

Бреста, но высадки произвести не удалось изъ-за туманов и непогоды, и въ слѣдующемъ январѣ экспедиція возвратилась домой. Дальнѣйшіе планы Директоріи относительно новой болѣе серьезной экспедиціи, при помощи союзныхъ флотовъ Испаніи и Голландіи, также потерпѣли крушеніе. Въ февралѣ 1797 года англичане разгромили испанскій флотъ близъ Кадикса, восемь мѣсяцевъ спустя подобную же участь потерпѣлъ и голландскій флотъ (октябрь 1797 г.). Сдѣлавшись полными хозяевами морей, англичане безпрепятственно овладѣли богатыми колоніями Франціи и Голландіи. Въ слѣдующемъ году Директоріи удалось организовать небольшую экспедицію для поддержки ирландскихъ инсургентовъ, но она снова потерпѣла неудачу; весь французскій отрядъ, не превышавшій тысячи человѣкъ, попалъ цѣликомъ въ плѣнъ англичанамъ [1]).

Планы Бонапарта.

Попытки нанести ударъ Англіи въ самой Англіи или въ ея тылу—въ Ирландіи окончились, такимъ образомъ, полной неудачей. Тогда Бонапартъ, начинавшій тяготиться бездѣйствіемъ послѣ мира въ Кампо-Форміо, выступилъ съ грандіознымъ планомъ: завоевать находившійся въ номинальной зависимости отъ Турціи Египетъ, который, съ одной стороны, вознаградитъ Францію за потерянныя колоніи, а съ другой—дастъ ей надежную стратегическую базу для похода въ Индію, для того чтобы тамъ „нанести смертельный ударъ Англіи“. Врядъ ли Бонапартъ серьезно вѣрилъ въ свой планъ завоеванія Индіи; по всей вѣроятности, онъ вовсе не собирался идти дальше Египта, который ему былъ нуженъ, какъ театръ для новыхъ побѣдъ и для созданія себѣ „великаго имени“, что̀, по его словамъ, всего легче достигается „на востокѣ“. Врядъ ли серьезно вѣрила въ этотъ планъ и Директорія, но она также была рада случаю избавиться на болѣе или менѣе продолжительное время, а быть можетъ и навсегда, отъ становившагося все болѣе и болѣе неудобнымъ популярнаго генерала. Бонапарту поручено было организовать экспедицію [2]). Въ Тулонѣ начались спѣшныя работы по снаряженію флота для перевозки 30.000 войскъ, получившихъ оффиціальное названіе „англійской арміи“, главное командованіе которой, естественно, было поручено Бонапарту. Дер-

[1]) Guillon. La France et l'Irlande pendant la Révolution. Paris, 1888.

[2]) Boulay de la Meurthe. Le Directoire et l'Expédition d'Egypte. Paris, 1885; V. Brun. Guerres maritimes de la France. Paris, 1861, 2 vol.; La Jonquière. L'Expédition d'Egypte, 1798—1801. 3 vol. Paris, 1899; Burgoyne. Naval and military operations in Egypt, 1791—1802. London 1885; O. Jaeger. Die aegyptische Expedition der Franzosen, 1798—1801. Köln, 1876; Peyre. L'Expédition d'Egypte. Paris, 1890.

жавшаяся въ строгомъ секретѣ истинная цѣль экспедиціи осталась тайной для англичанъ, которые были увѣрены, что экспедиція имѣетъ въ виду Англію. Адмиралъ Нельсонъ (1758 — 1805) сосредоточилъ свой флотъ около Гибралтара, чего только и нужно было Бонапарту. Отчаливъ изъ Тулона 19 мая 1798 года, французскій флотъ занялъ принадлежавшій рыцарскому ордену Іоаннитовъ островъ Мальту [1]). Оставивши здѣсь 4000 человѣкъ гарнизона, экспедиція благополучно достигла Александріи (30 іюня), два дня спустя послѣ того, какъ ее покинулъ съ своей эскадрой адмиралъ Нельсонъ, крейсировавшій по всему Средиземному морю въ безплодныхъ поискахъ французской эскадры. Взявши приступомъ Александрію и оставивши тамъ гарнизонъ, Бонапартъ двинулся къ Каиру, разбилъ мамелюковъ въ знаменитой битвѣ подъ пирамидами (21 іюля 1798 г.), послѣ чего занялъ, не встрѣтивъ сопротивленія, Каиръ. Три мѣсяца спустя весь Египетъ былъ въ рукахъ французовъ (октябрь 1798 г.). Но побѣдоносная армія оказалась въ мышеловкѣ. Французская эскадра, которая, вмѣсто того, чтобы послѣ высадки арміи укрыться въ Корфу, какъ рекомендовалъ адмиралу Бонапартъ, осталась у египетскихъ береговъ въ ожиданіи взятія Каира. Тѣмъ временемъ адмиралъ Нельсонъ, получивши, наконецъ, точныя свѣдѣнія о мѣстѣ пребыванія французской эскадры, напалъ на нее и совершенно уничтожилъ, при Абукирѣ, неподалеку отъ Александріи (1 августа 1798 г.) [2]). Французская армія была, такимъ образомъ, совершенно отрѣзана отъ родины. Считая дѣло Франціи окончательно проиграннымъ, Турція объявила ей войну (сентябрь 1798 г.). Впрочемъ она лишь дала этимъ Бонапарту случай новыми побѣдами поднять духъ своей арміи, удрученной гибелью эскадры, и вмѣстѣ—довершить начатое дѣло созиданія „великаго имени“. Онъ предпринялъ съ успѣхомъ завоеваніе Сиріи, разбилъ наголову турецкую армію, но не могъ овладѣть крѣпостью Сенъ-Жанъ-д'Акръ, которую съ моря поддерживалъ англійскій флотъ. Негодуя на англичанъ, „помѣшавшихъ ему сдѣлаться, можетъ быть, повелителемъ Востока“, Бонапартъ очистилъ Сирію и вернулся въ Каиръ. Между тѣмъ Турція выслала противъ французовъ вторую армію, которую англійскій флотъ высадилъ въ Абукирѣ. Но прежде чѣмъ турки успѣли обложить Александрію, Бонапартъ налетѣлъ на нихъ съ отборнымъ отрядомъ

Египетская экспедиція.

Катастрофа при Абукирѣ.

Сирійская экспедиція.

---

[1]) Mémoires historiques sur l'invasion et l'occupation de Malte par une armée française en 1798. Paris, 1883; Laughton. Nelson. London, 1895; Mahan. The Life of Nelson. 2 vol. London, 1899.

[2]) M. Loir. La bataille d'Aboukir. Paris, 1895.

въ 6000 человѣкъ и послѣ кровопролитной битвы совершенно уничтожилъ втрое превосходную численно турецкую армію (25 іюля 1798 г.).

Побѣда при Абукирѣ.

Блестящая побѣда при Абукирѣ не могла, однако, заставить Бонапарта забыть всей непрочности его положенія во главѣ арміи, сократившейся наполовину и продолжавшей сокращаться отъ болѣзней и изнуренія, безъ всякой надежды получить подкрѣпленія изъ Франціи. Бонапартъ не желалъ связать свое покрытое славой блестящихъ побѣдъ имя съ той конечной катастрофой, въ неизбѣжности которой для отрѣзанной отъ своего отечества арміи онъ не могъ не отдавать себѣ отчета. Надо было спасать только что пріобрѣтенное цѣною столькихъ усилій „великое имя“; надо было спѣшить возвратиться съ свѣжими лаврами побѣдителя, тѣмъ болѣе, что оборотъ, который принимали событія во Франціи, открывалъ новыя перспективы для давнишнихъ честолюбивыхъ плановъ Бонапарта. Около четырехъ недѣль спустя послѣ абукирской побѣды, тайно отъ своихъ солдатъ и большей части офицеровъ, онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ и офицеровъ, отплылъ во Францію, предоставивши генералу Клеберу [1]), которому онъ передалъ командованіе, выпутываться, какъ знаетъ, изъ безвыходнаго положенія (22 августа 1799 г.).

Клеберъ.

Клеберу удалось заключить съ англійскимъ адмираломъ конвенцію, въ силу которой остатки французской арміи, съ оружіемъ, обозами и собранными въ Египтѣ научными коллекціями, должны были быть перевезены на англійскихъ корабляхъ во Францію. Клеберъ очистилъ Каиръ и перевелъ войска къ берегу, но здѣсь узналъ объ отказѣ англійскаго правительства утвердить конвенцію. Французамъ предлагалось сдаться въ плѣнъ. Это условіе было съ негодованіемъ отвергнуто; Клеберъ поднялся снова по Нилу, разбилъ турецкую армію при Геліополѣ и снова занялъ Каиръ. Вскорѣ онъ погибъ здѣсь отъ руки одного мусульманскаго патріота (іюнь 1800 г.). Послѣ того остатки французской арміи продолжали занимать Египетъ еще около года съ небольшимъ. Англичане высадили два отряда, одинъ въ устьяхъ Нила, другой въ Суэцѣ. Въ іюнѣ 1801 года капитулировалъ Каиръ, въ августѣ сдалась Александрія, послѣдній оплотъ французской арміи. Въ силу новой конвенціи, французская армія, со всѣмъ своимъ оружіемъ и багажомъ, была перевезена на родину на англійскихъ корабляхъ, какъ это было ранѣе договорено по первой конвенціи.

[1]) Pajol. Kléber, sa vie, sa correspondance. Paris, 1877; Ernouf. Le général Kléber. Paris, 1867.

Александрійская конвенція положила конецъ англо-французской войнѣ. Окончанія войны желали и въ Англіи, несмотря на перевѣсъ англійскаго оружія. Война, стоившая ей огромныхъ издержекъ, не обѣщала болѣе никакихъ реальныхъ выгодъ; между тѣмъ ея государственный долгъ возросъ до колоссальной суммы (около пяти милліардовъ на наши деньги). Къ тому же Англія чувствовала себя все болѣе и болѣе изолированной. Приверженецъ непримиримой борьбы съ Франціей премьеръ Питтъ принужденъ былъ уступить мѣсто болѣе мирно настроенному министерству Аддингтона. Благодаря всему этому, оказалось возможнымъ начать мирные переговоры (октябрь 1801 г.), которые затѣмъ продолжались на международномъ конгрессѣ въ Амьенѣ и завершились Амьенскимъ миромъ (25 марта 1802 г.). Александрійская конвенція и Амьенскій миръ

Амьенскій миръ положилъ конецъ войнѣ не съ одной Англіей, но и съ другими державами, составившими противъ Франціи вторую коалицію, въ то время какъ Бонапартъ заканчивалъ свою побѣдоносную кампанію въ Египтѣ. Эта новая коалиція была вызвана главнымъ образомъ политикой Директоріи, которая послѣ переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.), „очистившаго“ правящіе круги отъ умѣренныхъ и миролюбивыхъ элементовъ, получила явно воинственный и вызывающій характеръ по отношенію къ слабымъ сосѣдямъ французской республики. Франція снова явно вступала на путь насильственной пропаганды революціи. Ея правительство вмѣшивалось во внутреннія дѣла сосѣдей, открыто поддерживая мѣстныя революціонныя партіи и стремясь всюду насадить новый режимъ по образу и по подобію французской республики. Директорія съ большою готовностью продолжала въ этомъ отношеніи начатое помимо нея Бонапартомъ дѣло созиданія „республикъ-сестеръ“. Вслѣдъ за основанными Бонапартомъ въ 1797 году Цизальпинской и Лигурійской республиками, возникаютъ, при дѣятельномъ и частью вооруженномъ вмѣшательствѣ Франціи, Батавская республика (январь 1798 г.), Римская или Тиберская республика (февраль 1798 г.), Гельветская (апрѣль 1798 г.), Партенопейская (январь 1799 г.). Вторая коалиція и ея происхожденіе.

Демократическая партія въ Голландіи была въ меньшинствѣ, но благодаря поддержкѣ Директоріи, одержала верхъ, и въ результатѣ получилась Батавская республика (république Batave) [1]).

Въ Римѣ учрежденію республики предшествовало вступленіе французской арміи подъ командой Бертье и арестъ папы Пія VI

[1]) Ludovic Sciout. La république Française et la république Batave (1795—1799) (Revue des Questions hist., t. 47).

(1775—1799), котораго, какъ плѣнника, таскали изъ одного итальянскаго города въ другой, пока онъ не умеръ. Послѣ учрежденія Римской республики Бертье отправился въ Египетъ къ Бонапарту съ туго набитыми римскимъ золотомъ кошельками. Присланный ему на смѣну новый главнокомандующій Массена докончилъ дѣло ограбленіемъ монастырей, папскихъ дворцовъ и музеевъ. Цѣлые обозы добычи были отправлены въ Парижъ [1]).

Гельветская республика была образована (въ апрѣлѣ 1798 г.) вслѣдствіе переворота, произведеннаго въ швейцарскомъ союзѣ при вооруженномъ содѣйствіи Франціи. Швейцарскій союзъ представлялъ собою аристократическую федерацію, въ которой руководящая роль принадлежала Берну. Новая республика, получившая демократическій и строго унитарный характеръ, съ исключеніемъ всякаго „федерализма“, въ особенности послѣ присоединенія Женевы къ Франціи, стала въ полную зависимость отъ послѣдней [2]).

Въ январѣ 1799 г. занятое французами Неаполитанское королевство было превращено, при содѣйствіи мѣстныхъ республиканцевъ, въ Партенопейскую республику (république Parthénopéenne), въ которой фактически распоряжались французскіе генералы [3]). Это была шестая изъ созданныхъ Директоріей „республикъ-сестеръ“.

«Республики-сестры».

Къ началу 1799 года Франція окружила себя почти со всѣхъ сторонъ „республиками-сестрами“. Будучи обязаны своимъ существованіемъ Франціи, онѣ, естественно, становятся, подъ оффиціальнымъ названіемъ „союзницъ“ Франціи, подъ фактическій протекторатъ послѣдней. Въ „союзныхъ“ республикахъ французское правительство и его генералы вели себя, какъ побѣдители въ завоеванныхъ земляхъ. Съ Цизальпинской республики продолжали взимать какія-то контрибуціи, а когда, наконецъ, она отказалась ихъ платить, то французскій генералъ разогналъ мѣстную директорію и законодательный корпусъ и замѣнилъ ихъ своими ставленниками.

Не довольствуясь распространеніемъ своего протектора надъ

[1]) Koch. Mémoires de Masséna. 7 vol. Paris, 1848—1850; L. Sciout. Le Directoire et la République romaine (Revue des Questions hist, janvier 1886); Gachot. Histoire militaire de Masséna. Paris, 1901.

[2]) A. von Tillier. Histoire de la république Helvétique. 2 vol. Genève, 1846; Daendliker. Geschichte der Schweiz. 3 vol. Zürich, 1892—1895; Raoul-Rochette. Histoire de la Révolution helvétique, 1797—1803. Paris, 1823.

[3]) Hermann Hüffer. Die neapolitanische Republik des Jahres 1799 (Hist. Jahrb., 1884); Paul Gaffarel. La république Parthénopéenne (Revue Bleue, 1875); Benedetto Croce. Studi storici della rivoluzione napoletana del 1799. Roma, 1897; H. C. Cutteridge. Documents relating to the Suppression of the Jacobin Revolution at Naples. London, 1903.

слабыми сосѣдями, Директорія начала довершать округленіе французскихъ границъ уже ничѣмъ неприкрытой инкорпораціей сосѣдскихъ территорій, какъ это дѣлалъ когда-то Людовикъ XIV. Путемъ подобнаго захвата были присоединены въ теченіе 1798 года Женева, Мюльгаузенъ, Монбеліаръ и, наконецъ, обширная область— Пьемонтъ (принадлежавшій сардинскому королю). Подъ предлогомъ возстановленія порядка въ этой области, сдѣлавшейся театромъ революціонной анархіи при содѣйствіи эмиссаровъ Директоріи, послѣдняя предписала генералу Журдану занять Пьемонтъ, который послѣ этого былъ объявленъ французской территоріей и подѣленъ на нѣсколько департаментовъ съ соотвѣтствующей административной организаціей. Безсильный противодѣйствовать этому захвату, сардинскій король, лишенный еще ранѣе Савои (см. выше), принужденъ былъ искать убѣжища въ островной части своихъ владѣній, на островѣ Сардиніи. Въ мартѣ слѣдующаго года Директорія выжила изъ его владѣній герцога Тосканскаго и заняла его земли французскими войсками, безъ всякаго другого повода, кромѣ того, что это единственное оставшееся въ Италіи независимое и притомъ монархическое государство нарушало гармонію общей картины.

Эта вызывающая политика территоріальныхъ захватовъ, объ руку съ воинствующею революціонною пропагандой, имѣла своимъ слѣдствіемъ новое оживленіе враждебнаго къ революціонной Франціи настроенія въ Европѣ.

Стали говорить о необходимости оказать поддержку Англіи, которая одна продолжала упорную борьбу съ Франціей. Результатомъ переговоровъ между правительствами было сформированіе новой, второй европейской коалиціи противъ французской республики. Кромѣ Англіи, Австріи, Германской имперіи и Россіи, входившихъ уже въ составъ первой коалиціи, теперь къ ней примкнула еще Турція. Пруссія осталась нейтральной, но вступленіе Россіи въ число дѣятельныхъ членовъ коалиціи получило особенно серьезное значеніе, благодаря тому, что въ лицѣ Суворова, геніальнаго русскаго полководства, коалиція имѣла теперь возможность противопоставить Наполеону Бонапарту достойнаго соперника [1]).

Вторая коалиція, сформировавшаяся къ концу 1798 года, ставила себѣ задачей возстановленіе политическаго и тер-

[1]) Spalding (Lieutenant-Colonel). Suvorof. London, 1890; Gachot. Souvorow en Italie (1799). Paris, 1903.

риторіальнаго status quo во Франціи, т.-е. возстановленіе монархіи и возвращеніе ея въ прежнія границы.

Въ мартѣ 1799 года одна изъ французскихъ армій, подъ командой Жубера, перешла Рейнъ, но въ первой же встрѣчѣ съ австрійцами потерпѣла неудачу и принуждена была отступить къ Страсбургу. Другая французская армія, сдѣлавшая въ слѣдующемъ апрѣлѣ попытку вытѣснить австрійцевъ изъ Италіи до прибытія русскихъ, потерпѣла пораженіе при Маньяно (5 апрѣля 1799 г.).

Суворовъ въ Италіи.

Прибытіе на театръ военныхъ дѣйствій 18.000 русскаго корпуса подъ предводительствомъ Суворова (которому, по предложенію императора Франца II, было ввѣрено главное командованіе надъ соединенною русско-австрійскою арміею) еще болѣе ухудшило положеніе французовъ въ Италіи. Разбивши при рѣкѣ Аддѣ Моро, Суворовъ заставилъ французовъ очистить Ломбардію и 29 апрѣля вступилъ въ Миланъ. Пьемонтъ, вмѣстѣ съ своей столицей Туриномъ, также скоро оказался въ рукахъ Суворова. Попытка, сдѣланная Макдональдомъ перерѣзать на-двое растянутую линію австро-русской арміи, окончилась новымъ пораженіемъ французовъ (битва при рѣкѣ Треббіи, іюнь 1799 г.). Такимъ образомъ, три мѣсяца спустя послѣ начала кампаніи вся сѣверная Италія была потеряна французами. Французскій протекторатъ надъ республиками Римской и Партенопейской рухнулъ вмѣстѣ съ самыми республиками-сестрами. Французы были выгнаны съ позоромъ изъ Неаполя, а ихъ приверженцы, мѣстные республиканцы, подверглись безпощадной расправѣ. Французы принуждены были также очистить Іонійскіе острова и Мальту.

Новый французскій главнокомандующій въ Италіи, молодой генералъ Жуберъ, во главѣ 40.000 арміи попытался отвоевать Италію, но, какъ и его предшественники, былъ разбитъ Суворовымъ въ кровопролитной битвѣ при Нови, стоившей каждой сторонѣ около 8000 убитыми (15 августа 1799 г.). Въ этой битвѣ палъ Жуберъ, и замѣнившій его въ главномъ командованіи Моро отступилъ съ остатками своей арміи. Италія была окончательно потеряна для Франціи. На счастье послѣдней, среди союзниковъ начались разногласія. Императоръ Павелъ I, не имѣвшій никакихъ территоріальныхъ интересовъ въ Италіи, настаивалъ на возстановленіи прежнихъ итальянскихъ государей въ ихъ владѣніяхъ. Австрія, напротивъ, хотѣла округлить свои границы на счетъ сѣверной Италіи. Чтобы избавиться отъ присутствія русскихъ, сдѣлавшихся болѣе ненужными и становившимися неудобными, австрійское правительство предложило Суворову перейти съ своей арміей

Битва при Нови.

въ Швейцарію, на смѣну эрцгерцогу Карлу, который, по планамъ, составленнымъ вѣнскимъ военнымъ совѣтомъ, долженъ былъ пойти на соединеніе съ дунайской арміей. Но не дожидаясь прихода Суворова, эрцгерцогъ очистилъ Швейцарію. Оставшійся въ Цюрихѣ съ 30.000 русскихъ войскъ Корсаковъ былъ окруженъ превосходными силами Массены и принужденъ былъ прокладывать себѣ дорогу штыками, при чемъ потерялъ до 8000 убитыми и весь обозъ и артиллерію. Суворовъ, только-что совершившій свой знаменитый переходъ черезъ Альпы (Сенъ-Готардъ), наткнулся на войска Массены, успѣвшаго послѣ отступленія Корсакова сосредоточить свои силы для встрѣчи русскихъ. Чтобъ спасти свою армію, Суворову пришлось отступить къ Баваріи, по глухимъ, едва доступнымъ тропинкамъ, среди глубокихъ снѣговъ. Онъ потерялъ почти всю артиллерію и обозъ, но спасъ армію отъ ожидавшей ее почти неминуемой гибели. „Это геройское отступленіе Суворова, говоритъ французскій историкъ Рамбо, было еще удивительнѣе, чѣмъ его побѣды въ Италіи, выигранныя съ превосходными силами. Не было полководца, который бы въ столь отчаянномъ положеніи выказалъ столько неукротимой энергіи, какъ этотъ почти семидесятилѣтній старичокъ“ [1]).

Отступленіе Суворова

Эта катастрофа, отвѣтственность за которую Суворовъ не безъ основаній возлагалъ на предательскій образъ дѣйствій австрійскаго правительства и его генераловъ, окончательно поссорила Россію съ Австріей. Императоръ Павелъ I отозвалъ русскія войска и устранился отъ дальнѣйшаго участія въ коалиціи. Результаты не замедлили сказаться съ возобновленіемъ кампаніи весной 1800 года. Въ то время какъ австрійцы, для окончательнаго обезпеченія за собой Италіи, въ которой они считали себя уже хозяевами, обложили 120.000 войскомъ Геную, гдѣ заперся Массена съ 36.000 арміей, Бонапартъ съ свѣжими войсками перешелъ черезъ Сенъ-Бернардскій перевалъ, который австрійцы оставили безъ всякой охраны, какъ мало доступный и притомъ удаленный отъ театра военныхъ дѣйствій. Онъ занялъ, не встрѣтивъ сопротивленія, Миланъ и всю Ломбардію, а нѣсколько дней спустя разбилъ австрійцевъ въ знаменитой битвѣ при Маренго (14 іюня 1800 г.), послѣ которой было подписано пятимѣсячное перемиріе, съ обязательствомъ для австрійцевъ очистить всю Италію до рѣки Минчіо.

Выходъ Россіи изъ коалиціи.

Бонапартъ въ Италіи.

Маренго

---

[1]) O. Hartmann. Der Antheil der Russen am Feldzug von 1799 in der Schweiz. Zürich, 1892; Erzherzog Karl von Oesterreich. Geschichte des Feldzuges von 1799 in Deutschland und in der Schweiz. 2 Bde. Wien, 1819.

Съ возобновленіемъ военныхъ операцій по истеченіи срока перемирія, Моро, вытѣснившій лѣтомъ 1800 года австрійцевъ изъ Баваріи, двинулся отсюда по направленію къ Вѣнѣ. Выступившая противъ французовъ австрійская армія потерпѣла страшное пораженіе при Гоэнлинденѣ (2 декабря 1800 г.), потерявъ почти всю свою артиллерію и больше 30,000 плѣнными. Какъ въ 1797 году, Моро продолжалъ безпрепятственно свое движеніе къ Вѣнѣ. Столица Австріи была беззащитна, и австрійцамъ пришлось опять просить перемирія. Они принуждены были на этотъ разъ сдать французамъ всѣ укрѣпленныя мѣста, которыя продолжали держаться въ тылу у послѣднихъ и обѣщать вступить въ переговоры о мирѣ отдѣльно отъ Англіи, вопреки принятымъ на себя Австріей обязательствамъ по отношенію къ послѣдней (25 декабря 1800 г.). 9 февраля 1801 года былъ подписанъ окончательный миръ въ Люневилѣ. Отъ своего имени и отъ имени имперіи, Австрія окончательно признавала за Франціей право на обладаніе Бельгіей и лѣвымъ берегомъ Рейна и соглашалась на возстановленіе республикъ, учрежденныхъ Директоріей до мира въ Кампо-Форміо. Признана была также Гельветская республика. Изъ Тосканы было образовано Этрурійское королевство (royaume d'Etrurie), въ пользу зятя испанскаго короля, союзника Франціи. Съ своей стороны, Франція согласилась на возстановленіе Неаполитанскаго королевства, оставивъ за собой лишь южные порты Италіи, впредь до прекращенія войны съ Англіей, которая, вмѣстѣ съ своей союзницей Португаліей, продолжала попрежнему войну съ Франціей. Впрочемъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ люневильскаго мира, Португалія была принуждена отказаться отъ своей союзницы и объявить себя нейтральной.

Гоэнлинденъ.

Люневильскій миръ.

Хотя въ общемъ перевѣсъ былъ на сторонѣ Англіи, особенно послѣ окончательнаго крушенія французской экспедиціи въ Египетъ, но Англія, какъ уже было замѣчено выше, чувствовала себя утомленной многолѣтней безпрерывной войной, которая къ тому же становилась почти безцѣльной послѣ уничтоженія французскаго флота и перехода французскихъ колоній въ руки Англіи. Во Франціи имѣли еще болѣе основаній тяготиться войной. Около восьми мѣсяцевъ спустя послѣ люневильскаго трактата былъ подписанъ въ Лондонѣ предварительный англо-французскій миръ (1 октября 1801 г.). Послѣ пятимѣсячныхъ переговоровъ былъ, наконецъ, заключенъ окончательный миръ между Англіей—съ одной стороны, и Франціей съ ея союзницами Испаніей и Батавской республикой—съ другой. По договору, подписанному

25 марта 1802 года въ Амьенѣ, Англія признавала за Франціей ея территоріальныя пріобрѣтенія, санкціонированныя люневильскимъ трактатомъ; признавала созданныя ею республики и отказывалась отъ вмѣшательства въ дѣла Германіи и Италіи. Изъ завоеванныхъ колоній Англія оставляла за собой лишь о. Цейлонъ, принадлежавшій Батавской республикѣ, и Тринидадъ, принадлежавшій Испаніи, но возвращала всѣ французскія колоніи. Египетъ возвращался Турціи, островъ Мальта рыцарямъ, Іонійскіе острова получали особое устройство подъ названіемъ Іонійской республики, подъ совмѣстныхъ протекторатомъ Россіи и Турціи. Амьенскій миръ.

Вѣсть объ амьенскомъ мирѣ, положившемъ конецъ десятилѣтней войнѣ, разгоравшейся неоднократно до размѣровъ почти общеевропейской, была встрѣчена всюду, особенно же въ Англіи и во Франціи, съ бурнымъ энтузіазмомъ. Французскій курьеръ, привезшій въ Лондонъ это извѣстіе, былъ встрѣченъ съ тріумфомъ. Восторженная толпа выпрягла лошадей и везла его экипажъ. Во Франціи взрывъ всеобщей радости выразился въ шумныхъ восторгахъ по адресу перваго консула, котораго теперь со всѣхъ сторонъ прославляли, какъ героя давно желаннаго мира, какъ всемірнаго миротворца, какъ благодѣтеля Франціи. Быть можетъ никогда еще, даже въ самый разгаръ своей побѣдной славы, Бонапартъ не пользовался такой широкой, такой всеобщей популярностью, какъ теперь, по заключеніи мира, притомъ на блестящихъ, почетныхъ и вмѣстѣ выгодныхъ для Франціи условіяхъ [1]).

Этою именно подогрѣтою популярностью объясняется та легкость, съ какою Бонапарту удалось осуществить переворотъ 16 термидора (4 августа 1802 г. пожизненное и наслѣдственное консульство) [2]).

Третья коалиція, Пресбургскій миръ и Рейнскій союзъ. (1803—1806).

Амьенскій миръ оказался непрочнымъ. Имъ не были довольны вліятельные круги англійскаго общества, капиталисты, Непрочность Амьенскаго мира

[1]) Miss Roberts. The negociations preceding the Peace of Lunéville (Transactions of the Royal Hist. Society, t. 17), 1901; Bowman. Die englisch-französische Friedensverghandlungen 1799—1800. Leipzig, 1899; Bowman. Preliminary stages of the Peace of Amiens. Toronto, 1900; A. Du Casse. Histoire des négociations diplomatiques relatives aux traités de Morfontaine, de Lunéville et d'Amiens. 3 vol. Paris, 1855; M. Philippson. La paix d'Amiens et la politique générale de Napoléon I (Revue Historique, t. 75—76).

[2]) См. выше, стр. 63.

коммерсанты, фабриканты. Они были недовольны возвращеніемъ Франціи ея колоній, въ которыхъ они лишались обширныхъ и выгодныхъ для себя рынковъ. Между тѣмъ, по заключеніи мира французское правительство стало стѣснять англійскую вывозную торговлю высокими покровительственными пошлинами. Политика Бонапарта давала къ тому же новую пищу для раздраженія и недовольства въ Англіи [1]). Особенно трудно мирились тамъ съ преобладающимъ вліяніемъ Франціи въ Батавской республикѣ, то-есть въ той самой Голландіи, которая менѣе ста лѣтъ тому назадъ была связана личной уніей съ Англіей и гдѣ послѣдняя привыкла занимать преобладающее положеніе. Бонапартъ, вопреки Амьенскому трактату, продолжалъ держать французскія войска въ Батавской и Гельветской республикахъ, несмотря на протесты Англіи, а Англія, съ своей стороны, продолжала занимать о. Мальту. Отношенія между обѣими державами становились все болѣе и болѣе натянутыми. Англія снова начинала готовиться къ войнѣ и подыскивать себѣ союзниковъ. Бонапартъ пригрозилъ англійскому правительству, что его дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи поведутъ лишь къ тому, что „припудятъ его завоевать Европу“. Ему, Бонапарту, еще всего 33 года, и покамѣстъ онъ успѣлъ расправиться лишь со второстепенными государствами; „кто знаетъ, сколько ему понадобится времени для того, чтобы перекроить карту Европы и воскресить Западную Имперію“. Эта нота, похожая на программу наполеоновскихъ войнъ, была продиктована Бонапартомъ въ октябрѣ 1802 года, то-есть всего лишь полгода спустя послѣ амьенскаго мира.

Въ мартѣ слѣдующаго года англійское правительство объявило сборъ милиціи. Бонапартъ отвѣтилъ сосредоточеніемъ флотилій въ портахъ Шербурга и Дюнкирхена. Въ концѣ апрѣля 1803 г. англійское правительство обратилось къ первому консулу съ ультиматумомъ, требуя признанія за собой права на оккупацію Мальты въ теченіе 10 лѣтъ, вознагражденія сардинскаго короля за захваченный Франціей Пьемонтъ, наконецъ — очищенія Батавской и Гельветской республикъ. Первый консулъ отвѣтилъ отказомъ, и въ слѣдующемъ маѣ война возгорѣлась снова. На этотъ разъ ей суждено было окончиться лишь съ крушеніемъ наполеоновской имперіи.

Возобновленіе войны.

Война началась тѣмъ, что только что превратившійся въ „Наполеона I, императора французовъ“, Бонапартъ занялъ сво-

[1]) Buchholz. Die napoleonische Weltpolitik (Preussische Jahrbücher 1896).

ими войсками Ганноверъ, принадлежавшій англійскому королю [1]), нисколько не стѣснялся тѣмъ, что, въ силу базельскаго трактата, всѣ области сѣверной Германіи были признаны нейтральными, подъ гарантіей Пруссіи [2]). Онъ также мало церемонился съ нейтральной Испаніей, которую принудилъ открыть свои порты для французскихъ военныхъ судовъ и тѣмъ поставилъ Испанію въ такое положеніе, что она принуждена была заключить союзъ съ Наполеономъ (декабрь 1804—январь 1805 г.) и, слѣдовательно, принять участіе въ англо-французской войнѣ.

Съ огромными усиліями и издержками Наполеонъ организовалъ новый флотъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ англійскому могуществу на морѣ и даже напасть на Англію, но это грандіозное предпріятіе рѣзрѣшилось колоссальной катастрофой. Въ знаменитой битвѣ при Трафальгарѣ (20 октября 1805 г.) французскій флотъ былъ совершенно уничтоженъ, и послѣ того Франція надолго потеряла свое значеніе, какъ морской державы. Командовавшій англійскимъ флотомъ адмиралъ Нельсонъ, побѣдитель при Абукирѣ, палъ въ этой кровавой битвѣ; французскій адмиралъ, въ отчаяніи, покончилъ самоубійствомъ [3]). Трафальгаръ.

Еще до разгрома французскаго флота при Трафальгарѣ Англіи, гдѣ къ власти снова возвратился Питтъ, неумолимый противникъ Франціи, удалось организовать новую коалицію, начало которой было положено союзомъ, заключеннымъ между Англіей и Россіей въ апрѣлѣ 1805 года. Союзъ ставилъ себѣ задачею создать „всеобщую лигу европейскихъ государствъ для изгнанія французовъ изъ Италіи, сѣверной Германіи, Голландіи и Швейцаріи“. Вопросъ о возстановленіи старой монархіи во Франціи на этотъ разъ не ставился. Вскорѣ къ коалиціи примкнули Австрія, Неаполитанское королевство и Швеція, а нѣсколько позднѣе и Пруссія. Эта, такъ называемая третья коалиція (1805—1806 г.) была первой европейской коалиціей противъ наполеоновской Франціи [4]). Третья коалиція

Но прежде чѣмъ союзники успѣли что-нибудь предпринять, Наполеонъ съ поразительной быстротой перебросилъ свою армію въ Баварію, гдѣ расположились главныя австрійскія силы, отрѣ-

---

[1]) Съ восшествіемъ на престолъ Великобританіи ганноверской династіи въ лицѣ Георга I, въ 1714 г.

[2]) См. выше, стр. 87.

[3]) W. Beatty. Authentic narrative of the Death of Nilson. London, 1807; O. Troude. Batailles navales de la France. 4 vol. Paris, 1867.

[4]) Alombert et Colin. La campagne de 1805 en Allemagne. 4 vol. Paris, 1902; colonel Furse. Ulm. Trafalgar. Austerlitz. London, 1905.

залъ ихъ отъ Вѣны и заставилъ отступить къ Ульму подъ командой маршала Мака. Ошеломленный появленіемъ французовъ въ тылу своей арміи, въ то время какъ онъ ожидалъ ихъ совсѣмъ съ противоположной стороны, Макъ совершенно потерялъ голову, бросился къ Ульму, гдѣ и заперся со своей арміей, но вскорѣ былъ принужденъ капитулировать (20 октября 1805 г.). Болѣе 30.000 солдатъ и около 60 орудій попало въ руки французовъ. Австрійская армія, потерявшая уже до этого 20.000 своего состава и около полутораста орудій, была теперь совершенно уничтожена. Это было 20 октября, въ день трафальгарской битвы. Такимъ образомъ, морская катастрофа совпала съ первымъ рѣшительнымъ успѣхомъ французскаго оружія на сушѣ. Послѣ уничтоженія австрійской арміи, Наполеонъ безпрепятственно продолжалъ свой походъ и занялъ Вѣну, не встрѣтивъ сопротивленія (10 ноября 1805 г.).

Ульмъ.

Вѣна.

Давши оправиться своей арміи послѣ продолжительнаго похода, Наполеонъ двинулся противъ сосредоточившихся близъ Аустерлица, въ Моравіи, соединенныхъ русскихъ и австрійскихъ войскъ (около 90.000) и, прежде чѣмъ Пруссія успѣла побѣдить свою нерѣшительность и присоединиться къ коалиціи, напалъ на союзную армію и нанесъ ей рѣшительное пораженіе; въ этой „битвѣ трехъ императоровъ“ союзники потеряли около 15.000 убитыми и ранеными и до 20.000 плѣнными (2 декабря 1805 г.).

Аустерлицъ.

Пруссія, намѣренія которой примкнуть къ коалиціи были извѣстны Наполеону, вынуждена была подчиниться требованіямъ побѣдителя: уступить Франціи княжество Клевское (на Рейнѣ), взамѣнъ Ганновера, отобраннаго Наполеономъ отъ англійскаго короля, и заключить съ Франціей оборонительный и наступательный союзъ.

Изолировавъ, такимъ образомъ, Австрію, Наполеонъ принудилъ ее согласиться на всѣ свои требованія. По миру, подписанному въ Пресбургѣ (26 декабря 1806 г.), Австрія обязывалась уплатить Франціи сорокъ милліоновъ контрибуціи и сдѣлать огромныя территоріальныя уступки въ пользу Франціи и ея союзниковъ. Истрія и Далмація отходили къ Франціи, Венеція къ Италійскому королевству (въ которое преобразовалъ Наполеонъ во время войны Цизальпинскую республику, при чемъ объявилъ себя королемъ Италійскимъ), Тироль къ Баваріи, швабскія земли къ Вюртембергу и Бадену, съ возведеніемъ союзниковъ Наполеона курфюрстовъ баварскаго и вюртембергскаго въ королевское достоинство.

Пресбургскій миръ.

Такимъ образомъ третья коалиція завершилась разгромомъ

союзной арміи и настоящей политической катастрофой для Австріи. Россія, послѣ Аустерлица, устранилась отъ борьбы съ Франціей, а Пруссія вошла въ число ея союзниковъ или вѣрнѣе — вассаловъ, потому что „союзники“ Франціи, какъ менѣе сильные, вынуждены были отказаться отъ самостоятельной внѣшней политики и служить послушными орудіями въ рукахъ Наполеона.

Мегаломанія Наполеона.

Послѣ разгрома третьей коалиціи Наполеонъ чувствовалъ себя болѣе, чѣмъ когда-либо, хозяиномъ Европы. Угроза, съ которой онъ обращался къ Англіи передъ послѣдней войной, перекроить карту Европы и „воскресить Западную Имперію“, начинала получать свое осуществленіе. Наполеонъ уже не удовлетворялся положеніемъ неограниченнаго монарха Франціи; онъ хотѣлъ распространить свое господство на всю Европу, сдѣлавъ изъ Франціи своего рода сюзеренную державу надъ остальными государствами, низведенными на степень ея вассаловъ. Къ тому же старая „римская имперія германской націи“, продолжавшая существовать, какъ тѣнь великаго прошлаго, какъ громкій титулъ безъ реальнаго содержанія, только что прекратила свое существованіе, послѣ того какъ Францъ II формально отказался отъ титула „римскаго императора“ и принялъ болѣе соотвѣтствующій дѣйствительности титулъ „австрійскаго императора“, подъ именемъ Франца I (августъ 1806 г.). Открывшуюся вакансію Западной имперіи готовилась занять наполеоновская Франція. Наполеонъ уже готовъ былъ смотрѣть на себя, какъ на преемника Карла Великаго. Послѣ аустерлицкой побѣды онъ прибавилъ къ своему имени эпитетъ „Великаго“, а день рожденія своего (15 августа) объявилъ оффиціальнымъ праздникомъ всей имперіи.

Конецъ «римской имперіи».

Конкретнымъ образомъ величавые планы Наполеона послѣ его тріумфа надъ третьей коалиціей выразились въ созданіи вассальнаго Франціи Рейнскаго союза (Rheinbund), въ раздачѣ мелкихъ германскихъ княжествъ своимъ союзникамъ, наконецъ, въ созданіи цѣлаго ряда новыхъ политическихъ тѣлъ, подъ названіемъ королевствъ и княжествъ, въ пользу родственниковъ и приближенныхъ.

Рейнскій союзъ.

1. Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и нѣсколько менѣе значительныхъ германскихъ княжествъ, общимъ числомъ 16, подписали въ іюлѣ 1806 года договоръ, въ силу котораго они признавали себя вышедшими изъ состава Германской имперіи и составляющими союзъ подъ названіемъ Рейнскаго. Послѣдній призналъ Наполеона своимъ „покровителемъ“ и заключилъ съ нимъ оборони-

тельный и наступающій союзъ съ обязательствомъ выставить въ случаѣ войны 63.000 армію. Въ лицѣ Рейнскаго союза Наполеонъ создалъ обширное вассальное государство, которое прикрывало восточную границу Франціи и могло служить точкой опоры для дальнѣйшаго распространенія французскаго вліянія въ Германіи, тѣмъ болѣе что, согласно основному договору, Рейнскій союзъ былъ открытъ для вступленія въ него новыхъ членовъ. Этой оговоркой искусно пользовался Наполеонъ, постепенно привлекая къ союзу мелкихъ князей сѣверной Германіи и тѣмъ ослабляя вліяніе Пруссіи въ пользу Франціи [1]).

2. Цѣлый рядъ мелкихъ германскихъ княжествъ, а также всѣ духовныя княжества были розданы Наполеономъ его союзникамъ для округленія ихъ владѣній.

Новыя королевства и княжества.

3. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на смѣну прежнимъ „республикамъ-сестрамъ“ возникаетъ теперь, по мановенію императора, цѣлый рядъ „братскихъ“ королевствъ и княжествъ. Цизальпинская республика превратилась въ королевство Италійское, съ королемъ Наполеономъ I (май 1805 г.); Батавская республика преобразилась въ королевство Голландское, вассальная вѣрность котораго Франціи обезпечивалась какъ личностью новаго короля, младшаго брата Наполеона, Луи Бонапарта, такъ и характеромъ полученныхъ послѣднимъ отъ брата-императора инструкцій, въ которыхъ послушаніе императору вмѣнялось голландскому монарху въ первѣйшую и высшую обязанность. Король неаполитанскій снова былъ выгнанъ изъ своихъ владѣній, на этотъ разъ, впрочемъ, не ради возстановленія Партенопейской республики, а для того, чтобы очистить королевскій тронъ для другого брата императора, Жозефа Бонапарта. Для родственника императора, маршала Мюрата (женатаго на сестрѣ Наполеона), было выкроено изъ прусскихъ и баварскихъ земель великое герцогство Бергское, со столицей Дюссельдорфомъ (1806—1808 г.).

Четвертая коалиція и тильзитскій миръ. (1806—1807).

Третья коалиція была разгромлена, но оставалась попрежнему непобѣжденной Англія, которая, напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо торжествовала надъ Франціей на морѣ; Россія, послѣ

[1]) Karl Beck. Verfassungsgeschichte des Rheinbundes. Mainz, 1890.

аустерлицкой битвы, отозвала свою армію, но мира не заключила. Австрія, пришибленная аустерлицкимъ разгромомъ, не шевелилась; но Пруссія, раздраженная созданіемъ Рейнскаго союза и коварной политикой Наполеона, лишившаго ее ея былой гегемоніи надъ Сѣверной Германіей, начинала раскаиваться въ своей прежней нерѣшительности и пособничествѣ Наполеону. Кончилось тѣмъ, что она сблизилась съ Россіей и Англіей, которая сдѣлала, съ своей стороны, все, чтобы возобновить борьбу съ наполеоновской Франціей на континентѣ, и обѣщала денежную поддержку обѣимъ державамъ. Усилія Англіи увѣнчались успѣхомъ, и въ сентябрѣ 1806 года новая, по счету четвертая (а противъ Наполеона — вторая) коалиція была совершившимся фактомъ. Коалиція, къ которой примкнула на этотъ разъ еще Швеція, имѣла столь же плачевный конецъ, какъ и предыдущія [1]).

Прежде чѣмъ русская армія успѣла соединиться съ прусской, послѣдней пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ превосходными французскими силами, которыя Наполеонъ съ ошеломляющей быстротой перебросилъ въ глубь прусскихъ владѣній. Въ двухъ одновременныхъ сраженіяхъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ (14 октября 1806 г.) прусская армія, потерявшая болѣе 20.000 убитыми и ранеными и около того же плѣнными, была совершенно разгромлена. Двѣ недѣли спустя Наполеонъ съ тріумфомъ вступилъ въ Берлинъ, занятый уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ французскими войсками. Вскорѣ вся Пруссія была въ рукахъ французовъ. Крѣпости одна за другою сдавались безъ сопротивленія, за исключеніемъ Данцига, отказавшагося сдаться, и Кенигсберга, занятаго подоспѣвшими русскими войсками. Іена и Ауэрштедтъ.

Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ занялъ прусскую Польшу и 19 декабря совершилъ торжественный въѣздъ въ Варшаву (тогда принадлежавшую Пруссіи), занятую французскимъ авангардомъ въ концѣ ноября. Онъ старался привлечь польскую шляхту надеждами на возстановленіе Рѣчи Посполитой. Былъ сформированъ особый польскій полкъ, который и вступилъ въ составъ французской арміи. Но прежде чѣмъ заняться польскими дѣлами, Наполеонъ желалъ сначала раздѣлаться съ русскими, которые въ началѣ ноября перешли Нѣманъ и заняли Кенигсбергъ. Въ январѣ

---

[1]) Foucart. Campagne de Prusse, 1806. 2 vol. Paris, 1887—1890; Foucard. Campagne de Pologne, 1807. 2 vol. Paris, 1882; C. von der Goltz. Rossbach und Jena. Berlin, 1883; Lettow-Vorbeck. Der Krieg von 1806—1807. 4 Bde. Berlin, 1899; général G. Petit. Histoire des campagnes de Napoléon en 1805—1807. Paris, 1845.

1807 года русская армія, подъ командой Беннигсена, двинулась на выручку осажденнаго французами Данцига, но при мѣстечкѣ Эйлау Эйлау была остановлена французами. Произошла упорная битва, одна изъ наиболѣе кровопролитныхъ этой эпохи (8 февраля 1807 г.). Русскіе потеряли до 25.000 убитыми и ранеными, но и сами вывели изъ строя около 15.000 французовъ. „Какая бойня и безъ результата!“ воскликнулъ на другой день, при видѣ густо усѣянной трупами снѣжной равнины маршалъ Ней. Битва, дѣйствительно, окончилась въ ничью, но такъ какъ русскіе отступили, а французы удержали за собой позиціи, то Наполеонъ объявилъ битву своей побѣдой. Въ дѣйствительности битва при Эйлау, первая большая битва, не выигранная Наполеономъ, была для него серьезной неудачей; она лишила его ореола непобѣдимости и подняла духъ союзниковъ.

Александръ I и Фридрихъ-Вильгельмъ III подписали 25 апрѣля 1807 года новый, болѣе тѣсный союзъ между Россіей и Пруссіей, взаимно обязавшись не вступать ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ впредь до очищенія французами праваго берега Рейна. Вмѣстѣ съ тѣмъ оба государя обратились съ воззваніемъ ко всей Европѣ о необходимости дружной борьбы съ Наполеономъ [1]). Призывъ этотъ, впрочемъ, не имѣлъ практическихъ результатовъ. Австрія все еще не могла очнуться отъ полученнаго ею ошеломляющаго удара; у ней не было ни арміи, ни денегъ. Швеція была безсильна оказать сколько-нибудь серьезное содѣйствіе союзникамъ. Наполеонъ, наоборотъ, нашелъ себѣ новаго союзника въ лицѣ турецкаго султана, котораго побудилъ объявить войну Россіи, и помогъ Турціи укрѣпить Дарданелы, для того чтобъ преградить англійскому флоту доступъ къ Константинополю. Къ тому же, въ маѣ 1807 года былъ взятъ Данцигъ, и дѣйствующая армія Наполеона усилилась на 40.000 осаднаго корпуса. Другая армія почти такой же численности приближалась изъ Италіи подъ предводительствомъ Массены. Беннигсенъ, съ своей стороны, также успѣлъ къ тому времени получить изъ Россіи подкрѣпленія, доводившія численность его арміи почти до 100.000. Фридландъ. Обѣ непріятельскія арміи встрѣтились у Фридланда, къ юго-востоку отъ Кенигсберга. Здѣсь 14 іюня 1807 г. произошло рѣшительное сраженіе, окончившееся побѣдой французовъ.

Главная сила четвертой коалиціи, русская армія, была сломлена; Пруссія, съ паденіемъ Данцига и Кенигс-

[1]) H. Ullmann. Russisch-preussische Politik unter Alexander I und Friedrich-Wilhelm III. Leipzig, 1899.

берга, находилась цѣликомъ въ рукахъ побѣдителя. Фактически коалиція перестала существовать. Начавшіеся между Александромъ I и Наполеономъ переговоры завершились личнымъ свиданіемъ обоихъ императоровъ въ Тильзитѣ, гдѣ и былъ подписанъ знаменитый тильзитскій трактатъ (9 іюля 1807 г.), не только положившій конецъ войнѣ между обѣими державами, но и поставившій ихъ въ тѣсныя союзныя отношенія [1]). Тильзитскій миръ.

Наполеонъ, желавшій привлечь на свою сторону Россію, для того чтобы окончательно изолировать Англію, не щадилъ никакихъ усилій, чтобы побѣдить предубѣжденія противъ своей личности и произвести, наоборотъ, самое выгодное впечатлѣніе на Александра I, что ему въ значительной мѣрѣ и удалось. Послѣ тильзитскаго свиданія Александръ отзывался о Наполеонѣ съ восторгомъ. Кромѣ того, почвой для ихъ взаимнаго сближенія послужило недовольство Александра I Англіей, отказавшейся гарантировать русскій заемъ и вообще оттолкнувшей рыцарски настроеннаго императора узко эгоистическимъ и меркантильнымъ характеромъ своей политики.

Союзъ, заключенный въ Тильзитѣ, и былъ въ сущности направленъ главнымъ образомъ противъ Англіи. Александръ I согласился ввести въ Россіи направленную противъ англійской торговли континентальную систему (недопущеніе англійскихъ судовъ въ континентальные порты), объявленную Наполеономъ во время его пребыванія въ Берлинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ признавалъ всѣ произведенныя Наполеономъ территоріальныя измѣненія въ Европѣ въ пользу Франціи и ея союзниковъ, а также вновь созданныя Наполеономъ королевства и княжества. Съ своей стороны, Наполеонъ давалъ согласіе на округленіе русскихъ границъ на счетъ Турціи (Молдавія и Валахія) и Швеціи (Финляндія).

Всего больше пострадала Пруссія, съ которой Наполеонъ даже не пожелалъ вести переговоровъ. По тильзитскому трактату, она теряла свои польскія провинціи, изъ которыхъ было образовано герцогство Варшавское, за исключеніемъ Данцига, объявленнаго вольнымъ городомъ. Герцогство Варшавское было отдано во владѣніе курфюрсту саксонскому, получившему теперь титулъ короля. Изъ отобранныхъ у Пруссіи владѣній къ западу отъ Эльбы, вмѣстѣ съ частью Ганновера и нѣкоторыми другими смежными территоріями, было образовано новое политическое тѣло, Герцогство Варшавское.

[1]) A. Vandal. Napoléon I et Alexandre I. Paris, 1906.

Вестфальское королевство.

которое, подъ названіемъ Вестфальскаго королевства, было отдано во владѣніе брату Наполеона Жерому Бонапарту. Наполеонъ хотѣлъ совсѣмъ уничтожить прусское королевство и только изъ вниманія къ заступничеству Александра, согласился оставить во владѣніи Фридриха-Вильгельма III собственно Пруссію, Бранденбургъ, Померанію и Силезію. Введенная въ эти границы, поставленная подъ надзоръ двухъ преданныхъ вассаловъ Наполеона, королей Саксонскаго и Вестфальскаго, Пруссія теряла возможность служить противовѣсомъ или помѣхой преобладающему вліянію Франціи въ Сѣверной Германіи, тѣмъ болѣе что Наполеонъ оставилъ за собой право продолжать оккупацію прусскихъ владѣній впредь до полной выплаты наложенной на Пруссію контрибуціи въ 100.000.000. Кромѣ того, Фридрихъ-Вильгельмъ III долженъ былъ заключить союзъ съ Наполеономъ и обязаться закрыть свои порты для англійскихъ судовъ.

Эрфуртская конвенція, пятая коалиція и вѣнскій миръ. (1808—1809).

Тильзитскій трактатъ былъ въ сущности договоромъ о раздѣлѣ Европы между Россіей и Франціей, при чемъ львиная доля, естественно, доставалась послѣдней какъ побѣдительницѣ. Мечта Наполеона о возсозданіи Западной имперіи подъ скипетромъ французскаго императора, казалось, была близка къ осуществленію.

Однако, для полнаго превращенія грандіозной мечты въ совершившійся фактъ, надо было еще сломить Англію, которая съ такимъ же упорствомъ продолжала бороться противъ наполеоновской Франціи, какъ раньше противъ Франціи революціонной. Неуязвимость Англіи на морѣ заставила Наполеона прибѣгнуть къ „континентальной блокадѣ“, чтобы доконать Англію изморомъ, разрушивши ея европейскую торговлю. Но „континентальная блокада“, или „система“, ударивши однимъ концомъ по Англіи, другимъ концомъ больно ударила по самой Франціи и по остальной континентальной Европѣ и въ концѣ концовъ не только поссорила Наполеона съ союзниками, въ томъ числѣ и съ наиболѣе для него цѣннымъ—Россіей, но и вызвала многочисленные протесты со стороны вассальныхъ государствъ [1]).

«Континентальная система»

[1]) S. Millenet. Le système continental et les Anglais. Paris, 1837; L. Luders. Das Continentalsystem. Leipzig, 1812.

Эту сторону дѣла недостаточно учелъ Наполеонъ, и сдѣланная имъ въ этомъ отношеніи ошибка имѣла роковое для него значеніе. Не менѣе роковымъ для его грандіозныхъ плановъ оказалось еще другое, непредусмотрѣнное Наполеономъ обстоятельство: это — пробужденіе національнаго чувства и патріотизма въ европейскихъ народностяхъ, испытавшихъ тяжелую руку падменныхъ и хищныхъ завоевателей. Къ протесту во имя національныхъ интересовъ противъ континентальной блокады присоединился протестъ во имя національной свободы и національнаго достоинства. Этотъ двоякій протестъ былъ началомъ и источникомъ отдѣльныхъ сопротивленій и вспышекъ, которыя вскорѣ выросли въ то могучее національно-патріотическое движеніе, о которое суждено было разбиться грандіознымъ планамъ Наполеона, казавшимся столь близкими къ своему конечному осуществленію.

Пробужденіе національнаго чувства.

Вслѣдъ за тильзитскимъ миромъ Наполеонъ принялся проводить во всей Европѣ свою „континентальную систему“, требуя не только отъ своихъ союзниковъ, но и отъ нейтральныхъ правительствъ закрытія портовъ для англійскихъ кораблей. Когда папа Пій VII (1800—1823) попробовалъ было уклониться отъ предъявленнаго къ нему въ этомъ смыслѣ требованія, ссылаясь на свой нейтралитетъ, но Наполеонъ занялъ своими войсками часть Церковной области (августъ 1807 г.). За подобное же уклоненіе отъ проведенія континентальной системы королевство Этрурійское было просто-на-просто секвестровано Наполеономъ и присоединено къ имперіи. Обездоленной королевѣ было предоставлено утѣшаться видами на возможное территоріальное вознагражденіе на Аппенинскомъ полуостровѣ, которымъ Наполеонъ собирался теперь серьезно заняться. Португалія, находившаяся всегда въ полной экономической зависимости отъ Англіи, отказалась ввести у себя континентальную систему, которая была равносильна полному разоренію для этой маленькой страны. Не имѣя возможности раздѣлаться съ Португаліей такъ же просто, какъ съ Этруріей или папской областью, Наполеонъ вошелъ въ соглашеніе съ Испаніей, или точнѣе—съ фактически правившимъ ею временщикомъ Годоемъ, относительно раздѣла Португаліи. Годою была обѣщана Наполеономъ южная Португалія, въ качествѣ автономнаго княжества; лучшую, центральную часть со столицей Лиссабономъ Наполеонъ оставлялъ за собой. Согласно заключенному условію, французскій корпусъ перешелъ, въ серединѣ ноября 1807 года, испанскую границу и въ концѣ того же мѣсяца занялъ Лисса-

Оккупація и аннексіи

бонъ. Принцъ-регентъ успѣлъ нѣсколькими днями ранѣе бѣжать на англійскомъ кораблѣ въ португальскую колонію Бразилію.

Начало завоеванія Пиренейскаго полуострова.

Занятіе Португаліи было для Наполеона лишь первымъ шагомъ къ порабощенію всего Пиренейскаго полуострова [1]). То, что не удалось въ свое время Людовику XIV („долой Пиренеи"), то казалось не особенно труднымъ Наполеону, въ особенности послѣ того легкаго успѣха, какой ему только что удалось одержать въ Португаліи. Началось съ того, что, подъ предлогомъ посылки подкрѣпленій португальской арміи и защиты Кадикса противъ англичанъ, Наполеонъ наводнилъ Испанію своими войсками и занялъ нѣсколько испанскихъ крѣпостей, частью при помощи чисто макіавелевскихъ пріемовъ. Такъ, пограничная съ Франціей крѣпость Памплуна была захвачена зимой французскимъ отрядомъ, подъ видомъ затѣянной французами игры въ снѣжки съ испанскимъ гарнизономъ. Въ Барцелонскую цитадель отрядъ французскихъ гренадеръ проникъ подъ видомъ больныхъ и фельдшеровъ, оружіе было спрятано подъ платьемъ.

Правительство въ Испаніи находилось въ состояніи полнаго развала и прострація. Къ тому же въ мартѣ 1808 года въ Мадридѣ произошелъ придворный переворотъ, отвлекшій вниманіе и правительства и страны отъ угрожавшей ей опасности со стороны французовъ, которые потихоньку захватили въ свои руки всѣ важнѣйшіе стратегическіе пункты. Временщикъ Годой былъ низвергнутъ враждебной партіей, во главѣ которой стоялъ наслѣдникъ испанскаго престола Фердинандъ; у короля Карла IV (1788—1808) вынудили отреченіе отъ престола. Населеніе Мадрида встрѣтило бурными восторгами вѣсть о свержепіи ненавистнаго временщика и среди общихъ ликованій почти не замѣтило, какъ французы заняли Мадридъ (13 марта 1808 г.). Однако присутствіе иноземныхъ войскъ въ Испаніи и ея столицѣ начало вскорѣ вызывать ропотъ населенія. То тамъ, то сямъ стали вспыхивать возстанія противъ пришельцевъ. Въ началѣ мая произошли въ Мадридѣ кровавыя уличныя столкновенія между испанской толпой и французскими войсками, при чемъ послѣдними была пущена въ ходъ артиллерія. Не довольствуясь этимъ, послѣ подавленія возстанія, французскій главнокомандующій Мюратъ приказалъ разстрѣлять

[1]) E Guillon Les guerres d'Espagne sous Napoleon. Paris, 1902; Général Foy. Histoire de la guerre de la Péninsule. Paris, 1827; Maréchal Jourdan. Mémoires militaires de la guerre d'Espagne. Paris, 1899; Marquis of Londoderry. Narrative of the Peninsular War. London, 1829; Maréchal Suchet. Mémoires sur les campagnes en Espagne, 1808—1814. Paris, 1829.

безъ суда нѣсколько сотъ испанцевъ, схваченныхъ во время побоища. Эта кровавая расправа, вмѣстѣ съ проявленнымъ французами вѣроломствомъ, вызвала сильное анти-французское движеніе во всей Испаніи. Наполеонъ, однако, не придалъ значенія этимъ тревожнымъ симптомамъ и продолжалъ, при помощи своей дипломатіи, опиравшейся на пушки и штыки, доканчивать начатое дѣло. Кровавыми событіями 2 мая 1808 г. онъ воспользовался для того, чтобы угрозами безпощадной расправы добиться отъ Фердинанда VII отреченія отъ престола, а злополучный и жалкій Карлъ IV, которому Наполеонъ лицемѣрно предложилъ снова занять испанскій престолъ, отказался отъ этой рискованной чести и просилъ лишь объ одномъ, чтобы его оставили въ покоѣ доживать свои дни въ обществѣ любезнаго ему Годоя. Свои права на престолъ онъ безъ сопротивленія передалъ Наполеону, оговоривши лишь территоріальную цѣлость Испаніи и неприкосновенность католичества, какъ господствующей церкви. Декретомъ 3 іюня 1808 года Наполеонъ назначилъ—точно дѣло шло о замѣщеніи должности префекта какого-либо департамента — королемъ Испаніи своего брата Жозефа (какъ испанскій король, Іосифъ I (1808—1813) [1]).

Начало народной войны въ Испаніи.

Когда мѣсяцъ спустя новый король вступилъ въ Испанію, онъ нашелъ страну въ состояніи почти всеобщаго возстанія противъ французовъ. Это было начало того могучаго національно-патріотическаго движенія, которое вскорѣ охватило почти всю Европу и смело эфемерную имперію Наполеона. Наполеонъ не предвидѣлъ этого движенія, а когда оно началось, онъ его не понялъ и не учелъ заключавшейся въ немъ грозной для него силы. Онъ продолжалъ лишь считать свои пушки и штыки. До какой степени онъ былъ далекъ отъ пониманія истиннаго значенія начинавшагося въ Испаніи движенія, можно судить хотя бы уже по тому, что, по его вычисленіямъ, подавленіе возстанія въ Испаніи должно было стоить ему не болѣе 12,000 солдатъ. Въ крайнемъ случаѣ онъ былъ готовъ и на большія жертвы, но во всякомъ случаѣ онъ бы бросилъ это дѣло, если бы для его осуществленія потребовалось пожертвовать 80.000 солдатъ. На дѣлѣ испанская кампанія, вдобавокъ окончившаяся полной неудачей, обошлась Франціи въ 300.000 солдатскихъ жизней. Въ Испаніи Наполеону пришлось впервые встрѣтиться съ новымъ явленіемъ: народной и пар-

[1]) Mémoires et corespondance politique et militaire de Joseph Bonaparte. 10 vol. Paris, 1853—1854.

тизанской войной. Регулярныхъ войскъ у испанцевъ почти не было, французамъ почти не съ кѣмъ было воевать, но въ каждомъ городѣ, въ каждой деревушкѣ они натыкались на непріятельскій лагерь, въ каждомъ укромномъ углу—на засаду. Все способное носить оружіе мужское населеніе организовалось въ партизанскіе отряды, которые парализовали движенія французскихъ армій, стѣсняли снабженіе ихъ провіантомъ и фуражемъ, изнуряли постоянной тревогой и неожиданными нападеніями. Вся страна организовалась въ патріотическіе повстанческіе союзы, съ мѣстными комитетами во главѣ; общее руководство возстаніемъ находилось въ рукахъ центральнаго комитета, засѣдавшаго въ Севильѣ. Отправленный Наполеономъ противъ Севильи 18.000 корпусъ, истощенный изнурительными переходами подъ палящимъ солнцемъ Андалузіи, былъ окруженъ въ горахъ Сіерра-Морены многочисленными отрядами повстанцевъ и принужденъ сдаться въ плѣнъ (23 іюля 1808 г.). Это было страшнымъ ударомъ для Наполеона, какъ по реальному значенію событія, такъ и въ особенности по тому впечатлѣнію, какое оно произвело не только въ Испаніи, но и во всей Европѣ. Это былъ первый случай, что цѣлый корпусъ наполеоновской арміи сдался въ плѣнъ; вдобавокъ—не регулярнымъ войскамъ, а плохо вооруженнымъ толпамъ бунтарей, какъ презрительно выражался самъ Наполеонъ объ испанскихъ партизанахъ. Легко понять, какой подъемъ духа вызвало въ Испаніи это событіе. Жозефъ, только что совершившій за нѣсколько дней передъ тѣмъ свой торжественный въѣздъ въ Мадридъ, принужденъ былъ бѣжать изъ своей столицы подъ защиту французскихъ штыковъ. Онъ писалъ Наполеону, что для усмиренія Испаніи необходима армія по меньшей мѣрѣ въ 200.000 человѣкъ и вдобавокъ 100.000 эшафотовъ. „Эта страна, прибавлялъ онъ, и ея населеніе совсѣмъ непохожи на другія,—нельзя найти ни одного шпіона, ни одного курьера“. Испанія была „не похожа“ на другія страны, потому что впервые здѣсь пришлось наткнуться наполеоновскимъ завоевателямъ на совершенно для нихъ новое явленіе: на пробудившійся мѣстный патріотизмъ. Катастрофа 23 іюля 1808 г. была первымъ серьезнымъ предостереженіемъ Наполеону, но онъ не понялъ или не хотѣлъ понять его грознаго смысла. Въ отвѣтъ на письмо своего брата онъ воскликнулъ въ ярости: „въ Испаніи я найду геркулесовы столбы моего могущества, но не преграду ему!“

Сіерра-Моренa.

Англичане въ Португаліи.

А между тѣмъ за первымъ предостереженіемъ послѣдовало вскорѣ второе. Въ августѣ 1808 года англичане высадили въ

Португаліи 18,000 корпусъ, который разбилъ французовъ и заставилъ ихъ капитулировать, съ условіемъ возвращенія на родину на англійскихъ корабляхъ (23 августа 1808 г.).

Наполеонъ хотѣлъ, однако, несмотря ни на что, добиться своего на Пиренейскомъ полуостровѣ. Онъ рѣшилъ лично отправиться за Пиренеи во главѣ новой, болѣе сильной арміи. Но онъ рѣшился на этотъ шагъ лишь послѣ того, какъ обезпечилъ, какъ ему казалось, созданный имъ на востокѣ Европы status quo новымъ соглашеніемъ съ Александромъ I въ Эрфуртѣ (октябрь 1808 г.). Въ эрфуртской конвенціи онъ видѣлъ подтвержденіе и закрѣпленіе тильзитскаго союза; въ дѣйствительности она скорѣе обнаружила всю непрочность послѣдняго. Дѣло въ томъ, что на этотъ разъ русскій императоръ, успѣвшій освободиться отъ чаръ Тильзита, въ чемъ ему помогъ самъ же Наполеонъ, отнесся къ своему „другу“ съ гораздо меньшимъ энтузіазмомъ, а потому и съ гораздо меньшей откровенностью, чѣмъ во время тильзитскаго свиданія. Александръ I считалъ себя тѣмъ болѣе вправѣ не раскрывать всѣхъ своихъ картъ передъ своимъ союзникомъ, что не могъ не замѣтить стремленія Наполеона сдѣлать изъ Россіи орудіе своихъ честолюбивыхъ плановъ. Наполеонъ упрекалъ Александра въ недостаточно агрессивной политикѣ по отношенію къ Австріи; онъ хотѣлъ, чтобы Россія „показала ей свои зубы“, для того чтобы обезпечить французскому императору безпрепятственное выполненіе его плановъ за Пиренеями. Александръ, съ своей стороны, вовсе не былъ склоненъ сжигать корабли въ своихъ отношеніяхъ съ Австріей, въ которой предчувствовалъ своего завтрашняго союзника. Интересно, что надъ сближеніемъ между Австріей и Россіей работалъ за спиной Наполеона его собственный министръ Талейранъ, который, какъ умный человѣкъ, понималъ всю непрочность положенія Наполеона, вступавшаго на явно рискованный путь, и въ то же время, какъ человѣкъ хитрый и безпринципный, старался заранѣе заручиться благоволеніемъ сегодняшнихъ противниковъ императора, возможныхъ завтрашнихъ побѣдителей послѣдняго. Кончилось тѣмъ, что по главному пункту, по вопросу объ отношеніи къ Австріи, Александръ I согласился воевать съ послѣдней лишь въ случаѣ ея нападенія на Францію (такое же обязательство было принято и Наполеономъ относительно Россіи). Это условіе, слѣдовательно, лишало Наполеона права на поддержку Россіи въ случаѣ, если бы онъ первый напалъ на Австрію. Съ другой стороны, результатомъ эрфуртскаго свиданія было болѣе тѣсное сближеніе между Россіей и Пруссіей, въ виду той роли ходатая за Пруссію и защитника

Эрфуртская конвенція и ея значеніе.

Талейранъ.

ея интересовъ, какую взялъ на себя русскій императоръ. Александру I, дѣйствительно, удалось добиться смягченія нѣкоторыхъ статей тильзитскаго трактата въ пользу Пруссіи.

Наполеону не удалось добиться въ Эрфуртѣ всего того, на что онъ разсчитывалъ, но онъ все-таки склоненъ былъ считать эрфуртскую конвенцію, если не полной своей дипломатической побѣдой, то, по крайней мѣрѣ, полу-побѣдой. Въ дѣйствительности эрфуртское свиданіе имѣло для Наполеона значеніе скрытаго пораженія, серьезность котораго подчеркивалась тѣмъ фактомъ, что этому пораженію вполнѣ сознательно содѣйствовалъ его собственный министръ. Наполеонъ, считавшій право проводить другихъ своей монополіей, былъ на этотъ разъ проведенъ чужими дипломатами, при содѣйствіи своего собственнаго.

А между тѣмъ Австрія, успѣвшая оправиться послѣ разгрома 1806 года, готовилась къ реваншу. Заручившись увѣренностью въ томъ, что со стороны Россіи ей нечего опасаться, она рѣшилась воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Наполеона въ Испаніи, для того чтобы попытаться оружіемъ возвратить себѣ потерянное въ злополучную кампанію 1806 года. Австрія снова вступила къ союзъ съ Англіей, которая обѣщала оказать ей денежную поддержку. Такъ возникла такъ называемая пятая коалиція противъ Франціи (третья противъ Наполеона) [1]).

Пятая коалиція.

Въ апрѣлѣ 1809 года Австрія, безъ предварительнаго объявленія войны, двинула 275-тысячную армію въ Баварію; другая, менѣе значительная, направилась въ Италію; третья находилась наготовѣ въ Чехіи. Австрія разсчитывала не только на свои силы и силы своихъ союзниковъ, Англіи и Испаніи, но также на пошатнувшееся послѣ двухъ военныхъ пораженій на Пиренейскомъ полуостровѣ положеніе Наполеона, на начавшееся враждебное броженіе противъ него въ самой Франціи, наконецъ — на сочувствіе и поддержку со стороны утомленныхъ наполеоновскимъ гнетомъ державъ, которыя, какъ надѣялись въ Австріи, не замедлятъ примкнуть къ коалиціи при первомъ же ея успѣхѣ. „Не за свою лишь собственную независимость подняла оружіе Австрія, но и за независимость всей Германіи“ — заявлялъ главнокомандующій австрійской арміей эрцгерцогъ Карлъ въ прокламаціи къ „германъ-

[1]) J. Pelet. Mémoires de le guerre de 1809. 4 vol. Paris, 1824 — 1826; A. Vandal. La France et la Russie pendant la campagne de 1809 (Annales de l'Ecole des sciences politiques, 1892); F. von Hellewald. Der Feldzug von 1809. Wien, 1864; comte de Laborde. Précis historique de la guerre de 1709. Paris, 1893; L. Saski. Campagne de 1809. 3 vol. Paris, 1899—1902; Baron von Stutterheim. Der Krieg von 1809. Wien, 1891.

ской націи". Къ сооюзнику Наполеона, королю Баварскому, онъ обратился съ выраженіемъ надежды, что Баварія дастъ свободный проходъ австрійской арміи, „идущей освобождать Германію отъ грабителей".

Главныя силы Наполеона находились въ то время на Пиренейскомъ полуостровѣ, но въ Германіи онъ имѣлъ предосторожность оставить значительные отряды, которые, вмѣстѣ съ войсками вассальнаго Рейнскаго союза, дали ему возможность въ нѣсколько дней сосредоточить въ южной Баваріи сильную армію. Прискакавъ на курьерскихъ, Наполеонъ лично вступилъ въ командованіе послѣдней. Съ обычною для него ошеломляющею быстротою напалъ онъ на эрцгерцога и въ знаменитой „кампаніи пяти дней" (19—23 апрѣля 1809 г.) нанесъ ему послѣдовательно пять пораженій (при Таннѣ, Абенсбергѣ, Ландсгутѣ, Экмюлѣ и Регенсбургѣ), взялъ 40.000 плѣнныхъ, до сотни орудій, до 3.000 обозныхъ телѣгъ, до сорока знаменъ и заставилъ эрцгерцога отступить съ остатками своей арміи за Дунай. Вѣна оставалась беззащитной и была снова занята Наполеономъ (13 мая 1809 г.). Но на этотъ разъ побѣжденные не просили о мирѣ. Австрія, видимо, рѣшила продолжать борьбу до послѣдней крайности. У ней оставалось еще до 100.000 войскъ, съ которыми эрцгерцогъ отступилъ за Дунай. Наполеонъ, переправившійся было черезъ Дунай съ 30-тысячнымъ корпусомъ, былъ отбитъ и съ большими потерями принужденъ былъ отступить на свой берегъ (21—22 мая 1809 г.). Эта новая неудача наполеоновской арміи въ открытомъ бою, притомъ подъ личнымъ командованіемъ самого императора, произвела огромное впечатлѣніе и вызвала сильный подъемъ духа въ Австріи и во всей Европѣ, особенно же въ Германіи, гдѣ вѣсть о пораженіи Наполеона вызвала цѣлый рядъ мѣстныхъ вспышекъ противъ французовъ. Первое пораженіе Наполеона.

Всеобщее возстаніе противъ французовъ было предотвращено только новой побѣдой Наполеона надъ австрійцами при Ваграмѣ (6 іюля 1809 г.). Но побѣда досталась ему на этотъ разъ дорого: французы потеряли около 25.000 человѣкъ, приблизительно столько же, сколько и австрійцы, которые послѣ этого въ полномъ порядкѣ отступили въ Моравію. Ваграмъ.

Не желая болѣе подвергать свою порѣдѣвшую армію, утомленную къ тому же тяжелой кампаніей, риску какой-либо новой неудачи, Наполеонъ подписалъ перемиріе. Три мѣсяца спустя былъ подписанъ окончательный миръ въ Вѣнѣ (14 октября 1809 г.). Вѣнскій миръ.

По вѣнскому трактату, положившему конецъ пятой коалиціи, Австрія принуждена была согласиться на новыя урѣзки своей территоріи. Она теряла почти всю Галицію, которая присоединялась къ герцогству Варшавскому, за исключеніемъ Тарнопольскаго округа, отходившаго къ Россіи, „хотя она этого и не заслужила“, заявилъ Наполеонъ, недовольный поведеніемъ Александра I, уклонившагося во время войны отъ активныхъ военныхъ операцій противъ Австріи, ограничившись, ради формальнаго выполненія эрфуртской конвенціи, чисто декоративной военной демонстраціей близъ галиційской границы. Далѣе, Австрія потеряла пріобрѣтенныя ранѣе отъ Венеціи адріатическія области съ портами Тріестомъ и Фіуме. Эти области Наполеонъ присоединилъ къ занятой уже ранѣе французами (1805 г.) Далмаціи, въ соединеніи съ которой онѣ получили теперь названіе Иллирійскихъ провинцій [1]). Такимъ образомъ, Австрія снова перестала быть морской державой. Наконецъ, она принуждена была заплатить Франціи 85 милліоновъ военной контрибуціи, сократить свою армію и признать Жозефа Бонапарта· королемъ Испаніи. Кромѣ того, въ силу секретнаго параграфа, императоръ Францъ обязался выдать свою дочь Марію-Луизу за Наполеона, послѣ того какъ онъ разведется съ своей женой Жозефиной. Какъ наслѣдственный монархъ, Наполеонъ хотѣлъ обезпечить престолъ за своимъ потомствомъ, чему препятствіемъ служило безплодіе Жозефины; но главное, императору-выскочкѣ хотѣлось непремѣнно породниться съ старинной императорской династіей и войти въ семью европейскихъ государей. Еще ранѣе онъ добивался руки сестры Александра I, но безъ успѣха.

Апогей наполеоновской Франціи.

Вѣнскій трактатъ отмѣчалъ собою апогей международнаго могущества наполеоновской Франціи, какъ Ваграмъ былъ апогеемъ ея военныхъ успѣховъ. Къ началу 1810 года владѣнія имперіи, вмѣстѣ съ вассальными государствами, достигаютъ наиболѣе широкихъ предѣловъ. Послѣ того какъ, ради обезпеченія болѣе строгаго примѣненія континентальной системы, Наполеонъ постепенно прибралъ къ рукамъ королевство Голландское, ганзейскіе города, герцогство Ольденбургское, морскія границы Французской имперіи тянулись безпрерывной линіей отъ Любека на Балтійскомъ морѣ до Террачины, къ сѣверу отъ Неаполя. Затѣмъ, въ видѣ отдѣльнаго отрѣзка, тянулись

---

[1]) P. Pisani. La Dalmatie de 1797 à 1814. Paris, 1893; T. Erber. Storia della Dalmazia del 1797 al 1814. Zara, 1886—1890.

длинной полосой вдоль восточнаго берега адріатическаго моря Иллирійскія провинціи. По сухопутной границѣ къ имперіи примыкали широкой полосой вассальныя государства: Рейнскій союзъ, котораго Наполеонъ былъ „покровителемъ“, и Швейцарскій союзъ, для котораго онъ былъ „посредникомъ“; королевство Неаполитанское, которымъ правилъ его ставленникъ и родственникъ Мюратъ; Испанія, королемъ которой былъ его братъ Жозефъ. Сюда нужно присоединить еще королевство Италійское, соединенное съ имперіей личной уніей, и, наконецъ, расположенное особнякомъ на отлетѣ вассальное герцогство Варшавское, форпостъ имперіи на востокѣ Европы. Изъ остальныхъ державъ Западной Европы, Австрія и Пруссія были совершенно раздавлены и трепетали передъ каждымъ жестомъ французскаго императора; Швеція и Данія вступили съ нимъ въ союзъ.

Въ этотъ моментъ Наполеонъ былъ, дѣйствительно, „императоромъ Запада“, какъ ранѣе онъ о томъ мечталъ. Никогда еще политическое положеніе Франціи и Европы не было болѣе близкимъ къ его идеалу. Только на востокѣ продолжала сохранять свою территоріальную неприкосновенность и политическую самостоятельность— Россія, да на крайнемъ западѣ, отдѣленная отъ остальной Европы моремъ, Англія. Но Россія была оффиціально союзницей Франціи, а непримиримая противница Наполеона, Англія, хотя и продолжала борьбу съ нимъ, но она была одинока, безъ союзниковъ, и Наполеонъ, владѣя теперь большей частью береговой линіи на континентѣ Европы, разсчитывалъ путемъ строгаго примѣненія континентальной блокады въ широкомъ масштабѣ, разорить Англію и тѣмъ заставить смириться и этого своего послѣдняго противника. Но на этомъ пути Наполеону пришлось столкнуться съ Россіей, и это столкновеніе оказалось роковымъ для его имперіи.

Шестая коалиція, походъ Наполеона въ Россію и начало конца наполеоновской имперіи. (1810—1813).

Происхожденіе разрыва между Александромъ I и Наполеономъ.

Франко-австрійская война 1809 года послужила къ дальнѣйшему охлажденію между Наполеономъ и Александромъ I. Наполеонъ не могъ простить русскому императору его уклоненія отъ активныхъ дѣйствій противъ Австріи; съ своей стороны, онъ вызвалъ неудовольствіе Александра I присоединеніемъ Галиціи къ герцогству Варшавскому, въ чемъ сказывалось какъ бы намѣреніе

Наполеона возстановить Польшу и во всякомъ случаѣ—усилить герцогство Варшавское, служившее французскимъ форпостомъ на порогѣ Россіи. А когда въ слѣдующемъ году Александръ I предложилъ Наполеону дать обязательство не увеличивать больше территоріи герцогства Варшавскаго и не употреблять въ оффиціальномъ языкѣ названія Польши, то получилъ отъ французскаго императора уклончивый отвѣтъ. Но главной причиной все возрастающаго неудовольствія между обоими императорами была та континентальная система, посредствомъ которой Наполеонъ разсчитывалъ сломить Англію.

Со стороны вассальныхъ и союзныхъ державъ Наполеонъ не встрѣчалъ безусловной готовности осуществлять навязанный имъ и для нихъ же самихъ разорительный бойкотъ англійской торговли. Чтобы принудить прибрежныя страны къ соблюденію блокады, Наполеону ничего другого не оставалось, какъ лишить ихъ послѣдней тѣни независимости, присоединивши ихъ къ своей имперіи. Отсюда—цѣлый рядъ территоріальныхъ захватовъ, которые, естественно, возбуждали неудовольствіе европейскихъ державъ и въ частности—Россіи, въ особенности послѣ того, какъ жертвой одного изъ такихъ захватовъ дѣлалось великое герцогство Ольденбургское, государь котораго приходился близкимъ родственникомъ императору Александру I. Наконецъ, континентальная система, которую въ качествѣ союзника Наполеона, Александръ обязался ввести у себя, оказалась тягостной и для Россіи. Не имѣя своего торговаго флота, она не могла обойтись безъ содѣйствія англійскихъ кораблей для своей внѣшней торговли. Въ результатѣ блокада фактически перестала соблюдаться въ Россіи. Съ этимъ Наполеонъ отнюдь не хотѣлъ помириться. Не будучи въ состояніи добиться своего дипломатическимъ путемъ, онъ рѣшилъ заставить Россію подчиниться своимъ требованіямъ силою оружія.

Съ начала 1812 года обѣ стороны начали серьезно готовиться къ войнѣ.

Въ январѣ 1812 года Наполеонъ, подъ предлогомъ нарушенія блокады, занялъ своими войсками шведскую Померанію. Въ февралѣ онъ заставилъ Фридриха-Вильгельма III подписать обязательство предоставить въ распоряженіе Наполеона двѣ дивизіи для похода въ Россію и свободный проходъ черезъ Пруссію для французской арміи. Въ мартѣ Наполеонъ заручился обязательствомъ Австріи поставить въ его распоряженіе 30.000 армію противъ Россіи [1]).

[1]) A. Vandal. Napoléon et Alexandre. 3 vol. Paris 1891—1896; Capitaine Fabry. La campagne de Russie (Изд. франц. генеральнаго штаба); Georges

Съ своей стороны, Александръ I заключилъ союзъ съ Швеціей (5 апрѣля 1812 г.) и вступилъ въ переговоры съ Англіей, закончившіеся присоединеніемъ послѣдней къ русско-шведскому союзу. Такъ образовалась новая, по счету шестая коалиція (четвертая противъ Наполеона). Кромѣ Россіи, Швеціи и Англіи, въ ея составъ вошла союзная съ Англіей Португалія. Шестая коалиція.

24—26 іюня (новаго стиля) Наполеонъ переправился черезъ Нѣманъ, границу Россіи, во главѣ „великой арміи“, насчитывавшей около 400.000 человѣкъ и до тысячи орудій. Она состояла наполовину изъ „союзниковъ“, нѣмцевъ, австрійцевъ, итальянцевъ, а также поляковъ, присоединившихся къ великой арміи въ герцогствѣ Варшавскомъ, и надѣявшихся на возстановленіе Рѣчи Посполитой послѣ разгрома Россіи. Походъ въ Россію

Наполеонъ разсчитывалъ занять Москву и здѣсь продиктовать свои условія императору Александру. Но вступивъ, наконецъ, послѣ двухъ съ половиною мѣсяцевъ тяжелаго похода, послѣ кровопролитныхъ битвъ при Смоленскѣ и Бородинѣ (августъ-сентябрь 1812 г.)[2]), въ Москву, онъ, къ своему величайшему изумленію, нашелъ древнюю столицу Россіи опустѣлой и дымящейся. Ожидаемые курьеры императора Александра съ мирными предложеніями не являлись. А когда Наполеонъ самъ предложилъ Александру вступить въ переговоры, то не получилъ никакого отвѣта. А между тѣмъ армія начинала страдать отъ недостатка провіанта, болѣзней, а вскорѣ и отъ наступившихъ ранѣе обыкновеннаго морозовъ. Перспектива зимовки среди снѣжныхъ пустынь, какими представлялась французамъ Россія, и среди полуразрушеннаго города, какимъ была

Bertin. La campagne de 1812, d'après des témoins oculaires. Paris, 1895; marquis de Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. 3 vol. Paris, 1839; General K. von Klausewitz. Der Feldzug von 1812 in Russland. Berlin, 1862; baron Denniée. Itinéraire de Napoléon pendant la campagne de 1862; Paris, 1842; Faber du Faur. Napoleon's Feldzug in Russland. Leipzig, 1898; comte de Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. 2 vol. Paris, 1852; général Jomini. Précis politique et militaire des campagnes de 1812—1814. 2 vol. Lauzanne, 1886; J. P. de Labeaudorière. La campagne de Russie de 1812. Paris, 1902; von der Osten-Sacken. Der Feldzug von 1812. Berlin, 1901; Трачевскій. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. (Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ. 1890—1894); Шильдеръ. Александръ I. Спб. 1901; Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. 3 тома. Спб. 1859—1860; Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 г., собранныя и изданныя Щукинымъ. 7 т. Москва, 1897—1903; Матеріалы Военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Отечественная война 1812 г. Спб. 1900—1903. Подробную библіографію наполеоновскаго похода въ Россію можно найти въ приведенныхъ здѣсь сочиненіяхъ Богдановича (устарѣла) и Лабодорьера, а также во второмъ томѣ Исторіи XIX в. Лависса и Рамбо (Москва, 1907).

[2]) Von Ditfurth. Die Schlacht bei Borodino am 6 September 1812. Marburg, 1887; Харкевичъ. Война 1812 г. отъ Нѣмана до Смоленска. Вильна, 1901.

дѣйствительно Москва, наконецъ—среди враждебно настроеннаго населенія, обѣщала мало хорошаго. 19 октября (новаго стиля) началось злополучное отступленіе „великой арміи“, сократившейся на $^3/_4$ своего состава, отягощенной безконечными обозами съ больными, которыхъ насчитывалось до 50.000, и съ массой награбленной добычи, которую вскорѣ пришлось побросать. Когда, три недѣли спустя, армія вышла изъ Смоленска, оставивши тамъ больныхъ и раненыхъ, она насчитывала не болѣе 35.000. 20 ноября остатки великой арміи, усѣявшей пути отступленія своими трупами, соединились въ Оршѣ. Подсчитали: оказалось 24,000 способныхъ носить оружіе и 25.000 больныхъ и слабыхъ. Это было все, что осталось отъ 400.000 арміи, переправившейся черезъ Нѣманъ пять мѣсяцевъ тому назадъ. Только благодаря оплошности русскаго адмирала Чичагова, которому было поручено отрѣзать отступленіе остаткамъ великой арміи, часть послѣднихъ, около 12.000, успѣла переправиться черезъ Березину, остальные частью погибли въ полузамершей рѣкѣ, частью попали въ плѣнъ (ноябрь 1812 г.) [1]).

Березина.

Послѣ переправы черезъ Березину Наполеонъ тайкомъ покинулъ армію, спѣша прибыть въ Парижъ, прежде чѣмъ роковая вѣсть о гибели великой арміи сдѣлается достояніемъ молвы. Личное свое присутствіе въ Парижѣ Наполеонъ считалъ въ этотъ моментъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что, пользуясь продолжительнымъ отсутствіемъ императора, враждебные ему внутри имперіи элементы начали поднимать голову. Къ тому же и изъ Испаніи приходили вѣсти одна другой тревожнѣе. Еще до похода въ Россію положеніе французовъ на Пиренейскомъ полуостровѣ снова пошатнулось. Англичане снова вытѣснили ихъ изъ Португаліи, а посланная туда Наполеономъ новая экспедиція подъ командой Массены потерпѣла неудачу, и въ маѣ 1811 года французы принуждены были снова очистить Португалію, и на этотъ разъ уже окончательно. Въ Испаніи они продержались дольше, но это была безпрерывная война съ партизанскими отрядами; цѣлыя области приходилось завоевывать шагъ за шагомъ. Каждый годъ до ста тысячъ французскихъ солдатъ гибли отъ испанскаго оружія, климата и болѣзней, и эту убыль приходилось пополнять присылкой новыхъ подкрѣпленій. Въ началѣ 1812 года французы овладѣли важнымъ приморскимъ городомъ Барцелоной, но это былъ ихъ послѣдній успѣхъ въ

[1]) Харкевичъ. Березина. Военно-историческое изслѣдованіе. Спб. 1893; von Lindenau. Der Beresina Uebergang des Kaisers Napoleon. Ein Vortrag. Berlin, 1896; Van Vlijimen. Vers la Bérésina, d'après des documents nouveaux. Paris, 1908.

Испаніи. Походъ въ Россію заставилъ Наполеона взять изъ Испаніи лучшія свои войска, что дало возможность лорду Веллингтону (бывшему Уэльслею) перейти въ наступленіе и нанести французамъ пораженіе (22 іюля 1812 г.). Послѣдніе съ трудомъ держались въ Мадридѣ; южную Испанію они принуждены были совершенно очистить. Въ началѣ слѣдующаго года имъ пришлось очистить Мадридъ. Жозефъ перенесъ свою столицу въ Вальядолидъ, но принужденъ былъ и оттуда отступить со своей французской арміей къ сѣверу, передъ наступавшимъ съ превосходными силами Веллингтономъ. 21 іюня 1813 г. отступавшіе французы были настигнуты англичанами и примкнувшими къ нимъ испанскими инсургентами. Послѣ кровопролитной битвы французы были обращены въ бѣгство, оставивши на полѣ битвы до 7000 убитыми и ранеными, до полутораста орудій и весь обозъ. Послѣ этого французамъ оставалось лишь окончательно очистить Испанію.

Изгнаніе французовъ изъ Испаніи

Роковой конецъ похода въ Россію былъ смертельнымъ ударомъ для наполеоновской имперіи, созданной оружіемъ и побѣдами, и ими же державшейся. Разгромъ великой арміи и бѣгство Наполеона послѣ Березины были, дѣйствительно, „началомъ конца“, какъ выразился Талейранъ, предугадывавшій катастрофу уже въ эпоху эрфуртскаго свиданія. Невѣроятныя усилія, сдѣланныя Наполеономъ, чтобы спасти свое погибшее дѣло, лишь продлили агонію имперіи, но были безсильны спасти ее. Ударъ, нанесенный Россіей наполеоновской Франціи, всколыхнулъ всю Европу, и прежде всего тѣ ея части, которымъ особенно больно пришлось почувствовать иноземный гнетъ. Покоренная, угнетенная, униженная Европа снова рѣшается поднять голову. Всѣ взоры обращены къ русскому колоссу, о который разбилась величайшая изъ армій, какія видѣла Европа. И что особенно знаменательно, поднимаютъ голову на этотъ разъ не одни лишь правительства, но и народы, въ которыхъ тяжелая рука иноземнаго завоевателя пробудила долго дремавшее національное чувство и патріотизмъ. Народное движеніе, о которое разбились завоевательные планы Наполеона въ Испаніи, и которое сыграло не послѣднюю роль въ разгромѣ великой арміи въ Россіи, начинало охватывать всю Европу [1]). На смѣну прежнимъ коалиціямъ правительствъ выступаетъ болѣе грозная коалиція народовъ. Война противъ наполеоновской Франціи становится національной, отечественной войной

[1]) J. von Pflugk-Harttung. Napoleon I. Das Erwachen der Völker. Berlin, 1901; H. von Sybel. Die Erhebung Europas gegen Napoleon I. München, 1860.

для каждой націи, освободительной—для всей Европы. Это было стихійное движеніе, остановить котораго не могли новые военные успѣхи Наполеона они способны были лишь задержать на нѣкоторое время неизбѣжное торжество этого движенія, имѣвшаго за себя не только перевѣсъ людской массы, но и перевѣсъ моральной силы.

Пруссія

Пруссія, наиболѣе потерпѣвшая отъ иноземнаго гнета, первая рѣшается присоединить свое оружіе къ русскому, для того чтобы еще разъ попытаться свергнуть ненавистное иноземное иго. Впрочемъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III, запуганный прежними неудачами и питавшій почти суевѣрный ужасъ передъ Наполеономъ, нѣкоторое время колебался открыто стать на сторону враговъ французскаго императора. Но на этотъ разъ движеніе шло снизу, изъ народныхъ глубинъ, въ которыхъ впервые проснулся патріотизмъ и національный гнѣвъ противъ иноземнаго насилія. Вѣсть о разгромѣ наполеоновской арміи была встрѣчена въ Пруссіи взрывомъ всеобщаго энтузіазма и патріотическаго одушевленія. Всѣ, кто былъ въ состояніи носить оружіе, спѣшили записываться въ добровольцы. Ободренный всеобщимъ подъемомъ національнаго одушевленія, Фридрихъ-Вильгельмъ III преодолѣлъ, наконецъ, свою нерѣшительность и въ концѣ февраля 1813 года подписалъ союзъ съ Александромъ I для борьбы съ Наполеономъ. Пруссія могла выставить значительную армію, несмотря на то, что послѣ разгрома четвертой коалиціи, Наполеонъ ограничилъ ся численность до 42.000. Дѣло въ томъ, что, въ обходъ этого

Шарнгорстъ.

стѣсненія, Пруссія, по плану военнаго министра генерала Шарнгорста, ввела у себя, наряду съ всеобщей воинской повинностью, такую систему комплектованія арміи, въ силу которой солдаты оставлялись на дѣйствительной службѣ лишь столько времени, сколько это было необходимо для ихъ военнаго образованія, а затѣмъ замѣщались новыми рекрутами. Такимъ путемъ въ странѣ создавался значительный кадръ подготовленныхъ къ военному дѣлу людей. Эта система сослужила серьезную службу въ начинавшейся освободительной войнѣ. Почва для національно-патріотическаго подъема Пруссіи въ 1813 году была въ значительной мѣрѣ подготовлена, съ одной стороны—тою безцеремонностью, съ какою третировалъ Наполеонъ побѣжденную страну, а съ другой—реформаторской дѣятельностью правительства Фридриха-Вильгельма III.

Вызванное Наполеономъ озлобленіе противъ французовъ, уже въ 1808—1809 г. выразилось въ цѣломъ рядѣ народныхъ вспышекъ противъ французскихъ отрядовъ; болѣе горячія головы дѣ-

лали даже попытки вызвать обще-народное возстаніе противъ иноземныхъ поработителей. Съ другой стороны, проведенныя въ 1807—1811 годахъ министрами-патріотами Штейномъ и Гарденбергомъ либеральныя реформы—освобожденіе крестьянъ, отмѣна исключительнаго права дворянства на земельную собственность, отмѣна стѣснявшихъ промышленность цеховъ, преобразованіе городского управленія на выборныхъ началахъ—подняли соціальное значеніе крестьянства и нарождавшагося городского класса, дали сильный толчекъ культурному росту страны и тѣмъ подготовили почву для подъема національнаго и государственнаго самосознанія Пруссіи. Штейнъ и Гарденбергъ.

Наполеону еще разъ удалось разбить союзниковъ въ Саксоніи (битва при Бауценѣ, 20—21 мая 1813 г.) [1]), но его уже болѣе не боялись. Австрія, а вслѣдъ за нею и Баварія и нѣкоторыя другія германскія княжества присоединились къ коалиціи. Впрочемъ, правительства въ этомъ случаѣ лишь слѣдовали за народными массами, охваченными патріотическимъ порывомъ. Соединенныя арміи коалиціи встрѣтились съ главными силами французовъ подъ предводительствомъ самого Наполеона при Лейпцигѣ. Знаменитая лейпцигская битва, прозванная „битвою народовъ“, самая ожесточенная и кровопролитная изъ всѣхъ битвъ этой эпохи, продолжалась три дня подъ рядъ (16—18 октября 1813 г.) и окончилась полнымъ пораженіемъ наполеоновской арміи, потерявшей около ста тысячъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Вся артиллерія, до 350 орудій, досталась въ руки побѣдителямъ. Остаткамъ французской арміи пришлось отступать среди враждебнаго, почти поголовно поднявшагося населенія, постоянно отбиваясь отъ нападеній военныхъ отрядовъ прежнихъ „союзниковъ“, теперь, послѣ лепцигскаго разгрома, переходившихъ одинъ за другимъ на сторону коалиціи. Лишь около 40.000 французовъ перешли обратно Рейнъ (въ началѣ декабря 1813 г.), измученные, полуголодные, наполовину больные. Это было все, что осталось отъ полуторастатысячной арміи, которую Наполеону удалось—съ величайшими усиліями—собрать подъ Лейпцигомъ [2]). Бауценъ. «Битва народовъ».

[1]) Commendant P. Foucart. Bautzen. Une bataille de deux jours (20—21 mai 1813). Nancy et Paris, 1897.

[2]) G. von Hofmann. Die Schlacht bei Leipzig. Posen. 1835; M. Janj. Denkwürdigkeiten der grossen Völker-und Befreiungs-Schlacht bei Leipzig, 1813. Leipzig 1846; C. G. Leonhardt. Meine Erlebnisse vor und während der Schlacht bei Leipzig. Leipzig, 1845—1854; E. Obst. Die Vorgänge zur Volkerschlacht bei Leipzig. Bitterfeld, 1899; C. J. L. Hüssel. Leipzig während der Schreckenstage im Oktober 1813. Leipzig, 1896; C. Bleibtreu. Napoleon bei Leipzig. Leipzig, 1913.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ лейпцигской битвы было послѣдовательное присоединеніе германскихъ союзниковъ и вассаловъ Наполеона къ коалиціи. Съ присоединеніемъ къ послѣдней герцогства Саксенъ-Кобургскаго, отъ Рейнскаго союза осталось лишь одно воспоминаніе. Въ Голландіи вспыхнуло народное возстаніе противъ французовъ. Аналогичныя движенія намѣчались и въ другихъ покоренныхъ Наполеономъ областяхъ. Изъ Вестфальскаго королевства французы принуждены были бѣжать, спасаясь какъ отъ приближавшихся казаковъ, такъ и отъ грозившаго вспыхнуть мѣстнаго народнаго возстанія. Въ то же время французская армія въ Испаніи, разбитая англичанами и испанскими патріотами за нѣсколько дней до лейпцигской битвы, принуждена была отступить во Францію, куда вслѣдъ за ней, нѣсколько дней спустя, вступили англо-испанскія войска (10—12 ноября 1813 г.) [1]).

Первая реставрація и Сто дней. (1814—1815).

Источники и литература.

I. Документальные источники и современныя свидѣтельства: кромѣ указанныхъ ранѣе документальныхъ изданій и мемуаровъ, см. Fiévée. Correspondance politique et administrative. Paris, 1815—1816; Mémoires du comte de Ferrand Paris, 1897; Fleury de Chaboulon. Mémoires pour servir à l'histoire de la vie privée, du retour et du règne de Napoléon en 1815. Londres, 1819—1820; Guizot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. 8 vol. Paris, 1858; La Fayette. Mémoires, correspondance et manuscrits. 6 vol. Paris, 1837—1838; Souvenirs du comte de Rochechouart. Paris, 1889; Villèle. Mémoires et correspondance. 5 vol. Paris, 1888; Germond de Lavigne. Les pamphlets de la fin de l'Empire, des Cent-Jours et de la Restauration. Catalogue raisonné. Paris, 1879.—II. Новѣйшія сочиненія: Henri Houssay. Histoire de la chute du premier Empire et des Cent-Jours d'après les documents originaux. Paris, 1888; Dareste de la Chavanne. Physionomie de Paris au mois de mars 1815. Paris, 1878; Beitzke Geschichte des Jahres 1815. 2 Bde. Berlin, 1864—1865; Königer. Der Krieg von 1815. Leipzig 1865; von Ollech. Geschichte des Feldzuges von 1815 nach archivalischen Quellen. Berlin, 1876; Lieutenant-colonel Charras. Histoire de la campagne de 1815. Bruxelles, 1855; Coudere de Saint-Amand. Les denières armées de Napoléon. Paris, 1902; O. von Lettow-Vorbeck. Napoleon's Untergang. Berlin, 1904; H. Houssay. La première Restauration, les Cent-Jours, la seconde abdication de Napoléon. 3 vol.

[1]) Богдановичъ. Исторія войны 1813 г. за независимость Германіи, 2 т. Спб. 1863; Georges Bertin. La campagne de 1813, d'après des témoins oculaires. Paris, 1896; colonel Charras. Histoire de la guerre de 1813 en Allemagne. Paris, 1870; Prinz Eugen von Würtemberg. Tagebuch vom 1 Mai—4 Juni 1813; H. Beitzke. Geschichte der deutschen Freiheitskriege, 1813—1814 Bremen, 1881—1883; G. Clément. Campagne de 1813. Paris, 1904; C. Bade. Napoleon I im Jahre 1813, 2 Bde. Altona, 1840.

Paris, 1905; Богдановичъ. Исторія войны 1814 во Франціи и паденія Наполеона I. Спб. 1865; Georges Bertin. La campagne de 1814, d'après des témoins oculaires. Paris, 1897; J. A. Dulaure. Les deux invasions, 1814—1815. Paris, 1873; F. von Hiller. Geschichte des Feldzuges von 1814 gegen Frankreich. Stuttgart, 1893; Commandant H. Weil. La campagne de 1814 d'après les documents des Archives nationales et royales de la guerre de Vienne. 4 vol. Paris, 1891—1896; Léon Say. Les Alliés à Paris en 1814. (Revue Bleue, t. 5); A. von Janson. Der Feldzug 1814 in Frankreich. 2 Bde. Berlin, 1903—1905.

Союзники во Франціи.

Въ началѣ января 1814 года арміи коалиціи вступили въ предѣлы Франціи. Наполеонъ не имѣлъ достаточно войскъ, какъ не имѣлъ болѣе и своего прежняго обаянія въ глазахъ своихъ солдатъ. Да и солдаты эти были уже не тѣ, и духа прежняго не было. Его усилія бороться съ войсками коалиціи на почвѣ Франціи могли лишь задержать на нѣкоторое время движеніе послѣднихъ къ Парижу, но не могли ихъ осстановить, ни тѣмъ болѣе заставить отступить. 31 марта Парижъ былъ занятъ союзниками. Вечеромъ у Талейрана состоялась конференція, въ которой приняли участіе императоръ Александръ съ двумя своими министрами, прусскій король, два австрійскихъ генерала и два французскихъ министра Дальбергъ и Талейранъ. Результатомъ этой конференціи была декларація, текстъ которой былъ составленъ Талейраномъ. Декларація союзниковъ. Союзники объявляли о своемъ рѣшеніи „не вступать въ какіе бы то ни было переговоры ни съ Наполеономъ Бонапартомъ, ни съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ его фамиліи". „Они признаютъ и гарантируютъ ту конституцію, которую дастъ себѣ сама французская нація. Они приглашаютъ Сенатъ назначить временное правительство, которое займется управленіемъ и подготовитъ конституцію". Во исполненіе „приглашенія" коалиціи, Сенатъ назначилъ временное правительство изъ пяти членовъ, сохранивши себя и Законодательный корпусъ; императора Наполеона признавъ низложеннымъ, право наслѣдованія въ его фамиліи отмѣненнымъ, а народъ и армію освобожденнымъ отъ данной императору присяги на вѣрность. Такимъ образомъ, имперія была упразднена тѣмъ самымъ Сенатомъ, который въ свое время далъ ей свою санкцію и служилъ ея главной опорой. Послѣ этого Наполеону ничего не оставалось, какъ подписать отреченіе отъ престола за себя и за своихъ наслѣдниковъ. Въ тотъ же день (6 апрѣля 1814 г.) Сенатъ объявилъ: „Французскій народъ свободно призываетъ на тронъ Людовика, брата послѣдняго короля". Наполеонъ принужденъ былъ удалиться въ изгнаніе на островъ Эльбу, бывшую

Низложеніе Наполеона.

Эльба

подпрефектуру имперіи, которою ему предоставлялось управлять на правахъ суверенаго государя [1]).

Въ качествѣ представителя новаго короля явился въ Парижъ его братъ, графъ д'Артуа, принявшій на себя роль временнаго блюстителя трона съ титуломъ „генералъ-лейтенанта королевства". Онъ поспѣшилъ заключить съ союзниками перемиріе на основѣ предъявленныхъ ими условій: очищеніе французскими войсками всѣхъ областей и отдѣльныхъ пунктовъ, занятыхъ французами съ 1792 года, сдача 53 укрѣпленныхъ мѣстъ съ 12.000 орудій и 43 военныхъ судовъ (23 апрѣля 1814 г.). 30 мая 1814 г. былъ подписанъ въ Парижѣ самимъ королемъ окончательный миръ. По парижскому трактату, закончившему собою болѣе, чѣмъ двадцатилѣтній періодъ войнъ сначала революціонной, потомъ наполеоновской Франціи съ остальной Европой, Франція возвращалась въ границы 1792 года (за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ пограничныхъ территорій, оставленныхъ за ней ради округленія границъ и устраненія черезполосности), уступала Англіи о. Мальту и нѣкоторыя изъ своихъ колоній и обязывалась не возводить укрѣпленій въ своихъ владѣніяхъ въ Индіи.

Парижскій миръ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1814 года Людовикъ XVIII, нашедшій послѣ своего отъѣзда изъ Митавы пріютъ въ Англіи, высадился на французскомъ берегу. По настойчивому совѣту императора Александра I, онъ передъ своимъ вступленіемъ въ Парижъ опубликовалъ декларацію, въ которой обѣщалъ своимъ подданнымъ конституціонную хартію. Но въ этой декларации „свободно избранный народомъ" король титуловалъ себя, по примѣру предковъ, „Божіею милостію, королемъ Франціи и Наварры".

Людовикъ XVIII и его декларація.

Мѣсяцъ спустя была опубликована обѣщанная хартія (charte), устанавливавшая новый государственный порядокъ, на основахъ конституціонной монархіи, въ духѣ торійской Англіи. Король, въ качествѣ главы исполнительной власти, управляетъ черезъ посредство министровъ, назначаемыхъ имъ, но отвѣтственныхъ передъ народнымъ представительствомъ. Законодательная власть осуществляется королемъ совмѣстно съ двумя палатами, какъ въ Англіи: Палатой перовъ (Chambre des pairs), съ пожизненными членами по назначенію короля, и Палатой депутатовъ (Chambre

Конституціонная хартія.

[1]) A. Pichot. Napoléon à l'Ile d'Elbe. Paris, 1873; Marcellin Pellet. Napoléon à l'Ile d'Elbe. Paris, 1889; Léon-G. Pélissier. Le registre de l'Ile d'Elbe. Lettres et ordres inédits de Napoléon I, 28 mai 1814—22 février 1815. Paris, 1897; J. von Helfert. Napoléon I. Fahrt von Fontainebleau, nach Elba, April-Mai 1814. Wien, 1874; Lord John Campbell. Napoleon at Fontainebleau and Elba. London, 1869.

des députés), избираемыхъ департаментами на пять лѣтъ на основѣ имущественнаго ценза. Законодательная инициатива, вмѣстѣ съ законодательной санкціей, принадлежитъ исключительно королю, но палатамъ предоставляется предлагать проекты новыхъ законовъ въ формѣ ходатайствъ.

Буржуазные круги французской націи, которымъ новая конституція предоставляла руководящую роль въ политической жизни страны, были въ общемъ удовлетворены новымъ порядкомъ, который, при всѣхъ своихъ тенденціяхъ въ сторону усиленія монархическаго принципа, все-таки былъ несравненно либеральнѣе наполеоновскаго режима.

Страна тѣмъ легче мирилась съ возстановленіемъ законной монархіи, что она несла съ собой столь давно желанный миръ. Словомъ, господствующее въ странѣ настроеніе было вполнѣ благопріятно для Людовика XVIII. Но первыми же своими шагами король сумѣлъ испортить дѣло. Сенатъ приглашалъ Людовика XVIII занять французскій престолъ въ силу „свободнаго избранія народа“, при чемъ само собою подразумѣвалось, что, вмѣстѣ съ принятіемъ избранія, король тѣмъ самымъ признаетъ и выработанную Сенатомъ конституцію. Людовикъ же дебютировалъ декларацією, начинавшейся словами: „Людовикъ, Божіею милостію король Франціи и Наварры, рѣшившись установить либеральную конституцію и не признавая возможнымъ принять ту, которая нуждается въ исправленіи“... Это возвращеніе къ старой и отжившей формулѣ (особенно съ этой, получившей значеніе курьеза прибавкой: „король Наварры“) и умолчаніе о „свободномъ избраніи народа“, какъ о новомъ источникѣ королевской власти, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ о необходимости „исправленій“ въ конституціи, которую ему предлагали принять, произвело самое неблагопріятное впечатлѣніе. Послѣднее нашло себѣ новую пищу въ томъ „предисловіи“ (préambule), которое, по примѣру прежнихъ королевскихъ эдиктовъ, было предпослано конституціонной хартіи. Здѣсь „Божіею милостію, король Франціи и Наварры“, воспроизводя формулу стараго королевскаго абсолютизма, въ силу которой „во Франціи верховная власть цѣликомъ заключается въ личности короля“, указываетъ на характеръ хартіи, какъ королевской милости, какъ пожалованія, и старается подчеркнуть связь ея (въ дѣйствительности совершенно фиктивную) съ учрежденіями стараго порядка и различными актами прежнихъ королей. „Стремясь, такимъ образомъ, продолжалъ король въ своемъ предисловіи къ хартіи, снова соединить звенья исторической цѣпи, разорванной въ силу печаль-

Причины непопулярности Людовика XVIII.

ныхъ событій, мы изгладили изъ нашей памяти, какъ желали бы изгладить изъ исторіи, всѣ бѣдствія, обрушившіяся на наше отечество во время нашего отсутствія". Франція готова была привѣтствовать конституціонную монархію, но она отнюдь не желала возвращенія стараго абсолютизма и всего, что было связано съ „старымъ порядкомъ". Этого желали нѣкоторые ограниченные круги французскаго общества: духовенство, натерпѣвшееся и отъ революціи и отъ имперіи да возвратившіеся съ Людовикомъ XVIII дворяне-эмигранты. Послѣдніе и постарались внушить королю столь пагубные для возстановленной монархіи шаги, чѣмъ обнаружили свою крайнюю близорукость и непониманіе ни исторической обстановки момента, ни всей глубины совершившейся за послѣднія двадцать лѣтъ перемѣны.

Какъ своей декларацією и хартіей, такъ и дальнѣйшими своими дѣйствіями Людовикъ XVIII и его совѣтники окончательно доказали, что они „ничего не забыли и ничему не научились" съ 1789 года. Различныя мѣры правительства, направленныя къ „изглаженію изъ памяти всего, что было создано революціей", и къ возвращенію старыхъ порядковъ, все болѣе и болѣе расширяли кругъ недовольныхъ новымъ режимомъ. Буржуазія боялась возстановленія дворянскихъ привилегій и утраты пріобрѣтеннаго ею вліятельнаго положенія. Наконецъ, среди провинціальной городской буржуазіи и среди крестьянства было большое количество лицъ, пріобрѣвшихъ недвижимость во время распродажи отобранныхъ у духовенства и у дворянъ-эмигрантовъ земель. Въ средѣ этого многочисленнаго слоя націи политика правительства реставраціи, явно направленная къ ликвидаціи всего, что было сдѣлано въ эпоху революціи, вызывала естественную тревогу и глухое недовольство.

Армія

Но особенно роковое значеніе имѣло для реставраціи то, что она не сумѣла примирить съ собой армію, которая не могла, конечно, сразу простить Людовику XVIII того обстоятельства, что онъ занялъ престолъ подъ прикрытіемъ непріятельскихъ штыковъ. Между тѣмъ цѣлымъ рядомъ мѣръ, какъ бы нарочно предназначенныхъ для того, чтобы раздражать армію, правительство окончательно оттолкнуло ее. Сдѣлавшіяся священными въ глазахъ солдатъ трехцвѣтныя знамена были замѣнены бѣлыми знаменами старой монархіи. Значительное число дворянъ-эмигрантовъ, изъ которыхъ иные еще недавно сражались въ рядахъ непріятельскихъ войскъ, получили офицерскія мѣста, въ то время какъ множество прежнихъ старыхъ офицеровъ были уволены частью въ

отставку (около 10.000), часть въ запасъ на половинное жалованье (12.000). Такимъ образомъ, въ арміи, которая и безъ того уже сдѣлалась главнымъ очагомъ недовольства и анти-бурбонской агитаціи, правительство сумѣло создать еще, такъ сказать, отборный отрядъ недовольныхъ.

Все это взятое вмѣстѣ достаточно объясняетъ тотъ успѣхъ, которымъ, по крайней мѣрѣ временно, увѣнчалась невѣроятная, казалось бы, по своей смѣлости попытка Наполеона возвратить себѣ потерянную императорскую корону.

Реставрація имперіи.

Въ началѣ марта 1815 года Наполеонъ, съ оставленной ему на Эльбѣ гвардіей, около тысячи съ небольшимъ человѣкъ, высадился на южномъ берегу Франціи и форсированнымъ маршемъ, по горнымъ дорогамъ, направился къ Греноблю, гдѣ, какъ ему было извѣстно, правительство реставраціи было крайне непопулярно. Высланный противъ Наполеона изъ Гренобля батальонъ, послѣ нѣкотораго колебанія, перешелъ на его сторону. Гренобльскій гарнизонъ послѣдовалъ этому примѣру. Дальнѣйшій походъ Наполеона къ Парижу былъ уже настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Людовикъ XVIII бѣжалъ за границу (въ Бельгію); на другой день (20 марта) Наполеонъ вступилъ въ королевскій дворецъ. Съ обычною своею энергіею онъ принялся организовать возстановленную имперію, стараясь примирить съ ней страну либеральными мѣрами. Онъ сохранилъ въ главныхъ чертахъ конституціонную хартію, переименовавши лишь ее въ „дополнительный актъ къ установленіямъ имперіи“, и расширилъ избирательное право почти до предѣловъ всеобщаго.

Новое вмѣшательство державъ положило, однако, конецъ возстановленной имперіи; она просуществовала ровно сто дней, съ 20 марта до 29 іюня 1815 года. Еще прежде чѣмъ Наполеонъ успѣлъ дойти до Парижа, собравшіеся на конгрессъ въ Вѣнѣ союзники отвѣтили на полученное извѣстіе о попыткѣ Наполеона декларацією, объявлявшей его внѣ закона. Двѣнадцать дней спустя четыре державы, Россія, Англія, Австрія и Пруссія, подписали взаимный союзъ для изгнанія Наполеона изъ Франціи. Это—такъ называемая седьмая (пятая противъ Наполеона) коалиція. Слѣдуя обычной своей тактикѣ, Наполеонъ попытался быстрымъ натискомъ ошеломить непріятеля, но на этотъ разъ счастье ему измѣнило, и въ сраженіи при Ватерлоо, близъ Брюсселя, онъ потерпѣлъ отъ англичанъ подъ предводительствомъ Веллингтона и пруссаковъ подъ предводительствомъ Блюхера полное пораженіе

Седьмая коалиція.

(18 іюня 1815 г.) [1]). Наполеонъ принужденъ былъ вторично отречься отъ престола. Послѣ двухнедѣльныхъ скитаній онъ рѣшилъ отдаться въ руки англичанъ, разсчитывая на ихъ великодушіе. Англичане отвезли его на пустынный островъ св. Елены, гдѣ онъ и умеръ шесть лѣтъ спустя (5 мая 1821 г.) [2]).

Стодневная наполеоновская авантюра дорого обошлась Франціи. Она снова была занята иноземными войсками, и на этотъ разъ союзники выказали гораздо меньше снисхожденія къ безпокойной странѣ, доставившей имъ столько новыхъ тревогъ и хлопотъ, чѣмъ во время первой оккупаціи, когда вся отвѣтственность за происшедшее была возложена союзниками лично на Наполеона. Возстановленный снова, подъ прикрытіемъ войскъ коалиціи, Людовикъ XVIII принужденъ былъ подписать новый мирный трак-

Второй парижскій трактатъ.

татъ, на гораздо болѣе тяжелыхъ для Франціи условіяхъ (20 ноября 1815 г.). Она обязывалась уплатить союзникамъ 700 милліоновъ контрибуціи въ теченіе пяти лѣтъ, при чемъ въ обезпеченіе уплаты этой суммы союзныя державы оставляли во Франціи оккупаціонный корпусъ въ 150.000 человѣкъ, разумѣется, съ обязательствомъ для послѣдней содержать его на свой счетъ. Далѣе, Франція должна была признать всѣ тѣ постановленія вѣнскаго конгресса, которыя были приняты въ ея отсутствіе, въ эпоху „ста дней“. Наконецъ, Франція должна была согласиться на цѣлый рядъ новыхъ территоріальныхъ урѣзокъ, сравнительно съ первымъ парижскимъ трактатомъ. Она должна была уступить лучшія свои крѣпости по сѣверной границѣ, самой близкой къ Парижу; послѣдній оставался послѣ этого совершенно беззащитнымъ. Она принуждена была отказаться отъ той части Савои, которая была за ней оставлена первымъ парижскимъ трак-

---

[1]) Colonel Chesney. Waterloo. Lectures. London, 1874; G. Zenowitz. Waterloo. Déposition sur la campagne de 1815. Paris, 1848; E. von Colomb. Blücher in Briefen. Stuttgart, 1877; général Brialmont. Histoire du duc de Wellington. 3 vol. Bruxelles, 1856; general C. Mercer. Journal of the Waterloo Campaign. London, 1870; Lord Roberts. The rise of Wellington. Boston, 1895; Piérart. Le drame de Waterloo. Paris, 1868; Louis Navez. Waterloo. Bruxelles, 1896; Major A. F. Griffits. Wellington and Waterloo. London, 1898.

[2]) T. Silvestre. De Waterloo à Sainte-Hélène. Paris, 1901; T. Ussher. Napoleons's last voyages; Elba and St. Helena London, 1895; G. Firmin-Didot. La captivité de Sainte-Hélène. Paris, 1894; P. Frémeaux. Napoléon prisonnier. Mémoires d'un médecin de l'Empereur à Sainte-Hélène. Paris, 1901; la comtesse de Montholon. Souvenirs de Sainte-Hélène. Paris, 1901; le marquis de Montholon. Récits de la captivité de Napoléon à Sainte-Hélène. 2 vol. Paris, 1847; Le Mémorial de Sainte-Hélène par le comte de Las Casas, suivi de Napoléon dans l'exil, par O'Meara, et du Séjour du docteur Antommarchi à Sainte-Hélène. 4 vol. Paris, 1894 1895; Paul Frémeaux. Sainte-Hélène. Les derniers jours de l'Empereur. Paris, 1903.

татомъ. Австрія и Пруссія предлагали даже настоящій раздѣлъ Франціи, съ выдѣленіемъ сѣверныхъ провинцій въ пользу Бельгіи, восточныхъ — въ пользу сосѣднихъ германскихъ государствъ, юго-восточныхъ—въ пользу Сардинскаго королевства. Но такому раздѣлу воспротивились Россія и Англія. Эти державы вовсе не были склонны допускать чрезмѣрнаго усиленія Австріи и Пруссіи на счетъ Франціи, которая послѣ пережитой катастрофы перестала быть опасной для европейскаго равновѣсія.

Вѣнскій конгрессъ.

I. Документальные источники и записки современниковъ: Actes du Congrès de Vienne. Londres, 1839; J. L. Klüber. Acten des Wiener Congresses. 8 Bde. Erlangen, 1817—1835; comte J. de Maistre. Correspondance diplomatique, 1811—1817. 2 vol. Paris, 1858; Graf von Münster; Die Depeschen über die Wiener Congress. Leipzig. 1867; Pozzo di Borgo. Correspondance diplomatique. Paris, 1890; Mémoires de Talleyrand. Paris, 1890—1891; Mémoires de Metternich. Paris, 1880; Souvenir du comte de Haussonville. Paris, 1878—II. Новѣйшія сочиненія: Ant. Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du Congrès de Vienne. 2 vol. Paris, 1890; Seignobos. Histoire politique de l'Europe contemporaine, 1814—1896. Paris, 1897 (есть по-русски); A. Stern. Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815. Berlin, 1894; Un Siècle. Mouvement du monde du 1800 à 1900. Paris, 1900; Эндрьюсъ. Историческое развитіе современной Европы отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени. 2. т. Москва, 1899; Файфъ. Исторія Европы въ XIX в. 3 т. Москва, 1889—1899; Торсое. Исторія нашего столѣтія. 2 т. Кіевъ, 1898—1899; Гервинусъ. Исторія XIX в. 6 т. (устарѣло); Маршаль Исторія XIX в. Спб. 1904; Девятнадцатый вѣкъ. Изданіе Маркса въ Спб. (безъ даты).

Значеніе вѣнскаго конгресса.

Вѣнскій конгрессъ, на которомъ руководящая роль принадлежала державамъ участницамъ послѣдней коалиціи, низвергшей Наполеона, и среди нихъ главнымъ образомъ—Россіи и Англіи, былъ дипломатическимъ завершеніемъ не только послѣдней войны, но всего 23-лѣтняго періода европейскихъ войнъ съ революціонной, а затѣмъ и съ наполеоновской Франціей. Это былъ первый общеевропейскій конгрессъ со времени Вестфальскаго мира, урегулировавшаго территоріальныя международныя отношенія Европы послѣ тридцатилѣтней войны (1648 г.). Три основныхъ принципа было положено конгрессомъ въ основу своихъ рѣшеній: принципъ европейскаго равновѣсія, принципъ легитимизма и принципъ компенсацій.

Европейское равновѣсіе было нарушено наполеоновскими завоеваніями. Побѣжденная Франція была наконецъ сломлена и

двумя трактатами возвращена въ свои прежнія границы. Въ этомъ отношеніи конгрессу оставалось лишь санкціонировать названные дипломатическіе акты. Но благодаря широкому примѣненію другого принципа, принципа компенсацій, европейское равновѣсіе въ сущности было тоже нарушено конгрессомъ, только въ другую сторону, именно—въ сторону Россіи и Англіи.

Далѣе, принципъ легитимизма требовалъ возстановленія въ своихъ правахъ всѣхъ прежнихъ правительствъ, свергнутыхъ революціонной и наполеоновской Франціей. Въ дѣйствительности принципъ этотъ также не былъ, да и не могъ быть проведенъ съ полной послѣдовательностью, разъ державами былъ допущенъ принципъ территоріальныхъ компенсацій, такъ какъ послѣднія могли осуществиться лишь съ нарушеніемъ правъ легитимныхъ правительствъ. Компенсаціи эти были осуществлены частью на счетъ Польши, частью на счетъ мелкихъ германскихъ княжествъ. Затѣмъ, принципъ легитимизма вовсе не получилъ примѣненія по отношенію къ старымъ республикамъ Венеціи и Генуѣ, въ виду отрицательнаго отношенія монархическихъ правительствъ къ республиканскому режиму.

Переработка политической карты Европы.

Въ общемъ, въ результатѣ частичнаго осуществленія трехъ указанныхъ принциповъ, въ политическую карту Европы были внесены конгрессомъ многія и значительныя измѣненія.

Россія получила бо́льшую часть герцогства Варшавскаго; кромѣ того, за ней было признано право на Бессарабію, отвоеванную отъ Турціи (1812 г.) и на Финляндію, отвоеванную отъ Швеціи (1809 г.).

Пруссія, въ возмѣщеніе утраченной ею (въ пользу Россіи) части герцогства Варшавскаго, получила часть Саксоніи, которую надо было наказать за угодничество саксонскаго короля передъ Наполеономъ, Вестфалію и значительныя области на Рейнѣ (прежнія владѣнія духовныхъ и мелкихъ свѣтскихъ князей).

Австрія, взамѣнъ владѣній въ Бельгіи, оторванныхъ отъ нея территоріально и доставлявшихъ ей въ сущности однѣ лишь хлопоты, получила территорію прежней Венеціанской республики, Ломбардію, Далмацію, Тироль, Зальцбургъ и часть герцогства Варшавскаго — Галицію. Въ новыхъ своихъ, значительно расширенныхъ границахъ, Австрія представляла сплошное и компактное территоріальное цѣлое. Но пестрота этнографическаго состава, увеличивалась новыми племенными элементами (русскіе и поляки въ Галиціи, итальянцы въ Ломбардіи и Венеціи). Съ пріобрѣтеніемъ адріатическаго побережья, Австрія возвратила себѣ временно утраченное значеніе морской державы.

Что касается прочихъ княжествъ и имперскихъ городовъ, входившихъ въ составъ прежней имперіи, то изъ всей ихъ массы, были возстановлены въ силу принципа „легитимизма“, лишь немногія изъ наиболѣе крупныхъ политическихъ единицъ. Такимъ образомъ, первоначальное число послѣднихъ, санкціонированное вестфальскимъ трактатомъ (свыше 300) было сведено вѣнскимъ конгрессомъ къ 38. Это были: Австрійская имперія, королевства Пруссія, Саксонія, Ганноверъ, Баварія и Вюртембергъ, двадцать восемь княжествъ съ разными титулами (великія герцогства, герцогства, княжества) и четыре вольныхъ (бывшихъ имперскихъ) города (Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ). На мѣсто прекратившей свое существованіе Германской имперіи учреждался Германскій союзъ (Deutscher Bund) [1]), въ составъ котораго входили всѣ 38 германскихъ государствъ, но Пруссія и Австрія лишь тѣми своими землями, которыя и раньше входили въ составъ имперіи, слѣдовательно, за исключеніемъ провинцій Познани и Пруссіи въ Прусскомъ королевствѣ и Венгріи, Далмаціи и итальянскихъ земель въ Австрійской имперіи. Съ другой стороны, членами Германскаго союза оказывались король Датскій, въ качествѣ герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, король Нидерландскій въ качествѣ герцога Люксембургскаго и король Англійскій въ качествѣ короля Ганноверскаго. Господствующее положеніе въ союзѣ заняла (какъ раньше въ Германской имперіи) Австрія, за которой было признано право предсѣдательства на Союзномъ сеймѣ, засѣдавшемъ въ вольномъ городѣ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Союзу предоставлялось имѣть свою армію, составленную изъ контингентовъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, пропорціонально ихъ населенію. Въ его распоряженіе предоставлены были пять крѣпостей (Люксембургъ, Майнцъ, Ульмъ, Раштатъ и Ландау). Въ общемъ Германскій союзъ представлялъ собою возрожденную и обновленную Германскую имперію, только съ менѣе притязательнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію вещей названіемъ и менѣе пестрымъ территоріально-политическимъ составомъ. Отличіе отъ прежней имперіи заключалось также въ нѣсколько своеобразномъ международномъ положеніи Германскаго союза. Такъ какъ „союзный актъ“, или, что тоже—его конституція, былъ включенъ въ постановленія конгресса (въ такъ называемый заключительный актъ, acte final), то тѣмъ самымъ Союзъ

Германскій союзъ.

[1]) K. F. Eichhorn. Betrachtungen über die Verfassungen des Deutschen Bundes. Berlin, 1833.

ставился нѣкоторымъ образомъ подъ международный контроль. Державы не замедлили воспользоваться этимъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Союза, что имѣло для него серьезныя послѣдствія.

Швеція, въ возмѣщеніе за потерянную Финляндію съ Аландскими островами въ пользу Россіи, и Померанін съ островомъ Рюгенъ въ пользу Пруссіи, получила Норвегію, отобранную у союзника Наполеона, Датскаго короля.

Королевство Сардинское было увеличено присоединеніемъ къ нему территоріи бывшей Генуэзской (потомъ Лигурійской) республики и отобранной отъ Франціи Савои.

Изъ Голландіи и Бельгіи было образовано новое королевство, подъ названіемъ Нидерландскаго, въ пользу одного изъ принцевъ Оранскаго дома, принявшаго титулъ короля Нидерландскаго подъ именемъ Вильгельма I (1815—1840 г.).

Въ Италіи, папа Пій VII былъ возстановленъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ свѣтскій государь Церковной области.

Изгнанный въ 1801 году изъ своихъ владѣній король Неаполитанскій Фердинандъ IV (1795—1801) былъ возстановленъ на своемъ тронѣ подъ именемъ Фердинанда I, „короля обѣихъ Сицилій“ (1816—1825) [1]).

Были также возстановлены герцогство Тосканское и другія болѣе или менѣе значительныя княжества въ Сѣверной Италіи. Швейцарія („Гельветская республика“), увеличенная тремя новыми кантонами, Женевой, Невшателемъ и Валлисомъ, сохранила республиканское устройство на традиціонныхъ федеративныхъ началахъ. Швейцарскій союзъ былъ объявленъ нейтральнымъ государствомъ и неприкосновенность его территоріи поставлена подъ гарантію державъ.

Польша, съ раздѣломъ герцогства Варшавскаго между Россіей, Австріей и Пруссіей, снова исчезла съ политической карты Европы, за исключеніемъ лишь небольшой точки въ видѣ города Кракова съ округомъ, на границѣ трехъ державъ, участницъ польскихъ раздѣловъ—Россіи, Австріи и Пруссіи. „Краковская республика“, оффиціально объявленная суверенным государствомъ, но фактически находившаяся въ полной зависимости отъ трехъ сосѣднихъ державъ, просуществовала до 1847 года, когда, по ихъ взаимному соглашенію, она была окончательно присоединена къ австрійской Галиціи.

[1]) Преемниками его были: Францискъ I (1825—1830), Фердинандъ II (1830—1859), Францискъ II (1859—1861). Въ 1861 году королевство обѣихъ Сицилій прекратило свое существованіе (см. ниже, главу XI).

Наконецъ, за предѣлами европейскаго континента, Англія, кромѣ пріобрѣтенія въ европейскихъ моряхъ (о. Мальта, о. Гельголандъ, протекторатъ надъ Іонійскими островами), значительно расширила свои колоніальныя владѣнія на счетъ Франціи, Голландіи и Испаніи. Сверхъ того, король Англійскій былъ возстановленъ въ своихъ правахъ на Ганноверъ, съ титуломъ короля. Впрочемъ, личная унія, связывавшая Ганноверъ съ Англіей, была непрочна, въ виду того, что въ Ганноверѣ допускалось престолонаслѣдіе лишь по мужской линіи, тогда какъ въ Англіи допускалось и женское наслѣдованіе. Съ восшествіемъ на англійскій престолъ королевы Викторіи въ 1837 году, эта унія прекратилась и Ганноверъ получилъ самостоятельное политическое существованіе, впрочемъ не надолго [1]).

Международныя отношенія.

Въ общемъ, международныя отношенія Европы, какъ они сложились въ результатѣ послѣднихъ войнъ и постановленій вѣнскаго конгресса, характеризуются слѣдующими главными чертами.

Франція окончательно утрачиваетъ пріобрѣтенное въ эпоху Наполеона преобладаніе въ континентальной Западной Европѣ. На первый планъ выдвигаются четыре державы, на взаимодѣйствіи которыхъ главнымъ образомъ держится отнынѣ европейское равновѣсіе: Россія, Австрія, Пруссія и Англія. Послѣдняя, послѣ уничтоженія морского и колоніальнаго могущества Франціи и Голландіи, становится величайшей колоніальной державой и безраздѣльной владычицей морей. На континентѣ преобладающее значеніе пріобрѣтаетъ Россія, на долю которой выпала первенствующая роль въ дѣлѣ ликвидаціи наполеоніады. Положеніе Россіи укрѣплялось также новыми территоріальными пріобрѣтеніями, которыя, независимо отъ ихъ значенія съ точки зрѣнія округленія границъ, значительно укрѣпляли стратегическое положеніе Россіи по отношенію къ ея сосѣдямъ: Швеціи, Пруссіи, Австріи и Турціи.

Слѣдующее по своему международному значенію мѣсто на континентѣ заняла Австрія, получившая огромныя территоріальныя пріобрѣтенія, округлявшія ея границы и дававшія ей выходъ въ море. Какъ по своимъ размѣрамъ и по количеству своихъ подданныхъ, такъ и по своему оффиціальному первенствующему положенію въ Германскомъ союзѣ, Австрія получила преобладающее положеніе въ средней Европѣ, а ея новыя пріобрѣтенія за Альпами, давшія ей возможность стать твердою ногою въ Италіи,

---

[1]) До 1866 года, когда онъ былъ присоединенъ къ Пруссіи. Послѣдніе короли Ганновера: Эрнестъ-Августъ (1837—1851), Георгъ III (1851—1866).

обезпечивали ей рѣшительное преобладаніе на раздробленномъ политически Аппенинскомъ полуостровѣ. Въ то же время, вновь возвращенныя ей владѣнія въ Далмаціи открывали широкую дверь австрійскому вліянію на Балканскомъ полуостровѣ.

Пруссія, получившая, кромѣ польской Познани, половины Саксоніи и шведской Помераніи, значительно округлившихъ ея старую государственную территорію между Эльбой и Вислой, Вестфалію съ прилегающими къ ней прирейнскими областями, сдѣлалась обладательницей одной изъ наиболѣе культурныхъ и цвѣтущихъ частей коренной Германіи. Благодаря географическому положенію этой территоріи, Пруссія становится сосѣдкою Нидерландскаго королевства на протяженіи большей половины сухопутной границы послѣдняго, и на значительномъ протяженіи вступаетъ въ территоріальное соприкосновеніе съ Франціей. Къ возстановленной и усиленной такимъ образомъ Пруссіи снова переходитъ, по крайней мѣрѣ фактически, то господствующее положеніе въ сѣверной Германіи, которое одно время было закрѣплено за нею международно-правовымъ путемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, воскресаетъ прежнее соперничество между Пруссіей и Австріей, которая считала гегемонію въ Германіи своимъ исконнымъ и исключительнымъ удѣломъ.

Независимо отъ урегулированія территоріальныхъ отношеній, на вѣнскомъ конгрессѣ былъ разрѣшенъ цѣлый рядъ вопросовъ международнаго права, выдвинутыхъ практикой послѣднихъ войнъ. Такъ, былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о неприкосновенности судовъ нейтральныхъ державъ во время войны и въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о допустимости работорговли, которая продолжала практиковаться въ европейскихъ колоніяхъ, несмотря на попытки отдѣльныхъ правительствъ бороться съ этимъ явленіемъ.

V. Священный союзъ, европейская реакція и начало національно-освободительнаго движенія.

Источники и литература.

I. Документальные источники и записки современниковъ: Переписка императора Александра I, Поццо-ди-Борго, Каподистрія, Нессельроде и др. (Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. 74): Metternich. Nachgelassene Papiere. 8 Bde. Wien. 1880—84; A. Clercq. Recueil des Traités de la France. Paris, 1880; Czartorysky. Mémoires et correspondance avec l'empereur Alexandre I. 2 vol. Paris, 1887; R. de Chateaubriand. Le Congrès de Vérone. Paris, et Leipzig, 1832; comtesse de Choiseul-Gouffier. Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre I. Paris, 1829;

Dufour de Pradt. L'Europe après le Congrès d'Aix-la-Chapelle. Paris, 1819; Montgelas. Denkwürdigkeiten, 1799—1817. Stuttgart. 1887; также ранѣе указанные мемуары Талейрана и др., относящіеся къ эпохѣ имперіи.—II. Новѣйшія сочиненія: кромѣ указанныхъ выше сочиненій общаго характера по исторіи XIX в., см. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. 4 т. Спб., 1897—1898; Шильдеръ. Императоръ Николай I. 2 т. Спб. 1903; Strobl und von Ravelsberg. Metternich und seine Zeit. Wien und Leipzig, 1906; Crouzas Crétet. Le duc de Richelieu en Russie et en France. Paris, 1897; Springer. Geschichte Oesterreichs seit den Wiener Frieden, 1809. 2 Bde. Leipzig, 1863—1865; Vehse. Geschichte des österreichischen Hofs und Adels und der österreichischen Diplomatie. Hamburg, 1852; Г. Кауфманъ. Политическая исторія Германіи въ XIX в. Спб. 1909; Lamprecht. Deutsche Geschichte. Neueste Zeit. Berlin. 1907—1909; H. Baumgarten. Geschichte Spaniens vom Ausbruch der franz. Revoluzion. 3 Bde. Leipzig, 1865; G. Diercks. Geschichte Spaniens. 2 Bde. Leipzig, 1865; H. Gmelin. Studien zur Spanischen Verfassungsgeschichte des XIX Jahrh. Stuttgart, 1905; Hubbard. Histoire contemporaine de l'Espagne. 6 vol. Paris, 1869—1883; H. Reuchlin. Geschichte Italiens. 4 vol. Leipzig. 1859—1873; M. Brosch. Geschichte des Kirchenstaats. 2 Bde. Gotha. 1882; F. Ruth. Geschichte Italiens, 1815—1850. Heidelberg, 1867: Орси. Современная Италія. Спб. 1909; Соренъ. Исторія Италіи съ 1815 г. Спб. 1898; Пискорскій. Исторія Испаніи и Португаліи. Спб., 1900; Е. Тарле. Исторія Италіи въ новое время. Спб., 1900. Сочиненія по исторіи Франціи въ XIX в. указаны въ предыдущей главѣ, а для позднѣйшаго времени, см. гл. о реставраціи. Изъ общихъ курсовъ, см.: П. П. Карѣевъ. Исторія Зап. Европы въ новое время, т. 5; Лависсъ и Рамбо. Исторія XIX в., т. 2 (соотвѣтствуетъ Lavisse et Rambaud, Histoire générale, t. IX).

Старый порядокъ и революція за предѣлами Франціи.

При всемъ своемъ первоначально чисто мѣстномъ и національномъ характерѣ, французская революція, какъ мы видѣли, уже въ первое время была не чужда международныхъ стремленій, вполнѣ гармонировавшихъ съ чисто космополитическими тенденціями той „просвѣщенной философіи“ XVIII вѣка, которая легла въ основу революціонной идеологіи. Дѣло шло о „возрожденіи“ и объ „освобожденіи“ не одной лишь французской націи, а о возрожденіи и освобожденіи всѣхъ націй, всего человѣчества. Этотъ идейный космополитизмъ французской революціи находилъ себѣ вполнѣ реальную основу въ такомъ же космополитическомъ характерѣ того „стараго порядка“, которому революція объявила войну. Вѣдь этотъ старый порядокъ, состоявшій въ разнообразныхъ и многообразныхъ сочетаніяхъ остатковъ средневѣковаго феодализма съ началами новой государственности, всюду одинаково стремившейся къ монархическому абсолютизму,—онъ вѣдь не былъ исключительной принадлежностью Франціи, онъ былъ

достояніемъ почти всей Западной Европы, съ различными, конечно, мѣстными видоизмѣненіями, не нарушавшими, однако, единообразія основныхъ чертъ „стараго порядка“. Всюду и за предѣлами Франціи существовало глухое недовольство этимъ „порядкомъ“; всюду онъ имѣлъ противъ себя широкіе слои населенія: крестьянство, тяготившееся сеньеріальными повинностями; промышленный и торговый городской классъ, не желавшій болѣе мириться съ своимъ приниженнымъ положеніемъ передъ ничѣмъ болѣе не оправдываемыми привилегіями дворянства и тяготившійся старозавѣтнымъ деспотизмомъ своихъ правительствъ.

При такихъ условіяхъ, французская революція, даже независимо отъ своего идеологическаго космополитизма, должна была и въ конкретной дѣйствительности получить характеръ, если не мірового, то общеевропейскаго движенія. Признаки такого перехода французской революціи въ общеевропейское движеніе замѣчаются уже въ самомъ началѣ, въ видѣ различныхъ мѣстныхъ революціонныхъ вспышекъ, вызванныхъ первыми успѣхами революціи во Франціи. Но это, такъ сказать, самопроизвольное распространеніе революціоннаго движенія въ Европѣ было нарушено бурнымъ вторженіемъ въ него международныхъ силъ, связаннымъ съ революціонными, потомъ наполеоновскими войнами. Побѣды революціонной Франціи искусственно ускорили взрывъ революціи въ тѣхъ странахъ, гдѣ революціонное движеніе, недостаточно сильное, чтобы восторжествовать собственными силами надъ мѣстнымъ „старымъ порядкомъ“, нашло себѣ могучую поддержку со стороны побѣдоносной революціонной Франціи. Результатомъ этого было возникновеніе цѣлаго ряда „республикъ-сестеръ“. Но эти искусственные и эфемерные успѣхи революціи за предѣлами Франціи не только не способствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ революціоннаго движенія въ Европѣ, но, наоборотъ, задержали его ходъ, такъ какъ своими чисто завоевательными поползновеніями революціонная Франція не замедлила оттолкнуть отъ себя не только правительства, но и націи, и прежде всего тѣ націи, которыя она „освобождала“, либо собиралась освободить. Къ защитникамъ и приверженцамъ стараго порядка противъ Франціи присоединились постепенно круги, сочувствовавшіе ранѣе освободительнымъ идеямъ революціи, но успѣвшіе въ нихъ разочароваться. Революціонная Франція сама позаботилась о томъ, чтобы пропагандируемую ею идею національной свободы обратить противъ себя самой.

Еще больше сдѣлала въ этомъ направленіи Франція наполеоновская, открыто порвавшая съ освободительными идеями революціи даже въ своей внутренней жизни, а въ своихъ международныхъ отношеніяхъ давшая полный разгулъ своимъ завоевательнымъ стремленіямъ. Наполеоповскія войны вызвали сильный подъемъ національнаго чувства и патріотизма въ европейскихъ народахъ, а почва для этого была подготовлена самою же революціонною Франціею, громко провозглашавшей свободу, какъ неотъемлемое право націй. Если войны революціонной эпохи, въ своей начальной стадіи, были войнами монархическихъ правительствъ противъ революціонной Франціи, то въ дальнѣйшемъ, въ особенности же въ наполеоновскую эпоху, эти войны получили совершенно другой характеръ,—характеръ борьбы народовъ за свою національную свободу. Наполеоповскія войны, выдвинувшія на первый планъ борьбу за національную свободу противъ иноземнаго гнета и непріятельскаго вторженія, отодвинули на задній планъ начавшуюся борьбу противъ внутренняго гнета, гнета „стараго порядка“, и такимъ образомъ послужили сильной задержкой распространенію революціоннаго движенія въ Европѣ.

Завершеніе международной вооруженной борьбы пораженіемъ наполеоновской Франціи хотя и измѣнило существеннымъ образомъ положеніе вещей, но революціонное движеніе ничего не выиграло отъ этой перемѣны; даже—напротивъ. Дѣло въ томъ, что побѣда Европы надъ наполеоновской Франціей была въ значительной степени торжествомъ стараго порядка надъ революціей и это по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, потому что борьба Европы противъ наполеоповской Франціи была прямымъ и непосредственнымъ продолженіемъ борьбы противъ Франціи революціонной,—борьбы, начатой во имя подавленія революціи. Другое не менѣе важное обстоятельство заключалось въ томъ, что побѣдительницей наполеоповской Франціи была монархическая и феодальная Европа,—Европа „стараго порядка“. Отъ паденія наполеоповской имперіи революція ничего не выиграла во Франціи и очень много потеряла въ остальной Европѣ. Если во Франціи династическая реставрація, связанная съ уничтоженіемъ новаго наполеоповскаго деспотизма, была частичнымъ возвращеніемъ къ принципамъ конституціонной монархіи, провозглашеннымъ Учредительнымъ собраніемъ, то за предѣлами Франціи „старый порядокъ“, почувствовавъ свою силу,

изъ обороны противъ революціи переходитъ въ наступленіе; онъ утрачиваетъ свое прежнее благодушіе и пріобрѣтаетъ болѣе рѣзкій и боевой характеръ. И какъ въ свое время революція, старый порядокъ теперь также находитъ своихъ идеологовъ, которые идеализируютъ и теоретизируютъ его, возводятъ его въ доктрину, въ своего рода противореволюціонную философію. Таковъ французскій публицистъ Жозефъ де-Местръ (1754—1821), создавшій себѣ, своими сочиненіями имя „Вольтера реакціи“; таковъ швейцарскій нѣмецъ Галлеръ (1768—1854), объединившій въ стройную систему идеи контръ-революціи въ своемъ сочиненіи „Реставрація государственной науки“.

Идеологи реакціи.

Непродолжительное господство французовъ въ завоеванныхъ ими областяхъ ознаменовалось уничтоженіемъ „стараго порядка“ съ его монархическимъ абсолютизмомъ и сословно-феодальными (а въ католическихъ странахъ и церковными) привилегіями, съ пестротой мѣстныхъ особенностей въ правѣ, судѣ, управленіи. Всюду была введена единообразная административная и судебная организація, единство права (кодексъ Наполеона), равенство передъ закономъ, наконецъ—политическая свобода, по крайней мѣрѣ показная, съ конституціями, народнымъ представительствомъ и проч. Приверженцы новаго порядка, введеннаго французами яко бы на основахъ принциповъ великой революціи, называли себя либералами. Изгнаніе французовъ и возстановленіе на ихъ престолахъ изгнанныхъ французскихъ государей, естественно, ознаменовалось реакціей противъ французскаго либерализма. Впрочемъ, нѣкоторые изъ возстановленныхъ государей поспѣшили сдѣлать уступки измѣнившимся условіямъ и не пытались возстановлять старый порядокъ во всей его цѣлости и даже ввели у себя, по собственному почину, болѣе или менѣе либеральныя конституціи, по примѣру императора Александра I, который первый изъ европейскихъ государей даровалъ подвластному Царству польскому (какъ стала называться оффиціально возстановленная русская часть Польши) конституціонный строй (27 ноября 1815 г.) (Людовикъ XVIII, какъ введшій конституцію не по собственному почину, въ счетъ не идетъ).

Либеральныя конституціи.

Первыми послѣдовали этому примѣру нѣкоторые изъ германскихъ государей: король Вюртембергскій въ 1815 году, король Баварскій и великій герцогъ Баденскій въ 1818 году; затѣмъ представительный строй былъ введенъ въ Гессенѣ, Дармштатѣ, въ Нассау, Брауншвейгѣ и въ нѣсколькихъ болѣе мелкихъ княжествахъ. Въ сѣверной Германіи большинство государей, не вводя

конституціи на основахъ народнаго представительства, возстановили прежніе земскіе сеймы, въ составъ которыхъ входили „именитые граждане“, преимущественно изъ дворянъ (Ганноверъ, Мекленбургъ, Саксонія, Ольденбургъ). Въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ III въ 1815 году торжественно обѣщалъ своимъ подданнымъ конституцію на основахъ „народнаго представительства“, но послѣ вѣнскаго конгресса, чувствуя свое положеніе на тронѣ достаточно прочнымъ, уклонился отъ исполненія этого обѣщанія, ограничившись лишь учрежденіемъ провинціальныхъ сеймовъ, съ преобладающимъ вліяніемъ въ нихъ помѣстнаго дворянства и очень ограниченнымъ кругомъ компетенцій. Въ эпоху борьбы съ Наполеономъ въ Пруссіи, по почину либеральныхъ министровъ Штейна (1757—1831) и Гарденберга (1750—1822), былъ проведенъ цѣлый рядъ важныхъ реформъ [1]). Гарденбергъ подготовлялъ даже введеніе народнаго представительства. Большая часть этихъ реформъ подверглась урѣзкамъ послѣ вѣнскаго конгресса. Права крестьянъ по выкупу своихъ повинностей были ограничены, а привилегіи дворянъ-помѣщиковъ снова расширены. Собирались даже отмѣнить всеобщую воинскую повинность. О народномъ представительствѣ не только не было больше рѣчи въ правительствѣ, но всякіе намеки на него строго преслѣдовались. Была усилена цензура. Лица, заподозрѣнныя въ либерализмѣ или, какъ выражались тогда на оффиціальномъ языкѣ, въ „демагогіи“, подвергались гоненіямъ. Зарождавшаяся политическая пресса была задушена въ тискахъ придирчивой цензуры, которая нашла даже опасной знаменитыя „Рѣчи къ нѣмецкой націи“, которыми Фихте оказалъ въ свое время сильное вліяніе на патріотическій подъемъ своихъ соотечественниковъ въ эпоху борьбы съ Наполеономъ.

Реставрація и реакція въ Испаніи и Италіи

Особенно рѣзкой реакціей сопровождалась монархическая реставрація въ Испаніи и Италіи. Въ Испаніи, послѣ изгнанія французовъ въ 1813 году, король Фердинандъ VII (1814—1833 г.) былъ возстановленъ на престолѣ. Реставрація эта сопровождалась рѣзкой анти-революціонной и анти-французской реакціей. Конституція 1812 года, объявленная кортесами въ эпоху французской оккупаціи, была немедленно отмѣнена. „Кто вздумаетъ ее поддерживать, заявилъ Фердинандъ VII въ своемъ манифестѣ, тотъ совершитъ покушеніе противъ прерогативъ моей верховной власти и блага націи. Я заранѣе объявляю такого чело-

[1]) G. Cavaignac. La formation de la Prusse contemporaine. I. Les Origines. Le ministère se Stein (1806—1808).—II. Le ministère de Hardenberg (1808—1813). 2 vol. Paris, 1891—1897.

вѣка виновнымъ въ оскорбленіи величества; онъ будетъ подвергнутъ смертной казни". Зала кортесовъ была опечатана, наиболѣе видные предводители либеральной партіи, какъ стали называть приверженцевъ конституціи, были арестованы и частью сосланы, частью заточены. Вслѣдъ затѣмъ былъ возстановленъ во всей его цѣлости старый порядокъ, съ неограниченной королевской властью, сословными привилегіями и прочими традиціонными атрибутами старой Испаніи. Іезуиты съ торжествомъ возвратились въ Испанію. Возстановленная инквизиція возобновила свои прерванныя было операціи. Монастыри были возстановлены, а имущества ихъ, распроданныя при французскомъ режимѣ въ частную собственность, были отобраны безъ всякаго вознагражденія. На вершинахъ власти водворилось, по доброму старому испанскому обычаю, господство камарильи. Съ полдюжины приближенныхъ короля фактически вершили безконтрольно всѣ дѣла, назначая и смѣщая министровъ и другихъ сановниковъ по своему капризу. Случалось, что новаго министра прогоняли или ссылали спустя нѣсколько дней послѣ назначенія. Одинъ министръ получилъ приказъ объ изгнаніи, только что возвратившись къ себѣ съ ужина въ королевскомъ дворцѣ. Отъ имени короля исходили подчасъ настолько невѣроятныя распоряженія, что лица, ихъ получившія, не рѣшались ихъ приводить въ исполненіе.

Въ Италіи, возстановленный державами на тронѣ король Сардинскій, Викторъ-Эммануилъ I (1814—1821) вмѣстѣ съ реставраціей королевскаго абсолютизма, отмѣнилъ всѣ введенныя французами при участіи мѣстныхъ либераловъ реформы. Либералы подверглись преслѣдованію вмѣстѣ съ французами, которые были почти поголовно изгнаны изъ предѣловъ королевства. Изъ ненависти къ французамъ король приказалъ даже уничтожить устроенный послѣдними въ Туринѣ ботаническій садъ, а построенный французами мостъ черезъ рѣку По городскому управленію удалось спасти отъ подобной же участи лишь тѣмъ, что оно поспѣшило выстроить на немъ часовню. Духовенство, подвергшееся гоненіямъ при французскомъ режимѣ, получило снова привилегированное положеніе.

Въ Неаполѣ возстановленный на своемъ тронѣ Фердинандъ I (1816—1825) удовлетворилъ свою ненависть къ французамъ тѣмъ, что отказался проѣхать по построенной ими улицѣ и прекратилъ начатыя ими раскопки Помпеи; впрочемъ, онъ сохранилъ наиболѣе важныя изъ французскихъ реформъ и учрежденій: отмѣну дворянскихъ привилегій, кодексъ Наполеона и французскій уго-

ловный судъ, финансовую и административную организацію. Съ римской куріей онъ, по примѣру Наполеона, заключилъ конкордатъ, въ силу котораго была возстановлена часть уничтоженныхъ при французскомъ режимѣ монастырей.

Въ Церковной области реставрація папы, какъ свѣтскаго государя, сопровождалась замѣной всѣхъ свѣтскихъ лицъ въ администраціи духовными, возстановленіемъ монастырей, усиленіемъ цензуры и преслѣдованіемъ тайныхъ обществъ и масонскихъ организацій, которымъ католики приписывали первенствующую роль въ революціи. Изъ ненависти ко всему французскому, были отмѣнены не только кодексъ Наполеона, но также введенное французами оспопрививаніе и даже устроенное ими уличное освѣщеніе въ Римѣ.

Въ общемъ въ Италіи, какъ отчасти и въ другихъ частяхъ Европы, реставрація троновъ нигдѣ не сопровождалась возстановленіемъ стараго порядка во всей его цѣлости. Въ сущности реставрированные государи были очень довольны нѣкоторыми изъ проведенныхъ въ ихъ отсутствіе либеральныхъ реформъ, какъ-то: уничтоженіемъ дворянскихъ привилегій, секуляризаціей монастырей, финансовой и административной организаціей. Эти реформы въ сущности осуществляли давнишнія стремленія государей, устраняя то, что стѣсняло ихъ власть (привилегіи) и усиливая средства и орудія послѣдней (финансовая и административная организація). Наоборотъ, государи старались уничтожить въ произведенныхъ реформахъ все, что могло такъ или иначе стѣснять ихъ власть: областное и мѣстное самоуправленіе, народное представительство, конституціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ реставрированная монархія получила даже болѣе абсолютистскій характеръ, чѣмъ при старомъ порядкѣ.

Между тѣмъ революціонное движеніе, начавшееся въ Европѣ подъ вліяніемъ толчка, даннаго великой французской революціей, и отчасти пріостановленное вмѣшательствомъ международныхъ факторовъ, продолжаетъ развиваться, въ видѣ различныхъ мѣстныхъ движеній, получающихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, болѣе или менѣе бурный характеръ.

Революціонныя движенія въ Испаніи, Португаліи и Италіи

Первыя бурныя революціонныя движенія происходятъ въ Испаніи, Португаліи и Италіи, то-есть какъ разъ въ тѣхъ, именно, странахъ, гдѣ реакція приняла особенно рѣзкій характеръ. Въ Испаніи руководящую роль въ революціонныхъ движеніяхъ принимаютъ войска, то-есть прежде всего—офицеры. Объясняется это, съ одной стороны—тѣмъ, что находясь въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ первыхъ

рядахъ бойцовъ за національное освобожденіе отъ французскаго порабощенія, офицеры пріобрѣли небывалый авторитетъ въ странѣ. Съ другой стороны, сражаясь съ французами, испанскіе офицеры не остались сами въ сторонѣ отъ занесенныхъ послѣдними либеральныхъ идей. Сражаясь за освобожденіе своей родины, они отнюдь не склонны были отождествлять ее со старымъ порядкомъ. Они были недовольны абсолютистскими замашками Фердинанда VII, который въ свою очередь относился недовѣрчиво къ офицерамъ и держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ. Недовольные офицеры начали вступать въ тайныя масонскія организаціи, начало которымъ было положено въ Испаніи французами, видѣвшими въ нихъ одно изъ орудій для борьбы съ старымъ порядкомъ и въ особенности съ вліяніемъ католической церкви. Масонскія ложи сдѣлались въ Испаніи, какъ впрочемъ и въ остальной Европѣ, очагами либеральной оппозиціи противъ реакціонной политики правительствъ. Солдаты также были вооружены противъ правительства, неаккуратно платившаго имъ жалованье и державшаго ихъ въ проголодь. Это дало возможность недовольнымъ офицерамъ разсчитывать на поддержку войскъ. На этой почвѣ, начиная съ 1815 года, въ Испаніи происходитъ цѣлый рядъ заговоровъ, имѣющихъ цѣлью добиться конституціи при помощи военнаго возстанія. Въ теченіе пяти лѣтъ эти попытки оканчивались полной неудачей; но въ 1820 году заговорщикамъ удалось вызвать серьезное возстаніе, получившее въ исторіи названіе „испанской революціи 1820 года“.

Испанская революція 1820 г.

Возстаніе, поднятое въ началѣ этого года группой офицеровъ въ Андалузіи, во имя возстановленія конституціи, встрѣтило отголосокъ въ Сарагоссѣ, Барцелонѣ и другихъ провинціальныхъ центрахъ. Посланные для усмиренія возставшихъ отряды либо отказывались сражаться, либо сами переходили на сторону заговорщиковъ. Испуганный размѣрами, которые начало принимать движеніе, Фердинандъ VII поспѣшилъ опубликовать декларацію о возстановленіи конституціи и согласился уничтожить инквизицію.

Однако, дарованіе конституціи и возстановленіе кортесовъ, вмѣсто ожидаемаго успокоенія страны, лишь усилило борьбу между различными враждебными элементами. Среди самихъ либераловъ, дѣйствовавшихъ дружно, пока они боролись противъ общаго врага, немедленно же обнаружились внутреннія партійные раздоры, лишь только они очутились у власти; въ ихъ лагерѣ обнаружился непримиримый антагонизмъ между умѣренными и крайними. Народныя массы, не испытывая никакого улучшенія въ своемъ по-

ложеніи отъ перемѣны политическаго режима, легко поддавались вліянію духовенства, которое въ общемъ было настроено враждебно противъ революціи, сопровождавшейся отобраніемъ церковныхъ имуществъ. Недовольные новымъ режимомъ считали короля плѣнникомъ либераловъ, что, дѣйствительно, было довольно близко къ истинѣ. Сгруппировавшись вокругъ духовенства, реакціонные элементы оказались настолько многочисленными, что образовали въ сѣверной Испаніи настоящую контръ-революціонную армію, подъ именемъ „апостольской“, которая объявила своей цѣлью освобожденіе короля изъ „плѣна“ и возстановленіе его законной власти, захваченной „мятежниками“. Дѣло дошло до настоящей междоусобной войны, которая, впрочемъ, скоро была прекращена иноземнымъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, о чемъ намъ придется говорить въ другой связи.

Революція въ Португаліи.

Испанская революція дала толчекъ подобнымъ же движеніямъ въ сосѣдней Португаліи и въ Италіи. Португальскій король Іоаннъ VI (1816—1826), бѣжавшій во время французскаго нашествія въ 1808 году въ Бразилію, продолжалъ оставаться тамъ и послѣ парижскаго мира. Свое присутствіе въ Бразиліи онъ считалъ болѣе необходимымъ, такъ какъ имѣлъ основанія опасаться отпаденія этой колоніи, въ случаѣ своего возвращенія въ Португалію. Онъ даже собирался сдѣлать столицу Бразиліи Ріо-де-Жанейро своей постоянной резиденціей и старался привлечь туда португальскую знать. Но въ Португаліи эти затѣи короля вызвали общее неудовольствіе. Роль выразителей послѣдняго взяли на себя офицеры лиссабонскаго гарнизона. Подъ вліяніемъ примѣра своихъ испанскихъ товарищей, португальскіе офицеры потребовали конституціи и вмѣстѣ—возвращенія короля въ Лиссабонъ. Король подчинился, но его опасенія на счетъ Бразиліи не замедлили оправдаться. Въ іюнѣ 1821 года Іоаннъ VI вступилъ на почву Португаліи, а въ августѣ слѣдующаго года Бразилія отложилась отъ своей метрополіи, объявивъ себя независимой имперіей, и избравъ своимъ императоромъ инфанта донъ-Педро. Какъ и въ Испаніи, въ Португаліи введеніе конституціи послужило сигналомъ къ новымъ волненіямъ и внутреннимъ смутамъ, повергшимъ страну въ полную анархію и вызвавшимъ цѣлый рядъ междоусобныхъ вспышекъ.

Революціонное движеніе въ Неаполѣ и Сициліи.

Въ Италіи уже въ эпоху французскаго господства существовали различныя тайныя общества, среди которыхъ особенно значительное вліяніе пріобрѣла карбонара, возникшая около 1807 года въ Неаполитанскомъ королевствѣ и получившая названіе отъ своего

преобладающаго состава (угольщики, carbonari) [1]). Въ своемъ первоначальномъ видѣ это былъ патріотическій союзъ, ставившій своею задачей изгнаніе французовъ изъ Италіи. Когда послѣднее сдѣлалось совершившимся фактомъ, карбонаріи направили свою патріотическую борьбу противъ водворившихся въ Ломбардіи и Венеціи австрійцевъ. Въ остальной Италіи, гдѣ карбонаріямъ не отъ кого было освобождать родину, ихъ національно-патріотическія стремленія направились въ иную сторону, именно—въ сторону національно-политическаго объединенія Италіи. А такъ какъ осуществленію этого объединенія мѣшалъ тогдашній политическій режимъ Италіи, связанный съ абсолютизмомъ реставрированныхъ „легитимныхъ“ монархій, то это обстоятельство не замедлило сблизить карбонаріевъ съ тѣми тайными обществами, въ особенности масонскими организаціями, которыя ставили своею цѣлью борьбу съ абсолютизмомъ во имя конституціоннаго строя. Преслѣдованія, которымъ одинаково подвергались со стороны правительствъ и карронаріи и масоны, окончательно сблизили между собою обѣ организаціи. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ послѣднія насчитывали въ своихъ рядахъ много офицеровъ, примыкавшихъ къ нимъ частью подъ вліяніемъ либеральныхъ идей, частью изъ недовольства королемъ Фердинандомъ VII, оказывавшимъ явное предпочтеніе офицерамъ изъ эмигрантовъ. Карбонаріи отличались отъ масоновъ болѣе боевымъ революціоннымъ настроеніемъ и готовы были добиваться своего съ оружіемъ въ рукахъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Подъ вліяніемъ ободряющаго примѣра испанской революціи, часть гарнизона городка Нолы, подъ предводительствомъ двухъ молодыхъ офицеровъ-карбонаріевъ, съ криками „да здравствуетъ король и конституція!“—увлекли за собой другія, сосѣднія военныя части, къ которымъ присоединились толпы карбонаріевъ, съ тѣмъ чтобы двинуться въ Неаполь. Вѣсть объ этомъ движеніи значительно опередила ихъ и вызвала въ Неаполѣ волненіе среди мѣстныхъ карбонаріевъ и въ сочувствовавшихъ имъ слояхъ населенія и частяхъ войскъ. Фердинандъ VII поспѣшилъ опубликовать прокламацію, съ обѣщаніемъ даровать конституцію. Нѣсколько дней спустя король опубликовалъ обѣщанную конституцію, которая, ради удобства и скорости, была

[1]) Marquis de Saint-Edme. Constitution et organisation des Carbonari. Paris, 1821; Müller. Politica segreta Italiana. Torino, 1880; V. Labate. Un decennio di Carboneria in Sicilia (1821—1831). Roma e Milano, 1904; M. Carrascosa. Mémoires historiques, politiques et militaires sur la révolution du royaume de Naples, 1820—1821. London, 1823.

просто-на-просто списана съ испанской конституціи 1812 года. Король сдѣлалъ лишь оговорку относительно возможныхъ измѣненій послѣдней по соглашенію съ народнымъ представительствомъ.

Но созванное вслѣдъ затѣмъ народное представительство не успѣло справиться съ своей задачей приспособленія испанской конституціи къ мѣстнымъ условіямъ, потому что вожаки карбонаріевъ, находившіе собраніе не достаточно радикальнымъ, тормозили его роботу различными демагогическими демонстраціями, пока не явились иноземныя войска водворять порядокъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Но прежде неаполитанцамъ самимъ пришлось водворять порядокъ на о. Сициліи, гдѣ неаполитанская революція дала поводъ мѣстнымъ патріотамъ поднять возстаніе во имя политической автономіи Сициліи. Сицилійцы пожелали имѣть своего особаго короля въ лицѣ наслѣднаго принца неаполитанскаго. Но сицилійская революція была безпощадно подавлена неаполитанцами, прежде чѣмъ явились австрійскія войска подавлять неаполитанскую революцію. Характерно, что австрійская армія не встрѣтила при этомъ никакого сопротивленія, а высланные противъ нея революціонными правительствомъ отряды разбѣжались при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ. Вслѣдъ затѣмъ поспѣшили спастись, кто куда могъ, вожаки революціи. Испанская конституція была отмѣнена прежде, чѣмъ получила проектированное исправленіе, а королевскій абсолютизмъ былъ снова возстановленъ, и на этотъ разъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ. Въ обезпеченіе себя отъ новыхъ военныхъ переворотовъ, Фердинандъ VII взялъ къ себѣ на службу четыре швейцарскихъ полка (1826 г.).

Неаполитанская революція отразилась и на сѣверѣ Италіи— въ Пьемонтѣ (Сардинскомъ королевствѣ) и въ Ломбардіи (австрійскія владѣнія).

Революціонное движеніе въ Пьемонтѣ и Ломбардіи.

На сѣверѣ Италіи, находившейся частью во владѣніяхъ Австріи, частью подъ сильнымъ вліяніемъ послѣдней, революціонное движеніе носило ярко выраженный національный, анти-австрійскій характеръ. Лозунгомъ движенія здѣсь была не столько конституція, сколько національное освобожденіе и объединеніе Италіи. Пьемонтское революціонное движеніе, начавшееся возстаніемъ александрійскаго гарнизона (мартъ 1821 г.), было направлено не столько противъ абсолютизма, сколько противъ иноземнаго владычества въ Италіи. Повстанцы требовали не только конституціи, но и изгнанія изъ Италіи австрійцевъ и ея объединенія въ формѣ національно-конституціоннаго королевства. Но это

революціонное движеніе было быстро задавлено австрійскими войсками. Вожди движенія подверглись безпощадной расправѣ, а королевскій абсолютизмъ возродился съ новою силой.

Подобный же результатъ имѣло революціонное движеніе въ маленькомъ герцогствѣ Моденскомъ.

Что касается принадлежавшаго Австріи Ломбардо-Венеціанскаго королевства (оно управлялось австрійскимъ намѣстникомъ съ титуломъ вице-короля), то здѣсь попытки національнстическаго революціоннаго движенія были раздавлены въ самомъ зародышѣ. Главари заговора были выслѣжены австрійской полиціей, арестованы и осуждены одни на смерть, другіе на заточеніе. Въ числѣ послѣднихъ былъ поэтъ Сильвіо Пеллико, создавшій себѣ имя не столько своими поэтическими произведеніями, сколько своими воспоминаніями о своемъ продолжительномъ заключеніи [1]).

Священный союзъ и эпоха конгрессовъ.

Вмѣшательство великихъ державъ во внутреннія движенія на Пиренейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ стояло въ тѣсной связи 1) съ постановленіями Вѣнскаго конгресса, 2) съ учрежденіемъ Священнаго Союза и его дѣятельностью, и наконецъ, 3) съ характеромъ международной политики Австріи, на долю которой выпала руководящая роль въ международной жизни Западной Европы послѣ Вѣнскаго конгресса.

Принципъ международнаго вмѣшательства.

Въ самомъ дѣлѣ, принципъ международнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ логически вытекалъ изъ постановленій вѣнскаго конгресса. Подписавшія вѣнскій трактатъ великія державы, естественно, тѣмъ самымъ брали на себя и право и обязательство поддерживать установленный ими международный порядокъ, въ основаніе котораго были положены два основныхъ принципа: принципъ европейскаго равновѣсія (нарушенный завоеваніями наполеоновской Франціи) и принципъ легитимизма (нарушенный французской революціей). Но гарантировать возстановленный державами легитимный порядокъ, значило признать за собой и право (и вмѣстѣ обязанность) противодѣйствовать всякаго рода революціоннымъ движеніямъ внутри тѣхъ или другихъ государствъ.

Этотъ принципъ вмѣшательства, вытекавшій изъ постановленій

---

[1]) Подъ заглавіемъ: Le mie prigioni (Torino, 1833). Его біографія: Bourdon. Silvio Pellico, sa vie et sa mort. Paris, 1875.

вѣнскаго конгресса, получилъ дальнѣйшее подтвержденіе и развитіе въ томъ спеціальномъ договорѣ, который былъ подписанъ тремя государями—Россіи, Австріи и Пруссіи—во время ихъ совмѣстнаго пребыванія въ Парижѣ, въ сентябрѣ 1815 года, подъ названіемъ Священнаго Союза (Sainte Alliance). Священный Союзъ.

Этимъ актомъ три монарха „торжественно объявляли предъ лицомъ вселенной свое непреклонное рѣшеніе руководствоваться въ своемъ поведеніи лишь святыми заповѣдями религіи, принципами справедливости, любви и мира“, такъ какъ, по убѣжденію монарховъ, эти заповѣди „не должны ограничивать свое дѣйствіе частной жизнью, но должны также вліять на рѣшенія государей и руководить всѣми ихъ поступками“. „Согласно словамъ св. Писанія, повелѣвающимъ всѣмъ людямъ смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ, три договаривающіеся монарха пребудутъ соединены нерасторжимыми узами истиннаго братства. Они будутъ оказывать другъ другу всякую помощь и содѣйствіе, гдѣ бы и когда бы таковыя ни понадобились. Будучи по отношенію къ своимъ подданнымъ отцами семьи, они будутъ управлять ими въ томъ же духѣ братства, защищая религію, миръ и справедливость. Единственнымъ правиломъ взаимныхъ отношеній между правительствами, какъ и между отдѣльными подданными, будутъ—взаимныя услуги“. Въ заключеніе договаривающіеся монархи заявляютъ, что они смотрятъ на себя, какъ „на уполномоченныхъ Провидѣнія, для того чтобы управлять тремя отпрысками одной и той же семьи, одной и той же христіанской націи“.

По приглашенію договаривающихся монарховъ большинство государей присоединились къ союзу, въ томъ числѣ Людовикъ XVIII. Изъ великихъ державъ Англія одна уклонилась отъ участія въ немъ. Но большинство сдѣлали это не столько потому, чтобы раздѣляли искренно провозглашенные Священнымъ Союзомъ религіозные и моральные принципы, сколько изъ нежеланія вызвать неудовольствіе трехъ монарховъ, въ особенности же Александра I, который былъ настоящимъ иниціаторомъ Священнаго Союза и въ сущности единственнымъ убѣжденнымъ приверженцемъ его идеи.

Священный Союзъ имѣлъ значеніе не столько по своимъ непосредственнымъ результатамъ, которые были незначительны, сколько по своимъ косвеннымъ послѣдствіямъ, связаннымъ, съ одной стороны, съ торжественнымъ признаніе права (и обязанности) государей „оказывать другъ другу всякаго рода помощь и содѣйствіе, гдѣ бы и когда бы то ни было“, а съ другой—съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ въ Европѣ

ясно выраженный анти-революціонный характеръ Союза. Текстъ Священнаго Союза прозвучалъ въ Европѣ, какъ торжественный контръ-революціонный манифестъ. Естественно, что онъ сильно поднялъ духъ всѣхъ реакціонныхъ элементовъ и вызвалъ противъ себя сильное озлобленіе въ революціонно и либерально настроенныхъ кругахъ. Дѣйствительно, оставляя въ сторонѣ религіозно-этическую оболочку договорнаго акта Священнаго Союза, въ практической своей сущности онъ представлялъ собою не что иное, какъ союзъ для взаимнаго страхованія договаривающимися государями своихъ троновъ отъ революціи. Съ другой точки зрѣнія, Союзъ можно разсматривать, какъ организованный международный надзоръ за внутреннимъ порядкомъ въ отдѣльныхъ государствахъ Европы. Эта сторона дѣла, быть можетъ не безъ намѣренія затушеванная въ союзномъ актѣ, нашла себѣ болѣе ясное и вполнѣ категорическое выраженіе въ особомъ секретномъ договорѣ, который былъ подписанъ четырьмя великими державами (съ исключеніемъ Франціи) около двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ подписанія Священнаго Союза (20 ноября 1815 г.). Договаривающіяся державы признавали необходимымъ устройство періодическихъ международныхъ конгрессовъ, для „разсмотрѣнія мѣръ, которыя будутъ признаны спасительными для спокойствія и благоденствія народовъ и для европейскаго мира“. Исключеніе Франціи изъ этого секретнаго договора было вполнѣ естественно, если принять во вниманіе, что поводомъ къ его заключенію послужило вторичное вмѣшательство державъ во внутреннія дѣла Франціи для возстановленія въ ней „законнаго порядка“ послѣ вторичнаго захвата власти Наполеономъ. Хотя внѣшнимъ образомъ договоръ этотъ ничѣмъ не былъ связанъ съ Священнымъ Союзомъ, но достаточно уже того факта, что большинство договаривающихся составляли въ то же время и руководящее большинство Священнаго Союза, чтобы понять, почему послѣдній, уже съ первыхъ же дней своего существованія, явно клонился къ превращенію въ органъ международнаго надзора надъ Европой.

Договоръ 20 ноября 1815 г.

Всѣми силами старался содѣйствовать такому превращенію тогдашній руководитель австрійской политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, князь Меттернихъ (1773—1859) [1]). Непримиримый противникъ революцій и конституціоннаго режима, который въ его

Меттернихъ

[1]) W. Binder. Fürst von Metternich und sein Zeitalter. Ludwigsburg, 1836; Louis de Loménie. M. de Metternich. Paris, 1840; Grosshoffingen. Fürst v. Mitternich und das österr. Staatssystem. 1816.

глазахъ являлся одновременно плодомъ революцій и источникомъ дальнѣйшихъ переворотовъ и волненій, Меттерних былъ убѣжденнымъ сторонникомъ въ политической жизни того, что онъ называлъ „покоемъ“, и монархическаго абсолютизма, какъ режима, который по его мнѣнію всего лучше гарантировалъ такой „покой“. Другими словами, Меттернихъ былъ выразителемъ и носителемъ идей политическаго консерватизма и монархическаго абсолютизма въ ихъ наиболѣе рѣзкой формѣ. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ столько же на почвѣ традицій габсбургской политики (традицій, потерпѣвшихъ временное нарушеніе при Іосифѣ II), сколько и на почвѣ ближайшихъ интересовъ Австрійской монархіи, для которой, въ виду ея пестраго этнографическаго состава, связанныя съ національностическими стремленіями революціонныя движенія представляли сугубую опасность.

Священный Союзъ, къ религіозно-этической сторонѣ котораго (а въ ней, именно, заключался въ глазахъ его творца, Александра I, главный смыслъ союза) Меттернихъ относился съ ироническимъ пренебреженіемъ, былъ для него интересенъ главнымъ образомъ заключавшимися въ немъ реакціонными тенденціями и признаніемъ принципа вмѣшательства. И то и другое совершенно отвѣчало видамъ Меттерниха, а обстоятельства складывались какъ нельзя благопріятнѣе въ пользу ихъ осуществленія.

Первымъ шагомъ къ примѣненію принциповъ, провозглашенныхъ открыто актомъ Священнаго Союза и подкрѣпленныхъ секретнымъ договоровомъ 20 ноября 1815 года, былъ конгрессъ въ Ахенѣ, созваннаго по поводу возбужденнаго французскимъ правительствомъ ходатайства о досрочномъ очищеніи Франціи союзными войсками, въ виду готовности послѣдней выплатить досрочно часть наложенной на нее контрибуціи. Собравшійся осенью 1818 года въ Ахенѣ конгрессъ, на которомъ присутствовали государи Россіи, Австріи и Пруссіи и уполномоченные министры пяти великихъ державъ (въ томъ числѣ Меттернихъ), съ тѣмъ большей готовностью удовлетворилъ ходатайство Франціи, что долговременное пребываніе союзныхъ войскъ во Франціи успѣло замѣтно отразиться на настроеніи ихъ, особенно въ лицѣ ихъ офицерскаго состава, неблагопріятнымъ, съ точки зрѣнія ихъ правительствъ, образомъ. Конгрессъ въ Ахенѣ.

Императоръ Александръ I, истинный творецъ Священнаго Союза, лично былъ настроенъ въ либеральномъ духѣ. Только благодаря его настояніямъ, реставрація во Франціи сопровождалась установленіемъ конституціоннаго режима, который онъ продол-

жалъ и потомъ охранять противъ абсолютистскихъ поползновеній Людовика XVIII. Александръ I оказывалъ всяческую поддержку тѣмъ изъ германскихъ государей, которые ввели у себя конституцію. Конституціонныя правительства и партіи всей Европы смотрѣли на него, какъ на патрона конституціоннаго режима въ Европѣ. Но мало по малу Александръ, испуганный обнаружившимися признаками революціоннаго броженія въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, сталъ все болѣе и болѣе склоняться въ сторону той активной контръ-революціонной и реакціонной политики, которую князь Меттерних практиковалъ у себя въ Австріи и которую онъ желалъ распространить и на остальную Европу. Благодаря происшедшему перевороту въ настроеніи императора Александра, Меттерниху удалось безъ труда направить окончательно дальнѣйшую дѣятельность конгресса въ то русло, куда уже и безъ того направлялась политика участниковъ Священнаго Союза. Участниками конгресса была подписана конвенція (9 октября 1820 г.), которой они обязывались дѣйствовать совмѣстно вооруженною силой для возстановленія существующаго порядка во Франціи, въ случаѣ возникновенія въ ней революціоннаго движенія. „Конгрессъ ободрилъ друзей порядка и мира во всѣхъ странахъ и вызвалъ тревогу въ рядахъ новаторовъ и заговорщиковъ“, писалъ послѣ конгресса Меттернихъ, счастливый торжествомъ своихъ излюбленныхъ идей.

Вскорѣ представился случай для практическаго примѣненія провозглашеннаго державами принципа международной охраны внутренняго порядка въ европейскихъ государствахъ. Поводъ къ этому былъ данъ двумя революціонными покушеніями, имѣвшими мѣсто въ 1819 году. Нѣмецкій писатель Коцебу, состоявшій на службѣ у русскаго правительства, былъ убитъ однимъ экзальтированнымъ нѣмецкимъ студентомъ. Около того же времени другой студентъ покушался на убійство министра одного изъ германскихъ княжествъ. Слѣдствіемъ была обнаружена принадлежность обоихъ убійцъ къ тайнымъ студенческимъ организаціямъ революціоннаго характера. По этому поводу, по иниціативѣ Меттерниха, собралась въ Карлсбадѣ конференція германскихъ князей для выработки мѣръ борьбы съ революціей. Конференція постановила закрыть существовавшія легальныя студенческія организаціи, подчинить университеты надзору властей при посредствѣ особыхъ „попечителей“ и усилить цензуру. Постановленія эти были проведены затѣмъ черезъ Союзный сеймъ, за которымъ было признано право вмѣшательства во внутреннія дѣла отдѣльныхъ германскихъ го-

Карлсбадская конференція.

сударствъ для возстановленія и поддержанія внутренняго порядка, даже если бы мѣстное правительство и не просило о такомъ вмѣшательствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ конференціей была учреждена особая союзная комиссія изъ семи членовъ для разслѣдованія существующихъ революціонныхъ организацій и „демагогическихъ сообществъ“. Никакого революціоннаго заговора этой комиссіи, однако, не удалось открыть. Но произведенный покушеніями переполохъ и постановленія конференціи имѣли своимъ результатомъ усиленіе репрессій со стороны отдѣльныхъ правительствъ, особенно въ Пруссіи, не только противъ революціонныхъ организацій, но и противъ всего, что походило на оппозицію противъ правительства или на критику существующаго порядка. Всякое проявленіе самаго скромнаго либерализма преслѣдовалось, какъ опасная „демагогія“. Борьба противъ революціи вырождалась въ крайнюю реакцію, принимавшую зачастую уродливыя формы.

Вспыхнувшая въ слѣдующемъ 1820 году революція въ Испаніи выдвинула вопросъ о примѣненіи признаннаго уже державами принципа совмѣстнаго вооруженнаго вмѣшательства для подавленія революціонныхъ движеній. Рѣшеніе этого вопроса затянулось вслѣдствіе оппозаціи Англіи, ссылавшейся на неудобство такого вмѣшательства, какъ оскорбительнаго для національнаго достоинства Испаніи. Тѣмъ временемъ разразилась революція въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Послѣдняя не замедлила найти себѣ отголосокъ и въ австрійской Италіи. Австрійское правительство не скрывало своего намѣренія подавить революцію вооруженною силой, ссылаясь на то, что императоръ Австрійскій, въ силу географическаго положенія имперіи, является „естественнымъ стражемъ и защитникомъ общественнаго спокойствія въ Италіи“. Но державы, въ особенности Франція, вовсе не были расположены предоставить Австріи единолично хозяйничать въ Италіи и, быть можетъ, окончательно поглотить ее. Въ результатѣ было рѣшено созвать новый конгрессъ.

Конгрессъ въ Троппау и Лайбахъ.

Конгрессъ открылся въ октябрѣ 1820 г. въ Троппау (Силезія). Кромѣ уполномоченныхъ министровъ и пословъ пяти великихъ державъ, на немъ присутствовали оба императора и наслѣдный принцъ прусскій. Вопросъ о вмѣшательствѣ въ дѣла Неаполитанскаго королевства вызвалъ расколъ между великими державами. Абсолютистская Австрія, устами Меттерниха, настаивала на немедленномъ подавленіи международными войсками неаполитанской революціи и возстановленіи въ Неаполѣ „законнаго порядка“. Конституціонная Англія, естественно, стояла на противоположной точкѣ

зрѣнія, къ которой склонялась и Франція. Императоръ Александръ I вначалѣ колебался, но полученныя имъ вѣсти о новыхъ проявленіяхъ революціоннаго движенія въ Россіи склонили его въ пользу австрійской точки зрѣнія, которая къ тому же нашла себѣ поддержку и со стороны Пруссіи. Такимъ образомъ, большинство высказалось за вмѣшательство. Была принята и опубликована декларація, которая гласила: „Неаполитанская революція носитъ сама по себѣ слишкомъ тревожный характеръ, чтобъ не привлечь къ себѣ вниманія государей. Они видятъ въ ней тотъ самый духъ мятежа и безпорядка, отъ котораго давно уже страдаетъ міръ. Монархи постановили не признавать законнымъ того порядка, который установленъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ революціоннымъ и захватнымъ путемъ". Вслѣдствіе этого, державы отказываются вступать въ какія бы то ни было сношенія съ революціоннымъ правительствомъ и приглашаютъ Неаполитанскаго короля явиться лично для переговоровъ въ Лайбахъ (Любляну), куда имѣлось въ виду перенести конгрессъ. Кромѣ Неаполитанскаго короля на конгрессъ приглашались и другіе итальянскіе государи. Интересно, что Англія и Франція, оставшіяся при особомъ мнѣніи по этому вопросу о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Неаполя, отказались подписать эту декларацію. Такимъ образомъ, союзъ пяти великихъ державъ раздвоился: конституціонное меньшинство (Англія и Франція) отказалось итти за абсолютистскимъ большинствомъ (Россія, Австрія и Пруссія).

Король Фердинандъ I, котораго передъ отъѣздомъ въ Любляну, заставили дать клятвенное обѣщаніе въ томъ, что онъ будетъ защищать конституцію, отрекся отъ всѣхъ своихъ актовъ революціоннаго времени, какъ вынужденныхъ силой, лишь только переѣхалъ границу своего королевства. На конгрессѣ онъ потребовалъ возстановленія стараго порядка въ Неаполѣ вооруженною силой. Выполнить эту задачу было поручено Австріи. Посланная ею 50-тысячная армія заняла въ нѣсколько дней королевство и столицу, почти не встрѣтивъ сопротивленія. Неаполитанское королевство осталось занятымъ австрійскими войсками въ обезпеченіе возстановленнаго порядка, безъ опредѣленія срока оккупаціи; рѣшеніе вопроса о послѣднемъ было отложено до слѣдующаго конгресса.

Возникшее вслѣдъ за неаполитанской революціей подобное же движеніе въ Пьемонтѣ было также подавлено при содѣйствіи австрійскихъ штыковъ

Предусмотрѣнный въ Лайбахѣ слѣдующій конгрессъ, кото-

рому предстояло окончательно урегулировать итальянскія дѣла, собрался осенью 1822 года въ Веронѣ (въ Венеціанской области). По просьбѣ Фердинанда I, было постановлено продлить австрійскую оккупацію Неаполитанскаго королевства. Но затѣмъ вниманіе конгресса было сосредоточено главнымъ образомъ на испанскихъ дѣлахъ. Фердинандъ VII самъ просилъ о вмѣшательствѣ великихъ державъ для подавленія революціоннаго движенія въ Испаніи. На этотъ разъ противъ вмѣшательства высказалась лишь Англія. Франція, гдѣ въ это время возобладало вліяніе реакціонныхъ партій, не только не возражала противъ вмѣшательства, но даже согласилась взять на себя порученіе державъ „возстановить въ Испаніи законную власть“. Весной 1823 года стотысячная французская армія вступила въ Испанію, гдѣ къ ней присоединилась „апостольская армія“ испанскихъ контръ-революціонеровъ. Французы безъ труда заняли Испанію, не встрѣтивъ нигдѣ сопротивленія, за исключеніемъ лишь крѣпости Трокадеро, защищавшей портъ Кадиксъ; она была взята приступомъ. Революціонное движеніе было подавлено, конституція отмѣнена, а старый абсолютизмъ былъ возстановленъ въ болѣе рѣзкой формѣ.

Конгрессъ въ Веронѣ.

Испанская экспедиція 1823 года была послѣднимъ актомъ вооруженнаго вмѣшательства державъ во внутреннія дѣла европейскихъ государствъ, какъ постановленіе веронскаго конгресса было послѣднимъ актомъ солидарности державъ Священнаго Союза. Послѣдній фактически держался на согласіи трехъ абсолютныхъ монархій, Россіи, Австріи и Пруссіи, при непостоянной поддержкѣ Франціи и при систематическомъ противодѣйствіи Англіи. Но и взаимная солидарность трехъ абсолютныхъ монархій была далеко не прочной, какъ это не замедлило вскорѣ обнаружиться. Поводомъ къ этому послужило возстаніе грековъ противъ турецкаго владычества [1]).

Возстаніе грековъ и начало раскола въ Союзѣ.

Будучи не въ силахъ бороться собственными силами противъ турокъ, греческіе повстанцы послали своихъ делегатовъ на веронскій конгрессъ, прося христіанскія державы заступиться за нихъ. Меттерних, видѣвшій въ возставшихъ грекахъ революціонеровъ, бунтующихъ противъ своего законнаго государя, султана, настаивалъ на отказѣ. Однако императоръ Александръ I не считалъ возможнымъ успокоиться на столь простомъ рѣшеніи греческаго вопроса, который онъ, вмѣстѣ съ широкими кругами русскаго и

[1]) Ph. de Charnisay. L'insurrection hellénique et la diplomatie européenne. Paris, 1904; Kasasis. Griechen und Bulgaren in XIX—XX Jahrh. Leipzig, 1908; Bartholdi. Geschichte Griechenlands. 2 Bde. Leipzig, 1870.

европейскаго общества, склоненъ былъ разсматривать съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Дѣло возставшихъ грековъ, въ которыхъ видѣли не только угнетенныхъ мусульманами христіанъ, но и—пожалуй прежде всего—порабощенныхъ варварами потомкомъ Ѳемистокловъ, Перикловъ и Платоновъ, вызвало всеобщее сочувствіе въ Европѣ, за исключеніемъ лишь тѣхъ узко-реакціонныхъ круговъ, вдохновителемъ которыхъ былъ Меттернихъ. Въ частности въ Россіи возставшіе греки вызывали сочувствіе къ себѣ, какъ единовѣрцы. Императоръ Александръ, который лично вполнѣ раздѣлялъ эти симпатіи къ грекамъ, вовсе не былъ склоненъ предоставить возставшихъ ихъ собственной участи, какъ этого хотѣлъ Меттернихъ и его единомышленники. Обнаружившійся въ этомъ вопросѣ разладъ между Россіей и Австріей, то-есть между двумя главными столпами Священнаго Союза, былъ для него роковымъ симптомомъ. Императоръ Александръ не терялъ надежды разрѣшить греческій вопросъ на почвѣ взаимной солидарности великихъ державъ; но всѣ попытки его въ этомъ направленіи разбились въ концѣ концовъ о скрытую обструкцію Австріи. Александръ I хлопоталъ о созывѣ новаго конгресса (въ Петербургѣ), но Меттернихъ, которому греки были ненавистны, какъ революціонеры, желалъ всячески отсрочить возможную поддержку имъ со стороны Европы и потому всѣми мѣрами оттягивалъ осуществленіе конгресса. Это ему удалось съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что онъ нашелъ себѣ въ данномъ случаѣ союзника въ лицѣ Англіи, которая также относилась отрицательно къ конгрессу, который могъ ей связать руки; она предпочитала вести свою самостоятельную политику. Въ результатѣ, с.-петербургскій конгрессъ, объявленный императоромъ Александромъ еще въ октябрѣ 1823 года, собрался лишь въ февралѣ 1825 года, въ то время, когда греческое возстаніе было почти раздавлено. Вдобавокъ мысль русскаго императора о совмѣстной активной поддержкѣ грековъ державами не встрѣтила сочувствія конгресса, который ограничился лишь почти платоническимъ постановленіемъ объ обращеніи державъ къ турецкому правительству съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи законныхъ пожеланій христіанскихъ подданныхъ Турціи. Это было равносильно признанію Священнаго Союза въ своемъ полномъ безсиліи. Дальнѣйшимъ тяжелымъ ударомъ для Священнаго Союза была смерть Александра I (1 декабря 1825 года по новому стилю), который былъ душой Союза. Преемникъ почившаго, Николай I (1825—1855), не раздѣлялъ въ этомъ отношеніи, какъ впрочемъ и во многихъ другихъ, взгля-

Смерть Александра I и перемѣна русской политики

довъ своего брата. Онъ считалъ, что Россіи, у которой есть свои собственные государственные и національные интересы, не слѣдъ ставить свою политику въ зависимость отъ согласія или несогласія другихъ державъ. Онъ хотѣлъ вывести Россію на тотъ путь самостоятельной національной политики, на которомъ стояла въ ту пору Англія. Съ самаго вступленія своего на престолъ императоръ Николай дѣйствовалъ во внѣшней политикѣ такъ, какъ если бы Священнаго Союза вовсе не существовало. Игнорируя послѣдній, онъ вступилъ въ переговоры съ Англіей, которая для себя рѣшила греческій вопросъ тѣмъ, что, не дожидаясь согласія другихъ великихъ державъ, вступила въ сношенія съ временнымъ инсуррекціоннымъ правительствомъ, что въ сущности было равносильно признанію послѣдняго. Англія явно взяла подъ свое покровительство возставшихъ грековъ, чѣмъ заранѣе обезпечила себѣ преобладающее вліяніе въ нарождавшемся новомъ христіанскомъ государствѣ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Россія вступила въ соглашеніе съ Англіей (апрѣль 1826 г.); къ этому соглашенію присоединилась въ слѣдующемъ году и Франція (іюль 1827 г.). Три державы обязались дѣйствовать солидарно для разрѣшенія греческаго вопроса въ смыслѣ образованія изъ Греціи автономнаго княжества подъ номинальнымъ суверенитетомъ Турціи. Турція отказалась принять предложенныя державами условія, и началась война. Но на этотъ разъ европейскія державы послали вооруженныя силы для поддержанія возстанія подданныхъ противъ ихъ государя. Правда, государь этотъ былъ султанъ, стоявшій внѣ европейскаго концерта и какъ бы внѣ тогдашняго международнаго права, но все-таки поведеніе трехъ державъ въ этомъ случаѣ глубоко и принципіально расходилось съ политикой Священнаго Союза и ея вдохновителя Меттерниха. Война за освобожденіе Греціи была торжественнымъ погребеніемъ Священнаго Союза и окончательнымъ разрывомъ съ „системой Меттерниха“. Конецъ Священнаго Союза

Происшедшій въ 1830 году во Франціи политическій переворотъ и вызванныя имъ революціонныя движенія въ другихъ частяхъ Европы были наглядньмъ удостовѣреніемъ смерти Священнаго Союза и конца системы Меттерниха. Революціонныя движенія 1830 года въ то же время впервые серьезно потрясли все возведенное вѣнскимъ конгрессомъ грандіозное сооруженіе. Революція 1830 года разрушила возстановленную державами и ими гарантированную „легитимную монархію“ Бурбоновъ, на мѣсто которой поставила креатуру революціи, „короля баррикадъ“, Луи-Филиппа, принявшаго власть во

имя провозглашеннаго великой революціей народнаго верховенства и возстановившаго эмблему революціи, трехцвѣтное знамя.

VI. Конституціонная монархія во Франціи и революція 1830 г.

Источники и литература.

I. Документальные источники и записки современниковъ: Mavidal et Laurent. Archives parlamentaires, 2 série; Duguit et Monnier. Les constitutions et principales lois politiques de la France depuis 1789. Paris, 1898; Lesur. Annuaire historique. Paris, 1822—1831; Guizot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. 9 vol. Paris, 1858—1868; Chateubriand. Mémoires d'Outre-tombe. 6 vol. Paris, 1898—1900; Correspondance de Chateaubriand. 2 vol. Paris, 1858; Correspondance de Lamennais. 2 vol. Paris, 1865; comte de Montalivet. Fragments et souvenirs. Paris, 1899; Comte de Moré. Mémoires. Paris, 1898; Montlosier. Mémoires. Paris, 1829; comte de Reiset. Mes souvenirs. 3 vol. Paris, 1901; comte de Salaberry. Souvenirs politiques. Paris, 1900; comte de Serre. Correspondance. 6 vol. Paris, 1876—1877; Mémoires du baron d'Hausset, dernier ministre de la Marine sous la Restauration. Paris, 1896; Edmond Biré. Mémoires et souvenirs (1789—1830). 3 vol. Paris, 1895—1898; L. Véron. Mémoires d'un bourgeois de Paris. 6 vol. Paris, 1853; Rémusat. Correspondance pendant les primières années de la Restauration. 6 vol. Paris, 1883—1887.—II. Новѣйшія сочиненія: Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX в. 4 т. Москва, 1897; Н. И. Карѣевъ. Политическая исторія Франціи въ XIX в. Спб. 1900; Пельтанъ. Исторія Франціи съ 1815 г. Спб. 1903; Guillon. 80 ans d'histoire nationales, 1815—1895. Paris, 1896; G. Stenger. Le retour des Bourbons. Paris, 1908; J. Bonnefon. Le régime parlementaire sous la Restauration. Paris, 1905; L. Michon. Le gouvernement parlementaire sous la Restauration. Paris, 1905; P. Rain. L'Europe et la Restauration des Bourbons. Paris, 1908; Barhélemy. L'introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X. Paris, 1904; E. Guillon. Les complots militaires sous la Restauration. Paris, 1895; G. Weil. Histoire du parti républicain en France. Paris, 1900 (есть по-русски).

Монархія реставраціи во Франціи (1815—1830).

Людовикъ XVIII и ультра-роялисты.

Горькій опытъ „ста дней“ не остался безплоднымъ для Людовика XVIII. Онъ понялъ, что возвращеніе къ старому порядку, какъ того желали нѣкоторые изъ окружавшихъ его совѣтниковъ, невозможно, и что упрочить возстановленный тронъ возможно лишь путемъ извѣстныхъ уступокъ новымъ идеямъ и требованіямъ. На этой почвѣ Людовику XVIII даже пришлось выдержать борьбу съ партіей крайнихъ роялистовъ, оказавшихся въ большинствѣ въ первой палатѣ реставраціи. Побѣда ультра-роялистовъ, желавшихъ быть „болѣе роялистами, чѣмъ самъ король“, объясняется тѣмъ, что со вторичнымъ вступленіемъ войскъ коалиціи во Францію и возвращеніемъ Людовика XVIII, разыгралось сильное реакціон-

ное движеніе въ странѣ, при чемъ роялисты, нашедшіе себѣ поддержку въ озлобленномъ новымъ нашествіемъ иноземцевъ населеніи, искусно направляли народный гнѣвъ на имперіалистовъ и революціонеровъ, какъ виновниковъ этого національнаго бѣдствія. Послѣдніе подверглись во многихъ мѣстахъ кровавой расправѣ. Въ самый разгаръ этого новаго „бѣлаго террора“ имѣли мѣсто выборы въ палату. Естественно, что въ такой обстановкѣ большинство избирателей, которые могли опасаться за свою безопасность въ силу своихъ политическихъ симпатій, предпочли воздержаться отъ участія въ выборахъ и тѣмъ отдали ихъ судьбу въ руки ультра-роялистовъ.

«Палата, какой не сыскать».

На первыхъ порахъ палата своими монархическими тенденціями произвела пріятное впечатлѣніе на Людовика XVIII. „Другой такой не сыскать!“ (Une pareille Chambre est introuvable!) — замѣтилъ онъ съ удовольствіемъ. Это слово короля было подхвачено оппозиціей, сдѣлавшей изъ него ироническую характеристику палаты: „палата, какой не сыскать“ (Chambre introuvable). Съ первыхъ же шаговъ своихъ она вступила на путь воинствующей реакціи. Она дебютировала изданіемъ цѣлаго ряда законовъ, которыми совершенно отмѣнялись всякія гарантіи личной свободы, и вводился, въ дополненіе къ народному „бѣлому террору“, терроръ правительственный. Въ силу этихъ законовъ, могъ быть лишенъ свободы безъ суда и слѣдствія всякій, кто чѣмъ бы то ни было проявитъ свое неуваженіе къ королевской власти или будетъ признанъ опаснымъ для государственнаго порядка; произнесеніе „мятежныхъ возгласовъ“ наказывалось каторжными работами; наконецъ, для суда надъ лицами, заподозрѣнными въ политической неблагонадежности, учреждались въ каждомъ департаментѣ спеціальные трибуналы, которые судили безъ участія присяжныхъ. Въ своемъ реакціонномъ увлеченіи, палата требовала у правительства „очищенія“ администраціи отъ старыхъ чиновниковъ, назначенныхъ при Наполеонѣ, и замѣщенія ихъ ультра-роялистами. Палата хотѣла подвергнуть чисткѣ и само министерство, которое она находила не достаточно роялистскимъ. Она настаивала на томъ, чтобы король замѣнилъ своихъ министровъ, не пользовавшихся довѣріемъ палаты, другими лицами изъ числа господствующей въ парламентѣ партіи (какъ это практиковалось въ Англіи). Такимъ образомъ, принципіальные приверженцы королевскаго абсолютизма, подъ вліяніемъ увлеченія партійной борьбой, становились защитниками одного изъ основныхъ принциповъ парламентаризма. Ультра-роялистская палата очутилась въ опози-

ціи съ короной. „Если имъ предоставить полную свободу, замѣтилъ Людовикъ XVIII въ разговорѣ съ однимъ изъ иностранныхъ пословъ о господствующей въ палатѣ партіи,—то эти господа подвергли бы въ концѣ концовъ чисткѣ и меня самого".

Палата не скрывала своего намѣренія „возстановить все, что было низвергнуто Учредительнымъ собраніемъ", и между прочимъ собиралась возвратить распроданныя во время революціи національныя имущества ихъ прежнимъ собственникамъ, что грозило серьезными внутренними потрясеніями. Кончилось тѣмъ, что Людовикъ XVIII, слѣдуя совѣту русскаго и англійскаго правительствъ, считавшихъ своимъ долгомъ поддерживать установленный подъ ихъ вліяніемъ умѣренно-конституціонный режимъ во Франціи, распустилъ палату и назначилъ новые выборы.

На новыхъ выборахъ ультра-роялисты потерпѣли пораженіе; они продолжали терять свои мѣста въ палатѣ и при дальнѣйшихъ частичныхъ выборахъ, въ силу того параграфа конституціи, который предусматривалъ частичное ежегодное возобновленіе пятой части состава палаты. Рѣшительный перевѣсъ получили въ новой палатѣ роялисты-конституціоналисты, которые поддерживали умѣренно-либеральную политику Людовика XVIII. Но въ февралѣ 1820 года племянникъ короля, герцогъ Беррійскій, палъ отъ руки одного рабочаго-революціонера. Вызванная этимъ террористическимъ актомъ реакція въ обществѣ снова склонила перевѣсъ на сторону ультра-роялистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ отецъ убитаго, братъ короля и наслѣдникъ престола, графъ д'Артуа (будущій Карлъ X). Это убійство, совпавшее съ началомъ революціонныхъ движеній въ Испаніи и Италіи, не могло не отразиться и на личномъ настроеніи Людовика XVIII, а окружавшіе короля ультра-роялисты не замедлили воспользоваться этимъ, для того чтобы окончательно склонить на свою сторону престарѣлаго короля. При этомъ они получили возможность ссылаться на голосъ націи, высказавшейся на послѣднихъ частичныхъ выборахъ въ палату въ пользу ультра-роялистовъ, хотя въ дѣйствительности палата не могла считаться авторитетной выразительницей настроенія всей націи, ввиду того, что, въ силу высокаго имущественнаго ценза, положеннаго въ основу избирательнаго права (избирателемъ могло быть лишь лицо, платившее свыше 300 франковъ въ годъ государственныхъ налоговъ), избирательное право было привилегіей сравнительно незначительнаго богатаго меньшинства націи (около 100.000 изъ 25 милліоновъ всего населенія Франціи). Во главѣ новаго ультра-реакціоннаго министерства сталъ Виллель (1773—1854), одинъ изъ

Убійство герцога Беррійскаго.

Виллель

лидеровъ партіи „ультра“ въ палатѣ. Чтобы упрочить перевѣсъ своей партіи, опиравшейся главнымъ образомъ на дворянство и крупную буржуазію, правительство провело новый законъ, въ силу котораго избиратели съ повышеннымъ цензомъ (до 1000 фр.), были поставлены въ особое, привилегированное положеніе, дававшее имъ возможность оказывать рѣшающее вліяніе на выборы почти двухъ пятыхъ всего состава палаты. Кромѣ того, при новомъ частичномъ возобновленіи палаты (въ 1824 г.), правительство оказало самое рѣшительное давленіе на выборы. Всѣмъ чиновникамъ было строго предписано вотировать за правительственныхъ кандидатовъ. Префектамъ было внушено исправлять списки избирателей, устраняя изъ нихъ неудобныхъ лицъ, для чего достаточно было понизить податной окладъ того или другого лица ниже требуемой избирательнымъ цензомъ цифры. Въ результатѣ партія „ультра“ получила такой перевѣсъ въ новой палатѣ, что ее, по воспоминанію о ея предшественницѣ 1815—1816 г., прозвали иронически „chambre retrouvée“, то-есть „палата, которую удалось сыскать“. Чтобы обезпечить столь желательный, съ точки зрѣнія правительства, составъ палаты отъ возможныхъ его измѣненій при ежегодномъ частичномъ измѣненіи ея состава, Виллель поспѣшилъ провести законъ, въ силу котораго палата избиралась на семь лѣтъ, при чемъ отмѣнялось прежнее частичное ежегодное обновленіе ея состава.

«Палата, которую удалось сыскать».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ открытія сессіи новой палаты (23 марта) умеръ Людовикъ XVIII (16 сентября 1824 г.), и французскій престолъ занялъ его братъ графъ д'Артуа, давнишній и признанный глава ультра-роялистской партіи, подъ именемъ Карла X (1824—1830).

Карлъ X.

Властное положеніе крайнихъ роялистовъ достигло теперь своего апогея: палата, министерство, корона—все было въ ихъ рукахъ.

Партія и король, фактически оставшійся ея главой, принялись съ удвоенной энергіей за дѣло реставраціи стараго порядка, о которомъ въ началѣ царствованія Людовика XVIII мечтали тѣ люди, которые „ничего не забыли и ничему не научились“. Съ настроеніемъ страны, которая, въ массѣ по крайней мѣрѣ, отнюдь не склонна была тяготѣть къ такой реставраціи, не находили нужнымъ считаться. Реставраціонныя тенденціи свои Карлъ X не только не считалъ нужнымъ скрывать,—онъ ихъ старался, напротивъ, подчеркнуть. Людовикъ XVIII не короновался; Карлъ X возобновилъ для себя этотъ старинный обрядъ, со всѣми его традиціонными аксессуарами, совершенно не соотвѣтствовавшими новому поло-

женію конституціонной короны и не гармонировавшими съ новыми господствующими взглядами. Какъ религіозный обрядъ, коронованіе не произвело благопріятнаго впечатлѣнія; какъ символическое возвращеніе къ старому порядку, оно вызвало безусловно отрицательное отношеніе къ себѣ со стороны общественнаго мнѣнія и послужило лишь матеріаломъ для насмѣшливыхъ стиховъ и язвительныхъ каррикатуръ.

Подобное же символическое значеніе возвращенія къ старому порядку имѣлъ проведенный Виллелемъ, въ числѣ первыхъ, законъ о святотатствѣ, по которому кража въ церквахъ и оскорбленіе святыни наказывались смертной казнью. Впрочемъ, законъ этотъ находился въ столь рѣшительномъ противорѣчіи съ господствующими понятіями, что онъ фактически остался безъ практическаго примѣненія.

То, чего не удалось добиться ультра-роялистамъ при Людовикѣ XVIII, генеральной чистки администраціи, было въ самое короткое время осуществлено Виллелемъ. Множество чиновниковъ, назначенныхъ въ эпоху либеральнаго режима, были замѣнены ультра-роялистами. Подобной же чисткѣ подверглась и армія. Разомъ было уволено до двухсотъ пятидесяти генераловъ, начавшихъ свою службу въ эпоху революціи и имперіи.

Отъ мысли возвратить національныя имущества ихъ прежнимъ обладателямъ, какъ практически совершенно неосуществимой, и къ тому же противорѣчащей конституціи, которая гарантировала частную собственность ея теперешнимъ обладателямъ, независимо отъ ея происхожденія, правительство Виллеля отказалось; но по его предложенію палата вотировала милліардъ франковъ для вознагражденія лицъ, потерпѣвшихъ отъ революціонныхъ конфискацій. Этотъ „эмигрантскій милліардъ“, какъ его прозвали, выставлялся его приверженцами, какъ „актъ справедливости и политической мудрости“. Въ этомъ актѣ, несомнѣнно, имѣлся и элементъ справедливости, поскольку онъ стремился загладить давнишнюю несправедливость; имѣлся въ немъ и элементъ „политической мудрости“, поскольку онъ вносилъ успокоеніе въ страну, покончивши разъ навсегда съ тѣмъ, что̀ служило источникомъ постоянной тревоги многочисленныхъ обладателей прежнихъ національныхъ имуществъ. Но въ общемъ законъ объ „эмигрантскомъ милліардѣ“ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на населеніе, которое въ массѣ своей вовсе не было склонно усматривать справедливость въ новомъ и значительномъ увеличеніи государственнаго долга, а слѣдовательно и податной тягости, единственно для того, чтобы воз-

наградить тѣхъ людей, которые сами или ихъ отцы еще недавно сражались въ рядахъ непріятелей.

Неблагопріятное впечатлѣніе на общество производили также и ясно выраженныя клерикальныя тенденіи правительства Карла X, искавшаго себѣ опоры въ рядахъ высшаго духовенства.

Ростъ оппозиціи.

Крайне реакціонный характеръ правительственной политики повелъ къ постепенному ослабленію того ультра-роялистскаго большинства, на которое опиралось правительство въ палатѣ. Часть болѣе умѣренныхъ роялистовъ перешла на сторону оппозиціи, ряды которой увеличились также нѣсколькими „измѣнниками“ изъ числа крайнихъ правыхъ, то-есть такими, которые перешли на сторону оппозиціи по причинамъ чисто личнаго свойства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе независимая отъ правительства Палата перовъ, въ качествѣ стража конституціи, съ которой не всегда находилась въ согласіи дѣятельность правительства, также становилась нерѣдко въ оппозиціонное отношеніе къ министерству. Она отвергла нѣсколько правительственныхъ законопроектовъ, въ томъ числѣ законопроектъ, которымъ предполагалось обязать издателей газетъ представлять каждый номеръ въ рукописи въ цензуру за пять дней до его напечатанія. Понятно, что проведеніе этого закона было бы равносильно совершенному уничтоженію ежедневной прессы. Во всякомъ случаѣ законопроектъ этотъ достаточно характеризуетъ направленіе правительственной политики въ эту пору.

Но правительство Карла X продолжало идти своимъ путемъ, отнюдь не смущаясь ростомъ оппозиціи, а лишь стараясь подавить ее—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оно не встрѣчало препятствій для осуществленія своей воли. Проявленія анти-правительственнаго настроенія въ обществѣ лишь раздражали правительство, отнюдь его не вразумляя. Парижане устраивали иллюминаціи, когда правительственные законопроекты проваливались въ палатѣ. Въ 1827 году на королевскомъ смотру національной гвардіи, изъ рядовъ ея раздались возгласы: „Да здравствуетъ хартія! Долой министровъ! Долой Виллеля!“ Эта оппозиціонная манифестація была тѣмъ знаменательнѣе, что гвардія вербовалась исключительно въ верхнихъ слояхъ парижской буржуазіи, то-есть въ одной изъ тѣхъ общественныхъ группъ, на которыя главнымъ образомъ и опиралась монархія Бурбоновъ послѣ реставраціи. Поэтому манифестація гвардіи имѣла значеніе серьезнаго симптома, надъ которымъ стоило задуматься правительству. Вмѣсто этого, Виллель добился отъ короля указа о роспускѣ гвардіи. Этимъ актомъ Карлъ X оттолкнулъ отъ себя парижскую буржуазію, которая въ сущности продолжала

оставаться ему вѣрной и выражала лишь недовольство его министрами. Своимъ шагомъ Карлъ X способствовалъ тому, что оппозиціонное настроеніе противъ министерства распространилось и на самого короля.

Побѣда оппозиціи.

Дальнѣйшія мѣры правительства лишь усилили недовольство и раздраженіе и заставили сплотиться всѣ оппозиціонные элементы. Чтобы сломить оппозицію Палаты перовъ, Карлъ X назначилъ 76 новыхъ перовъ изъ ультра-роялистовъ, послѣ чего оппозиція осталась въ меньшинствѣ. Вслѣдъ затѣмъ Карлъ X распустилъ нижнюю палату, въ разсчетѣ получить болѣе послушную палату при помощи правительственнаго давленія на выборы, по примѣру выборовъ 1824 года (ноябрь 1827 г.). Но на выборахъ всѣ оппозиціонные элементы сплотились и вотировали дружно противъ правительственныхъ кандидатовъ. Послѣдніе въ большинствѣ провалились, и оппозиція возвратилась въ палату въ подавляющемъ большинствѣ. Виллелю ничего не оставалось, какъ подать въ отставку.

Министерство Мартиньяка.

Королю пришлось взять новое министерство изъ умѣренныхъ роялистовъ, съ Мартиньякомъ во главѣ (январь 1828 г.). Но Карлъ X сдѣлалъ это лишь скрѣпя сердце и тяготился этимъ въ сущности навязаннымъ ему министерствомъ, либеральная политика котораго ему претила. „Я готовъ лучше быть дровосѣкомъ, чѣмъ королемъ на англійскій ладъ“, выразился какъ-то Карлъ X, и когда Мартиньякъ, потерпѣвшій пораженіе въ палатѣ по поводу одного представленнаго правительствомъ законопроекта, подалъ прошеніе объ отставкѣ, то послѣднее было принято съ радостью. Карлъ X поспѣшилъ назначить новое министерство по своему вкусу, то-есть изъ ультра-роялистовъ, своихъ приближенныхъ, по большей части бывшихъ эмигрантовъ, во главѣ съ княземъ Полиньякомъ.

Министерство Полиньяка.

Назначеніе Полиньяка (августъ 1828 г.), извѣстнаго своимъ крайнимъ роялизмомъ (ему приписывали выраженіе о конституціи 1815 года, что „это глупость“), встрѣченное ликованіемъ ультра-роялистовъ, вызвало раздраженіе и тревогу въ широкихъ общественныхъ слояхъ; въ немъ видѣли признакъ готовящагося реакціоннаго переворота. Такъ, именно, представлялось дѣло даже такимъ изъ постороннихъ наблюдателей, которые, по своему личному настроенію, должны были сочувствовать этой перемѣнѣ. „Перемѣна министерства, писалъ по этому поводу князь Меттернихъ, представляетъ собою событіе огромной важности. Это въ сущности— контръ-революція“.

Конституціоналисты и республиканцы, въ предвидѣніи реакціоннаго переворота, стали готовиться къ сопротивленію. Были организованы въ Парижѣ и въ провинціи тайныя общества и „лиги“ для пропаганды массоваго отказа правительству въ уплатѣ налоговъ, въ случаѣ если бы оно вздумало дѣйствовать безъ согласія палатъ. Группа либераловъ въ Парижѣ подготовляла, на случай попытки реакціоннаго переворота, переворотъ въ пользу герцога Орлеанскаго. Это было началомъ партіи орлеанистовъ, которая съ начала 1830 года стала издавать свою газету подъ редакціей Армана Карреля (1800—1836) и при дѣятельномъ сотрудничествѣ молодого журналиста Тьера (1797—1877). Въ виду цензурныхъ условій, эта партія вела свою газетную пропаганду главнымъ образомъ въ формѣ восхваленія англійской „консервативной революціи“ 1688 года, замѣнившей на тронѣ одно лицо другимъ, не трогая существующаго строя.

Начало партіи Орлеанистовъ

Между тѣмъ, Карлъ X считалъ свое положеніе вполнѣ обезпеченнымъ, увѣренный въ преданности арміи, въ особенности послѣ только-что одержанныхъ французскимъ оружіемъ блестящихъ успѣховъ въ Алжирѣ.

Въ началѣ марта 1830 года король открылъ засѣданія новой палаты тронною рѣчью, которая была найдена черезчуръ „строгой“ даже нѣкоторыми изъ его приближенныхъ, которымъ онъ показалъ черновой проектъ своей рѣчи. „Они вполнѣ того заслужили“, возразилъ Карлъ X. „Всюду, въ особенности въ Парижѣ, подкапываются подъ мою власть. Этого я больше не могу выносить“. Въ своей рѣчи король высказывалъ увѣренность, что палата отнесется „съ суровымъ осужденіемъ къ распространяемымъ злонамѣренными людьми инсинуаціямъ“ по его адресу, и продолжалъ: „Но если путемъ преступныхъ маневровъ будутъ воздвигнуты моему правительству затрудненія, которыхъ я не желаю предусматривать, то я найду достаточно силы для того, чтобы ихъ преодолѣть, въ твердой рѣшимости поддерживать общественный порядокъ и въ полной увѣренности въ неизмѣнной преданности французовъ ихъ королю“. Палата отвѣтила адресомъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: „Хартія, которою мы обязаны мудрости Вашего предшественника, устанавливаетъ принципъ участія страны въ обсужденіи общественныхъ интересовъ. Она устанавливаетъ, какъ необходимое условіе правильнаго хода общественныхъ дѣлъ, постоянное гармоническое взаимодѣйствіе между политикой Вашего правительства и желаніями Вашего народа. Государь, наша лояльность обязываетъ насъ сказать Вамъ, что этого взаимодѣйствія болѣе не суще-

Конфликтъ между королемъ и палатой.

ствуетъ". Другими словами, палата объявляла невозможнымъ работать совмѣстно съ существующимъ министерствомъ. Въ отвѣтъ Карлъ X издалъ ордонансъ объ отсрочкѣ засѣданій палаты до 1 сентября. Два мѣсяца спустя послѣдовалъ другой ордонансъ, которымъ палата объявлялась распущенной (май 1830 г.). Новые выборы были назначены на іюнь и іюль, и въ началѣ августа должна была собраться новая палата.

Распуская палату, Карлъ X лишь осуществлялъ одно изъ своихъ конституціонныхъ правъ; но въ виду общей тенденціи его политики, въ виду послѣднихъ событій, а также въ виду растущаго общественнаго возбужденія, этотъ актъ представлялся всѣмъ, какъ рѣшительный шагъ къ перевороту. Онъ вызвалъ тревогу даже среди наиболѣе преданныхъ королю лицъ, по крайней мѣрѣ—изъ числа наиболѣе проницательныхъ и трезвыхъ среди нихъ. Виллель, напримѣръ, писалъ по этому поводу: „Монархія представляется мнѣ крѣпостью, подкопанной во всѣхъ направленіяхъ минными и контръ-минными сооруженіями; достаточно малѣйшей искорки, чтобы произошелъ общій взрывъ". Не замѣчали этого только король и его первый министръ, который, по остроумному замѣчанію одного журналиста, „имѣлъ твердую рѣшимость, только не зналъ—на что".

Пораженіе правительства.

Между тѣмъ, новые выборы, несмотря на усиленное правительственное давленіе, вмѣсто ожидаемой побѣды, принесли правительству новое пораженіе: количество правительственныхъ депутатовъ еще сократилось сравнительно съ распущенной палатой, а оппозиція возвратилась въ усиленномъ составѣ, при чемъ были вновь избраны почти всѣ тѣ депутаты, которые подписали оппозиціонный адресъ королю.

Карлъ X былъ ошеломленъ, но рѣшилъ не отступать отъ разъ взятаго курса. „Уступки погубили Людовика XVI", говорилъ онъ и рѣшилъ идти напроломъ. Съ согласія съ своими министрами, онъ рѣшилъ снова распустить палату, затѣмъ посредствомъ ордонансовъ измѣнить избирательный законъ и подчинить прессу строгой цензурѣ, основываясь на 14-ой статьѣ конституціонной хартіи, которой за королемъ признавалось право „издавать ордонансы и регламенты, необходимые для исполненія законовъ и государственной безопасности". Въ строгомъ секретѣ были изготовлены четыре ордонанса, которые утромъ 26 іюля были опубликованы въ оффиціальномъ Монитерѣ.

Ордонансы 26 іюля 1830 г.

Первымъ отмѣнялась свобода печати и возстановлялась цензура.

Вторымъ палата объявлялась распущенной.

Третьимъ устанавливался новый порядокъ выборовъ въ па-

лату, сокращавшій число избирателей на три четверти противъ существующаго.

Четвертымъ назначились новые выборы въ палату, которая созывалась на 28 сентября.

Опубликованіе этихъ ордонансовъ послужило сигналомъ къ тѣмъ бурнымъ событіямъ, которыя получили названіе іюльской революціи.

Іюльская революція [1]).

Революція, какъ мы видѣли, не была неожиданностью для людей наблюдательныхъ, которые больше, чѣмъ за два мѣсяца до ея взрыва, чувствовали себя на вулканѣ или въ готовой къ взрыву крѣпости. Тѣмъ характернѣе близорукость и ослѣпленіе правительства и самого короля. Правительство и даже самъ парижскій префектъ полиціи были совершенно спокойны, въ полной увѣренности, что „Парижъ не шелохнется“. Поэтому никакихъ мѣръ на случай возможныхъ волненій не было принято. А король даже поѣхалъ утромъ на охоту въ Рамбулье, за 80 верстъ отъ Парижа. 26 іюля 1830 г.

Въ день появленія ордонансовъ порядокъ, дѣйствительно, не былъ нарушенъ, но не было недостатка въ трезожныхъ признакахъ. Биржа реагировала на ордонансы значительнымъ пониженіемъ государственной ренты. Группы журналистовъ и депутатовъ сходились для обсужденія положенія и составляли протесты, въ которыхъ уже говорилось о „сопротивленіи“. Однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ и краснорѣчивыхъ былъ протестъ, составленный Тьеромъ отъ имени группы либеральныхъ журналистовъ. Онъ гласилъ: „Законный порядокъ прерванъ, уступивъ мѣсто порядку, основанному на силѣ. Правительство нарушило законность и тѣмъ освободило насъ отъ обязанности ему повиноваться. Мы будемъ пытаться издавать листки, не испрашивая предписаннаго разрѣшенія. Правительство утратило свой законный характеръ, обязывающій къ повиновенію. Что насъ касается, мы ему будемъ сопротивляться; пусть Франція рѣшитъ сама, до какихъ предѣловъ должно идти ея собственное сопротивленіе“. Въ частности, ордонансъ о цензурѣ былъ публично заклейменъ коммерческимъ три-

---

[1]) Кромѣ приведенныхъ въ началѣ главы, см. болѣе спеціальныя монографіи объ іюльской революціи: Th. Juste. La Révolution de Juillet 1830. Bruxelles, 1883; Weil. La magistrature inamovible et la Révolution de 1830. Paris. 1889; Histoire de la Révolution de 1830. par X. Avec une préface par A. Esquiros, Lille, 1870; Charles X et Louis XVIII en exil. Mémoires inédits du marquis de Villeneuve. Paris, 1889.

буналомъ, который, по жалобѣ нѣсколькихъ издателей газетъ, обязалъ типографіи напечатать безъ задержки очередной номеръ, не взирая на только-что опубликованный ордонансъ, ибо послѣдній, какъ „противорѣчащій хартіи, не можетъ имѣть обязательной силы ни для священной и неприкосновенной личности короля, ни для гражданъ, правамъ которыхъ онъ наноситъ ущербъ".

Подъ вечеръ имѣло мѣсто нѣсколько уличныхъ манифестацій въ центрѣ столицы. Кричали: „Да здравствуетъ хартія! Долой министровъ! Долой Полиньяка!" Карета послѣдняго, узнанная на бульварѣ, спаслась лишь благодаря рѣзвости лошадей отъ враждебной толпы.

27 іюля 1830 г. На другой день уличные безпорядки приняли характеръ настоящаго вооруженнаго возстанія. Руководителями послѣдняго выступили немногочисленные въ ту пору, но хорошо организованные республиканцы, преимущественно изъ числа парижскихъ студентовъ, которымъ удалось увлечь за собой многочисленныхъ типографскихъ рабочихъ, очутившихся безъ работы вслѣдствіе закрытія многихъ газетъ и типографій. Послѣдніе дали республиканцамъ и призывавшимъ еще наканунѣ „къ сопротивленію" либераламъ ту матеріальную силу, которой не хватало тѣмъ и другимъ для практическаго осуществленія провозглашеннаго ими „сопротивленія" правительству. Рабочіе представляли благопріятный для этого матеріалъ, какъ благодаря господствовавшему среди нихъ оппозиціонному настроенію противъ правительства, такъ и благодаря посѣяннымъ среди нихъ проповѣдью первыхъ апостоловъ соціализма смутнымъ надеждамъ на улучшеніе своего соціальнаго и экономическаго положенія, въ случаѣ успѣха переворота. Толпы вооруженныхъ охотничьими ружьями и холоднымъ оружіемъ, подъ руководствомъ организованныхъ республиканцевъ, принялись строить въ узкихъ центральныхъ улицахъ баррикады. Одна изъ нихъ на улицѣ Сентоноре была къ вечеру взята съ бою войсками, но въ общемъ послѣдніе дѣйствовали вяло, отчасти по незначительной численности своей, отчасти потому, что солдатъ соединяло съ возставшими общее чувство непріязни къ правительству, отчасти, наконецъ, потому, что маршалъ Мармонъ, которому Карлъ X поручилъ въ это время командованіе надъ всѣми войсками столицы, объявленной на военномъ положеніи, не считалъ нужнымъ дѣйствовать энергично противъ возстанія; на послѣднее онъ смотрѣлъ, какъ на простую вспышку безпорядковъ, которую легко подавить, не прибѣгая къ кровопролитію.

Слѣдующій день принесъ съ собою рѣзкое опроверженіе этому оффиціальному оптимизму. Въ ночь на 28 іюля весь Парижъ покрылся баррикадами, сооруженными изъ камней мостовой, винныхъ бочекъ, наполненныхъ пескомъ и землей, срубленныхъ деревьевъ, опрокинутыхъ экипажей, мебели и проч. Трехцвѣтное республиканское знамя развѣвалось не только на вершинѣ баррикадъ, но и на многихъ казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ, которыми успѣли овладѣть повстанцы, въ томъ числѣ на городской думѣ, на арсеналѣ, на соборѣ Богоматери. Восточные кварталы столицы и частью центръ были въ рукахъ инсургентовъ. Министры принуждены были спасаться изъ своихъ квартиръ и искать убѣжища въ королевскомъ дворцѣ (Тюильри). 28 іюля.

Пролитая наканунѣ кровь приподняла настроеніе повстанцевъ, которые изъ обороны начали теперь переходить мѣстами въ наступленіе. При тогдашнемъ вооруженіи арміи (кремневыя ружья), солдаты почти не имѣли преимущества въ этомъ отношеніи передъ инсургентами, на сторонѣ которыхъ былъ зато несомнѣнный перевѣсъ численной силы. Къ тому же среди самихъ войскъ замѣчалось колебаніе, и даже одинъ полкъ открыто перешелъ на сторону революціи. Мармонъ спѣшно доносилъ королю: „Это уже не бунтъ, а настоящая революція. Вашему Величеству надлежитъ безъ замедленія принять мѣры къ успокоенію волненія. Честь короны еще можетъ быть спасена; завтра будетъ, быть можетъ, уже поздно“.

Изъ Сенъ-Клу, куда къ этому времени переѣхалъ король (въ ближайшихъ окрестностяхъ Парижа), былъ полученъ отвѣтъ: „Держаться, ожидать распоряженій на завтра“.

На другой день, 29 іюля, несмотря на прибытіе изъ Версаля подкрѣпленія въ 1500 человѣкъ, войска принуждены были отступить къ Лувру и Тюильри. На сторону инсургентовъ перешли еще два полка. Послѣ этого Мармонъ принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшей защиты Тюильри и Лувра, а слѣдовательно и Парижа. Онъ отступилъ черезъ Елисейскія Поля къ западной заставѣ и очистилъ Парижъ. Въ три часа дня Карлъ X подписалъ указъ объ отмѣнѣ ордонансовъ 26 іюля. Но было „уже поздно“. Вожаки революціи, изъ республиканцевъ и либераловъ, уже сформировали изъ своей среды, подъ скромнымъ наименованіемъ „муниципальной комиссіи“, временное правительство, которое немедленно назначило Лафайета (1757—1834) [1]) командующимъ военными силами, 29 іюля.

[1]) Послѣ переворота 10 августа 1792 года онъ бѣжалъ за границу, гдѣ былъ арестованъ австрійцами и заключенъ въ крѣпость, откуда былъ освобожденъ

которыя состояли изъ трехъ перешедшихъ на сторону революціи полковъ. На совѣщаніи группы либеральныхъ членовъ палаты, съ участіемъ представителей либеральной прессы, было принято рѣшеніе въ духѣ орлеанистской партіи; по порученію совѣщанія, Тьеромъ было составлено обращеніе къ народу. Послѣднее было немедленно
30 іюля. отпечатано въ видѣ афишъ, которыми къ утру 30 іюля покрылись стѣны парижскихъ улицъ. Обращеніе гласило: „Карлъ X не можетъ больше возвратиться въ Парижъ: онъ—виновникъ пролитой крови народной. Республика вызвала бы среди насъ ужасные раздоры и поссорила бы насъ съ Европой. Герцогъ Орлеанскій [1]) извѣстенъ своей преданностью дѣлу революціи. Герцогъ Орлеанскій не сражался противъ насъ. Герцогъ Орлеанскій былъ при Жемаппѣ. Герцогъ Орлеанскій, это—король-гражданинъ. Герцогъ Орлеанскій былъ въ огнѣ подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Только Герцогъ Орлеанскій можетъ въ настоящее время носить трецвѣтную эмблему, а никакой другой мы не хотимъ. Герцогъ Орлеанскій не высказывается, онъ ожидаетъ нашего почина. Заявимъ же громко, что мы его желаемъ, а онъ, съ своей стороны, признаетъ хартію такой, какою ее мы всегда понимали и желали. Свою корону онъ получитъ изъ рукъ французскаго народа“. Такимъ образомъ, монархисты-конституціоналисты спѣшили использовать въ своихъ видахъ побѣду революціи, одержанную главнымъ образомъ благодаря республиканцамъ. Но, не имѣя такихъ образованныхъ и талантливыхъ вождей, какими располагали либералы, республиканцы выпустили изъ своихъ рукъ нить событій. Пока они совѣщались въ городской ратушѣ о томъ, что предпринять дальше, либеральные депутаты, собравшись въ помѣщеніи палаты, постановили немедленно вручить герцогу Орлеанскому исполнительную власть, съ титуломъ генералъ-лейтенанта королевства. Герцогъ Орлеанскій, который поджидалъ въ
31 іюля. окрестностяхъ Парижа, на другой же день утромъ (31 іюля) пріѣхалъ верхомъ въ Парижъ. По улицамъ, еще покрытымъ баррикадами, онъ направился прямо къ ратушѣ. Своимъ личнымъ

Бонапартомъ 1797 года, но во Францію возвратился лишь послѣ 18 брюмера. Въ эпоху реставраціи былъ нѣсколько разъ выбираемъ въ палату, гдѣ занималъ мѣсто въ рядахъ оппозиціи. О Лафайетѣ см. Doniol. La Fayette et la Révolution. Paris, 1904.

[1]) Сынъ Филиппа Egalité, родился въ 1773 г. Былъ вмѣстѣ съ отцомъ членомъ парижскаго якобинскаго клуба, потомъ служилъ въ революціонной арміи, получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Въ 1793 году имѣлъ столкновеніе съ правительствомъ Конвента, эмигрировалъ и велъ долгое время скитальческую жизнь въ разныхъ странахъ Европы и Америки, одно время состоялъ преподавателемъ гимназіи въ Швейцаріи. Въ 1817 году возвратился во Францію.

появленіемъ въ самомъ очагѣ республиканства онъ разсчитывалъ обезоружить республиканскихъ вожаковъ и примирить съ собой слѣдовавшую за ними толпу. Уличная толпа встрѣтила его сначала сдержанно, почти враждебно. Кричали: „Да здравствуетъ республика! Долой Бурбоновъ!“ Возгласовъ въ честь самого герцога слышно не было. Но когда онъ появился на балконѣ ратуши съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ и въ сопровожденіи популярнаго Лафайета, который его облобызалъ на глазахъ толпы, эта чувствительная сцена вызвала громъ аплодисментовъ и бурныя привѣтствія по адресу Лафайета и герцога Орлеанскаго. Такимъ образомъ, парижскій „народъ“ санкціонировалъ кандидатуру либераловъ; республиканцамъ, которые поняли, что ихъ дѣло проиграно, оставалось лишь молча примириться съ совершившимся фактомъ. Ничего не оставалось другого и оставленному всѣми Карлу X, который, не чувствуя себя въ безопасности вблизи Парижа, снова удалился въ Рамбулье. Здѣсь онъ подписалъ 2 августа отреченіе отъ престола въ пользу своего внука, герцога Бордосскаго, а нѣсколько дней спустя, минуя Парижъ, отправился, подъ охраной военнаго отряда, въ Шербургъ, чтобы оттуда отплыть въ Англію.

Отреченіе Карла X.

3 августа герцогъ Орлеанскій открылъ засѣданіе вновь избранной палаты. По его предложенію, палата занялась пересмотромъ конституціонной хартіи и въ частности—знаменитой статьи 14, подвергавшейся „столь ненавистному толкованію“, какъ выразился герцогъ, намекая на ордонансы 26 іюля, изданные на основаніи этой статьи. Послѣдняя была дополнена разъясненіемъ въ томъ смыслѣ, что король не можетъ пріостанавливать дѣйствіе существующихъ законовъ или нарушать ихъ. За обѣими палатами было признано право законодательной инициативы. Возрастъ, необходимый для кандидатовъ въ депутаты, былъ понижепъ съ 40 до 30 лѣтъ. Нѣсколько позднѣе хартія была дополнена двумя законами, которыми отмѣнялась наслѣдственность періи (она становилась лишь пожизненной), и избирательный податной цензъ понижался съ 300 франковъ до 200, вслѣдствіе чего число избирателей увеличилось приблизительно на 100.000. Была возстановлена свобода печати. Наконецъ, изъ текста хартіи было вычеркнуто, какъ „оскорбительное для достоинства націи“, предисловіе, въ которомъ конституція изображалась, какъ королевское пожалованіе, а не какъ результатъ народнаго верховенства. Отнынѣ конституціонная хартія получала значеніе договора, заключеннаго французскимъ народомъ съ свободно избраннымъ имъ государемъ.

Пересмотръ конституціи.

Вслѣдъ затѣмъ палата, объявивши тронъ вакантнымъ вслѣдствіе отреченія Карла X, предлагала, именемъ французскаго народа, занять его герцогу Орлеанскому, съ правомъ наслѣдованія въ мужскомъ потомствѣ. Герцогъ Орлеанскій подписалъ ее и принесъ въ палатѣ присягу на вѣрность конституціи. Новый король принялъ имя Луи-Филиппа I (1830—1848) и титулъ „короля французовъ милостію Божіею и волею націи".

Характеръ и значеніе іюльской революціи.

Іюльская революція была исключительно дѣломъ Парижа. Страна не принимала въ ней активнаго участія. Но она и не протестовала противъ совершившагося факта. Она молчала, и это молчаніе было, несомнѣнно, знакомъ согласія. Это молчаніе было также приговоромъ, вынесеннымъ націей династіи Бурбоновъ.

Отголоски іюльской революціи за предѣлами Франціи.

Источники и литерасура.

I. По исторіи бельгійской революціи. Документальные источники и записки современниковъ: Esquisses historiques de la Révolution en Belgique en 1830, Bruxelles, 1830; Histoire parlamentaire du traité de paix du 19 avril 1839. 2 vol Bruxelles, 1839; Huyttens. Discussions du Congrès national de Belgique, 1830—1831. 5 vol. Bruxelles, 1844—1845; Lagemans Recueil des traités et conventions conclus par le royaume des Pays-Bas avec les puissances européennes depuis 1813. 10 vol. La Haye, 1858—1890; Verstolk van Soelen. Recueil de pièces diplomatiques relatives aux affaires de la Belgique en 1830—1832. 3 vol. La Haye, 1831—1833.—Новѣйшія сочиненія: De Bavay. Histoire de la Révolution belge de 1830. Bruxelles, 1873; Th. Juste. La Révolution belge de 1830, d'après des documents inédits. Bruxelles, 1872; Hymans. Histoire politique et parlementaire de la Belgique de 1814 à 1830. Bruxelles, 1869; Hymans. Histoire parlementaire de la Belgique, 1831—1880. 6 vol. Bruxelles, 1877—1880; Abbé Balau. Soixante-dix ans de l'histoire contemporaine de la Belgique. Louvain, 1891.—II. По исторіи революціонныхъ движеній 1830 г. въ Италіи, кромѣ названныхъ ранѣе общихъ сочиненій, см.: Gualterio. Gli ultimi rivolgimenti italiani. 4 vol. 1850.—III. По исторіи революціонныхъ движеній 1830 г. въ Германіи, кромѣ указанныхъ ранѣе соч., см.: General von Rochow. Preussen und Frankreich zur Zeit der Julirevoluzion. Leipzig, 1871; F. von Weech. Geschichte der Badischen Verfassung. Karlsruhe, 1868; Döberl. Entwicklungsgeschichte Bayerns. München, 1908; H. von Sicherer. Staat und Kirche in Bayern. München, 1874; H. von Treitschke. Der Aufruhr in Braunschweig, 1830 (Preussische Jahrbücher, t. 63); M. von Hässel. Geschichte des Königreichs Hannover, 1813—1848. Bremen, 1898; W. Fischer. Die Unruhen in Hessen im Jahre 1830 (Hessenland, t. 11); J. G. Droysen. Zur Geschichte der preussischen Politik in den Jahren 1830—1832 (Zeitschr. für Preuss. Gesch., 1864); F. Rühl. Briefe und Actenstücke zur Gesch. Preussens unter Friedrich-Wilhelm III. 3 Bde. Leipzig, 1902—1903; Fricker und Gessler. Geschichte der Verfassung Württembergs Stuttgart, 1869.—IV. По исторіи польскаго возстанія 1830 г.: кн. Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ, томъ 4; R. Soltyk.

La Pologne. Précis historique, politique et militaire de sa révolution en 1830—1831. 2 vol. Paris, 1833; H. Kunz. Der polnisch-russische Krieg von 1830. Berlin, 1890; генералъ Пузыревскій. Русско-польская война 1831 г. 2 тома. Спб. 1887; Mochnacki. Powstanie narodu polskiego w r. 1830—1831. 2 vol. Paris, 1834—1835.

Іюльскій переворотъ во Франціи является въ сущности продолженіемъ начавшейся сорокъ лѣтъ тому назадъ борьбы между „революціей“ и „старымъ порядкомъ“: это былъ реваншъ первой надъ послѣднимъ послѣ его временнаго торжества при реставраціи. Но эта борьба между революціей и старымъ порядкомъ уже давно перестала, какъ мы видѣли, быть мѣстнымъ, французскимъ явленіемъ, а получила значеніе явленія обще-европейскаго. Естественно, поэтому, что іюльскія событія во Франціи встрѣтили себѣ отголосокъ и въ остальной Европѣ. Не могли они не отозваться въ Европѣ еще и потому, что парижскій переворотъ наносилъ серьезный ударъ тому порядку вещей, который былъ установленъ вѣнскимъ конгрессомъ. Іюльская революція поколебала этотъ порядокъ въ самыхъ его основахъ, одною изъ которыхъ была, какъ мы видѣли, легитимная монархія вообще и въ частности—легитимная монархія Бурбоновъ, возстановленная державами подъ ихъ совмѣстной и солидарной гарантіей. Съ этой точки зрѣнія, іюльская революція во Франціи является первымъ серьезнымъ протестомъ противъ установленнаго вѣнскимъ конгрессомъ порядка въ Европѣ. Починъ Франціи въ этомъ направленіи, естественно, вызвалъ сочувственный откликъ всюду, гдѣ имѣлось достаточно элементовъ, недовольныхъ этимъ порядкомъ. Вотъ почему іюльская революція послужила сигналомъ къ цѣлому ряду революціонныхъ движеній въ Европѣ, хотя причины послѣднихъ и были различны, какъ различенъ былъ и самый характеръ движеній, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Наиболѣе серьезныя послѣдствія вліяніе іюльской революціи имѣло для Нидерландскаго королевства.

Дипломаты вѣнскаго конгресса, въ своей спѣшной работѣ по перекройкѣ политической карты Европы, совершенно не принимали во вниманіе культурно-національныхъ особенностей тѣхъ территорій, съ которыми они оперировали, какъ для осуществленія территоріальныхъ „компенсацій“ и для „исправленія границъ“, такъ и для созданія новыхъ политическихъ тѣлъ. Такъ, Галиція, съ ея кореннымъ русскимъ населеніемъ, была отдана полу-нѣмецкой Австріи, въ то время какъ къ Россіи было присоединено чисто польское по своему населенію герцогство Варшавское. По-

добное же пренебреженіе къ національно-культурнымъ особенностямъ отдѣльныхъ территорій было проявлено конгрессомъ и въ дѣлѣ созданія Нидерландскаго королевства. Бельгія, съ ея католическимъ и французскимъ (или офранцуженнымъ) населеніемъ, была соединена въ одно политическое цѣлое съ совершенно чуждой ей по этнографическому составу, языку и религіи Голландіей. Культурно-національныя противоположности, раздѣлявшія обѣ эти части испанскихъ Нидерландовъ, были въ свое время, какъ извѣстно, главной причиной ихъ раздѣленія, санкціонированнаго вестфальскимъ миромъ (1648). Съ тѣхъ поръ пошедшая по двумъ разнымъ русламъ политическая жизнь этихъ странъ, естественно, еще болѣе углубила раздѣлявшія ихъ культурно-національныя различія. При наличности послѣднихъ, созданная вѣнскимъ конгрессомъ комбинація являлась тѣмъ болѣе непрочной, что, благодаря неудачной политической организаціи Нидерландскаго королевства, съ самаго же начала его существованія культурно-національныя противоположности обѣихъ частей его усугубились еще чисто политическимъ антагонизмомъ. Дѣло въ томъ, что въ самомъ же началѣ было нарушено равноправіе сторонъ. Менѣе многочисленные голландцы заняли въ новомъ королевствѣ господствующее и привилегированное положеніе, а бельгійцы, несмотря на свой численный перевѣсъ, были поставлены въ положеніе подчиненныхъ и обойденныхъ. Естественно, что съ самаго же начала они стали въ оппозиціонное положеніе по отношенію къ голландцамъ и къ правительству, которое послѣдніе, пользуясь тѣмъ, что въ ихъ рукахъ находилась корона и столица (Гаага), фактически захватили въ свои руки. Наканунѣ революціи 1830 г. изъ наличныхъ восьми министровъ былъ лишь одинъ бельгіецъ, изъ 177 высшихъ чиновниковъ на долю бельгійцевъ приходилось всего одиннадцать; нидерландская армія насчитывала до двухъ тысячъ офицеровъ, но бельгійцевъ было въ томъ числѣ менѣе трехсотъ. Народное представительство было организовано такъ, что, несмотря на то, что бельгійцевъ насчитывалось около трехъ съ половиною милліоновъ противъ двухъ съ половиной милліоновъ голландцевъ, послѣдніе имѣли столько же депутатовъ, сколько и бельгійцы; а такъ какъ правительство всегда располагало различными средствами, для того чтобы склонить на свою сторону часть бельгійскихъ депутатовъ, то въ наиболѣе важныхъ случаяхъ оно всегда умѣло обезпечить за собой большинство.

Нидерландское королевство.

Оппозиціонное настроеніе бельгійцевъ еще болѣе обострилось,

когда правительство обнаружило стремленіе „голландизировать“ Бельгію. Такъ, оно начало вводить въ Бельгіи голландскій языкъ, какъ обязательный для всѣхъ чиновниковъ и судей. Кромѣ того, нѣкоторыми своими мѣрами правительство вооружило противъ себя католическое духовенство, пользовавшееся изстари большимъ вліяніемъ въ Бельгіи.

Бельгійская революція.

Обостреніе оппозиціи противъ голландскаго правительства имѣло своимъ слѣдствіемъ сближеніе бельгійскихъ либераловъ съ католическою (консервативною) партіею. Обѣ партіи заключили между собою союзъ или „унію“ (union), цѣлью которой было добиться осуществленія гарантированныхъ конституціей правъ и введенія внутренняго самоуправленія въ Бельгіи. „Унія“ разсчитывала дѣйствовать чисто легальными средствами и дебютировала нѣсколькими петиціями къ королю. Но разразившаяся въ сосѣдней Франціи іюльская революція, вызвавшая сильное возбужденіе въ Бельгіи, выдвинула впередъ болѣе крайніе элементы. „Намъ надо брать примѣръ съ французовъ“—говорили болѣе горячія головы, и не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, принялись готовиться къ перевороту. Для осуществленія своихъ плановъ, организаторы послѣдняго рѣшили воспользоваться готовившимся на 24 августа 1830 г. публичнымъ торжествомъ въ Брюсселѣ, по случаю дня рожденія короля Вильгельма I (1815—1840). Организаторы переворота не безъ юмора оповѣщали о немъ заранѣе расклеенными на улицахъ афишами, которыя гласили: „Понедѣльникъ, 23 августа, фейерверкъ; вторникъ, 24 августа, иллюминація; среда, 25 августа, революція“. Правительство отмѣнило фейерверкъ и иллюминацію, но революція все-таки состоялась въ назначенный день. Организаторы переворота воспользовались театральнымъ представленіемъ, которое, по характеру разыгравшейся пьесы (сюжетъ ея относился къ возстанію неаполитанцевъ противъ Испаніи), какъ нельзя болѣе отвѣчало ихъ видамъ. Взвинченная агитаторами толпа бросилась на редакцію правительственной газеты и нѣкоторыя другія ненавистныя для бельгійцевъ зданія, разгромила ихъ и сожгла. Такъ началась „бельгійская революція“, закончившаяся распаденіемъ Нидерландскаго королевства.

На другой день сцены мятежа возобновились, и на этотъ разъ движеніе получило болѣе организованный и планомѣрный характеръ. Руководство движеніемъ взяла въ свои руки мѣстная буржуазія, къ которой примкнуло и дворянство. На мѣсто безпорядочныхъ бандъ громилъ выступила наскоро организованная „гражданская гвардія“. На общественныхъ зданіяхъ, вмѣсто нидер-

ландскаго флага, появилось брабантское трехцвѣтное знамя. Руководители возстанія, однако, не имѣли въ виду свержения короля, а предлагали ему дать Бельгіи политическую автономію, съ сохраненіемъ личной уніи съ Голландіей. Король отказался принять эти условія и послалъ въ Бельгію десятитысячный корпусъ для подавленія возстанія. Но въ Брюсселѣ голландскія войска встрѣтили такой отпоръ, что послѣ трехдневной попытки овладѣть городомъ принуждены были отступить, послѣ чего возстаніе быстро распространилось на всю Бельгію. Въ Брюсселѣ сформировалось временное правительство, которое объявило, что бельгійскія провинціи, насильно отторгнутыя отъ Голландіи, составятъ независимое государство. Оно возвѣщало въ ближайшемъ будущемъ проектъ бельгійской конституціи и созывъ національнаго конгресса для окончательной выработки конституціи, обязательной для всей Бельгіи. Собравшійся вскорѣ національный конгрессъ подтвердилъ единогласно національную независимость Бельгіи, но подавляющимъ большинствомъ отвергъ предложеніе республиканцевъ объявить Бельгію республикой. Бельгія была признана конституціонной монархіей, съ исключеніемъ, однако, Оранской фамиліи отъ престола и вообще отъ какого бы то ни было участія въ управленіи страной. Бельгійская корона, предложенная сначала сыну французскаго короля Луи-Филиппа и отклоненная послѣднимъ, была передана затѣмъ, по совѣту французскаго и англійскаго правительствъ, принцу Леопольду Кобургскому, выразившему согласіе на ея принятіе (Леопольдъ I, 1831—1865) [1]).

Начало независимой Бельгіи.

Бельгійская конституція.

Въ основу выработанной конгрессомъ конституціи, послужившей образцомъ для конституцій нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ странъ, былъ положенъ принципъ народнаго верховенства. Ея основная тенденція заключалась въ возможно большемъ ограниченіи прерогативъ короны. „Нація есть источникъ всякой власти. Король не имѣетъ никакихъ полномочій, кромѣ тѣхъ, которыя категорически признаны за нимъ конституціей или отдѣльными, изданными въ ея дополненіе законами". Король вступаетъ въ свои права лишь послѣ принесенія присяги: „Клянусь соблюдать конституцію и законы народа Бельгійскаго, поддерживать національную независимость и цѣлость территоріи". Въ качествѣ главы исполнительной власти, король дѣйствуетъ не иначе, какъ черезъ своихъ министровъ. Министры назначаются королемъ, но отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ. Послѣднее организовано по двухпа-

[1]) Его сынъ и преемникъ, Леопольдъ II, царствуетъ понынѣ.

латной системѣ. Обѣ палаты, Сенатъ и Палата представителей, обладаютъ одинаковыми полномочіями. Но Сенатъ, по своему составу, имѣетъ плутократическій характеръ, такъ какъ сенаторами могутъ быть лишь лица, платящія не менѣе 2,000 флориновъ налоговъ. Члены обѣихъ палатъ избираются одними и тѣми же избирателями. Право быть избирателемъ обусловлено невысокимъ имущественнымъ (точнѣе—податнымъ) цензомъ. Для проведенія всякаго закона необходимо согласіе обѣихъ палатъ и короля. Послѣдній имѣетъ право распустить обѣ палаты.

Далѣе, конституція гарантируетъ всѣмъ гражданамъ, на началахъ полнаго равенства, свободу личности, неприкосновенность жилища, свободу печати, собраній, ассоціацій, вѣроисповѣданія и культа, образованія, языка.

Вопросъ объ отношеніи церкви къ государству былъ рѣшенъ въ смыслѣ полнаго отказа послѣдняго отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла первой. Священники получаютъ назначеніе отъ епископовъ, епископы отъ папы—безъ всякаго вмѣшательства правительства. Но это не было полнымъ отдѣленіемъ церкви отъ государства; католическое духовенство, на ряду съ духовными представителями прочихъ вѣроисповѣданій, получаетъ казенное жалованье и пользуется свободой отъ воинской повинности.

Международное рѣшеніе бельгійскаго вопроса

Однако вопросъ о томъ, быть или не быть Бельгіи, какъ самостоятельному королевству, зависѣлъ не отъ конституціи, выработанной конгрессомъ, а отъ того или другого отношенія къ нему великихъ державъ, подписавшихъ постановленія вѣнскаго конгресса, въ явное нарушеніе которыхъ возникло Бельгійское королевство. Само же оно, предоставленное своимъ собственнымъ силамъ, было, безспорно, не въ состояніи отстоять свою самостоятельность противъ Голландіи, на сторонѣ которой былъ несомнѣнный перевѣсъ военныхъ силъ, а король Вильгельмъ I отнюдь не желалъ примириться съ отпаденіемъ Бельгіи и собирался возвратить ее силою оружія, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся найти себѣ поддержку со стороны большинства великихъ державъ. По его ходатайству, въ октябрѣ 1830 г. была созвана въ Лондонѣ конференція пяти великихъ державъ. Но на конференціи обнаружилось, что двѣ конституціонныя державы, Англія и Франція, вовсе не были расположены поддерживать Нидерландскаго короля, а три остальныя державы, хотя и высказались за такую поддержку, но, за исключеніемъ Россіи, не выказывали никакого желанія вмѣшаться активнымъ образомъ въ голландско-бельгійскую распрю. Австрія была слишкомъ занята болѣе близкими ей дѣ-

лами Италіи, которая волновалась подъ вліяніемъ іюльской революціи. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ слишкомъ напуганъ послѣдней и опасался за порядокъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Къ тому же Франція пригрозила, что немедленно займетъ своими войсками южную Бельгію, если Пруссія пошлетъ свои войска на помощь Нидерландскому королю. Наконецъ, Россія была удержана отъ посылки войскъ въ Бельгію разразившимся вскорѣ польскимъ возстаніемъ.

По предложенію лондонской конференціи, между воюющими сторонами было заключено перемиріе впредь до окончательнаго рѣшенія бельгійскаго вопроса великими державами. Послѣ продолжительныхъ пререканій, вопросъ о независимости Бельгіи былъ наконецъ рѣшенъ державами въ положительномъ смыслѣ, при чемъ королевство было объявлено нейтральнымъ.

Король Вильгельмъ I отказался подчиниться постановленію державъ и сдѣлалъ попытку возвратить себѣ Бельгію силой. Но Франція послала свои войска на помощь Бельгіи и заставила Вильгельма отказаться отъ своихъ притязаній на послѣднюю.

Революціонныя движенія въ Италіи.

Въ Италіи, послѣ подавленія революціонныхъ движеній 1821 г. силою австрійскаго оружія, окончательно водворился реакціонный абсолютизмъ. Либералы и карбонаріи подверглись преслѣдованіямъ, многіе сидѣли по тюрьмамъ, другіе попрятались по тайнымъ организаціямъ, третьи эмигрировали. Большинство эмигрантовъ селились въ Парижѣ, гдѣ вступали въ тѣсныя сношенія съ французскими либералами и революціонерами и служили посредниками между послѣдними и итальянскими либеральными и революціонными кружками. Іюльская революція произвела на послѣднія сильное впечатлѣніе; въ ней они увидѣли ободряющій для себя примѣръ. На сѣверѣ, въ австрійскихъ владѣніяхъ, и на югѣ, въ Неаполитанскомъ королевствѣ, они однако не чувствовали себя достаточно сильными, для того чтобы предпринять какія-либо активныя выступленія. Но въ княжествахъ центральной Италіи, гдѣ правительства были болѣе слабы, имъ удалось вызвать движенія по образцу парижской іюльской революціи.

Первое изъ такихъ движеній имѣло мѣсто въ папскихъ владѣніяхъ. Организаторы возстанія воспользовались междуцарствіемъ, наступившимъ послѣ смерти Пія VIII (въ ноябрѣ 1830 г.). Очагомъ движенія была Болонья, гдѣ инсургенты организовали временное правительство. Созванное наскоро „національное собраніе“ объявило свѣтскую власть папы отмѣненной, а его владѣнія преобразованными въ свѣтское государство. Монархисты предлагали

объявить послѣднее королевствомъ и предложить корону Жерому Бонапарту, бывшему „римскому королю“, но они оказались въ меньшинствѣ, и новое государство получило республиканское устройство, съ президентомъ и семью министрами во главѣ. Однако ядро папскихъ владѣній осталось незатронутымъ революціей.

Въ герцогствахъ Пармскомъ и Моденскомъ революціонеры безъ труда свергли мѣстныя слабыя правительства и организовали республики. Новыя революціонныя правительства разсчитывали на активную поддержку со стороны Луи-Филиппа, обязаннаго своей короной революціи, но французское правительство отклонило отъ себя всякое вмѣшательство въ дѣла Италіи, а тѣмъ временемъ, по просьбѣ потерпѣвшихъ государей, Австрія прислала свои войска, при помощи которыхъ въ Италіи быстро былъ возстановленъ старый порядокъ. Однако, по совѣту Франціи, папа согласился ввести нѣкоторыя реформы въ управленіе Церковной областью. Для обезпеченія себя на будущее время отъ повторенія подобныхъ непріятностей, папа взялъ себѣ на службу два наемныхъ швейцарскихъ полка и поощрялъ дружины добровольцевъ, которые давали клятву проливать свою кровь и жертвовать своимъ имуществомъ для защиты церкви и ея главы. Эта добровольная жандармерія папы насчитывала въ 1832 г. до тридцати тысячъ человѣкъ.

Германія.

Въ Германіи іюльская революція произвела большой переполохъ среди мѣстныхъ абсолютистскихъ правительствъ и, наоборотъ, вызвала сильный подъемъ духа въ рядахъ либераловъ-конституціоналистовъ. Правительства Австріи и Пруссіи, озабоченныя охраной порядка у себя дома, предоставили ихъ собственной участи тѣхъ князей, во владѣніяхъ которыхъ іюльская революція вызвала болѣе или менѣе сильное броженіе. Герцогъ Брауншвейгскій принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ возставшихъ подданныхъ, курфюрстъ Гессенскій вынужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего сына; король Саксонскій долженъ былъ принять себѣ въ соправители своего племянника. Во всѣхъ этихъ государствахъ былъ введенъ конституціонный строй, а также въ Ганноверѣ и нѣкоторыхъ менѣе значительныхъ княжествахъ. Что касается конституціонныхъ государствъ южной Германіи, то въ нихъ вліяніе іюльской революціи выразилось въ лихорадочномъ оживленіи политической жизни, въ фактическомъ ослабленіи цензуры и въ поворотѣ внутренней политики въ сторону либерализма. Правда, это временное торжество либерализма было непродолжительно.

Вліяніе іюльской революціи сказалось вплоть до отдаленной

Польша

Польши. Революціонное движеніе, центромъ котораго служило Царство польское (преобразованное Александромъ I изъ герцогства Варшавскаго), носило здѣсь двойственный характеръ: движенія либеральнаго во имя возстановленія конституціоннаго порядка, фактически упраздненнаго императоромъ Николаемъ I, и движенія національнаго, во имя возстановленія Рѣчи Посполитой. Возстаніе, подготовлявшееся въ Варшавѣ въ строгой тайнѣ еще съ августа 1830 г., непосредственно послѣ іюльской революціи, вспыхнуло въ послѣднихъ числахъ ноября. Но оно было быстро и безпощадно подавлено русскими войсками и желѣзною рукою Николая I. Послѣ подавленія возстанія русская Польша утратила и то послѣднее, что ей оставалось отъ ея былой политической и національной независимости. Дарованная Александромъ I конституціонная грамота была отмѣнена, и Царство польское было объявлено оффиціально „нераздѣльной частью имперіи, съ которой она должна составлять отнынѣ одну націю".

Іюльская революція не осталась также безъ вліянія на внутреннюю политическую жизнь Англіи, о чемъ рѣчь—ниже.

VII. Англія съ конца XVIII в. до парламентской реформы 1832 г.

Источники и литература

I. Документальные источники: Journals of the House of Commons; Journals of the House of Lords; Hansard's Parliamentary Debates; Annual Register. London, 1799—1800. New Series, 1800—1815; W. Cobbett. Parliamentary History of England. London, 1819—1820.—II. Записки современниковъ, переписка: Duke of Buckingham. Memoirs of the Court and Cabinet of George III. 4 vol. London, 1853—1855; Buckingham. Mémoirs of the Court of England during the Regency. 2 vol. London, 1856; The Greevey papers. 6 vol. London, 1903; madame d'Arblay. Diary and Letters. 6 vol. London, 1904—1905; Manuscripts of Fortescue. 3 vol. London, 1892—1899; Auckland. Journals and Correspondence. London, 1861.—III. Новѣйшія сочиненія: Гринъ. Исторія англійскаго народа. 4 т. Москва, 1891—1892; Мижуевъ. Политическая исторія Англіи въ XIX в. Спб. 1909; Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи. Спб. 1901; Дерюжинскій. Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906; Фриманъ. Развитіе англійской конституціи. Спб. 1907; Беджготъ. Англійская конституція. Спб. 1907; M. Brosch. Geschichte von England, 9 vol. London, 1897; S. Walpole. History of England, from the conclusion of the Great War. 6 vol. London, 1890; M. Dorman. History of the British Empire in the XIX century. 2 vol. London, 1902—1904; Erskine May. Constitutional History of England. 3 vol. London, 1884; J. Russel. History of the English Government and Constitution. London, 1873; Macy. The English Constitution. A commentary of its nature and growth.; Ed. Jenks. Parliamentary England. London, 1903; Hunt and Poole. The political History of England. 12 vol.; Ashton. The Dawn of the XIX century in England. London. 1906; Godwin Smith. The United Kingdom. A political History. London, 1899;

Acland and Ransome. Handbook of the political History of England. London, 1906; Fr. Bright. History of England. London, 1902; Taswell Langmead. English constitutional History. London, 1905; Low. The Governance of England. London, 1905; A. Dicey. Lectures on the relations between Law and Public opinion in England during the XIX century. London, 1905; Dickinson. Le développement du parlement pendant le XIX s. (traduit de l'angl.). Paris, 1906; Franqueville. Le gouvernement et le parlement britannique. 3 vol. Paris, 1887; Glasson. Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre. Paris, 1883.—IV. По соціальной и экономической исторіи: Трайль. Общественная жизнь Англіи. 6 т. Москва. 1896—1899; Эшли. Экономическая исторія Англіи. Москва, 1897; Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта З. Европы. Спб. 1909; А. Веберъ. Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи. Спб. 1903; Зомбартъ. Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX столѣтіи. Москва, 1905; W. Cunnigham. Growth of English Industry and Commerce. Cambridge, 1903; S. Dowell. A History of Taxation and Taxes in England. 4 vol. London, 1884: L. Lévi. History of British Commerce. London, 1880; Г. Е. Афанасьевъ. Политическія и экономическія статьи 2 т. Кіевъ. 1909. См. также соотвѣтствующіе отдѣлы изъ общихъ курсовъ П. П. Карѣева (томы 4—5), Лависса и Рамбо (8—10 т. оригинала или первые томы русскаго изданія „Исторія XIX в.") и the Cambridge Modern History (t. 8—10). Сочиненія болѣе спеціальнаго характера см. въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ.

Культурно-экономическій переворотъ въ Англіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. и начало соціальнаго движенія.

Въ то время какъ великая французская революція подготовляла полную перестройку политическихъ отношеній — внутреннихъ и международныхъ—въ Европѣ, въ Англіи совершался менѣе замѣтный для глазъ, но въ сущности еще болѣе глубокій переворотъ культурно-хозяйственный, который, постепенно захватывая въ сферу своего вліянія, одна за другою, страны континента Европы, произвелъ капитальную перестройку культурно-хозяйственнаго быта, а вмѣстѣ съ нимъ и соціальныхъ отношеній — въ Европѣ, а затѣмъ и всюду, куда успѣла проникнуть европейская культура. Сущность культурно-экономическаго переворота и обусловленнаго имъ переворота соціальнаго заключается въ превращеніи Англіи изъ страны деревенской въ страну городскую по основному характеру своего быта, и изъ страны земледѣльческой въ страну промышленно-торговую по преобладающему характеру своей хозяйственной дѣятельности.

Причины этого переворота были многочисленны и многообразны, но ихъ можно свести къ двумъ главнымъ группамъ. Одинъ изъ нихъ связаны съ тѣмъ, что принято называть аграрнымъ

переворотомъ; другія—съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ промышленнымъ переворотомъ. Вліяніе причинъ обѣихъ категорій тѣсно переплеталось въ конкретной исторической дѣйствительности, и выдѣлять ихъ возможно лишь ради удобства изложенія.

Аграрный переворотъ.

Что касается аграрнаго переворота [1]), то сущность его заключалась въ постепенномъ обезземеленіи крестьянства и въ сосредоточеніи земельныхъ владѣній въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ (лэндлордовъ). Процессъ этотъ явственно намѣчается уже съ начала XVIII столѣтія. Крестьяне распродаютъ свои участки крупнымъ землевладѣльцамъ, либо переходя на службу къ послѣднимъ въ качествѣ батраковъ, либо уходя въ города и превращаясь въ городскихъ пролетаріевъ, въ качествѣ ли рабочихъ мануфактуръ, въ качествѣ ли простыхъ поденщиковъ-чернорабочихъ, въ качествѣ ли, наконецъ, домашней прислуги.

Чѣмъ обусловливалась эта массовая перепродажа крестьянами своихъ участковъ крупнымъ землевладѣльцамъ? Обусловливалась она, прежде всего, все болѣе и болѣе увеличивавшеюся трудностью для мелкихъ хозяевъ конкуррировать съ крупными, отчасти потому, что мелкому хозяину было труднѣе, чѣмъ крупному, приспособиться къ постепенно измѣнявшимся условіямъ производства, благодаря различнымъ усовершенствованіямъ въ методахъ и техникѣ сельскаго хозяйства. Труднѣе было также для мелкаго хозяина, чѣмъ для крупнаго, приспособиться къ постепенно измѣнявшимся требованіямъ рынка. Такъ, съ развитіемъ суконныхъ мануфактуръ въ Голландіи, а также и въ самой Англіи, усилился спросъ на овечью шерсть; но для овцеводства, которое во многихъ мѣстахъ становилось болѣе прибыльнымъ, чѣмъ землепашество, необходимы были луга, слѣдовательно—значительныя земельныя площади. Такимъ образомъ, мелкій хозяинъ оказывался не въ состояніи использовать измѣнившіяся условія рынка. Кромѣ того, само землепашество какъ извѣстно, можетъ итти успѣшно лишь объ руку со скотоводствомъ, а послѣднее требуетъ для себя болѣе или менѣе обширныхъ пастбищъ, которыми мелкій хозяинъ можетъ располагать лишь при наличности общинныхъ угодій. Такія общинныя угодья, находившіяся въ общемъ владѣніи и пользованіи всѣхъ хозяевъ извѣстной сельской общины, дѣйствительно,

---

[1]) Rogers. History of Agriculture and Prices in England. 7 vol. Oxford, 1866—1902; Greeen. Inclosures since 1760 (Econ. Review, VI); Garnier. History of English landed interest. London, 1893; H. Levy. Entstehung und Rückgang des lanwirschaft. Grossbetriebes in England. Berlin, 1904; W. Hasbach. Die englischen Lohnarbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen. Leipzig, 1894; Gay. Zur Geschichte der Einhegungen in England. 1903.

существовали въ Англіи во многихъ мѣстностяхъ; но площадь этихъ общинныхъ земель постепенно и быстро сокращается въ XVIII в., что, въ свою очередь, также является одной изъ причинъ обезземеленія мелкихъ хозяевъ, будь то собственники или арендаторы. Дѣло въ томъ, что крупные землевладѣльцы, обладавшіе собственными угодьями, не были заинтересованы въ сохраненіи общинныхъ угодій. Для крупнаго хозяина было скорѣе важно округлить свои владѣнія присоединеніемъ соотвѣтствующей доли общинныхъ земель, уничтожить неизбѣжную при наличности послѣднихъ черезполосицу и вмѣстѣ съ тѣмъ освободиться отъ связанной съ пользованіемъ общинными угодьями зависимости отъ остальныхъ общинниковъ-сосѣдей. Отсюда — стремленіе крупныхъ помѣщиковъ къ раздѣлу общинныхъ земель между всѣми членами общины въ ихъ полную частную собственность. Для мелкихъ хозяевъ такой раздѣлъ былъ обыкновенно мало выгоднымъ, а зачастую и прямо гибельнымъ, такъ какъ маленькій клочекъ, выдѣленный изъ общинныхъ угодій, зачастую оказывался непригоднымъ для землепашества и въ то же время, по своимъ малымъ размѣрамъ, не въ состояніи былъ служить и пастбищемъ. Но мелкимъ хозяевамъ было трудно бороться противъ раздѣловъ, такъ какъ рѣшеніе вопроса о раздѣлѣ общинныхъ угодій, или, какъ тогда говорили, объ „огражденіяхъ“ (inclosures), зависѣло отъ парламента, а парламентъ, какъ ниже увидимъ, самъ состоялъ въ эту пору въ большинствѣ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ или же лицъ, находившихся отъ нихъ въ зависимости. И разъ со стороны парламента послѣдовало изданіе „акта объ огражденіи“ (inclosure Act), мелкому собственнику обыкновенно ничего другого не оставалось, какъ продать свой участокъ своему богатому сосѣду и напиматься къ нему въ работники, либо искать работы въ городѣ. Крестьянинъ, не желавшій разстаться съ привычнымъ положеніемъ сельскаго хозяина, отправлялся искать себѣ земли и счастья за моремъ въ Америку.

Къ сказанному надо прибавить, что не одни лишь хозяйственныя условія вліяли на усиленный ростъ крупнаго землевладѣнія на счетъ мелкаго въ Англіи въ XVIII в. Не надо забывать, что земельная собственность представляла собою въ Англіи, въ особенности въ ту пору, нѣчто большее, чѣмъ простую хозяйственную цѣнность. Съ крупной земельной собственностью были связаны, съ одной стороны — почетное и вліятельное положеніе въ обществѣ, съ другой — политическія права. Крупные землевладѣльцы составляли въ Англіи настоящій

правящій классъ. Они были настоящими хозяевами мѣстнаго самоуправленія (въ графствахъ); въ ихъ рукахъ находилась также и правительственная и законодательная власть, такъ какъ вплоть до парламентской реформы 1832 г. парламентъ въ подавляющемъ большинствѣ своемъ состоялъ изъ представителей крупнаго землевладѣнія. Въ большинствѣ случаевъ необходимо было владѣть болѣе или менѣе крупною замельною собственностью, для того чтобы попасть въ парламентъ. Крупное землевладѣніе давало въ то же время въ большинствѣ случаевъ и рѣшающее вліяніе на результатъ выборовъ. Фактически дореформенный англійскій парламентъ являлся представительствомъ земельной аристократіи. Вотъ почему, независимо отъ чисто хозяйственныхъ соображеній, каждый крупный землевладѣлецъ обыкновенно крѣпко держался за землю, земледѣлецъ средней руки старался сдѣлаться крупнымъ, а разбогатѣвшій купецъ или фабрикантъ стремился протиснуться въ ряды земельной аристократіи, выкраивая себѣ изъ мелкихъ крестьянскихъ участковъ, покупаемыхъ зачастую выше ихъ нормальной цѣны, болѣе или менѣе обширныя латифундіи.

Намѣченный аграрнымъ переворотомъ ростъ города насчетъ деревни — въ сферѣ культурно-бытовой, ростъ капиталистическаго (мануфактурнаго) производства на счетъ ремесленнаго — въ сферѣ хозяйственной, и ростъ рабочаго пролетаріата — въ сферѣ соціальной: этотъ троякій процессъ получилъ ускоренный темпъ и небывало широкій размахъ подъ вліяніемъ начавшагося въ эту пору промышленнаго переворота [1]). Начало этого переворота, связаннаго съ введеніемъ машинъ въ обработывающую промышленность, относится къ концу XVIII и началу XIX столѣтія и, стало быть, совпадаетъ хронологически съ эпохой великой французской революціи, хотя первое появленіе машинъ (сначала въ формѣ машинъ-орудій, приводимыхъ въ движеніе мускульной силой) относится къ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ XVIII столѣтія. Первымъ крупнымъ шагомъ на этомъ пути было изобрѣтеніе пря-

Промышленный переворотъ.

---

[1]) Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII в. Москва, 1898; Mantoux. La Révolution industrielle au XVIII siècle. Paris, 1906; Kulischer. Ueber die Ursachen des Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebswerk um die Wende des XVIII Jahrh. und in der ersten Hälfte des XIX Jahrh. (Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, etc., 1906); W. Cunningham. Growth of English Industry and Commerce. 2 vol. Cambridge, 1903; L. Levi. History of British Commerce. London. 1880; G. Steffen. Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter. 3 Bde. Stuttgart, 1901—1905; Ностицъ. Рабочій классъ въ Англіи въ XIX в. 1902; Sombart. Der moderne Kapitalismus. 2 Bde. Leipzig, 1902 (есть по-русски): Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Ярославль, 1898.

дильной машины Джемсомъ Гаргривсомъ. При помощи этой такъ называемой „дженни“ (Аннушки), одинъ рабочій могъ производить столько же пряжи, сколько восемь человѣкъ прежнимъ ручнымъ способомъ. Другіе изобрѣтатели усовершенствовали „дженни“, замѣнивъ мускульную силу водянымъ двигателемъ. Это была первая машина въ собственномъ смыслѣ [1]). Она внесла полный переворотъ въ прядильное производство, такъ какъ одна такая машина при одномъ рабочемъ замѣняла, по своей производительности, тысячи человѣкъ. Нѣсколько позднѣе, въ восьмидесятыхъ годахъ, Картрайтомъ былъ изобрѣтенъ механическій ткацкій станокъ, во много разъ увеличившій производительность ручного труда. Но все это было лишь слабымъ началомъ того ошеломляющаго техническаго переворота, который былъ произведенъ изобрѣтеніемъ паровыхъ машинъ. Паровой двигатель былъ изобрѣтенъ Джемсомъ Уаттомъ еще въ шестидесятыхъ годахъ XVIII в., но практическое примѣненіе онъ получилъ не сразу и первоначально—лишь въ горнозаводскомъ дѣлѣ, и только лѣтъ двадцать спустя появились первыя паровыя машины въ обрабатывающей промышленности, именно—въ бумагопрядильномъ производствѣ. Примѣненіе парового двигателя сначала къ бумагопрядильному, потомъ къ шерстопрядильному, а затѣмъ къ ткацкому дѣлу не только во много разъ увеличило производительность труда въ этихъ отрасляхъ производства, но и послужило могучимъ толчкомъ къ дальнѣйшему развитію машиннаго производства и послѣдовательному распространенію его на другія отрасли промышленности. Паръ, какъ механическій двигатель, обладалъ огромными преимуществами передъ водой: онъ не былъ связанъ съ опредѣленнымъ мѣстомъ, не зависѣлъ отъ временъ года и другихъ условій природы, находился въ полномъ распоряженіи человѣка, могъ быть добываемъ въ любомъ количествѣ. Правда, новый двигатель находился въ тѣсной зависимости отъ наличности въ данной мѣстности топлива; но въ Англіи оказались неисчерпаемыя залежи каменнаго угля, а улучшеніе водныхъ путей, благодаря урегулированію рѣкъ и постройкѣ судоходныхъ каналовъ, давало возможность легко перевозить минеральное топливо на значительныя разстоянія (вліяніе желѣзныхъ дорогъ въ этомъ отношеніи сказалось лишь значительно позднѣе, не ранѣе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XX в.).

---

[1]) Машиной въ собственномъ смыслѣ принято называть механизмъ, приводимый въ дѣйствіе при помощи какой-либо стихійной силы (воды, пара, электричества и т. п.); механизмъ же, приводимый въ дѣйствіе мускульной силой, называется машиной-орудіемъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ введенія машинъ было необычайное оживленіе промышленности и небывалый ростъ ея производительности. За 15-лѣтній промежутокъ, съ 1788 до 1803 г., хлопчато-бумажное производство въ Англіи утроилось. Желѣзное производство, за 50 лѣтъ, съ середины XVIII в. до начала XIX, возросло въ восемь разъ, а за слѣдующія сорокъ лѣтъ, съ 1800 до 1840 г., возросло въ десять разъ. Англія превратилась въ самую промышленную страну тогдашняго міра. Она производила желѣзныхъ издѣлій не меньше, чѣмъ вся остальная Европа, а хлопчатобумажныхъ тканей больше, чѣмъ весь остальной міръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣнился самый характеръ обрабатывающей промышленности. Паровая машина, замѣняя работу иногда многихъ тысячъ паръ рукъ, въ такой степени удешевляла производство, что дѣлала совершенно невозможной конкуренцію ручного труда. Своимъ появленіемъ въ той или другой отрасли промышленности паровая машина очень быстро вытѣсняла изъ послѣдней ручной трудъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, машина способствовала концентраціи производства. Фабрика стягивала къ себѣ производство, которое до ея появленія было разсѣяно по многочисленнымъ мануфактурамъ и мастерскимъ. Фабричное, то-есть машинное производство есть прежде всего крупное производство, осуществляемое въ широкомъ масштабѣ. Но концентрація производства неизбѣжно влечетъ за собой также и концентрацію капитала, какъ въ виду дороговизны фабрикъ съ ихъ машинами, такъ и въ виду крупныхъ издержекъ, требуемыхъ функціонированіемъ фабрики. Фабричное производство есть поэтому также производство капиталистическое. Если переходъ отъ ремесла къ мануфактурѣ былъ первымъ крупнымъ шагомъ къ капиталистическому производству, которымъ характеризуется хозяйственный бытъ новѣйшаго времени, то дальнѣйшимъ и несравненно болѣе крупнымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ переходъ отъ ремесленнаго труда и мануфактуры къ машинному производству и къ фабрикѣ. Въ области соціальныхъ отношеній ближайшимъ и самымъ крупнымъ послѣдствіемъ обусловленнаго введеніемъ машиннаго производства оживленія промышленности и развитія капитализма былъ ростъ рабочаго пролетаріата. Ростъ пролетаріата совершался частью на счетъ обезземеленнаго крестьянства. Это явленіе, предшествовавшее, какъ мы видѣли, „революціи“, произведенной въ промышленности машинами, и бывшее однимъ

Капитализмъ и рабочій пролетаріатъ.

изъ послѣдствій аграрнаго переворота, послужило, въ свою очередь, толчкомъ къ развитію мануфактуръ, не столько на счетъ ремесленнаго производства, сколько на ряду съ нимъ. Обиліе отбившихся отъ сельскаго хозяйства свободныхъ рукъ способствовало расширенію мануфактурнаго производства, а продукты послѣдняго легко находили себѣ сбытъ, какъ въ колоніяхъ, такъ и на континентѣ Европы, значительно отставшемъ отъ Англіи въ своемъ промышленномъ развитіи. Съ началомъ фабричнаго, капиталистическаго производства и его прогрессивнымъ развитіемъ, ряды рабочаго пролетаріата стали пополняться. Съ одной стороны фабрика согнала съ земли многихъ изъ тѣхъ крестьянъ, собственниковъ или арендаторовъ, которымъ удалось отстоять свои хозяйства отъ раззорительныхъ огражденій, отъ подавляющей конкурренціи крупныхъ хозяйствъ и отъ заманчивыхъ предложеній стремившихся въ лэндлорды капиталистовъ. Дѣло въ томъ, что многіе изъ мелкихъ хозяйствъ могли отстаивать свое существованіе лишь при помощи подсобныхъ промысловъ, въ видѣ тѣхъ или другихъ домашнихъ (кустарныхъ) ремесленныхъ производствъ. Подавляющая конкурренція фабрики подорвала кустарные промыслы и тѣмъ заставила множество крестьянъ-собственниковъ или арендаторовъ разстаться съ землей и искать заработка въ городѣ или на той самой фабрикѣ, которая раззорила ихъ хозяйства. Вчерашній сельскій хозяинъ, зачастую собственникъ, становился пролетаріемъ, то-есть человѣкомъ, для котораго наемный трудъ являлся единственнымъ средствомъ къ существованію. Но еще бо́льшія опустошенія произвела фабрика въ рядахъ ремесленнаго класса, который, несмотря на развитіе мануфактуръ, все еще продолжалъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ главную долю промышленнаго производства страны. Но если большинство ремесленныхъ предпріятій могли съ успѣхомъ выдерживать конкурренцію мануфактуръ, которыя отъ простыхъ мастерскихъ отличались лишь бо́льшими размѣрами да примѣненіемъ начала раздѣленія труда, но труда все же ручного,— то лишь въ исключительныхъ случаяхъ ремесленныя предпріятія могли устоять противъ подавляющей конкурренціи фабричнаго производства. Такъ какъ ремесленникъ не въ состояніи былъ обставить свою мастерскую недоступными ему по своей дороговизнѣ машинами, то ему ничего другого не оставалось, какъ ликвидировать свое хозяйство и вмѣстѣ съ своими подмастерьями идти въ городъ или на фабрику, пополнять собою все болѣе и болѣе густые ряды пролетаріата.

Пролетаріатъ и рабочее движеніе.

Пролетаріатъ, существовавшій ранѣе лишь въ видѣ сравнительно немногочисленныхъ, разсѣянныхъ и ничѣмъ взаимно не связанныхъ группъ городскихъ и мануфактурныхъ рабочихъ, подъ вліяніемъ быстраго роста фабричной промышленности и прогрессивной пролетаризаціи широкихъ слоевъ населенія, выросъ во внушительный своею численностью классъ, сгруппированный во многолюдныя агломераціи (нѣкоторые фабричные центры уже въ концѣ XVIII в. насчитывали сотни тысячъ рабочихъ), объединенный одинаково обездоленнымъ и необезпеченнымъ положеніемъ. Положеніе это, естественно, вызывало у рабочихъ острое чувство недовольства и не менѣе острое желаніе улучшить свою горькую долю. Это недовольство и это желаніе были первыми общими чувствами пролетаріата,—тѣмъ, что можно назвать его безсознательною классовою солидарностью. Когда постепенно эта безсознательная или полусознательная солидарность, частью при помощи самостоятельной работы мысли самихъ рабочихъ, частью при идейномъ содѣйствіи со стороны мыслителей изъ непролетарскихъ слоевъ, доразвилась до сознательной солидарности, тогда начался тотъ сложный общественный процессъ, которому, подъ названіемъ рабочаго или соціальнаго движенія, суждено было сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ новѣйшей исторіи, какъ Англіи, такъ и всей З. Европы, а вслѣдъ за нею и остальнаго культурнаго міра.

Сознательное рабочее движеніе въ Англіи начинается не ранѣе тридцатыхъ годовъ XIX в. Ему предшествовало то, что можно назвать безсознательнымъ рабочимъ движеніемъ. Это безсознательное, носившее стихійный характеръ, движеніе выражалось въ болѣе или менѣе бурныхъ и буйныхъ проявленіяхъ ненависти рабочихъ къ фабрикѣ и машинѣ, въ которыхъ они видѣли первопричину своихъ бѣдствій. Случаи разгрома фабрикъ и уничтоженія или порчи машинъ озлобленными рабочими имѣютъ мѣсто уже въ концѣ XVIII в. Въ первые годы XIX в. столѣтія они настолько учащаются, что парламентъ находитъ себя вынужденнымъ издать законъ (1812 г.), каравшій смертною казнью участниковъ фабричныхъ погромовъ. Эта стихійная ненависть рабочихъ къ фабрикамъ и машинамъ становится вполнѣ понятною, если принять во вниманіе то, дѣйствительно, тяжелое положеніе, въ какомъ очутились большинство рабочихъ въ первую пору произведеннаго машинами про-

мышленнаго переворота. Начать съ того, что быстро увеличивавшееся предложеніе рабочихъ рукъ, вслѣдствіе численнаго роста пролетаріата, настолько понизило зоработную плату, что рабочимъ приходилось буквально голодать. Достаточно сказать, что понизившаяся къ 1802 г. до 14 шиллинговъ (шиллингъ равняется приблизительно нашему полтиннику) въ недѣлю заработная плата ткача четыре года спустя опустилась до 10 шиллинговъ, потомъ до 6, а въ 1816 г. даже до пяти, и это въ то время, какъ продукты первой необходимости, начиная съ хлѣба, прогрессивно дорожали: такъ, пшеница съ 1802 до 1812 г. поднялась въ цѣнѣ вдвое. Пониженіе заработной платы и вздорожаніе хлѣба въ эту пору объясняются отчасти установленіемъ пошлины на привозный хлѣбъ (безъ котораго, однако, Англія не могла обойтись даже при самомъ богатомъ урожаѣ), отчасти затрудненіями какъ ввозной, такъ и въ особенности вывозной торговли вслѣдствіе войны съ наполеоновской Франціей, особенно со времени введенія Наполеономъ знаменитой „континентальной системы“ (см. выше стр. 112). Наконецъ, понижающимъ образомъ на заработную плату вліяло сдѣлавшееся возможнымъ при машинномъ производствѣ широкое примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда въ различныхъ второстепенныхъ операціяхъ фабричнаго производства. Независимо отъ пониженія заработной платы вслѣдствіе конкурренціи женскаго и дѣтскаго труда, широкое примѣненіе послѣдняго имѣло тяжелыя въ моральномъ и физическимъ отношеніяхъ послѣдствія для рабочаго, разрушая его семейный очагъ и подтачивая физическое и моральное здоровье его потомства. Благодаря полному отсутствію законодательной защиты дѣтей, на фабрикахъ работали дѣти начиная съ семи и даже шести-лѣтняго возраста, при чемъ ихъ заставляли работать до 12 часовъ и болѣе въ сутки. Для взрослыхъ рабочихъ нормой былъ 14-часовой рабочій день, но зачастую продолжительность послѣдняго доходила до 16, а иногда даже до 18 часовъ. Такимъ образомъ, если съ одной стороны, конкурренція между самими рабочими понижала до ненормально низкаго уровня заработную плату, то, съ другой стороны, конкурренція между фабрикантами приводила къ неслыханной дотолѣ эксплуатаціи рабочихъ. Государство не считало себя въ правѣ вмѣшиваться въ отношенія между рабочимъ и нанимателемъ, которыя считались исключительно дѣломъ ихъ взаимнаго свободнаго договора. Рабочему же, при наличности конкурренціи въ рядахъ самого пролетаріата, не оставалось обыкновенно другого выбора, какъ безусловное подчиненіе требованіямъ нанимателя, или голодная смерть.

Положеніе рабочаго класса.

Безотрадность положенія фабричнаго рабочаго увеличивалась еще совершеннымъ отсутствіемъ обезпеченности даже хотя бы этого полуголоднаго существованія, зачастую при сверхсильномъ трудѣ. Оставляя въ сторонѣ полную необезпеченность рабочаго на случай увѣчья, болѣзни или старческой дряхлости, онъ никогда не могъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Въ случаѣ промышленнаго кризиса, рабочаго ожидала безработица. Эти два взаимно сопряженныя явленія — промышленный кризисъ и безработица — были извѣстны и мануфактурному періоду, но никогда они не достигали такого размаха и такой остроты, какъ съ введеніемъ машиннаго производства. Благодаря необычайно возросшей производительности промышленности, сдѣлалось довольно обычнымъ явленіемъ перепроизводство, то-есть излишнее производство продуктовъ сравнительно съ потребностью рынка. Не находя сбыта своимъ продуктамъ, фабрикантъ принужденъ либо сократить производство, либо пріостановить его, либо наконецъ совсѣмъ ликвидировать свое предпріятіе, что влечетъ за собою потерю работы для болѣе или менѣе значительнаго числа рабочихъ. Промышленный кризисъ можетъ неожиданно разразиться и независимо отъ перепроизводства,—вслѣдствіе внезапныхъ измѣненій въ условіяхъ рынка или затрудненій въ вывозѣ товаровъ, напримѣръ — вслѣдствіе войны. Фабричное производство, значительно расширивъ площадь своихъ рынковъ, тѣмъ самымъ поставило себя въ зависимость отъ множества такихъ условій хозяйственной, политической и международной жизни, которыхъ невозможно ни предусмотрѣть, ни учесть, ни предотвратить.

Промышленные кризисы и безработица

Всѣ эти новыя явленія не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія на мыслящихъ современниковъ. Изобрѣтатели машинъ и ихъ современники были увѣрены, что привлеченіе стихійныхъ силъ на помощь человѣческому труду облегчитъ положеніе рабочаго класса. Дѣйствительность не замедлила разрушить эти иллюзіи. Никогда еще трудъ наемнаго рабочаго не былъ столь тяжелымъ, и въ тоже время никогда онъ не обезпечивалъ рабочему въ меньшей степени хлѣбъ насущный, чѣмъ это оказалось послѣ введенія машинъ. Что же это значитъ? Въ чемъ причины этого неожиданнаго явленія? И что надо сдѣлать, чтобы положить конецъ столь невыносимому положенію рабочаго класса? Первая серьезная попытка дать этимъ вопросамъ теоретическое, а отчасти и практическое рѣшеніе принадлежитъ шотландцу Роберту Оуэну (1771—1858) [1]).

Робертъ Оуэнъ.

[1]) Robert Owen. Autobiography. London, 1857; L. Jones. Life of Robert Owen, 2 vol. London, 1890; W. Sargant. Robert Owen and his Social Philosophy.

Образованный и филантропически настроенный, Робертъ Оуэнъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ нельзя лучше поставленъ для того, чтобы близко изучить положеніе фабричныхъ рабочихъ: онъ самъ былъ фабрикантомъ, владѣльцемъ большой хлопчатобумажной фабрики въ Нью-Лэнаркѣ, близъ Глэзго.

Къ дѣлу онъ подошелъ сначала, какъ филантропъ. Онъ началъ съ того, что устранилъ на своей фабрикѣ все, что имѣло характеръ эксплуатаціи рабочихъ. Онъ установилъ заранѣе размѣры, ниже которыхъ ни въ какомъ случаѣ не должна была понижаться заработная плата; сократилъ рабочій день до десяти съ половиной часовъ; не бралъ на свою фабрику дѣтей моложе 12-лѣтняго возраста и завелъ школу для дѣтей рабочихъ. Когда, вслѣдствіе промышленнаго кризиса, ему временно пришлось пріостановить производство, онъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ платить своимъ рабочимъ обычную плату. Оуэнъ пытался добиться у парламента, чтобы заведенные имъ на его фабрикѣ порядки были законодательнымъ путемъ сдѣланы обязательнымъ для всѣхъ фабрикантовъ. Это была первая идея государственнаго покровительства рабочимъ, нашедшая себѣ позднѣе практическое осуществленіе въ такъ называемомъ рабочемъ законодательствѣ. Но въ ту пору идея эта не встрѣтила себѣ сочувствія. Англичанамъ претила мысль о вторженіи государства въ частныя отношенія между гражданами. Къ тому же нѣкоторые изъ введенныхъ Оуэномъ порядковъ, какъ, напримѣръ, плата рабочимъ во время пріостановки производства, были практически неосуществимы, въ качествѣ общеобязательной нормы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Оуэнъ выступилъ и какъ теоретикъ. Въ цѣломъ рядѣ печатныхъ сочиненій онъ развилъ свои идеи о способахъ улучшить положеніе фабричныхъ рабочихъ. Радикальнымъ средствомъ для освобожденія ихъ отъ эксплуатаціи со стороны капиталистовъ онъ считалъ рабочія коопераціи, то-есть союзы для совмѣстнаго производства. Вмѣсто того, чтобы отдавать свой трудъ капиталисту-фабриканту, рабочіе должны соединяться въ товарищества, которыя бы въ складчину заводили собственныя фабричныя предпріятія, управляемыя выборными людьми изъ среды самихъ рабочихъ. Въ качествѣ дополненія къ коопераціямъ производителей, Оуэнъ рекомендовалъ товарищества потребителей,

2 vol. London, 1890; Ed. Dolléans. Robert Owen. Paris, 1907; F. Podmor. Robert Owen. London, 1906. Сокращенное изложеніе этой послѣдней книги было напечатано въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1909 г. См. также: Туганъ-Барановскій. Очерки новѣйшей политической экономіи. Спб. 1909; А. Миклашевскій. Исторія политической экономіи. Юрьевъ, 1909 стр. 301 и далѣе.

которыя бы сдѣлали ненужными дорого стоящихъ посредниковъ между производителями и потребителями. Въ своихъ кооперативныхъ и потребительскихъ товариществахъ Оуэнъ видѣлъ радикальное средство для рѣшенія соціальнаго вопроса. Мысль о переустройствѣ всего общества на кооперативныхъ началахъ онъ считалъ вполнѣ осуществимой. Въ этомъ преобразованномъ обществѣ не будетъ ни частной собственности, ни денегъ. Всѣ будутъ работать соотвѣтственно своему возрасту и силамъ. Дѣти до 15 лѣтъ будутъ посѣщать школы, одинаковыя для всѣхъ. Послѣ этого они начнутъ принимать участіе въ производствѣ. Интенсивность работы будетъ возрастать съ лѣтами и достигнетъ своего наибольшаго напряженія въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Въ возрастѣ 25—30 лѣтъ люди будутъ исполнять обязанности по распредѣленію и храненію продуктовъ. Въ возрастѣ 30—40 лѣтъ на нихъ будутъ лежать заботы о правильномъ ходѣ производства и потребленія и всей внутренней жизни кооперація. Люди въ возрастѣ 40—60 лѣтъ будутъ завѣдовать обмѣномъ продуктовъ кооперацій съ другими коопераціями, при чемъ обмѣнъ этотъ будетъ производиться въ строгой соразмѣрности съ количествомъ затраченнаго на ихъ производство труда. Общее управленіе всѣми коопераціями будетъ находиться въ рукахъ совѣта изъ старѣйшихъ членовъ всѣхъ кооперацій. Жизнь организованнаго на этихъ началахъ общества будетъ царствомъ справедливости; порочность и несчастье сдѣлаются лишь воспоминаніемъ. „При помощи системы единенія и кооперацій, основанной на всеобщей любви къ ближнему, проистекающей изъ истиннаго познанія человѣческой природы, будетъ достигнуто всеобщее счастье“.

Проповѣдь Оуэна не осталась безрезультатной. Подъ его вліяніемъ, съ 1824 г. начинаютъ, дѣйствительно, возникать рабочія кооперацій и потребительскія товарищества. Послѣднія имѣли, впрочемъ, большій успѣхъ, чѣмъ первыя. Изъ Англіи потребительскія товарищества распространились потомъ и на континентѣ.

Утопическій соціализмъ.

Въ противоположность индивидуальному характеру капиталистическихъ, фабричныхъ предпріятій, предпріятія кооперативныя имѣли характеръ общественный или „соціальный“: отсюда названіе соціалистовъ, усвоенное участниками оуэновскихъ кооперацій. Послѣднія осуществили, впрочемъ, лишь практическую часть оуэновскаго соціализма, который, какъ легко видѣть изъ предыдущаго, содержалъ въ себѣ значительную долю несбыточности, утопизма. Общественную доктрину Оуэна принято поэтому называть утопическимъ соціализмомъ. Отъ позднѣйшаго соціализма

съ его революціонными тенденціями этотъ ранній, „утопическій“ соціализмъ отличается вполнѣ мирнымъ характеромъ. „Соціалисты“ оуэновскихъ кооперацій были чужды какихъ-либо революціонныхъ стремленій, и самъ Оуэнъ ожидалъ осуществленія своего идеала отъ постепенной мирной перестройки общества на предложенныхъ имъ началахъ, единственно въ силу постепеннаго проникновенія людей убѣжденіемъ въ правотѣ и превосходствѣ проповѣдуемыхъ имъ идей. Мысль о какомъ-либо насильственномъ переворотѣ была ему, первоначально по крайней мѣрѣ, совершенно чужда [1]).

Проповѣдь Оуэна не осталась безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ соціальнаго движенія и въ частности — на пробужденіе сознанія классовой солидарности англійскаго пролетаріата, тѣмъ болѣе, что въ томъ же направленіи вліяла какъ вся соціально-хозяйственная обстановка жизни рабочихъ массъ, такъ и въ частности нѣкоторые выдающіеся факты общественно-политической дѣйствительности первыхъ трехъ десятилѣтій XIX в. Самыми крупными изъ этихъ фактовъ были: борьба за отмѣну такъ называемыхъ хлѣбныхъ законовъ и борьба за парламентскую реформу.

Борьба за отмѣну хлѣбныхъ законовъ и за парламентскую реформу.

Происхожденіе „хлѣбныхъ законовъ“ (Corn laws) связано, съ одной стороны—съ финансовыми затрудненіями, созданными продолжительными войнами съ революціонной и наполеоновской Франціей, съ другой—съ эгоистическими стремленіями правящей аристократіи. Происхожденіе хлѣбныхъ законовъ.

Двадцать слишкомъ лѣтъ почти непрерывныхъ войнъ оставили тяжелое наслѣдіе въ видѣ огромнаго государственнаго долга, достигавшаго восьми милліардовъ рублей, и параллельнаго увеличенія государственныхъ расходовъ: за этотъ промежутокъ времени они увеличились въ восемь разъ. Пришлось повысить подати и ввести цѣлый рядъ новыхъ налоговъ. Классовый эгоизмъ правящей аристократіи сказался при этомъ въ томъ, что въ то время, какъ введенный въ военную пору прямой подоходный налогъ, ложив-

[1]) Позднѣе, въ тридцатыхъ годахъ, разочарованный неудачами и противодѣйствіемъ правящихъ круговъ, Оуэнъ сталъ агитировать за всеобщую стачку рабочихъ, для того чтобы принудить парламентъ вотировать законъ о восьмичасовомъ днѣ. Но этотъ по существу революціонный шагъ не стоялъ въ прямой логической связи съ „соціализмомъ“ Оуэна.

шійся на зажиточные классы, главнымъ образомъ на землевладѣльцевъ (такъ какъ торговый и промышленный доходъ, не поддававшійся точному учету, въ значительной своей части ускользалъ отъ обложенія), былъ отмѣненъ, новые косвенные налоги были распространены на предметы первой необходимости. Наконецъ, обложили высокой пошлиной привозимый изъ-за границы хлѣбъ, что было въ сущности равносильно косвенному налогу на этотъ предметъ первѣйшей необходимости, такъ какъ обойтись безъ ввознаго хлѣба Англія, все равно, не могла. Пошлиной на ввозный хлѣбъ имѣлось въ виду удержать хлѣбныя цѣны на томъ высокомъ уровнѣ, до котораго онѣ поднялись во время войны. Это былъ въ сущности плохо замаскированный крупный подарокъ, сдѣланный самой себѣ правящей аристократіей въ ущербъ остальному населенію страны. Возстановленная хлѣбными законами 1815 г. искусственная дороговизна хлѣба дала себя, особенно на первыхъ порахъ, тяжело почувствовать городскому и фабричному пролетаріату, тѣмъ болѣе, что прекращеніе войны не только не дало ему ожидаемаго облегченія, а напротивъ, принесло съ собою новыя невзгоды. Дѣло въ томъ, что за время войны Англія порастеряла значительную часть своихъ европейскихъ рынковъ. Затрудненія, созданныя для англійской торговли войной, въ особенности въ эпоху „континентальной системы“, послужили толчкомъ къ развитію фабричной промышленности на континентѣ; а съ прекращеніемъ войны, континентальныя правительства поспѣшили ввести у себя покровительственныя пошлины на иностранные (то-есть главнымъ образомъ англійскіе) фабричные товары, для огражденія отечественной промышленности отъ иноземной (то-есть прежде всего — англійской) конкурренціи. Эта покровительственная таможенная политика континентальныхъ правительствъ подсказывалась отчасти самой же Англіей, введшей у себя покровительственную пошлину на главный предметъ континентальнаго вывоза—хлѣбъ.

Борьба противъ хлѣбныхъ законовъ.

Хлѣбныя пошлины вызвали также сильное неудовольствіе и въ рядахъ промышленной и торговой буржуазіи, такъ какъ онѣ, во-первыхъ, стѣсняли хлѣбную торговлю, которой были заняты англійскіе купцы и англійскіе судовладѣльцы и, во-вторыхъ, угнетали обрабатывающую промышленность, удорожая рабочія руки. Вообще противниками хлѣбныхъ законовъ были городскіе классы. Хлѣбные законы, хотя и нѣсколько смягченные впослѣдствіи, просуществовали вплоть до 1846 г., когда, наконецъ были отмѣнены парламентомъ, въ которомъ, благодаря проведенной въ 1832 г.

реформѣ избирательной системы, земельная аристократія постепенно утратила свое господствующее положеніе. Реформа эта была результатомъ продолжительной и острой борьбы, въ которой выдающуюся роль играла основанная приверженцемъ свободы международной торговли (free trade, откуда—„фритредеры“) Кобденомъ (1804—1865) [1]) „Лига противъ хлѣбныхъ законовъ“ (Anti-Corn-Law-League). Борьба эта сыграла очень важную роль въ политической и соціальной исторіи Англіи въ первой трети XIX в. Въ частности борьба эта представляетъ особый интересъ для исторіи соціальнаго движенія, такъ какъ въ этой борьбѣ созданный промышленнымъ переворотомъ рабочій пролетаріатъ впервые выступилъ въ качествѣ серьезной политической силы. Кобденъ.

Непосредственнымъ результатомъ протекціонистской политики континентальныхъ правительствъ было рѣзкое сокращеніе англійскаго вывоза и, какъ слѣдствіе этого сокращенія—острый промышленный кризисъ, поставившій десятки тысячъ рабочихъ въ положеніе безработныхъ. Кризисъ и безработица тѣмъ тяжелѣе отразились на положеніи рабочаго пролетаріата, что ряды послѣдняго какъ разъ пополнились распущенными въ это время по домамъ послѣ окончанія войны солдатами и матросами.

Роль англійскаго пролетаріата въ борьбѣ за парламентскую реформу.

Въ этой многочисленной теперь массѣ обездоленныхъ нашла для себя какъ нельзя болѣе благопріятную почву мало успѣшная до сихъ поръ агитація радикаловъ: этимъ послѣднимъ именемъ назывались сторонники парламентской реформы [2]). Борьба за реформу дала первый случай только-что начинавшему слагаться въ общественный классъ рабочему пролетаріату выступить въ качествѣ политической, хотя пока еще и не организованной силы. Поспѣшимъ теперь же замѣтить, что выступленіе это имѣетъ гораздо болѣе политическій, чѣмъ соціальный характеръ. Пролетаріатъ выступаетъ въ этой борьбѣ не въ качествѣ соціальнаго класса, сознательно борющагося за свои интересы, а въ качествѣ полусознательнаго орудія въ рукахъ не-пролетарской партіи радикаловъ-реформистовъ. Угнетенное вслѣдствіе промышленнаго кризиса и вліянія хлѣбныхъ законовъ состояніе рабочихъ дало радикаламъ возможность безъ особеннаго труда направить недовольство рабочихъ массъ въ

[1]) F. von Holtzendorff. Richard Cobden. Berlin, 1874; Rogers. Cobden and modern political Opinion. London, 1873; Gilchrist. Cobden, the Apostole of Free-trade. London, 1867; Bastiat. Cobden et la Ligue. Paris, 1845.

[2]) W. Harris. History of the Radical Party in Parliament. London, 1885; Rowland Kent. The English Radicals. London, 1899.

русло чисто политической борьбы за реформу парламента. Радикальнымъ публицистамъ и ораторамъ нетрудно было изобразить въ глазахъ массъ ненавистные имъ хлѣбные законы, какъ наглядное доказательство того, что парламентъ не представляетъ собою настроенія и интересовъ народа и слѣдовательно требуетъ реформы.

Вопросъ о реформѣ избирательной системы.

Дѣло шло собственно о реформѣ избирательной системы въ Палату общинъ (или нижнюю палату). Англійскій парламентъ въ широкомъ смыслѣ этого слова [1]), состоялъ, какъ извѣстно, изъ двухъ палатъ. Палата лордовъ (House of Lords) продолжала сохранять свой средневѣковый, феодальный характеръ. Члены ея, лорды, были наслѣдственны. Король имѣлъ право назначать новыхъ лордовъ, но разъ дарованное званіе лорда становилось неотъемлемымъ и наслѣдственнымъ. Палата общинъ (House of Commons, парламентъ въ тѣсномъ смыслѣ) имѣла представительный характеръ и состояла изъ депутатовъ, выбираемыхъ населеніемъ на семь лѣтъ. Но представительство это, благодаря крайней устарѣлости избирательной системы, не подвергавшейся пересмотру съ начала XVII столѣтія, оказывалось въ значительной степени фиктивнымъ. За послѣднія два столѣтія Англія преобразилась до неузнаваемости: изъ страны земледѣльческой и слабо населенной она превратилась въ густо населенную (народонаселеніе ея по меньшей мѣрѣ учетверилось за этотъ періодъ) и первую, по своему промышленному и торговому развитію, страну. На мѣстѣ прежнихъ поселковъ и небольшихъ городковъ выросли промышленные и торговые центры, съ населеніемъ въ десятки тысячъ. Благодаря тому, что то или другое опредѣленное число депутатовъ было пріурочено къ опредѣленнымъ графствамъ или городамъ, независимо отъ количества ихъ населенія, съ происшедшими въ немъ въ теченіе двухъ столѣтій измѣненіями, особенно въ городахъ, получилась крайняя неравномѣрность представительства [2]). Благодаря такому порядку вещей, такіе крупные городскіе центры, какъ Мэнчестеръ (около 100,000 жителей), Бирмингэмъ (около 70,000 жит.), Ливерпуль, Лидсъ, Больтонъ, вовсе не имѣли представителей въ парламентѣ, въ то время, какъ многіе захудалыя, или, какъ ихъ называли, „гнилыя“ мѣстечки посылали по два депутата каждое, хотя

---

[1]) Въ тѣсномъ смыслѣ, въ обычномъ словоупотребленіи (котораго и мы будемъ придерживаться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это не можетъ вызвать недоразумѣній), подъ парламентомъ разумѣютъ палату общинъ или нижнюю палату.

[2]) Депутаты въ парламентъ избирались тремя группами привилегированныхъ корпорацій, а именно: собраніями графствъ (186 депутатовъ), корпораціями городовъ и мѣстечекъ (467 деп.) и университетами (5 деп.).

число избирателей въ нихъ считалось десятками, а иногда и единицами. Случалось, что такое мѣстечко цѣликомъ принадлежало какому-нибудь крупному помѣщику; послѣдній обыкновенно указывалъ избирателямъ, которые всѣ были либо его арендаторами, либо квартирантами, либо служащими, того или другого кандидата въ депутаты, а открытая подача голосовъ на выборахъ лишала зависимыхъ избирателей всякой свободы. Попытки къ сопротивленію со стороны избирателей были рѣдки и никогда не сходили съ рукъ. Въ 1829 г. герцогъ Ньюкэстльскій приказалъ своимъ квартирантамъ и арендаторамъ убираться вонъ за то, что они осмѣлились вотировать не за его кандидата, а за другое лицо. Тамъ, гдѣ почему-нибудь нельзя было пустить въ дѣло строгость, прибѣгали къ подкупу избирателей, благо ихъ было немного. Впрочемъ были и такіе избирательные округа, гдѣ избирателей вовсе не было. Тамъ мѣстному лэндлорду не было нужды ни въ подкупѣ, ни въ другихъ способахъ давленія на избирателей: ему оставалось просто назначить своего депутата или депутатовъ, потому что въ большинствѣ случаевъ эти, какъ ихъ обыкновенно называли, „мѣстечки по назначенію“ (nomination Boroughs) имѣли право посылать каждое двухъ депутатовъ. Одинъ избирательный участокъ представлялъ собою обширный паркъ, другой—большое озеро, образовавшееся на мѣстѣ прежняго поселенія: и паркъ и озеро продолжали, тѣмъ не менѣе, имѣть по два представителя въ парламентѣ. Нѣкоторые землевладѣльцы сдѣлали изъ своего права назначать депутатовъ отъ принадлежащихъ имъ гнилыхъ мѣстечекъ доходную статью, такъ какъ находились охотники пріобрѣтать у нихъ это право на вѣсъ золота, частью изъ числа разбогатѣвшихъ на заморской торговлѣ „набобовъ“, частью изъ числа министровъ и другихъ парламентскихъ дѣятелей, желавшихъ провести въ парламентъ нужныхъ имъ людей.

Въ результатѣ подобнаго порядка вещей оказывалось, что изъ 658 членовъ палаты общинъ семьдесятъ являлись представителями тридцати пяти „гнилыхъ мѣстечекъ“ съ ничтожнымъ числомъ избирателей, либо вовсе не населенныхъ; девяносто депутатовъ посылались сорока шестью мѣстечками, насчитывавшими не свыше пятидесяти избирателей каждое; 37 депутатовъ были отъ 19 поселеній съ числомъ избирателей не болѣе ста, и 52 депутата—отъ 26 избирательныхъ участковъ съ числомъ избирателей не свыше двухсотъ въ каждомъ.

Благодаря всѣмъ этимъ аномаліямъ, въ народномъ представительствѣ участвовало фактически лишь незначи-

тельное меньшинство взрослаго мужского населенія страны (не свыше трехсотъ тысячъ), при чемъ въ этомъ меньшинствѣ преобладающая роль принадлежала сравнительно небольшой привилегированной группѣ избирателей (приблизительно 15,000), преимущественно изъ землевладѣльческой аристократіи [1]).

Избирательныя аномаліи давали себя серьезно чувствовать уже въ XVII в., а начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ XVIII в. начинается систематическая агитація въ пользу реформы избирательной системы. Но такъ какъ эти аномаліи были въ интересахъ правительства и вліятельной земельной аристократіи, фактическимъ органомъ которой являлся парламентъ, то требованіе реформы натолкнулось на могучее противодѣйствіе. Вскорѣ послѣднее нашло себѣ опору въ усилившихся, подъ вліяніемъ французской революціи, реакціонныхъ теченіяхъ въ англійскомъ обществѣ и въ правящихъ кругахъ Англіи. Приверженцевъ реформы стали третировать, какъ „революціонеровъ“. Въ противовѣсъ революціи выставляли „старую Англію“, какъ политическій идеалъ. Наступившій затѣмъ продолжительный періодъ войнъ, сначала съ революціонной, потомъ—съ наполеоновской Франціей, отвлекъ вниманіе правительства и общества въ Англіи отъ внутреннихъ вопросовъ и надолго отодвинулъ рѣшеніе вопроса о парламентской реформѣ. Изъ этого бурнаго періода „старая Англія“ вышла не только цѣлой, но, казалось, даже окрѣпшей. Торжество консервативныхъ элементовъ въ Англіи вполнѣ гармонировало съ наступившимъ послѣ 1815 г. во всей Европѣ поворотомъ въ сторону реакціи.

Но это торжество было непродолжительно. Реакція не замедлила вызвать контръ-реакцію, а своимъ систематическимъ противодѣйствіемъ назрѣвшимъ реформамъ и упорнымъ нежеланіемъ считаться съ интересами широкихъ слоевъ націи правящіе круги Англіи лишь усилили ряды оппозиціи и заставили тѣснѣе сплотиться различныя оппозиціонныя группы. Важнѣйшими изъ этихъ группъ были реформисты и католики. Объ группы объединяло общее недовольство существующей системой парламентскихъ выборовъ, и католики такъ же, какъ и реформисты, добивались измѣненія послѣдней, хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ реформисты.

Реформисты и католики.

Въ эпоху борьбы реформированной и сдѣлавшейся государ-

[1]) A. Porritt The Unreformed House of Commons. Cambridge, 1903.

ственной, „англиканской церкви“ съ католичествомъ, католики были устранены ото всѣхъ государственныхъ должностей и изъ парламента. Это положеніе вещей, закрѣпленное такъ-называемымъ „актомъ о присягѣ“ (Test Act, 1673), продолжавшимъ оставаться въ силѣ и въ XIX в., было особенно тягостно для ирландцевъ, которые въ подавляющемъ большинствѣ своемъ принадлежали къ католическому вѣроисповѣданію. Ирландцы принуждены были избирать своими представителями въ парламентъ протестантовъ. Ненормальность такого положенія вещей, являвшагося въ началѣ XIX в. вопіющимъ анахронизмомъ, признавали и многіе изъ членовъ англійскаго парламента, преимущественно въ средѣ вигговъ. Начиная съ 1813 г. сторонники равноправія католиковъ ежегодно вносили въ палату общинъ законопроектъ объ отмѣнѣ ограниченій для послѣднихъ, но каждый разъ оставались въ меньшинствѣ—вплоть до 1821 г., когда, наконецъ, законопроектъ о равноправіи получилъ за себя большинство голосовъ. Но для того, чтобы получить значеніе закона, биллю надо было еще получить одобреніе Палаты лордовъ и короля. Лорды отвергли билль, а король Георгъ IV (1820—1830) не хотѣлъ и слышать о равноправіи католиковъ, заявляя, что онъ связанъ королевской присягой, обязывающей его поддерживать прерогативы англиканской церкви.

«Актъ о присягѣ».

Тогда ирландскіе католики, во главѣ которыхъ сталъ одинъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей Ирландіи, О'Коннель (1775—1847) [1]) усилили агитацію, образовавъ такъ-называемую „Католическую ассоціацію“. Послѣдняя путемъ прессы и митинговъ старалась повліять на общественное мнѣніе Англіи, а черезъ него—на лордовъ и на короля.

О'Коннель и «Католическая Ассоціація».

Во главѣ правительства, въ качествѣ премьера, сталъ въ 1827 г. одинъ изъ сторонниковъ равноправія католиковъ, умѣренный тори Каннингъ (1770—1827) [2]). Но онъ вскорѣ умеръ, и „каннингисты“, какъ стали называть его сторонниковъ въ правящихъ кругахъ, принуждены были уйти изъ министерства. Приверженцамъ реформы удалось, однако, добиться законодательной отмѣны ограниченій, существовавшихъ для протестантовъ-диссентеровъ (то-есть не принадлежавшихъ къ англійской реформированной церкви) и тѣмъ пробить серьезную брешь въ „актѣ“ 1673 г. Вмѣстѣ съ

[1]) Moriarty. Leben und Wirken Daniel O'Connel's. Leipzig, 1843; O'Rourke. The centenary Life of O'Connell. Dublin, 1875.

[2]) F. H. Hill. Life of G. Canning. London, 1887; Marriott. George Canning and his Times. London, 1903; A. G. Stapleton. Life and Time of G. Canning. London, 1859; Temperley. George Canning. London, 1905; G. Canning. Correspondance. 2 vol. London, 1887; G. Canning. Speeches. 6 vol. London, 1836.

тѣмъ была значительно ослаблена позиція защитниковъ неприкосновенности послѣдняго и по отношенію къ католикамъ. Между тѣмъ отказъ католикамъ въ равноправіи, которое было дано другимъ нонконформистамъ (то-есть не принадлежавшимъ къ господствующему англиканскому исповѣданію) настолько усилилъ броженіе въ Ирландіи, что можно было опасаться возстанія. Чтобы не доводить дѣло до кровопролитія, правительство и король рѣшили отказаться отъ дальнѣйшаго противодѣйствія; уступили и лорды, и въ 1829 г. вопросъ о политическомъ равноправіи католиковъ, по крайней мѣрѣ—поскольку дѣло шло о доступѣ въ парламентъ, былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ [1]).

Отмѣна «акта о присягѣ».

Эта частичная реформа устарѣлаго парламентскаго строя въ значительной степени расчистила дорогу для той болѣе общей реформы, которой добивались издавна англійскіе реформисты или радикалы, какъ ихъ обыкновенно называли на томъ основаніи, что они выставляли своимъ девизомъ „радикальную реформу“ парламента (т.-е. собственно—избирательной системы), хотя въ сущности ихъ реформаторскіе планы, первоначально по крайней мѣрѣ, вовсе не имѣли радикальнаго характера въ современномъ значеніи этого слова. Первоначально они не требовали всеобщаго избирательнаго права, а лишь настаивали на устраненіи наиболѣе рѣзкихъ аномалій въ избирательной системѣ и такого расширенія избирательнаго права, которое бы открыло доступъ въ парламентъ независимымъ отъ землевладѣльческой аристократіи слоямъ городского населенія—буржуазіи и рабочихъ. Послѣднее требованіе, относительно рабочихъ, независимо отъ программныхъ стремленій, подсказывалось также и тактическими соображеніями, такъ какъ радикаламъ-реформистамъ было важно привлечь на свою сторону рабочія массы.

Моментъ, отмѣченный разгаромъ промышленнаго кризиса и безработицы въ 1816 г., создавалъ какъ нельзя болѣе благопріятную почву для реформистской агитаціи. Для того чтобы втянуть въ движеніе рабочія массы и посредствомъ нихъ оказать давленіе на правящую аристократію, радикалы организовали цѣлый рядъ митинговъ, на которыхъ ораторы старались выяснить рабочимъ связь между ихъ тяжелымъ положеніемъ и недостатками существующаго парламентскаго режима, устраняющаго рабочихъ и симпатизирующіе имъ элементы отъ участія въ народномъ представительствѣ.

Реформистская агитація.

---

[1]) W. Amherst. History of Catholic Emancipation. 2 vol. London, 1886.

Правительство думало первоначально справиться съ движеніемъ путемъ строгостей. Митинги стали закрывать и разгонять силой. При открытіи парламентской сессіи регентъ заявилъ торжественно, что существующій въ Англіи порядокъ есть самый совершенный изъ всѣхъ, какими когда-либо пользовались другіе народы. Лондонскіе рабочіе были на этотъ счетъ другого мнѣнія и выразили свое несогласіе съ заявленіемъ регента враждебными возгласами и нѣсколькими булыжниками, брошенными въ его карету при отъѣздѣ изъ парламента. Тогда правительство, въ закрытомъ засѣданіи, вошло въ парламентъ съ представленіемъ о необходимости принять энергичныя мѣры противъ „угрожающихъ общественному порядку собраній и сообществъ“, стремящихся къ „ниспроверженію всего политическаго строя королевства“. Палата, въ которой преобладали консервативные элементы, постановила немедленно пріостановить дѣйствіе Habeas Corpus и уполномочила судей задерживать и сажать въ тюрьму безъ суда составителей и распространителей „мятежныхъ сочиненій“. Вслѣдъ затѣмъ былъ вотированъ законъ, уполномочивавшій правительство распускать и прекращать при помощи вооруженной силы всякое собраніе, на которомъ будутъ раздаваться рѣчи противъ правительства и конституціи (1817 г.).

Эти исключительныя мѣры, однако, не положили конца начавшимся на почвѣ реформистской агитаціи волненіямъ. Главнымъ очагомъ послѣднихъ сдѣлался промышленный мэнчестерскій районъ. Несмотря на запрещенія, продолжали устраиваться многолюдные митинги и массовыя шествія, иногда приводившія къ столкновеніямъ съ вооруженной силой. Болѣе горячія головы стали даже призывать къ вооруженному возстанію. Кое-гдѣ военнымъ отрядамъ приходилось разсѣивать толпы вооруженныхъ.

Но эти крутыя мѣры лишь внесли новый элементъ раздраженія и въ безъ того приподнятое настроеніе рабочихъ массъ и тѣмъ дали новую пищу радикально-реформистской агитаціи, которая, дѣйствительно, стала теперь пріобрѣтать радикальный характеръ. Реформисты уже не довольствовались требованіемъ устраненія наиболѣе рѣзкихъ несообразностей въ устарѣвшей избирательной системѣ, но предъявляли цѣлый рядъ такихъ требованій, которыя въ общей совокупности составляли программу радикальной реформы парламента въ демократическомъ духѣ. Они требовали всеобщаго избирательнаго права, съ отмѣной избирательнаго ценза, ежегоднаго перевыбранія парламента, жалованья депутатамъ и т. д.

Особеннымъ многолюдствомъ и серьезными послѣдствіями отли-

чался устроенный радикалами митингъ въ окрестностяхъ Мэнчестера, въ 1819 г. Собралось до 80.000 человѣкъ. Характерно, что организаторы митинга явились въ якобинскихъ красныхъ колпакахъ („фригійскихъ шапочкахъ"), служившихъ въ ту пору символомъ французской революціи. У послѣдней же заимствованы были и нѣкоторые изъ девизовъ, которые организаторы митинга помѣстили на своихъ флагахъ, напримѣръ: „Свобода или смерть!" Характерно также и то, что на ряду съ чисто политическими требованіями здѣсь фигурировали и болѣе понятныя рабочимъ массамъ требованія экономическія (напр.: „долой хлѣбные законы!"). Митингъ этотъ былъ разогнанъ вооруженною силой, при чемъ было нѣсколько убитыхъ и много раненыхъ и помятыхъ. Это событіе, окрещенное радикалами „мэнчестерской бойней", а рабочими— ироническимъ названіемъ „битвы при Питерлоо" (въ параллель съ недавней знаменитой битвой при Ватерлоо; мѣстность на которой происходилъ митингъ, называлась Peter's Fields), послужило новымъ агитаціоннымъ средствомъ въ рукахъ радикаловъ, которые нашли себѣ поддержку также въ широкихъ кругахъ лондонской буржуазіи. Совѣтъ лондонскаго Сити (центральной, торговой части города) заявилъ протестъ противъ нарушенія правительствомъ исконнаго права англійскихъ гражданъ „собираться для обсужденія общественныхъ вопросовъ". На эти протесты правительство, опираясь на торійское большинство парламента, отвѣчало цѣлымъ рядомъ новыхъ репрессивныхъ законовъ, которыми ограничивалось право собраній и стѣснялась свобода публичнаго слова и свобода печати. Эти такъ называемые „шесть актовъ", получившіе въ радикальныхъ и либеральныхъ кругахъ саркастическое названіе „законовъ для зажиманія ртовъ", вызвали такое озлобленіе противъ правительства среди радикаловъ, что наиболѣе горячія головы въ ихъ средѣ рѣшили убить всѣхъ министровъ. Но составленный съ этою цѣлью заговоръ былъ во-время обнаруженъ, а его участники, въ числѣ пяти, преданы суду и приговорены къ повѣшенію.

«Мэнчестерская бойня».

Однако, подъ вліяніемъ пережитыхъ страною тяжелыхъ волненій, которыя не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія на правящіе классы, произошелъ замѣтный переворотъ въ ихъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что они и сами тяготились установленнымъ исключительными законами положеніемъ, находившимся въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ установившимися навыками и традиціями англійской свободы. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ крайніе тори въ правительствѣ уступили мѣсто болѣе умѣреннымъ

Поворотъ въ правящихъ классахъ.

изъ консервативныхъ элементовъ, какъ Пиль (1821) и Каннингъ (1822) [1]).

Оставаясь вѣрнымъ традиціямъ англійскаго консерватизма, торійское правительство стало болѣе внимательно прислушиваться къ выдвигаемымъ жизнью новымъ запросамъ и требованіямъ. Бо́льшая податливость правительства по отношенію къ новѣйшимъ либеральнымъ настроеніямъ сказалась, между прочимъ, и во внѣшней политикѣ. Такъ, англійское правительство рѣшительно отказалось отъ вмѣшательства державъ, участницъ Священнаго Союза (отъ вступленія въ послѣдній Англія, какъ мы видѣли, еще раньше уклонилась), во внутреннія дѣла Италіи и Испаніи, для возстановленія тамъ поколебленныхъ революціонными движеніями троновъ. Затѣмъ, Англія первая изъ европейскихъ державъ признала независимость отпавшихъ отъ своей метрополіи испанскихъ владѣній въ Южной Америкѣ (1821—1822 г.). Шагъ этотъ подсказывался Англіи столько же традиціями ея политики, сколько и ея непосредственными выгодами хозяйственнаго характера. Въ дружественныхъ южно-американскихъ республикахъ Англія пріобрѣтала обширный рынокъ для сбыта продуктовъ своей быстро развивавшейся промышленности, и это обстоятельство сыграло не послѣднюю роль въ устраненіи того тяжелаго промышленнаго кризиса, который переживала Англія въ первые годы послѣ заключенія мира.

Наставшее въ началѣ двадцатыхъ годовъ улучшеніе въ положеніи англійской фабричной промышленности, а вмѣстѣ съ ней и въ положеніи рабочаго класса, внесло значительное успокоеніе въ его среду, чему способствовало также проведенное правительствомъ въ парламентѣ частичное облегченіе хлѣбныхъ законовъ (1823 г.); а это успокоеніе дало возможность отмѣнить старые законы, которыми воспрещались рабочимъ всякаго рода союзы.

Законъ 1824 г. и рабочіе союзы.

Проведенный въ 1824 г. объ отмѣнѣ этихъ запрещеній законъ имѣлъ очень важное значеніе для исторіи соціальнаго движенія въ Англіи. Законъ о союзахъ далъ возможность начинавшемуся рабочему движенію войти въ легальное русло. Рабочіе союзы (trade-unions) [2]), существовавшіе до тѣхъ поръ лишь въ видѣ тайныхъ конспиративныхъ организацій, получили съ 1824 г. легальное существованіе. Обыкновенно въ такіе союзы

[1]) О Каннингѣ см. выше, примѣчаніе къ стр. 203.—О Пилѣ: Parker. Sir Robert Peel. London, 1861; Lord Roseberry. Sir Robert Peel. London, 1899; Private Papers of Sir Robert Peel. Ed. by Parker. 3 vol. London, 1891—1899; Robert Peel. Speeches in the House of Commons. 4 vol. London. 1853.

[2]) Sidney Webb. Histoire of Trade-Unionism. London, 1902.

объединялись рабочіе извѣстнаго района, работавшіе въ одной и той же отрасли производства. Это были, слѣдовательно, мѣстные профессіональные союзы. Легализація ихъ дала сильный толчекъ ихъ дальнѣйшему развитію, и „трэдъ-юніоны“ сдѣлались съ тѣхъ поръ излюбленной формой рабочихъ организацій въ Англіи. Наряду съ „тредъ-юніонами“ получили одно время широкое распространеніе, какъ мы видѣли, также кооперативныя товарищества, начало которымъ было положено Робертомъ Оуэномъ; но со временемъ оуэновскія кооперація были оттѣснены на задній планъ традиціонными „трэдъ-юніонами“. Англія, опередившая континентъ въ дѣлѣ промышленнаго развитія, была единственною страною, гдѣ рабочій классъ успѣлъ сорганизоваться прежде, чѣмъ его успѣлъ втянуть въ свое русло (возникшій позднѣе на континентѣ) революціонный соціализмъ. Успѣвшее, благодаря этому, избѣжать деморализующаго вліянія революціоннаго соціализма рабочее движеніе въ Англіи сумѣло сохранить за собой тотъ трезвый, дѣловой и практическій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мирный, легальный характеръ, которымъ оно такъ выгодно отличается отъ рабочаго движенія на континентѣ, гдѣ позднѣе возникшій рабочій классъ, прежде чѣмъ успѣлъ достигнуть совершеннолѣтія, попалъ подъ опеку успѣвшаго сформироваться къ тому времени въ средѣ радикальной интеллигенціи революціоннаго соціализма.

Послѣдовавшая въ 1828—1829 г. частичная парламенская реформа, заключавшаяся въ уравненіи нонконформистовъ съ послѣдователями господствующей англиканской церкви въ избирательныхъ правахъ, нанесла, какъ было замѣчено, серьезный ударъ устарѣлому избирательному режиму. Дальнѣйшій и окончательный ударъ былъ нанесенъ ему парижской іюльской революціей 1830 г.

Іюльская революція и возобновленіе реформистскаго движенія.

Іюльская революція, являвшаяся побѣдой либерализма надъ консерватизмомъ и завершившаяся смѣной династіи безъ нарушенія монархическаго строя, напомнила англичанамъ ихъ „славную революцію“ 1688 г. Парижская революція 1830 г. произвела сильное впечатлѣніе въ Англіи. На торійскіе круги она подѣйствовала угнетающимъ образомъ и, наоборотъ, ободрила виговъ и радикаловъ. Реформисты съ удвоенной энергіей возобновили свою агитацію среди рабочихъ. Главнымъ очагомъ реформистскаго движенія сдѣлался бирмингэмско-мэнчестерскій фабричный районъ. Еще въ концѣ 1829 г. въ Бирмингэмѣ былъ основанъ обширный „Политическій Союзъ для защиты общественныхъ правъ“ (Political Union for the Protection of public Rights), ставившій себѣ задачею—

„добиваться всѣми справедливыми и законными средствами такой реформы палаты общинъ, которая могла бы обезпечить дѣйствительное представительство низшимъ и среднимъ классамъ народа въ палатѣ, и организовать такое выражаніе общественнаго мнѣнія, которое могло бы оказывать справедливое и рѣшительное вліяніе на ходъ и направленіе законодательства страны". Союзъ ставилъ себѣ также цѣлью „вліять всѣми законными средствами на выборы членовъ парламента, содѣйствуя избранію честныхъ и способныхъ народныхъ представителей". Съ начала 1830 г. Союзъ развилъ агитацію за избирательную реформу въ широкихъ размѣрахъ. Успѣху этой агитаціи много способствовалъ разразившійся въ Англіи новый промышленный кризисъ, увеличившій ряды безработныхъ, которые, какъ всегда, представляли особенно благодарный матеріалъ для агитаціи. Окончательному успѣху этой новой кампаніи въ пользу избирательной реформы помогло, во-первыхъ, вызванное іюльской революціей возбужденіе, а во-вторыхъ, послѣдовавшая около того же времени (въ іюнѣ 1830 г.) смерть короля Георга IV. Смерть короля была обстоятельствомъ благопріятнымъ для дѣла реформы въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, сынъ и преемникъ его, Вильгельмъ IV (1830—1837) [1]), не раздѣлялъ непримиримо-враждебнаго отношенія своего отца къ парламентской реформѣ. Во-вторыхъ, согласно закону (отмѣненному въ 1837 г.), смѣна короля обязательно сопровождалась роспускомъ парламента и назначеніемъ новыхъ выборовъ. Это обстоятельство дало возможность реформистамъ принять энергичное участіе въ избирательной кампаніи. Въ самый разгаръ послѣдней пришло въ Англію извѣстіе о происшедшемъ во Франціи переворотѣ, сильно поднявшее духъ радикальныхъ и либеральныхъ элементовъ въ странѣ. Въ разныхъ частяхъ Англіи были устроены митинги и банкеты для выраженія сочувствія дѣятелямъ іюльской революціи. Подъ вліяніемъ этого возбужденія во многихъ мѣстностяхъ въ Англіи организовались мѣстные союзы для борьбы за избирательную реформу. Несмотря на неблагопріятную для реформистовъ избирательную систему, несмотря на усиленное давленіе торійскаго правительства, реформистамъ удалось провести въ палату значительное количество своихъ кандидатовъ. Успѣхъ реформистовъ былъ наглядньшъ доказательствомъ наличности сильнаго реформистнаго теченія въ странѣ и невозможности отстаивать долѣе неприкосновенность устарѣлой избирательной системы. Вслѣдствіе этого, болѣе умѣренные изъ консервативныхъ элементовъ въ парла-

[1]) P. Fitzgerald. Life of William IV. London, 1884.

ментѣ, „каннингисты“, отказались отъ дальнѣйшаго противодѣйствія реформѣ и въ этомъ вопросѣ откололись отъ партіи тори, въ которой остались наиболѣе непримиримые элементы, продолжавшіе бороться противъ реформистскаго движенія.

Когда въ собравшемся въ ноябрѣ 1830 г. новомъ парламентѣ премьеръ лордъ Веллингтонъ (1769—1852) [1]), лидеръ непримиримыхъ тори, высказался категорически противъ парламентской реформы, то большинство, составившееся изъ виговъ, радикаловъ и „каннингистовъ“, вотировало противъ правительства. Веллингтонъ принужденъ былъ подать въ отставку. Во главѣ правительства сталъ престарѣлый лидеръ виговъ, лордъ Грей (1764—1845) [2]), давнишній сторонникъ парламентской реформы. Въ мартѣ 1831 г. онъ выступилъ въ парламентѣ съ проектомъ избирательной реформы. Сущность послѣдней сводилась къ перенесенію избирательнаго права отъ гнилыхъ мѣстечекъ къ тѣмъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ городовъ, которые этимъ правомъ до сихъ поръ не пользовались. Новый законъ предусматривалъ также нѣкоторое расширеніе избирательнаго права въ пользу средней, провинціальной буржуазіи и зажиточнаго крестьянства.

Лордъ Грей и билль о реформѣ.

Билль о реформѣ вызвалъ бурныя и продолжительныя пренія, такъ какъ вчерашнее привилегированное большинство, чувствуя теперь себя въ меньшинствѣ, старалось всячески оттянуть рѣшеніе вопроса и отстоять хотя бы часть своихъ прежнихъ привилегій. Парламентскіе дебаты, длившіеся въ теченіе болѣе года, вызвали напряженное нетерпѣніе въ странѣ. Рабочія массы снова заволновались. Въ ихъ средѣ ходили самые тревожные слухи и господствовала такая увѣренность въ близкомъ переворотѣ, что въ ожиданіи его многіе рабочіе откладывали браки, слуги бросали свои мѣста и т. п. Между тѣмъ противникамъ реформы удалось провести одну существенную поправку къ законопроекту. Лордъ Грей, считая послѣднюю непріемлемой, настоялъ передъ королемъ на роспускѣ палаты и тѣмъ какъ бы аппеллировалъ къ странѣ. Избирательная кампанія велась на этотъ разъ почти исключительно на почвѣ вопроса о парламентской реформѣ. Общественное возбужденіе достигло въ странѣ небывалаго напряженія. Повсюду происходили митинги, принимавшіе зачастую бурный характеръ и сопровождав-

---

[1]) Duke of Wellington. Parliamentary Speeches. London, 1854; H. Maxwell. Life of Wellington. London, 1900.

[2]) C. Grey. Life and Opinions of Charles Earl Grey. London, 1861; Correspondence of William IV and Charles Grey. 2 vol. London, 1867; Correspondence of Charles Grey with Princesse Lieven. 2 vol. London, 1890.

шіеся болѣе и менѣе значительными безпорядками. Правительство же не рѣшалось прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ, изъ опасенія обострить господствующее возбужденіе и скомпрометировать свое собственное положеніе. На этотъ разъ побѣда реформистовъ была рѣшительная. Несмотря на всѣ усилія торійской оппозиціи, если не провались билль, то по крайней мѣрѣ затянуть его принятіе нескончаемыми преніями, билль о реформѣ прошелъ въ палатѣ общинъ значительнымъ большинствомъ голосовъ (345 противъ 236, въ сентябрѣ 1831 г.).

Обструкція торійскаго меньшинства въ палатѣ общинъ и слухи о намѣреніи лордовъ отвергнуть принятый послѣднею билль вызвали новый взрывъ народнаго возбужденія. Опять начались шумные митинги, привлекавшіе десятки тысячъ участниковъ; на одномъ изъ митинговъ близъ Бирмингэма собралось даже свыше ста тысячъ (по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, до полутораста тысячъ) человѣкъ. Митингами этими реформисты разсчитывали оказать давленіе на палату лордовъ съ ея анти-реформистскимъ большинствомъ. Тѣмъ не менѣе билль былъ отвергнутъ лордами, хотя, правда, и незначительнымъ большинствомъ голосовъ (199 противъ 158). Вотумъ лордовъ вызвалъ взрывъ протестовъ. Палата общинъ, въ видѣ протеста противъ вотума верхней палаты, вотировала резолюцію съ выраженіемъ своего довѣрія кабинету. Снова начались митинги, на которыхъ на этотъ разъ раздавались рѣзкія рѣчи противъ лордовъ и выносились порицанія имъ. Въ Лондонѣ возбужденная толпа выбила окна во дворцѣ лорда Веллингтона и даже угрожала ему смертью. Были выбиты окна у многихъ другихъ лордовъ, а одинъ изъ нихъ едва не былъ забросанъ камнями. При этомъ ясно обозначилось движеніе противъ самого существованія верхней палаты. Въ ноябрѣ 1831 г. въ Лондонѣ возникъ такъ называемый „Столичный Союзъ“ (Metropolitan Union), который, въ числѣ другихъ болѣе или менѣе радикальныхъ реформъ, ставилъ себѣ задачею—добиваться уничтоженія палаты лордовъ. Ранѣе основанный въ Бирмингэмѣ (въ 1829 г.) Политическій Союзъ постановилъ прекратить уплату налоговъ, въ случаѣ неосуществленія парламентской реформы, и грозилъ организовать рабочую армію въ 200.000 человѣкъ и двинуть ее въ Лондонъ. Въ палатѣ общинъ одинъ изъ министровъ заявилъ, что Англіи угрожаетъ междоусобная война и гибель конституціи, если законъ о парламентской реформѣ не будетъ проведенъ. Палата общинъ вторично вотировала билль. На этотъ разъ лорды не рѣшились отвергнуть его, но внесли въ него поправку, существеннымъ образомъ ограничивавшую

«Столичный Союзъ» и движеніе противъ лордовъ

значеніе закона. Лордъ Грей, считавшій эту поправку непріемлемой, посовѣтовалъ королю воспользоваться прерогативой короны—назначить новыхъ лордовъ, съ тѣмъ чтобы дать въ верхней палатѣ перевѣсъ реформистскому меньшинству. Но король отказался, и Грей подалъ въ отставку. Король попытался сформировать новое, торійское министерство съ Веллингтономъ во главѣ, но попытка эта успѣха не имѣла, такъ какъ всѣ выдающіеся представители партіи тори, одинъ за другимъ, отказались принять власть въ создавшейся политической обстановкѣ. Королю ничего другого не оставалось, какъ обратиться снова къ Грею и согласиться на предложенную имъ мѣру по отношенію къ верхней палатѣ. Эта рѣшимость короля подѣйствовала отрезвляющимъ образомъ на торійское большинство лордовъ, и послѣ третьяго голосованія билль о реформѣ былъ принятъ верхней палатой значительнымъ большинствомъ (106 противъ 22), послѣ того какъ большинство тори, съ Веллингтономъ во главѣ, по взаимному соглашенію, покинули залъ засѣданій.

Избирательная реформа 1832 г.

Такимъ образомъ, вопросъ о парламентской реформѣ, начинавшій явно угрожать тяжелыми внутренними осложненіями въ странѣ, былъ благополучно разрѣшенъ законодательнымъ путемъ (въ іюнѣ 1832 г.) [1]).

Сущность избирательной реформы 1832 г. заключалась въ слѣдующемъ. Избирательное право гнилыхъ мѣстечекъ и другихъ менѣе значительныхъ избирательныхъ участковъ, съ населеніемъ менѣе 2000, были вовсе лишены избирательнаго права. Мѣстечки съ населеніемъ отъ двухъ до четырехъ тысячъ получили право посылать по одному депутату (многія изъ нихъ посылали раньше по два депутата). Освободившіяся такимъ путемъ 143 депутатскихъ мѣста были распредѣлены между слабо представленными ранѣе графствами и новыми городами, изъ которыхъ Мэнчестеръ, Бирмингэмъ и двадцать другихъ крупныхъ городовъ, не имѣвшихъ до реформы представителей въ парламентѣ, получили каждый по два депутатскихъ мѣста. Наконецъ, нѣсколько новыхъ депутатскихъ мѣстъ было предоставлено Шотландіи и Ирландіи. Въ городахъ избирательное право получили всѣ собственники и арендаторы недвижимостей съ доходомъ свыше десяти фунтовъ стерлинговъ (фунтъ стерлинговъ почти равняется нашимъ десяти рублямъ). Въ деревняхъ право участія въ выборахъ было предоста-

[1]) Molesworth. History of the Reform Bill; H. Grey. Parliamentary Reform. London, 1873; Roake and Varty. Twenty-five Pamphlets on Reform. London, 1832; B. Flower. How England averted a Revolution of force. Trenton, New-Jersey, 1903.

влено всѣмъ собственникамъ земельныхъ участковъ, приносящихъ не менѣе 10 фунтовъ годового дохода, и арендаторамъ, платящимъ не менѣе 50 фунтовъ арендной платы въ годъ. Количество избирателей, въ силу этой реформы, возросло приблизительно въ два съ половиною раза. Въ результатѣ установленнаго закономъ 1832 г. болѣе равномѣрнаго распредѣленія избирательнаго права между различными слоями населенія, землевладѣльческая аристократія утратила значительную долю своего былого политическаго вліянія въ пользу средняго и мелкаго землевладѣнія и еще болѣе—въ пользу зажиточныхъ слоевъ городского класса, то-есть средней и мелкой буржуазіи.

Значеніе реформы 1832 г.

Какъ легко видѣть, реформа 1832 г. носитъ довольно умѣренный и отнюдь не радикальный въ современномъ значеніи этого слова характеръ. Тѣмъ не менѣе, реформа эта имѣла большое значеніе, какъ по своимъ фактическимъ послѣдствіямъ, такъ и по своему принципіальному звачепію. Она наносила рѣшительный ударъ защищаемому консерваторами принципу неприкосновенности и неподвижности конституціи и открывала широкую дверь дальнѣйшимъ реформамъ парламентскаго строя въ Англіи. Что касается фактическихъ послѣдствій реформы 1832 г., то она нанесла рѣшительный ударъ привилегированному положенію землевладѣльческой аристократіи и открыла промышленной и торговой буржуазіи широкій доступъ къ участію въ законодательствѣ и во власти. На парламентскую реформу 1832 г. можно смотрѣть, какъ на побѣду выдвинутаго экономическимъ развитіемъ новѣйшаго времени городского, промышленно-торговаго класса надъ господствовавшимъ ранѣе классомъ землевладѣльцевъ. Это было крупнымъ шагомъ къ дезаристократизаціи англійскаго политическаго строя,—къ освобожденію его отъ преобладающаго вліянія аристократическихъ элементовъ.

Другимъ практическимъ результатомъ парламентской реформы 1832 г. была окончательная побѣда партіи виговъ, положившая конецъ продолжительному господству партіи тори и надолго обезпечившая перевѣсъ первой. Впрочемъ, старое названіе тори и виги съ этихъ поръ выходитъ изъ употребленія и замѣняется новыми названіями — консерваторовъ и либераловъ. А преобладаніе либераловъ имѣло серьезное значеніе какъ для политическаго, такъ и для соціальнаго развитія Англіи въ XIX в. Дѣло въ томъ, что достигши власти при поддержкѣ рабочаго класса, какъ и широкихъ круговъ средней и мелкой буржуазіи,

либералы, естественно, стремились закрѣпить за собой сочувствіе этихъ общественныхъ слоевъ. Отсюда — цѣлый рядъ реформъ, направленныхъ частью къ расширенію вліянія буржуазіи, частью къ улучшенію положенія рабочихъ. Изъ числа реформъ первой категоріи заслуживаетъ особаго вниманія реформа городского управленія въ 1835 г. (Municipal Reform Act). Городское самоуправленіе до тѣхъ поръ носило въ общемъ олигархическій характеръ. Право избранія городскихъ совѣтовъ составляло привилегію незначительнаго, зачастую ничтожнаго меньшинства полноправныхъ гражданъ. Такъ, въ Портсмутѣ, насчитывавшемъ до 50,000 жителей, полноправныхъ гражданъ имѣлось всего сто съ небольшимъ. Законъ 1835 г. распространилъ избирательное право въ городахъ на всѣхъ плательщиковъ налоговъ. Этимъ актомъ былъ сдѣланъ крупный шагъ по пути къ демократизаціи городского самоуправленія. Что касается мѣръ, направленныхъ къ улучшенію положенія рабочихъ, то первой мѣрой въ этомъ направленіи былъ введенный на другой годъ послѣ реформы 1832 г. законъ, запрещавшій брать на фабрики дѣтей моложе 9-лѣтняго возраста и устанавливавшій максимальный восьмичасовой рабочій день для дѣтей 9—13 лѣтъ и 12-часовой для подростковъ 14—18 лѣтъ, а также для женщинъ. Для наблюденія за исполненіемъ этого закона была учреждена особая фабричная инспекція, независимая отъ мѣстныхъ властей, находившихся зачастую подъ вліяніемъ мѣстныхъ воротилъ-фабрикантовъ. При всей кажущейся скромности этой мѣры, она имѣла серьезное значеніе, какъ въ принципіальномъ, такъ въ практическомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что закономъ 1833 г. пробивалась первая брешь въ твердо укоренившемся въ Англіи представленіи о томъ, что государство не должно вмѣшиваться въ отношенія между нанимателями и рабочими, которыя разсматривались, какъ исключительно частное ихъ дѣло. Законъ 1833 г. разъ навсегда порвалъ съ этой точкой зрѣнія, и въ этомъ его огромное, какъ принципіальное, такъ вмѣстѣ и практическое значеніе, такъ какъ, разрушивши старое представленіе о невмѣшательствѣ государственной власти въ рабочій вопросъ, законъ 1833 г. сдѣлался исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда другихъ аналогичныхъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію эксплоатаціи рабочихъ со стороны предпринимателей. Такимъ образомъ, Англія — первая въ Европѣ — вступила на путь рабочаго законодательства; другими словами, она первая сдѣлала попытку приступить къ разрѣшенію выдвинутаго

культурно-хозяйственнымъ переворотомъ конца XVIII и начала XIX в. соціальнаго вопроса путемъ мирной законодательной работы; а это обстоятельство было также одною изъ причинъ, почему появившійся нѣсколько позднѣе на континентѣ революціонный соціализмъ не имѣлъ успѣха среди англійскихъ рабочихъ.

Таковы ближайшія слѣдствія парламентской реформы 1832 г. Въ общемъ значеніе послѣдней было настолько велико для всего дальнѣйшаго политическаго и соціальнаго развитія Англіи, что, напримѣръ, одинъ изъ новѣйшихъ англійскихъ историковъ, проф. Дайси, говоритъ о реформѣ 1832 г., какъ о „политической революціи, произведенной въ формѣ законодательнаго акта“. Другой новѣйшій историкъ англійской конституціи называетъ эту реформу „великой хартіей 1832 г.“.

К-19931.

ДРУГІЯ СОЧИНЕНІЯ

ПРОФ. П. Н. АРДАШЕВА,

ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ.

Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. Москва, 1890. Цѣна 2 р.

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Провинціальные интенданты. Томъ I. С.-Петербургъ, 1900. Цѣна 2 р. 50 к,—Томъ II. Кіевъ, 1906. Цѣна 2 р. 75 к.

Абсолютная монархія на Западѣ. С.-Петербургъ, 1902. Изд. Т-ва Брокгаузъ-Ефронъ. Цѣна 1 р.

Мѣсяцъ во французской провинціи. Изъ дневника П. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1903, Цѣна 50 к.

Les Intendants de province sous Louis XVI. Tome III. Pièces justificatives. Youriev (Doroat), 1903. Prix 2 r. 75 k.

Похвала глупости. Сатира Эразма Роттердамскаго. Переводъ съ латинскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. Изд. второе, исправленное. Юрьевъ, 1903, Цѣна 1 р.

О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Вступительная лекція. Кіевъ, 1904. Цѣна 35 к.

Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ, 1905. Цѣна 75 к.

Les Intendants de province sous Louis XVI. Traduit du russe, sous la direction de l'auteur, par Louis Jouserandot. Paris, Félix Alcan, 1909. Prix 10 fr.

П. Н. Ардашевъ
ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ ПО ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ ПРОФ. М. Н. ПЕТРОВА.

ТОМЪ V.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

(ОТЪ КОНВЕНТА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ).

ЧАСТЬ II-я.

СЪ НАЧАЛА ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Издалъ В. Березовскій
Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.
С.-Петербургъ, Колокольная, № 14
1910.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингизъ-ханѣ и Тамерланѣ. Сочиненіе **М. И. Иванина**, генеральнаго штаба ген.-лейтенанта, члена военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. Съ 7 картами и 6 чертежами. Издано (по смерти автора) военно-ученымъ комитетомъ Главнаго Штаба, подъ редакціею генер.-лейтенанта князя **Н. Н. Голицына**. Спб., 1875 г. 2 р.

Историческая справка: „Нов. Время“ № 10599.

Когда началась японская война, я былъ пораженъ сходствомъ пріемовъ въ японскомъ военномъ искусствѣ съ пріемами знаменитаго завоевателя Чингизъ-Хана. Въ Россіи очень мало знаютъ тотъ фактъ, что Чингизъ-Ханъ былъ геній какъ въ войнѣ, такъ и дипломатіи и завоевалъ міръ не случайно. Передо мной лежитъ книга, изданная въ 1875 г. „О военномъ искусствѣ монголо-татаръ при Чингизъ-Ханѣ и Тамерланѣ“ и я хочу привести нѣсколько выписокъ (слѣдуютъ выписки).

Вообще книга генерала Иванина хотя и старая, но полна интереса и крайне назидательна по нынѣшнимъ временамъ. **В. Балясный.**

Исторія войны 1806—1807 гг. Сочиненіе **Оскара фонъ-Леттовъ-Форбека**. Переводъ съ нѣмецкаго командира 18 пѣхотнаго Вологодскаго полка полковника **фонъ-Фохта** и генеральнаго штаба полковника **Шульмана**, подъ редакціей генеральнаго штаба генер.-лейтен. **А. К. Пузыревскаго**. Томъ I. **Іена и Ауерштедтъ**. Варшава, 1895 г. Съ 3-мя планами сраженій и 18-ю отчетными картами. Томъ II. **Пренцлау и Любекъ**. Варшава, 1896 г. Съ одною отчетною картою, 4-мя планами сраженій и 26 схемами. Томъ III. **Походъ въ Польшу**. Варшава, 1896 г. Съ одною картою и II схемами и планами. Томъ IV. **Прейсишъ-Эйлау — Тильзитъ**. Варшава, 1898 г. 13 плановъ . . . . . 4 р.

Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Составилъ **Э. Паркеръ** (бывшій королевскій консулъ въ Цзюнь-Чжоу, нынѣ профессоръ китайскаго языка въ Ливерпульскомъ университетѣ). Перевелъ съ англійскаго 2-го изданія дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географич. Общества генер. штаба полк. **Грулевъ**. 1903 г. Съ шестью картами . . . . . **3 р. 50 к.**

„Авторъ книги провелъ рядъ лѣтъ въ Китаѣ, знаетъ его по личному знакомству и хорошо изучилъ литературу по Китаю. Все это, конечно, не только дало ему возможность достаточно полно нарисовать картину китайскаго быта, но и освѣтить ее со всѣхъ сторонъ правильнымъ взглядомъ, лишеннымъ предвзятой мысли“.

„Морской Сборн.“ № 2.

„Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить появленіе на книжномъ рынкѣ новаго труда о Китаѣ, имѣющаго, несомнѣнно, выдающіяся достоинства.

„Одно весьма краткое перечисленіе содержанія книги указываетъ, какъ она интересна и рѣшеніе сколькихъ малоизвѣстныхъ для русскаго читателя вопросовъ можно въ ней найти. Переводъ сдѣланъ прекраснымъ, легко читаемымъ языкомъ и книга хорошо издана, а назначенная цѣна за книгу въ 39 листовъ сравнительно не высока“. „Моск. Вѣд.“ 1903 г. № 18.

П. Н. Ардашевъ
ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ ПО ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ ПРОФ. М. Н. ПЕТРОВА.

ТОМЪ V.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

(ОТЪ КОНВЕНТА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ).

ЧАСТЬ II-я.

СЪ НАЧАЛА ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Издалъ В. Березовскій
Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.
С.-Петербургъ, Колокольная, № 14
1910.

2775

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб., Вас. остр., 5 л., 28.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

VIII. Іюльская монархія, Февральская революція и Вторая республика во Франціи (1830—1852). Стр. 1—38.

Источники и литература (1—2).

Политическая оппозиція и соціальное движеніе въ эпоху іюльской монархіи (стр. 2—23).

Причины непрочности іюльской монархіи (2—3). Оппозиція справа: легитимисты (3—4). Оппозиція слѣва: республиканцы (4). Начало рабочаго движенія и соціализма во Франціи (4—5). Сенъ-Симонъ (5—6). Фурье (6—7). Классовая (буржуазная) окраска іюльской монархіи (7—8). Союзъ между республиканствомъ и соціализмомъ (8—9). Возстанія 1832 и 1834 г. (9—10). Разгромъ республиканской партіи (10—11). Революціонная пропаганда среди рабочихъ (11—12). Луи-Бланъ и революціонный соціализмъ (12—13). Сближеніе между политическимъ и соціальнымъ движеніемъ (14—15). Характеръ реформистскаго движенія (15—16). Министерство Гизо (16—17). Эволюція реформистскаго движенія (17—18). Тронная рѣчь 1847 г. (18—19). 22 февраля 1848 г. (20). 23 февраля 1848 г. (20—21). 24 февраля 1848 г. (21—22). Отреченіе и бѣгство короля (22). Провозглашеніе республики (23).

Вторая республика и реставрація имперіи (1848—1852) (стр. 23—38).

Соціальный антагонизмъ (23—24). 25 февраля 1848 г (24). Созывъ Учредительнаго собранія (25). Національныя мастерскія (25—26). Возстаніе 25 мая 1848 г. (27). „Іюньскіе дни“ 1848 г. и ихъ значеніе (27—28). Конституція 1848 г. (28—29). Луи-Наполеонъ (29—30). Непрочность второй республики (30—31). „Наполеоновскія идеи“ (31—32). Переворотъ 2 декабря 1851 г. (33—34). Плебисцитъ 20 декабря 1851 г. (35). Конституція 1852 г. (35—37). Возстановленіе имперіи (37—38). 2 декабря 1852 г. (38).

IX. Революціонныя движенія и реакція въ Германіи, Австріи и Италіи въ 1848—1852 гг. Стр. 38—85.

Источники и литература (38—39). Отголоски февральской революціи за предѣлами Франціи (40).

Германія (стр. 40—47).

Реакція въ Германіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ (40—41). Фридрихъ-Вильгельмъ IV (41—42). Соединенный сеймъ (42). Конфликтъ между сеймомъ и королемъ (43). „Мартовскіе дни“ въ Берлинѣ (43—44). Прусское Учредительное собраніе (45—46). Контръ-революція въ Пруссіи (46). Конституція 1850 г. и феодально-абсолютистская реакція въ Пруссіи (47).

Австрія (стр. 47—64).

Меттерниховскій режимъ въ Австріи (47—48). Февральская революція и мартовскіе дни въ Вѣнѣ (49—50). Торжество революціи въ Вѣнѣ (50—51). Начало реакціи (51—52). Учредительное собраніе въ Вѣнѣ (52). Національныя движенія въ Австрійской монархіи (52—53). Венгрія (53—54). Чехія (54—55). Начало національнаго пробужденія (55). Чешское „возрожденіе“ (55—56). Отголосокъ февральской революціи въ Чехіи (57—58). Первый славянскій съѣздъ (58—59). Кровавое усмиреніе Праги (59). Австрійское Учредительное собраніе (59—60). Національно-освободительное движеніе среди венгерскихъ славянъ (60—61). Кровавые безпорядки въ Вѣнѣ (61—62). Разгромъ вѣнской революціи (62). Успѣхъ венгерскаго возстанія (62—63). Подавленіе венгерскаго возстанія и ликвидація революціоннаго движенія въ Австріи (63—64).

Національно-объединительное движеніе въ Германіи (стр. 64—74).

Германія, какъ „общее отечество“ (66). Отголосокъ февральской революціи въ Германіи и Франкфуртскій парламентъ (66—68). Временное обще-германское правительство (68—69). Вопросъ объ организаціи объединенной Германіи (69). Соперничество Австріи и Пруссіи (69—70). „Конституція Германской имперіи“ (70—71). „Майская революція“ 1848 г. (71—72). Конецъ Франкфуртскаго парламента (72). Виды Пруссіи (72—73). Прусская „унія“ и Эрфуртскій парламентъ (73). Конецъ „уніи“ и торжество Австріи (74).

Италія (стр. 74—85).

Либерально-патріотическое движеніе въ Италіи (75). Risorgimento (75). Мадзини (76). Пій IX (76). Карлъ-Альбертъ I (77). Возстаніе въ Ломбардіи и Венеціи (77—78). Революція въ Неаполѣ и Сициліи (78). Либеральное и національно-патріотическое движеніе въ Пьемонтѣ (79). Борьба съ Австріей (79—80). Неудача первой войны за освобожденіе и объединеніе Италіи (81). Мадзинистская революція въ Римѣ и Флоренціи (81—82). Неудача второй освободительной войны (82—83). Реакція въ Италіи (83—85).

X. Англія послѣ парламентской реформы 1832 г. Стр. 85—103.

Источники и литература (85—86). Демократизація общественно-политическаго строя (86). Чартистское движеніе (87). Возобновленіе реформистской агитаціи (87—88). „Народная хартія“ (89—90). Начало чартистскаго движенія (90). „Рабочій парламентъ“ (90—91). Мысль о всеобщей стачкѣ (91—92). Ирландскій вопросъ (92). О'Коннеръ и О'Брайенъ (93). Выборы въ парламентъ въ 1847 г. (93).

Отголоски февральской революціи (93—94). Послѣдняя вспышка чартизма (94—95). Соціально-революціонныя тенденціи (95—96). Охлажденіе рабочихъ массъ къ революціонному чартизму (96—97). Вторая парламентская реформа, 1867 г. (97—98). Третья парламентская реформа, 1884 г. (98—99). Дальнѣйшая демократизація общественнаго строя Англіи (99—100). Ирландскій вопросъ (101—102). Перестройка партій (102—103). Имперіализмъ (103).

XI. Эпоха второй имперіи, 1852—1870. Стр. 103—132.

Источники и литература (103—104).

Политика Наполеона III и восточный вопросъ (стр. 104—116).

Нео-наполеоновская политика (104—105). Восточный вопросъ, его происхожденіе и эволюція (106—108). Вопросъ о національно-политической эмансипаціи христіанскихъ народностей (108—111). Центробѣжныя стремленія въ Оттоманской имперіи (111—112). Русское вліяніе въ Турціи и соперничество державъ (112—114). „Больной человѣкъ“ (114—115). Крымская война и парижскій миръ 1856 г. (115—116).

Итальянскій вопросъ и объединеніе Италіи (стр. 116—132).

Крымская война (116). Итальянскій вопросъ, какъ вопросъ европейскій (116—117). Викторъ-Эммануилъ (117—118). Кавуръ (118 119). Наполеонъ III (119—120). Орсини (120). „Шломбьерскій заговоръ“ (120). Австро-сардинская война (121). Цюрихскій миръ и его послѣдствія (122). Объединительные планы Сардиніи (122—123). Гарибальди (123—124). Викторъ-Эммануилъ, „король Италіи“ (124—125). „Римскій вопросъ“ (125—126). Присоединеніе Венеціанской области (127—128). Политика Наполеона III въ римскомъ вопросѣ (128—131). Рѣшеніе римскаго вопроса (131—132).

XII. Паденіе Второй Имперіи и объединеніе Германіи. Стр. 132—165.

Источники и литература (132—133).

Происхожденіе прусской гегемоніи въ Германіи (стр. 133—138).

Роль Франціи въ объединеніи Италіи и Германіи (133). Пруссія въ борьбѣ съ Австріей за преобладаніе въ Германіи (133—135). Таможенный союзъ подъ гегемоніей Пруссіи (135—137). Бисмаркъ и Вильгельмъ (137). Національный Союзъ (137—138).

Войны 1864 и 1866 гг. и основаніе Сѣверно-германскаго Союза (стр. 138—153).

„Желѣзомъ и кровью“ (138—139). Вильгельмъ I и военная реформа (139—140). Конфликтъ съ палатой и Бисмаркъ (140—142). Значеніе конституціоннаго конфликта 1862—1866 гг. (142—143). „Союзъ реформъ“ (143). Шлезвигъ-голштинскій вопросъ (143—144). Вѣнскій миръ 30 октября 1864 г. (144—145). Гаштейнская

конвенція 1865 г. (145—146). Австро-прусская война 1866 г. (146—147). Неготовность Франціи (мексиканская экспедиція) (147). Пражскій миръ 23 августа 1866 г. (148). Дипломатическая побѣда Бисмарка надъ Наполеономъ III (148—149). Пруссія послѣ Садовой (149—150). Сѣверно-германскій союзъ и его организація (150—152). „Таможенный парламентъ“ (153).

Франко-германская война и основаніе Германской имперіи (стр. 153—165).

Франція и Пруссія послѣ Садовой (153—154). Политика Бисмарка (154). Вопросъ объ испанскомъ престолонаслѣдіи (154—156). Режимъ пронунціаменто въ Испаніи (156). Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна на испанскій престолъ (157—158). Эмсскій инцидентъ (158—159). Франція объявляетъ войну Пруссіи (159—160). Пруссаки во Франціи (161). Седанъ, 2 сентября 1870 г. (161—162). Парижскій переворотъ 4 сентября 1870 г. (162—163). Капитуляція Меца, 27 октября 1870 г. (163—164). Капитуляція Парижа, 28 января 1871 г. (164). Франкфуртскій миръ (164—165). Основаніе Германской имперіи (165).

XIII. Австрійская монархія послѣ 1850 г. Стр. 165—174.

Источники и литература (165—166). Внутреннія противоположности въ Габсбургской монархіи (166—167). Манифестъ 1859 г. и „Усиленный Рейхсратъ“ (167). „Основной законъ“ 20 октября 1860 г. (167—168). „Патентъ“ 26 февраля 1761 г. (168). Военная катастрофа 1866 г. и „соглашеніе“ съ Венгріей 1867 г. (169—170). Австрійская конституція 1867 г. (170). Избирательная реформа 1873 г. (171). Борьба національностей въ Австріи (171—172). Избирательный законъ 1896 г. (172—173). Законъ 1906 г. о всеобщемъ избирательномъ правѣ (173). Усиленіе славянскаго элемента въ Рейхсратѣ (173—174).

XIV. Германія послѣ 1871 г. Стр. 174—183.

Источники и литература (174—175). Вильгельмъ I и Бисмаркъ (185). Партіи Рейхстага (175—177). Kulturkampf (177). Соціализмъ въ Германіи (178). Борьба съ соціализмомъ (179). Законъ противъ соціалистовъ, 1878—1890 (179—180). Соціализмъ въ Германіи послѣ 1890 г. (181). Государственный соціализмъ (181—182). Академическіе соціалисты (182). Вильгельмъ II (182—183).

XV. Франція послѣ 1870 г. Стр. 183—209.

Источники и литература (183—185).

Возстаніе парижской Коммуны (стр. 185—197).

Причины возстанія (185—186). Вожаки возстанія (186—187). Подготовка возстанія (187—188). Начало возстанія (188—189). Организація революціонной Коммуны (189—190). „Декларація къ французскому народу“ (190—192). Начало конца Коммуны (192—194). Проекты „научной войны“ (194). „Кровавая недѣля“ и конецъ Коммуны (194—195). Ликвидація возстанія (195—196). Значеніе возстанія (196—197).

Третья республика во Франціи (стр. 197—209).

Временная конституція и правленіе Тьера (197—198). Макмагонъ и попытка монархической реставраціи (198—199). Монархическая республика (199—200). Конституція 1875 г. (200—202). Побѣда республиканцевъ (202). Жюль Греви (202—203). Жюль Ферри (203). Частичный пересмотръ конституціи и упроченіе республики (204). Буланжистское движеніе (204—206). Феликсъ Форъ, Эмиль Лубэ, Фалльеръ (206). Окончательный разрывъ между государствомъ и церковью во Франціи (206—208). Законы 1905 и 1907 гг. объ отдѣленіи церкви отъ государства (208—209).

XVI. Международныя отношенія новѣйшей Европы. Стр. 209—226.

Источники и литература (209—210).

Международныя отношенія послѣ 1870 г. (стр. 210—218).

Измѣненія, внесенныя въ политическую карту Европы войнами 1859, 1864, 1866 и 1870—1871 гг. (210—211). Перемѣщеніе центра тяжести международной жизни Европы (211—212). „Союзъ трехъ императоровъ“ (212—213). Распаденіе „союза трехъ императоровъ“ и новая группировка державъ (214). Происхожденіе тройственнаго союза (214—215). Происхожденіе двойственнаго союза (215—217). Англія и „тройственное соглашеніе“ (217—218).

Вооруженный миръ (стр. 218—226).

Ростъ европейскихъ вооруженій послѣ 1870 г. (218—219). Милитаризмъ, какъ явленіе міровое (219). Международное соперничество европейскихъ державъ за предѣлами Европы (220). Англія въ Индіи (220) Частичный раздѣлъ Китайской имперіи (220—221). Англія въ Африкѣ (221). Египетъ (221—223). Колоніальное расширеніе Франціи (223). Германія и Италія, какъ колоніальныя державы (224). Милитаризмъ, какъ основа европейскаго мира (225—226). Гаагская конференція и международный третейскій трибуналъ (226). Идея международной солидарности державъ (226).

XVII. Соціальное движеніе и соціализмъ въ новѣйшее время. Стр. 227—248.

Литература (227—228). Ослабленіе революціонизма и его причины (228—230). Ростъ революціоннаго соціализма въ новѣйшее время и его причины (230—231). Гражданское равенство и классовыя противоположности (231). Ростъ капитализма (231—233). Ростъ городовъ (233—235). Пропаганда революціоннаго соціализма (236). Революціонный соціализмъ, какъ религія „сознательнаго“ пролетаріата (236—237). Происхожденіе революціоннаго соціализма (237—238). Лассаль и Марксъ (238). Интернаціоналъ (238). „Коммунистическій Манифестъ“ (239). Символъ вѣры революціоннаго соціализма (239—240). Программа революціоннаго соціализма (240—242). Первые шаги революціоннаго соціализма (242). Происхожденіе и развитіе германской соціалъ-демократіи (242—243). Эйзенахская программа (243—244). Готская программа (244—246). „Бакунисты“ (246). Эрфуртская программа (246—247). Международный революціонный соціализмъ и его значеніе (247—248).

VIII. Іюльская монархія, Февральская Революція и Вторая Республика во Франціи. (1830 — 1852).

Источники и литература.

I. Документальные источники: Mavidal et Laurent. Archives parlementaires, 2-e série; Paris Révolutionnaire. 4 vol. Paris, 1833—1834; Revue retrospective. Collection de documents publiée par Taschereau. Paris, 1848; Perryer. Discours parlementaires. 5 vol. Paris, 1872—1874; Jules Favre. Discours parlementaires. 2 vol. Paris, 1881; Thiers. Discours parlementaires. 16 vol. Paris, 1879—1889; Rapport de la Commision d'enquête sur l'insurection du 23 juin et les événements du 19 mai 1848. 3 vol. Paris, 1846—1848; Circulaires, notes et instruction du second Empire. (1851—1870). Paris, 1872.—II. Мемуары и переписка современниковъ: Baron de Barante. Souvenirs (1782—1866). 8 vol. Paris, 1890—1901; Guizot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. 9 vol. Paris. 1858—1868; Guizot. Lettres à sa famille et à ses amis. Paris, 1884; Guizot. La Démocratie en France. Paris, 1849; Lamartine. Trois mois au pouvoir. Paris, 1848; Lamartine. Histoire de la Révolution de 1848. Paris, 1859; Odilon Barrot. Mémoires. 4 vol. Paris, 1875; Q. Bouchart. Etudes et souvenirs sur la Seconde République et l'Empire. 2 vol. Paris. 1901; Duc de Broglie. Souvenirs (1781 — 1870). 4 vol. Paris, 1886; Maxime Du Camp. Souvenirs de l'armée en 1848. Paris, 1902; Falloux. Mémoires d'un royaliste. 2 vol. Paris, 1888; Maupas. Mémoires. 2 vol. Paris, 1884; Vicomte de Melun. Mémoires. Paris, 1891; Correspondance de Montalambert et de l'abbé Tixier (1838—1859). Paris, 1899; Garnier Pagès. Histoire de la Révolution de 1848. Paris, 1866; Duc de Regnault. Histoire du gouvernement provisoire. Paris, 1850; A. de Tocqueville. Correspondance. 3 vol. Paris, 1861—1868; Véron. Nouveaux mémoires d'un bourgeois de Paris. 6 vol. Paris 1853—1855.—III. Новѣйшія сочиненія: Кромѣ общихъ курсовъ П. П. Карѣева, Лависса-Рамбо и др., а также обзоровъ исторіи XIX в. всей Европы см: Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX в. Москва, 1893; П. П. Карѣевъ. Политическая исторія Франціи въ XIX в. Спб., 1902 (въ концѣ книги есть обстоятельный указатель литературы на русскомъ языкѣ по исторіи Франціи въ XIX в.); A. Lebon. Cent ans d'histoire intérieure (1789—1895). Paris. 1898; Du Bled. Histoire de la Monarchie de juillet. 2 vol. Paris 1887; V. de Nouvion. Histoire de Louis-Philippe. 4 vol. Paris, 1857—1861; Thureau-Dangin. Histoire de la monarchie de juillet. 4 vol. Paris, 1887—1890; G. Weill. La France sous la monarchie de juillet. Paris, 1902. P. de la Gorce. Histoire de la Deuxième République. 2 vol. Paris, 1887; Hildebrand Geschichte Frankreichs von der Thronbesteigung Louis-Philipps. 2 Bde. Gotha,

1877—1879; V. Pierre. Histoire de la République de 1848. 2 vol. Paris, 1873—1878; J. Renard. La République de 1848—1852. Paris, 1905; E. Spuller. Histoire parlementaire de la Deuxième République. Paris, 1893; D. Stern. Histoire de la Révolution de 1848. 2 vol. Paris, 1850 (есть по-русски); Э. Д. Гриммъ. Революція 1848 года во Франціи. Спб. 1908.

Политическая оппозиція и соціальное движеніе въ эпоху іюльской монархіи.

Причины непрочности іюльской монархіи.

Вышедшая изъ революціи іюльская монархія оказалось еще менѣе прочной, чѣмъ монархія реставраціи. Начать съ того, что революція, посадившая на тронъ герцога Орлеанскаго, была дѣломъ исключительно Парижа. Страна не принимала въ ней никакого участія. Она не протестовала противъ совершившагося факта, но и только. Къ паденію монархіи Бурбоновъ, окончательно скомпрометированной политикой Карла X, она отнеслась наполовину сочувственно, наполовину равнодушно; къ воцаренію герцога Орлеанскаго, физіономія котораго оставалась мало выясненной, она отнеслась скорѣе выжидательно и вопросительно, чѣмъ одобрительно и утвердительно.

Не имѣя опоры въ народныхъ симпатіяхъ, іюльская монархія не имѣла за себя ни санкціи „легитимности“ или историческаго права, ни санкціи права международнаго, какъ монархія реставраціи. А это обстоятельство, независимо отъ своего принципіальнаго значенія, имѣло значеніе вполнѣ реальное, такъ какъ іюльской монархіи пришлось считаться въ международной сферѣ—съ отрицательнымъ отношеніемъ къ себѣ со стороны державъ, санкціонировавшихъ и гарантировавшихъ легитимную монархію во Франціи, а во внутренней политикѣ—съ враждебнымъ отношеніемъ къ себѣ со стороны „легитимистовъ“, то-есть основного ядра монархической партіи; легитимисты стояли за „законную“ монархію Бурбоновъ и не хотѣли знать узурпатора и „короля баррикадъ“. И они были правы, называя такъ Луи-Филиппа, потому что безъ баррикадъ ему,конечно, не видать бы короны. Благодаря этому, новый король очутился съ самаго же начала въ ложномъ положеніи по отношенію къ роялистамъ-легитимистамъ, которые не могли ему простить того, что онъ овладѣлъ тропомъ революціоннымъ путемъ и при помощи республиканцевъ; республиканцы же, которые строили баррикады въ надеждѣ свергнуть монархію, а не замѣнить только одну династію другой, въ свою очередь, не могли простить Луи-Филиппу того, что онъ помѣшалъ имъ учредить республику.

Наконецъ, непрочность іюльской монархіи обусловливалась тѣмъ ослабленіемъ монархической власти, которое было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ революціи. Съ ослабленіемъ власти, которая своимъ авторитетомъ сдерживала до извѣстной степени взаимный антагонизмъ между существующими въ странѣ враждебными элементами, послѣдній, естественно, получилъ гораздо больше свободы для своего проявленія. Результатомъ было обостреніе партійной борьбы, которая съ тѣхъ поръ захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе слои націи.

Кромѣ того, іюльская революція наглядно показала всю непрочность существующаго государственнаго порядка и всю легкость политическаго переворота и перемѣны режима. Отсюда— почти непрерывающійся въ теченіе всего короткаго періода іюльской монархіи рядъ политическихъ заговоровъ, покушеній и попытокъ къ переворотамъ. Одна изъ такихъ попытокъ увѣнчалась успѣхомъ. Этотъ переворотъ, получившій названіе февральской революціи 1848 года, имѣлъ своимъ слѣдствіемъ низверженіе іюльской монархіи. Въ сущности все царствованіе Луи-Филиппа представляетъ собою сплошную, непрерывную агонію монархіи.

Съ самаго начала своего царствованія Луи-Филиппу пришлось отбиваться отъ атакъ и справа и слѣва: справа — со стороны легитимистовъ, или, какъ ихъ называли ихъ противники, карлистовъ, приверженцевъ „законной“ монархіи Бурбоновъ; слѣва — со стороны республиканцевъ, одинаково враждебныхъ всякой монархіи, будь она „законная“ или „узурпаторская“.

Оппозиція справа: легитимисты.

Что касается легитимистовъ, считавшихъ законнымъ королемъ внука Карла X, герцога Бордосскаго (болѣе извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ графа Шамбора), въ пользу котораго Карлъ X отрекся отъ престола, то эта партія, не имѣвшая особеннаго успѣха среди городской буржуазіи, была немногочисленна въ городахъ и въ частности въ Парижѣ, но въ деревняхъ она занимала болѣе значительное положеніе, благодаря тому, что помѣстное дворянство и духовенство почти поголовно было на ея сторонѣ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ, въ особенности въ Вандеѣ и Бретани, легитимисты имѣли солидную опору въ крестьянствѣ, продолжавшемъ въ своей массѣ оставаться вѣрнымъ старой монархіи.

Въ 1832 году парижскіе легитимисты сдѣлали попытку свергнуть „узурпатора“ путемъ открытаго возстанія, но масса населенія отнеслась къ ней безучастно и возстаніе было безъ труда подавлено въ зародышѣ. Оно лишь показало легитимистамъ всю ихъ

численную незначительность въ столицѣ. Но любопытно, что это отнюдь не удержало ихъ отъ дальнѣйшихъ попытокъ переворота,— до такой степени утвердилась вѣра въ силу предпріимчиваго меньшинства и въ непрочность существующаго порядка. Легитимисты лишь перемѣнили тактику: вмѣсто силы, они рѣшились прибѣгнуть къ хитрости. Былъ составленъ заговоръ для похищенія короля во время одного придворнаго бала, но при многочисленности заговорщиковъ было трудно сохранить тайну, и они всѣ были арестованы, прежде чѣмъ наступилъ моментъ для осуществленія замысла.

Потерпѣвши окончательно неудачу въ столицѣ, легитимисты сдѣлали смѣлую попытку поднять возстаніе въ провинціи во имя „законнаго“ короля Генриха V (т. е. герцога Бордосскаго или, что то же, графа Шамбора). Мать послѣдняго, герцогиня Беррійская, вмѣстѣ съ сыномъ и нѣсколькими преданными легитимистами, высадилась (въ концѣ апрѣля 1832 г.) въ Марсели. Не встрѣтивши здѣсь поддержки со стороны населенія, герцогиня отправилась въ Вандею, гдѣ ей, дѣйствительно, удалось вызвать нѣкоторое движеніе въ пользу своего сына, но оно было подавлено безъ труда правительственными войсками. Герцогиня Беррійская, которой удалось сначала скрыться, попала вскорѣ въ руки властей и была заключена въ крѣпость. Послѣ этого легитимисты отказались отъ дальнѣйшихъ попытокъ переворота и ограничили свою дѣятельность парламентской оппозиціей и публицистической агитаціей.

Оппозиція слѣва. республиканцы

Что касается оппозиціи слѣва, то она шла отъ демократической республиканской партіи [1]). Сошедшая съ политической сцены послѣ переворота 18 брюмера, совершенно стушевавшаяся въ эпоху консульства, имперіи и реставраціи, и возродившаяся снова въ эпоху іюльской революціи, республиканская партія съ самаго же начала іюльской монархіи заявила себя рѣзкой оппозиціей, принимавшей зачастую характеръ чисто революціонный и даже террористическій. Этотъ революціонизмъ республиканской партіи обусловливался въ значительной степени тѣмъ, что пути парламентской оппозиціи были для нея закрыты избирательнымъ закономъ, который ограничивалъ кругъ избирателей наиболѣе зажиточными слоями буржуазіи, въ большинствѣ своемъ относившимися отрицательно къ республикѣ.

Начало рабочаго движенія во Франціи

Революціонный характеръ республиканской оппозиціи получалъ особенную остроту еще и потому, что политическій моментъ въ ней осложнялся моментомъ со-

[1]) G. Weill. Histoire du parti républicain en France. Paris, 1900 (есть по-русски); Tchernoff. Le parti républicain sous la monarchie de juillet. Paris, 1901.

ціальнымъ. Дѣло въ томъ, что въ первой половинѣ XIX вѣка Франція вступила въ полосу того промышленнаго переворота, который нѣсколько ранѣе пережила Англія. Франція была одной изъ первыхъ странъ континента, гдѣ распространилось машинное производство. Сильный толчокъ развитію фабричной промышленности во Франціи (какъ и въ другихъ странахъ континента) дала, какъ уже было замѣчено выше, введенная Наполеономъ въ 1805 году континентальная система. Отказавшись отъ англійскихъ фабрикатовъ, Франція стала усиленно заводить собственныя фабрики. Дальнѣйшему росту фабричной промышленности способствовалъ наступившій продолжительный миръ, вмѣстѣ съ покровительственными пошлинами, ограждавшими французскую промышленность отъ англійской конкурренціи. Первая половина XIX вѣка, это—эпоха могучаго промышленнаго роста Франціи. Объ интенсивности этого роста можно судить, напримѣръ, по тому, что за 18-лѣтній промежутокъ съ 1830 до 1848 года капиталы, помѣщенные въ промышленныя и торговыя предпріятія, возросли съ 30 до 45 милліардовъ. Вмѣстѣ съ фабричнымъ, капиталистическимъ производствомъ, образовался во Франціи, какъ ранѣе въ Англіи, и рабочій пролетаріатъ, а политическая жизнь страны осложнилась соціальнымъ движеніемъ [1]). Какъ и въ Англіи, оно носитъ на первыхъ порахъ бурный и вмѣстѣ хаотическій характеръ. Какъ и въ Англіи, выдвинутый промышленнымъ переворотомъ соціальный вопросъ вызываетъ во Франціи различныя попытки его разрѣшенія и тѣмъ даетъ начало первымъ соціалистическимъ доктринамъ.

Начало соціализма во Франціи

Наиболѣе важное значеніе, по оказанному ими вліянію, принадлежитъ ученіямъ Сенъ-Симона и Фурье.

Сенъ-Симонъ.

Ученіе Сенъ-Симона (Saint-Simon, 1760—1825) [2]), изложенное имъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій, начиная съ 1804 г., сводится въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему. Трудъ есть основа народнаго богатства, и трудящійся классъ долженъ поэтому занимать въ обществѣ господствующее положеніе, такъ какъ онъ можетъ обойтись безъ другихъ классовъ, тогда какъ послѣдніе этого не могутъ. Но ходъ исторіи привелъ къ тому, что сила денегъ постепенно взяла верхъ надъ трудомъ и раздѣлила общество на два класса—владѣющихъ и неимущихъ. Настоящій общественный порядокъ есть

[1]) М. Вейль Исторія соціальнаго движенія во Франціи. Спб. 1905.

[2]) Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin. Paris, 1866—1875; Bazard. Doctrine de Saint-Simon. 2 vol Paris, 1830—1831; G. Weill. Saint-Simon. Paris, 1894; Weill. L'Ecole Saint-Simonienne. Paris. 1896; Charléty. Histoire du Saint-Simonisme. Paris. 1896; И. Ивановъ. Сенъ-Симонъ и Сенъ-симонизмъ. Москва, 1901.

новая форма феодализма, въ которомъ роль прежней земельной аристократіи заступили капиталисты. Но это лишь временный порядокъ, на смѣну которому историческое развитіе должно выдвинуть новый, въ которомъ рабочій классъ займетъ господствующее положеніе. Значеніе рѣшающаго фактора въ этой эволюціи Сенъ-Симонъ приписываетъ христіанству, или точнѣе—тому „новому христіанству", которому онъ посвятилъ одно изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій (озаглавленное „Le Nouveau Christianisme"). Мистическій оттѣнокъ, который получало у Сенъ-Симона это „новое христіанство", производилъ на многихъ глубокое впечатлѣніе, и въ немъ заключалась главная притягательная сила ученія Сенъ-Симона, не отличавшагося въ общемъ ни ясностью, ни логической стройностью идей.

Фурье.

Въ основѣ ученія Фурье (Fourier, 1772—1837) [1]), который выступилъ на литературное поприще нѣсколькими годами позднѣе Сенъ-Симона (съ 1808 г.), лежитъ идея о гармоніи между природой и человѣкомъ. Гармонія эта осуществляется въ томъ случаѣ, когда удовлетворяются всѣ желанія человѣка, а въ этомъ заключается и высшее счастье и высшее совершенство. Желанія человѣка и даже его страсти должны не подавляться, а развиваться въ гармоніи, чтобы онѣ не вредили человѣку, а сдѣлались движущими силами его дѣятельности; тогда самый трудъ превратится въ наслажденіе. Какимъ образомъ осуществить этотъ идеальный порядокъ? Путемъ организаціи земледѣльческихъ ассоціацій—отвѣчаетъ Фурье и рисуетъ картину того, чѣмъ должна быть такая ассоціація. Мелкія земельныя владѣнія соединяются въ крупныя единицы, въ которыхъ каждый участокъ обработывается въ соотвѣтствіи съ его производительностью, вслѣдствіе чего повышается доходность земли. Устройство труда въ ассоціаціи Фурье отличается тѣмъ, что тамъ работаютъ всѣ, и каждый избираетъ себѣ занятіе по своимъ способностямъ и вкусамъ, что, въ свою очередь, повышаетъ продуктивность труда и дѣлаетъ самый трудъ привлекательнымъ. Картину земледѣльческой ассоціаціи Фурье даетъ въ своемъ изображеніи „фалангъ" и „фаланстеръ". Фаланга владѣетъ пространствомъ земли около одной квадратной мили и имѣетъ населеніе въ 2000 чел., живущихъ въ одномъ общемъ зданіи — „фаланстерѣ". Ежегодный продуктъ труда распредѣляется между тремя

[1]) H. Bourgin. Ch. Fourier. Paris, 1905; Бебель. Фурье. Спб. 1906; Н. Водовозовъ. Опытъ критическаго обзора ученія Фурье („Рус. Мысль", 1892); Н. Водовозовъ. Шарль Фурье („Истор. Обозр.", т. X); А. Исаевъ. Мѣсто Фурье въ общественно-хозяйственной наукѣ („Юрид. Вѣсти.", 1880).

основными факторами производства: капиталомъ (который получаетъ $^{4}/_{12}$), трудомъ (получающимъ $^{5}/_{12}$), и талантомъ (на долю котораго приходится $^{3}/_{12}$ всѣхъ продуктовъ). Каждая фаланга стоитъ подъ управленіемъ выборныхъ распорядителей, которые, въ свою очередь, подчиняются, чрезъ посредство цѣлой іерархіи высшихъ чиновъ (дуарховъ, тріарховъ, тетрарховъ..., дузарховъ), одному верховному главѣ, такъ называемому „осевому омніарху“ (omniarche pivotal), который представляетъ собою какъ бы ось этой „сферической іерархіи“ будущаго общественнаго строя.

Ученія Сенъ-Симона и Фурье, подобно ученію ихъ современника Оуэна, отъ котораго они, впрочемъ, совершенно независимы, отличаются, въ противоположность позднѣйшему революціонному соціализму, своимъ мирнымъ характеромъ. Но, въ противоположность идеямъ Оуэна, которыя, какъ мы видѣли, получили въ свое время широкое распространеніе и практическое приложеніе, практическое значеніе идей французскихъ утопистовъ было очень незначительно. Подъ ихъ вліяніемъ стали возникать различные кружки соціальныхъ реформаторовъ, но эти кружки носили чисто интеллигентскій характеръ по своему составу и чисто академическій характеръ по своей дѣятельности; въ рабочую среду эти идеи почти совсѣмъ не проникали. Только позднѣе, съ развитіемъ сознательности въ рабочихъ массахъ, стали интересоваться и этими идеями, по связи ихъ съ тѣми идеями позднѣйшихъ теоретиковъ соціализма, въ особенности Луи Блана, о которомъ намъ придется говорить впереди. А теперь обратимся къ отмѣченной выше связи между возродившимся республиканскимъ, политическимъ движеніемъ и движеніемъ соціальнымъ, рабочимъ послѣ іюльской революціи.

Классовая (буржуазная) окраска іюльской монархіи.

Необходимость этой связи обусловливалась уже самымъ характеромъ установившагося въ результатѣ іюльской революціи политическаго режима. Іюльская монархія носила сама явственную соціальную, классовую окраску, именно—буржуазную. Дѣло въ томъ, что Луи-Филиппъ, кандидатура котораго была выдвинута парижской буржуазіей, естественно, принужденъ былъ искать опоры въ этомъ классѣ и поддерживать его интересы. А между тѣмъ эти интересы во многихъ случаяхъ рѣзко расходились и враждебно сталкивались съ интересами начинавшаго складываться, благодаря прогрессу промышленности, рабочаго класса. Когда разъ къ Луи-Филиппу явилась депутація рабочихъ съ просьбою о заступничествѣ противъ негуманнаго отношенія къ нимъ со стороны предпринимателей, король отвѣтилъ, что онъ не въ состояніи что-либо предпринять въ ихъ пользу. „Я могу лишь горько вздохнуть

вмѣстѣ съ вами". Рабочіе не могли не придти, въ концѣ концовъ, къ убѣжденію, что „король-гражданинъ" былъ въ сущности королемъ-буржуа. Но дѣло было не въ одной лишь личности короля, а въ цѣломъ режимѣ, который точно также носилъ явно буржуазный характеръ. Благодаря высокому имущественному (податному) цензу, избирательное право было удѣломъ лишь незначительной зажиточной части населенія (до 200.000 чел.), то-есть главнымъ образомъ—буржуазіи, да и то не всей, потому что менѣе зажиточные слои послѣдней, не говоря уже о рабочихъ, были фактически исключены изъ состава „легальной страны" (pays légal), какъ принято было называть совокупность избирателей.

Благодаря этому, политическая оппозиція противъ іюльской монархіи осложнилась соціальнымъ антагонизмомъ противъ буржуазіи. А такъ какъ буржуазія въ массѣ поддерживала монархію, то естественно, что антибуржуазное настроеніе рабочихъ массъ получило вмѣстѣ и анти-монархическій, республиканскій характеръ.

Союзъ между республиканствомъ и соціализмомъ

Отсюда—тѣсный союзъ между политическимъ (республиканскимъ) и соціальнымъ (рабочимъ) движеніемъ.

Союзъ этотъ, впрочемъ, установился не сразу. Первыя вспышки рабочаго движенія въ началѣ царствованія Луи-Филиппа не имѣли никакой политической окраски, онѣ носили исключительно характеръ бурнаго протеста противъ предпринимателей на чисто экономической почвѣ. Почва для рабочаго движенія была создана разстройствомъ промышленности, обусловленнымъ іюльской революціей и отраженнымъ вліяніемъ, вызванныхъ ею за-границей революціонныхъ движеній. Многія фабрики принуждены были частью сократить, частью совершенно прекратить свое производство; тысячи рабочихъ очутились безъ заработка, рабочая плата остальныхъ подверглась болѣе или менѣе значительному пониженію. На этой почвѣ во многихъ промышленныхъ центрахъ возникли рабочія волненія, которыя приняли особенно значительные размѣры въ Ліонѣ. Толпы безработныхъ вышли на улицу съ чернымъ знаменемъ, на которомъ большими буквами была изображена надпись: „Жить работая или умереть сражаясь". Попытка разогнать манифестантовъ вооруженною силою повела къ побоищу между рабочими и войсками, окончившемуся отступленіемъ послѣднихъ изъ города, послѣ чего городъ оказался въ рукахъ рабочихъ. Но у рабочихъ не было никакой программы и никакихъ дальнѣйшихъ плановъ; поэтому они не оказали никакого сопротивленія войскамъ, которыя черезъ нѣсколько дней въ усиленномъ составѣ вступили

въ Ліонъ. Правительство удовольствовалось возстановленіемъ порядка и не пыталось преслѣдовать виновниковъ возстанія. Наиболѣе нуждающіеся рабочіе получили пособія отъ казны.

Тѣмъ не менѣе ліонскія событія имѣли серьезное значеніе для дальнѣйшаго развитія какъ политическаго, республиканскаго движенія во Франціи, такъ и движенія соціальнаго, рабочаго. Республиканская партія поняла, какую силу она могла пріобрѣсти въ рабочихъ и поспѣшила направить рабочее движеніе въ свое собственное русло. Незадолго передъ „возстаніемъ“ рабочихъ, въ Ліонѣ, при содѣйствіи одного изъ секретныхъ обществъ, въ какія группировались парижскіе республиканцы, образовалась аналогичная секретная организація. Послѣ „возстанія“ послѣдняя поспѣшила объединить рабочихъ въ общую организацію подъ видомъ общества взаимопомощи. Аналогичныя попытки организовать рабочихъ въ боевую армію республиканской партіи были сдѣланы также въ Парижѣ. Кромѣ того, ряды парижскихъ республиканцевъ пополнялись пришлымъ элементомъ, такъ какъ послѣ подавленія революціонныхъ движеній, имѣвшихъ мѣсто въ различныхъ частяхъ Европы послѣ іюльской революціи, многіе изъ ихъ вождей искали себѣ убѣжища во Франціи, гдѣ установившійся послѣ переворота 1830 г. болѣе либеральный режимъ давалъ имъ не только пристанище, но и возможность продолжать свою агитацію путемъ печати и сношеній съ заграничными революціонными кругами. Здѣсь эмигранты нѣмецкіе, итальянскіе, польскіе болѣе или менѣе безпрепятственно печатали на своихъ языкахъ революціонныя изданія, служившія цѣлямъ объединенія революціонныхъ партій и поддержки революціоннаго движенія. Въ первые годы іюльской монархіи Парижъ сдѣлался настоящимъ очагомъ международной революціонной пропаганды. Встрѣтивъ въ Парижѣ радушный пріемъ со стороны французской республики, эмигранты, въ свою очередь, увеличивали силы республиканской партіи во Франціи. Такъ, они приняли дѣятельное участіе въ организаціи парижскаго возстанія въ іюлѣ 1832 года.

Возстаніе 1832 и 1834 г.

Возстаніе было пріурочено къ похоронамъ одного популярнаго въ республиканскихъ кругахъ генерала. Ожидали, что похороны привлекутъ большія толпы рабочихъ, и республиканцы надѣялись увлечь ихъ въ массовую политическую манифестацію и воспользоваться послѣднею для провозглашенія республики. Заговорщикамъ, дѣйствительно, удалось увлечь за собой значительныя толпы молодежи, преимущественно студентовъ, и часть интеллигентной буржуазіи, и овладѣть восточными кварталами Парижа.

Но этотъ успѣхъ, которымъ заговорщики были обязаны лишь неподготовленности властей, былъ мимолетнымъ. Возстаніе было подавлено на другой день войсками и національной гвардіей, которая имѣла буржуазный характеръ по своему составу и анти-республиканскій по своему настроенію. Главная причина неудачи возстанія заключалась въ томъ, что оно не встрѣтило себѣ поддержки въ средѣ парижскаго населенія и въ частности въ рабочихъ массахъ. Республиканцы еще разъ ошиблись въ своихъ разсчетахъ на республиканское настроеніе послѣднихъ. Это обстоятельство побудило ихъ удвоить свои усилія въ направленіи революціоннаго воспитанія рабочихъ. Что усилія ихъ въ этомъ направленіи не остались безуспѣшными, объ этомъ свидѣтельствуютъ два новыя возстанія, которыя были организованы республиканцами весной 1834 года.

Поводомъ послужили рабочія волненія въ Ліонѣ, вызванныя стачкой изъ-за пониженія нѣкоторыми изъ фабрикантовъ заработной платы и послѣдовавшимъ затѣмъ судомъ надъ организаторами стачки. Возстаніе имѣло на этотъ разъ болѣе упорный характеръ и носило явственный политическій оттѣнокъ. Послѣ четырехъ дней баррикадъ и битвъ съ войсками и національной гвардіей возстаніе было подавлено (9—13 апрѣля 1834 г.), но оно имѣло отголоски во многихъ провинціальныхъ центрахъ, а въ Парижѣ послужило сигналомъ къ болѣе серьезному возстанію, которое, впрочемъ, и на этотъ разъ было подавлено вооруженною силой (14 апрѣля). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ офицеры-республиканцы пытались вызвать республиканское возстаніе въ своихъ полкахъ, но ихъ попытки не имѣли успѣха.

Разгромъ республиканской партіи.

Результатъ всѣхъ этихъ возстаній былъ безусловно отрицательный для республиканской партіи, не только въ силу ихъ безуспѣшности, но еще больше—благодаря той рѣзкой анти-республиканской реакціи, которую эти кровавыя событія вызвали въ широкихъ кругахъ общества. А этотъ поворотъ въ настроеніи общества далъ правительству возможность обрушиться на республиканцевъ съ безпощадными репрессіями. До двухъ тысячъ республиканцевъ было арестовано и предано суду Палаты перовъ. Бо́льшая часть обвиняемыхъ были приговорены частью къ тюремному заключенію, частью къ ссылкѣ. Впрочемъ два года спустя всѣ они получили свободу въ силу амнистіи, объявленной по случаю бракосочетанія герцога Орлеанскаго (въ маѣ 1836 г.). Но еще раньше окончанія этого процесса, однимъ изъ республиканскихъ фанатиковъ было произведено покушеніе на короля посредствомъ

разрывного снаряда. Взрывомъ было убито около двадцати человѣкъ и еще болѣе ранено, но король остался невредимъ. Этимъ безумнымъ актомъ республиканцы лишь обострили общественную реакцію и вызвали новыя репрессіи и дальнѣйшія ограниченія свободы печати. Репрессіи эти, правда, не могли остановить разныхъ политическихъ фанатиковъ отъ дальнѣйшихъ террористическихъ актовъ (король подвергался послѣ этого покушеніямъ еще шесть разъ), но онѣ нанесли республиканцамъ настолько сильный ударъ, что они надолго отказались отъ всякихъ попытокъ насильственнаго переворота. Собственно говоря, вплоть до революціи 1848 года во Франціи не было республиканскаго возстанія, если не считать попытки ничтожной кучки горячихъ головъ, которыя, во главѣ съ Барбесомъ и Бланки [1]), хотѣли поднять возстаніе въ Парижѣ въ маѣ 1839 года, но потерпѣли полную неудачу. Имъ не удалось вызвать даже сколько-нибудь серьезныхъ безпорядковъ. Главари возстанія были арестованы и присуждены къ смертной казни (Барбесъ и Бланки были помилованы королемъ).

Революціонная пропаганда среди рабочихъ.

Послѣ своего разгрома партія (или точнѣе—ея остатки) сосредоточила свою дѣятельность на революціонной пропагандѣ среди рабочихъ массъ. Опытъ показалъ республиканцамъ, что одними политическими девизами и программами трудно увлечь за собою рабочія массы,—что ихъ можно поднять лишь давленіемъ острой экономической нужды и увлечь лишь перспективой улучшенія ихъ экономическаго положенія. Тѣ изъ республиканцевъ, которые ближе стояли къ рабочимъ кругамъ, поняли это еще до ліонскаго возстанія 1834 года. Организованное Кавеньякомъ 1832 года республиканское Общество правъ человѣка, состоящее, главнымъ образомъ, изъ парижскихъ ремесленниковъ, уже формулируетъ свою задачу слѣдующимъ образомъ: „Мы имѣемъ въ виду не столько политическую перемѣну, сколько соціальную перестройку. Расширеніе политическихъ правъ, избирательная реформа, всеобщее голосованіе могутъ быть превосходны, но только какъ средство, а отнюдь не какъ цѣль. Наша цѣль—равномѣрное распредѣленіе какъ налагаемыхъ обществомъ обязанностей, такъ и предоставляемыхъ имъ выгодъ, словомъ—установленіе полнаго равенства“.

Эта формула, подсказанная не какими-либо теоретическими соображеніями, а опытомъ политической жизни и, такъ сказать, самочувствіемъ самихъ рабочихъ, въ сущности очень близко подхо-

[1]) Жеффруа. Бланки, его жизнь и революціонная дѣятельность. Спб. 1906.

дила къ идеямъ соціализма. Любопытно, однако, что Общество правъ человѣка, на которое можно смотрѣть какъ на первый зародышъ соціалистской партіи во Франціи, возникло и формулировало свою программу совершенно независимо отъ идейнаго вліянія уже выступившихъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ въ печати первыхъ теоретиковъ соціализма, Сенъ-Симона и Фурье, сочиненія которыхъ вызвали къ себѣ интересъ лишь позднѣе и то почти исключительно въ средѣ буржуазной публики.

Луи-Блан и революціонный соціализмъ.

Болѣе непосредственное вліяніе на рабочія массы оказалъ Луи-Бланъ, первый теоретикъ революціоннаго соціализма. Луи-Бланъ (Louis Blanc, 1811—1882)[1]) воспринялъ нѣкоторыя изъ идей Сенъ-Симона, но въ отличіе отъ него, какъ и отъ другихъ своихъ предшественниковъ въ области соціалистской идеологіи, онъ думаетъ, что рѣшеніе соціальнаго вопроса должно взять на себя государство. Идеи Луи-Блана, изложенныя имъ, главнымъ образомъ, въ сочиненіи „Организація труда“ (L'Organisation du travail, 1839 г.), заключаются въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ. Бѣдственное положеніе фабричнаго пролетаріата есть слѣдствіе индивидуалистическаго характера производства, связаннаго съ началомъ свободной конкурренціи. Конкурренція между предпринимателями вызываетъ эксплуатацію рабочаго класса, а конкурренція между рабочими лишаетъ ихъ возможности успѣшно бороться съ этой эксплуатаціей. Чтобы устранить этотъ гибельный режимъ свободной конкурренціи, необходимо, чтобы нація, то-есть государство само взяло на себя организацію народнаго труда. Государство должно само сдѣлаться предпринимателемъ и организовать „національныя мастерскія“. Мастерскія эти будутъ управляться самими рабочими, которые будутъ участвовать въ прибыляхъ предпріятій. Такимъ путемъ будетъ устранена эксплуатація рабочихъ, а также и опасность безработицы, такъ какъ государство, располагая огромными средствами, будетъ въ состояніи обезпечить каждому желающему работу въ національныхъ мастерскихъ. Но какъ добиться того, чтобы государство взяло на себя эту новую организацію труда? Для этого существуетъ, по мнѣнію Луи-Блана, одинъ путь: рабочимъ необходимо овладѣть государственной властью. Въ этомъ пунктѣ лежитъ главное отличіе Луи-Блана отъ его предшественниковъ, которые считали возможнымъ рѣшить соціальный вопросъ независимо отъ государства. Въ этомъ же пунктѣ—основное различіе между раннимъ соціализмомъ, вѣрившимъ въ возможность рѣшенія со-

[1]) M. Golliet. Louis Blanc. Sa doctrine. son action. Paris, 1903: Tchernoff. Louis Blanc. (Bibliothèque Sacialiste). Paris, 1903.

ціальнаго вопроса мирными, легальными средствами,—и новѣйшимъ революціоннымъ соціализмомъ, выдвигающимъ на первый планъ захватъ политической власти рабочимъ классомъ. Правда, первоначально Луи-Бланъ считалъ возможнымъ для рабочихъ овладѣть властью легальными средствами; надо только, чтобы рабочіе поддерживали республиканскую партію въ ея требованіяхъ всеобщаго избирательнаго права. При помощи послѣдняго рабочіе могутъ получить большинство въ палатѣ, а слѣдовательно и распоряженіе государственной властью, и тогда они могутъ осуществить свою программу. Но въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій, „Histoire des dix ans“ (1841—1844 г.), Луи-Бланъ говоритъ уже о насильственномъ захватѣ власти пролетаріатомъ и не скрываетъ революціоннаго характера проповѣдуемаго имъ соціализма. „Быть соціалистомъ, говоритъ онъ, это значитъ хотѣть революціи, какъ политической, такъ и соціальной. Соціалисты, это, стало быть, революціонеры по преимуществу, и только они въ сущности заслуживаютъ этого названія. Тѣ, которыхъ пугаютъ соціалистскія идеи, боятся цѣли: они—не революціонеры. Тѣ, которые осуждаютъ революціонную дѣятельность, они — не соціалисты. Надо быть соціалистомъ-революціонеромъ или же не быть ни тѣмъ ни другимъ“.

Ученіе Луи-Блана, которое въ сущности лишь давало болѣе или менѣе ясную формулировку и политическое обоснованіе смутнымъ идеямъ и пожеланіямъ рабочихъ и открывало, какъ казалось, легко достижимый путь къ осуществленію этихъ пожеланій, не замедлило пріобрѣсти широкую популярность въ рабочихъ кругахъ и оказать глубокое вліяніе на ихъ политическое воспитаніе. Соціализмъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ формулированъ Луи-Бланомъ, сдѣлался могучимъ орудіемъ въ рукахъ республиканской партіи для вовлеченія рабочихъ массъ въ политическую борьбу во имя республиканскаго принципа — всеобщаго голосованія. Со времени появленія „Организаціи Труда“, революціонныя прокламаціи начинаютъ говорить языкомъ Луи-Блана: „Наши принципы,—гласитъ одна такая прокламація въ 1840 году: „Мы хотимъ установить общность тружениковъ, то-есть уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ; мы хотимъ организовать національныя мастерскія, въ которыхъ бы заработная плата дѣлилась между всѣми рабочими, и гдѣ не было бы ни хозяевъ, ни наемниковъ“.

Сближеніе между политическимъ и соціальнымъ движеніемъ.

Подъ вліяніемъ Луи-Блана соціальное, рабочее движеніе настолько сближается съ политическимъ, республиканскимъ, что уже въ 1844 году извѣстный нѣмецкій публицистъ Л. Штейнъ

находитъ, что „для Франціи миновало время чисто политическихъ движеній и что ближайшая революція будетъ въ этой странѣ по преимуществу революціей соціальной“ [1]).

Событія 1848 года въ значительной степени оправдали это наблюденіе. Новая соціально-республиканская группа пріобрѣла, уже въ началѣ сороковыхъ годовъ, настолько значительное вліяніе, что въ 1843 г. ей удалось провести своего представителя въ парламентъ, въ лицѣ адвоката Ледрю-Роллена (Ledru-Rollin, 1807—1874). Такъ какъ рабочіе фактически стояли внѣ „легальной страны“ (pays légal), избиравшей депутатовъ въ палату, то отмѣченный фактъ свидѣтельствуетъ о распространеніи соціально-республиканскихъ идей въ широкихъ кругахъ буржуазной интеллигенціи. Въ томъ же году Ледрю-Ролленъ, при близкомъ участіи Луи-Блана, основалъ газету „Реформа“ (la Réforme), въ лицѣ которой новая республиканская группа получила свой первый печатный органъ, не замедлившій сдѣлаться сильнымъ орудіемъ пропаганды идей республиканскаго соціализма. Независимо отъ своего вліянія на рабочія массы, эти идеи пріобрѣли себѣ вскорѣ широкую популярность въ средѣ учащейся молодежи и интеллигенціи. Новыя идеи распространялись, независимо отъ „Реформы“, во множествѣ брошюръ, памфлетовъ, листковъ и даже нашли себѣ отголосокъ въ беллетристикѣ (Жоржъ-Сандъ).

Названіе печатнаго органа партіи „Реформа“ указывало на основной пунктъ ея программы, именно—избирательную реформу. Основная идея партіи, какъ она формулировалась Ледрю-Ролленомъ въ его органѣ, была: „добиться соціальныхъ улучшеній путемъ разрѣшенія политическаго вопроса“. Послѣдній же сводился въ данный моментъ, именно, къ избирательной реформѣ. Существующій режимъ, дѣлавшій избирательное право привилегіей ничтожнаго меньшинства націи и устранявшій огромное большинство послѣдней отъ всякаго участія въ политической жизни страны, долженъ былъ быть реформированъ на новыхъ демократическихъ началахъ, на началахъ полнаго равенства всѣхъ гражданъ. Ограниченное, на основѣ имущественнаго ценза, избирательное право должно быть замѣнено всеобщимъ избирательнымъ правомъ (suffrage universel). Такова та политическая реформа, которую партія считала необходимой предпосылкой соціальной реформы, являвшейся конечной цѣлью ея стремленій.

[1]) L. Stein. Der Sozialismus und der Kommunismus d. heutigen Frankreichs. Leipzig, 1844; его же: Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich. Leipzig, 1849—1851. 3 Bde.

Реформистское движеніе и февральская революція 1848 г.

На этомъ требованіи избирательной реформы на основахъ всеобщаго избирательнаго права сходились всѣ республиканцы, независимо отъ ихъ отношенія къ соціальному вопросу. Мало того, въ этомъ пунктѣ республиканцы нашли себѣ союзниковъ въ рядахъ роялистовъ, среди которыхъ также было не мало лицъ, сознававшихъ ненормальность существующей избирательной системы и необходимость ея измѣненія. Правда, реформисты изъ числа роялистовъ не шли такъ далеко въ своихъ требованіяхъ, какъ республиканцы; они желали лишь расширенія избирательнаго права путемъ привлеченія къ нему болѣе широкихъ круговъ націи, хотя и не до предѣловъ всеобщаго голосованія. Но, во всякомъ случаѣ, отрицательное отношеніе къ существующему порядку выборовъ дѣлало реформистовъ изъ роялистовъ союзниками республиканцевъ. Вдобавокъ, и тѣ и другіе въ данномъ пунктѣ опирались на сочувствіе общества и народныхъ массъ.

При такихъ условіяхъ, вполнѣ понятно, почему реформистское движеніе, впервые обозначившееся явственно въ началѣ сороковыхъ годовъ, могло вскорѣ пріобрѣсти такой широкій размахъ и такую стремительность, что попытка остановить его привела къ новой, такъ называемой февральской революціи 1848 года. Эта революція, являвшаяся торжествомъ реформистскаго движенія, должна была быть вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣдой республиканцевъ, которые шли въ первыхъ рядахъ этого движенія,—которые были не только его застрѣльщиками, но и его настоящими вождями. Какъ направленное не только противъ правительства или опредѣленнаго министерства, но и противъ самыхъ основъ существующаго парламентскаго режима, реформистское движеніе, при всемъ своемъ кажущемся мирномъ характерѣ, въ сущности уже съ самаго начала заключало въ себѣ зародышъ революціи. Большинство палаты, естественно, отстаивало неприкосновенность существующаго избирательнаго закона и встрѣчало неизмѣнной враждебностью всякое предложеніе, направленное къ расширенію избирательнаго права. Революціонный характеръ реформистскаго движенія могъ бы быть парализованъ лишь правительствомъ, если бы оно пошло ему навстрѣчу и взяло бы на себя починъ проведенія хотя бы умѣренной избирательной реформы, что, при тѣхъ многочисленныхъ средствахъ, которыми оно располагало для

Характеръ реформистскаго движенія

вліянія на народное представительство, было бы для него вполнѣ осуществимо. Напротивъ, когда въ 1840 году реформистское движеніе начало болѣе явственно обозначаться въ обществѣ, въ прессѣ и даже въ національной гвардіи (въ іюнѣ 1840 года на королевскомъ смотру впервые изъ ея рядовъ раздались крики: „да здравствуетъ реформа!“), вступившее въ это время во власть министерство Гизо (Guizot, 1787—1874), стало рѣшительно на защиту существующей избирательной системы и слышать не хотѣло ни о какой реформѣ. Гизо былъ вполнѣ доволенъ существующимъ порядкомъ, который позволялъ ему держаться у власти при помощи послушной палаты, а послѣднюю держалъ въ повиновеніи путемъ привлеченія оппозиціонныхъ депутатовъ прямыми или косвенными (предоставленіемъ казенныхъ мѣстъ) подкупами. Гизо, дѣйствительно, удалось удержать за собою власть въ теченіе восьми лѣтъ, вплоть до крушенія іюльской монархіи (1840—1848). Но своей политикой, отнявшей у реформистовъ всякую надежду на легальное осуществленіе избирательной реформы, онъ окончательно направилъ реформистское движеніе въ революціонное русло и тѣмъ сдѣлалъ неизбѣжной катастрофу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, превративши парламентскій режимъ, путемъ широкой системы подкуповъ, для которой давала возможность существующая избирательная система, въ пустую фикцію, въ ширмы, прикрывавшія фактически водворившійся правительственный произволъ, Гизо тѣмъ самымъ толкнулъ въ ряды реформистовъ всѣхъ искреннихъ конституціоналистовъ, даже изъ числа роялистовъ, увеличивши тѣмъ лагерь враговъ существующаго порядка.

Министерство Гизо.

Кромѣ прессы, реформистская агитація велась въ формѣ многочисленныхъ банкетовъ, на которыхъ ораторами-реформистами произносились рѣчи въ пользу расширенія избирательнаго права. Первый такой банкетъ имѣлъ мѣсто въ Парижѣ, въ іюнѣ 1840 года; вслѣдъ затѣмъ реформистскіе агитаторы перенесли свою дѣятельность въ провинціальные центры, гдѣ организовали цѣлый рядъ болѣе или менѣе шумныхъ банкетовъ, собиравшихъ иногда по нѣскольку тысячъ человѣкъ.

Независимо отъ цѣлей пропаганды, этими банкетами реформисты надѣялись обнаружить передъ правительствомъ и палатой наличность сильнаго теченія въ странѣ въ пользу реформы, и тѣмъ расчистить ей путь къ законодательному осуществленію. Въ теченіе цѣлаго ряда сессій реформистское меньшинство вносило въ палату проектъ расширенія избирательнаго права, а также уничтоженія совмѣстимости званія депутата съ положеніемъ чиновника (такое

совмѣстительство открывало широкую дверь замаскированному подкупу депутатовъ со стороны правительства). Но большинство систематически отвергало эти проекты реформъ, о которыхъ министерство, съ своей стороны, продолжало рѣшительно открещиваться. Подобная политика правительства Гизо, естественно, вела къ усиленію рядовъ противниковъ короля, который поддерживалъ эту политику; многіе изъ бывшихъ приверженцевъ Луи-Филиппа перешли въ лагерь его противниковъ. Многіе еще утѣшали себя надеждой на то, что со смертью уже пожилого короля настанутъ лучшія времена, на что давали право надѣяться личныя качества наслѣдника престола, герцога Орлеанскаго, которому приписывали сочувствіе дѣлу реформы. Но на бѣду герцогъ Орлеанскій умеръ въ 1842 году. Его смерть, открывавшая впереди перспективу регентства самаго непопулярнаго изъ членовъ королевской фамиліи, герцога Немурскаго, нанесла сильный ударъ іюльской монархіи, заставивши еще болѣе порѣдѣть ряды ея приверженцевъ.

Эволюція реформистскаго движенія

Реформистская агитація, имѣвшая первоначально лишь анти-правительственный и анти-министерскій характеръ, получила мало-по-малу характеръ анти-династическій и анти-монархическій. Анти-монархическое теченіе получило вскорѣ даже преобладающее значеніе.

Это отнюдь, однако, не мѣшало тому, что реформисты продолжали насчитывать въ своихъ рядахъ и орлеанистовъ, продолжавшихъ оставаться вѣрными іюльской монархіи и не терявшихъ надежды достигнуть осуществленія реформы чисто легальнымъ путемъ. Они надѣялись вызвать настолько сильное общественное движеніе въ пользу реформы, что правительство и палата не рѣшились бы болѣе ему противиться. Съ этой цѣлью они рѣшили организовать цѣлый рядъ банкетовъ въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ это было въ 1840—1841 гг. Иниціатива этой новой реформистской агитаціи, которой суждено было закончиться крушеніемъ іюльской монархіи, принадлежала орлеанистамъ, но при дѣятельной поддержкѣ республиканцевъ, которымъ въ концѣ концовъ удалось захватить движеніе въ свои руки и направить его въ подготовленное ими русло. Кампанія открылась многолюднымъ банкетомъ въ Парижѣ 10 іюля 1847 года. Организованный орлеанистами, этотъ банкетъ носилъ довольно умѣренный характеръ. Но дальнѣйшія демонстраціи этого рода, организованныя во многихъ провинціальныхъ центрахъ, зачастую при дѣятельномъ и даже преобладающемъ участіи республиканцевъ, отличались болѣе бурнымъ характеромъ, и на нихъ раздавались подчасъ уже чисто

революціонныя рѣчи. На многолюдномъ банкетѣ въ Маконѣ, устроенномъ недѣлю спустя послѣ парижскаго, Ламартиномъ (Lamartine, 1790—1869), послѣдній произнесъ патетическую рѣчь, въ которой, при шумныхъ одобреніяхъ аудиторіи, между прочимъ, сказалъ: „Если монархія обманываетъ надежды, возлагавшіяся страной въ 1830 году не столько на ея сущность, сколько на связанное съ ней имя (Луи-Филиппа); если она окружаетъ себя аристократіей избирателей, вмѣсто того, чтобы слиться съ народомъ; если она допускаетъ насъ опуститься въ бездну подкупа,—то эта монархія, безъ сомнѣнія, падетъ. Она запутается въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ. Послѣ пережитой вами революціи свободы и контръ-революціи славы [1]), вамъ придется пережить революцію общественной совѣсти, революцію ненависти и презрѣнія“. Въ томъ же родѣ были многія рѣчи и на другихъ банкетахъ, гдѣ ораторы-республиканцы приглашали своихъ согражданъ „начать сызнова дѣло, которое не удалось довести до успѣшнаго конца въ іюлѣ 1830“. „Народъ можетъ наложить свою руку на корону, которую онъ самъ далъ; онъ можетъ разбить ее въ куски и бросить въ морскія волны Шербурга“, говорилъ одинъ изъ банкетныхъ ораторовъ, намекая на Карла X, который послѣ своего отреченія принужденъ былъ спасаться на англійскомъ суднѣ черезъ портъ Шербургъ. На нѣкоторыхъ банкетахъ замѣтенъ уже явственный соціалистскій оттѣнокъ, какъ, напримѣръ, на банкетѣ въ Лиллѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ Ледрю-Ролленъ. Здѣсь уже шла рѣчь о соціальной революціи и объ эмансипаціи трудящихся массъ.

Несмотря на возбуждающее дѣйствіе шумныхъ банкетовъ, пріобрѣтавшихъ все болѣе и болѣе приподнятый и революціонный характеръ, правительство смотрѣло на всю эту агитацію съ олимпійскимъ благодушіемъ и не принимало противъ нея ровно никакихъ мѣръ: до такой степени оно было увѣрено въ неприступности своей позиціи и въ непоколебимости трона. Это настроеніе, которое правящія сферы черпали въ неизмѣнной поддержкѣ большинства палаты, нашло себѣ наглядное выраженіе въ рѣчи, которою привѣтствовалъ король палату, при возобновленіи ея сессіи въ концѣ 1847 года. „При господствующемъ возбужденіи, сказалъ между прочимъ Луи-Филиппъ,—вызванномъ враждебными и слѣпыми страстями, меня ободряетъ убѣжденіе, что въ конституціонной монархіи, въ единствѣ нашей сильной государственной власти, мы имѣемъ вѣрное средство преодолѣть всѣ пре-

Тронная рѣчь 1847 г.

[1]) То-есть послѣ Великой революціи и Наполеоновской имперіи.

пятствія и удовлетворить всѣ духовныя и матеріальныя потребности нашего дорогого отечества".

Болѣе проницательные люди изъ правительственнаго большинства не раздѣляли этого оптимистическаго квіетизма правящихъ сферъ. Таковъ былъ Токвиль (A. de Tocqueville, 1805—1859), пророчески указывавшій на грядущую роль новаго революціоннаго фактора, выступавшаго на историческую сцену. „Развѣ вы не видите, говорилъ онъ, что въ рабочемъ классѣ политическія страсти превратились въ соціальныя? Развѣ вы не замѣчаете, что въ ихъ сознаніе проникаютъ идеи, направленныя не противъ того или другого закона, не противъ того или иного министерскаго распоряженія, а клонящіяся къ ниспроверженію всего существующаго общественнаго строя? Рано или поздно, они вызовутъ ужасную революцію. Мы спимъ на вулканѣ".

Депутаты оппозиціи, до крайности раздраженные какъ презрительнымъ намекомъ тронной рѣчи на реформистскую агитацію, такъ и поведеніемъ большинства палаты, въ преніяхъ объ адресѣ королю снова поддержавшей правительство, рѣшили принять дѣятельное участіе въ банкетѣ, назначенномъ на 22 февраля. Но парижскій префектъ полиціи запретилъ банкетъ. Организаціонный комитетъ банкета съ своей стороны заявилъ, что будетъ игнорировать распоряженіе, какъ противозаконное. Въ палатѣ оппозиціей былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ министру внутреннихъ дѣлъ, но послѣдній отвѣтилъ, что префектъ дѣйствовалъ вполнѣ законно, сославшись на одинъ законъ 1791 года, уполномачивавшій администрацію не допускать собраній, которыя могутъ повести къ нарушенію общественнаго порядка. Оппозиція протестовала противъ объясненій министра и заявила о своемъ намѣреніи принять участіе въ банкетѣ, игнорируя запрещеніе. Такимъ образомъ, вопросъ о запрещенномъ банкетѣ получалъ характеръ рѣшительнаго столкновенія между оппозиціонными элементами палаты и общества—съ одной стороны, и правительствомъ—съ другой. Но врядъ ли еще тогда приходило кому въ голову, что этотъ конфликтъ угрожаетъ существованію не только министерства, но и самой монархіи. Чтобы придать анти-правительственной манифестаціи болѣе внушительный характеръ, организаторами банкета было рѣшено, что оппозиціонные депутаты (около 90 человѣкъ заявили о своемъ намѣреніи участвовать въ банкетѣ) отправятся на банкетъ въ видѣ кортежа, который будетъ встрѣченъ національными гвардейцами въ формѣ, но безъ оружія, чѣмъ имѣлось въ виду подчеркнуть мирный харак-

22 февраля 1848 г.

теръ манифестаціи. Въ ночь на 22 февраля правительствомъ было расклеено запрещеніе всякихъ сборищъ. Это распоряженіе подѣйствовало на депутатовъ, которые ограничились заявленіемъ протеста, но отъ участія въ банкетѣ отказались. Вожаки активныхъ республиканцевъ, собравшіеся въ редакціи „Реформы“, рѣшили также отказался отъ предположенной манифестаціи, такъ какъ, подсчитавъ свои силы, нашли ихъ слишкомъ слабыми, для того чтобы вступать съ правительствомъ въ вооруженную борьбу. Банкетъ не состоялся, но къ назначенному для него часу сосѣднія улицы наполнились возбужденной толпой, въ которой было много студентовъ и рабочихъ. Раздавались протесты противъ запрещенія банкета, враждебные возгласы по адресу полиціи и правительства. Кричали: „Да здравствуетъ реформа!“ Пѣли Марсельезу и другія революціонныя пѣсни. Подъ вліяніемъ нѣсколькихъ горячихъ головъ, часть толпы бросилась грабить оружейные магазины и строить баррикады. Къ вечеру вступили въ городъ войска, которыя заняли площади и наиболѣе важные пункты. Они почти нигдѣ не встрѣтили сопротивленія, такъ какъ баррикады были оставлены безъ защиты. Но на одной изъ окраинъ, гдѣ толпа пріучилась жечь городскія заставы, войскамъ пришлось пустить въ ходъ оружіе, при чемъ было убито и ранено нѣсколько человѣкъ. Въ тюильрійскомъ саду сожгли костеръ изъ нѣсколькихъ дюжинъ садовыхъ стульевъ и срубленныхъ деревьевъ. Впрочемъ революціонеры ставили эту импровизированную иллюминацію въ счетъ уличнымъ мальчишкамъ.

Какъ бы то ни было, безпорядки 22 февраля, несмотря на пролитую кровь, носили до такой степени несерьезный характеръ, что, обсудивши ихъ въ тотъ же вечеръ, вожди республиканцевъ рѣшили, что для попытки серьезнаго переворота нѣтъ никакихъ данныхъ. Однако съ утра 23 февраля улицы опять наполнились толпами, частью вооруженными; другіе спѣшили вооружиться, предавая разграбленію оружейные магазины. Снова закипѣла постройка баррикадъ. Безпорядки, несмотря на отсутствіе планомѣрности и свой хаотическій характеръ, явно разрастались въ настоящее возстаніе, принимавшее тѣмъ болѣе угрожающій характеръ, что войска неохотно шли усмирять бунтовщиковъ, а національная гвардія даже совершенно отказалась идти противъ нихъ. Изъ ея рядовъ раздавались возгласы: „Да здравствуетъ реформа! Долой Гизо!“ Группа гвардейцевъ отправилась въ палату, съ петиціей въ пользу реформы. Луи-Филиппъ первоначально, какъ и правительство и даже сами республиканцы, не придавалъ серьезнаго значенія возстанію, которое почти всѣ считали про-

23 февраля 1848 г.

стыми уличными безпорядками; но когда онъ узналъ объ измѣнѣ гвардіи, въ которой привыкъ видѣть главную опору трона, онъ рѣшился пожертвовать Гизо. Вѣсть объ отставкѣ Гизо, распространившаяся послѣ полудня, была встрѣчена бурными восторгами толпы, гвардіи и всего Парижа, который выразилъ свою радость иллюминаціей. Начавшееся возстаніе, казалось, само собой прекратилось. Но въ дѣйствительности серьезное возстаніе было впереди. До сихъ поръ въ немъ не принимала участія наиболѣе серьезная изъ организованныхъ революціонныхъ силъ: республиканская партія. Послѣдняя, какъ мы видѣли, сознательно устранилась отъ активнаго участія въ возстаніи, которое ей представлялось недостаточно серьезнымъ. Но когда въ теченіе дня (23 февраля) обнаружились безсиліе и растерянность правительства,—когда оказалось, что король спасовалъ и сдался на всѣ требованія мятежниковъ, поддержанныхъ національной гвардіей (а эти требованія не шли, какъ мы видѣли, дальше отставки Гизо и обѣщанія реформы), тогда республиканская партія рѣшила, что возстаніе, которое еще не успѣло вполнѣ улечься, стоитъ того, чтобы его поддержать и постараться ввести въ республиканское русло. Баррикады продолжали все еще оставаться на своихъ мѣстахъ, вооруженныя толпы продолжали расхаживать по улицамъ съ криками „да здравствуетъ реформа“ и „долой Гизо“, хотя уже было объявлено объ обѣщаніи первой и объ отставкѣ послѣдняго. Въ одномъ мѣстѣ между толпой вооруженныхъ манифестантовъ и войсками произошло столкновеніе, въ которомъ около двадцати манифестантовъ были убиты. Этотъ случай послужилъ искрой, воспламенившей начавшій было потухать пожаръ, который республиканцы, съ своей стороны, поспѣшили раздуть и направить на этотъ разъ возстаніе противъ короля. Они кричали о предательскомъ разстрѣлѣ народа по приказу изъ Тюильри и поспѣшили воспользоваться свѣжими трупами убитыхъ, какъ орудіемъ анти-монархической пропаганды. Нагрузивши убитыхъ на ломовую телѣгу, агитаторы съ факелами въ рукахъ повезли по городу свой зловѣщій грузъ, призывая народъ къ мести за убитыхъ товарищей. Зловѣщая процессія собрала вокругъ себя возбужденныя толпы вооруженныхъ, которыхъ агитаторы продолжали электризовать зажигательными рѣчами, стараясь направить народное возбужденіе не только противъ правительства, но и противъ самого короля. Къ крикамъ „долой Гизо“ и „да здравствуетъ реформа“ присоединились вскорѣ возгласы: „долой короля! да здравствуетъ республика!“.

24 февраля 1848 г.

Агитаторы распространяли въ толпѣ нàскоро отпечатанный радикально-соціалистской „Реформой“ листокъ, гдѣ говорилось: „Луи-Филиппъ подвергаетъ насъ разстрѣламъ, какъ Карлъ X; пусть онъ убирается туда же, куда и Карлъ X“. Многочисленная, возбужденная и въ значительной своей части вооруженная толпа двинулась подъ предводительствомъ успѣвшихъ овладѣть ею республиканскихъ вожаковъ къ королевскому дворцу (Тюильри). Часть войскъ немедленно перешла на сторону инсургентовъ, другая колебалась. Тьеръ, съ которымъ въ это время совѣщался король о томъ, что дѣлать, посовѣтовалъ Луи-Филиппу бѣжать изъ Парижа въ Сенъ-Клу (одинъ изъ подгородныхъ королевскихъ дворцовъ), вызвать туда оставшіяся вѣрными войска и съ ихъ помощью подавить парижское возстаніе. Но Луи-Филиппъ все еще надѣялся на войска и гвардію. Онъ выѣхалъ къ нимъ верхомъ, но былъ встрѣченъ возгласами: „да здравствуетъ реформа!“ Луи-Филиппъ до такой степени былъ ошеломленъ этимъ, что сейчасъ же возвратился во дворецъ и подписалъ отреченіе отъ престола въ пользу своего малолѣтняго внука, графа Парижскаго, подъ именемъ Луи-Филиппа II, съ регентствомъ его матери, герцогини Орлеанской. Этимъ актомъ Луи-Филиппъ надѣялся спасти, по крайней мѣрѣ, свою династію. Но было уже поздно. Толпа инсургентовъ успѣла уже сломить сопротивленіе немногочисленныхъ оставшихся вѣрными королю войскъ. Луи-Филиппъ съ семействомъ едва успѣлъ скрыться изъ дворца боковымъ выходомъ (со стороны набережной Сены). Послѣ этого войска и гвардія разсѣялись, толпа ворвалась во дворецъ и разгромила всю обстановку; тронъ былъ сломанъ и затѣмъ торжественно сожженъ у подножія колонны, воздвигнутой на мѣстѣ Бастиліи. Вслѣдъ затѣмъ вооруженная толпа ворвалась въ Бурбонскій дворецъ, гдѣ засѣдала палата депутатовъ, съ криками: „долой палату! долой депутатовъ!“ Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ и бóльшая часть депутатовъ поспѣшили уйти, но часть лѣвой осталась и, по требованію толпы, тутъ же сформировала временное правительство. Одинъ изъ депутатовъ читалъ списокъ кандидатовъ, а толпа криками выражала свое одобреніе или недовольство. „Одобренный народомъ“ списокъ членовъ временнаго правительства заключалъ въ себѣ семь именъ республиканскихъ депутатовъ, въ томъ числѣ Ледрю-Роллена.

Отреченіе и бѣгство короля.

Тѣмъ временемъ въ парижской ратушѣ, по установившейся со временъ Великой Революціи традиціи, собрались вожаки наиболѣе крайнихъ республиканцевъ, радикальнаго и соціалистскаго оттѣнка, которые также „съ одобренія народа“, то-есть присут-

ствующей толпы, избрали изъ своей среды временное правительство изъ четырехъ членовъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный уже намъ Луи-Бланъ и одинъ рабочій, механикъ Альберъ, предсѣдатель одной революціонной организаціи. Такимъ образомъ, сразу оказалось два временныхъ правительства, оба одинаково „одобренные народомъ“. Затрудненіе было разрѣшено очень просто: оба правительства рѣшили слиться въ одно. Собравшись въ ратушѣ, всѣ одиннадцать единогласно провозгласили республику и приняли оффиціально титулъ „временнаго правительства французской республики“. Такимъ образомъ, февральская революція, имѣвшая первоначально характеръ реформистскаго движенія, направленнаго противъ правительства Гизо, закончилась настоящимъ политическимъ переворотомъ, разрушившимъ монархію и давшимъ побѣду республиканской партіи.

Провозглашеніе республики.

Вторая республика и реставрація имперіи. (1848—1852).

Въ подготовкѣ революціи 1848 г., какъ мы видѣли, участвовали, на ряду съ элеметами политической борьбы, также и элементы соціальнаго антагонизма. Подготовлявшаяся революція обѣщала быть, какъ заранѣе предвидѣли болѣе проницательные наблюдатели, не только политическимъ переворотомъ, но и соціальной революціей. И дѣйствительно, политическимъ переворотомъ, паденіемъ трона и провозглашеніемъ республики, революція не закончилась, а вступила лишь въ новую стадію,—стадію революціи соціальной. Съ паденіемъ монархіи, борьба противъ которой объединяла республиканскіе элементы буржуазіи и рабочаго класса, сейчасъ же обнаружился раздѣлявшій ихъ соціальный антагонизмъ. Буржуазные республиканцы считали себя вполнѣ удовлетворенными достигнутымъ результатомъ, и съ провозглашеніемъ республики, считали обезпеченнымъ осуществленіе своего главнаго принципа, всеобщаго голосованія, котораго они издавна добивались. Соціалисты же видѣли въ завершенной политической революціи лишь первый этапъ на пути къ соціальной перестройкѣ. Въ новомъ политическомъ порядкѣ, республикѣ, они видѣли лишь необходимую переходную ступень къ новому соціальному строю. Но въ этомъ случаѣ соціалисты имѣли противъ себя буржуазные слои, за единичными лишь исключеніями, независимо отъ различія политическихъ партій. Съ своей стороны, соціалисты

Соціальный антагонизмъ.

находили себѣ почти единодушную поддержку въ рабочихъ массахъ, которымъ они сулили улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія; всеобщее избирательное право было для нихъ не цѣлью, какъ для республиканцевъ, а лишь средствомъ для достиженія другой цѣли— захвата власти пролетаріатомъ.

Раздѣлявшій обѣ республиканскія партіи, буржуазно-демократическую и соціально-демократическую, антагонизмъ подчеркивался внѣшнимъ образомъ—различіемъ усвоенныхъ обѣими партіями эмблемъ. Въ отличіе отъ трехцвѣтнаго знамени, принятаго республиканской партіей, какъ завѣтъ великой революціи, партія соціалъ-демократовъ усвоила себѣ красное знамя тайныхъ революціонныхъ обществъ.

Партія краснаго знамени имѣла несомнѣнный перевѣсъ въ Парижѣ, такъ какъ на ея сторонѣ были рабочія массы, которыя послѣ февральскаго переворота наполнили собою ряды національной гвардіи, оттѣснивъ на задній планъ господствовавшій въ ней раньше буржуазный элементъ и доведя ея численность почти до 200.000, вмѣсто прежнихъ 50.000. Этой силы было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы заставить временное правительство, въ которомъ преобладала партія трехцвѣтнаго знамени, вступить на путь осуществленія программы соціалистовъ. Уже на
25 февраля 1848 г. другой день послѣ провозглашенія республики, 25 февраля, въ залу засѣданій временнаго правительства ворвалась вооруженная толпа, предводитель которой, потрясая въ рукахъ ружьемъ, потребовалъ отъ имени „народа“ немедленнаго осуществленія соціальныхъ реформъ. Перепуганное правительство обѣщало безотлагательно исполнить это требованіе и немедленно приняло слѣдующій декретъ, редактированный, по его порученію, Луи-Бланомъ: „Правительство французской республики обязывается обезпечить всякому рабочему возможность существовать трудомъ. Оно обязывается гарантировать работу всѣмъ гражданамъ. Оно признаетъ, что всѣ рабочіе должны составить союзъ для совмѣстнаго пользованія законной прибылью отъ ихъ труда. Оно возвращаетъ рабочимъ принадлежащій имъ милліонъ цивильнаго листа“. Если оставить въ сторонѣ послѣдній пунктъ, чисто демагогическій и внушенный тактическими соображеніями минуты, то въ остальныхъ своихъ пунктахъ декретъ этотъ въ сущности лишь формулировалъ кратко основныя положенія той соціальной доктрины, которая была изложена Луи-Бланомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ его „Организаціи труда“. Вслѣдъ затѣмъ правительство декретировало учрежденіе національныхъ мастерскихъ (ateliers nationaux), опять-таки согласно проекту, изло-

женному въ названномъ сочиненіи Луи-Блана. Осуществленіе декретированныхъ правительствомъ соціальныхъ мѣропріятій было поручено Луи-Блану и Альберу.

Созывъ учредительнаго собранія.

Затѣмъ, въ первыхъ числахъ марта было объявлено о созывѣ учредительнаго собранія, для выработки новой конституціи. Одновременно во всей Франціи, въ первой половинѣ апрѣля, должны были быть выбраны 900 депутатовъ на основѣ всеобщаго голосованія. Впрочемъ, срокъ выборовъ вскорѣ былъ отодвинутъ на двѣ недѣли, по требованію подосланной соціалистами толпы. Дѣло въ томъ, что для соціалистовъ было важно какъ можно дальше отдалить выборы, для того чтобы имѣть время привлечь на свою сторону провинціальныхъ рабочихъ, которыхъ до тѣхъ поръ сравнительно мало коснулась соціалистская пропаганда.

Опасенія соціалистовъ за провинцію имѣли серьезныя основанія, какъ показали дальнѣйшія событія. Да и въ самомъ Парижѣ, гдѣ они фактически водворили свою власть при помощи преданныхъ имъ вооруженныхъ рабочихъ массъ, ихъ хозяйничанье не замедлило вызвать тревогу въ буржуазной части населенія. Чувствуя за собой поддержку провинціи, парижская буржуазія начинала поднимать голову и протестовать противъ водворившагося съ 25 февраля охлократическаго гнета. Къ тому же буржуазія имѣла на своей сторонѣ временное правительство, въ которомъ соціалисты были въ меньшинствѣ, и внушительную вооруженную силу въ лицѣ прежней буржуазной гвардіи. Когда въ серединѣ апрѣля соціалистскіе вожаки, по заведенному обычаю, явились въ сопровожденіи вооруженной толпы рабочихъ къ ратушѣ для предъявленія правительству новыхъ требованій отъ имени „народа“, то на выручку правительству подоспѣлъ отрядъ буржуазной гвардіи, при видѣ которой манифестанты поспѣшили ретироваться. Этотъ инцидентъ положилъ конецъ организованному соціалистскими вожаками террору надъ правительствомъ, которое, въ свою очередь, почувствовавъ себѣ серьезную поддержку, не только отказалось отъ роли послушнаго орудія въ рукахъ партіи краснаго знамени, но и постаралось парализовать осуществленіе тѣхъ своихъ мѣропріятій, которыя имъ были ранѣе декретированы подъ давленіемъ вооруженнаго „народа“. Такъ, осуществленіе своего декрета о національныхъ мастерскихъ [1]) оно поручило министру торговли Мари, относившемуся отрицательно къ идеямъ Луи-Блана. Вмѣсто того, чтобы по-

Національныя мастерскія.

[1]) Emile Thomas. Histoire des ateliers nationaux. Paris, 1848.

пытаться организовать различныя мастерскія для разныхъ группъ рабочихъ соотвѣтственно спеціальности каждаго, какъ это имѣлось въ виду Луи-Бланомъ, всѣ рабочіе безъ различія были направлены на земляныя работы въ разныхъ частяхъ Парижа, съ одинаковой поденной платой въ 2 франка. Сразу оказалось до 25 тысячъ рабочихъ, которые пожелали воспользоваться правомъ принять участіе въ этихъ работахъ. Проектированныхъ работъ хватило всего на нѣсколько дней. Тогда рабочихъ перевели на Марсово поле (въ чертѣ города) и заставили безъ всякаго плана и толка копать и перекапывать землю. Соблазненные возможностью легкаго и вѣрнаго заработка, провинціальные рабочіе, большей частью получавшіе низкую плату, толпами устремились въ Парижъ. Къ серединѣ апрѣля число желавшихъ получить работу въ національныхъ мастерскихъ достигло около 70.000; мѣсяцъ спустя, оно дошло до 100.000. Занять всю эту массу рабочихъ рукъ оказалось нечѣмъ, да и выплачивать ежедневно полную заработную плату въ первоначально объявленномъ размѣрѣ оказалось не подъ силу казнѣ. Тогда ограничили число рабочихъ дней для каждаго рабочаго двумя днями въ недѣлю, съ платой по одному франку за нерабочіе дни. Это значило—создать постоянный многотысячный контингентъ безработныхъ, полуголодныхъ (потому что быть сытымъ на 8 франковъ въ недѣлю нельзя было въ Парижѣ) и потому недовольныхъ людей. Если принять во вниманіе, что каждый изъ рабочихъ былъ въ теченіе пяти дней въ недѣлю не занятъ работой, то легко себѣ представить, какой благодарный матеріалъ для соціалистской революціонной пропаганды представляли собой эти десятки тысячъ полуголодныхъ и праздныхъ людей, собранныхъ вмѣстѣ, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ метровъ. Марсово поле превратилось въ настоящую школу революціоннаго воспитанія собравшихся со всѣхъ концовъ Франціи рабочихъ.

Не увѣренные въ своей побѣдѣ на выборахъ въ Учредительное собраніе, вожаки соціалистовъ заранѣе подготовляли себѣ послушную армію, на которую бы они могли опереться для осуществленія соціальной революціи, о которой мечтали.

Опасенія соціалистовъ оправдались. Несмотря на всеобщее голосованіе, соціалисты потерпѣли рѣшительное пораженіе на выборахъ, которые дали подавляющее большинство буржуазныхъ республиканцевъ. Собравшееся въ первыхъ числахъ мая Учредительное собраніе дебютировало тѣмъ, что вотировало благодарность вре-

менному правительству и избрало враждебное Луи-Блану большинство его членовъ въ составъ временной исполнительной комиссіи, а соціалистовъ исключило. Тогда послѣдніе сдѣлали попытку насильно захватить власть при помощи распропагандированныхъ ими рабочихъ. 15 мая толпа, предводительствуемая Бланки и Барбесомъ, ворвалась въ Бурбонскій дворецъ, объявила учредительное собраніе распущеннымъ и провозгласила новое временное правительство въ лицѣ Бланки, Барбеса, Луи-Блана и Альбера (послѣднихъ двухъ противъ ихъ желанія). Въ то же время другая группа соціалистовъ овладѣла ратушей. Но подоспѣвшая національная гвардія разогнала революціонеровъ и возстановила Учредительное собраніе. Вожаки были арестованы, Луи-Бланъ поспѣшилъ эмигрировать. Возстаніе 15 мая 1848 г.

Послѣ этого Учредительное собраніе рѣшило уничтожить національныя мастерскія, какъ опасный очагъ революціи. Рабочимъ, занятымъ на Марсовомъ полѣ, было предложено или поступить въ солдаты, или же готовиться къ отъѣзду въ провинцію, для участія въ предполагаемыхъ тамъ землекопныхъ работахъ. Подъ вліяніемъ соціалистской агитаціи, рабочіе отказались подчиниться постановленію Учредительнаго собранія. Сосредоточившись въ рабочихъ кварталахъ восточныхъ предмѣстій, они принялись строить баррикады и послали къ правительству депутацію съ требованіемъ возстановленія національныхъ мастерскихъ и роспуска Учредительнаго собранія. Въ отвѣтъ послѣднее провозгласило осадное положеніе въ Парижѣ и облекло военнаго министра Кавеньяка диктаторскими полномочіями для подавленія возстанія. Кавеньякъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 20.000 національной гвардіи и столько же резервныхъ войскъ. Съ этими силами онъ двинулся на захваченные инсургентами кварталы. Рабочіе оказали отчаянное сопротивленіе. Цѣлыхъ четыре дня длился ожесточенный бой (23—26 іюня), окончившійся полнымъ подавленіемъ возстанія. Съ обѣихъ сторонъ пало нѣсколько тысячъ убитыхъ (точная цифра не установлена, разныя показанія колеблются отъ 3,000 до 10,000). Изъ захваченныхъ въ плѣнъ 11,000 инсургентовъ около 4,000 были сосланы безъ суда по постановленію Учредительнаго собранія. «Іюньскіе дни» 1848 г. и ихъ значеніе.

Это возстаніе, получившее въ исторіи названіе іюньскихъ дней [1]), было самымъ кровопролитнымъ изъ междоусобій, какія до сихъ поръ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ Парижъ. Это было первое

[1]) Duport Pagès. Les journées de juin. Paris, 1848.

бурное проявленіе соціальной революціи, первое вооруженное столкновеніе между двумя вступившими въ борьбу классами: буржуазіей и рабочимъ пролетаріатомъ. Это кровавое столкновеніе, естественно, углубило пропасть, раздѣлявшую оба класса, и обострило ихъ взаимный антагонизмъ. Оно посѣяло глубокую ненависть къ буржуазіи въ рабочихъ массахъ, а въ буржуазіи и вообще въ мирномъ населеніи усилило опасливую недовѣрчивость къ послѣднимъ, вмѣстѣ съ глубокимъ отвращеніемъ къ соціализму, отождествившемся въ ихъ представленіи съ кровавой анархіей и междоусобіемъ. Кромѣ того, соціализмъ, съ своими коммунистическими и эгалитарными тенденціями, угрожавшими частной собственности, отпугивалъ отъ себя не только буржуазію, но и крестьянство, глубоко преданное идеѣ частной собственности.

Іюньское возстаніе было не только матеріальнымъ пораженіемъ соціалистской партіи, но и моральнымъ ударомъ для соціализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно косвенно нанесло моральный ударъ и самой республикѣ. Республика, начало которой было связано съ столь тяжелыми потрясеніями, не говоря уже объ одновременномъ увеличеніи податного бремени, обусловленномъ экстренными издержками на національныя мастерскія (кратковременное существованіе ихъ обошлось казнѣ въ семь милліоновъ слишкомъ), сдѣлалась съ самаго начала непопулярной среди широкихъ слоевъ населенія. Такимъ образомъ, реакція противъ соціализма обратилась косвеннымъ образомъ противъ самой республики и подготовила почву для новой монархической реставраціи въ формѣ второй имперіи. Реакція эта выразилась, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ репрессивныхъ законовъ, изданныхъ Учредительнымъ собраніемъ въ ограниченіе только что провозглашенной свободы печати; были назначены строгія наказанія за всякое нападеніе въ печати на существующій государственный порядокъ, на принципъ частной собственности и неприкосновенность семьи.

Конституція 1848 г.

Въ началѣ ноября 1848 года была опубликована выработанная Учредительнымъ собраніемъ конституція. Послѣдняя заявляла, что республика признаетъ своими руководящими началами принципы 1789 года: свободу, равенство, братство, а своими основами: семью, трудъ, собственность, общественный порядокъ. Но Учредительное собраніе отказалось ввести въ конституцію право на трудъ, провозглашенное временнымъ правительствомъ подъ давленіемъ соціалистовъ. Въ основу политической организаціи рес-

публиканская конституція полагаетъ принципы народнаго верховенства („всѣ власти получаютъ свои полномочія отъ народа"), раздѣленія властей („раздѣленіе властей есть необходимое условіе свободнаго правленія") и всеобщаго избирательнаго права (всякій гражданинъ, достигшій 21 года, имѣетъ право избирать, а достигшій 25 лѣтъ—быть выбраннымъ въ депутаты). Законодательная власть принадлежитъ всецѣло Законодательному собранію (Assemblée législative), состоящему изъ 750 депутатовъ, избираемыхъ на три года. Законодательное собраніе не можетъ быть распущено. Исполнительная власть принадлежитъ президенту республики, избираемому всеобщимъ голосованіемъ на четыре года, безъ права быть переизбраннымъ на слѣдующее четырехлѣтіе.

На президентскихъ выборахъ республиканская партія выставила своимъ кандидатомъ генерала Кавеньяка, усмирителя іюньскаго возстанія; соціалисты выставили Ледрю-Роллена. Роялисты, естественно, не выставили никакого кандидата, но немногочисленная партія бонапартистовъ выставила кандидатуру принца Луи-Бонапарта, присвоившаго себѣ имя Луи-Наполеона [1]), ради той популярности которою продолжало пользоваться въ народныхъ массахъ славное имя императора. Въ качествѣ племянника великаго императора, Луи-Бонапартъ считалъ себя претендентомъ на императорскую корону и въ этомъ качествѣ даже сдѣлалъ въ царствованіе Луи-Филиппа двѣ попытки (въ 1836 и 1840 гг.) возстановить имперію въ свою пользу. Но попытки эти обнаружили лишь совершенное ничтожество партіи бонапартистовъ, какъ, впрочемъ, и самого претендента. Оба раза онъ попалъ въ руки правительства, которое на первый разъ ограничилось его высылкой, а второй разъ посадило его въ тюрьму, откуда онъ бѣжалъ послѣ шестилѣтняго заключенія. Послѣ сверженія іюльской монархіи онъ возвратился во Францію и даже былъ выбранъ депутатомъ въ Учредительное собраніе, благодаря отчасти своему имени, отчасти своему умѣнью поддѣлаться подъ господствующее настроеніе избирателей. Президентскіе выборы открывали ему возможность попытать еще разъ счастья на легальной почвѣ и выступить въ качествѣ кандидата на званіе перваго гражданина республики. Онъ разсчитывалъ на то обаяніе, которымъ продолжало пользоваться въ широкихъ народныхъ массахъ имя Наполеона, тѣмъ болѣе, что новорожденная республика не успѣла выдвинуть ни одного громкаго и популярнаго имени. А вѣдь, благодаря провозглашенному коп-

Луи-Наполеонъ.

[1]) Сынъ брата Наполеона I, Луи Бонапарта, короля Голландіи.

ституціей всеобщему голосованію, судьба выборовъ ставилась въ зависимость не отъ соотношенія силъ организованныхъ партій, а отъ настроенія народныхъ массъ. Выборы 10 декабря блестяще оправдали надежды счастливаго носителя славнаго имени: Луи-Бонапартъ получилъ около пяти съ половиною милліоновъ голосовъ противъ полутора милліона Кавеньяка и около 370.000 голосовъ Ледрю-Роллена.

Непрочность второй республики.

Эти выборы показали ничтожное вліяніе соціалистовъ въ странѣ; но они обнаружили вмѣстѣ съ тѣмъ и всю непрочность второй республики.

Результатъ выборовъ въ Законодательное собраніе былъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ роковыхъ для нея предзнаменованій. Когда въ концѣ мая 1849 года на смѣну Учредительному собранію собралось вновь выбранное на основаніи конституціи 1848 года Законодательное собраніе, то оказалось, что республиканцы въ немъ составляютъ меньше одной трети всѣхъ депутатовъ. Подавляющее большинство были монархисты, и если при такомъ составѣ палаты республика еще могла просуществовать нѣкоторое время, то это лишь благодаря существовавшему между различными монархическими партіями—легитимистами, орлеанистами и бонапартистами—взаимному антагонизму. Ихъ, однако, объединяло общее чувство вражды къ республикѣ, и онѣ были единодушны въ требованіи противодѣйствія или „реакціи“ противъ революціи, почему противники ихъ стали называть реакціонерами.

Въ свою очередь и республиканское меньшинство, сходившееся лишь въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ монархіи, само распадалось на два враждебныхъ лагеря — умѣренныхъ республиканцевъ и радикаловъ съ соціалистскимъ оттѣнкомъ. „Красные“, какъ назвали послѣднихъ противники, или „монтаньяры“, какъ они сами себя называли въ честь монтаньяровъ якобинской эпохи, которыхъ они считали своими духовными предками, численно преобладали надъ умѣренными. Но это обстоятельство лишь дискредитировало республиканскую партію, а попытка „красныхъ“ оказать давленіе на Законодательное собраніе при помощи уличныхъ манифестацій лишь дала реакціонному большинству удобный случай нанести ей новый ударъ. Больше тридцати депутатовъ „горы“ были преданы суду по обвиненію въ организаціи уличныхъ безпорядковъ. Печатные органы партіи были закрыты правительствомъ. Особымъ закономъ палата установила военное положеніе въ Парижѣ, съ передачей вѣдѣнію военныхъ судовъ всѣхъ преступленій „противъ безопасности республиканской конституціи,

мира и порядка". Вслѣдъ затѣмъ Законодательнымъ собраніемъ былъ принятъ цѣлый рядъ законовъ, которыми вносились серьезныя поправки въ конституцію въ чисто реакціонномъ духѣ. Свобода печати была ограничена требованіемъ высокаго залога для издателей (24.000 фр.). Свобода собраній и союзовъ была фактически уничтожена запрещеніемъ публичныхъ собраній и закрытіемъ политическихъ клубовъ. Наконецъ, было ограничено всеобщее избирательное право по закону 31 мая 1850 года, который обусловливалъ избирательное право тремя годами постояннаго жительства избирателя въ опредѣленномъ округѣ, удостовѣреннаго записью въ податныхъ спискахъ, что было фактически равносильно возстановленію податного ценза. Этотъ законъ, сократившій число избирателей почти на три милліона, нанесъ новый ударъ соціализму, устранивши изъ числа избирателей пролетаріатъ, на который опирался соціализмъ.

Антиреспубликанское настроеніе Законодательнаго собранія, отражавшее лишь такое же настроеніе страны, создавало какъ нельзя болѣе благодарную почву для честолюбивыхъ плановъ Луи-Наполеона, которому великолѣпная карьера его знаменитаго дяди, видимо, не давала спать спокойно. „Наполеоновской идеи" о верховномъ народѣ, управляемомъ добровольно избраннымъ имъ въ государи великимъ человѣкомъ,— идеи, которыя раньше принцъ Луи Бонапартъ развивалъ въ своихъ публичныхъ сочиненіяхъ, онъ продолжалъ теперь усердно пропагандировать при помощи чужихъ услужливыхъ перьевъ и подогрѣвать въ арміи и въ народѣ при помощи частыхъ военныхъ смотровъ и поѣздокъ по провинціи. Онъ произносилъ всюду рѣчи, въ которыхъ искусно связывалъ себя и свое положеніе, какъ избранника народа и его представителя, съ легендарнымъ образомъ Наполеона I. Это давало поводъ къ бонапартистскимъ манифестаціямъ, во время которыхъ къ возгласамъ „да здравствуетъ Наполеонъ!" примѣшивались иногда возгласы „да здравствуетъ императоръ!" «Наполеоновскія идеи».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь своимъ правомъ назначать министровъ, онъ окружилъ себя бонапартистами и усердно работалъ надъ усиленіемъ своей партіи въ Законодательномъ собраніи, путемъ привлеченія въ его ряды какъ республиканцевъ, такъ и роялистовъ. Благопріятнымъ для него обстоятельствомъ было раздѣленіе роялистовъ на два лагеря (легитимистовъ и орлеанистовъ) и ничтожество обоихъ роялистскихъ претендентовъ. Что касается арміи, то республиканское настроеніе ея было болѣе чѣмъ сомни-

тельно, а офицерство было въ большинствѣ противъ республики и легко склонялось къ „наполеоновскимъ идеямъ“, въ виду той популярности, которой продолжало пользоваться въ его средѣ окруженное ореоломъ военной славы имя „великаго“ императора. На военномъ смотру въ Сатори (близъ Версаля), въ октябрѣ 1850 года, дефилировавшая передъ президентомъ кавалерія кричала: „да здравствуетъ императоръ!“ Этотъ инцидентъ послужилъ поводомъ къ тому конфликту, который въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи привелъ къ перевороту 2 декабря 1851 года.

Дѣло въ томъ, что, какъ оказалось, пѣхота не повторила возгласовъ кавалеріи, потому что командовавшій пѣхотой генералъ напомнилъ войскамъ, что военнымъ регламентомъ воспрещаются какіе бы то ни было возгласы въ строю. За это генералъ былъ уволенъ президентомъ отъ командованія, противъ чего протестовалъ главнокомандующій парижскими войсками генералъ Шангарнье, одинъ изъ вліятельныхъ роялистовъ. Роялистское большинство приняло сторону Шангарнье. Луи-Наполеонъ уступилъ, но, очевидно, лишь для того чтобы выиграть время и обезпечить за собой побѣду въ конфликтѣ, который онъ имѣлъ въ виду воскресить, какъ удобный случай для осуществленія своихъ плановъ. Когда онъ удостовѣрился въ преданности себѣ парижской арміи, Луи-Наполеонъ смѣстилъ Шангарнье. Законодательное собраніе отвѣтило на это выраженіемъ недовѣрія министерству, но при этомъ роялистское большинство раскололось на двѣ половины, изъ которыхъ одна вотировала съ республиканскимъ меньшинствомъ. Происшедшая перетасовка партій, разрушившая прежнее болѣе или менѣе постоянное большинство, парализовала дальнѣйшую дѣятельность собранія и дала президенту возможность дѣйствовать болѣе самостоятельно и смѣло. Онъ составилъ новое министерство исключительно изъ лично преданныхъ ему людей, „министерство измѣны“, какъ потомъ окрестили его противники Луи-Наполеона. Вслѣдъ затѣмъ, чрезъ своихъ приверженцевъ, Луи-Наполеонъ предложилъ Законодательному собранію пересмотрѣть конституцію. Луи-Наполеону хотѣлось обезпечить себѣ вторичное избраніе въ президенты. Для этого необходимо было отмѣнить ту статью конституціи, которою вторичное избраніе воспрещалось. Особый бонапартистскій комитетъ организовалъ по всей странѣ агитацію для сбора подписей подъ соотвѣтствующей петиціей. При содѣйствіи мѣстной администраціи, удалось собрать больше милліона подписей и аналогичные вотумы генеральныхъ совѣтовъ 80 департаментовъ изъ 85. Большинство палаты вотировало за пересмотръ конститу-

туціи, но это большинство было все-таки меньше трехъ четвертей голосовъ, которыхъ требовала конституція 1848 года для своего пересмотра. Стало быть, вотумъ палаты былъ равнозначущимъ отрицательному рѣшенію вопроса о пересмотрѣ.

Этимъ вотумомъ были отрѣзаны Луи-Наполеону легальные пути къ осуществленію его честолюбивыхъ плановъ. Въ воздухѣ опять запахло переворотомъ.

Въ ноябрѣ 1851 года въ палатѣ было сдѣлано предложеніе о расклейкѣ во всѣхъ казармахъ декрета 1848 года, который давалъ право президенту палаты вызывать непосредственно вооруженную силу для защиты народнаго представительства. Но республиканцы, опасавшіеся попытки къ перевороту со стороны роялистскаго большинства палаты, присоединили свои голоса къ голосамъ бонапартистовъ, и предложеніе было отвергнуто. Своимъ вотумомъ, обнаружившимъ поразительную близорукость республиканцевъ, они сами подставляли голову республики подъ ударъ, который готовилъ ей Луи-Наполеонъ.

Переворотъ 2 декабря 1851 г.

Утромъ 2 декабря 1851 года, въ день годовщины аустерлицкой битвы, парижанъ ожидалъ сюрпризъ. Выйдя на улицу, они съ удивленіемъ увидѣли на городскихъ площадяхъ и перекресткахъ военные отряды съ пушками; по улицамъ разъѣзжали патрули. Оказалось, что зданіе засѣданій палаты занято и оцѣплено войсками, а ночью шестнадцать наиболѣе видныхъ депутатовъ республиканскихъ и роялистскихъ фракцій были арестованы по приказанію президента республики. Расклеенная на улицахъ въ видѣ афишъ прокламація отъ имени президента гласила: „Законодательное собраніе сдѣлалось очагомъ заговоровъ. Оно покушается на власть, врученную мнѣ непосредственно народомъ. Я его распустилъ и отдаю мое дѣло на судъ народа. Мой долгъ — охранить республику и спасти страну“.

Такимъ образомъ, переворотъ провозглашался во имя цѣлости республики и народнаго суверенитета. Въ дѣйствительности это было новымъ изданіемъ 18 брюмюра, то-есть военнымъ переворотомъ, направленнымъ противъ установленнаго конституціей порядка Впрочемъ, Луи-Наполеонъ не считалъ нужнымъ скрывать своего намѣренія пойти по стопамъ своего знаменитаго дяди. Въ своей прокламаціи онъ указывалъ на консульскую конституцію восьмого года республики, какъ на образецъ для подражанія. „Созданный первымъ консуломъ режимъ, говорилось въ прокламаціи, уже далъ въ свое время Франціи миръ и благоденствіе“.

Конституція 1848 года предусматривала случай, когда пре-

зидентъ попытается насильственно прервать засѣданія Законодательнаго собранія: въ этомъ случаѣ президентъ подлежалъ лишенію власти, которая цѣликомъ переходила къ собранію. Часть депутатовъ, преимущественно роялистовъ, собралась въ одной изъ участковыхъ мерій Парижа и, конституировавшись въ Законодательное собраніе (хотя присутствовало лишь меньшинство послѣдняго), объявила президента низложеннымъ; но прибывшій вскорѣ военный отрядъ арестовалъ собравшихся депутатовъ. Верховный судъ, который, согласно конституціи, собрался для того, чтобы судить президента, былъ разогнанъ военною силой. Группа республиканцевъ расклеила афиши съ призывомъ къ возстанію во имя республики Но народонаселеніе Парижа не тронулось; въ частности, что касается рабочихъ, то они еще не успѣли забыть іюньскихъ дней и не выказывали никакого расположенія подниматься на защиту буржуазной республики и вступаться за разогнанную реакціонную палату. На призывъ къ возстанію отозвалась лишь кучка горячихъ головъ, но ихъ попытки были безъ труда подавлены вооруженною силой. Подобную же участь имѣли и немногочисленныя вспышки, вызванныя въ нѣсколькихъ департаментахъ республиканцами, частью между городскими рабочими, частью между крестьянами. Эти попытки возстаній лишь дали Луи-Наполеону удобный случай очистить столицу и всю страну отъ наиболѣе опасныхъ для него элементовъ. Подъ предлогомъ защиты государства и общественнаго порядка противъ „жакеріи“ и „коммунистовъ“, правительство Луи-Наполеона объявило на военномъ положеніи около половины всѣхъ департаментовъ и произвело массовые аресты. Арестованные были преданы частью военному суду, частью спеціально учрежденнымъ на этотъ случай суднымъ комиссіямъ. По оффиціальнымъ даннымъ, больше 15,000 человѣкъ было осуждено частью къ ссылкѣ въ Алжиръ и Гвіану (около 10,000), частью къ изгнанію (около 1,500), частью къ интернированію, то есть лишенію права выѣзда изъ назначеннаго для жительства мѣста. Сверхъ того, пять тысячъ слишкомъ было отдано подъ надзоръ полиціи. Въ числѣ сосланныхъ было 80 депутатовъ, преимущественно изъ партіи „горы“. Республиканская партія подверглась полному разгрому.

Но захвативши власть, Луи-Наполеонъ не хотѣлъ остаться простымъ узурпаторомъ; онъ желалъ быть тѣмъ „народнымъ избранникомъ“, о которомъ онъ любилъ говорить, въ качествѣ теоретика и проповѣдника „наполеоновскихъ идей“. Переворотъ 2 декабря 1851 г. долженъ былъ получить санкцію верховнаго народа.

Это было достигнуто путемъ плебисцита 20 декабря. Всѣ граждане, не исключая и лицъ, состоявшихъ на военной службѣ, приглашались сказать свое да или нѣтъ относительно вотума, который былъ формулированъ такъ: „Французскій народъ желаетъ, чтобы Луи-Наполеонъ Бонапартъ остался у власти, и делегируетъ ему необходимыя полномочія для выработки конституціи на основахъ, провозглашенныхъ прокламаціей 2 декабря". А „основы" эти сводились къ слѣдующимъ пяти пунктамъ: Плебисцитъ 20 декабря 1851 г.

1) во главѣ исполнительной власти стоитъ президентъ, избираемый народомъ на 10 лѣтъ;

2) онъ назначаетъ министровъ, которые отвѣтственны только передъ нимъ;

3) составленный изъ выдающихся людей Государственный совѣтъ подготовляетъ законопроекты и поддерживаетъ ихъ передъ Законодательнымъ корпусомъ;

4) Законодательный корпусъ, избираемый всеобщимъ голосованіемъ, обсуждаетъ и вотируетъ законы;

5) рядомъ съ Законодательнымъ корпусомъ организуется другое собраніе, съ миссіей быть стражемъ основного договора и публичныхъ свободъ.

Съ бонапартистами вотировала за предложенную формулу большая часть монархистовъ, изъ ненависти къ республикѣ; терроризованные республиканцы въ большинствѣ воздержались отъ участія въ плебисцитѣ. Если вѣрить оффиціальному подсчету, не подвергавшемуся безпристрастной провѣркѣ, около восьми милліоновъ голосовъ высказались за, и менѣе 700.000 противъ.

Въ январѣ 1852 года была опубликована новая конституція, выработанная, по порученію и указаніямъ Луи-Наполеона, комиссіей изъ пяти членовъ, имъ же самимъ назначенныхъ. Конституція 1852 г.

Конституція 1852 года, въ основу которой была положена консульская конституція VIII г. республики, переносила на президента, избираемаго на десять лѣтъ, всѣ тѣ полномочія, которыя были установлены конституціей VIII года въ пользу перваго консула. Въ качествѣ главы исполнительной власти, онъ является въ сущности настоящимъ монархомъ. Онъ назначаетъ по своему усмотрѣнію министровъ, которые отвѣтственны только передъ нимъ. Ему же принадлежитъ право назначать на всѣ государственныя должности. Внѣшняя политика находится безраздѣльно въ его рукахъ; онъ имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и вступать въ союзы съ иностранными державами. Въ области законодательства ему одному принадлежитъ инициатива. Законодатель-

ный корпусъ (Corps législatif), состоящій изъ 251 депутата, избираемыхъ на шесть лѣтъ всеобщимъ голосованіемъ, лишь разсматриваетъ и вотируетъ законы и бюджетъ, предложенные правительствомъ, но самъ не имѣетъ законодательной инициативы; онъ даже не можетъ вносить въ предлагаемые законопроекты никакихъ поправокъ. Его дѣло лишь принять или отвергнуть законопроектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ выработанъ, по порученію президента и его министровъ, Государственнымъ совѣтомъ (Conseil d'Etat), члены котораго назначаются президентомъ. Сенатъ, состоящій изъ членовъ, назначенныхъ также президентомъ, но несмѣщаемыхъ, въ качествѣ „стража конституціи", имѣетъ право лишь отвергать законопроекты, несогласные съ конституціей, а также вносить дополненія и поправки въ конституцію, путемъ сенатусъ-консультовъ, но не иначе какъ по предложенію президента.

Словомъ, какъ и консульская конституція VIII года, режимъ, установленный конституціей 1852 года, являлся лишь плохо замаскированной монархіей и притомъ—монархіей абсолютной, такъ какъ окружавшій президента конституціонный аппаратъ имѣлъ чисто декоративное значеніе; въ дѣйствительности онъ нисколько не стѣснялъ и не могъ стѣснить единоличной власти президента, не ставилъ никакихъ реальныхъ препятствій его произволу. Отвѣтственность президента передъ верховнымъ народомъ также имѣла лишь фиктивное значеніе, такъ какъ „народъ" не имѣлъ никакихъ легальныхъ средствъ высказывать свое одобреніе или порицаніе президенту, кромѣ плебисцита, но инициатива плебисцита принадлежала опять-таки самому президенту.

На дѣлѣ „принцъ-президентъ", какъ его стали называть, былъ единственнымъ повелителемъ Франціи, и какъ таковой, онъ уже не выносилъ ничего, что было похоже на оппозицію и политическую свободу. Онъ спѣшилъ обуздать оппозиціонную прессу, поставивъ ее подъ надзоръ администраціи, которая была уполномочена давать провинившимся органамъ печати „предостереженія", пріостанавливать и даже совсѣмъ закрывать ихъ. Онъ подчинилъ кафе и рестораны, игравшія въ ту пору роль политическихъ клубовъ, режиму предварительнаго разрѣшенія администраціи, и это разрѣшеніе всегда могло быть взято обратно. Онъ ввелъ въ національной гвардіи такія реформы, которыми она была лишена всякаго политическаго значенія. Своей властью онъ конфисковалъ родовыя имѣнія Орлеанской фамиліи и запретилъ ей пріобрѣтать недвижимую собственность во Франціи. Чтобы устранить оппозиціонные

элементы изъ будущаго Законодательнаго корпуса, Луи-Наполеонъ поставилъ выборную процедуру въ такія условія, которыя обезпечивали избраніе правительственнымъ кандидатамъ. Послѣдніе рекомендовались избирателямъ особыми афишами, и ихъ кандидатура поддерживалась всѣми мѣрами, имѣвшимися въ распоряженіи мѣстной администраціи; въ то же время была строго воспрещена всякая избирательная агитація, какъ-то: предвыборныя собранія, избирательные комитеты, раздача избирательныхъ бюллетеней, подъ тѣмъ предлогомъ, что „свобода всеобщаго голосованія не нуждается въ подобныхъ средствахъ". Этимъ путемъ оппозиція была лишена всякой возможности вести организованную кампанію въ пользу своихъ кандидатовъ. Кромѣ того, правительство въ широкихъ размѣрахъ пользовалось своимъ правомъ устанавливать избирательные округа по своему усмотрѣнію, для того чтобы этимъ путемъ ослабить шансы оппозиціи. Наконецъ, результаты выборовъ въ каждомъ округѣ во многомъ зависѣли отъ руководившихъ избирательными операціями меровъ, а меры назначались правительствомъ. При наличности такихъ условій, неудивительно, если на выборахъ въ первый Законодательный корпусъ не прошелъ ни одинъ кандидатъ оппозиціи.

Возстановленіе имперіи.

Конституція 1852 года была нужна Луи-Наполеону, какъ въ свое время конституція VIII года первому консулу, лишь какъ переходная ступень отъ замаскированной монархіи къ монархіи открытой. Впрочемъ Луи-Наполеонъ не считалъ болѣе нужнымъ скрывать своихъ намѣреній. Онъ возстановилъ императорскіе орлы на знаменахъ, предписалъ праздновать 15 августа (день рожденія Наполеона I), попрежнему, какъ національный праздникъ и перенесъ свою резиденцію въ королевскій дворецъ (Тюильри). Впрочемъ, ему и не было надобности скрывать свои намѣренія. Наиболѣе непримиримые изъ оппозиціонныхъ элементовъ были сломлены, республиканская партія раздавлена; роялисты не противодѣйствовали, такъ какъ предпочитали хотя бы суррогатъ монархіи—республикѣ; наконецъ, широкіе слои общества и народныя массы, охладѣвшія послѣ іюньскихъ дней къ республикѣ и утомленныя постоянными политическими передрягами, слабостью власти и неустойчивостью общественнаго порядка, не только безъ сопротивленія, но почти съ охотой шли навстрѣчу перспективѣ возстановленія имперіи, сулившей имъ, какъ казалось, обезпеченный сильною властью прочный порядокъ.

Когда, съ наступленіемъ лѣта, президентъ возобновилъ свои обычныя поѣздки по провинціи, его всюду встрѣчали, какъ госу-

даря, и привѣтствовали криками: „да здравствуетъ императоръ!“ Въ октябрѣ 1852 года въ Бордо онъ произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „Франція выказываетъ явное желаніе возвратиться къ имперіи. Есть скептики, которые говорятъ: имперія — это война! Я же говорю: имперія — это миръ! L'Empire, c'est la paix!“ Въ Парижѣ, на пути слѣдованія возвращавшагося президента, была воздвигнута тріумфальная арка, на которой красовалась надпись: „Наполеону III, спасителю современной цивилизаціи“.

Эта манифестація, организованная, конечно, не безъ вѣдома президента, была послѣднимъ пробнымъ шаромъ на пути къ реставраціи имперіи. Созванный немедленно Луи-Наполеономъ Сенатъ постановилъ обратиться къ народу съ вопросомъ о своевременности „возстановленія императорскаго достоинства въ лицѣ Луи-Наполеона Бонапарта“. Новый плебисцитъ (20 ноября) далъ, по оффиціальному подсчету, около восьми милліоновъ да и всего лишь около 50.000 нѣтъ. 2 декабря 1852 года, въ годовщину переворота 2 декабря 1851 года, было провозглашено возстановленіе имперіи. Принцъ-президентъ принялъ титулъ: „Божіею милостію и волею народа императоръ французовъ“, подъ именемъ Наполеона III. Цифрою три имѣлось въ виду подчеркнуть непрерывную преемственность имперіи въ фамиліи Бонапартовъ между первой и второй имперіей, черезъ сына и наслѣдника Наполеона I, герцога Рейхштадтскаго (умершаго въ 1832 г.), котораго бонапартисты признавали Наполеономъ II.

2 декабря 1852 г.

Такимъ образомъ, временная побѣда республики и торжество принциповъ великой революціи послѣ февральской революціи 1848 года завершились новымъ торжествомъ реакціи, возвратившимъ Францію къ режиму первой имперіи,—режиму, несравненно болѣе деспотическому, чѣмъ монархія Бурбоновъ, не говоря уже объ іюльской монархіи Луи-Филиппа.

IX. Революціонныя движенія и реакція въ Германіи, Австріи и Италіи въ 1848—1852 гг.

Источники и литература.

I. Документальные источники по исторіи Германіи, включая Австрію и Пруссію: W. Altmann. Ausgewählte Urkunden zur Deutschen Verfassungsgeschichte seit 1806. 2 Bde. Berlin. 1898; Merck. Quellensammlung zum deutschen öffentlichen Recht seit 1848. 2 Bde. Erlangen, 1850—1852; Weil. Quellen und Aktenstücke. 1850; Wigard. Stenographische Berichte über die Verhandlungen der ersten Konstitutionellen Nationalversammlung zu Frankfurt. 9 Bde. 1849; Droysen. Verhand-

lungen des Verfassungsausschusses. 1849; Volderndorff. Deutsche Verfassungen und Verfassungsentwürfe. 1890; Stenographische Berichte uber die Verhandlungen des deutschen Parlament zu Erfurt (s. d.); Der deutsche Fürstenkongress zu Berlin. Aktenstücke und Betrachtungen. 1850; Zachariae. Die deutschen Verfassungsgesätze der Gegenwart. Göttingen, 1855—1862; Springer. Protocolle des Verfassungsausschusses der österr. Reichstages, 1848—1849. Wien, 1885; Offizieller Bericht uber die Verhandlungen zur Gründung eines deutschen Parlaments. Frankfurt-am-Main, 1848.—II. Мемуары, переписка и другія сочиненія современниковъ: Arndt. Schriften für und an seine lieben Deutschen. 3 Bde. Leipzig, 1845; Graf von Beust. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. 2 Bde. Stuttgart, 1887; K. Biedermann. Mein Leben und ein Stück Zeitesgeschichte. 2 Bde. Breslau, 1886—87; G. Freytag. Erinnerungen aus meinem Leben. Leipzig, 1887 (Sämmtliche Werke); J. von Hartmann. Erinnerungen eines deutschen Offiziers, 1848—1871. 2 Bde. Wiesbaden, 1890; J. von Hartmann. Lebenserinnerungen, Briefe und Aufsätze. 2 Bde. Berlin, 1882; Nippold. Aus dem Briefwechsel zwischen d. Prinzen Albert und Bunsen. (Deusche Revue, XXIII); Stockmar. Denkwürdigkeiten. Brauschweig, 1872; Ranke. Aus d. Briefwechsel Friedrich-Wilhelm IV und Bunsen. 1873; Gerlach. Denkwürdigkeiten 1891; Karl Marx. Revoluzion und Kontrerevoluzion in Deutschland. Stuttgart, 1896 (есть по-русски); Pillersdorff. Rückblicke über die polit. Bewegung von 1848—1849. 1849; A. Wolff. Berliner Revoluzionschronik. 3 Bde. Berlin, 1849—1854; A. Stahr. Die preussische Revoluzion. 2 Bde. Oldenburg, 1849.—III. Новѣйшія сочиненія: K. Biedermann. Dreissig Jahre deutscher Geschichte. 2 Bde. Breslau, 1896; K. Klüpfel. Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen. Berlin, 1872; Zwiedeneck-Südenhorst. Deutsche Geschichte von der Auflösung d. alten bis zur Errichtung d. neuen Kaiserreichs. Stuttgart, 1903—1905. 3 Bde; Blum. Die deutsche Revoluzion. Florenz, 1898; Luschin von Ebengreuth. Oesterreichische Geschichte. Wien, 1896; A. Huber. Oesterreichische Reichsgeschichte. 2 Wien, 1895; L. Léger. Histoire de l'Autriche-Hongrie. Paris, 1879; Asséline. Histoire de l'Autriche depuis la mort de Marie Thérèse, 3-e ed.; A. Springer. Geschichte Oesterreichs seit d. Wiener Frieden 1809. 2 Bde. Leipzig, 1863—1865; Krones. Geschichte Oesterreichs von XVIII Jahrh. bis auf die Gegenwart. Berlin, 1879; H. Friedjung. Oesterreich von 1848 bis 1860. Stuttgart und Berlin, 1908—1909; Zenker. Die Wiener Revoluzion von 1848 in ihren socialen Voraussetzungen. Wien, 1897; R. Koser. Friedrich-Wilhelm IV am Vorabend der März-revoluzion. (Hist. Zeitschr. 1899); A. Pichler. Das Sturmjahr. Berlin, 1903; F. Rachfall. Deutschland, Koenig Wilhelm IV und die Berliner Märzrevoluzion. Halle, 1901; H. Sybel. Aus den Berliner Märztagen. München, 1897; A. Bernstein. Die März-Tage. Berlin, 1873; K. Frenzel. Die Berliner Märztage (Deutsche Rundsch. XCIV).—IV. По исторіи Италіи: Bianchi. Storia documentata della Diplomazia Europea in Italia, 1814—1861. 8 vol. Torino, 1865—1872; Carte segrete e Atti Ufficiali della Polizia Austriaca in Italia, 1814—1848. 3 vol. Capolago, 1851—1852; Correspondence respecting the affairs of Italy, 1846—1849, presented to both Houses of Parliament by Command of H. Majesty. London, 1849; Costa de Beauregard. Prologue d'un règne. La jeunesse du roi Charles-Albert. Paris, 1885; Costa de Beauregard. Epilogue d'un règne. Les dernières années du roi Charles-Albert. Paris, 1890; E. Bourgeois et E. Clermont. Rome et Napoléon III. Paris, 1907; Trevelyan. Garibaldi's Defence of the Roman Republic. London, 1907. См. также сочиненія, указанныя выше, выпускъ I, стр. 141.

Отголоски февральской революціи за предѣлами Франціи

Со времени великой революціи Франція сдѣлалась центральнымъ очагомъ революціонныхъ движеній въ Европѣ. Какъ іюльская революція отразилась цѣлымъ рядомъ революціонныхъ движеній въ другихъ частяхъ Европы, такъ и начавшееся во Франціи въ февралѣ 1848 года революціонное движеніе снова прокатилось широкой волной по Европѣ, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы закончиться, какъ и во Франціи, быстрымъ торжествомъ противоположныхъ теченій.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Бельгіи, Голландіи, Англіи, революція 1848 года отозвалась лишь повышеннымъ темпомъ политической жизни и оживленіемъ либеральной агитаціи за расширеніе избирательнаго права; но въ Германіи и Австріи французская революція 1848 г. дала толчекъ настоящимъ революціоннымъ движеніямъ. Въ Италіи, гдѣ революціонное движеніе началось независимо отъ февральской революціи и даже ранѣе ея, оно также не осталось безъ вліянія со стороны французскихъ событій.

Германія.

Реакція въ Германіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Мимолетное торжество либерализма подъ вліяніемъ іюльской революціи, смѣнилось въ Германіи рѣзкой реакціей, сигналомъ къ которой послужило подавленіе польскаго возстанія въ 1830 г. Уступки, сдѣланныя либераламъ подъ давленіемъ страха передъ революціей, были одна за другою взяты назадъ. Либерализмъ, шедшій въ Германіи объ руку съ націонализмомъ (идеей національнаго объединенія), подвергся гоненіямъ. Организованная въ маѣ 1832 года союзомъ журналистовъ, объединившихся во имя идеи объединенной и конституціонной Германіи, многолюдная демонстрація въ Гамбахѣ (баварскій Пфальцъ) послужила поводомъ къ цѣлому ряду новыхъ репрессій, исходившихъ частью отъ мѣстныхъ правительствъ, частью отъ Союзнаго сейма. Были совершенно запрещены всякія ассоціаціи и собранія политическаго характера, усилены цензурныя строгости и т. п.

Эти притѣсненія имѣли своимъ слѣдствіемъ усиленіе въ рядахъ либеральной оппозиціи крайнихъ элементовъ, которые отказались слѣдовать за умѣренными либералами въ ихъ желаніи продолжать борьбу на легальной почвѣ и образовали тайныя общества, съ цѣлью добиваться своихъ цѣлей путемъ насильственнаго переворота. Нѣсколько десятковъ наиболѣе горячихъ головъ сдѣлали даже попытку овладѣть резиденціей союзнаго сейма—Франк-

фуртомъ (апрѣль 1833 г.). Попытка эта, конечно, успѣха не имѣла, а дала лишь новый поводъ къ усиленію строгостей. Въ Гессенѣ глава либераловъ въ мѣстной палатѣ, Іорданъ, былъ арестованъ и продержанъ въ предварительномъ заключеніи шесть лѣтъ, пока судъ не оправдалъ его. Въ Баваріи одинъ журналистъ былъ осужденъ на пожизненное заключеніе за перепечатку статьи изъ другой газеты. Въ Пруссіи 39 студентовъ были приговорены къ смертной казни, которая имъ была замѣнена заключеніемъ въ крѣпости. Совокупностью подобныхъ мѣръ либеральное движеніе было вскорѣ совершенно подавлено въ Германіи Въ 1837 году въ Ганноверѣ была даже совершенно отмѣнена конституція. Но это событіе послужило поводомъ къ интересной манифестаціи, которая обнаружила наличность либеральныхъ симпатій въ широкихъ кругахъ германскаго общества. Семеро профессоровъ Геттингенскаго университета заявили, что считаютъ себя связанными съ отмѣненной конституціей своею вѣрноподданической присягой. Король лишилъ ихъ каѳедръ. Тогда въ пользу пострадавшихъ была организована въ Лейпцигѣ общественная подписка, имѣвшая значительный успѣхъ во всей Германіи.

Въ Пруссіи со смертью короля Фридриха-Вильгельма III (1840 г.), при которомъ окончательно водворился абсолютно-бюрократическій режимъ, намѣчался, казалось, поворотъ въ сторону либеральныхъ вѣяній. Новый король Фридрихъ-Вильгельмъ IV (1840—1861), еще будучи наслѣдникомъ, снискалъ себѣ популярность въ обществѣ своимъ интересомъ къ наукѣ и литературѣ; отъ него ожидали серьезныхъ реформъ. Но онъ ограничился лишь тѣмъ, что объявилъ амнистію политическимъ осужденнымъ, освободилъ и возстановилъ въ своихъ должностяхъ заключенныхъ въ тюрьму въ предъидущее царствованіе прелатовъ, упразднилъ комиссію для изслѣдованія политической благонадежности кандидатовъ на служебныя должности, но надежды конституціоналистовъ оказались совершенно напрасными. Мечтатель и романтикъ съ наполовину средневѣковыми, наполовину мистическими взглядами на свое призваніе и на взаимныя отношенія между государемъ и подданными, Фридрихъ-Вильгельмъ IV относился отрицательно къ конституціоннымъ идеямъ и къ писаннымъ конституціямъ. „Я знаю, говорилъ онъ,—что держу свою корону отъ Бога всемогущаго и ему обязанъ отчетомъ за каждый часъ моего правленія. Кто у меня требуетъ гарантіи на будущее время, она—въ этихъ словахъ. Это болѣе прочная гарантія, чѣмъ всѣ конституціонныя присяги и бумажныя обязательства“. Его идеаломъ было средневѣковое фео-

Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

дальное христіанское королевство, какъ его понимали идеализировавшіе средневѣковье романтики,—съ государемъ, управляющимъ Божіею милостію своими подданными, раздѣленными на традиціонныя сословныя группы.

Уступая, однако, настойчивымъ ходатайствамъ провинціальныхъ сеймовъ объ учрежденіи представительства для всего королевства, король поручилъ въ 1844 г. особой комиссіи выработать проектъ прусскаго сейма. Результатомъ работъ комиссіи былъ „патентъ“, опубликованный 3 февраля 1847 года, объ учрежденіи Соединеннаго сейма (Vereinigter Landtag). Но это не была ни та конституція, которой ожидали либералы, ни то народное представительство, о которомъ они мечтали съ 1815 года (когда оно было обѣщано Фридрихомъ-Вильгельмомъ III). Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, король заявилъ, что „патентъ“ отнюдь не есть „основной законъ“ или конституція. Что касается учрежденнаго имъ „Соединеннаго сейма“, то это было не болѣе какъ представительство отдѣльныхъ мѣстныхъ сеймовъ, которые и посылали изъ своей среды делегатовъ въ „Соединенный сеймъ“. Послѣдній составлялъ одну палату лишь по финансовымъ вопросамъ, по остальнымъ же дѣламъ изъ его состава выдѣлялась Палата господъ (Herrenbank), дворянско-аристократическая по своему составу, и игравшая по отношенію къ остальному сейму роль верхней палаты. Что касается компетенцій Сейма, то онѣ ограничивались лишь правомъ устанавливать новые налоги и подавать петиціи королю. Сверхъ того, ему предоставлялось высказывать свое мнѣніе по законодательнымъ вопросамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда король найдетъ нужнымъ запросить таковое. Для созыва Сейма не устанавливалось никакой регулярной періодичности; король лишь обѣщалъ созывать каждые четыре года „соединенныя комиссіи“ для совѣщанія по законодательнымъ вопросамъ и каждый годъ делегацію изъ восьми членовъ, по одному отъ каждаго ихъ областныхъ сеймовъ, для разсмотрѣнія отчетности по государственному долгу.

Соединенный сеймъ.

Рѣчь, произнесенная королемъ на открытіи Соединеннаго сейма въ Берлинѣ въ апрѣлѣ 1847 года, должна была разсѣять послѣднія иллюзіи конституціоналистовъ. Онъ заявилъ, что „никакая сила на землѣ не заставитъ его согласиться перемѣнить естественныя отношенія между государемъ и народомъ на условныя и конституціонныя“. „Я не потерплю никогда, чтобы между нашимъ Господомъ Богомъ на небѣ и нашей страной былъ положенъ писаный листъ бумаги, который бы замѣнилъ нѣсколькими

параграфами старинную вѣрность... Вамъ предстоитъ осуществлять тѣ права, которыя признаны за вами короной. Ваша задача не въ томъ, чтобы представлять тѣ или другія мнѣнія или добиваться торжества господствующихъ въ наше время идей. Это не по-нѣмецки, да и не въ интересахъ цѣлаго, потому что это ведетъ къ неразрѣшимымъ затрудненіямъ съ короной, которая, согласно закону Бога и нашей земли, должна руководиться своимъ собственнымъ рѣшеніемъ, а не волею того или другого большинства".

Конфликтъ между сеймомъ и королемъ.

Сеймъ отвѣтилъ на тронную рѣчь адресомъ, въ которомъ указывалъ на необходимость организовать обѣщанное 1815 года народное представительство. Король возразилъ, что учрежденіемъ Сейма онъ далъ даже больше, чѣмъ было обѣщано его отцомъ, и объявилъ, что „патентъ" 3 февраля не подлежитъ никакимъ измѣненіямъ. Въ свою очередь, Сеймъ отказалъ правительству въ гарантіи желѣзнодорожнаго займа, а затѣмъ обратился къ королю съ петиціей о свободѣ печати, о расширеніи бюджетныхъ правъ Сейма и объ установленіи періодичности его сессій. Король отказался удовлетворить петицію и распустилъ Сеймъ (іюнь 1847 г.).

Конфликтъ между королемъ и Сеймомъ и роспускъ послѣдняго чрезвычайно приподняли оппозиціонное настроеніе въ буржуазіи и даже въ дворянствѣ и усилили революціонное броженіе въ рядахъ интеллигенціи, студентовъ, рабочихъ. Революціонные элементы встрѣчали себѣ поддержку со стороны многочисленныхъ эмигрантовъ, главнымъ образомъ изъ русской Польши. Положеніе въ Пруссіи было настолько напряженно, что достаточно было малѣйшаго толчка, чтобы произошелъ взрывъ. Такимъ толчкомъ и послужила февральская революція въ Парижѣ.

«Мартовскіе дни» въ Берлинѣ.

Подъ возбуждающимъ вліяніемъ извѣстій о парижскихъ событіяхъ, пригнетенное до сихъ поръ оппозиціонное и революціонное настроеніе разомъ вырвалось наружу. Въ Берлинѣ и во всѣхъ значительныхъ городахъ Пруссіи (главнымъ образомъ въ Рейнской провинціи), какъ, впрочемъ, почти повсюду и въ остальной Германіи, начались многолюдные и шумные митинги, на которыхъ произносились рѣчи, направленныя противъ правительства; къ требованіямъ конституціи присоединялись и требованія объединенія Германіи. Благодаря нерѣшительности растерявшихся властей, движеніе съ каждымъ днемъ принимало все большій размахъ. А когда испуганное правительство начало стягивать въ Берлинъ войска и окружило королевскій дворецъ солдатами, то это лишь приподняло революціонное возбужденіе и безъ того взвинченныхъ предыдущей агитаціей массъ. Дѣло дошло до столкновеній съ вой-

скими. Фридрихъ-Вильгельмъ IV рѣшилъ пойти на уступки. 14 марта онъ объявилъ о созывѣ Сейма въ концѣ апрѣля, „для того чтобы помочь королю въ изысканія мѣръ ко благу германскаго отечества". 18 марта новая прокламація ускорила созывъ Сейма — на 2 апрѣля. Король признавалъ необходимость преобразованія федеральной конституціи, а такъ какъ для этого было необходимо предварительное „соглашеніе между государями и ихъ народами", то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ необходимымъ „конституціонное устройство всѣхъ германскихъ земель". Такимъ образомъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV торжественно отрекался отъ тѣхъ идей, которыя имъ положены были въ основу „патента" 3 февраля 1847 года, объявленнаго имъ „не подлежащимъ измѣненію", и признавалъ въ принципѣ конституцію.

Опубликованная утромъ 18 марта королевская прокламація вызвала въ городѣ большое ликованіе. Большая толпа собралась предъ королевскимъ дворцомъ, выражая криками свою радость. Но революціонные элементы встрѣтили враждебно королевскую прокламацію, которая ихъ не удовлетворяла, а между тѣмъ грозила внести успокоеніе, вовсе не отвѣчавшее ихъ видамъ. Они также явились передъ дворцомъ, но съ тѣмъ, чтобы устроить враждебную контръ-манифестацію. Это повело къ столкновенію между толпой и окружавшими дворецъ войсками, изъ рядовъ которыхъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Положеніе моментально измѣнилось и приняло тотъ оборотъ, который былъ желателенъ для революціонеровъ-агитаторовъ. Толпа шарахнулась, часть ея разсѣялась, другая бросилась вслѣдъ за агитаторами, кричавшими о предательствѣ правительства и призывавшими къ мести, и принялась грабить оружейные магазины и строить баррикады; начался уличный бой съ войсками. Послѣднія начали къ вечеру сильно тѣснить инсургентовъ и на утро готовились окончательно раздавить ихъ, но слабохарактерный король совершенно потерялъ голову и готовъ былъ сдѣлать все, чего отъ него требовали. Онъ распорядился удалить войска изъ Берлина, разрѣшилъ организацію гражданской гвардіи и вышелъ на балконъ съ обнаженной головой, чтобы почтить убитыхъ въ бою инсургентовъ, трупы которыхъ толпа проносила мимо дворца. Дальнѣйшее продолженіе движенія во имя республики не встрѣтило бы никакой поддержки въ массахъ, и вожаки движенія удовольствовались этимъ униженіемъ короля и его обѣщаніемъ болѣе либеральной конституціи. Впрочемъ, за нѣсколько часовъ возстанія они успѣли убѣдиться въ вѣрности войскъ королю и въ невозможности успѣшно бороться

съ ними. Возстаніе прекратилось. Два дня спустя Фридрихъ-Вильгельмъ IV издалъ прокламацію „къ народу прусскому и германской націи“, въ которой онъ торжественно возвѣщалъ „истинныя конституціонныя начала съ отвѣтственнымъ министерствомъ, гласнымъ судомъ присяжныхъ, съ равенствомъ гражданскихъ и политическихъ правъ“. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ верхомъ съ трехцвѣтной черно-красно-желтой перевязью на рукѣ (знамя объединенной Германіи) и объѣхалъ городъ, обращаясь къ окружающей толпѣ съ рѣчами, содержаніе которыхъ было резюмировано въ опубликованной вечеромъ прокламаціи; въ ней, между прочимъ, говорилось: „Въ критическую минуту я беру на себя высшее руководительство національнымъ движеніемъ въ Германіи. Мой народъ не оставитъ меня, и Германія съ довѣріемъ присоединится ко мнѣ. Съ сегодняшнаго дня Пруссія сливается съ остальной Германіей“.

Прусское учредительное собраніе.

Въ маѣ 1848 года открылось обѣщанное королемъ Учредительное собраніе, избранное на основахъ всеобщаго голосованія, но по двухстепенной системѣ. Двѣ крайнія партіи, консервативно-аристократическая, или, какъ ее прозвали, „феодальная“ — справа, и радикально-республиканская — слѣва, составляли меньшинство: большинство составлялъ либерально-національстскій центръ, политическіе идеалы котораго сводились къ упроченію конституціонной монархіи въ Пруссіи и къ національно-политическому объединенію Германіи. Впрочемъ, большинство центра тяготѣло болѣе влѣво, чѣмъ вправо. Это тяготѣніе Учредительнаго собранія влѣво отразилось и на выработанной имъ конституціи, которая въ нѣкоторыхъ пунктахъ пошла даже далѣе своего образца — бельгійской конституціи, одной изъ самыхъ либеральныхъ въ то время, такъ какъ въ прусскую конституцію былъ введенъ принципъ всеобщаго избирательнаго права, взамѣнъ цензовой системы въ Бельгіи. Остальные пункты — король, глава исполнительной власти, - присягающій конституціи, министры отвѣтственные передъ палатами, свобода личности, слова, собраній, петицій, неприкосновенность жилища, политическое и гражданское равенство гражданъ — были почти цѣликомъ перенесены изъ бельгійской конституціи. Но для Пруссіи, гдѣ еще продолжали существовать многочисленные остатки феодальныхъ отношеній, объявленные конституціей принципы свободы и равенства были гораздо болѣе радикальны, чѣмъ для Бельгіи, гдѣ французское завоеваніе успѣло уже раньше стереть послѣдніе слѣды феодализма. Но именно это тяготѣніе Учредительнаго собранія влѣво и радикализмъ выработ-

танной имъ конституціи, желавшей однимъ ударомъ покончить съ тяжелымъ наслѣдіемъ вѣкового прошлаго, было причиной непрочности Учредительнаго собранія и его дѣла. Оно не только оттолкнуло отъ себя короля и заставило его пожалѣть о сдѣланныхъ въ минуту растерянности уступкахъ, но и вооружило противъ себя и противъ конституціи феодальное дворянство, вліяніе котораго было сильно на мѣстахъ, въ особенности въ коренной Пруссіи, а равнымъ образомъ и въ арміи, благодаря тому, что офицерство вербовалось почти исключительно въ его рядахъ.

Контръ-революція въ Пруссіи.

Феодальные элементы, съ офицерствомъ во главѣ, стали настойчиво склонять короля къ контръ-революціи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV сначала колебался, но когда въ концѣ октября 1848 года революціонное движеніе въ Вѣнѣ было раздавлено вооруженною силой (о чемъ рѣчь впереди), онъ рѣшилъ примѣнить тотъ же методъ и у себя дома. Сосредоточивъ въ Берлинѣ внушительныя вооруженныя силы, Фридрихъ-Вильгельмъ составилъ новое министерство изъ феодально-реакціонныхъ элементовъ и приказалъ Учредительному собранію перенести свои засѣданія въ провинціальный городъ Бранденбургъ. Когда собраніе отказалось повиноваться, его помѣщеніе было занято войсками. Гражданская гвардія, на которую оно опиралось, была распущена и обезоружена, а Берлинъ объявленъ на военномъ положеніи. Вслѣдъ затѣмъ король объявилъ собраніе распущеннымъ и опубликовалъ новую, „пожалованную“ конституцію, обѣщая ее подвергнуть „законодательному пересмотру“. По этой конституціи королю предоставлялось право издавать, въ отсутствіе Сейма, указы, имѣющіе силу законовъ.

Созванная для разсмотрѣнія или вѣрнѣе—для законодательной санкціи конституціи палата не выказала достаточной покладистости, но Фридрихъ-Вильгельмъ не считалъ болѣе нужнымъ церемониться. Онъ распустилъ ее (2 апрѣля) и созвалъ новую палату, измѣнивъ предварительно избирательный законъ въ желательномъ для себя направленіи. Благодаря ему, а также благодаря правительственному давленію на выборы, послѣдніе дали благопріятное правительству большинство (болѣе половины депутатовъ были чиновники). Новая палата безъ сопротивленія вотировала предложенную королемъ конституцію, по которой компетенціи народнаго представительства вводились въ тѣсныя рамки (напримѣръ, оно не могло отмѣнять или измѣнять установленныхъ налоговъ, иначе какъ путемъ новаго закона). Статья прежней конституціи, требовавшая отъ воинныхъ присяги на вѣрность ей, была отмѣнена. Учреждался

чрезвычайный трибуналъ для суда по политическимъ преступленіямъ. Въ началѣ 1850 года король присягнулъ новой конституціи (опубликованной 31 января), оговоривъ, впрочемъ, что онъ это дѣлаетъ лишь въ виду внесенныхъ въ конституцію, по его указанію, улучшеній и прибавилъ, въ духѣ своихъ прежнихъ рѣчей: „въ Пруссіи король управляетъ—потому что такъ повелѣваетъ Богъ“.

Конституція 1850 г. и феодально-абсолютистская реакція въ Пруссіи.

Конституція 1850 года была по своему характеру компромиссомъ между феодально-радикальною революціей 1848 года и феодально-абсолютистской реакціей. Ближайшіе годы были отмѣчены въ Пруссіи дальнѣйшими успѣхами послѣдней. Гарантированныя конституціей свободы все болѣе и болѣе стѣснялись правительственными распоряженіями и административной практикой. Вопреки объявленному конституціей принципу равенства, были возстановлены фактически нѣкоторыя изъ старыхъ феодальныхъ привилегій дворянства, напримѣръ, право помѣщиковъ судить крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ. Для обезпеченія себѣ послушнаго большинства въ Палатѣ, правительство Фридриха-Вильгельма IV, по примѣру французскаго правительства Луи-Наполеона, въ широкихъ размѣрахъ практиковало произвольное перекраиваніе избирательныхъ округовъ и систематическое давленіе на выборы. На ряду съ выборной Палатой депутатовъ (Abgeordneter-Haus) Фридрихъ-Вильгельмъ учредилъ не предусмотрѣнную конституціей верхнюю палату, подъ названіемъ Палаты господъ (Herren-Haus), состоящую изъ пожизненныхъ или наслѣдственыхъ членовъ по назначенію короля, а народное представительство переименовалъ по-прежнему въ Сеймъ (Landtag).

Австрія.

Революціонная волна, получившая свое начало въ февральскіе дни въ Парижѣ, захватила на этотъ разъ и Австрію, единственную изъ германскихъ державъ, которая до сихъ поръ оставалась (если не считать ея итальянскихъ владѣній) нетронутою революціей, и гдѣ старый порядокъ, слегка подновленный и подкрѣпленный консервативно-реакціонной политикой Меттерниха [1]), вылился окончательно въ форму полицейско-бюрократическаго государства съ феодально-аристократическимъ и католико-клерикальнымъ оттѣнкомъ.

Меттерниховскій режимъ въ Австріи

[1]) См. выше, выпускъ I, стр. 154—155.

Утративши свои былыя политическія права, дворянство продолжало сохранять свое привилегированное положеніе въ соціальномъ и служебномъ отношеніи. Оно пользовалось свободой отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей и отъ подсудности обыкновеннымъ судамъ. Право владѣть такъ называемыми дворянскими землями оставалось также исключительной привилегіей дворянства. Высшія должности, гражданскія и военныя, составляли его исключительное право. Въ своихъ имѣніяхъ дворяне продолжали сохранять вотчинную полицію и вотчинный судъ надъ крестьянами, которые, кромѣ того, обязаны были по отношенію къ своимъ сеньерамъ разнаго рода повинностями денежными и натуральными. Наконецъ, мѣстное дворянство занимало преобладающее положеніе въ областныхъ сеймахъ, вѣдавшихъ дѣла, связанныя съ податнымъ обложеніемъ.

Католичество пользовалось привилегированнымъ положеніемъ, какъ господствующая церковь. Продолжая придерживаться въ своихъ отношеніяхъ съ папской куріей принциповъ „іозефинизма“, то-есть супрематіи свѣтской власти въ дѣлахъ церковнаго управленія, правительство Меттерниха въ то же время покровительствовало церкви, какъ одному изъ устоевъ консерватизма и очагу противореволюціонныхъ идей. Католическая ортодоксія была сдѣлана обязательною для чиновниковъ, преподавателей, учащихся: всѣ они обязаны были ежегодно представлять свидѣтельства объ исповѣди. Школы находились подъ наблюденіемъ духовенства.

Полиція и цензура строго блюли за тѣмъ, чтобы въ предѣлы Австріи не проникали какія-либо революціонныя или просто либеральныя идеи. Особенно ревнивому наблюденію полиціи подвергались пріѣзжавшіе изъ-за границы, профессора, студенты. Къ профессорамъ посылали на лекціи шпіоновъ и требовали отъ библіотекарей списки книгъ, взятыхъ тѣмъ или другимъ профессоромъ. Цензура, не связанная никакими регламентами, отличалась произволомъ и придирчивостью. Она не пропускала, напримѣръ, такихъ книгъ, какъ извѣстное сочиненіе Галлама объ англійской конституціи, историческіе очерки Тьерри, и умѣла находить опасныя идеи даже въ медицинскихъ сочиненіяхъ. У себя, въ Австріи, она вовсе не разрѣшала печатать никакихъ сочиненій по политическимъ вопросамъ.

Ко всякаго рода обществамъ правительство относилось съ большой подозрительностью и закрывало ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ; но это приводило лишь къ размноженію разнаго рода тайныхъ кружковъ и организацій, гдѣ культивировались либераль-

ныя и революціонныя идеи, заноса которыхъ не могли бы конечно, предупредить даже самая строгая цензура и самый ревнивый надзоръ за привозимыми изъ-за границы книгами. Но въ бюрократической Австріи все принимало въ концѣ-концовъ характеръ бездушнаго и равнодушнаго ко всему канцелярскаго формализма. Къ такому же канцелярскому формализму свелись мало-по-малу и цензурный надзоръ и политическія строгости, тѣмъ болѣе, что подъ старость Меттерниха, видимо, со многимъ примирился и на многое махнулъ рукой, а подчиненные органы правительства заботились лишь о томъ, чтобы съ внѣшней стороны обстояло все благополучно, и чтобы не было скандаловъ. Запрещенныя книги и журналы ввозились изъ-за границы массами и продавались почти открыто на улицахъ и въ магазинахъ Вѣны. Для отвода глазъ запрещенная книга оклеивалась обложкой отъ цензурной, а запрещенная газета продавалась подъ видомъ обертки, въ которую вкладывался какой-нибудь молитвенникъ. Цензура и полиція смотрѣли на это сквозь пальцы, какъ и на многое другое.

Февральская революція и мартовскіе дни въ Вѣнѣ.

Проникшія въ Австрію изъ Франціи и сосѣднихъ германскихъ областей либеральныя и революціонныя идеи встрѣтили для себя какъ нельзя болѣе благопріятную почву въ общественно-политическихъ условіяхъ потерявшаго всякій престижъ и почти всѣхъ противъ себя вооружившаго меттерниховскаго режима. Распространившаяся въ Вѣнѣ 29 февраля 1848 года вѣсть о парижскихъ событіяхъ, вызвала небывалое еще въ Австріи общественное движеніе. Полиція оказалась не въ силахъ ни предупредить, ни разогнать многочисленныя собранія, заканчивавшіяся обыкновенно выработкой петиціи къ правительству. Какъ и всюду въ подобныхъ случаяхъ, петиціи требовали различныхъ свободъ и конституціи. Кромѣ различныхъ группъ интеллигенціи и учащейся молодежи, эти петиціи исходили также изъ чисто буржуазныхъ круговъ, какъ-то отъ книгопродавцевъ, отъ коммерсантовъ. Въ числѣ подписавшихъ нѣкоторыя изъ петицій фигурировали даже чиновники, вплоть до представителей верхнихъ слоевъ бюрократіи.

Все это было до такой степени неожиданно для правительства и въ томъ числѣ для самого Меттерниха, что оно совершенно растерялось, а полиція совсѣмъ потеряла голову и поспѣшила стушеваться, предоставивъ улицы въ полное распоряженіе революціонной толпы, не замедлившей очутиться въ рукахъ наиболѣе крайнихъ элементовъ. Ободренные растерянностью властей, агитаторы объявили открыто, что „революція назначена на 13 марта“. На это число былъ созванъ въ Вѣнѣ провинціальный Сеймъ

Нижней Австріи, и вожаки движенія разсчитывали воспользоваться этимъ случаемъ для осуществленія своихъ плановъ. Во время засѣданія Сейма, собравшуюся около зданія толпу, въ которой было много учащейся молодежи, агитаторы превратили въ шумный митингъ. Кричали: „долой Меттерниха!“ „Да здравствуетъ конституція!“ Было рѣшено требовать отъ Сейма, чтобы онъ немедленно передалъ отъ имени народа петицію императору о введеніи конституціи. Члены Сейма черезъ окна вступили въ переговоры съ вожаками и согласились принять депутацію изъ 12 членовъ, но въ это время въ толпѣ распространился слухъ о приближеніи войскъ, и часть толпы ворвалась въ залъ. Члены Сейма повиновались и отправились во дворецъ въ сопровожденіи части толпы. Когда къ зданію Сейма подошли войска подъ командой эрцгерцога Альбрехта, изъ оконъ въ нихъ полетѣли стулья, столы, обломки мебели и проч. Войска отвѣтили выстрѣлами. Было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Толпа бросилась вразсыпную, крича, что войска разстрѣливаютъ народъ, и подъ предводительствомъ агитаторовъ принялась строить баррикады.

Испуганный императоръ Фердинандъ I (1835—1848 г.), поспѣшилъ обѣщать все, чего отъ него требовали, и далъ отставку Меттерниху. Послѣдній принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ разъяренной толпы; онъ поспѣшно уѣхалъ черезъ Прагу въ Англію. Въ тотъ же вечеръ въ Вѣнѣ организовалась новая вооруженная сила въ видѣ буржуазной гвардіи и „академическаго легіона“ изъ студентовъ. Буржуазія спѣшила вооружиться не только для защиты новаго порядка, но также и въ обезпеченіе себя отъ возможныхъ эксцессовъ со стороны городского пролетаріата, въ которой уличные безпорядки разнуздали разрушительные и хищническіе инстинкты. Дѣйствительно, въ рабочихъ кварталахъ и предмѣстьяхъ разнузданныя толпы произвели цѣлый рядъ крупныхъ безчинствъ: громили городскія заставы и фабричныя заведенія и даже поджигали ихъ.

14 марта эти безчинства были подавлены совмѣстными усиліями войскъ и буржуазной милиціи, а на другой день императорская прокламація возвѣщала созывъ народнаго представительства для разработки „отечественной конституціи“ и объявляла свободу печати.

Торжество революціи въ Вѣнѣ.

Совершенно потерявшее голову правительство безпрекословно исполняло всѣ требованія, которыя предъявлялись къ нему революціонными, студенческими и другими комитетами. Во исполненіе одного изъ этихъ требованій, оно распорядилось удалить войска

изъ Вѣны. Съ тѣхъ поръ столица, а съ ней и правительство очутились во власти революціонныхъ комитетовъ, опиравшихся на буржуазную гвардію и академическій легіонъ, которые состояли изъ наиболѣе дѣятельныхъ революціонныхъ элементовъ. Неугодные комитетамъ министры принуждены были уйти, оставшіеся безпрекословно повиновались комитетамъ. Когда правительство опубликовало обѣщанную конституцію, скопированную съ бельгійской, комитеты забраковали ее, какъ недостаточно радикальную, и рѣшили добиваться ея измѣненія въ желательномъ для себя направленіи. Для объединенія своихъ силъ и дѣятельности, они организовали изъ своей среды „Центральный комитетъ для защиты народныхъ правъ“, очевидно, внушенный воспоминаніями о „Комитетѣ общественнаго спасенія“ эпохи великой революціи [1]). Правительство попробовало было отказать Центральному комитету въ своемъ признаніи, но ему пригрозили буржуазной гвардіей и академическимъ легіономъ. Вспомнивъ, что ему нечего противопоставить этой революціонной арміи, министерство поспѣшило признать новое революціонное правительство и исполнить его требованія о пересмотрѣ конституціи и о созывѣ для этой цѣли Учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго голосованія (16 мая 1848 г.). Однако революціонная тиранія пробудила, наконецъ, рѣшимость въ дряблomъ и слабохарактерномъ императорѣ. 17 мая съ небольшой свитой приближенныхъ, тайкомъ отъ правительства, Фердинандъ I бѣжалъ изъ Вѣны въ Тироль, эту австрійскую Вандею, разсчитывая вызвать здѣсь народное движеніе противъ вѣнскихъ революціонеровъ. Республиканцы думали было воспользоваться бѣгствомъ императора для провозглашенія республики, но ихъ призывъ не встрѣтилъ никакого сочувствія въ населеніи. Между тѣмъ, когда по требованію императора, правительство объявило академическій легіонъ распущеннымъ, легіонеры и сочувствующіе имъ рабочіе принялись строить баррикады, а правительство, вспомнившее опять объ отсутствіи войскъ въ Вѣнѣ, нашло себя вынужденнымъ еще разъ капитулировать передъ революціоннымъ комитетомъ. Оно не только должно было признать неприкосновенность академическаго легіона, но и дать обязательство не покидать Вѣны и добиться возвращенія императора. Но эта побѣда революціонеровъ была послѣдней, и ея тріумфъ былъ непродолжителенъ. Уличныя баррикады, выступленіе вооруженной черни и предшествовавшія попытки провозглашенія республики,—все это начи-

Начало реакціи.

[1]) См. выше, выпускъ I, стр. 23.

пало вызывать серьезную тревогу въ мирной части населенія, въ особенности въ средѣ буржуазіи, и значительно охладило ея революціонный пылъ; и воздержаніе буржуазной гвардіи отъ активнаго участія въ послѣднихъ революціонныхъ выступленіяхъ было знаменательнымъ въ этомъ отношеніи симптомомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ провинціяхъ дѣйствія вѣнскихъ революціонеровъ, вынудившихъ императора спасаться бѣгствомъ, вызвали негодованіе въ широкихъ кругахъ населенія, продолжавшихъ хранить свой традиціонный піететъ къ монарху.

Учредительное собраніе въ Вѣнѣ

22 іюля собралось въ Вѣнѣ Учредительное собраніе, созванное на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Однако надежды, возлагавшіяся на послѣднее революціонерами, оказались жестоко обманутыми. Большинство депутатовъ были славяне, настроенные враждебно по отношенію къ нѣмецкимъ радикаламъ съ ихъ централистскими тенденціями; послѣдніе оказались въ меньшинствѣ. Единственный вопросъ, въ которомъ сошлись всѣ партіи, это была отмѣна остатковъ феодальнаго режима: сеньеріальныя повинности были единогласно признаны отмѣненными, частью безъ выкупа (вотчинный судъ и почетныя права сеньеровъ), частью съ выкупомъ (барщина и другія сеньеріальныя повинности). Это былъ самый крупный изъ положительныхъ результатовъ дѣятельности перваго представительнаго собранія Австрійской монархіи.

Но дальнѣйшій ходъ австрійской революціи до такой степени тѣсно сплетается съ тѣми революціонно-національными движеніями, которыя одновременно разыгрались въ различныхъ частяхъ разноплеменной государственной территоріи габсбургской монархіи, что намъ необходимо перенести теперь наше вниманіе на эти послѣднія.

Національныя движенія въ Австрійской монархіи.

Французская революція вызвала революціонныя движенія также и въ не-нѣмецкихъ земляхъ Австрійской имперіи, но эти движенія отличались здѣсь совершенно другимъ характеромъ. Слова „свобода“, „права націи“, „конституція“ имѣли совершенно иной смыслъ для подвластныхъ народностей габсбургской монархіи, чѣмъ для господствующей народности нѣмецкой. Если вѣнская, то-есть нѣмецкая революція была направлена прежде всего противъ абсолютизма Габсбурговъ и шла подъ знаменемъ радикализма, то въ нѣмецкихъ земляхъ революціонное движеніе съ самаго же начала получило рѣзко выраженный національный характеръ. Протестъ противъ габсбургскаго абсолютизма подсказывался здѣсь не столько идеями политическаго либерализма и радикализма, сколько пробу-

дившимся національнымъ самосознаніемъ подвластныхъ народностей. Власть австрійскаго правительства вызывала въ нихъ враждебное къ себѣ отношеніе не только и даже не столько потому, что это была абсолютная власть, сколько потому, что она была чужая. Революціонное движеніе въ подвластныхъ габсбургской монархіи не-нѣмецкихъ земляхъ носитъ въ большей или меньшей степени характеръ національнаго возстанія противъ иноземнаго владычества. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ Венгріей [1]). Венгрія имѣла конституцію, по которой она представляла собою автономное королевство, соединенное личной уніемъ съ австрійской державой. Императоръ австрійскій былъ въ то же время королемъ Венгріи. Король правилъ Венгріей при посредствѣ національнаго венгерскаго Сейма, состоявшаго изъ двухъ палатъ. Верхняя палата, состоявшая изъ наслѣдственныхъ членовъ, имѣла феодально-аристократическій характеръ; нижняя палата состояла изъ одинаковаго числа дворянскихъ и городскихъ депутатовъ и делегатовъ соединеннаго съ венгерской короной Хорватскаго королевства. Въ общемъ венгерская конституція имѣла дворянско-аристократическій характеръ. Такой же характеръ имѣло и мѣстное самоуправленіе, находившееся почти всецѣло въ рукахъ дворянства. Но политика австрійскаго правительства, относившагося съ не достаточнымъ уваженіемъ къ политико-національной независимости Венгріи, способствовала поддержанію и даже росту національной и вмѣстѣ либеральной оппозиціи. Вождемъ послѣдней въ сороковыхъ годахъ сдѣлался молодой адвокатъ и журналистъ Кошутъ (1805—1894), пріобрѣвшій себѣ популярность тѣмъ, что основалъ первый печатный органъ на мадьярскомъ языкѣ; а гоненія, которымъ онъ подвергся за это со стороны австрійскаго правительства, создали ему ореолъ мученика и борца за національное дѣло,—настоящаго національнаго героя. Выбранный въ Сеймъ, Кошутъ сдѣлался тамъ лидеромъ національно-демократической оппозиціи. Естественно, что подобными актами австрійское правительство обостряло національный антагонизмъ мадьяръ противъ нѣмцевъ и усиливало національно-либеральную оппозицію въ Венгріи.

Венгрія.

Февральскія событія застали Венгрію въ эпоху сессіи венгерскаго Сейма. Подъ ихъ впечатлѣніемъ Сеймъ, по предложенію Кошута, потребовалъ пересмотра конституціи, созыва Учредитель-

[1]) По исторіи Венгріи и венгерской революціи см. Iranyi et Chassin. Histoire politique de la révolution de Hongrie. Paris, 1859; Horwath. 25 Jahre aus der Geschichte Ungarns (1823—1848). 1866; A. de Bertha. La Hongrie moderne, 1849—1901.

наго собранія, новаго отвѣтственнаго и національнаго министерства, перенесенія Сейма изъ полунѣмецкаго и пограничнаго города Пресбурга въ національную столицу Венгріи Пештъ, ежегоднаго созыва Сейма, свободы печати и т. д. Австрійское правительство, ошеломленное неожиданнымъ взрывомъ революціоннаго движенія у себя дома, совершенно потеряло голову и, сознавая свою полную безпомощность, согласилось на всѣ предъявленныя ему венгерскимъ Сеймомъ требованія. Въ концѣ іюня было сформировано новое венгерское министерство, которое перенесло свою резиденцію въ Пештъ. Тамъ же въ началѣ іюля собралось Учредительное собраніе. Пользуясь безпомощностью вѣнскаго правительства, фактически потерявшаго власть у себя дома, новое венгерское правительство, при поддержкѣ Учредительнаго собранія, вступило смѣло на путь фактическаго осуществленія національно-политической независимости Венгріи. Была организована національная венгерская армія, а необходимыя для этого средства были добыты путемъ выпуска займа и бумажныхъ денегъ. Наконецъ, Венгрія послала своихъ дипломатическихъ агентовъ къ державамъ и объявила, что не приметъ никакого участія въ подготовляемомъ Австріей вооруженномъ противодѣйствіи объединительному движенію въ Германіи.

Между тѣмъ національно-освободительное движеніе охватило и славянскія земли какъ австрійской, такъ и венгерской коропы.

Чехія. Первая изъ славянскихъ земель поднялась Чехія [1]), которая успѣла уже занять передовое мѣсто въ начавшемся въ двадцатыхъ годахъ національномъ пробужденіи австрійскихъ славянъ. Разгромъ, которому подверглась Чехія послѣ Бѣлогорской битвы (1620 г.), былъ настоящей національной катастрофой для чешскаго народа. Воинствующій и побѣдоносный католицизмъ шелъ здѣсь объ руку съ торжествующимъ германизмомъ. Наиболѣе вліятельныя и доходныя мѣста въ чешской церкви были захвачены нѣмецкимъ духовенствомъ, въ то время какъ порѣдѣвшіе послѣ подавленнаго возстанія ряды чешскаго дворянства занимались дворянами-нѣмцами. Лишившись своей національной духовной и свѣтской аристократіи, которая была въ то же время и національной интеллигенціей, Чехія подверглась быстрой германизаціи и національному обезличенію. Всѣ артеріи культурной жизни— литература, школа, церковь — были быстро захвачены нѣмцами. Нѣмецкій языкъ былъ введенъ въ пражскомъ университетѣ, какъ

[1]) По исторіи Чехіи въ новое время: Ernest Denis. La Bohême depuis la Montagne-Blanche. 2 vol. Paris, 1903. Подробныя указанія на литературу по исторіи Чехіи можно найти въ „Библіографіи чешской исторіи“ Цирбта.

языкъ преподаванія, вмѣсто традиціоннаго латинскаго; чешскій языкъ былъ вытѣсненъ изъ школы, администраціи, суда. Благодаря этому, даже многіе чехи, особенно въ городахъ, стали привыкать къ нѣмецкому языку и забывать свой родной языкъ. Вмѣстѣ съ своей національной культурой, Чехія постепенно утрачивала свою національную физіономію.

Начало національнаго пробужденія.

Великая революція и вызванныя ею войны дали первый толчекъ къ національному пробужденію чеховъ. Въ 1799 г. черезъ Чехію проходили русскія войска, которыя Суворовъ велъ въ Италію. Непосредственное соприкосновеніе съ представителями родного и могущественнаго славянскаго народа не могло не произвести сильнаго и ободряющаго впечатлѣнія на пригнетенную славянскую націю. Затѣмъ, политика Наполеона, создавшаго „Иллирійскія провинціи“ изъ отобранныхъ у Австріи словенскихъ, хорватскихъ и далматскихъ земель, а также частичное возстановленіе Польши (въ формѣ Варшавскаго герцогства), также не могла остаться безъ вліянія на настроеніе всѣхъ лишенныхъ политической самостоятельности славянскихъ народностей, и въ томъ числѣ—чеховъ. Наполеонъ прекрасно понималъ, какую серьезную угрозу для разноплеменной монархіи Габсбурговъ могло представлять пробужденіе національнаго самосознанія и національныхъ стремленій въ подвластныхъ ей славянскихъ народностяхъ. Не менѣе хорошо понимало это и австрійское правительство; оно старалось предупредить и парализовать нарождавшійся славянскій сепаратизмъ благожелательной политикой по отношенію къ славянамъ. Такъ, оно отказалось отъ пунктуальнаго примѣненія цензурныхъ строгостей по отношенію къ нарождавшейся славянской литературѣ, что послужило благопріятнымъ условіемъ для ея развитія, въ особенности въ Чехіи. Чтобы не раздражать чеховъ, правительство смотрѣло даже сквозь пальцы на появленіе въ чешской печати патріотическихъ памфлетовъ и пѣсенъ, въ которыхъ прославлялись былые подвиги чешскаго народа, а нѣмцы предавались поруганію. Начавшійся послѣ похода въ Россію разгромъ имперіи Наполеона, новое появленіе русскихъ войскъ въ Чехіи на пути въ Парижъ, наконецъ—та первенствующая роль, которая выпала въ европейскихъ событіяхъ этой эпохи на долю славянской Россіи,—все это дало новый и сильный толчекъ дальнѣйшему росту національнаго самосознанія среди австрійскихъ славянъ.

Чешское «возрожденіе».

Начавшееся „національное возрожденіе“ Чехіи [1]) нашло себѣ

[1]) По исторіи славянскаго и въ частности чешскаго возрожденія: Первольфъ. Славянское движеніе въ Австріи (1800—1848 г.) („Русская Рѣчь“ за

выраженіе первоначально главнымъ образомъ въ литературѣ и въ пробудившемся научномъ интересѣ къ родному языку и родной старинѣ. Главнымъ органомъ національнаго возрожденія сдѣлался основанный въ 1821 г. въ Прагѣ „Чешскій музей", съ издававшимся при немъ періодическимъ органомъ („Лѣтопись Чешскаго Музея"). Вокругъ этого учрежденія сгруппировались всѣ небогатыя еще въ ту пору литературныя и научныя силы Чехіи. Научный интересъ къ родному языку и родной старинѣ былъ согрѣтъ у этихъ первыхъ дѣятелей національнаго возрожденія горячимъ чувствомъ патріотизма, доходившаго у нѣкоторыхъ изъ нихъ до экзальтаціи. Однимъ изъ этихъ экзальтированныхъ писателей-патріотовъ, поэтомъ Ганкой (1791—1861), былъ сочиненъ въ стилѣ народныхъ пѣсенъ рядъ эпическихъ и лирическихъ отрывковъ, которыя онъ выдалъ за будто бы найденныя имъ въ одной старинной рукописи („Краледворская рукопись") старинныя произведенія народной поэзіи. Поддѣлка была обнаружена позднѣйшею критикой, но въ свое время этотъ патріотическій подлогъ сыгралъ большую роль въ дѣлѣ чешскаго національнаго возрожденія. „Открытіе" краледворской рукописи необычайно подняло интересъ къ родному языку и родной старинѣ въ Чехіи и послужило толчкомъ къ дальнѣйшему развитію чешской науки и литературы.

Въ создавшейся, такимъ образомъ, атмосферѣ патріотическаго культа родной старины воспиталось и выросло то поколѣніе, изъ котораго вышелъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ цѣлый рядъ выдающихся чешскихъ писателей и ученыхъ, которые своею дѣятельностью оказали огромное вліяніе на національное возрожденіе своей родины. По ихъ почину, возникаетъ въ 1831 г. новое національно-патріотическое учрежденіе, которое, подъ названіемъ „Чешской матицы", ставило своею задачей издавать научныя и литературныя произведенія на чешскомъ языкѣ. Въ числѣ этихъ произведеній одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ принадлежитъ начавшей выходить въ началѣ тридцатыхъ годовъ „Исторіи Чехіи" Палацкаго (1798—1876), положившаго своимъ трудомъ начало національной чешской исторіографіи. Его сверстникъ, Шафарикъ (1795—1861), своими „Славянскими древностями" положилъ на-

---

1879 г.); Пыпинъ и Спасовичъ. Исторія славянскихъ литературъ; статьи Гильфердинга, изданныя въ его „Собраніи сочиненій" (1868—1874 г.); также—второй томъ указаннаго выше (стр. 54) сочиненія Ernest Denis, дающаго довольно обстоятельныя библіографическія указанія.

чало наукѣ славяновѣдѣнія. Въ своемъ трудѣ Шафарикъ впервые выяснилъ взаимное культурное родство всѣхъ славянскихъ народностей, чѣмъ оказалъ большое вліяніе на развитіе самосознанія всего славянства. На этой почвѣ зародилась идея объ общеславянской солидарности и тѣ неопредѣленныя стремленія къ взаимному единенію между всѣми славянскими народностями, которое, подъ названіемъ панславизма, получаетъ значительное развитіе начиная съ конца сороковыхъ годовъ (въ Россіи эти стремленія выразились въ формѣ славянофильства).

Австрійское правительство на первыхъ порахъ относилось довольно благодушно къ національному возрожденію чеховъ, считая его явленіемъ эстетико-литературнаго и научно-академическаго порядка, чуждымъ какихъ-либо политическихъ стремленій. Но въ этой чисто культурной сферѣ чешское движеніе замыкалось лишь изъ страха передъ Вѣной. Какъ только, подъ вліяніемъ шедшаго изъ Парижа революціоннаго дуновенія, положеніе вѣнскаго правительства поколебалось, чешское національное движеніе не замедлило обнаружить свой, до тѣхъ поръ скрытый, политическій характеръ.

Отголосокъ февральской революціи въ Чехіи.

Еще до взрыва революціоннаго движенія въ Вѣнѣ, въ Чехіи, и главнымъ образомъ въ Прагѣ, начались шумныя патріотическія манифестаціи въ пользу національной свободы Чехіи. Первымъ шагомъ къ освобожденію чешскіе патріоты считали объединеніе Чехіи, раздѣленной административно и политически на три части: собственно Чехію, Моравію и Силезію. Они уже давно мечтали объ этомъ, и когда въ Вѣнѣ разразилась мартовская революція, въ Прагѣ началось сильное волненіе. На многолюдномъ митингѣ 11 марта 1848 г. была выработана петиція, съ просьбой возстановить „королевство св. Вячеслава“, съ національнымъ сеймомъ въ Прагѣ и отвѣтственнымъ чешскимъ министерствомъ. Чехи должны были быть уравнены въ правахъ съ нѣмцами. Вѣнское правительство находилось въ эту пору въ такомъ положеніи, что ему ничего другого не оставалось, какъ обѣщать все, чего отъ него требовали (8 апрѣля 1848 г.). Въ ожиданіи осуществленія этихъ обѣщаній, чехи добились учрежденія чешскаго національнаго Комитета при австрійскомъ губернаторѣ въ Прагѣ, и этотъ Комитетъ, благодаря безсилію вѣнскаго правительства, сдѣлался фактически какъ бы временнымъ правительствомъ Чехіи.

Въ виду чисто національнаго характера чешскаго движенія, къ тому же грозившаго мѣстнымъ нѣмцамъ утратой ихъ привилегированнаго положенія, послѣдніе съ первыхъ же шаговъ стали

къ нему во враждебное положеніе, что, въ свою очередь, еще болѣе подчеркнуло и обострило національный антагонизмъ чеховъ по отношенію къ нѣмцамъ. Антагонизмъ этотъ, благодаря начавшемуся одновременно объединительному движенію въ Германіи, вскорѣ распространился на весь германскій міръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противовѣсъ послѣднему, разросся—по крайней мѣрѣ въ идеѣ—до размѣровъ общеславянскаго движенія. Національный пражскій Комитетъ, въ составъ котораго вошли всѣ видные вожди національнаго чешскаго движенія, какъ-то Палацкій, Ригеръ, въ противовѣсъ объявленному германскими націоналистами созыву общегерманскаго парламента, организовали общеславянскій съѣздъ въ Прагѣ. Съѣздъ, дѣйствительно, состоялся въ началѣ іюня 1848 г. Это былъ съѣздъ преимущественно австрійскихъ славянъ, но присутствіе на немъ нѣсколькихъ поляковъ изъ всѣхъ трехъ польскихъ „дѣльницъ“ (то-есть австрійской, русской и прусской частей Польши) и нѣсколькихъ русскихъ изъ Галиціи (изъ Россіи явился только извѣстный революціонеръ-анархистъ Бакунинъ) придавало ему характеръ общеславянскаго съѣзда. Это было первымъ наглядпымъ проявленіемъ славянской солидарности, первой манифестаціей того движенія, которое получило впослѣдствіи названіе панславизма, подобно тому, какъ франкфуртскій парламентъ (о которомъ рѣчь—ниже) былъ первой манифестаціей общенѣмецкаго единенія или пангерманизма. На съѣздѣ обсуждалось положеніе австрійскихъ славянъ, какъ въ Австріи, такъ и за ея предѣлами, и ихъ отношеніе къ неславянскимъ національностямъ, главнымъ образомъ—къ нѣмцамъ. Организаторы общенѣмецкаго парламента пригласили принять участіе въ этомъ дѣлѣ также и чеховъ, такъ какъ Чехію нѣмцы привыкли считать нѣмецкой страной, но получили отъ вождя чешскихъ патріотовъ, Палацкаго, энергичную отповѣдь. Въ своемъ отвѣтѣ онъ заявлялъ, что отдаетъ должную дань стремленію нѣмцевъ къ объединенію своей націи и ея величію, но что именно поэтому онъ не считаетъ возможнымъ принять въ этомъ дѣлѣ никакого участія. „Я не нѣмецъ, писалъ онъ. Я—чехъ, славянинъ по происхожденію, и всѣ мои силы принадлежатъ моему народу. Конечно, народъ этотъ небольшой, но это ему не мѣшаетъ имѣть свою собственную историческую индивидуальность. Правда, наши государи вступили въ кругъ германскихъ государей, но народъ нашъ никогда не причислялъ себя къ нѣмцамъ“.

Первый славянскій съѣздъ.

Характерно, однако, то, что Палацкій отнесся отрицательно къ общегерманскому парламенту не только потому, что дѣло гер-

манскаго объединенія чуждо и вредно славянамъ, но также еще и потому, что оно грозитъ цѣлости Австрійской державы, которая, заявлялъ въ своемъ отвѣтѣ Палацкій, „имѣетъ важное значеніе какъ для нашего народа, такъ и для всей Европы, а слѣдовательно и для всего человѣчества“. Этими словами Палацкій выражалъ мысль большинства чешскихъ патріотовъ: они мечтали не о расторженіи всякой связи съ Австрійской монархіей, а лишь объ обезпеченіи для чешской націи болѣе самостоятельнаго положенія въ составѣ имперіи.

Кровавое усмиреніе Праги.

Славянскій съѣздъ былъ неожиданно прерванъ крупными волненіями, вызванными въ Прагѣ столкновеніемъ между участниками одной уличной манифестаціи, организованной чешскою молодежью, и разросшимися до размѣровъ настоящаго возстанія, которое было съ трудомъ подавлено войсками послѣ четырехдневныхъ военныхъ операцій [1]). Вслѣдъ затѣмъ въ Прагѣ было немедленно введено военное положеніе, славянскій съѣздъ былъ закрытъ, а обѣщанный чехамъ учредительный сеймъ такъ и не былъ созванъ. Это нанесло рѣшительный ударъ начавшемуся чешскому національно-освободительному движенію, какъ и начавшемуся дѣлу славянскаго объединенія. Нѣмцы ликовали, а франкфуртскій парламентъ вотировалъ благодарность усмирителю пражскаго „мятежа“ князю Виндишгрецу.

Эти событія, естественно, обострили чешско-нѣмецкій антагонизмъ и углубили ту пропасть, которая раздѣляла чешскихъ національстовъ отъ нѣмецкихъ пангерманистовъ. А такъ какъ стремленія послѣднихъ были въ то же время угрозой Австрійской державѣ, то, естественно, что на этой почвѣ, несмотря на пражскія кровавыя событія, произошло взаимное сближеніе между чешскими патріотами и австрійскимъ правительствомъ, отъ котораго чехи надѣялись, въ концѣ концовъ, добиться болѣе или менѣе значительныхъ уступокъ. Съ своей стороны, правительство не замедлило убѣдиться, что ему волей-неволей приходится искать поддержки у чешскихъ національстовъ противъ нѣмецкихъ радикаловъ. Въ собравшемся въ іюлѣ 1848 года въ Вѣнѣ общеавстрійскомъ Учредительномъ собраніи правительство, дѣйствительно, очутилось лицомъ къ лицу съ радикало-нѣмецкой оппозиціей, противъ которой оно могло опереться лишь на славянское правое большинство, ядромъ котораго были чехи съ Палацкимъ и Ригеромъ во главѣ. Венгерская революція еще болѣе подчеркнула эту

Австрійское Учредительное собраніе.

[1]) A. von Helfert. Der prager Juni-Aufstand von 1848. Prag, 1897.

необходимость для габсбургскаго правительства щадить славянъ, которые въ лицѣ возставшихъ противъ Венгріи ея славянскихъ подданныхъ, сербовъ и хорватовъ, являлись естественными союзниками Австріи.

Національно-освободительное движеніе среди венгерскихъ славянъ.

Венгерская революція послужила сигналомъ къ аналогичнымъ національно освободительнымъ движеніямъ среди славянскихъ подданныхъ короны св. Стефана. Первыми возстали противъ мадьяръ сербы, которые получили поддержку отъ своихъ соплеменниковъ, и единовѣрцевъ изъ Сербіи. Вслѣдъ за ними поднялись хорваты [1]). Послѣдніе уже давно мечтали о національно-политической независимости въ формѣ объединеннаго Хорватско-Далматско-Словацкаго королевства. Они отправили въ Вѣну депутацію съ ходатайствомъ о поддержкѣ ихъ національныхъ стремленій противъ Венгріи, которая въ это время возстала противъ Австріи. Въ началѣ іюня новый хорватскій банъ Елачичъ открылъ въ Загребѣ хорватскій сеймъ, на которомъ, кромѣ хорватскихъ депутатовъ, присутствовали делегаты отъ другихъ венгерскихъ славянъ (безъ права голоса). Хорватскій сеймъ проектировалъ объединеніе всѣхъ южныхъ славянъ имперіи въ одно автономное государство подъ скипетромъ Габсбурговъ и въ началѣ слѣдующаго мѣсяца разошелся, передавъ Елачичу временную правительственную власть.

Одновременно подобное же стремленіе къ эмансипаціи отъ Венгріи проявилось и среди румынскаго населенія Трансильваніи.

Первое время императоръ Фердинандъ I колебался принять слишкомъ открыто сторону возставшихъ славянскихъ подданныхъ Венгріи, но успѣшное подавленіе пражскаго возстанія Виндишгрецемъ въ іюнѣ и ломбардскаго Радецкимъ мѣсяцъ спустя,—наконецъ, начавшееся вооруженное возстаніе сербовъ противъ венгерскаго правительства,—все это побѣдило, наконецъ, нерѣшительность правительства Фердинанда I. Удостовѣрившись, что хорваты ожидаютъ лишь сигнала къ тому, чтобы поднять оружіе противъ венгровъ, правительство рѣшило, наконецъ, заговорить съ послѣдними энергичнымъ языкомъ. Оно объявило недѣйствительными свои прежнія уступки, какъ сдѣланныя безъ согласія другихъ частей имперіи, объявило незаконными принятыя венгерскимъ правительствомъ мѣры и предписало прекратить враждебныя дѣйствія противъ сербовъ. Венгры послали было депутацію къ вѣнскому Учредитель-

---

[1]) Хорваты—собственно тѣ же сербы, но усвоившіе, вмѣстѣ съ католичествомъ, латинскую письменность и латинскую культуру.

ному собранію, думая найти въ его средѣ сочувствіе своему дѣлу, но враждебно настроенное противъ венгровъ славянское большинство собранія настояло на томъ, чтобы депутація даже не была принята собраніемъ. Нѣмецко-радикальное большинство изъ вражды къ правительству, напротивъ, устроило венгерскимъ делегатамъ восторженную овацію и обѣщало имъ свою поддержку.

Между тѣмъ, по соглашенію съ вѣнскимъ правительствомъ, хорваты, подъ предводительствомъ Елачича, подняли открытое возстаніе противъ „азіатской орды“, какъ называлъ Елачичъ венгровъ въ своей прокламаціи. Въ сентябрѣ 1848 года онъ, во главѣ 40.000 войска, двинулся на Пештъ. Къ хорватамъ и ранѣе ихъ поднявшимъ оружіе сербамъ присоединились словаки и румыны. Такимъ образомъ, венграмъ, поднявшимъ возстаніе противъ своего государя, пришлось защищаться противъ своихъ собственныхъ возставшихъ подданныхъ. Въ виду наступившаго критическаго момента, власть перешла въ руки наиболѣе энергичной національно-демократической партіи, изъ среды которой былъ выбранъ облеченный чрезвычайными полномочіями Комитетъ національной обороны съ Кошутомъ во главѣ. Оффиціально австрійское правительство стояло въ сторонѣ отъ начавшейся въ Венгріи междоусобной войны, но происшедшее въ концѣ сентября убійство австрійскаго генерала, котораго правительство назначило главнокомандующимъ венгерской арміей, заставило его выйти изъ своего пассивнаго положенія. Оно объявило венгерскій Сеймъ распущеннымъ, а Венгрію на военномъ положеніи, дало Елачичу полномочія главнокомандующаго и предписало одному изъ вѣнскихъ полковъ идти въ Венгрію. Но этимъ своимъ шагомъ вѣнское правительство вызвало сильное раздраженіе нѣмецкихъ радикаловъ, сочувствовавшихъ венгерской революціи. Опираясь на многочисленные политическіе клубы, на академическій легіонъ, на часть буржуазной гвардіи и рабочихъ, они рѣшили не допускать посылки войскъ въ Венгрію. По обычной непредусмотрительности вѣнскаго правительства, для экспедиціи въ Венгрію былъ назначенъ нѣмецкій полкъ, и агитаторамъ не стоило особеннаго труда склонить его къ отказу отъ похода. Для усмиренія непокорнаго полка правительство распорядилось двинуть другой, славянскій полкъ. Началась форменная битва между двумя полками. Возбуждаемая агитаторами толпа нѣмецкихъ рабочихъ приняла участіе въ боѣ, ставши на сторону мятежнаго полка. На улицахъ снова появились баррикады. Разъяренная толпа ворвалась въ домъ военнаго министра, варварски умертвила его и трупъ повѣсила на

Кровавые безпорядки въ Вѣнѣ.

фонарѣ (7 октября 1848 г.). Императоръ въ тотъ же день скрылся изъ Вѣны и бѣжалъ въ Ольмюцъ, въ Моравію. Въ виду революціоннаго настроенія нѣмцевъ, онъ надѣялся найти болѣе безопасное убѣжище среди своихъ славянскихъ подданныхъ.

Депутаты правой также покинули Вѣну, а оставшееся радикальное меньшинство продолжало, какъ ни въ чемъ не бывало, засѣданія, противъ чего протестовали депутаты большинства, преимущественно чехи, собравшіеся въ Прагѣ. Вѣна фактически была въ рукахъ революціенеровъ.

Разгромъ вѣнской революціи

Изъ Ольмюца императоръ издалъ манифестъ, призывавшій всѣхъ вѣрноподданныхъ къ борьбѣ съ вѣнскими революціонерами и назначилъ князя Виндишгреца, усмирителя Праги, главнокомандующимъ всѣхъ австрійскихъ войскъ, за исключеніемъ итальянской арміи, и поручилъ ему возстановить порядокъ въ Вѣнѣ. Вѣнскіе революціонеры рѣшили оказать сопротивленіе, разсчитывая на обѣщанную венграми вооруженную помощь. Но послѣдняя явилась поздно, въ то время какъ Вѣна была окружена арміей Виндишгреца и подоспѣвшими съ востока хорватами подъ командой Елачича. Венгерская армія была обращена въ бѣгство, не смотря на помощь, которую оказали ей революціонеры, сдѣлавшіе вылазку изъ города. Вѣна подверглась артиллерійскому огню и была принуждена сдаться на милость побѣдителя. Вожаки возстанія подверглись безпощадной расправѣ; они были разстрѣляны по приговору военнаго суда. Въ числѣ ихъ подвергся смертной казни и одинъ изъ депутатовъ, присланныхъ въ Вѣну франкфуртскимъ парламентомъ для поддержки въ ней революціоннаго движенія (31 октября 1848 г.).

Успѣхъ венгерскаго возстанія.

Подавленіе вѣнской революціи дало возможность правительству покончить и съ венгерскимъ возстаніемъ. Эта задача была возложена на князя Виндишгреца, успѣвшаго себѣ создать репутацію энергичнаго усмирителя. Однако походъ Виндишгреца въ Венгрію окончился неудачей. Венгры проявили необычайную энергію. Въ виду возможной сдачи Пешта, они перенесли резиденцію Сейма и правительства въ защищенный непроходимыми болотами Дебречинъ (январь 1849 г.). Первоначально венгры лишь оборонялись, но когда вскорѣ послѣ того хорваты, недовольные новой конституціей (4 марта 1849 г.), отказались отъ дальнѣйшей войны съ венграми, послѣдніе перешли въ наступленіе и заставили отступить Виндишгреца. Венгерскій сеймъ провозгласилъ Венгрію независимой республикой и избралъ въ президенты Кошута.

Венгрія, казалось, была окончательно потеряна для габсбургской монархіи. По крайней мѣрѣ, австрійское правительство само признало свое безсиліе справиться съ отложившейся Венгріей собственными силами. Императоръ Францъ-Іосифъ, преемникъ своего дяди Фердинанда I, отрекшагося отъ престола въ началѣ декабря 1848 года, обратился къ императору Николаю I съ просьбой о помощи „противъ европейской революціонной партіи“. Николай I, смотрѣвшій на революціонныя движенія этого времени, какъ на общеевропейскую опасность, угрожавшую и Россіи, въ особенности въ виду тѣхъ симпатій, которыя выказывали поляки къ венгерскому возстанію, съ большою готовностью отозвался на просьбу австрійскаго императора. Въ іюнѣ 1849 года генералъ Паскевичъ, во главѣ 80.000 русской арміи, вступилъ въ Венгрію. Два мѣсяца спустя главныя венгерскія силы, подъ предводительствомъ Гёргея, въ количествѣ около 25.000, были разбиты Паскевичемъ при Вилагошѣ и сдались русскимъ (13 августа 1849 г.). Послѣ русской побѣды началась австрійская расправа съ побѣжденными. По приговору австрійскихъ военныхъ судовъ, всѣ попавшіе въ ихъ руки венгерскіе офицеры и вожди возстанія были разстрѣляны, въ томъ числѣ первый министръ Венгріи. Многіе спаслись бѣгствомъ за границу, въ томъ числѣ Кошутъ, скрывшійся въ Турцію. Какъ возставшая и покоренная оружіемъ, Венгрія потеряла свою конституцію, а съ нею и послѣдніе слѣды своей былой автономіи. Національный Сеймъ пересталъ существовать, были отмѣнены даже областные сеймы „комитатовъ“ (воеводствъ). Управленіе страной было отдано въ руки австрійскихъ чиновниковъ, нѣмцевъ и чеховъ, дѣйствовавшихъ по указаніямъ изъ Вѣны. Возстаніе во имя національной самостоятельности окончилось для Венгріи политическимъ и національнымъ порабощеніемъ, какого она еще не испытывала.

Подавленіе венгерскаго возстанія и ликвидація революціоннаго движенія въ Австріи.

Подавленіе венгерскаго возстанія отразилось и на внутренней политической эволюціи Австріи: оно завершило реставрацію габсбургскаго абсолютизма, начавшуюся послѣ подавленія вѣнской революціи.

Послѣ взятія Вѣны войсками Виндишгреца, революція была раздавлена въ Австріи, революціонныя партіи были разгромлены и стушевались. Учредительное собраніе, по совѣту чеховъ, было перенесено въ моравскій городокъ Кромержъ (Кремзиръ). Въ началѣ марта 1849 г. оно занялось обсужденіемъ представленнаго избранною имъ комиссіею проекта конституціи. Но прави-

тельство, которое находило проектъ слишкомъ либеральнымъ, предложило собранію, съ которымъ не считало болѣе нужнымъ церемониться, свой собственный проектъ. А когда обнаружилось, что къ нему отнеслось отрицательно даже поддерживавшее министерство правое большинство, собраніе было объявлено распущеннымъ, „въ виду противорѣчія, въ какое оно стало съ дѣйствительными условіями монархіи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ была опубликована „пожалованная“ императоромъ конституція для всей имперіи, датированная 4 марта 1849 года. Она признавала равноправіе всѣхъ національностей имперіи и устанавливала для каждой свой мѣстный сеймъ съ отвѣтственными министрами.

Но эта конституція, которая, дѣйствительно, давала удовлетвореніе стремленіямъ умѣренныхъ либераловъ и націоналистовъ отдѣльныхъ областей, не получила практическаго примѣненія. Австрійское правительство было слишкомъ поглощено борьбой съ венгерскимъ возстаніемъ, а послѣ его подавленія вовсе забыло о конституціи и вспомнило о ней нѣкоторое время спустя лишь затѣмъ, чтобы подвергнуть ее пересмотру съ точки зрѣнія ея соотвѣтствія „благу государства“. Пересмотръ былъ произведенъ самимъ правительствомъ, и результатомъ его былъ императорскій указъ 31 декабря 1851 года, которымъ конституція 4 марта 1849 года отмѣнялась, какъ несовмѣстимая съ „единствомъ имперіи и монархическимъ началомъ“.

Австрійская революція закончилась, такимъ образомъ, реставраціей бюрократическаго абсолютизма, при томъ—въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ прежде. Ожесточенная борьба, которую ему пришлось выдержать, придала ему боевой характеръ и лишила его тѣхъ чертъ благодушнаго попустительства, которымъ онъ не былъ чуждъ въ эпоху Меттерниха. Кромѣ того, въ реставрированномъ австрійскомъ абсолютизмѣ, вслѣдствіе выдержанной имъ борьбы съ національно-сепаратистскими стремленіями разноплеменныхъ территорій, съ особенною силою пробудились централизаторскія и германизаторскія тенденціи.

Національно-объединительное движеніе въ Германіи.

Объ руку съ либеральнымъ движеніемъ въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи, во имя политической свободы, шло движеніе національное, во имя политическаго объединенія всѣхъ разъединенныхъ частей германской націи.

Особенно усиливается эта національно-патріотическая струя съ начала сороковыхъ годовъ. Толчкомъ къ усиленію этого теченія въ германскомъ обществѣ послужили воинственныя манифестаціи во Франціи противъ Европы и въ частности противъ Германіи, по поводу дипломатическаго столкновенія Франціи съ державами на почвѣ восточнаго вопроса въ 1840 году, когда четыре великія державы, Англія, Россія, Австрія и Пруссія, вступили въ союзъ для поддержанія султана противъ непокорнаго хедива египетскаго Мехмеда-Али, которому покровительствовала Франція, при чемъ Англія поддержала свое дипломатическое вмѣшательство посылкой эскадры противъ Мехмеда-Али. Этотъ конфликтъ съ Европой вызвалъ сильное возбужденіе во Франціи. Въ Парижѣ распѣвали по улицамъ Марсельезу и выкрикивали враждебные возгласы по отношенію къ державамъ и въ частности—по отношенію къ Германіи, у которой французы грозили снова отобрать лѣвый берегъ Рейна. Французское правительство, во главѣ котораго въ то время стоялъ Тьеръ, тоже приняло воинственную позу. Оно отозвало изъ отпуска солдатъ и приступило къ укрѣпленію Парижа. Въ составленной Тьеромъ тронной рѣчи въ палатѣ говорилось о возможности войны и заявлялось требованіе чрезвычайнаго кредита на мобилизацію полумилліонной арміи. Это демонстративное бряцаніе оружіемъ во Франціи и воинственное киваніе французскихъ шовинистовъ въ сторону Рейна вызвало въ Германіи единодушное негодованіе и небывалый еще по высотѣ національно-патріотическій подъемъ. Настроеніе это вылилось, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ патріотическихъ пѣсенъ, изъ которыхъ наибольшую популярность пріобрѣла пѣсня подъ заглавіемъ Нѣмецкій Рейнъ, гдѣ въ отвѣтъ на шедшія съ того берега угрозы заявлялось: „Нѣтъ, не владѣть имъ вольнымъ нѣмецкимъ Рейномъ“. Другая вызванная къ жизни этимъ движеніемъ пѣсня, Стража на Рейнѣ (Wacht am Rhein), сдѣлалась позднѣе, именно со времени войны 1870 года, національнымъ гимномъ объединенной Германіи.

Патріотическое движеніе, охватившее германское общество, захватило въ свой потокъ и нѣкоторыхъ изъ германскихъ князей и правительствъ. Авторъ „Нѣмецкаго Рейна“ получилъ почетный подарокъ отъ Баварскаго короля и пенсію отъ короля Прусскаго. Была открыта общегерманская національная подписка для окончанія сооруженія Кёльнскаго собора. Начало работъ было открыто въ 1842 году съ большимъ торжествомъ, носившимъ характеръ общенѣмецкаго національнаго праздника. Въ присутствіи много-

Германія, какъ «общее отечество».

численныхъ нѣмецкихъ государей король Вюртембергскій произнесъ тостъ за Германію, какъ „общее отечество".

Оживленіе національстскихъ стремленій нашло себѣ яркое отраженіе въ литературѣ и наукѣ,—въ томъ интересѣ, который стало вызывать къ себѣ національное прошлое, національное искусство, поэзія, словомъ—всѣ культурныя проявленія національнаго духа. Это новое теченіе въ умственной жизни Германіи нашло себѣ конкретное выраженіе въ организованномъ профессорами германскихъ университетовъ ученомъ „конгрессѣ германистовъ" во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ 1846 году. По характеру своему и по господствующему на конгрессѣ настроенію, это былъ не только и даже, быть можетъ, не столько съѣздъ ученыхъ, сколько собраніе германскихъ патріотовъ. На ряду съ вопросами историческими и филологическими, здѣсь говорили о желательномъ объединеніи Германіи, объ общегерманскомъ парламентѣ и т. п. Въ слѣдующемъ году однимъ изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ историковъ, Гервинусомъ (1805 –1871 г.), была основана въ Гейдельбергѣ Нѣмецкая Газета (Deutsche Zeitung), долженствовавшая служить органомъ либерально-національстскихъ стремленій германскаго общества. Различные политическіе съѣзды занимались уже разработкой проектовъ политическаго объединенія Германіи. Проектировали созданіе общегерманскаго парламента на мѣсто Союзнаго Сейма; другіе предлагали сохранить послѣдній, поставивъ рядомъ съ нимъ народное представительство, учредить національную гвардію и т. п.

Отголосокъ февральской революціи въ Германіи и Франкфуртскій парламентъ.

Разразившаяся во Франціи февральская революція вывила начавшееся національно-объединительное движеніе изъ его первоначальной мирной колеи и сообщила ему революціонный характеръ. Успѣхъ революціи во Франціи приподнялъ настроеніе либерально-оппозиціонныхъ элементовъ въ Германіи. Игнорируя существующія запрещенія, либералы стали устраивать явочнымъ порядкомъ шумные митинги, на которыхъ громко заявлялись требованія разныхъ свободъ. Мѣстныя правительства потеряли голову, и приверженцы объединенія Германіи воспользовались этой растерянностью, для того чтобы приступить, не теряя времени, къ осуществленію своихъ давнишнихъ стремленій. Нѣсколько десятковъ ихъ съѣхались, въ первыхъ числахъ марта 1848 года, въ Гейдельбергѣ и постановили созвать немедленно „Предварительный парламентъ" (Vorparlament) во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, изъ всѣхъ наличныхъ или бывшихъ депутатовъ мѣстныхъ германскихъ сеймовъ, для выработки общегерманской конституціи. Составъ открывшагося во Франкфуртѣ 31 марта 1848

года Предварительнаго парламента имѣлъ довольно случайный характеръ. Въ немъ преобладали либеральные депутаты южныхъ княжествъ, Австрія же вовсе не была представлена. Отсутствіе какихъ бы то ни было легальныхъ полномочій отнюдь не мѣшало самозванному „парламенту“ принять цѣлый рядъ постановленій; они принимались безъ протестовъ, благодаря тому сочувствію, которымъ пользовалась въ широкихъ кругахъ населенія Германіи идея національнаго объединенія. Франкфуртскій парламентъ встрѣтилъ къ себѣ сочувственное отношеніе даже со стороны оффиціальнаго Союзнаго Сейма, большинство котораго принадлежало къ сторонникамъ объединенія. Парламентъ вотировалъ созывъ общегерманскаго Учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго избирательнаго права, для выработки общегерманской конституціи. Кромѣ областей, входившихъ въ составъ Германскаго союза, къ участію въ выборахъ приглашались Пруссія съ нѣмецкой частью Познани, Шлезвигъ, а также Чехія, но послѣдняя, какъ мы видѣли, отказалась отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, объявивъ себя устами Палацкаго славянской націей, которой нечего дѣлать въ нѣмецкомъ объединеніи.

Дѣлу, которое взялъ на себя франкфуртскій парламентъ, много повредили нѣмецкіе радикалы, которые думали использовать начавшееся національно-освободительное движеніе для провозглашенія республики. Они мечтали о превращеніи Германіи въ республиканскую федерацію по образцу Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Среди радикаловъ намѣчалось, какъ и во Франціи, соціалистское теченіе, ставившее себѣ задачей дополнить политическій переворотъ перестройкой соціальныхъ отношеній, въ видахъ „устраненія бѣдственнаго состоянія рабочаго класса“ и „улаженія дурныхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ“ Раздраженные умѣренностью большинства парламента, въ которомъ радикально-соціалистскіе элементы составляли лишь незначительное меньшинство, вожаки республиканцевъ думали осуществить свои мечты путемъ возстанія на парижскій ладъ. Имъ, дѣйствительно, удалось, при содѣйствіи французскихъ соціалистовъ и польскихъ эмигрантовъ, вызвать незначительныя вспышки въ сосѣднихъ съ Франціей областяхъ, но они ошиблись въ своихъ разсчетахъ на сочувствіе ихъ планамъ со стороны широкихъ массъ населенія. Подавленныя безъ труда эти „игрушечныя возстанія“, какъ о нихъ отзывались наиболѣе благоразумные изъ числа самихъ радикаловъ, лишь отпугнули болѣе умѣренные элементы отъ національно-освободительнаго

движенія и тѣмъ сослужили службу подготовлявшейся реакціи. Въ маѣ 1848 года собралось во Франкфуртѣ общегерманское Учредительное Національное Собраніе (Konstituirende Nationalversammlung), состоявшее приблизительно изъ 600 депутатовъ. Засѣданія его были бурны и шумны, но довольно хаотичны и безрезультатны. Почти каждый депутатъ смотрѣлъ на себя, какъ на призваннаго реформатора и спасителя отечества, и имѣлъ въ карманѣ готовый проектъ конституціи, которая должна была облагодѣтельствовать Германію. Много времени терялось на безплодныя теоретическія разсужденія, на длинныя рѣчи, къ которымъ выказывали особенную склонность профессора, прошедшіе въ большомъ количествѣ въ Учредительное собраніе. Хаотичность преній, обусловливавшаяся отсутствіемъ у депутатовъ навыка къ дебатамъ въ многолюдныхъ собраніяхъ, а также отсутствіемъ организованныхъ партій, подчеркивалась еще совершенной неопытностью предсѣдателя. Онъ самъ постоянно вмѣшивался въ пренія и не принималъ никакихъ мѣръ противъ шумнаго вмѣшательства въ нихъ посторонней публики, которая своими аплодисментами и криками одобренія по адресу однихъ ораторовъ, шиканьемъ и враждебными возгласами по адресу другихъ вносила лишній элементъ анархіи и страстности въ дебаты. Прежде чѣмъ приступить къ своему главному дѣлу—выработкѣ общегерманской конституціи, франкфуртскій парламентъ (какъ обыкновенно стали называть Учредительное собраніе) занялся организаціей временнаго общегерманскаго правительства, въ виду того, что Союзный Сеймъ утратилъ всякій авторитетъ. Было представлено нѣсколько проектовъ, но всѣ они были забракованы. Республиканцы еще разъ потерпѣли неудачу съ своимъ проектомъ, такъ какъ подавляющее большинство парламента состояло изъ приверженцевъ объединенія Германіи на почвѣ конституціонной монархіи и слышать не хотѣло о республикѣ. Въ числѣ отвергнутыхъ былъ и проектъ прусскихъ депутатовъ, предложившихъ передать временно правительственную власть въ Германіи Прусскому королю. Либеральному большинству собранія это предложеніе показалось настолько несерьезнымъ, что его встрѣтили громкимъ смѣхомъ и даже не подвергали обсужденію. Наконецъ, послѣ шестидневныхъ страстныхъ дебатовъ, большинство собранія присоединилось къ предложенію предсѣдателя Гагерна и избрало на должность временнаго „правителя имперіи“ эрцгерцога Іоганна, брата покойнаго императора Франца I. Сеймъ былъ объявленъ распущеннымъ. Эрцгерцогъ вступилъ въ управленіе „имперіей“ въ качествѣ конституціоннаго го-

Временное общегерманское правительство.

сударя и назначилъ себѣ имперское министерство изъ шести человѣкъ. Но на первыхъ же порахъ не замедлило обнаружиться противорѣчіе между притязаніями общегерманскаго парламента и созданнаго имъ временнаго правительства—съ одной стороны и реальными средствами, которыя были въ ихъ распоряженіи—съ другой. Многіе государи отказались признать новое „имперское“ правительство и игнорировали его распоряженія. Съ другой стороны, республиканцы, недовольные парламентомъ, сдѣлали попытку поднять возстаніе противъ него и временнаго правительства, съ тѣмъ чтобы распустить парламентъ, провозгласить республику и создать новое учредительное собраніе, съ болѣе радикальнымъ составомъ. Возстаніе это еще разъ обнаружило всю близорукость нѣмецкихъ радикаловъ и все равнодушіе населенія къ ихъ стремленіямъ. Оно было безъ труда подавлено подоспѣвшими прусскими и австрійскими войсками и лишь усилило умѣренные и реакціонные элементы въ парламентѣ, въ особенности послѣ того, какъ двое изъ депутатовъ правой были убиты во время вызванныхъ радикалами безпорядковъ.

Вопросъ объ организаціи объединенной Германіи.

Вслѣдъ затѣмъ парламентъ приступилъ къ главной своей задачѣ—организаціи объединенной Германіи. Здѣсь еще разъ пригодилась бельгійская конституція, въ которой либеральное большинство франкфуртскаго парламента нашло готовую формулу для своихъ политическихъ идеаловъ; она была положена въ основаніе проекта германской конституціи.

Но бельгійская конституція не заключала въ себѣ никакихъ готовыхъ рѣшеній для другихъ болѣе конкретныхъ вопросовъ, которые выдвигались германской дѣйствительностью, и здѣсь парламентъ встрѣтился съ цѣлымъ рядомъ почти неразрѣшимыхъ затрудненій. Наиболѣе трудными и сложными оказались вопросы о территоріальномъ составѣ „имперіи“ и о лицѣ императора.

Соперничество Австріи и Пруссіи.

Что касается перваго, то въ принципѣ было рѣшено, что въ составъ имперіи войдутъ лишь нѣмецкія земли (октябрь 1848 г.). Но такимъ рѣшеніемъ не были довольны два самыхъ крупныхъ германскихъ государства, Австрія и Пруссія, изъ которыхъ послѣдняя имѣла въ своемъ составѣ польскую провинцію Познань, а первая—въ большей своей части состояла изъ ряда разноплеменныхъ не-нѣмецкихъ областей. Австрія въ особенности не желала примириться съ раздѣленіемъ своей имперіи на двѣ части, изъ которыхъ одна меньшая принадлежала бы къ Германской имперіи, и настаивала на включеніи въ составъ послѣдней всѣхъ своихъ земель. Этотъ вопросъ раскололъ имперскій парламентъ,

Великая и Малая Германія.

какъ и всю Германію, на два лагеря: на приверженцевъ Великой Германіи, которые стояли за включеніе въ составъ Германской имперіи Австріи со всѣми ея нѣмецкими землями, и на приверженцевъ Малой Германіи, которые готовы были скорѣе примириться съ исключеніемъ Австріи изъ состава объединенной Германіи, чѣмъ цѣною присоединенія послѣдней допустить въ составъ Германіи не-нѣмецкія области.

Трудность рѣшенія этого вопроса усугублялась еще тѣмъ, что къ нему присоединился антагонизмъ между Австріей и Пруссіей, двумя наиболѣе сильными изъ германскихъ державъ, изъ которыхъ каждая стремилась къ гегемоніи надъ объединенной Германіей. За борьбой двухъ партій—велико-германской и мало-германской въ сущности скрывался вопросъ объ этой гегемоніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ рѣшенія вопроса о территоріальномъ составѣ имперіи въ смыслѣ велико-германской партіи, Австрійскій императоръ, какъ въ силу своего титула и традицій, связанныхъ съ старой Германской имперіей, такъ и въ силу обширности своей державы, являлся безспорнымъ кандидатомъ на престолъ объединенной Германіи. Въ случаѣ рѣшенія вопроса въ смыслѣ мало-германской партіи, то-есть съ устраненіемъ Австріи изъ состава объединенной Германіи, такимъ кандидатомъ являлся второй по своему значенію послѣ императора Австрійскаго среди германскихъ государей—король Прусскій. Такимъ образомъ за спиной велико-германской партіи стояла Австрія, за спиной мало-германской Пруссія. Послѣ долгихъ дебатовъ вопросъ былъ рѣшенъ парламентомъ, въ январѣ 1849 года, въ смыслѣ послѣдней партіи, хотя и незначительнымъ большинствомъ голосовъ (261 противъ 224).

Рѣшеніемъ этимъ предрѣшался, естественно, и вопросъ о личности императора объединенной Германіи. Въ концѣ марта парламентъ избралъ короля Прусскаго на престолъ объединенной Германіи, съ титуломъ „императора нѣмцевъ“ (28 марта 1849 г.).

«Конституція Германской имперіи».

Этимъ закончилась учредительная работа парламента, вылившаяся въ формѣ „конституціи Германской имперіи“. Но этой конституціи не суждено было получить практическаго примѣненія. Въ этомъ случаѣ снова обнаружилось несоотвѣтствіе между принятой на себя парламентомъ задачей и средствами, которыми онъ располагалъ для ея осуществленія. У парламента и у назначеннаго имъ временнаго правительства не было въ распоряженіи никакихъ принудительныхъ средствъ, и слѣдовательно осуществленіе вотированной имъ конституціи находилось

въ полной зависимости отъ согласія и доброй воли отдѣльныхъ германскихъ государей. Между тѣмъ четыре наиболѣе могущественныхъ государя (оставляя въ сторонѣ Австрію и Пруссію), именно короли Баварскій, Вюртембергскій, Саксонскій и Ганноверскій, отказались признать ее; въ качествѣ королей, они считали себя равными съ Прусскимъ королемъ и не имѣли никакого желанія стать подъ его ферулу. Австрія, недовольная послѣдними рѣшеніями парламента, отказалась дальше его признавать и отозвала своихъ депутатовъ. Но самый сильный ударъ пришлось получить парламенту отъ Прусскаго короля, который заявилъ, что приметъ императорскую корону лишь изъ рукъ „равныхъ себѣ“ государей, а не отъ собранія подданныхъ.

Послѣ этого парламенту оставалось либо покориться судьбѣ и поставить крестъ надъ своимъ дѣломъ, либо попытаться осуществить выработанную конституцію вопреки правительствамъ, другими словами — революціоннымъ путемъ. Поставленные передъ такой дилеммой, болѣе умѣренные депутаты оставили парламентъ, послѣ чего въ немъ возобладали радикалы и республиканцы, рѣшившіе идти напроломъ. Обратившись ко всѣмъ правительствамъ и германскому народу съ призывомъ къ осуществленію конституціи, парламентъ объявилъ о созывѣ перваго общегерманскаго рейхстага на основаніи выработаннаго имъ избирательнаго закона, то-есть на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Послѣ этого постановленія, принятаго лишь большинствомъ двухъ голосовъ, часть меньшинства, не желавшая вступать на революціонный путь, устранилась, предоставивъ тѣмъ парламентъ въ полное распоряженіе крайнихъ элементовъ.

«Майская революція» 1848 г.

Большинство, голосами котораго прошло постановленіе 4 мая 1849 года о революціонномъ проведеніи конституціи, было республиканское. Для него была важна не конституція, которая была принята прежнимъ монархическимъ большинствомъ вопреки республиканцамъ, а благопріятный поводъ для дальнѣйшей революціонной агитаціи. Во имя борьбы за объединеніе и конституцію республиканцы надѣялись вызвать революціонное движеніе въ широкихъ массахъ, съ тѣмъ чтобы потомъ направить его въ давно ими подготовлявшееся русло. Республиканскимъ агитаторамъ, дѣйствительно, удалось вызвать цѣлый рядъ революціонныхъ вспышекъ въ разныхъ частяхъ Германіи, тѣмъ болѣе, что они умѣли, гдѣ нужно, прикрыть свой республиканскій флагъ болѣе популярнымъ знаменемъ германскаго единства. Но все-таки надежда агитаторовъ втянуть въ революціонное движеніе

народныя массы и войска не оправдалась. „Майская революція“, при всей своей шумливости и при всемъ своемъ задорѣ, имѣла довольно мелкотравчатый и эфемерный характеръ. Безъ баррикадъ, конечно, дѣло не обошлось; агитаторамъ удалось даже сформировать нѣсколько революціонныхъ дружинъ и мѣстами увлечь въ движеніе часть войскъ, но они не встрѣтили себѣ поддержки въ широкихъ слояхъ населенія, а войска въ большей своей части остались вѣрными законнымъ властямъ и добросовѣстно подавляли бунтъ. Среди вожаковъ революціоннаго движенія было много эмигрантовъ; такъ русскій эмигрантъ Бакунинъ, пріобрѣвшій себѣ впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ одного изъ родоначальниковъ новѣйшаго анархизма, былъ однимъ изъ руководителей „майской революціи“ въ Дрезденѣ. Болѣе серьезный характеръ майское движеніе получило лишь въ Баденѣ и Пфальцѣ, гдѣ революціонерамъ удалось привлечь на свою сторону значительную часть войскъ. Но и здѣсь революція быстро была подавлена явившимися на выручку мѣстнымъ правительствамъ прусскими войсками. Къ іюню 1849 г. возстаніе было уже всюду потушено, руководители его либо бѣжали за границу, либо попали въ руки властей и были частью казнены, частью разсажены по тюрьмамъ. Организованное радикально-республиканской партіей революціонное движеніе закончилось полнымъ разгромомъ самой партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ потерпѣла окончательное крушеніе и попытка объединенія Германіи. Остатки франкфуртскаго парламента, всего около ста человѣкъ, почти исключительно радикальные депутаты юга, принуждены были искать себѣ болѣе подходящей обстановки для своей дѣятельности; въ первыхъ числахъ іюня они перенесли свою резиденцію въ Штутгартъ, но вскорѣ были разогнаны вюртембергскимъ правительствомъ. Такъ кончилъ свое бурное существованіе первый общегерманскій парламентъ.

Конецъ франкфуртскаго парламента.

Тѣмъ временемъ Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, всего больше содѣйствовавшій крушенію франкфуртскаго парламента и его дѣла, хотѣлъ использовать въ своихъ интересахъ оживившееся въ Германіи стремленіе къ національному объединенію. Затруднительное положеніе Австріи, занятой борьбой съ возстаніями въ Италіи и Венгріи, развязывало руки Прусскому королю. Онъ предложилъ германскимъ государямъ составить федерацію во главѣ съ Пруссіей, послѣ чего съ Австріей будетъ заключенъ особый, менѣе тѣсный союзъ. Къ проекту Прусскаго короля примкнули 17 германскихъ государей, въ томъ числѣ короли Саксонскій и Ганно-

Виды Пруссіи.

верскій. Эта попытка встрѣтила сочувствіе въ болѣе умѣренныхъ кругахъ сторонниковъ объединенія. Часть депутатовъ центра франкфуртскаго парламента, въ числѣ до 150 человѣкъ, съѣхались въ Готѣ, съ тѣмъ чтобы оказать содѣйствіе прусскому проекту. Но послѣдній встрѣчалъ также и сильную оппозицію, съ одной стороны—въ болѣе либеральныхъ кругахъ, съ другой—со стороны Австріи и тяготѣвшихъ къ ней государей, къ числу которыхъ принадлежали короли Баварскій и Вюртембергскій. Послѣдніе наотрѣзъ отказались присоединиться къ прусскому проекту. Искать опоры въ новомъ общегерманскомъ парламентѣ король не хотѣлъ, въ надеждѣ достигнуть цѣли путемъ соглашенія съ правительствами. Тѣмъ временемъ Австрія, покончивъ съ возстаніемъ въ Италіи и Венгріи, приняла болѣе активное участіе въ германскихъ дѣлахъ, съ тѣмъ чтобы разрушить прусскіе планы, что̀ ей и удалось безъ особенныхъ усилій. Вслѣдъ за королями Баварскимъ и Вюртембергскимъ отъ участія въ союзѣ подъ прусской гегемоніей отказались и другіе два короля—Саксонскій и Ганноверскій. Тогда Прусскій король сдѣлалъ попытку организовать „унію“ изъ остальныхъ, то-есть второстепенныхъ германскихъ княжествъ. Выбранные послѣдними депутаты съѣхались, въ январѣ 1850 года, въ Эрфуртѣ. Эрфуртскій парламентъ, состоявшій въ большинствѣ изъ приверженцевъ новаго прусскаго проекта, принялъ представленный королемъ проектъ „конституціи“. „Унія“, организованная не только безъ всякаго участія Австріи, но и въ противовѣсъ ей, естественно, встрѣтила къ себѣ безусловно враждебное отношеніе со стороны австрійскаго правительства, которое находило себѣ поддержку въ великогерманской партіи. Приверженцы послѣдней, въ противовѣсъ прусской „уніи“, выдвинули свой проектъ организаціи объединенной Германіи. По этому проекту, общегерманскій парламентъ долженъ былъ состоять изъ трехъ численно одинаковыхъ группъ депутатовъ: 1) отъ Австріи, 2) отъ Пруссіи и 3) отъ остальныхъ германскихъ государствъ. Но этотъ проектъ разбился о сопротивленіе Пруссіи. Тогда Австрія, опираясь на нѣкоторыя изъ германскихъ правительствъ, рѣшила возстановить прежній Союзный Сеймъ, для чего Австрійскимъ императоромъ было созвано въ Франкфуртѣ совѣщаніе изъ представителей германскихъ государствъ. Но Пруссія отказалась отъ участія въ этомъ совѣщаніи и созвала въ Берлинѣ конгрессъ представителей вошедшихъ въ составъ „уніи“ княжествъ. Такимъ образомъ, Германія раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, сгруппировавшіеся вокругъ двухъ соперничавшихъ державъ, Австріи и Пруссіи. Въ основѣ

Прусская «унія» и Эрфуртскій парламентъ.

этого раздвоенія лежалъ также и антагонизмъ, раздѣлявшій приверженцевъ германскаго объединенія на двѣ партіи: велико- и мало-германскую, изъ которыхъ первая, какъ мы видѣли, опиралась на Австрію, вторая на Пруссію.

Однако, перевѣсъ съ самаго начала былъ въ пользу Австріи, на сторону которой стали всѣ четыре германскихъ королевства, кромѣ Пруссіи. Примкнувшія къ послѣдней второстепенныя государства также одно за другимъ стали переходить въ противоположный лагерь, посылая своихъ представителей во Франкфуртъ и отзывая ихъ изъ Берлина. Добившись дезорганизаціи „уніи", Австрія потребовала формальнаго уничтоженія послѣдней. Пруссія была поставлена передъ дилеммой—или подчиниться требованію Австріи, или вступать съ ней въ открытую борьбу оружіемъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Прусскій король уступилъ. „Унія" была объявлена расторгнутой (ноябрь 1850 г.). Престижу Пруссіи въ Германіи былъ нанесенъ тяжелый ударъ. Австрія снова заняла господствующее положеніе въ Германскомъ союзѣ въ качествѣ предсѣдательницы возстановленнаго во Франкфуртѣ Сейма. Собравшійся въ маѣ во Франкфуртѣ Сеймъ объявилъ конституцію, выработанную франкфуртскимъ парламентомъ, отмѣненной и, сверхъ того, подвергъ пересмотру и исправленію конституціи отдѣльныхъ княжествъ, съ цѣлью устраненія изъ нихъ „революціонныхъ" элементовъ (всеобщаго голосованія, свободы прессы, собраній и проч.). Такимъ образомъ, и для Германскаго союза начавшееся подъ вліяніемъ февральской революціи движеніе закончилось полнымъ торжествомъ реакціи. Крушеніе попытокъ національнаго объединенія Германіи на началахъ конституціонализма означало не только торжество реакціи надъ освободительными стремленіями, но и побѣду Австріи надъ Пруссіей. При посредствѣ возстановленнаго Союзнаго Сейма Австрія снова получила возможность вліять на внутреннія дѣла отдѣльныхъ германскихъ княжествъ въ смыслѣ возстановленія старыхъ, „до-мартовскихъ" порядковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ парализовать вліяніе Пруссіи въ сѣверной Германіи.

Конецъ «уніи» и торжество Австріи надъ Пруссіей.

Италія.

Наконецъ, февральская революція, а затѣмъ и вызванныя ею революціонныя движенія въ Германіи и Австріи, отразились также на Италіи, хотя революціонное движеніе тамъ началось независимо отъ февральской революціи и даже нѣсколько раньше послѣдней.

Либерально-патріотическое движеніе въ Италіи.

Въ Италіи еще въ большей степени, чѣмъ въ Германіи, движеніе носило національстскій характеръ, что̀ и понятно, въ виду того, что Италія страдала не только отъ политическаго разъединенія, но и въ значительной своей части отъ иноземнаго владычества. Въ итальянскомъ революціонномъ движеніи переплетались три различныя струи. Это было, во-первыхъ, движеніе либеральное—противъ абсолютизма во имя политической свободы; во-вторыхъ, движеніе патріотическое—противъ иноземнаго владычества во имя національной независимости; наконецъ, движеніе національное—противъ политическаго разъединенія во имя національно-политическаго единства. Но всѣ эти струи сливались въ дѣйствительности въ одно національно-освободительное движеніе. Правда, относительно средствъ къ осуществленію національно-освободительныхъ стремленій господствовали самыя различныя представленія, равно какъ и относительно той формы, въ какую должна была вылиться освобожденная и объединенная Италія. Одни считали возможнымъ осуществить свои идеалы мирными средствами, другіе — насильственнымъ путемъ. Многіе итальянскіе патріоты, соединявшіе національно-освободительныя стремленія съ религіознымъ одушевленіемъ и католическимъ піететомъ, съ надеждой взирали на папу, мечтая видѣть въ немъ главу объединенной Италіи, искони призванной Провидѣніемъ быть центромъ всего міра. Таковъ былъ, напримѣръ, священникъ Джоберти (Gioberti, 1801—1852), написавшій въ 1843 году книгу подъ заглавіемъ „О нравственномъ и гражданскомъ первенствѣ итальянцевъ“. Эта книга, получившая огромную популярность въ Италіи и вызвавшая оживленіе интереса къ затронутымъ въ ней вопросамъ о политическомъ возрожденіи Италіи, послужила исходной точкой цѣлаго литературнаго движенія, получившаго названіе Risorgimento, „воскресеніе“. Но люди съ болѣе практическимъ складомъ ума возлагали свои надежды на Сардинскаго короля, Карла-Альберта (1831—1849 г.), какъ на главнаго поборника итальянской независимости противъ иноземнаго (австрійскаго) натиска. И главнымъ центромъ національно-освободительнаго движенія былъ, именно, Пьемонтъ, то-есть континентальная часть Сардинскаго королевства. Отсюда же вышли всѣ главные дѣятели итальянскаго освобожденія.

Risorgimento.

Болѣе умѣренные считали возможнымъ достигнуть объединенія Италіи съ сохраненіемъ существующихъ итальянскихъ государствъ, которыя составятъ обще-итальянскую федерацію, по примѣру Германскаго союза. Но были среди сторонниковъ итальянскаго объеди-

ненія и революціонно настроенные республиканцы, которые надѣялись путемъ насильственнаго переворота осуществить свой идеалъ объединенной Италіи въ формѣ демократической республики. Это были наиболѣе горячія головы, группировавшіяся вокругъ генуэзскаго адвоката Мадзини (Mazzini, 1808—1872 г.). По иниціативѣ послѣдняго, они организовали въ 1831 году тайное общество подъ названіемъ Молодая Италія, потому что оно состояло почти исключительно изъ молодежи; люди въ возрастѣ 40 и болѣе лѣтъ въ него даже совсѣмъ не допускались.

Мадзини.

Въ своей молодой экспансивности „мадзинисты“ не хотѣли ограничить своей политической дѣятельности одной Италіей, но стремились осчастливить и другія страны, распространивши и на нихъ блага демократической республики. Вслѣдъ за Молодой Италіей была поэтому основана Молодая Европа, ставившая своею задачею освобожденіе всѣхъ европейскихъ народовъ отъ ига монархическаго режима и насажденіе повсюду демократической республики, съ тѣмъ чтобы въ концѣ концовъ объединить всю Европу въ формѣ федераціи братскихъ демократическихъ республикъ. Для осуществленія намѣченной цѣли, въ различныхъ странахъ были учреждены отдѣлы Молодой Европы, подъ соотвѣтствующими названіями: Молодая Германія, Молодая Польша, Молодая Франція, Молодая Испанія и даже Молодая Швейцарія (швейцарская республика не удовлетворяла мадзинистскимъ идеаламъ демократической республики).

Происшедшая въ 1846 году перемѣна на папскомъ престолѣ чрезвычайно оживила надежды тѣхъ изъ итальянскихъ патріотовъ, которые связывали съ папствомъ свои мечты объ объединеніи Италіи. Выбранный въ этомъ году въ преемники умершему Григорію XVI Пій IX (1846—1878) сдѣлался сразу необычайно популярнымъ во всей Италіи благодаря тому, что его кандидатурѣ противодѣйствовала Австрія, желавшая провести на папскій престолъ своего кандидата. Итальянскіе патріоты готовы были видѣть въ немъ своего вождя. Сочиненная въ честь Пія IX ода сдѣлалась какъ бы національнымъ гимномъ Италіи. Даже многіе члены Молодой Италіи, разочарованные въ своихъ надеждахъ добиться объединенія Италіи при помощи заговоровъ и возстаній, поддались общему увлеченію; самъ Мадзини написалъ папѣ посланіе съ призывомъ стать во главѣ національнаго движенія. Пій IX, дѣйствительно, ввелъ нѣкоторыя либеральныя реформы въ своихъ владѣніяхъ и смягчилъ нѣкоторыя рѣзкости традиціоннаго абсолютистскаго режима, приверженцемъ котораго былъ его предшественникъ; но все это было, ра-

Пій IX.

зумѣется, далеко отъ тѣхъ преувеличенныхъ ожиданій, которыя возлагались на новаго папу наиболѣе пылкими изъ итальянскихъ патріотовъ. И самъ Пій IX откровенно сознавалъ себя неспособнымъ къ той роли, которую ему хотѣли навязать послѣдніе. „Изъ меня хотятъ сдѣлать Наполеона, а я вѣдь въ сущности лишь убогій священникъ“, говорилъ онъ.

Карлъ-Альбертъ I.

Съ тѣхъ поръ взоры итальянскихъ патріотовъ обратились на Сардинскаго короля Карла-Альберта I (1831—1849). Послѣдній относился первое время довольно сдержанно къ національно-освободительному движенію, частью изъ несочувствія къ его либеральнымъ тенденціямъ, частью изъ страха передъ Австріей. Однако, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ рѣшилъ опереться на національно-патріотическое движеніе, чтобы стряхнуть съ себя австрійскую ферулу. Въ 1846 году у него возникли пререканія съ Австріей изъ-за таможеннаго тарифа. Карлъ-Альбертъ отказался удовлетворить притязанія Австріи и смѣло вступилъ съ нею въ таможенную войну. Это было неслыханною дерзостью съ точки зрѣнія Австріи. Послѣдняя, однако, не рѣшилась прибѣгнуть къ силѣ, въ виду энергичной поддержки, оказанной Сардинскому королю со стороны Англіи. А между тѣмъ, мужественный отпоръ, данный королемъ національному врагу Италіи, необычайно поднялъ престижъ Карла-Альберта во всей Италіи и вызвалъ цѣлый рядъ патріотическихъ и анти-австрійскихъ манифестацій, главнымъ образомъ въ сѣверной Италіи и, между прочимъ, въ принадлежащемъ Австріи Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ.

Возстаніе въ Ломбардіи и Венеціи.

Репрессіи, къ которымъ прибѣгло австрійское правительство, лишь подлили масла въ огонь и усилили броженіе. Патріоты Ломбардо-венеціанскаго королевства рѣшили бойкотировать австрійскіе финансы. Такъ какъ одной изъ главныхъ статей дохода австрійской казны была табачная монополія, то они постановили отказаться отъ куренія и добиваться того же отъ другихъ. Срокомъ для приведенія въ исполненіе рѣшенія было назначено 1 января 1848 года. На этой почвѣ разыгрались первые серьезные безпорядки, послужившіе поводомъ къ началу итальянскаго возстанія. Особенно серьезны были волненія въ Миланѣ, столицѣ Ломбардіи. Когда въ отвѣтъ на бойкотъ итальянцевъ австрійскіе солдаты и офицеры появились на улицахъ съ демонстративно закуренными сигарами, въ нихъ полетѣли камни. Произошла свалка; прискакавшіе драгуны разогнали толпу залпами, стоившими жизни многимъ итальянцамъ. Аналогичныя сцены имѣли мѣсто и во многихъ другихъ городахъ Ломбардіи и Венеціанской области. Этими кро-

вавыми сценами была подготовлена почва для возстанія. Достаточно было малѣйшаго толчка, чтобы произошелъ взрывъ. Такимъ толчкомъ послужили февральскія событія въ Парижѣ и мартовскія въ Вѣнѣ. Вызванныя этими событіями шумныя манифестаціи въ Миланѣ привели къ столкновенію между толпой манифестантовъ и австрійскими войсками. Пролитая кровь превратила безпорядки въ настоящее народное возстаніе, съ которымъ австрійскія войска не въ силахъ были справиться и, опасаясь быть отрѣзанными отъ родины поднявшимися всюду городами, отступили на сѣверъ, предоставивъ Ломбардію и Венеціанскую область въ полное распоряженіе инсургентовъ. Въ Ломбардіи образовалось временное правительство, приступившее немедленно къ организаціи національной арміи. Одновременно австрійцы нашли себя вынужденными очистить Венецію, гдѣ также образовалось временное правительство, которое провозгласило Венецію независимой республикой при восторженныхъ крикахъ толпы: „Да здравствуетъ св. Маркъ!“ Покровительствуемые Австріей герцоги Пармскій и Моденскій принуждены были спасаться бѣгствомъ отъ своихъ подданныхъ, послѣ того какъ охранявшіе ихъ австрійскіе гарнизоны отступили вслѣдъ за главными военными силами на сѣверъ.

Ломбардо-венеціанское возстаніе вызвало сильное возбужденіе въ остальной Италіи, въ особенности въ сосѣднемъ Пьемонтѣ. Мѣстные патріоты настаивали на немедленномъ вмѣшательствѣ для поддержки ломбардо-венеціанскаго возстанія и для окончательнаго освобожденія Италіи отъ иноземнаго ига. Одновременно въ Пьемонтѣ усилилось либеральное движеніе въ пользу конституціи; толчокъ къ этому движенію былъ данъ неаполитанской революціей, начало которой почти совпало съ разгромомъ ломбардо-венеціанскаго возстанія.

Революція въ Неаполѣ и Сициліи

Неаполитанская революція имѣла либерально-политическій характеръ, безъ примѣси какихъ-либо національно-объединительныхъ стремленій. Это былъ протестъ противъ абсолютизма во имя политической свободы и отчасти во имя мѣстной автономіи. Послѣднее относится къ о. Сициліи, которая первая подняла знамя революціи въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Послѣ неудачныхъ попытокъ добиться осуществленія своихъ стремленій путемъ петицій, сицилійскіе либералы-автономисти подняли 12 января 1848 года въ столицѣ Сициліи Палермо возстаніе, быстро распространившееся по всему острову. Неаполитанскія войска, послѣ безплодныхъ усилій подавить возстаніе, очистили Сицилію, оставивъ ее въ полное распоряженіе инсургентовъ. Послѣдніе немедленно организовали

временное правительство и заявили, что не сложатъ оружія, пока не будетъ возстановлена конституція 1812 года съ особымъ парламентомъ для Сициліи. Сицилійская революція вызвала сильное возбужденіе въ Неаполѣ. Мѣстные либеральные комитеты организовали шумныя манифестаціи. Изъ толпы, подошедшей ко дворцу, раздавались крики: „Да здравствуетъ король и конституція!“ Король Фердинандъ II (1830—1859 г.), увѣдомленный о ненадежности арміи, обѣщалъ конституцію и далъ отставку непопулярному министерству, поручивъ составленіе новаго министерства одному изъ вождей либераловъ. Нѣсколько дней спустя была опубликована конституція, составленная по образцу французской конституціи 1815 года (10 февраля 1848 г.).

Либеральное и національно-патріотическое движеніе въ Пьемонтѣ

Подъ впечатлѣніемъ неаполитанскихъ событій, въ Пьемонтѣ, какъ и въ другихъ частяхъ Италіи, усилилась либеральная агитація въ пользу конституціи, но агитація эта по большей части не выходила изъ границъ болѣе или менѣе шумныхъ собраній и болѣе или менѣе либеральныхъ петицій. Въ числѣ послѣднихъ была петиція отъ столичнаго города Турина. Карлъ-Альбертъ I, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, уступилъ. Въ началѣ марта 1848 года былъ опубликованъ „конституціонный статутъ“ королевства, которому предстояло сдѣлаться конституціей объединенной Италіи, дѣйствующей и понынѣ (4 марта 1848 г.).

Съ этого момента либеральное движеніе въ Пьемонтѣ сливается совершенно съ національно-патріотическимъ движеніемъ. Либералы, устами своего наиболѣе виднаго публициста Кавура (Cavour, 1810—1861), высказывались за немедленное вооруженное вмѣшательство въ ломбардо-венеціанское возстаніе, съ цѣлью совершеннаго изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Воинственное настроеніе охватило всю Италію, и Карлу-Альберту обѣщали поддержку изъ Тосканы, Неаполя и даже изъ Рима. Атмосфера всеобщаго одушевленія и сочувствія поборола нерѣшительность короля. Онъ принялъ присланное ему ломбардскими инсургентами трехцвѣтное знамя, эмблему объединенной Италіи, и обѣщалъ имъ „именемъ Бога и народа братскую помощь“.

Борьба съ Австріей.

Война съ Австріей вызвала небывалый взрывъ патріотическаго одушевленія и энтузіазма по адресу Сардинскаго короля, въ которомъ итальянскіе патріоты готовы были видѣть будущаго государя объединенной Италіи. Солдаты уже привѣтствовали его криками: „Да здравствуетъ король Италіи!“ По всѣмъ городамъ лихорадочно формировались отряды добровольцевъ. Правительства, колебавшіяся принять уча-

стіе въ открывавшейся войнѣ съ Австріей, передъ которой они привыкли трепетать, вынуждены были уступить напору общественнаго движенія. Пій IX, не желавшій ссориться съ Австріей, кончилъ тѣмъ, что послалъ въ помощь пьемонтской арміи цѣлый корпусъ въ 17.000 человѣкъ. Неаполитанскій король, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ сопротивляться національному движенію, опубликовалъ прокламацію, гдѣ заявлялъ: „Каждый государь, каждый народъ обязанъ присоединиться къ борьбѣ, долженствующей обезпечить національную независимость, свободу и славу; мы примемъ участіе въ этомъ дѣлѣ всѣми нашими военными силами, сухопутными и морскими“. Онъ обѣщалъ выслать противъ Австріи 40.000 армію. Правда, въ дѣйствительности онъ прислалъ лишь 14.000. Въ общемъ итальянскія силы, главнымъ ядромъ которыхъ была пьемонтская армія (около 60.000), доходили въ началѣ войны до 100.000, считая въ томъ числѣ и добровольческіе отряды. Начало войны ознаменовалось для итальянцевъ цѣлымъ рядомъ успѣховъ. Главнокомандующій австрійской арміей Радецкій вынужденъ былъ отступить къ сѣверу. Но единодушный порывъ, объединившій итальянцевъ въ первомъ натискѣ, быстро миновалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончился и мимолетный періодъ успѣховъ ихъ оружія.

Первый ударъ дѣлу былъ нанесенъ папой. Подъ давленіемъ Австріи, которая угрожала ему схизмой, Пій IX отказался отъ участія въ войнѣ и приказалъ своей арміи возвратиться. Это „отпаденіе“, помимо матеріальнаго ослабленія итальянскихъ вооруженныхъ силъ, нанесло серьезный моральный ударъ дѣлу освободительной войны. Всего нѣсколько дней спустя ему былъ нанесенъ новый тяжелый ударъ, благодаря „отпаденію“ Неаполитанскаго короля. 15 мая 1848 года въ Неаполѣ собралась первая палата на основаніи новой конституціи. Съ либеральнымъ большинствомъ послѣдней у короля возникъ рѣзкій конфликтъ, который послужилъ поводомъ къ серьезнымъ уличнымъ безпорядкамъ. Дѣло дошло до баррикадъ. Порядокъ пришлось водворять вооруженной силой. Король распустилъ палату и назначилъ новые выборы, но, въ виду тревожнаго положенія, не только пріостановилъ отправку въ Ломбардію снаряженнаго 20.000 корпуса, но и отозвалъ немедленно войска, бывшія на театрѣ военныхъ дѣйствій, а также и флотъ, отправленный для блокады Тріеста. Положеніе итальянской арміи сильно поколебалось. Несмотря на двойной моральный успѣхъ, одержанный Карломъ-Альбертомъ I, котораго Ломбардія (29 мая), а за нею и Венеція (1 іюля) признали своимъ государ-

ремъ, положеніе послѣдняго становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Радецкій, которому уходъ папскихъ, а затѣмъ неаполитанскихъ войскъ позволилъ перейти въ наступленіе, занялъ снова Венеціанскую область и затѣмъ, двинувшись съ своими главными силами противъ сардинской арміи, разбилъ ее послѣ упорнаго двухдневнаго боя при Кустоццѣ (24—25 іюля). Съ остатками разбитой арміи Карлъ-Альбертъ долженъ былъ отступить въ свои владѣнія и очистить Ломбардію. Вслѣдъ затѣмъ онъ подписалъ съ Австріей перемиріе, по которому должно было все остаться попрежнему, какъ было до войны (9 августа 1848 г.).

Неудача первой войны за освобожденіе и объединеніе Италіи.

Такимъ образомъ, первая національная война за освобожденіе и объединеніе Италіи окончилась полной неудачей. Неудача эта была моральнымъ пораженіемъ болѣе умѣренныхъ партій итальянскихъ патріотовъ-либераловъ, которые возлагали свои надежды на итальянскихъ государей и въ частности на Сардинскаго короля.

Этимъ пораженіемъ умѣренныхъ партій не замедлили воспользоваться болѣе радикальные элементы, которые въ неуспѣхѣ попытки національнаго освобожденія при помощи монархическихъ правительствъ черпали аргументъ въ пользу своихъ идей республиканско-демократическихъ. Надо, чтобы дѣло національнаго освобожденія взялъ въ свои руки самъ народъ, говорили они. А для этого необходимо, чтобы къ нему перешла власть, другими словами—необходимо свергнуть сначала существующія правительства и преобразовать Италію въ демократическую республику. Объединенная національно и политически свободная Италія легко тогда справится и съ своимъ внѣшнимъ врагомъ, съ Австріей. Стушевавшаяся въ періодъ освободительной войны Молодая Италія снова выступаетъ теперь въ первыхъ рядахъ національно-освободительнаго движенія. Отказавшись отъ своихъ недавнихъ „династическихъ иллюзій“, она объявляла: „Война государей окончилась, начинается народная война“. Но народная война будетъ возможна лишь послѣ того, какъ будутъ опрокинуты троны, и власть перейдетъ къ народу.

Мадзинистская революція въ Римѣ и Флоренціи.

На этотъ разъ главнымъ центромъ революціонной агитаціи во имя объединенія Италіи въ формѣ демократической республики мадзинисты избрали Римъ. Мадзинистская пропаганда встрѣчала себѣ сочувствіе не только въ низшихъ слояхъ римскаго населенія, но и въ рядахъ гражданской гвардіи. При такихъ условіяхъ, мадзинисты надѣялись осуществить свои планы при помощи вооруженнаго возстанія. Сигналомъ къ возстанію должно было послужить

убійство перваго министра Росси. Послѣдній былъ сторонникомъ конституціонализма и умнымъ администраторомъ, но въ то же время убѣжденнымъ противникомъ республиканцевъ. 15 ноября 1848 года онъ былъ заколотъ кинжаломъ при входѣ въ римскую палату депутатовъ, на глазахъ гражданской гвардіи, которая не тронулась, чтобы задержать убійцу. Заговорщики воспользовались волненіемъ, которое было вызвано въ городѣ этимъ событіемъ, чтобы направить народное возбужденіе въ желательное для нихъ русло. Во главѣ многочисленной толпы они потребовали у папы созыва общеитальянскаго Учредительнаго собранія и объявленія войны противъ Австріи. Послѣднее требованіе, находившееся въ противорѣчіи съ мадзинистской программой, было, очевидно, присоединено изъ тактическихъ соображеній, для того чтобы использовать въ данномъ случаѣ анти-австрійское настроеніе народныхъ массъ. Отказъ Пія IX вызвалъ кровавое столкновеніе между толпой и швейцарской гвардіей папы. Къ вечеру Пій IX уступилъ и согласился образовать министерство изъ вожаковъ возстанія, но при первомъ же случаѣ бѣжалъ изъ Рима и укрылся въ укрѣпленной Гаэтѣ. Умѣренные члены палаты сочли также благоразумнымъ стушеваться, а оставшіеся въ большинствѣ республиканцы образовали временное правительство и объявили выборы въ Учредительное собраніе. Мадзинисты приняли самое дѣятельное участіе въ выборахъ и провели подавляющее большинство своихъ приверженцевъ. Первымъ дѣломъ образовавшагося въ февралѣ 1849 года Учредительнаго собранія, въ составъ котораго вошли многіе главари мадзинистовъ изъ не-римскихъ подданныхъ, было вотировать низложеніе папы, какъ свѣтскаго государя (съ сохраненіемъ за нимъ духовнаго суверенитета) и провозглашеніе Римской республики (9 февраля 1849 г.). Нѣсколько дней спустя, при дѣятельномъ участіи самого Мадзини, была провозглашена Тосканская республика во Флоренціи (18 февраля 1849 г.).

Неудача второй освободительной войны

Римскія и флорентійскія событія произвели сильное впечатлѣніе во всей Италіи, но возбужденіе, вызванное ими въ сосѣднемъ Пьемонтѣ, вылилось не въ политическую революцію по программѣ мадзинистовъ, а въ новый взрывъ національно-патріотическаго движенія противъ Австріи. Послѣднее приняло настолько острую форму, что Карлъ-Альбертъ увидѣлъ себя не въ силахъ ему противостоять, безъ риска потерять не только свою популярность, но и свою корону. Уступая снова народному движенію, онъ объявилъ, въ мартѣ 1849 года, о разрывѣ перемирія. Недѣлю спустя, 65-тысячная сардинская армія, командованіе которой Карлъ-Альбертъ

вручилъ лучшему изъ своихъ генераловъ, Хржановскому, перешла границу и направилась къ Милану, но въ первомъ же столкновеніи съ австрійскими войсками потерпѣла пораженіе (при Новарѣ, 23 марта 1849 г.). Эта вторичная неудача поставила Карла-Альберта въ такое положеніе, изъ котораго онъ не нашелъ иного выхода, какъ отреченіе. Въ тотъ же вечеръ онъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына, который, подъ именемъ Виктора-Эммануила II (1849—1861 г.), немедленно подписалъ новое перемиріе съ австрійскимъ главнокомандующимъ (26 марта). Впрочемъ отреченіе Карла-Альберта не предупредило вспышки народнаго раздраженія, которая вылилась въ Генуѣ въ настоящее возстаніе подъ знаменемъ мѣстныхъ республиканцевъ; оно было, однако, вскорѣ подавлено королевскими войсками.

Реакція въ Италіи.

Неудача второй освободительной войны, вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ за нею отреченіемъ Карла-Альберта и подавленіемъ республиканскаго возстанія въ Генуѣ, отмѣчаетъ собою конецъ поступательнаго развитія національно-освободительнаго и революціонно-республиканскаго движенія въ Италіи и начало реакціи.

Побѣда Австріи ободрила реакціонные элементы, которые видѣли въ ней свою естественную союзницу. Вскорѣ они нашли себѣ поддержку со стороны Франціи, гдѣ къ тому времени также успѣла восторжествовать реакція въ лицѣ Луи-Наполеона. Австрійское, какъ и французское правительства видѣли въ республиканскомъ движеніи въ Италіи опасный симптомъ для своихъ собственныхъ владѣній.

Реакціонное движеніе и реставрація начались тамъ же, гдѣ получило свое начало революціонное движеніе,—на югѣ Италіи. Послѣ революціи 1848 года Сицилія фактически отложилась отъ Неаполитанскаго королевства. Но если она могла просуществовать нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ „свободной націи“, то лишь благодаря тому, что вниманіе и силы неаполитанскаго правительства были отвлечены сначала освободительной войной противъ Австріи, а затѣмъ внутреннимъ волненіями. Съ осени 1848 года военныя операціи были совершенно пріостановлены противъ сицилійскихъ инсургентовъ. Въ началѣ апрѣля 1849 года онѣ были возобновлены съ удвоенной энергіей и въ серединѣ мая закончились капитуляціей Палермо. Подавленіе возстанія сопровождалось въ Сициліи возстановленіемъ абсолютизма въ болѣе рѣзкой, чѣмъ прежде, формѣ.

Нѣсколькими днями позднѣе окончила свое эфемерное суще-

ствованіе Тосканская республика, и герцогъ Тосканскій былъ возстановленъ на престолѣ при содѣйствіи 18-тысячнаго австрійскаго корпуса. Впрочемъ, послѣдній не встрѣтилъ никакого сопротивленія, и реставрація совершилась здѣсь безъ всякаго кровопролитія. Слѣдуетъ прибавить, что она была подготовлена мѣстными монархистами, которые нашли благопріятную почву для агитаціи въ пользу монархической реставраціи въ недовольствѣ широкихъ слоевъ населенія республиканскимъ правительствомъ.

Двумя мѣсяцами позднѣе произошла реставрація въ Римѣ, при помощи французскихъ войскъ. Послѣ провозглашенія Римской республики въ февралѣ 1849 года Римъ сдѣлался центромъ революціоннаго движенія въ Италіи и пристанищемъ для республиканскихъ изгнанниковъ прочихъ итальянскихъ областей. Среди многочисленной и разнопестрой толпы эмигрантовъ изъ Тосканы, Пьемонта, Неаполя, Сициліи, здѣсь мы встрѣчаемся съ главой Молодой Италіи, Мадзини, который принималъ дѣятельное участіе въ февральской революціи 1849 года и затѣмъ былъ избранъ въ число членовъ Исполнительнаго комитета Римской республики,— затѣмъ, съ будущимъ героемъ итальянскаго національно-освободительнаго движенія, молодымъ генуэзскимъ генераломъ Гарибальди (Garibaldi, 1807—1882), однимъ изъ вождей генуэзскаго возстанія. Послѣдній получилъ главное командованіе арміей Римской республики.

Между тѣмъ укрывшійся въ Гаэтѣ Пій IX обратился къ католическимъ державамъ за помощью противъ римскихъ революціонеровъ. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ Австрія заняла сѣверную часть Римской республики съ городомъ Болоньей (8 мая 1849 г.), неаполитанцы—южную, на востокѣ высадился испанскій десантъ, а передъ самымъ Римомъ появился семитысячный французскій корпусъ, который Луи-Наполеонъ поспѣшилъ прислать, чтобы предупредить Австрію и не дать ей использовать событія для дальнѣйшаго упроченія своего вліянія въ Италіи. Республиканскія войска оказали вначалѣ серьезное сопротивленіе и даже нанесли пораженіе французамъ, которые принуждены были отступить (30 апрѣля), а затѣмъ—и подходившимъ съ юга неаполитанцамъ (19 мая). Но съ прибытіемъ значительныхъ подкрѣпленій изъ Франціи, въ началѣ іюня, Римъ былъ обложенъ 30.000 французскихъ войскъ. Послѣ усиленной бомбардировки французы овладѣли частью городскихъ укрѣпленій. Убѣдившись въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія, Гарибальди спасся изъ Рима съ остатками гарнизона (около 5000) и отступилъ въ горы (2 іюля 1849 г.). Римъ былъ занятъ

французскими войсками, и французскій главнокомандующій объявилъ о возстановленіи свѣтской власти папы. Гарибальди съ своимъ отрядомъ, преслѣдуемый по пятамъ австрійскими войсками, едва спасся моремъ въ свою родную Геную.

Полтора мѣсяца спустя пала и послѣдняя итальянская республика, созданная революціоннымъ движеніемъ 1848 года, Венеція. Послѣ продолжительной осады и бомбардировки она принуждена была сдаться австрійцамъ (27 августа 1849 г.). Такимъ образомъ, охватившее Европу, въ 1848—1849 годахъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ толчка, даннаго французскимъ февральскимъ переворотомъ 1848 года, революціонное движеніе было всюду подавлено и привело къ новому торжеству реакціи.

X. Англія послѣ парламентской реформы 1832 г.

Источники и литература.

I. Документальные источники и записки современниковъ. Кромѣ указанныхъ на стр. 184—185 предыдущаго выпуска изданій, относящихся частью и къ позднѣйшей эпохѣ, см. также: Duke of Buckingahm. Courts and Cabinets of William IV and Victoria. 2 vol. London, 1861; J. W. Croker. Correspondences and Diaries. 3 vol. London, 1884; John Russel. Speeches and Despatches. 2 vol. London, 1870; John Russel. Recollections and Suggestions. London, 1875; Earl Selburne. Memorials. 4 vol. London, 1896—1898; Letters of H. M. Queen Victoria. 3 vol. London, 1907; Dean Boyle. Recollections. London, 1895; Sir H. Elliot. Diplomatic Recollections; W. E. Gladstone. The History of the years 1852—1860 and Greville's Journals. (Engl. Hist. Rev. II); Greville. Memoirs. London, 1885—1887; Letters of Sir G. Lewis. London 1870; Earl of Malmesbury. Memoirs of an Ex-Minister. 2 vol. London, 1884.—Кромѣ того, въ новѣйшее время пріобрѣтаютъ важное значеніе, въ качествѣ историческихъ источниковъ, различныя періодическія изданія, въ особенности большія политическія газеты, какъ Times, Morning Chronicle, Morning Post, Edinburgh Review etc.—II. Изъ новѣйшихъ сочиненій, кромѣ указанныхъ выше, на стр. 184—185 предыдущаго выпуска, а также соотвѣтствующихъ отдѣловъ изъ общихъ курсовъ новой исторіи (Карѣева, Лависса-Рамбо, „Кэмбриджской исторіи“, обзоровъ XIX в. и т. д.), см.: Low and Sanders. The political History of England, 1837—1900. London, 1907; Mc. Carthy. History of our own times. 5 vol. London, 1879; W. N. Moleswort. History of England from 1830. 3 vol. London, 1871; H. Paul. A history of modern England. 5 vol. London, 1907; Sir Spencer Walpole. The History of Twenty-five years, 1856—1880. 2 vol. London, 1904; The Reign of Queen Victoria. London 2 vol. London, 1887 (собраніе монографій различныхъ авторовъ, изданное Th. H. Ward'омъ); Holland Rose. Rise of Democracy. Victoria Era Series. London, 1904; Норритъ. Современная Англія. Спб. 1906; Гейкинтъ. Англія, ея государственный, общественный и экономическій строй. Спб. 1909; Эпсонъ. Англійскій парламентъ. Спб. 1908; Лоу. Государственный строй Англіи. Спб. 1908.—III. По экономической и соціальной исторіи эпохи: А. Веберъ. Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи. Перев. съ англ. Спб. 1903; Prothero. Pioneers and Progress of English farming. London, 1888; Hutchins and Harrison. A history of factory Legislation;

London, 1903; G. Howell. The Conflicts of Capital and Labour. London, 1878; Holyoake. The history of Cooperation. 2 vol. London, 1906; König. Die Lage der englischen Lanwirthschaft. Jena, 1896; P. De Rousiers. La question ouvrière en Angleterre. Paris, 1895; P. de Rousiers. Le trade-unionisme en Angleterre. Paris, 1897; Schulze-Gaevernitz. La grande industrie (trad. de l'allem.). Paris, 1896; A. Métin. Le socialisme en Angleterre.

Движеніе, связанное съ парламентской реформой 1832 г., отмѣчаетъ собою первый этапъ того процесса, который составляетъ можно сказать, основную тенденцію всего дальнѣйшаго политическаго и общественнаго развитія Англіи. Сущность этого процесса, продолжающагося съ тѣхъ поръ непрерывно, вплоть до нашихъ дней, и еще далеко не законченнаго, заключается въ постепенной демократизаціи общественно-политическаго строя Англіи, то-есть въ прогрессивно возрастающемъ вліяніи на общественно-политическую жизнь страны демократическихъ элементовъ, при чемъ все болѣе и болѣе важную роль среди этихъ послѣднихъ пріобрѣтаетъ молодой и быстро ростущій общественный классъ—рабочій пролетаріатъ.

Демократизація общественно-политическаго строя.

Правда, реформа 1832 г. не открыла рабочимъ доступа въ парламентъ; но важно уже то, что самая реформа могла сдѣлаться совершившимся фактомъ лишь при дѣятельномъ содѣйствіи рабочаго класса и благодаря этому содѣйствію. Борьба за избирательную реформу была первымъ выступленіемъ рабочаго класса, въ качествѣ общественно-политической силы. Борьба эта втянула его въ политическую жизнь страны и тѣмъ влила могучую демократическую струю въ ея политическую жизнь, носившую до тѣхъ поръ аристократическо-буржуазный характеръ. Сыгранная рабочимъ пролетаріатомъ въ эпоху борьбы за реформу роль, съ одной стороны—дала могучій толчекъ дальнѣйшему развитію классоваго самосознанія англійскихъ рабочихъ, а съ другой—выдвинула значеніе рабочаго класса, какъ политической силы, съ которой приходилось серьезно считаться и парламенту въ его цѣломъ, и отдѣльнымъ парламентскимъ партіямъ, которымъ важно было заручиться содѣйствіемъ этой силы. Отсюда—тѣсная связь между рабочимъ движеніемъ въ сферѣ соціальной и движеніемъ демократическимъ въ сферѣ политической,—связь, которая опять-таки была одной изъ причинъ, удержавшихъ рабочее движеніе въ Англіи въ колеѣ легальной, хотя и внѣ-парламентской борьбы, и предохранила его отъ уклоненія на путь революціоннаго утопизма, куда легко дали себя увлечь болѣе молодыя и поставленныя въ менѣе благопріятныя политическія условія рабочія массы континента.

Впрочемъ, прежде чѣмъ окончательно войти въ колею мирнаго развитія, соціальное движеніе въ Англіи и тѣсно связанный съ ней процессъ политической демократизаціи пережили бурный, хотя и непродолжительный періодъ, связанный съ такъ-называемымъ чартистскимъ движеніемъ.

Чартистское движеніе.

Парламентская реформа 1832 г. далеко не удовлетворила радикаловъ, добивавшихся всеобщаго избирательнаго права. Поэтому, при первомъ же случаѣ они возобновили свою агитацію въ пользу болѣе радикальной реформы избирательной системы. Случаемъ этимъ послужила смерть короля Вильгельма IV, въ 1837 г., и вступленіе на англійскій престолъ 18-лѣтней принцессы Викторіи (какъ королева, Викторія I, 1837—1901 г.) [1]), прослывшей съ самаго начала „королевой виговъ“ за свои будто бы либеральныя симпатіи. Въ дѣйствительности юная и неопытная въ вопросахъ политики королева просто-на-просто предпочитала „царствовать, но не управлять“, предоставляя полную свободу дѣйствій отвѣтственному передъ парламентомъ кабинету, каковымъ въ ту пору было министерство виговъ. Но когда, позднѣе, большинство въ Палатѣ общинъ перешло къ консерваторамъ, королева не колебалась ни минуты— передать власть въ руки торійскаго министерства. Вообще королева Викторія систематически придерживалась того, ранѣе не всегда соблюдавшагося, конституціоннаго обычая, въ силу котораго составъ правительства долженъ былъ вербоваться изъ господствующей въ данный моментъ партіи въ Палатѣ общинъ. Благодаря этой систематической практикѣ въ продолжительное царствованіе Викторіи I обычай этотъ получилъ съ тѣхъ поръ значеніе какъ бы конституціоннаго закона.

Возобновленіе реформистской агитаціи.

Какъ бы то ни было, перемѣна царствованія въ 1837 г. была сочтена радикалами благопріятнымъ моментомъ для возобновленія агитаціи въ пользу дальнѣйшей реформы парламента. Когда ихъ выступленіе въ парламентѣ не встрѣтило сочувствія въ большинствѣ палаты, они по прежнему возобновили свою агитацію за стѣнами парламента, опять-таки главнымъ образомъ среди рабочихъ, которые въ это время снова начали волноваться подъ вліяніемъ тѣхъ препятствій, съ которыми пришлось встрѣтиться начавшемуся со времени закона 1824 г. (см. выпускъ I, стр. 207) рабочему движенію въ формѣ профессіональныхъ союзовъ (трэдъ-юніоновъ) и кооперативныхъ товариществъ. Робертъ Оуэнъ, который успѣлъ убѣдиться, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ улучшенію

[1]) Sidney Lee. Queen Victoria. A Biography. London, 1904.

положенія рабочихъ является ихъ невѣжество, сталъ настойчиво пропагандировать требованіе законодательнаго сокращенія рабочаго дня до восьми часовъ, для того чтобы дать возможность рабочимъ имѣть свободное время для пополненія своего образованія. Эта пропаганда встрѣтила большое сочувствіе въ рабочихъ массахъ, и основанный Оуэномъ для достиженія намѣченной имъ цѣли Національный Союзъ промышленности (въ 1833 г.) въ короткое время привлекъ въ свои ряды до полумилліона членовъ. Союзъ ставилъ себѣ цѣлью добиваться отъ парламента проведенія закона о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ; въ случаѣ упорства парламента, предполагалось прибѣгнуть ко всеобщей стачкѣ. Но это значило объявить войну всѣмъ предпринимателямъ. Послѣдніе немедленно образовали контръ-союзъ, взаимно обязавшись не давать работы членамъ рабочихъ союзовъ. Угрозѣ всеобщей стачки была, такимъ образомъ, противопоставлена угроза всеобщаго локаута. Правительство, подъ вліяніемъ предпринимателей, стало, съ своей стороны, преслѣдовать рабочіе союзы. Національный Союзъ, при участіи другихъ рабочихъ организацій, устроилъ колоссальный митингъ для протеста противъ преслѣдованій рабочихъ союзовъ. Послѣ митинга толпа прошла по улицамъ Лондона, послѣ чего мирно разошлась. Какъ бы то ни было, мысль о всеобщей стачкѣ пришлось оставить, какъ вслѣдствіе встрѣченнаго ею отпора со стороны предпринимателей, такъ и вслѣдствіе отсутствія денежныхъ средствъ у рабочихъ организацій для проведенія всеобщей стачки. Да и самъ Національный Союзъ вскорѣ прекратилъ свое существованіе за недостаткомъ средствъ. Несмотря, однако, на кратковременность своего существованія, Національный Союзъ не могъ не оставить глубокаго слѣда въ рабочихъ массахъ; онъ будилъ въ нихъ сознаніе классовой солидарности, а правительственныя преслѣдованія лишь способствовали подъему настроенія среди рабочихъ и создавали почву для солидарности между рабочимъ движеніемъ и политической оппозиціей. Послѣдняя, въ лицѣ радикаловъ, не замедлила воспользоваться создавшейся благопріятной обстановкой, для того чтобы снова попытаться ввести рабочее движеніе въ русло политическаго радикализма.

По почину радикаловъ и при содѣйствіи сочувствовавшихъ имъ оуэнистовъ, на мѣсто распавшагося Національнаго Союза была основана въ Лондонѣ новая организація, подъ названіемъ Рабочей Ассоціаціи (Workingmens Association) (въ 1837 г.). Послѣдняя ставила себѣ цѣлью „объединить сознательную и вліятельную часть городскихъ и сельскихъ рабочихъ и добиваться

всѣми законными средствами предоставленія всѣмъ классамъ общества одинаковыхъ политическихъ и общественныхъ правъ". Учредители Ассоціаціи хотѣли сохранить за ней чисто пролетарскій характеръ, для чего ввели въ уставъ пунктъ, по которому не-рабочіе могли допускаться въ составъ Ассоціаціи лишь въ качествѣ почетныхъ (а не дѣйствительныхъ) членовъ. Путемъ разсылки воззваній и „миссіонеровъ" Ассоціація старалась привлечь къ себѣ какъ можно больше рабочихъ въ провинціи.

Почва для такой пропаганды оказалась тѣмъ болѣе благопріятною, что, помимо другихъ условій, обострившаяся въ это время безработица снова переполнила ряды безработныхъ, являвшихся, какъ всегда, самымъ благодарнымъ матеріаломъ для всякаго рода массовыхъ „выступленій" и „протестовъ". Вскорѣ всѣ промышленные районы Англіи покрылись сѣтью филіальныхъ отдѣленій лондонской Ассоціаціи. Программа Ассоціаціи, опубликованная въ маѣ 1838 г., заключала въ себѣ шесть основныхъ требованій, а именно: 1) всеобщаго избирательнаго права, 2) тайнаго голосованія на выборахъ, 3) вознагражденія депутатовъ отъ казны, 4) отмѣны имущественнаго ценза для кандидатовъ въ депутаты, 5) ежегоднаго возобновленіе парламента и 6) равномѣрнаго распредѣленія избирательнаго права посредствомъ раздѣленія страны на равные по количеству населенія избирательные округа.

Эта программа, воспроизводившая въ сущности давнишнія требованія радикаловъ, получила нѣсколько претенціозное названіе Народной хартіи (People's Charter). Отсюда названіе хартистовъ, или, по англійскому произношенію—чартистовъ, усвоенное для участниковъ этого движенія, а самое движеніе получило названіе чартистскаго или коротко—чартизма (chartism) [1]). «Народная хартія».

Чартистское движеніе, продолжавшееся съ небольшими перерывами около десяти лѣтъ (1838—1848), достигало наибольшей остроты въ періоды промышленныхъ кризисовъ, увеличивавшихъ ряды безработныхъ и недовольныхъ. Главными очагами движенія были, кромѣ Лондона, промышленные районы Мэнчестера, Бирмингэма, Лидса, Глэзго и др. Наибольшей остроты движеніе достигло въ первые два года (1838—1839), затѣмъ въ 1842 г. и наконецъ—въ 1848 г., въ эпоху февральской революціи во Франціи.

[1]) Гаммеджъ. Исторія чартизма. Спб. 1907. Переводъ англійской книги вышедшей впервые въ 1854; авторъ ея — одинъ изъ участниковъ чартистскаго движенія; Carlyle. Chartism. London, 1839; L. Brentano. Die englische Chartistenbewegung (Preuss Jahrb., XXXIII); L. Bücher. Die Chartisten. Stuttgart, 1893; E. Gonner. Early History of Chartism (Engl. Hist. Review, oct. 1889); J. L. Tidsley. Die Entstehung und die oekonomische Grundsätze der Chartistenbewegung. Jena, 1898.

Начало чартистскаго движенія.

По старому англійскому обычаю, чартисты дебютировали многолюдными митингами и массовыми уличными шествіями. Въ маѣ 1838 г., вскорѣ послѣ опубликованія „народной хартіи“, въ Глэзго была устроена грандіозная процессія, въ которой, по свидѣтельствамъ очевидцевъ, по всей вѣроятности, нѣсколько преувеличеннымъ, принимало участіе до 200.000 человѣкъ. Пройдя по главнымъ улицамъ, эта колоссальная толпа устроила митингъ, на которомъ ораторы говорили о необходимости закончить начатое въ началѣ тридцатыхъ годовъ дѣло парламентской реформы и добиваться всеобщаго избирательнаго права, которое бы дало возможность широкимъ народнымъ массамъ участвовать въ народномъ представительствѣ и въ законодательствѣ. Подобныя же демонстраціи были организованы радикалами и въ другихъ рабочихъ центрахъ.

Несмотря на массовый характеръ движенія и на приподнятое настроеніе его участниковъ, несмотря также на раздававшіяся на чартистскихъ митингахъ революціонныя рѣчи, демонстраціи эти носили въ общемъ мирный характеръ и, за единичными исключеніями, сами руководители движенія старались предостеречь рабочихъ отъ всякихъ эксцессовъ, указывая на то, что въ ихъ распоряженіи имѣется достаточно легальныхъ средствъ для достиженія намѣченной цѣли. Какъ на одинъ изъ такихъ легальныхъ путей, указывали на массовую подачу петицій парламенту.

Съ своей стороны, либеральное правительство, несмотря на настоянія консерваторовъ о возстановленіи репрессивныхъ мѣръ для подавленія движенія, отказывалось прибѣгать къ нимъ, ссылаясь на традиціонное право англійскихъ гражданъ собираться для обсужденія интересующихъ ихъ общественныхъ вопросовъ, а также—на мирный характеръ чартистскихъ манифестацій.

Для приданія движенію бо́льшаго единства и планомѣрности, руководителями его былъ организованъ въ Лондонѣ комитетъ изъ делегатовъ отъ различныхъ рабочихъ союзовъ. Этотъ комитетъ открылъ свои засѣданія въ февралѣ 1839 г., одновременно съ открытіемъ сессіи парламента, и присвоилъ себѣ громкое названіе Національнаго Конвента. Его называли также „рабочимъ парламентомъ“. Конвентъ занялся собираніемъ подписей подъ петиціей, содержавшей главныя требованія „народной хартіи“. Но когда петиція, наконецъ, была представлена парламенту, то большинство послѣдняго отнеслось къ ней съ пренебрежительной ироніей и даже отказалось обсуждать петицію. Послѣ этого въ средѣ „рабочаго парламента“ произошелъ расколъ. Часть делегатовъ

«Рабочій парламентъ».

настаивала на продолженіи легальной борьбы; это были представители болѣе обезпеченныхъ матеріально и лучше организованныхъ рабочихъ, примыкавшихъ къ основанной въ 1837 г. Рабочей Ассоціаціи. Другая часть делегатовъ считала дальнѣйшую мирную агитацію безцѣльной и настаивала на необходимости перехода къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Эта, какъ ее прозвали, „партія физической силы", представлявшая собою болѣе бѣдные и слабо организованные слои рабочихъ, возобладала въ Конвентѣ. Перенеся свою резиденцію въ Бирмингэмъ, Конвентъ попытался привести въ исполненіе программу „партіи физической силы". Изъ этого, однако, ничего не вышло, кромѣ нѣсколькихъ безпорядочныхъ мелкихъ бунтовъ и одной болѣе серьезной попытки вооруженнаго возстанія (въ Ньюпортѣ, въ Уэльсѣ); но эти вспышки были безъ труда подавлены „физической силой"—съ другой стороны. Вожаки и зачинщики были арестованы и преданы суду за призывъ къ мятежу, члены Конвента поспѣшили послѣ этого стушеваться, и движеніе на нѣкоторое время заглохло, тѣмъ болѣе, что наступившее въ это время оживленіе въ промышленности подняло заработокъ и уменьшило число безработныхъ и тѣмъ оказало успокоивающее вліяніе на рабочія массы.

Но когда въ 1841—1842 г. снова наступила нѣкоторая заминка въ промышленности и значительная часть фабрикъ сократила производство и распустила часть рабочихъ, рабочіе снова заволновались. Вожаки чартистовъ поспѣшили использовать въ своихъ видахъ создавшееся положеніе и стали пропагандировать всеобщую стачку, какъ средство для осуществленія „народной хартіи", а вмѣстѣ съ тѣмъ и улучшенія положенія рабочихъ. Хотя идея всеобщей стачки и встрѣтила себѣ сочувствіе въ рабочихъ массахъ, но осуществить ее оказалось невозможнымъ за недостаткомъ средствъ. Рѣшили опять подать петицію въ парламентъ. На этотъ разъ собрали еще больше подписей подъ петиціей, содержавшей главныя требованія „народной хартіи", но парламентъ снова отказался обсуждать ее. Тогда нѣкоторыя изъ рабочихъ организацій объявили стачку; кое-гдѣ произошли вспышки безпорядковъ. Но стачки не имѣли успѣха, такъ какъ не могли долго держаться за недостаткомъ денежныхъ средствъ у рабочихъ, а безпорядки частью были подавлены полиціей и войсками, частью прекратились сами собой.

Мысль о всеобщей стачкѣ.

Охлажденію англійскихъ рабочихъ къ чартизму способствовало также внесеніе вожаками послѣдняго нѣкоторыхъ новыхъ требованій, частью явно неосуществимыхъ,

частью совершенно чуждыхъ непосредственнымъ интересамъ англійскихъ рабочихъ. Такъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ вожаковъ изъ ирландцевъ, въ народную хартію было внесено требованіе о возстановленіи автономіи для Ирландіи, съ особымъ ирландскимъ парламентомъ.

Ирландскій вопросъ.

Дѣло въ томъ, что, въ силу акта объ „уніи“ 1800 г., Ирландія [1]) лишилась своего парламента, члены котораго были инкорпорированы въ англійскую Палату общинъ, при чемъ до частичной парламентской реформы, въ 1829 г., политическими правами пользовалось въ Ирландіи лишь протестантское меньшинство населенія. Съ отмѣной акта о присягѣ въ 1829 г., ирландцы, казалось, были уравнены съ англичанами въ своихъ политическихъ правахъ; но на дѣлѣ этого не было, такъ какъ управленіе и судъ въ Ирландіи продолжали оставаться въ рукахъ протестантовъ, то-есть въ большинствѣ случаевъ—англичанъ. Кромѣ того, ирландское населеніе, состоявшее въ подавляющемъ большинствѣ изъ крестьянъ, находилось въ экономической кабалѣ у англійскихъ лэндлордовъ, которымъ принадлежала бо́льшая часть земель въ Ирландіи. Поэтому ирландскіе патріоты, во главѣ съ О'Коннелемъ (O'Connel, 1775—1847) [2]), добивались ограниченія правъ лэндлордовъ и возстановленія ирландскаго парламента. Въ началѣ сороковыхъ годовъ выдвинулась болѣе рѣшительная партія, которая, подъ названіемъ Молодой Ирландіи, въ солидарности съ мадзиниистской „Молодой Европой“ (см. выше, стр. 76), ставила себѣ цѣлью—полное отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи въ формѣ самостоятельной республики. Теперь ирландскіе автономисты попытались связать свое дѣло съ чартистскимъ движеніемъ, но внесеніе ими требованія автономіи для Ирландіи въ „народную хартію“ лишь способствовало охлажденію англійскихъ рабочихъ къ самому чартизму.

Разочарованные въ послѣднемъ, большинство рабочихъ попытались сорганизоваться для легальной борьбы, независимо отъ чартистскихъ агитаторовъ. Такъ возникъ въ 1845 г. Національный Союзъ для покровительства труду, ставившій себѣ цѣлью—работать надъ улучшеніемъ положенія рабочихъ путемъ непосредственнаго соглашенія съ предпринимателями и добиваться вмѣстѣ

---

[1]) Г. Е. Афанасьевъ. Исторія Ирландіи. Спб. 1907; P. Dubois. L'Irlande contemporaine. Paris, 1907; J. Bryce. Two centuries of Irish History, 1691—1870. London, 1888.

[2]) Robert Dunlop. O'Connell and the revival of National Life in Ireland. New-York and London, 1900; Michael Macdonagh. Life of O'Connell. London, 1903; Lefèvre. Peel and O'Connell. London, 1887; O'Brien. The parliamentary History of the Irish land question. London, 1880.

съ тѣмъ отъ парламента частичныхъ законодательныхъ мѣръ въ пользу рабочихъ. Послѣ этого вожаки чартизма раздѣлились. Наиболѣе видными изъ нихъ были О'Конноръ (O'Connor, 1796—1855) и О'Брайенъ (O'Brien, род. въ 1803 г.), оба ирландцы. Первый основалъ, подъ названіемъ „Національной земельной Компаніи", кооперативное товарищество для покупки крупныхъ имѣній, чтобы надѣлять изъ нихъ землей безработныхъ; но попытка эта, окончившаяся вскорѣ полнымъ крушеніемъ, лишь свидѣтельствовала о склонности нѣкоторыхъ изъ чартистскихъ вожаковъ къ химерическимъ планамъ. Что касается О'Брайена, то онъ вступилъ на путь чисто революціонной проповѣди съ соціалистскимъ оттѣнкомъ. Рабочія массы должны были, по его идеѣ, добиться силой, во-первыхъ—осуществленія народной хартіи, во-вторыхъ—націонализаціи земли путемъ принудительнаго отчужденія (правда, съ вознагражденіемъ) всей частной земельной собственности въ пользу государства, для того чтобы затѣмъ предоставить ее въ пользованіе трудящимся. О'Конноръ и О'Брайенъ.

Заглохшее на нѣкоторое время чартистское движеніе снова оживилось въ 1847 г., въ связи съ выборами въ парламентъ. Вожаки чартистовъ рѣшили принять дѣятельное участіе въ выборной кампаніи и во многихъ мѣстахъ выставили собственныя кандидатуры. Выборы снова вызвали къ жизни агитацію въ пользу „народной хартіи" — въ формѣ митинговъ, шествій, печатныхъ воззваній, брошюръ. Въ нѣкоторыхъ избирательныхъ участкахъ чартистамъ, дѣйствительно, удалось одержать побѣду; въ числѣ выбранныхъ въ депутаты былъ и О'Конноръ. Интересно, что онъ, какъ, впрочемъ, и другіе вожаки чартистовъ, вступилъ въ это время въ сношеніе съ революціонными организаціями на континентѣ; это сближеніе съ международнымъ революціоннымъ движеніемъ составляетъ характерную черту чартизма въ его послѣдней стадіи, совпадающей хронологически съ революціонными движеніями конца сороковыхъ годовъ въ Италіи, Франціи и другихъ странахъ Европейскаго континента. Усиленная агитація въ пользу избирательной реформы во Франціи въ 1847 г. послужила сигналомъ къ подобному же оживленію агитаціи чартистовъ, которые вѣдь первоначально также ставили себѣ задачей реформу избирательной системы. Вспыхнувшія затѣмъ въ началѣ 1848 г. революціонныя движенія въ Италіи, а затѣмъ разразившаяся въ сосѣдней Франціи февральская революція произвели сильное впечатлѣніе въ Англіи и вызвали усиленную дѣятельность всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ. Какъ только въ Лон- Выборы въ парламентъ въ 1847 г. Отголоски февральской революціи.

донѣ было получено извѣстіе о парижскомъ переворотѣ, чартисты, совмѣстно съ прочими сочувствовавшими имъ организаціями, отправили въ Парижъ депутацію съ привѣтствіемъ „французскому народу“. Снова начались всюду шумные митинги, на которыхъ восхвалялась февральская революція и заявлялось требованіе осуществленія народной хартіи. Съ небывалою силою ожило ирландское движеніе. „Молодая Ирландія“ выступила открыто. Организованный ею митингъ-монстръ отправилъ въ Парижъ депутацію съ привѣтствіемъ временному правительству и съ просьбой о вооруженной поддержкѣ. Англійское правительство арестовало больше сотни наиболѣе видныхъ членовъ Молодой Ирландіи, а начавшееся было вооруженное возстаніе въ Ирландіи было подавлено въ самомъ началѣ англійскими войсками.

Послѣдняя вспышка чартизма.

Въ Англіи вожди чартистовъ опять созвали въ Лондонѣ „Конвентъ“ (апрѣль 1848 г.), на которомъ было рѣшено снова организовать массовую петицію; въ случаѣ новой неудачи петиціи, было постановлено обратиться непосредственно къ королевѣ съ просьбой о роспускѣ парламента и о назначеніи новыхъ выборовъ. Наконецъ, если бы и этотъ шагъ оказался безрезультатнымъ, рѣшено было прибѣгнуть къ силѣ. Петиція съ массою подписей была, дѣйствительно, представлена парламенту особой депутаціей во главѣ съ О'Коннеромъ, который выдвинулся въ это время въ качествѣ главнаго вождя чартистовъ. О'Коннеръ представилъ петицію отъ имени пяти милліоновъ семисотъ тысячъ гражданъ, будто бы подписавшихъ петицію. Но парламентъ назначилъ комиссію для провѣрки подписей. Въ результатѣ провѣрки оказалось, что всего подписей было меньше двухъ милліоновъ, при чемъ большое количество подписей возбуждали подозрѣнія (напримѣръ, многія подписи были сдѣланы одной и той же рукой, другія изображали странныя или же неприличныя слова), многія были несомнѣнно подложны (напримѣръ, подписи лорда Веллингтона, Роберта Пиля и даже королевы Викторіи). Парламентъ ограничился тѣмъ, что заслушалъ компрометирующій организаторовъ петиціи докладъ комиссіи и не счелъ послѣ этого нужнымъ обсуждать петицію. Этотъ скандалъ нанесъ смертельный моральный ударъ чартистскому движенію. Попытки О'Коннора и другихъ вожаковъ продолжать агитацію съ цѣлью осуществить постановленіе Конвента, то-есть обратиться съ адресомъ къ королевѣ, а въ случаѣ неуспѣха этого шага, организовать вооруженное возстаніе, — эти попытки не встрѣтили уже никакой поддержки въ рабочихъ массахъ, и чартистское движеніе послѣ этого заглохло, какъ бы

умерло естественною смертью. Рабочія массы, разочарованныя въ своихъ вождяхъ и убѣдившіяся въ безплодности движенія, рѣшительно отвернулись отъ него, тѣмъ болѣе, что призывы къ оружію, къ возстанію, къ грабежамъ и насиліямъ, раздававшіеся нерѣдко изъ устъ чартистскихъ ораторовъ, претили традиціонному мирному характеру англійскихъ рабочихъ и присущей имъ, вмѣстѣ со всѣмъ англійскимъ народомъ, привычкѣ уважать законность и добиваться своихъ цѣлей легальными путями. Быть можетъ, этою же національною чертою англійскаго характера объясняется тотъ врядъ ли случайный фактъ, что наиболѣе крайніе изъ чартистскихъ вожаковъ, проповѣдовавшіе возстаніе, были не англичане, а ирландцы.

Соціально-революціонныя тенденціи.

Сравнительно съ реформистскимъ движеніемъ, чартистское движеніе отличается болѣе пролетарскимъ характеромъ, хотя руководящая роль въ немъ принадлежитъ представителямъ радикальной буржуазіи, какъ англійской, такъ и (въ особенности въ позднѣйшей стадіи движенія) — ирландской. Пролетарскій характеръ движенія сказывается не только въ томъ, что преобладающую роль въ немъ играютъ рабочія массы, но также и въ томъ, что программа движенія, „народная хартія“, хотя и продиктованная радикальной буржуазіей, носитъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ программа реформистскаго движенія, отпечатокъ стремленій рабочаго класса. Другими словами, чартизмъ въ гораздо большей степени, чѣмъ реформизмъ, носитъ характеръ движенія соціальнаго. Это, во-первыхъ, уже потому, что въ основѣ политическихъ требованій хартіи лежитъ стремленіе къ улучшенію соціально-экономическаго положенія рабочихъ. „Занимающій насъ вопросъ — какъ-то выразился одинъ изъ чартистскихъ ораторовъ — это вопросъ о ножѣ и вилкѣ“. Затѣмъ, среди чартистовъ пользовались большою популярностью чисто пролетарскія идеи о правѣ на трудъ, объ эксплоатаціи труда капиталомъ, о стачкѣ, какъ средствѣ для достиженія намѣченныхъ цѣлей, и т. п. Наконецъ, въ отличіе отъ реформистскаго движенія, чартизмъ носитъ на себѣ явственные, хотя и не глубокіе, слѣды вліянія идей революціоннаго соціализма, которыя начинали въ это время бродить въ головахъ, и которыя впервые нашли себѣ теоретическую формулировку въ сочиненіяхъ Луи-Блана, а формулировку практическую, босвую — въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ Карла Маркса, появившемся въ концѣ 1847 г., то-есть наканунѣ послѣдней вспышки чартизма (хотя о вліяніи Коммунистическаго Манифеста, оставшагося въ ту пору совершенно

неизвѣстнымъ въ Англіи, на чартизмъ не можетъ быть и рѣчи). Дѣйствительно, рѣчи нѣкоторыхъ изъ чартистскихъ ораторовъ въ эту пору носятъ ярко революціонную окраску съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ соціалистскимъ оттѣнкомъ. О'Коннеръ, напримѣръ, на одномъ митингѣ восклицалъ: „Смерть негодлямъ, упивающимся кровью вашихъ дѣтей, наслаждающимся позоромъ вашихъ женъ, насыщающимся вашимъ потомъ". Другой ораторъ, указывая на ближайшую фабрику, говорилъ: „Каждый кирпичъ этого зданія пропитанъ кровью вашихъ женъ и дѣтей". Другой разъ тотъ же ораторъ обращался къ своимъ слушателямъ съ такими словами: „Если права народа презираются, то долой тронъ, долой аристократію, долой епископовъ, долой поповъ! Жгите церкви, уничтожайте все, что носитъ титулы, чины, отличія!" По вѣрному замѣчанію проф. Зомбарта („Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX в."), „рѣчи нѣкоторыхъ изъ чартистскихъ ораторовъ живо напоминаютъ фразеологію современныхъ соціалистскихъ митинговъ".

Охлажденіе рабочихъ массъ къ революціонному чартизму.

Но въ большинствѣ своемъ рабочія массы остались равнодушными къ этимъ попыткамъ втянуть ихъ въ русло соціальнаго революціонизма. Охлажденію къ выродившемуся въ буйно-революціонное движеніе чартизму способствовали, кромѣ указанныхъ общихъ причинъ, еще два конкретныхъ обстоятельства. Съ одной стороны, правительство и парламентъ выказали готовность пойти навстрѣчу нѣкоторымъ изъ чисто пролетарскихъ требованій рабочихъ. Наиболѣе важнымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ принятый въ 1847 г. парламентомъ, по предложенію либеральнаго кабинета Джона Росселя (John Russell, 1792—1878) [1]), билль о максимальномъ десятичасовомъ рабочемъ днѣ для женщинъ и подростковъ (13—18 лѣтъ). Если принять во вниманіе, что это былъ первый послѣ билля 1833 г. (см. предыдущій выпускъ, стр. 214) шагъ парламента на пути законодательной защиты фабричныхъ рабочихъ, то намъ станутъ понятными тѣ шумныя ликованія, которыми былъ встрѣченъ законъ 1847 г. со стороны рабочихъ. Интересно, что наиболѣе шумныя выраженія радости имѣли мѣсто какъ разъ въ тѣхъ рабочихъ районахъ, которые были до сихъ поръ главными очагами чартистскаго движенія.

Другимъ обстоятельствомъ, оказавшимъ умиротворяющее вліяніе на рабочія массы, былъ начавшійся въ Англіи съ половины XIX в. могучій промышленный и торговый подъемъ, не замедливший

[1]) S. J. Reid. Lord John Russell. London, 1895; Sir S. Walpole. Life of Lord John Russell. London, 1891; Earl John Russell. Speeches and Despatches. 2 vol. London, 1870; John Russell. Recollections and Suggestions. London, 1875.

отразиться самымъ благотворнымъ образомъ и на рабочемъ классѣ. Поднялся спросъ на рабочія руки, безработица прекратилась, заработная плата повысилась, условія труда сдѣлались менѣе тяжелыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ соціальное, рабочее движеніе въ Англіи окончательно вошло въ русло легальной и чисто дѣловой борьбы рабочаго пролетаріата за улучшеніе своего общественнаго и хозяйственнаго положенія, частью въ формѣ экономической борьбы съ предпринимателями, частью въ формѣ политической борьбы за развитіе рабочаго законодательства. Для этой мирной борьбы рабочіе продолжали соединяться въ традиціонные профессіональные союзы (трэдъ-юніоны). Хотя рабочіе и не имѣли доступа въ парламентъ, въ виду существовавшаго избирательнаго ценза, тѣмъ не менѣе, какъ это выяснилось въ эпоху борьбы за реформу 1832 г., рабочіе, въ особенности организованные въ союзы, представляли собою серьезную политическую силу. Для того чтобы привлечь на свою сторону эту силу, парламентскія партіи старались проводить желательные для рабочихъ законы. Дѣйствительно, рабочее законодательство получаетъ значительное развитіе въ Англіи во второй половинѣ XIX в.

Но независимо отъ постепеннаго осуществленія своихъ классовыхъ интересовъ, англійскій пролетаріатъ продолжалъ играть роль главнаго фактора демократизаціи политическаго строя страны. Значеніе рабочихъ массъ, какъ политической силы и вмѣстѣ какъ фактора демократизаціи, особенно усилилось послѣ второй парламентской реформы 1867 г., открывшей, наконецъ, рабочимъ доступъ въ парламентъ.

Вторая парламентская реформа. 1867 г.

Сущность этой второй парламентской реформы заключалась въ пониженіи избирательнаго ценза. Подготовительнымъ шагомъ къ реформѣ 1867 г. была проведенная въ 1858 г. отмѣна спеціальнаго ценза для депутатовъ. Наконецъ, въ 1867 г., по почину либеральнаго кабинета лорда Росселя и при дѣятельномъ участіи Гладстона (1809—1898 г. [1]), самаго вліятельнаго изъ членовъ кабинета, послѣ безуспѣшной попытки противодѣйствія со стороны Палаты лордовъ, былъ проведенъ билль, которымъ значительно понижался избирательный цензъ, установленный закономъ 1832 г., и сверхъ того, избирательное право въ парламентъ распространялось на всѣхъ квартиронанимателей, платящихъ не менѣе десяти фунтовъ въ годъ. Эта новая парламентская реформа, открывавшая доступъ къ прямому участію въ политической

[1]) John Morley. Life of W. E. Gladstone. 3 vol. London, 1903.

жизни страны демократическимъ слоямъ населенія и въ частности—городскимъ и фабричнымъ рабочимъ, по крайней мѣрѣ значительной части ихъ (по квартирному цензу), была дальнѣйшимъ крупнымъ шагомъ къ демократизаціи политическаго строя Англіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, реформа эта, облегчивши рабочимъ массамъ вліяніе на законодательство, оказала серьезное вліяніе на дальнѣйшій ходъ рабочаго движенія въ Англіи, именно—въ направленіи постепеннаго законодательнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса. Сдѣланная около этого времени попытка со стороны вожаковъ народившагося незадолго передъ тѣмъ на континентѣ революціоннаго соціализма втянуть англійскій пролетаріатъ въ международную революціонно-соціалистскую организацію (см. ниже, гл. XVIII) не имѣла успѣха. Англійскій пролетаріатъ оставался глухъ къ призывамъ и внушеніямъ революціоннаго соціализма. Правда, съ возобновленіемъ промышленныхъ кризисовъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ XIX в. и связанной съ ними безработицы и пониженія заработной платы, проповѣдь соціализма, обѣщавшаго рабочимъ радикальное разрѣшеніе всѣхъ „проклятыхъ вопросовъ“, стала находить себѣ болѣе благопріятную почву. Но революціонному соціализму все-таки не удалось овладѣть руководящею ролью въ рабочемъ движеніи въ Англіи, какъ это имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ изъ континентальныхъ странъ, въ особенности въ Германіи. Англійскій пролетаріатъ явилъ своимъ примѣромъ наглядное доказательство того, что рабочій классъ можетъ достигнуть высокой степени сознательности совершенно независимо и даже наперекоръ той специфической „сознательности“, которую стараются ему привить пытающіеся взять его подъ свою ферулу буржуазные доктринеры революціонно-утопическаго (хотя и называемаго ими „научнымъ“) соціализма, присвоившіе себѣ претенціозное названіе „идеологовъ пролетаріата“.

Реформа 1867 г. была вскорѣ дополнена закономъ, отмѣнившимъ традиціонную открытую подачу голосовъ при выборахъ въ парламентъ и замѣнившимъ ее тайнымъ голосованіемъ (1872 г.). Законъ этотъ точно также имѣлъ демократическій характеръ, такъ какъ увеличивалъ значеніе бѣдныхъ и невліятельныхъ избирателей, освобождая ихъ отъ имѣвшаго мѣсто во многихъ случаяхъ давленія на нихъ со стороны представителей земельной и денежной аристократіи.

Третья парламентская реформа, 1884 г.

Наконецъ, дальнѣйшимъ шагомъ къ демократизаціи англійскаго политическаго строя былъ проведенный въ концѣ 1884 г.,

по почину Гладстона (одного изъ авторовъ реформы 1867 г.), „законъ о народномъ представительствѣ". Въ силу этого закона, извѣстнаго также подъ названіемъ третьей парламентской реформы (послѣ реформъ 1832 и 1867 г.), страна была раздѣлена на равные по количеству населенія (50,000 чел.) избирательные округа. О важности произведенной закономъ 1884 г. перемѣны, въ смыслѣ дальнѣйшей демократизаціи политическаго строя Англіи, можно судить по тому, что число избирателей, въ силу этой реформы, сразу увеличилось почти втрое.

Въ результатѣ трехъ парламентскихъ реформъ, постепенно распространившихъ избирательное право на всѣ слои націи, англійская Палата общинъ совершенно утратила свой прежній аристократическій и плутократическій характеръ. Интересно отмѣтить, что законы 1867, 1872 и 1885 гг. осуществляли цѣликомъ или отчасти главнѣйшіе изъ пунктовъ „народной хартіи" 1838 г.: тайное голосованіе, равные избирательные округа, распространеніе избирательнаго права, путемъ пониженія ценза почти до размѣровъ всеобщаго.

Дальнѣйшая демократизація общественнаго строя Англіи.

Демократизація общественно-политическаго строя продолжалась послѣ этого въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія. Законами 1888 и 1894 г. управленіе графствъ и приходовъ, находившееся фактически въ рукахъ мѣстной земельной аристократіи, было преобразовано на началахъ равнаго участія всѣхъ мѣстныхъ плательщиковъ налоговъ—въ выборахъ „совѣтовъ графствъ" и „приходскихъ совѣтовъ".

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что часть этихъ демократическихъ реформъ была проведена консервативнымъ министерствомъ лорда Сольсбери (1885—1892 г.) [1]). Этотъ фактъ, какъ и многіе другіе, указываетъ на то, что общая тенденція къ дезаристократизаціи „старой Англіи" не осталась безъ вліянія и на вышедшую изъ аристократическаго торизма консервативную партію. Дѣло въ томъ, что, съ расширеніемъ избирательнаго права, аристократическіе элементы постепенно утратили свое преобладающее вліяніе въ странѣ, а стало быть и въ парламентѣ, и для того чтобы обезпечить себѣ дальнѣйшее вліятельное положеніе въ странѣ и въ парламентѣ, консервативной партіи пришлось искать опоры въ болѣе широкихъ слояхъ націи, т. е. въ городской буржуазіи и въ рабочемъ пролетаріатѣ. Такимъ образомъ, изъ представительницы аристократическихъ слоевъ націи, бывшая

[1]) H. D. Traill. Life of Marquis of Salisbury. London, 1890.

партія тори превратилась въ новѣйшее время въ представительницу консервативныхъ элементовъ всѣхъ слоевъ и въ выразительницу существующихъ въ странѣ консервативныхъ тенденцій. Поэтому переименованіе старой партіи тори въ консервативную послѣ 1832 г. имѣло серьезныя основанія: оно выражало вполнѣ реальную и глубокую перемѣну въ самомъ характерѣ партіи.

Независимо отъ различія между двумя господствующими въ Англіи партіями, либеральной и консервативной,—различія, вытекающаго изъ противоположности ихъ основныхъ политическихъ тенденцій,—начиная съ семидесятыхъ годовъ XIX в. между ними намѣчается также довольно явственное различіе въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней политикѣ. Въ то время какъ Гладстонъ [1]) наиболѣе выдающійся изъ лидеровъ либеральной партіи во второй половинѣ XIX в., старался подчеркнуть миролюбіе Англіи, его преемникъ по министерству, лидеръ консерваторовъ Дизраэли (получившій въ 1876 г. титулъ лорда Биконсфильда) (1874—1880) [2]), настаивалъ прежде всего не усиленіи международнаго престижа Англіи, которую онъ на своемъ, нѣсколько напыщенномъ языкѣ, любилъ называть „Британской имперіей“. По иниціативѣ Дизраэли, королева Викторія приняла въ 1876 г. титулъ „императрицы Индіи“. Преемникъ лорда Биконсфильда по консервативному министерству, лордъ Сольсбери (1885—1892, 1895—1905), продолжалъ традиціи имперіализма, какъ стали называть это направленіе внѣшней политики международнаго величія.

Въ позднѣйшую пору англійскій имперіализмъ выразился также въ стремленіи связать различныя части „Британской имперіи“ болѣе тѣсными узами, и въ частности—поставить англійскія колоніи въ болѣе тѣсную зависимость отъ метрополіи. Но эти стремленія англійскихъ имперіалистовъ не встрѣтили себѣ сочувствія со стороны колоній, привыкшихъ изстари къ самой широкой автономіи, и агитація въ этомъ направленіи скоро прекратилась въ Англіи.

Что касается либеральной партіи, то въ восьмидесятыхъ годахъ изъ нея выдѣлилась новая партійная группа подъ названіемъ либераловъ-уніонистовъ, или просто уніонистовъ. Выдѣленіе это произошло на почвѣ ирландскаго вопроса. Въ семидесятыхъ

---

[1]) Первое министерство Гладстона: 1868—1874 г., второе: 1880—1885, третье: 1886, четвертое и послѣднее: 1892—1894. Гладстонъ умеръ въ 1898 г., на 90 году отъ рожденія.

[2]) J. Hitchman. Earl of Beaconsfield. 2 vol. London, 1879.

Ирландскій вопросъ.

годахъ возобновилась въ Ирландіи агитація въ пользу возстановленія ирландской автономіи. Въ 1870 г. ирландскими автономистами была организована Ассоціація для возстановленія ирландскаго парламента, ставившая себѣ цѣлью добиваться легальными средствами ирландской автономіи или гомруля (Home rule), какъ ее обыкновенно называли [1]). Во главѣ ирландскихъ автономистовъ или гомрулеровъ сталъ энергичный и талантливый Парнелль [2]). Выбранный въ 1875 г. въ парламентъ, онъ объединилъ ирландскихъ депутатовъ подъ знаменемъ гомруля. Составляя незначительное меньшинство, партія гомруля, по почину Парнелля, приняла тактику обструкціи. Посредствомъ нескончаемыхъ рѣчей, продолжавшихся по нѣскольку часовъ, смѣнявшіеся по очереди на трибунѣ ирландскіе депутаты безконечно затягивали засѣданія и тѣмъ совершенно парализовали дѣятельность парламента [3]). Этой тактикой имѣлось въ виду дать парламенту наглядное доказательство невозможность правильнаго функціонированія его, пока не будетъ дано удовлетвореніе ирландцамъ, и тѣмъ заставить парламентъ заняться ирландскимъ вопросомъ.

Одновременно въ Ирландіи возобновила свою дѣятельность революціонная партія „феніевъ“, стремившаяся къ насильственному и полному отторженію Ирландіи отъ Англіи и образованію независимой ирландской республики [4]). Для того чтобы втянуть въ борьбу ирландскихъ крестьянъ и подготовить почву для возстанія, фенiи организовали такъ называемую Земельную Лигу, которая ставила задачею — добиваться передачи всѣхъ земель въ Ирландіи въ собственность крестьянамъ, которые пользовались этими землями въ качествѣ арендаторовъ, за умѣренный выкупъ. Тѣ изъ землевладѣльцевъ, которые отказывались принять эти условія и выселяли арендаторовъ съ своихъ земель при помощи англійской полиціи и солдатъ, подвергались „бойкоту“. Этотъ новый способъ воздѣйствія получилъ свое названіе отъ имени того лица, къ которому онъ былъ впервые примѣненъ, въ 1880 г. Управляющій однимъ имѣніемъ, капитанъ Бойкотъ (Boycott), объявленный Земельной Лигой въ опалѣ, былъ покинутъ всѣми своими

---

[1]) Отъ Home, что значитъ „свой домъ“, „свой очагъ“, и Rule—правило, правленіе.

[2]) T. P. O'Connot. The Parnell movement. London, 1886.

[3]) Въ теченіе сессіи 1879 г. Парнелль выступалъ на парламентской трибунѣ около 500 разъ; другіе два ирландскихъ депутата каждый по 200 разъ. Одно засѣданіе тянулось безъ перерыва съ половины второго пополудни до половины перваго слѣдующаго дня.

[4]) J. Rutherford. The Fenian conspiracy. 2 vol. London.

служащими и рабочими; все окрестное населеніе отказалось отъ всякихъ сношеній съ „бойкотируемымъ“; онъ не могъ ничего ни продать, ни купить и въ концѣ концовъ нашелъ себя вынужденнымъ покинуть Ирландію.

На почвѣ провозглашенной Лигой борьбы за землю, начались террористическіе акты, сначала въ Ирландіи, а затѣмъ и въ самой Англіи. Въ 1882 г. въ Дублинѣ были заколоты кинжаломъ представитель англійскаго правительства въ Ирландіи лордъ Кэвендишъ и его помощникъ. Въ 1883—1885 г. „феніями“ было произведено нѣсколько динамитныхъ взрывовъ въ Лондонѣ, въ томъ числѣ одинъ въ самомъ зданіи парламента.

Въ концѣ концовъ правительству и парламенту, дѣйствительно, пришлось заняться ирландскимъ вопросомъ. На ряду съ репрессивными мѣрами, принятыми противъ Земельной Лиги (она была закрыта) и противъ выдающихся вождей ирландскаго движенія (Парнелль и нѣсколько другихъ ирландскихъ депутатовъ были арестованы и заключены въ тюрьму), правительствомъ Гладстона былъ проведенъ въ 1881 г. такъ называемый земельный законъ, которымъ ирландскіе крестьяне-арендаторы обезпечивались отъ произвола лэндлордовъ и ихъ управляющихъ. Одновременно съ вождями ирландскаго движенія было заключено соглашеніе: они были отпущены на свободу. Кромѣ того, правительствомъ было обѣщано сложить недоимки съ ирландскихъ арендаторовъ. Но этими палліативными мѣрами удалось лишь нѣсколько ослабить остроту ирландскаго вопроса, но не разрѣшить его. Полнымъ разрѣшеніемъ вопроса, съ точки зрѣнія большинства ирландцевъ, могъ быть лишь гомруль. Эта точка зрѣнія раздѣлялась и многими изъ англійскихъ либераловъ, въ томъ числѣ и ихъ лидеромъ Гладстономъ. И вотъ, когда онъ въ 1886 г. въ третій разъ сталъ во главѣ правительства, онъ внесъ въ парламентъ билль о гомрулѣ для Ирландіи. Но въ этомъ вопросѣ партія отказалась дружно идти за своимъ лидеромъ, и билль былъ отвергнутъ. Гладстонъ долженъ былъ выйти въ отставку, а отдѣлившаяся въ этомъ вопросѣ о гомрулѣ отъ большинства либеральной партіи группа, съ примкнувшей къ ней частью радикаловъ, съ Чемберленомъ (Chamberlain) во главѣ, образовала новую партію подъ названіемъ либерально-уніонистской, такъ какъ она выставляла на своемъ знамени требованіе единенія (union) Ирландіи съ Англіей. Такимъ образомъ, на почвѣ возродившагося ирландскаго вопроса произошла перестройка и новая группировка парламентскихъ партій: съ одной стороны либералы и ирландцы, съ другой—консерваторы и уніо-

Перестройка партій.

листы. Уніонисты стали также всецѣло на сторону консерваторовъ въ ихъ внѣшней политикѣ имперіализма. Эта политика, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ колоніальныхъ войнъ (египетская экспедиція, война съ Афганистаномъ, съ южно-африканскими туземными племенами, наконецъ—съ бурскими республиками) и территоріальныхъ захватовъ (Египетъ, Кипръ, Сокотора, бурскія республики), въ семидесятыхъ годахъ едва не привела къ вооруженному столкновенію съ Россіей, а въ началѣ нашего столѣтія—съ Франціей, что въ обоихъ случаяхъ угрожало обще-европейской войной. Вообще имперіалистская политика очутившихся у власти въ послѣдніе годы XIX и въ началѣ XX в. консерваторовъ и уніонистовъ, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ обостреніе взаимныхъ отношеній между Англіей, величайшей морской державой, и Россіей, величайшей державой континентальной, являлась въ теченіе многихъ лѣтъ постоянной угрозой международному миру. Эта же политика англійскихъ имперіалистовъ была одною изъ косвенныхъ причинъ русско-японской войны 1904—1905 гг., такъ какъ вызвавшая этотъ конфликтъ наступательная политика Россіи на Дальнемъ Востокѣ была, въ свою очередь, вызвана вытекавшими изъ имперіализма правящихъ круговъ Англіи притязаніями послѣдней на гегемонію въ Восточной Азіи. Но побѣдоносный для Японіи исходъ войны нанесъ сильный ударъ и этимъ притязаніямъ Англіи. Послѣ этого въ странѣ произошло охлажденіе къ идеямъ имперіализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ консервативное министерство лорда Сольсбери должно было уступить власть либеральному министерству Кэмпбелля-Бэннермана (Campbell-Bannerman) (1905—1908) [1]). Имперіализмъ.

XI. Эпоха второй имперіи. 1852—1870.

I. Изданій архивныхъ документовъ для этой эпохи пока еще не существуетъ; всѣ доступные документальные источники для ея исторіи исчерпываются различными періодическими оффиціальными изданіями, какъ-то: Annales du Sénat et du Corps législatif (съ 1860 г.), Bulletin des lois, Moniteur universel (Правительственный вѣстникъ, преобразованный съ 1869 г. въ Journal officiel), Gazette des tribunaux. — Большое значеніе имѣютъ, особенно для изученія партійной эволюціи и соціальнаго движенія, современные періодическіе органы различныхъ партій: бонапартистовъ или имперіалистовъ (Le Constitutionnel, Le Pays, La Patrie), легитимистовъ (La Gazette de France, L'Union), орлеа- Источники и литература.

[1]) Въ свою очередь, Кэмпбелль-Бэннерманъ долженъ былъ въ 1908 г. уступить власть Асквиту, продолжающему по настоящее время занимать постъ премьера.

писловъ (Journal des Débats, Journal de Paris), умѣренныхъ республиканцевъ (Le Siècle, le Temps), радикаловъ и соціалистовъ (Le Courrier français, Le Nain jaune, Le Réveil, La Lanterne, Le Rappel), консерваторовъ и клерикаловъ (L'Univers, Le Monde).—Парламентскія рѣчи: A. Berryer. Discours parlementaires. 5 vol. Paris, 1872—1875; Jules Favre. Discours parlementaires. 4 vol. Paris, 1881; Jules Ferry. Discours et opinions. 2 vol. Paris, 1893—1894; Léon Gambetta. Discours et plaidoyers politiques. 9 vol. Paris, 1881—1885; Jules Grévy. Discours politiques et judiciaires. 2 vol. Paris, 1888; Ernest Picard. Discours parlamentaires. 3 vol. Paris, 1886—1890; A. Thiers. Discours parlamentaires. 16 vol. Paris, 1889.—II. Мемуары и переписка современниковъ: Clamageran. Correspondance (1849—1902). Paris, 1906; P. Mérimée. Lettres à une inconnue. 2 vol. Paris, 1873; Papiers et correspondance de la famille impériale. 2 vol. Beauvais, 1871—1872; Papiers sauvés des Tuileries. Paris, 1871; Proudhon. Correspondance. 14 vol. Paris, 1874—1875; E. Quinet. Lettres d'exil. 4 vol. Paris, 1884—1886; George Sand. Correspondance. 6 vol. Paris, 1882—1884; Veuillot. Correspondance. 7 vol. Paris, 1884—1892; comte d'Alton-Shée. Mes mémoires. 2 vol. Paris, 1868—1869; Odilon Barrot. Mémoires, 4 vol. Paris, 1875—1876; Granier de Cassagnac. Souvenirs du second Empire. 3 vol. Paris, 1879—1882; duc de Persigny. Mémoires. Paris, 1899; Quentin-Bouchart. Etudes et souvenirs sur la deuxième République et le second Empire, 1848—1870. Paris, 1901; maréchal Randon. Mémoires. 2 vol. Paris, 1876—1877; Henri Rochefort. Les aventures de ma vie. 5 vol. Paris, 1896; Scheurer-Kestner. Souvenirs de jeunesse. Paris. 1905; A. Thiers. Notes et souvenirs. Paris, 1905; Viel Castel. Mémoires sur le règne de Napoléon III. 6 vol. Bern, 1881—1884; Maupas. Mémoires, 2 vol. Paris, 1884; Falloux. Mémoires d'un royaliste. 2 vol. Paris, 1888; Haussmann. Mémoires. 4 vol. Paris, 1890.—III. Историческія монографіи T. Delord. Histoire du second Empire. 6 vol. Paris, 1868—1875; P. de la Gorce Histoire du second Empire, 7 vol. Paris, 1894—1905; Ollivier. L'Empire libéral. 12 vol. Paris, 1895—1909; G. Hanotaux. Histoire de la France contemporaine. t. I—III. Paris, 1903—1908; Beamont-Vassy. Histoire intime du second Empire. Paris, 1874: Darimon. Histoire d'un parti. Les Cinq sous l'Empire. Paris, 1885; Darimon. L'opposition libéral sous l'Empire. Paris, 1886; Darimon. Le tiers-parti sous l'Empire. Paris, 1887; Darimon. Les irréconciliables sous l'Empire. Paris, 1888; Darimon. Les Cent-seize et le ministère du 2 janvier, Paris, 1889; Ebeling. Napoleon III und sein Hof. 3 Bde. Cöln, 1891—1893; C. Bulle. Geschichte des zweiten Kaiserreichs und des Königreichs Italien. Berlin, 1890. См. также выше, стр. 1—2.

Политика Наполеона III и восточный вопросъ.

Нео-наполеоновская политика.

Переворотъ 1851—1852 гг. во Франціи имѣлъ огромное значеніе не для нея лишь одной, но и для всей Европы, такъ какъ косвеннымъ результатомъ этого переворота былъ цѣлый рядъ крупныхъ войнъ въ Европѣ, а эти войны, въ свою очередь, имѣли важныя послѣдствія. 1) Онѣ снова перекроили политическую карту Европы, установленную вѣнскимъ конгрессомъ (и съ тѣхъ поръ потерпѣвшую лишь незначительныя измѣненія). 2) Онѣ внесли пе-

реворотъ въ европейское равновѣсіе, создавши двѣ новыя великія державы въ лицѣ объединенной Германіи и объединенной Италіи. 3) Онѣ отразились на внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ отдѣльныхъ европейскихъ странъ, а во Франціи закончились новой революціей и крушеніемъ второй имперіи.

Вторая имперія дебютировала знаменитой фразой: „Имперія, это—миръ". Въ дѣйствительности, вторая имперія, вмѣстѣ съ именемъ Наполеона, принесла съ собою новый періодъ европейскихъ войнъ.

Новыя „наполеоновскія" войны отчасти дѣйствительно вытекали изъ наполеоновскихъ традицій, наслѣдникомъ и поборникомъ которыхъ Луи-Наполеонъ себя считалъ, или по крайней мѣрѣ, выставлялъ; отчасти же онѣ обусловливались потребностями и соображеніями внутренней политики второй имперіи.

Выступая въ качествѣ наслѣдника наполеоновскихъ традацій, Луи-Наполеонъ тѣмъ самымъ бралъ на себя передъ страной обязательство—возвратить Франціи то преобладающее въ политическомъ и военномъ отношеніи положеніе, которое она занимала въ эпоху „великаго" Наполеона. Достигнуть этого Наполеонъ III разсчитывалъ путемъ энергической и притязательной внѣшней политики и посредствомъ различныхъ дипломатическихъ комбинацій, стараясь использовать въ своихъ видахъ однѣ державы и парализовать или ослабить при ихъ помощи другія державы. Такимъ путемъ Наполеону III удалось, дѣйствительно, если не возвратить Франціи ея былое преобладающее положеніе въ Европѣ, то во всякомъ случаѣ—перенести въ Парижъ центръ тяжести всей европейской дипломатіи, создать для Парижа значеніе главнаго узла всѣхъ международныхъ нитей. Это создавало иллюзію силы и преобладанія Франціи, что льстило тщеславію Наполеона III и окружало новаго императора тѣмъ ореоломъ, который былъ такъ необходимъ для укрѣпленія его шаткаго трона. Но въ концѣ концовъ, завязанные въ Парижѣ дипломатическіе узлы приходилось разрубать мечемъ, и результатомъ притязательной и суетливой политики Наполеона III были войны, вредныя для Франціи и гибельныя для самой имперіи.

Это не мѣшало тому, что Наполеонъ III не только не избѣгалъ войнъ, а въ отдѣльныхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ, вызывалъ ихъ преднамѣренно и сознательно, такъ какъ видѣлъ въ нихъ могучее средство для отвлеченія вниманія страны отъ внутреннихъ вопросовъ и для возбужденія въ націи того воинственнаго патріотизма, въ которомъ вторая имперія, по примѣру первой, надѣялась найти себѣ моральную опору.

Первымъ результатомъ нео-наполеоновской политики Франціи было вмѣшательство ея, въ союзѣ съ Англіей и Сардиніей, въ восточный вопросъ.

Восточный вопросъ, его происхожденіе и эволюція.

Восточный вопросъ [1]), то есть вопросъ о существованіи Турціи, какъ европейской державы, возникъ, собственно говоря, со времени завоеванія Константинополя турками (1453 г.). Не смотря на свои дальнѣйшіе завоевательные успѣхи въ бывшихъ владѣніяхъ Византіи, христіанская Европа смотрѣла на владычество турокъ надъ христіанскими народами, какъ на вопросъ, и вопросъ этотъ разрѣшался, въ принципѣ конечно, отрицательно. Разрѣшеніе его представлялось первоначально въ видѣ изгнанія турокъ изъ Европы и возстановленія Византійской имперіи. Прежде, однако, чѣмъ Европа успѣла перейти отъ принципіальнаго рѣшенія къ практическому, вопросъ успѣлъ получить совершенно иную постановку. Въ первой половинѣ XVI вѣка Европѣ пришлось думать уже не объ изгнаніи турокъ изъ ихъ владѣній, а о собственной оборонѣ противъ дальнѣйшаго напора ихъ на Европу: въ 1529 году приходилось оборонять отъ турецкихъ ордъ самую столицу Австріи [2]).

Послѣ отраженія турецкаго нападенія на Западную Европу, восточный вопросъ почти на двѣсти лѣтъ сходитъ со сцены: турки, послѣ неудачи 1529 года, отказываются отъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ попытокъ, а Европа слишкомъ занята своими дѣлами (реформація, религіозныя войны), чтобы интересоваться дѣлами Востока. Но вотъ, съ начала XVIII вѣка Оттоманская имперія начинаетъ проявлять признаки упадка и внутренняго разложенія, и европейскіе сосѣди Турціи снова начинаютъ относиться къ ней вопросительно. Но на этотъ разъ восточный вопросъ выступаетъ на историческую сцену въ нѣсколько иной постановкѣ. Рѣчь уже идетъ не о возстановленіи Византійской имперіи, а о раздѣлѣ европейскихъ владѣній Турціи между ея европейскими сосѣдями, то-есть Россіей и Австріей. Первый шагъ къ такому рѣшенію восточнаго вопроса былъ сдѣланъ Австріей, которая въ началѣ XVIII в. отняла у турокъ Венгрію. Вслѣдъ за ней Россія вступаетъ на тотъ же путь присоединеніемъ Крыма и прилегающаго

---

[1]) Driault. La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours. Paris, 1905; Bamberg. Geschichte der orientalischen Angelegenheiten (1856—1878). Berlin, 1888; Choublier. La question d'Orient depuis le traité de Berlin. Paris, 1897; Cahuet. La question d'Orient dans l'histoire contemporaine (1820—1905). Paris, 1905; De la Jonquière. Histoire de l'empire Ottoman. Paris, 1881; Rosen. Gesch. der Türkei. 2 Bde. 1866—1867. См. также: Bengesco. Essai d'une bibliographie sur la question d'Orient, de 1821 à 1897.

[2]) См. выше, т. III, стр. 46.

къ нему азовскаго и черноморскаго побережья, въ 1774, 1783 и 1791 г. Въ тотъ же періодъ времени Австрія отбираетъ у турокъ Буковину (1777 г.), а въ 1812 году Россія занимаетъ Бессарабію. Но это вступленіе сосѣдей Оттоманской имперіи на путь практическаго разрѣшенія восточнаго вопроса въ свою пользу, естественно, вызываетъ соревнованіе въ другихъ великихъ державахъ, Франціи и Англіи, которыя, съ конца XVIII вѣка, вступаютъ на тотъ же путь. Восточный вопросъ, такимъ образомъ, расширяется и осложняется. Изъ вопроса между Турціей и ея сосѣдями онъ развертывается въ вопросъ общеевропейскій. Онъ становится почвой для соперничества между великими державами, и это соперничество разрушаетъ традиціонную солидарность христіанской Европы въ ея враждебномъ отношеніи къ Турціи и создаетъ послѣдней защитниковъ въ средѣ самихъ христіанскихъ державъ.

Къ двумъ исконнымъ сосѣдкамъ Турціи, Россіи и Австріи, кампо-формійскій трактатъ 1797 года присоединяетъ третью, въ лицѣ Франціи, получившей въ свои владѣнія Іонійскіе острова и Далмацію [1]). Египетская экспедиція Наполеона втянула въ восточныя дѣла и Англію [2]). Результатомъ этой экспедиціи было перенесеніе театра англо-французской войны въ предѣлы Оттоманской имперіи, при чемъ Англія брала на себя въ данномъ случаѣ роль защитницы и союзницы Турціи. Это былъ первый случай вооруженной защиты Турціи со стороны одной изъ христіанскихъ державъ противъ другой, равно какъ и первый же случай войны между европейскими державами на оттоманской территоріи. Непосредственнымъ результатомъ этой войны была военная оккупація Англіей Египта, поставившая также Англію въ положеніе сосѣдки Турціи. Правда, оккупація эта была недолговременной (до 1803 г.), но зато Англія оставила за собой захваченную во время этой войны съ Франціей о. Мальту, что, принимая во вниманіе значеніе Англіи, какъ морской державы, ставило ее также въ положеніе сосѣдки Оттоманской имперіи — по морю. Впрочемъ, во второй половинѣ XIX вѣка Англія снова заняла Египетъ на правахъ временной оккупаціи, но фактически Египетъ сдѣлался постояннымъ владѣніемъ Англіи, которая, такимъ образомъ, сама сдѣлалась восточной державой, тѣсно связанной своими интересами съ Турецкой имперіей.

---

[1]) См. выше, выпускъ I, стр. 92.
[2]) См. выше, выпускъ I, стр. 95—97.

Съ утратой Франціей своихъ балканскихъ владѣній послѣ вѣнскаго конгресса, восточный вопросъ сдѣлался полемъ для взаимнаго соперничества главнымъ образомъ между тремя великими державами—Россіей, Австріей и Англіей. Благодаря этому соперничеству, восточный вопросъ, который неоднократно былъ, казалось, близокъ къ своему рѣшенію въ смыслѣ раздѣла Турціи, получилъ затяжной характеръ, а тѣмъ временемъ на историческую сцену выступилъ повый факторъ, который принесъ съ собою новые элементы осложненія и обострепія въ восточный вопросъ. Этотъ факторъ—національно-освободительное движеніе, которое возникаетъ среди подвластныхъ Турціи христіанскихъ народностей въ концѣ XVIII вѣка и развивается медленно, но неудержимо въ теченіе всего XIX столѣтія и вилоть до нашихъ дней. Благодаря выступленію этого новаго фактора, старый вопросъ о раздѣлѣ Турціи постепенно отодвигается и заслоняется другимъ вопросомъ: о національно-политической эмансипаціи подвластныхъ ей христіанскихъ народностей. Движеніе это пашло себѣ поддержку со стороны Россіи, которая, послѣ присоединенія Крыма и Бессарабіи и подчиненія своему протекторату Молдавіи и Валахіи, могла считать свои естественныя границы со стороны Турціи вполнѣ обезпеченными и потому не имѣла основаній стремиться въ дальнѣйшемъ расширенію своей территоріи на ея счетъ. Въ этомъ отношеніи Россія даже предупредила пробужденіе національныхъ стремленій балканскихъ народностей, выступивъ еще въ 1781 году съ проектомъ выдѣленія Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи изъ турецкихъ владѣній въ автономное христіанское княжество, подъ именемъ Дакіи. Объ освобожденіи славянскихъ народностей Балканскаго полуострова тогда еще не было рѣчи, и въ своемъ знаменитомъ „греческомъ проектѣ“ Екатерина II имѣла въ виду лишь возстановленіе Византійской имперіи въ пользу своего внука, Великаго Князя Константина. Но начавшееся въ XIX вѣкѣ національно-освободительное движеніе среди балканскихъ славянъ, естественно, встрѣтило себѣ сочувствіе, а затѣмъ и реальную поддержку со стороны единовѣрной и единоплеменной Россіи, на которую славянскія народности Балканскаго полуострова, съ своей стороны, стали смотрѣть, какъ на свою естественную покровительницу и защитницу.

Вопросъ о національно-политической эмансипаціи христіанскихъ народностей.

Особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣла русско-турецкая война 1788—1792 гг., когда театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ русскими на территорію Болгаріи. При-

ходъ русскихъ, въ которыхъ болгарамъ не трудно было распознать близкихъ по языку и вѣрѣ людей, впервые послѣ долгаго оттоманскаго гнета вызвалъ среди болгаръ патріотическій подъемъ и пробудилъ мысль о національномъ освобожденіи. Многочисленныя дружины добровольцевъ присоединились къ русскимъ войскамъ для борьбы противъ общаго врага. Неосуществившіяся надежды на національное освобожденіе, конечно, нанесли сильный ударъ начавшемуся національному подъему, но толчокъ національно-освободительному движенію былъ данъ, и остановить его уже было трудно. Болѣе пылкія головы мечтали не только объ освобожденіи и возстановленіи Болгарскаго царства, но и объ изгнаніи турокъ изъ Константинополя, который имѣлъ сдѣлаться, по ихъ мысли, столицей новаго Болгарскаго царства. Въ концѣ XVIII вѣка и въ первые годы XIX болгарскіе патріоты даже попытались осуществить свои мечты посредствомъ возстанія. Повстанцы вначалѣ имѣли настолько рѣшительный успѣхъ, что одно время завладѣли Адріанополемъ, но предоставленные своей собственной участи, не встрѣчая ни откуда извнѣ поддержки, они, естественно, были въ концѣ концовъ раздавлены турками. Однако надежда вырваться изъ-подъ турецкаго гнета не умирала съ тѣхъ поръ въ болгарскомъ народѣ. Въ 1850 году, быть можетъ, подъ вліяніемъ примѣра своихъ сосѣдей и соплеменниковъ сербовъ и хорватовъ, поднявшихъ оружіе противъ венгровъ, болгары сдѣлали новую попытку стряхнуть съ себя турецкое иго, но и на этотъ разъ попытка окончилась полной неудачей. Имъ пришлось терпѣть еще больше четверти столѣтія, пока давно жданное освобожденіе не было имъ принесено братскими русскими войсками (1877 г.) [1]).

Одновременная съ русско-турецкой, австро-турецкая война въ концѣ XVIII столѣтія дала толчокъ къ національно-освободительному движенію и среди сербовъ. Прибытіе австрійскихъ войскъ, среди которыхъ было много славянъ, вызвало въ Сербіи такой же патріотическій подъемъ, какъ прибытіе русскихъ въ Болгарію. Многіе сербы вступали въ ряды австрійской арміи и болѣе способные изъ нихъ дослуживались до офицерскихъ чиновъ. Въ теченіе войны турки принуждены были очистить Сербію, и это мимолетное освобожденіе отъ турецкаго ига оставило неизгладимый слѣдъ въ настроеніи сербскаго народа. „Ахъ, что вы сдѣлали съ нашими райя!“—съ меланхолическимъ упрекомъ говорили турецкіе

---

[1]) Матвѣевъ. Болгарія послѣ берлинскаго конгресса. Спб. 1887; Лавеле. Балканскій полуостровъ. Москва, 1889.

комиссары своимъ австрійскимъ коллегамъ послѣ заключенія мира и возвращенія Сербіи подъ власть турокъ.

Вмѣстѣ съ серьезнымъ матеріальнымъ ударомъ, нанесеннымъ турецкому владычеству въ Сербіи послѣдней войной, ею былъ нанесенъ чувствительный моральный ударъ и турецкому престижу, благодаря тому, что Турція обязалась, по систовскому миру, даровать амнистію всѣмъ сербамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ. Подобно тому, какъ косвеннымъ слѣдствіемъ русско-турецкой войны было возстаніе болгаръ, такъ косвеннымъ слѣдствіемъ австро-турецкой войны было возстаніе сербовъ (1804—1817 г.). Послѣдніе оказались счастливѣе, такъ какъ вскорѣ послѣ начала возстанія Россія снова начала войну съ Турціей и оказала возставшимъ сербамъ серьезную поддержку оружіемъ и деньгами. Въ результатѣ сербамъ удалось отвоевать себѣ фактическую національную свободу, хотя, правда, и не санкціонированную никакимъ трактатомъ. По Бухарестскому миру 1812 года Россія выговорила амнистію возставшимъ сербамъ и внутреннюю автономію, но въ то же время признала за Турціей право на дань съ Сербіи и на обладаніе сербскими крѣпостями, несмотря на то, что послѣднія находились въ рукахъ сербовъ. Это значило благословить турокъ, у которыхъ теперь были развязаны руки, на расправу съ Сербіей. Сербы, дѣйствительно, были раздавлены, а главный предводитель ихъ Карагеоргій бѣжалъ въ Австрію. Но къ счастью для сербовъ, у нихъ оказался другой, болѣе мужественный и умный предводитель въ лицѣ Милоша Обреновича. Послѣдній заперся въ одной изъ оставшихся въ рукахъ сербовъ крѣпостей и путемъ переговоровъ добился отъ турокъ признанія себя княземъ нѣсколькихъ сербскихъ областей на правахъ вассала турецкаго султана. Вассальное княжество Обреновичей и было той ячейкой, изъ которой образовалась, при содѣйствіи русскаго оружія (1876—1877 г.) [1]) современная суверенная Сербія, сначала съ титуломъ княжества (1878 г.), а затѣмъ — королевства (1882 г.) [2]).

---

[1]) Гейсманъ. Сербо-турецкая борьба 1876—1878 г.; Lecomte. La guerre d'Orient, 1876—1877.

[2]) Вотъ важнѣйшіе этапы постепенной національно-политической эмансипаціи Сербіи. По Адріанопольскому миру 1830 года Россія выговорила нѣкоторыя новыя льготы для Сербіи (свобода православнаго богослуженія, право избирать свое духовенство съ своимъ митрополитомъ во главѣ). Въ 1834 году, подъ давленіемъ Россіи и Европы, турки очистили сербскія крѣпости, за исключеніемъ Бѣлграда, а въ 1867 году турецкій гарнизонъ былъ удаленъ и изъ Бѣлграда. Въ 1876—1878 г., въ результатѣ возстанія сербовъ и русско-турецкой войны, по Берлинскому трактату Сербія, увеличенная территоріально нишскимъ округомъ, получила полную независимость. По исторіи Сербіи см. Гильфердингъ. Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ (Собр. соч., т. I—II, Спб. 1868); Иларъ Поповъ.

Первыя два десятилѣтія XIX вѣка ознаменовались пробужденіемъ національно-освободительныхъ стремленій также и среди другихъ подвластныхъ Турціи христіанскихъ народностей, а именно — грековъ и румынъ [1]). Въ обоихъ случаяхъ національно-освободительное движеніе вылилось, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ вооруженное возстаніе противъ турокъ. Греческое возстаніе вызвало сначала дипломатическое, а затѣмъ и военное вмѣшательство державъ (Россіи, Англіи и Франціи), имѣвшее своимъ результатомъ освобожденіе Греціи и выдѣленіе ея изъ состава Оттоманской имперіи въ формѣ самостоятельнаго королевства (1829 г.). Это былъ первый случай вооруженной коллективной поддержки національно-освободительному движенію балканскихъ народовъ со стороны европейскихъ державъ, а Греческое королевство было первымъ самостоятельнымъ христіанскимъ государствомъ, выдѣлившимся изъ состава Оттоманской имперіи [2]). Что касается дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, то судьба ихъ была рѣшена не столько мѣстнымъ возстаніемъ противъ турокъ, сколько вооруженнымъ вмѣшательствомъ Россіи. Молдавія и Валахія получили лишь ограниченную національно-политическую самостоятельность, въ формѣ двухъ автономныхъ княжествъ (господарствъ) подъ обоюднымъ протекторатомъ Россіи и Турціи. Послѣ попытки революціи въ 1848 году, подавленной совмѣстно войсками императора Николая I и султана, княжества были лишены права избирать своихъ господарей; господарь Валахіи былъ назначенъ русскимъ императоромъ, Молдавіи — султаномъ [3]).

Центробѣжныя стремленія въ Оттоманской имперіи.

Начавшіяся отпаденія христіанскихъ народовъ нанесли сильный ударъ престижу султана въ глазахъ его мусульманскихъ подданныхъ и дали толчокъ сепаратистскимъ стремленіямъ отдѣльныхъ областей Оттоманской имперіи. Въ 1831 году египетскій паша Мехмедъ-Али сдѣлалъ

Россія и Сербія. Москва, 1869; Будиловичъ. Очерки по сербской исторіи (Слав. сборникъ, т. II, Спб. 1877).

[1]) Kasasis. Griechen un Balgaren in XIX und XX Jahrh. Leipzig. 1908. Пречекъ. Исторія болгарскаго народа. Одесса, 1879.

[2]) Короли Греціи: Оттонъ I (1833—1863), Георгъ I, нынѣ царствующій (съ 1863 г.). Первый принадлежалъ къ баварской династіи Виттельсбаховъ, второй — сынъ датскаго короля Христіана IX.

[3]) Впослѣдствіи право избирать господарей было возвращено княжествамъ. Съ 1859 года оба княжества имѣли одного господаря въ лицѣ Александра Кузы, принявшаго въ 1861 году титулъ князя Румыніи подъ именемъ Александра I (1861—1866). Выбранный въ преемники ему князь Карлъ Гогенцолернъ-Зигмарингенъ (нынѣ царствующій) принялъ въ 1881 году титулъ короля Румыніи, подъ именемъ Карла I. Независимость Румыніи была признана Турціей еще въ 1877 г. По исторіи Румыніи см.: П. Борецкій-Бергфельдъ. Исторія Румыніи. Спб. 1909; въ этой книгѣ имѣется подробный указатель на литературу предмета.

смѣлую попытку отложиться отъ имперіи и образовать, вмѣстѣ съ отвоеванной имъ у султана Сиріей, самостоятельный султанатъ. Ободренный первыми успѣхами, предпріимчивый паша напалъ на Анатолію, ядро турецкой имперіи, и угрожалъ самому Константинополю. Испуганный султанъ обратился за помощью къ Россіи. На выручку султану Николай I послалъ 150-тысячную армію, и паша ретировался. Послѣ этого султанъ принужденъ былъ согласиться на предложеніе Николая I заключить союзъ, въ силу котораго Турція обязалась закрыть проливы для военныхъ судовъ всѣхъ державъ, кромѣ Россіи, которая съ своей стороны обѣщала защищать Турцію, въ случаѣ еслибы она подверглась нападенію. Этотъ трактатъ, подписанный въ Ункіаръ-Скелесси (на азіатскомъ берегу Босфора), въ іюнѣ 1833 года, въ сущности ставилъ Турцію подъ протекторатъ Россіи. Съ пашей, однако, султану Махмуду пришлось вести переговоры, какъ съ государемъ, и признать за нимъ обладаніе Египтомъ и Сиріей на правахъ турецкаго вассала. Попытка, сдѣланная султаномъ Хозроемъ, преемникомъ Махмуда, отобрать у Мехмеда-Али Сирію въ 1839 году вызвала повтореніе событій 1833 года. На этотъ разъ въ роли спасительницы Турціи Англія поспѣшила предупредить Россію. Паша принужденъ былъ смириться и отказаться отъ Сиріи (1840 г.), а султанъ заключить съ Англіей такъ называемую конвенцію о проливахъ, въ силу которой послѣдніе признавались закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Фактически конвенція, вносившая серьезную поправку въ русско-турецкій договоръ 1833 года, имѣла въ виду ослабить то преобладающее вліяніе, которое пріобрѣла Россія въ Константинополѣ послѣ 1833 года.

Русское вліяніе въ Турціи и соперничество державъ.

Греческое возстаніе, а затѣмъ египетскія событія обнаружили крайнюю непрочность Оттоманской имперіи; эти событія наглядно показали, что послѣдняя не можетъ держаться безъ посторонней помощи. Съ другой стороны, обнаружившійся послѣ 1833 года перевѣсъ русскаго вліянія въ Турціи обострилъ ревниво-недовѣрчивое отношеніе къ Россіи со стороны другихъ европейскихъ сосѣдей Оттоманской имперіи, Австріи и Англіи. Первая предпочитала на Балканскомъ полуостровѣ сосѣдство съ распадающейся Турціей, чѣмъ съ сильной Россіей; по аналогичнымъ соображеніямъ, Англія желала сохранить за Турціей обладаніе проливами, этимъ ключемъ къ Черному морю, которое угрожало превратиться въ русское озеро.

Изъ этого краткаго очерка видно, въ какомъ положеніи находился восточный вопросъ наканунѣ второй имперіи. Послѣ вѣнскаго

конгресса Франція, вытѣсненная съ Востока (Далмація, Іонійскіе острова), ослабленная въ военномъ отношеніи и слишкомъ занятая своими внутренними дѣлами, перестала принимать прежній живой интересъ въ восточныхъ дѣлахъ и мало-по-малу утратила то вліяніе, которымъ она тамъ пользовалась въ качествѣ традиціонной покровительницы всѣхъ христіанъ католическаго исповѣданія („латинянъ“). Благодаря этому покровительству, католики пользовались привилегированнымъ положеніемъ въ святыхъ мѣстахъ Палестины, и въ частности въ дѣлѣ обладанія Гробомъ Господнимъ. Но такимъ положеніемъ, естественно, не были довольны греки и другіе православные, которые также изъявляли притязаніе на обладаніе іерусалимскими святынями. Въ своихъ притязаніяхъ они нашли себѣ поддержку со стороны Россіи, которая считала себя, естественно, покровительницей своихъ единовѣрцевъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, и народъ которой выказывалъ большое тяготѣніе къ Святой Землѣ. Благодаря ослабленію французскаго вліянія и возрастанію русскаго въ Константинополѣ, православнымъ удалось добиться осуществленія нѣкоторыхъ изъ своихъ давнихъ притязаній, къ большому неудовольствію католиковъ.

Восточный вопросъ и неонаполеоновская Франція.

Этотъ споръ между католиками и православными въ Святой Землѣ далъ первый случай для вступленія неонаполеоновской Франціи на тотъ путь притязательной и размашистой внѣшней политики, которая послужила началомъ новаго періода европейскихъ войнъ. Луи-Наполеонъ хотѣлъ возстановить французское вліяніе на Востокѣ и возобновилъ притязанія на пришедшее въ забвеніе привилегированное положеніе Франціи на Востокѣ, въ качествѣ исключительной покровительницы „латинскихъ“ христіанъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи; онъ потребовалъ у турецкаго правительства возстановленія католиковъ въ ихъ прежнихъ правахъ относительно обладанія святыми мѣстами. Этимъ шагомъ Луи-Наполеонъ разсчитывалъ достигнуть сразу нѣсколькихъ выгодныхъ для себя результатовъ. Въ качествѣ претендента на императорскій тронъ, ему было важно выступить въ красивой роли защитника правъ и національнаго достоинства Франціи и привлечь на свою сторону католическое духовенство. Этимъ шагомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подставлялъ ногу Россіи, стоявшей за спиной православныхъ Востока; онъ разсчитывалъ ослабить ея вліяніе въ Константинополѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить непріятность лично императору Николаю I, которому онъ не могъ простить его высокомѣрно-пренебрежительнаго отношенія къ нему, Луи-Наполеону, какъ выскочкѣ и узурпатору. За-

тѣмъ, возбуждая восточный вопросъ, онъ надѣялся перессорить между собою наиболѣе заинтересованныя въ немъ державы, то-есть Россію, Австрію и Англію. Парализовавъ, такимъ образомъ, великія державы, онъ надѣялся расчистить почву для дальнѣйшихъ размаховъ французской политики. Въ частности, Луи-Наполеону было важно изолировать Австрію, для того чтобы потомъ нанести ей ударъ при помощи Италіи, изъ которой онъ надѣялся создать постоянный противовѣсъ австрійскому вліянію въ центральной Европѣ и тѣмъ ослабить международное положеніе Габсбургской монархіи. Освобожденіе Италіи отъ австрійскаго владычества и ея объединеніе при содѣйствіи Франціи входило въ планы Луи-Наполеона задолго до крымской войны. Уже въ концѣ 1852 года онъ заявилъ въ разговорѣ съ сардинскимъ посланникомъ: „Придетъ время, когда обѣ страны (Сардинія и Франція) выступятъ соратниками въ борьбѣ за благородное дѣло Италіи". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ высказалъ свои предвидѣнія на счетъ „крупныхъ территоріальныхъ измѣненій, которыя дадутъ возможность ожить итальянской націи". „Остается лишь ожидать, чтобы какой-нибудь угрозой Австрія дала Пьемонту удобный къ тому случай".

Въ виду всего этого, Луи-Наполеонъ, еще со времени своего президентства, сознательно подготовлялъ конфликтъ, который, безъ всякаго для него риска, сулилъ ему серьезныя выгоды. Своимъ образомъ дѣйствій императоръ Николай I какъ нельзя болѣе помогалъ осуществленію разсчетовъ Луи-Наполеона. Николай I имѣлъ неосторожность обнаружить передъ англійскимъ правительствомъ свои соображенія на счетъ предстоявшаго, по его мнѣнію, въ ближайшемъ будущемъ раздѣла наслѣдства „больного человѣка", какъ онъ выразился о Турецкой имперіи. Николай I разсчитывалъ на возможность соглашенія съ Англіей въ этомъ вопросѣ, но одна мысль о возможности русской оккупаціи Константинополя вызвала въ ней враждебное отношеніе къ планамъ Николая I и бросила англійское правительство въ объятія Франціи. Напугавши султана планами Россіи относительно ея раздѣла, Франція и Англія успѣли возстановить Турцію противъ Россіи. Результатомъ совмѣстныхъ усилій англо-французской дипломатіи въ Константинополѣ была новая русско-турецкая война (1853 г.), послужившая прологомъ для знаменитой крымской кампаніи, въ которой, въ качествѣ союзниковъ Турціи, приняли участіе Франція и Англія, къ которымъ къ концу войны присоединилась Сардинія, усилившая 15-тысячнымъ отрядомъ войска союз-

«Больной человѣкъ».

никовъ, въ надеждѣ получить въ награду за это содѣйствіе поддержку своимъ планамъ со стороны Франціи. Къ анти-русской коалиціи примкнула въ концѣ 1854 года и Австрія, рѣшившая „удивить міръ своею неблагодарностью“ по отношенію къ Россіи, только что незадолго передъ тѣмъ безкорыстно помогшей австрійскому правительству справиться съ грознымъ для монархіи Габсбурговъ венгерскимъ возстаніемъ. Впрочемъ, Австрія не приняла фактически участія въ войнѣ и ограничилась лишь тѣмъ, что приняла угрожающее положеніе по отношенію къ Россіи, послѣ того, впрочемъ, какъ императоръ Николай I, передъ которымъ трепетало въ свое время вѣнское правительство, сошелъ въ могилу, а на развалинахъ Севастополя развѣвался уже флагъ союзниковъ. Традиціи маккіавелевской мудрости нигдѣ не пустили столь глубокихъ корней, какъ въ монархіи Габсбурговъ, продолжающей и понынѣ оставаться имъ вѣрной.

Крымская война и парижскій миръ 1856 г.

Крымская война была, прежде всего, дѣломъ Наполеона III: онъ былъ настоящимъ центромъ и душой анти-русской коалиціи. Первенствующая роль Франціи въ этой войнѣ была подчеркнута и тѣмъ фактомъ, что мѣстомъ для мирныхъ переговоровъ былъ избранъ Парижъ.

По парижскому трактату (февраль—мартъ 1856 г.), подписанному, кромѣ участниковъ войны, Австріей и Пруссіей, державы гарантировали территоріальную неприкосновенность Оттоманской имперіи. Такимъ образомъ, восточный вопросъ оффиціально былъ признанъ общеевропейскимъ дѣломъ, при чемъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи, благодаря соперничеству державъ, превращался въ коллективную охрану послѣдними ея неприкосновенности. Далѣе, трактатъ объявлялъ Черное моря нейтральнымъ, и Россія обязывалась не имѣть на немъ военнаго флота и не возводить укрѣпленій на его берегахъ. Этотъ параграфъ трактата осуществлялъ давнишнія вожделѣнія Англіи. Россія должна была также отказаться отъ протектората надъ Молдавіей и Валахіей, и даже уступить въ пользу первой часть Бессарабіи. Это давало удовлетвореніе стремленію Австріи—отодвинуть Россію подальше отъ Дуная.

Крымская кампанія и парижскій трактатъ были крупнымъ успѣхомъ нео-наполеоновской политики. Это былъ первый случай со времени Наполеона I, что Франція выступала въ первенствующей роли въ европейскихъ дѣлахъ. Это обстоятельство значительно подняло упавшій послѣ вѣнскаго конгресса между-

народный престижъ Франціи и укрѣпило нѣсколько шаткій тронъ второй имперіи.

Но этотъ первый и крупный внѣшній успѣхъ второй имперіи былъ скомпрометированъ и сведенъ на нѣтъ дальнѣйшими шагами Наполеона III. Каждый его дальнѣйшій шагъ приводилъ лишь къ ослабленію внѣшняго могущества Франціи и къ усиленію ея конкуррентовъ и противниковъ въ европейскомъ международномъ мірѣ. Суетливая и притязательная, но неустойчивая и близорукая нео-наполеоновская политика шагъ за шагомъ вела вторую имперію, а съ ней и Францію—къ катастрофѣ.

Итальянскій вопросъ и объединеніе Италіи.

Крымская война.

Крымская война, посѣявшая взаимное отчужденіе между Россіей и Австріей, развязывала Наполеону III руки для осуществленія его итальянскихъ плановъ, на которые онъ намекалъ еще, какъ мы видѣли, за годъ до крымской кампаніи, высказывая свои предположенія относительно „возвращенія къ жизни итальянской національности“, въ связи съ предстоящими „крупными территоріальными измѣненіями“. Независимо отъ открывавшейся при этомъ перспективы округленія юго-восточныхъ границъ Франціи и вытѣсненія Австріи съ Аппенинскаго полуострова, Наполеонъ III разсчитывалъ пріобрѣсти въ объединенной Италіи признательнаго и вѣрнаго союзника, при помощи котораго Франція могла бы постоянно держать въ респектѣ Австрію. Но своей непослѣдовательностью, нерѣшительностью и крайней близорукостью Наполеонъ III настолько испортилъ дѣло, что объединеніе Италіи, начатое при содѣйствіи Франціи, обратилось противъ нея самой; оно завершилось при содѣйствіи ея враговъ и подготовило ея собственную катастрофу.

Фактъ привлеченія Сардиніи къ коалиціи противъ Россіи въ 1855 г. былъ въ сущности первымъ шагомъ къ осуществленію этихъ плановъ Наполеона III. Сардинская экспедиція въ Севастополь была предисловіемъ къ тому франко-сардинскому „соратничеству за благородное дѣло Италіи“, о которомъ говорилъ Наполеонъ III въ разговорѣ съ сардинскимъ посланникомъ въ концѣ 1852 года. Можно сказать, что національное объединеніе Италіи зародилось на высотахъ Севастополя.

Итальянскій вопросъ, какъ вопросъ европейскій.

Итальянскій вопросъ, который до тѣхъ поръ былъ лишь предметомъ секретныхъ переговоровъ между Наполеономъ III и сардинскимъ правительствомъ, на парижъ-

скомъ конгрессѣ былъ поставленъ впервые, какъ вопросъ международный. Тотчасъ послѣ подписанія представителями державъ парижскаго трактата, въ мартѣ 1856 г., предсѣдателемъ конгресса, французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Валевскимъ, была доложена представленная представителемъ Сардиніи Кавуромъ нота, въ которой обращалось вниманіе державъ на ненормальное положеніе Италіи. Признавая справедливость формулированныхъ въ нотѣ жалобъ, французскій министръ высказалъ свое мнѣніе (то-есть мнѣніе Наполеона III) о желательности освобожденія папскихъ владѣній отъ австро-французской оккупаціи, что, по его мнѣнію, сдѣлается возможнымъ лишь послѣ того, какъ папа упрочитъ свое правительство при помощи надлежащихъ реформъ. Переходя къ другимъ итальянскимъ государствамъ, министръ находилъ, что крайности утвердившагося въ нихъ, въ особенности въ Неаполитанскомъ королевствѣ, реакціоннаго режима заставляютъ опасаться неизбѣжныхъ новыхъ революцій. Этимъ правительствамъ необходимо сдѣлать отъ имени державъ соотвѣтствующія предостереженія. Представители Австріи, противъ которой въ сущности были направлены эти заявленія, конечно, протестовали противъ нихъ, но этимъ обнаружили лишь полную изолированность габсбургской монархіи въ этомъ вопросѣ, а Россія не безъ удовольствія наблюдала начинавшійся раздоръ между союзниками. Хотя, въ виду протеста Австріи, конгрессъ воздержался отъ постановленія какого-либо рѣшенія по возбужденнымъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе уже самый фактъ обсужденія итальянскаго вопроса на международномъ конгрессѣ представлялъ собою событіе большой важности, такъ какъ означалъ, что, какъ замѣтилъ Кавуръ, „отнынѣ итальянскій вопросъ вступилъ въ число европейскихъ вопросовъ“.

Это было важною моральною побѣдою для итальянскаго дѣла и не менѣе важнымъ реальнымъ выигрышемъ для правительства Виктора-Эммануила, который сознательно стремился къ осуществленію того, что было начато почти что поневолѣ его отцомъ. Неудача отца не обезкуражила сына, а лишь научила его большей осторожности. Причиною неудачи была неподготовленность Италіи — и главнымъ образомъ самой Сардиніи къ вооруженной борьбѣ съ Австріей. Необходимо было создать сильную армію, а для этого надо было поднять матеріальные ресурсы страны. Необходимо было, далѣе, подготовить населеніе другихъ частей Италіи къ мысли объ объединеніи страны вокругъ Сардиніи (ср. выше, стр. 81—83).

Викторъ-Эммануилъ.

Викторъ-Эммануилъ ясно понималъ тѣсную связь, въ

какой находились въ Италіи либеральныя идеи съ національно-освободительными стремленіями, и смѣло сталъ на путь либеральной и вмѣстѣ патріотической политики. Одинъ изъ всѣхъ итальянскихъ государей онъ отказался вступить на путь реакціи и сохранилъ неприкосновеннымъ „основной статутъ“ 1848 года и узаконенное имъ трехцвѣтное знамя, символъ національнаго единства Италіи. Этимъ Викторъ-Эммануилъ пріобрѣлъ себѣ въ самомъ началѣ своего царствованія широкую популярность во всей Италіи. Что этотъ шагъ сдѣланъ былъ вопреки настояніямъ Австріи, это обстоятельство еще болѣе возвышало Сардинскаго короля въ глазахъ итальянскихъ патріотовъ. Дѣйствительно, австрійское правительство настаивало на томъ, чтобы Викторъ-Эммануилъ отмѣнилъ конституцію и отказался отъ трехцвѣтнаго знамени, предлагая ради этого смягчить нѣкоторыя изъ наиболѣе тяжелыхъ условій мира; но Викторъ-Эммануилъ отклонилъ эту сдѣлку, чѣмъ выказалъ большую политическую дальновидность. Онъ сдѣлалъ своимъ первымъ министромъ одного изъ наиболѣе видныхъ представителей національно-освободительнаго движенія, адвоката и журналиста Кавура [1]), который оказался вѣрнымъ и талантливымъ истолкователемъ и исполнителемъ программы своего государя.

Кавуръ.

Кавуръ не замедлилъ обнаружить качества выдающагося государственнаго человѣка и замѣчательнаго дипломата. Въ качествѣ перваго, онъ сумѣлъ значительно увеличить численность сардинской арміи, улучшить ея вооруженіе, оборудовать и усилить крѣпости [2]) и въ то же время поднять матеріальное благосостояніе страны. Послѣдняго результата онъ достигъ тѣмъ, что не жалѣлъ денегъ на производительные расходы, какъ-то на поощреніе земледѣлія и промышленности, оборудованіе страны желѣзными дорогами, и проч. Подготовляя страну къ борьбѣ съ Австріей, Кавуръ старался въ то же время обезпечить себѣ на всякій случай помощь со стороны. Наиболѣе подходящей и цѣнной союзницей являлась сосѣдняя Франція, исконная противница Австріи. Наполеонъ III, съ своей стороны, радъ былъ найти союзника противъ Австріи. Въ началѣ 1855 года былъ заключенъ между Франціей и Сардиніей союзъ, непосредственнымъ результатомъ котораго было участіе сардинской арміи въ крымской экспедиціи,

---

[1]) См. выше, стр. 79.

[2]) Наиболѣе важная крѣпость, которой предстояло играть роль главнаго центра обороны Пьемонта, Александрія, была оборудована въ 1857 году на средства, собранныя путемъ патріотической подписки во всей Италіи.

а болѣе отдаленнымъ слѣдствіемъ—итальянская освободительная война.

Отношенія между Австріей, привыкшей смотрѣть на Италію, какъ на свой протекторатъ, и Сардиніей, которая не только сохраняла свою независимость, но и явно стремилась сама занять въ Италіи мѣсто Австріи, становились день ото дня натянутѣе. Въ маѣ 1856 г., то-есть всего мѣсяцъ спустя вослѣ ратификаціи парижскаго мира, Кавуръ уже открыто высказался въ туринскомъ парламентѣ, что „день священной войны недалекъ". Австрійское правительство заявило протестъ противъ этого заявленія сардинскаго министра, котораго оно обвиняло въ революціонной провокаціи. Въ отвѣтъ сардинское правительство ускорило работы по оборудованію крѣпостей и арсеналовъ и приняло подъ свое покровительство революціонно-патріотическія организаціи во всей Италіи, поощряя всюду національно-освободительное движеніе, которое было направлено одновременно и противъ Австріи и противъ абсолютныхъ правительствъ Италіи. Оно смотрѣло сквозь пальцы на выходки своей прессы, которая не стѣснялась въ выраженіи своихъ чувствъ къ Австріи и ея правительству, а когда послѣднее обратилось съ жалобой къ сардинскому правительству, то оно сослалось на свое безсиліе обуздать прессу, свобода которой гарантирована конституціей. Взаимныя отношенія между вчерашними союзниками и соратниками вскорѣ настолько обострились, что въ мартѣ 1857 года, то-есть всего лишь годъ спустя послѣ парижскаго мира, между Вѣной и Туриномъ были прерваны дипломатическія сношенія.

Если война не разразилась тогда же, то причиной этому были, съ одной стороны—нерѣшительность Австріи, которая ясно понимала всю рискованность для нея итальянской войны, въ виду охватившаго страну съ небывалой дотолѣ силой патріотическаго и анти-австрійскаго настроенія, а также въ виду сдѣланныхъ Сардиніей со времени послѣдней арстрійско-сардинской войны успѣховъ въ дѣлѣ организаціи національной обороны, наконецъ—въ виду союза Сардиніи съ Франціей. Съ другой стороны, колебался и Наполеонъ III, который боялся испортить только что наладившіяся Наполеонъ III. хорошія отношенія свои съ папой и своимъ собственнымъ духовенствомъ, такъ какъ война за освобожденіе Италіи не могла обойтись безъ того, чтобы не затронуть интересовъ папы, какъ свѣтскаго государя. Чтобы побѣдить нерѣшительность Наполеона III, сардинское правительство указало ему на быстрый ростъ революціоннаго движенія въ Италіи, которое угрожало отразиться и на Франціи, если не дать ему исхода въ войнѣ. Нерѣшительность

Наполеона III, дѣйствительно, вооружила противъ него наиболѣе нетерпѣливыхъ и горячихъ изъ итальянскихъ патріотовъ. Начались покушенія на французскаго императора. Сначала они не имѣли успѣха и во время предупреждались полиціей, но въ началѣ 1858 года Наполеонъ III едва не палъ жертвою покушенія, организованнаго четырьмя экзальтированными итальянскими патріотами, во главѣ съ Орсини, бывшимъ членомъ римскаго Учредительнаго собранія. 14 января 1858 года, когда императоръ подъѣзжалъ къ театру, въ его экипажъ было брошено нѣсколько разрывныхъ снарядовъ. Наполеонъ остался невредимъ, но изъ окружающихъ и публики было убито и ранено больше полутораста человѣкъ. Покушеніе это произвело на Наполеона III потрясающее впечатлѣніе; послѣднее еще было подчеркнуто письмомъ, которое передъ своею казнью написалъ ему Орсини изъ тюрьмы. „Пусть Ваше Величество, писалъ Орсини, освободитъ мою родину, и Васъ будутъ благословлять 25 милліоновъ гражданъ. Заклинаю Ваше Величество дать ей свободу". Вмѣстѣ съ тѣмъ Орсини предупреждалъ о неизбѣжности дальнѣйшихъ покушеній, если императоръ будетъ продолжать уклоняться отъ исполненія тѣхъ надеждъ, которыя возлагаются на него итальянскими патріотами. „До тѣхъ поръ, пока Италія не получитъ свою независимость, Ваше спокойствіе будетъ не болѣе, какъ химерой".

Орсини.

Покушеніе Орсини и его предсмертное письмо имѣли рѣшающее значеніе для Наполеона III. По его желанію, Кавуръ лично пріѣхалъ въ Пломбьеръ, гдѣ находился въ ту пору императоръ, и здѣсь съ глазу на глазъ, между министромъ Сардиніи и французскимъ императоромъ было заключено секретное соглашеніе, „пломбьерскій заговоръ", какъ его прозвали современники. Это былъ, дѣйствительно, заговоръ—заговоръ противъ Австріи прежде всего, но отчасти также и противъ другихъ итальянскихъ государей. Наполеонъ III обѣщалъ прислать въ помощь Сардиніи армію въ 200.000 для изгнанія австрійцевъ изъ Италіи и для ея освобожденія „вплоть до Адріатическаго моря". Увеличенная отнятыми у Австріи землями, Сардинія получитъ названіе королевства Верхней Италіи. Вся Италія составитъ одну конфедерацію подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Въ вознагражденіе за свое содѣйствіе Франція получитъ отъ Сардиніи Савою и Ниццу съ прилегающей областью (іюль 1858 г.). Послѣ этого союзникамъ-заговорщикамъ оставалось лишь ждать подходящаго случая для начатія военныхъ дѣйствій.

«Пломбьерскій заговоръ».

Эту задачу облегчила союзникамъ сама Австрія, обратившаяся

весной 1859 года къ Сардиніи съ ультимативнымъ требованіемъ пріостановить свои военныя приготовленія на австрійской границѣ. Сардинія отвѣтила отказомъ, и въ концѣ апрѣля 1859 года австрійская армія въ 250.000 человѣкъ перешла Тичино и вступила въ Пьемонтъ, гдѣ и расположилась, не предпринимая никакихъ активныхъ дѣйствій. Бездѣйствіе австрійцевъ дало возможность безпрепятственно соединиться подоспѣвшей французской арміи съ сардинской, послѣ чего соединенная франко-сардинская армія перешла немедленно въ наступленіе, вытѣснила австрійцевъ изъ Пьемонта и нанесла имъ пораженіе при Маджентѣ. Послѣ этого австрійцы принуждены были очистить Миланъ и Венецію. Попытка австрійцевъ перейти въ контръ-наступленіе привела ихъ лишь къ новымъ пораженіямъ (при Мариньяно и Сольферино 8 и 24 іюня 1859 г.). Послѣ этого австрійская армія отступила въ сильно укрѣпленный знаменитый „четыреугольникъ“ на сѣверѣ Ломбардіи (крѣпости Мантуя, Пешера, Верона и Леньяно). Начало войны послужило сигналомъ къ взрыву революціоннаго движенія въ центральной Италіи. Въ концѣ апрѣля Тосканскій герцогъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ своихъ возставшихъ подданныхъ. Подъ впечатлѣніемъ пораженій австрійцевъ, въ маѣ и іюнѣ 1859 г. революціонное движеніе охватило сосѣднія герцогства Парму и Модену, государи которыхъ также принуждены были бѣжать изъ своихъ владѣній. Съ уходомъ австрійскихъ гарнизоновъ изъ папскихъ владѣній, тамъ также возникли возстанія. Австрійскому господству въ Сѣверной Италіи, казалось, наступилъ конецъ. Но неожиданно для всѣхъ Наполеонъ III самъ предложилъ австрійскому правительству вступить въ переговоры о мирѣ. Грозный „четыреугольникъ“, въ которомъ заперлась австрійская армія дѣлалъ трудными дальнѣйшіе успѣхи французскаго оружія и грозилъ затянуть войну, стоившую Франціи огромныхъ денегъ, и, быть можетъ, даже вызвать вмѣшательство Пруссіи, которая начинала бряцать оружіемъ въ сторону Франціи. Съ другой стороны, Наполеонъ III не хотѣлъ окончательно порвать съ ультрамонтанской партіей, которая относилась крайне несочувственно къ итальянской войнѣ, какъ къ сообщничеству съ революціонерами, и настаивала на ея прекращеніи. Въ іюлѣ 1859 года былъ заключенъ между Австріей и Франціей предварительный миръ, по которому Австрія отказалась отъ Ломбардіи въ пользу Сардиніи, но сохраняла за собою Венецію. Что касается мелкихъ средне-итальянскихъ княжествъ, то Наполеонъ III тосканскій престолъ прочилъ для своего двоюроднаго брата Же-

Австро-Сардинская война.

рома, а въ Пармѣ и Моденѣ разсчитывалъ возстановить прежнія правительства.

Цюрихскій миръ и его послѣдствія.

Но этотъ мирный договоръ, санкціонированный окончательнымъ трактатомъ, подписаннымъ въ Цюрихѣ (10 ноября 1859 года), получилъ въ дѣйствительности лишь частичное осуществленіе, именно—поскольку дѣло касалось присоединенія Ломбардіи къ Пьемонту. Въ другихъ частяхъ онъ шелъ слишкомъ вразрѣзъ съ національно-освободительнымъ движеніемъ, которому послѣдняя война дала новый могучій толчекъ, и привелъ лишь къ тому, что главная струя движенія устремилась въ революціонное русло. Временныя правительства Тосканы, Пармы и Модены составили между собою конфедерацію, къ которой примкнула отложившаяся отъ папской области Романья. Эта конфедерація, подъ именемъ „Королевскихъ провинцій Эмиліи“ стала рѣшительно подъ покровительство Сардиніи. Временное правительство конфедераціи отмѣнило таможенную границу со стороны Пьемонта и передало мѣстную почту въ завѣдываніе сардинскаго правительства. Вслѣдъ за тѣмъ, былъ организованъ плебисцитъ для рѣшенія вопроса о присоединеніи Эмиліи къ Сардиніи; подавляющимъ большинствомъ голосовъ вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Вслѣдъ затѣмъ вновь присоединенныя области избрали своихъ депутатовъ въ туринскій парламентъ, который послѣ этого сталъ себя называть „Національнымъ парламентомъ“. Это былъ новый серьезный шагъ по пути къ національному объединенію Италіи. Онъ шелъ вразрѣзъ съ планами Наполеона III, но какъ могъ возражать противъ плебисцита, какъ выраженія народнаго суверенитета, тотъ, чья власть покоилась на такомъ же плебисцитѣ? Наполеону III оставалось лишь примириться съ совершившимся фактомъ и утѣшаться тѣмъ, что путемъ такого же плебисцита онъ увеличилъ свои владѣнія Савоей и Ниццей. Но окончательный ударъ планамъ Наполеона III относительно итальянской конфедераціи былъ нанесенъ папой и Неаполитанскимъ королемъ Франциской II (1859—1861 г.). Ни тотъ, ни другой не хотѣли и слышать ни о какихъ конституціонныхъ реформахъ, ни о какой итальянской федераціи.

Объединительные планы Сардиніи.

Крушеніе французскихъ плановъ въ Италіи и устраненіе Франціи отъ дальнѣйшаго участія въ рѣшеніи итальянскаго вопроса открыли свободное поле дѣйствія для Сардиніи и ея плановъ, которые заключались не въ созданіи конфедераціи подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы, а въ созданіи единой Италіи—съ Сардинскимъ ко-

ролемъ во главѣ. Въ качествѣ самой сильной военной державы въ Италіи, Сардинія могла бы легко осуществить эти планы при помощи своихъ собственныхъ вооруженныхъ силъ; но этотъ методъ, какъ чреватый вмѣшательствомъ въ дѣло другихъ европейскихъ державъ, былъ признанъ неудобнымъ. Тѣхъ же результатовъ можно было достигнуть съ меньшими рискомъ и опасностью, поддерживая національно-освободительное движеніе въ оставшихся „невозсоединенными“ съ Сардиніей областяхъ Италіи, то-есть въ папскихъ владѣніяхъ и въ Неаполитанскомъ королевствѣ.

Оставляя пока въ покоѣ папу, первый ударъ рѣшено было направить на Неаполь. Съ этой цѣлью сардинское правительство рѣшило использовать снова вспыхнувшее революціонное движеніе въ Сициліи (апрѣль 1860 г.). На глазахъ правительства и подъ его негласнымъ покровительствомъ, Гарибальди организовалъ въ Генуѣ, изъ добровольцевъ всѣхъ областей Италіи, вооруженную дружину около 2000 человѣкъ съ тѣмъ, чтобы поддержать сицилійскихъ революціонеровъ. Въ началѣ мая 1860 года Гарибальди, съ своими „красными рубашками“, какъ прозвали его отрядъ въ виду принятаго дружинниками костюма, ночью отчалилъ изъ Генуи на двухъ судахъ и черезъ пять дней высадился въ Сициліи, гдѣ его встрѣтили съ распростертыми объятіями. Къ гарибальдійцамъ примкнули мѣстные дружинники, и въ началѣ іюня Гарибальди овладѣлъ столицей Сициліи Палермо, а къ концу мѣсяца весь островъ, за исключеніемъ Мессины и нѣсколькихъ незначительныхъ пунктовъ, былъ въ его рукахъ. Вслѣдъ затѣмъ Гарибальди переправился черезъ Мессинскій проливъ, вступилъ на Аппенинскій полуостровъ и быстро двинулся къ Неаполю, всюду встрѣчая сочувствіе населенія и увеличивая ряды своей арміи новыми дружинами. Неувѣренный въ вѣрности войска, король бѣжалъ изъ Неаполя по направленію къ крѣпости Гаэтѣ, а на другой день Гарибальди съ тріумфомъ вступилъ въ Неаполь. Населеніе устроило ему восторженный пріемъ. Его прославляли, какъ національнаго героя. Въ своихъ рѣчахъ къ народу Гарибальди говорилъ о единой Италіи, которую итальянцы завоюютъ сами, безъ всякой посторонней помощи, но единая Италія будетъ совершившимся фактомъ лишь тогда, когда Итальянское королевство будетъ провозглашено въ Римѣ. О кандидатурѣ на тронъ короля Италіи не возникало на этотъ разъ никакихъ разногласій: у Виктора-Эммануила не было и не могло быть соперниковъ. Но Римъ пришлось пока оставить, въ виду того, что этого не желали допустить державы и въ част-

Гарибальди.

пости Наполеонъ III, который продолжалъ держать въ Римѣ, для охраненія папы, французскій отрядъ.

Когда экспедиція Гарибальди въ Неаполь увѣнчалась успѣхомъ, Кавуръ нашелъ благовременнымъ вступиться активно въ начатое „красными рубашками“ дѣло. Подъ предлогомъ необходимости воспрепятствовать нападенію на Римъ со стороны Гарибальди и возможнаго столкновенія его дружины съ французскими войсками, а также подъ тѣмъ предлогомъ, что опасно предоставить хозяйничать въ Неаполѣ революціонерамъ, Кавуръ заручился согласіемъ Наполеона III на посылку сардинскихъ войскъ въ Церковную область и въ Неаполь. Минуя Римъ и не трогая прилегающаго къ нему „наслѣдія св. Петра“ (Patrimonium Sancti Petri), охраняемаго французскими войсками, сардинская армія заняла сѣверныя области папскихъ владѣній, разсѣявъ предварительно высланный противъ нея папой наемный отрядъ подъ командой французскаго генерала Ламмуасьера, изъ легитимистовъ и противниковъ Наполеона III. Вслѣдъ затѣмъ сардинцы двинулись въ Неаполь, и соединившись съ гарибальдійцами, осадили Гаэту. Францискъ II принужденъ былъ бѣжать изъ Италіи. Организованный затѣмъ въ Неаполѣ и въ занятыхъ сардинцами папскихъ областяхъ плебисцитъ относительно ихъ присоединенія къ Сардиніи далъ подавляющее большинство въ пользу утвердительнаго отвѣта.

Викторъ-Эммануилъ «король Италіи».

Въ февралѣ 1861 года собралось въ Туринѣ Учредительное собраніе изъ депутатовъ Сардиніи и всѣхъ присоединившихся къ ней областей. Викторъ-Эммануилъ былъ провозглашенъ королемъ Италіи, „милостію Божіею и волею народа“. Для полнаго объединенія Италіи не хватало еще Венеціи, остававшейся въ рукахъ Австріи, и Рима, съ оставшеюся за папой частью Церковной области, охраняемой французскими войсками. Но остовъ Италіи уже составлялъ одно цѣлое, и Италія перестала быть отнынѣ простымъ „географическимъ выраженіемъ“.

Результата этого удалось достигнуть сардинскому правительству безъ всякихъ серьезныхъ международныхъ осложненій, благодаря необычайно благопріятно сложившейся для него международной констелляціи. Франція была союзницей Сардиніи, и если не все шло въ Италіи согласно планамъ Французскаго императора, то во во всякомъ случаѣ въ Парижѣ не могло не вызвать удовольствія то, что̀ приводило Вѣну въ уныніе и бѣшенство. Поэтому французское правительство ограничилось лишь тѣмъ, что, ради соблюденія приличій, выразило свое неудовольствіе по поводу совершенныхъ сардинскимъ правительствомъ захватовъ. Что касается

Пруссіи, то она протестовала тоже лишь изъ приличія, но въ сущности была очень рада новому положенію вещей, наносившему серьезный ударъ международному положенію Австріи. Прусскій протестъ имѣлъ настолько безобидный характеръ, что Кавуръ счелъ возможнымъ отвѣтить на него въ тонѣ тонкой иронiи: „Я даю примѣръ, которому, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ, Пруссія будетъ счастлива послѣдовать“. Кавуръ, вѣроятно, не предполагалъ, что этотъ образчикъ дипломатическаго остроумія получитъ такъ скоро значеніе оправдавшагося пророчества. Что касается Англіи, то она заранѣе объявила себя въ пользу невмѣшательства во внутреннія дѣла Италіи. Всего менѣе была заинтересована въ послѣднихъ Россія, но именно этой державѣ пришлось сыграть въ данномъ случаѣ рѣшающую роль. Дѣло въ томъ, что Австрія, для которой совершившееся объединеніе большей части Италіи подъ главенствомъ ея заклятаго врага, Сардинскаго короля, было серьезнымъ ударомъ, вовсе не была расположена мириться съ совершившимся фактомъ и собиралась съ оружіемъ въ рукахъ вмѣшаться въ итальянскія дѣла, въ надеждѣ возстановить въ Италіи старый порядокъ и возвратить себѣ Ломбардію. Но рѣшиться на новую войну съ Сардиніей, за спиной которой стояла Франція, Австрія могла лишь заручившись предварительно нейтралитетомъ остальныхъ великихъ державъ. Это положеніе Австріи давало Россіи прекрасный случай наказать ее за ея недавнее предательство, тѣмъ болѣе, что возникновеніе новой сильной державы въ тылу Австрійской имперіи могло лишь быть желательнымъ съ точки зрѣнія Россіи. Вотъ почему императоръ Александръ II категорически отказалъ Австріи въ своемъ нейтралитетѣ, въ случаѣ еслибы послѣдняя напала на Сардинію. Послѣ этого Австріи ничего не оставалось, какъ сложить поднятое оружіе и примириться, скрѣпя сердце, съ совершившимся фактомъ. Она пожинала плоды своей маккіавелевской политики.

Для завершенія итальянскаго объединенія оставалось еще присоединить къ Итальянскому королевству Венеціанскую и Церковную области. Особенный интересъ представляла Церковная область, такъ какъ Римъ представлялся итальянскимъ патріотамъ естественной и единственно возможной столицей объединенной Италіи. Возникшій, такимъ образомъ, „римскій вопросъ“ былъ самымъ настоятельнымъ, но въ то же время и крайне щекотливымъ и трудно разрѣшимымъ вопросомъ, такъ какъ онъ сталкивался одновременно и съ международными затрудненіями, вытекавшими изъ положенія Церковной области, какъ суверенаго государства,

«Римскій вопросъ».

и съ затрудненіями вѣроисповѣднаго характера, вытекавшими изъ положенія папы, какъ духовнаго главы католической церкви. Добровольно папа не хотѣлъ отказаться отъ своихъ правъ свѣтскаго государя [1]), а принудить его къ тому силою значило бы внести элементъ внутренняго раздора въ католическое населеніе Италіи и тѣмъ скомпрометировать дѣло національнаго объединенія, не говоря уже о томъ, что противъ насильственнаго вторженія Итальянскаго королевства въ Церковную область были европейскія державы во главѣ съ Франціей, которая, къ тому же, продолжала охранять неприкосновенность папскихъ владѣній своими гарнизонами.

Со всѣмъ этимъ не хотѣли считаться наиболѣе горячія головы среди итальянскихъ патріотовъ, съ Гарибальди во главѣ. Они рѣшили захватить Римъ помимо правительства, революціоннымъ путемъ, какъ это имъ удалось въ свое время въ Неаполѣ. Собравъ въ Сициліи и на югѣ Италіи добровольческую дружину въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, Гарибальди двинулся къ сѣверу, съ криками: „Римъ или смерть!“ Но захватъ Рима означалъ вмѣшательство Франціи, быть можетъ—войну съ нею. Въ виду такой перспективы, итальянское правительство рѣшило предупредить вторженіе гарибальдійцевъ въ Церковную область и выслало противъ нихъ войска. Гарибальди не поколебался вступить съ ними въ бой, но былъ разбитъ и раненый самъ попалъ въ плѣнъ и заключенъ въ крѣпость (вскорѣ онъ былъ помилованъ). Попытка рѣшить римскій вопросъ революціоннымъ путемъ потерпѣла неудачу. Итальянское правительство сдѣлало попытку, если не рѣшить, то подготовить его рѣшеніе—мирнымъ, дипломатическимъ путемъ. На первый разъ ему удалось добиться прекращенія иноземной оккупаціи Рима. По заключенной съ Наполеономъ III конвенціи (15 сентября 1864 г.), послѣдній согласился вывести свои войска изъ папской области въ теченіе двухъ лѣтъ, взамѣнъ чего итальянское правительство обязывалось не трогать папскихъ владѣній и даже защищать ихъ отъ возможныхъ покушеній со стороны революціонеровъ. Подъ видомъ обязательства защищать церковныя владѣнія папы, итальянское правительство въ сущности получало право протектората надъ ними и право вмѣшательства въ ихъ дѣла, въ случаѣ возникновенія тамъ революціоннаго движенія. Вслѣдъ затѣмъ столица Итальянскаго королевства была перенесена

[1]) Онъ даже отлучилъ отъ церкви своихъ подданныхъ, передавшихся Сардинскому королю, и самого короля за то, что онъ захватилъ часть Церковной области.

во Флоренцію. Защитникамъ неприкосновенности папскихъ владѣній предоставлялось истолковывать этотъ шагъ итальянскаго правительства, какъ отказъ отъ всякихъ видовъ на Римъ, а патріотамъ—какъ первый шагъ къ перенесенію итальянской столицы въ Римъ.

Какъ бы то ни было, рѣшеніе римскаго вопроса откладывалось на неопредѣленное время.

Присоединеніе Венеціанской области.

Нѣкоторое утѣшеніе разочарованнымъ итальянскимъ патріотамъ предстояло получить благодаря присоединенію Венеціи. Объ этомъ первый сталъ хлопотать Наполеонъ III, который чѣмъ-нибудь хотѣлъ поправить въ глазахъ итальянцевъ свою репутацію, скомпрометированную въ римскомъ вопросѣ. Онъ воспользовался сближеніемъ между Пруссіей и Италіей, направленнымъ противъ ихъ общаго врага—Австріи, для того, чтобы попытаться убѣдить австрійское правительство отпарировать угрожавшую ему опасность войны на два фронта (со стороны Пруссіи и Италіи), и цѣною добровольнаго отказа отъ Венеціи въ пользу Италіи уничтожить всякое основаніе для враждебныхъ плановъ со стороны послѣдней и отвлечь ее отъ прусскаго союза.

Предложеніе это было, однако, отвергнуто съ негодованіемъ. Но своимъ отказомъ Австрія оттолкнула отъ себя Наполеона III и въ то же время побудила Виктора-Эммануила добиваться присоединенія Венеціи вооруженною силою и искать союза съ Пруссіей, которая также готовилась въ эту пору свести свои старые счеты съ Австріей при помощи оружія. При содѣйствіи французскаго императора, въ апрѣлѣ 1866 года былъ заключенъ между Пруссіей и Италіей тѣсный наступательный союзъ противъ Австріи, съ обязательствомъ начать войну въ теченіе ближайшихъ трехъ мѣсяцевъ. Обѣ державы обязывались вести войну до тѣхъ поръ, пока Италія не получитъ себѣ Венецію съ областью, а Пруссія—соотвѣтствующую по своей цѣнности область въ Германіи, и не вступать отдѣльно въ мирные переговоры съ Австріей. Прусскій король Вильгельмъ I (1861—1888 г.) обязывался первый начать войну и дать Италіи субсидію.

Вслѣдъ за Пруссіей, начавшей военныя дѣйствія въ серединѣ іюня 1866 года, Италія двинула свои войска въ Венеціанскую область двумя большими колоннами. Но одна изъ нихъ, болѣе сильная по своей численности, въ первомъ же столкновеніи съ австрійцами, несмотря на свое численное превосходство, потерпѣла полное пораженіе (при Кустоццѣ 24 іюня). Это пораженіе дѣлало сомнительными шансы Италіи на успѣхъ кампаніи. На ея счастье,

недѣлю спустя австрійскія войска были разгромлены пруссаками въ знаменитой битвѣ при Садовой (иначе—при Кёниггрецѣ, въ Чехіи, 3 іюля 1866 г.). Это пораженіе произвело настолько ошеломляющее впечатлѣніе на австрійское правительство, что оно поспѣшило обратиться къ Французскому императору съ просьбой о посредничествѣ для заключенія мира. Австрія соглашалась уступить Венеціанскую область Италіи, только просила, чтобы Наполеонъ III принялъ ее, какъ даръ за свое посредничество, и уже отъ себя передалъ ее Италіи. Эта комедія, преслѣдовавшая единственную цѣль — сохранить внѣшность достоинства въ унизительной роли, была совершенно въ духѣ іезуитско-макіавелевскихъ традицій австрійской дипломатіи. Впрочемъ, въ томъ же духѣ дѣйствовала и Пруссія, въ лицѣ новаго руководителя своей политики, Бисмарка. Послѣдній, вопреки условіямъ союзнаго договора съ Италіей, заключилъ отдѣльный миръ съ Австріей (пражскій 24 августа 1866 г.). Послѣ этого Италіи оставалось лишь принять предложенныя Наполеономъ III посредническія услуги и заключить съ Австріей миръ (предварительный 10 августа, окончательный 3 октября 1866 г.). Согласно этому миру, Италія ничего не получала отъ Австріи, но послѣдняя, согласно своему предложенію, уступила Франціи Венецію, которую Наполеонъ III и передалъ Италіи. Согласно заведенному порядку, населеніе присоединяемой области было приглашено дать на то свое согласіе (въ которомъ, конечно, никто не сомнѣвался) путемъ плебисцита. Отвѣтъ въ пользу присоединенія къ Италіи получился почти единогласный.

Такимъ образомъ, сдѣланъ былъ еще одинъ новый шагъ по пути къ окончательному объединенію Италіи. На этотъ разъ успѣхомъ своимъ Италія обязана была, кромѣ Франціи, еще Пруссіи, и даже прежде всего Пруссіи. Этотъ моментъ интересенъ, между прочимъ, тѣмъ, что съ этихъ поръ итальянскій вопросъ тѣсно сплетается съ вопросомъ прусско-германскимъ, то-есть съ вопросомъ объ объединеніи Германіи подъ главенствомъ Пруссіи; обоимъ этимъ вопросамъ предстояло получить одновременно и въ тѣсной взаимной связи свое окончательное рѣшеніе.

Политика Наполеона III въ римскомъ вопросѣ.

Но прослѣдимъ съ начала до конца дальнѣйшій ходъ итальянскаго вопроса. Послѣ присоединенія Венеціи, снова выступалъ на очередь римскій вопросъ,—послѣдній, который оставалось рѣшить для завершенія дѣла итальянскаго объединенія.

Французскія войска очистили папскую область, согласно конвенціи 1864 года. Это обстоятельство окрылило надежды экзаль-

тированныхъ патріотовъ. Въ октябрѣ 1867 года Гарибальди, бѣжавшій съ острова Капреры, куда онъ былъ сосланъ итальянскимъ правительствомъ по требованію Наполеона III, снова появился во главѣ 5-тысячнаго отряда „красныхъ рубашекъ“ и, при негласномъ содѣйствіи итальянскаго правительства (оно, напримѣръ, предоставило гарибальдійцамъ спеціальный поѣздъ и заняло своими войсками часть папскихъ владѣній), вступилъ въ Церковную область и разбилъ папскія войска. Но навстрѣчу гарибальдійцамъ шелъ спѣшно высланный Наполеономъ III для защиты папы французскій отрядъ. „Красныя рубашки“ отважно бросились въ атаку, но были встрѣчены убійственнымъ огнемъ скорострѣльныхъ ружей, которыми были вооружены французы. Гарибальдійцы разсѣялись, самъ Гарибальди скрылся и былъ арестованъ правительствомъ не столько, правда, по собственному почину, сколько изъ страха передъ Наполеономъ III, который больше, чѣмъ когда-либо, искалъ поддержки ультрамонтанскихъ круговъ и въ угоду имъ ревниво охранялъ неприкосновенность правъ св. Престола. Тѣмъ не менѣе итальянское правительство, пользуясь внутренними и внѣшними затрудненіями Франціи, сдѣлало первый смѣлый шагъ къ эмансипаціи изъ-подъ ферулы Наполеона III, который становился теперь поперекъ дороги рвавшейся къ окончательному объединенію Италіи. Недѣлю спустя послѣ разгрома гарибальдійцевъ, оно заявило во всеуслышаніе, устами перваго министра генерала Менабреа, что Италія никогда не откажется отъ своихъ неотъемлемыхъ правъ на Римъ, какъ свою естественную историческую столицу. Въ отвѣтъ на это заявленіе французское правительство имѣло неосторожность заявить въ палатѣ, что „никогда Италіи не владѣть Римомъ“,—что „Франція не потерпитъ подобнаго оскорбленія своей чести и своей католичности“ (5 декабря 1867 г.). Этимъ заявленіемъ своего правительства Наполеонъ III окончательно оттолкнулъ Италію отъ Франціи и въ то же время скомпрометировалъ свои собственные планы относительно созыва европейскаго конгресса для рѣшенія римскаго вопроса, — рѣшенія, которое со стороны Франціи какъ бы объявлялось предрѣшеннымъ въ опредѣленномъ смыслѣ. Конгрессъ, конечно, не состоялся, а окончательное рѣшеніе итальянскаго вопроса, болѣе чѣмъ наполовину рѣшеннаго при содѣйствіи Франціи, состоялось безъ Франціи, вопреки Франціи и при содѣйствіи, хотя и косвенномъ, враговъ Франціи. А вмѣсто благодарнаго друга и вѣрнаго союзника, Франція пріобрѣла себѣ въ объединенномъ Итальянскомъ королевствѣ обиженнаго и недоброжелательнаго со-

сѣда. Виною тому была суетливая, неустойчивая и близорукая политика Наполеона III, столь дорого обошедшаяся Франціи.

Своей близорукой ультрамонтанской политикой въ римскомъ вопросѣ Наполеонъ III мало того, что оттолкнулъ Италію, въ которой Франція могла бы найти себѣ естественнаго и вѣрнаго союзника, но и подготовилъ, вмѣстѣ съ катастрофой Франціи, и свою собственную гибель. Въ своемъ ослѣпленіи онъ пренебрегъ представлявшимся ему случаемъ предотвратить надвигавшуюся бѣду. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ своего разгрома при Садовой, Австрія дѣятельно готовилась къ реваншу противъ Пруссіи и старалась заблаговременно обезпечить себѣ союзниковъ. Политикой Австріи руководилъ въ это время назначенный императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ 1866 году на постъ министра иностранныхъ дѣлъ бывшій министръ саксонскій, графъ фонъ-Бейстъ (von Beust, 1866—1871), убѣжденный пруссофобъ. Наполеонъ III, который не могъ простить Пруссіи ея образа дѣйствій съ 1866 года, также готовился къ войнѣ съ послѣдней. На этой почвѣ произошло сближеніе между Австріей и Франціей. Въ 1868 году оба правительства вступили въ переговоры о союзѣ противъ Пруссіи. Но Австрія считала необходимымъ обезпечить себя также и со стороны Италіи, въ которой Пруссія могла въ рѣшительный моментъ найти себѣ союзницу и поставить Австрію между двухъ огней. Помощь Франціи ей представлялась, въ такомъ случаѣ, недостаточной. Бейстъ предложилъ поэтому привлечь къ австро-французскому союзу также и Италію. Для этого стоитъ лишь предоставить ей свободу дѣйствія въ Римѣ. Австрійское правительство, имѣвшее въ это время причины для недовольства папой, готово было пожертвовать свѣтской властью св. отца. Къ серединѣ 1869 года переговоры настолько подвинулись впередъ, что тройственный союзъ Австріи, Франціи и Италіи противъ Пруссіи казался близкимъ къ формальному заключенію. Осуществись этотъ союзъ, и катастрофа 1870—1871 года не могла имѣть мѣста. Но Наполеонъ III, изъ боязни огорчить ультрамонтанскіе круги, никакъ не могъ рѣшиться предоставить Италіи самой рѣшить римскій вопросъ. На этомъ переговоры прервались. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Наполеонъ III, переоцѣнивая силы Франціи, рѣшилъ одинъ на одинъ, безъ союзниковъ, свести счеты съ Пруссіей. 15 іюля 1870 года онъ объявилъ войну Пруссіи. Ослѣпленіе его было настолько велико, что и тутъ онъ еще разъ отвергъ руку, протянутую ему изъ Флоренціи и Вѣны. Италія и Австрія обѣщали въ шести-недѣльный

срокъ мобилизовать свои арміи и занять Баварію и Силезію, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы Наполеонъ III согласился на занятіе Рима итальянскимъ правительствомъ. Наполеонъ III продолжалъ колебаться и, не давъ окончательнаго отвѣта, отправился къ арміи, въ Мецъ (28 іюля). Итальянскій уполномоченный явился сюда, чтобы склонить императора къ желаемой уступкѣ. Наполеонъ III продолжалъ оттягивать рѣшительный отвѣтъ, въ полной увѣренности, что ему нѣтъ нужды въ союзникахъ. 6 августа разразился первый громъ. 45-тысячная армія маршала Макмагона была уничтожена въ кровопролитной битвѣ при Рейсгофенѣ, другая французская армія потерпѣла пораженіе при Форбахѣ. Эти побѣды отдавали въ руки пруссаковъ Эльзасъ и Лотарингію. Наполеонъ III обратился къ Виктору-Эммануилу съ просьбой о помощи, даже послалъ къ королю своего сына, принца Луи-Наполеона, продолжая, впрочемъ, и тутъ еще воздерживаться отъ категорическаго согласія на занятіе Рима Италіей. Это было верхомъ ослѣпленія. Италія не нуждалась болѣе въ разрѣшеніи французскаго императора, для того чтобы занять Римъ, который французы принуждены были очистить для пополненія рѣдѣющихъ рядовъ своихъ злополучныхъ товарищей на Рейнѣ. Италія не нуждалась болѣе во французскомъ союзѣ, который могъ теперь оказаться для нея болѣе опаснымъ, чѣмъ полезнымъ. „Не заключаютъ союза съ побѣжденными!“—получилъ Наполеонъ III циничный отвѣтъ на свои запоздалыя предложенія. Викторъ-Эммануилъ распорядился привести войска въ боевую готовность, но не для того, чтобы идти на помощь французамъ, а чтобы занять оставленный ими Римъ, такъ долго не дававшійся Италіи благодаря Французскому императору.

Рѣшеніе римскаго вопроса.

Послѣ седанской катастрофы (2 сентября 1870 г.), итальянское правительство нашло, что настало время дѣйствовать. Предупредивъ образовавшееся въ Парижѣ временное правительство (4 сентября 1870 г.) о томъ, что Италія не считаетъ себя болѣе связанной конвенціей 1864 года, оно заняло Римъ и папскую область своими войсками (20 сентября). Папу Пія IX оставили въ покоѣ въ его ватиканскомъ дворцѣ. Организованный немедленно плебисцитъ далъ почти единогласно утвердительный отвѣтъ въ пользу присоединенія Церковной области съ Римомъ къ Итальянскому королевству. Римъ былъ провозглашенъ столицей королевства. Папа былъ объявленъ неприкосновеннымъ суверенным государемъ въ предѣлахъ Ватикана. Пій IX протестовалъ противъ захвата своихъ владѣній и отказался вступать въ какія бы то ни

было сношенія съ правительствомъ. Онъ объявилъ себя „ватиканскимъ узникомъ“ и рѣшилъ не переступать никогда за порогъ своего дворца.

Такъ завершилось подготовленное освободительнымъ движеніемъ первой половины XIX вѣка и взятое съ пятидесятыхъ годовъ въ свои руки Сардинскимъ королевствомъ національно-политическое объединеніе Италіи [1]). Объединеніе это совершилось, какъ мы видѣли, въ формѣ постепеннаго „собиранія“ отдѣльныхъ частей Италіи Сардинскимъ королевствомъ, преобразившимся вскорѣ въ Итальянское. Послѣдовательные этапы этого „собиранія“, какъ мы видѣли, составляютъ:

1) присоединеніе Ломбардіи въ 1859 году;

2) присоединеніе центральной Италіи (княжества Тоскана, Модена, Парма и часть Церковной области) въ 1860 году;

3) присоединеніе Южной Италіи съ Сициліей (королевство Обѣихъ Сицилій), въ 1860 году;

4) присоединеніе Венеціанской области въ 1866 году;

5) присоединеніе Церковной области съ Римомъ въ 1870 году.

Наиболѣе непримиримые изъ итальянскихъ націоналистовъ считали, однако, и послѣ 1870 года дѣло объединенія Италіи незаконнымъ, на томъ основаніи, что за предѣлами Итальянскаго королевства оставались еще области съ преобладающимъ итальянскимъ населеніемъ, а именно: Истрія и часть Тироля, остававшіяся во владѣніяхъ Австріи, Ницца и Корсика—во владѣніяхъ Франціи, итальянская часть Швейцаріи и наконецъ о. Мальта, принадлежащая Англіи. Эти непримиримые націоналисты получили названіе ирредентистовъ отъ выраженія Italia irredenta, въ которомъ они объединили всѣ части „невозсоединенной Италіи“. Но ирредентистское движеніе, главнымъ очагомъ котораго была Истрія, не получило сколько-нибудь значительнаго развитія, а въ позднѣйшее время почти совсѣмъ заглохло.

XII. Паденіе второй Имперіи и объединеніе Германіи.

Источники и литература.

I. Документальные источники, записки, корреспонденція современниковъ: Materialien zur Geschichte der Regentschaft in Preussen. Berlin, 1859; Das Staatsarchiv (собраніе различныхъ оффиціальныхъ документовъ, начиная съ іюля 1861 г.); Verhandlungen des Reichstags des Norddeutschen Bundes. 1867; Glaser. Archiv des Norddeutschen Bundes. Berlin, 1867; Koller. Archiv des Norddeutschen Bundes und des Zollvereins. Berlin, 1867—1872; Bezold. Materialien d. deutsch. Reichsver-

[1]) Больтонъ Кингъ. „Исторія объединенія Италіи“. Москва, 1901.

fass. 3 Bde. Berlin, 1873; Wilhelm I. Reden, Proclamazionen etc. Berlin, 1879; Roon. Denkwürdigkeiten. 3 Bde. Berlin, 1896; Kohl. Bismarks Briefe. Berlin, 1896; Graf von Beust. Aus drei Vierteljahrhunderten. 2 Bde. Stuttgart, 1887; Kohl. Die politische Reden des Fürsten Bismark. 10 Bde. Stuttgart, 1892—1904; Bismark. Gedanken und Erinnerungen. Stuttgart, 1905; Hohenlohe-Schillingsfürst. Denkwürdigkeiten. 2 Bde. Stuttgart, 1906; Kohl. Dreissig Jahre preussisch-deutschen Geschichte in amtlichen Kundgebungen. Giessen, 1888; von Tiedemann. Aus sieben Jahrzehnten. Leipzig, 1905: Wilhelms des Grossen Briefe, Reden und Schriften. Berlin, 1900; см. также по исторіи Франціи соч., указанныя выше, на стр. 1.—II. Монографіи: Schmidt, W. A. Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen seit der Zeit Friedrichs des Grossen. Berlin, 1851; Sybel. Die Begründung des deutschen Reichs. 7 Bde. München, 1889—1894; W. Maurenbrecher. Gründung des deutschen Reichs. Leipzig, 1892; Biedermann. Dreissig Jahre deutscher Geschichte, 1840—1870. Breslau, 1896; E. Denis. La fondation de l'Empire Allemand. Paris, 1906; E. Denis. Histoire contemporaine. Paris, 1897 sqq.; Hanotaux. Histoire de la France contemporaine. Paris, s. d.; см. также сочиненія, указанныя выше, на стр. 1.—III. По исторіи франко-германской войны: Der deutsch-französische Krieg von 1870-1871, redigiert von der kriegsgeschichtlichen Abtheilung des Generalstabs. 5 Bde. Berlin, 1872—1881; baron Stoffel. Rapports militaires écrits de Berlin, 1866—1870. Paris, 1871; Lebrun. Souvenirs militaires, 1866—1870. Paris, 1895; Moltke's militärische Werke. Berlin, 1892 sqq; Benedetti. La mission en Prusse. Paris, 1871; Blümenthal. Tagebücher, 1866—1871. Stuttgart. 1902; Le Gouvernement de la défense nationale. Procès-verbaux du Conseil (4 sept. 1870—16 févr. 1871). Paris, 1906; D'Heylli. Journal du siège de Paris. 3 vol. Paris, 1871; Graf von Moltke. Geschichte des deutsch-franz. Krieges von 1870—1871. Berlin, 1891; Bondois. Histoire de la guerre de 1870—1871. Paris, 1888; Girard et Dumas. Histoire de la guerre de 1870—1871. Paris, 1896; Major Scheibert. Der Krieg zwischen Frankreich und Deutschland, 1870—1871. Berlin, 1895; A. Chuquet. La guerre de 1870—1871. Paris, 1895; Fr. Regensburg. Der deutsch-französische Krieg. 1908; A. Sorel. Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande; A. Wachter. La guerre franco-allemande de 1870—1871. Histoire politique, diplomatique et militaire. Paris, 1895.

Происхожденіе прусской гегемоніи въ Германіи.

Роль Франціи въ объединеніи Италіи и Германіи.

Одновременно и параллельно съ итальянскимъ объединеніемъ подъ гегемоніей Сардиніи подготовлялось германское объединеніе подъ гегемоніей Пруссіи. Начиная съ 1866 года между обоими процессами устанавливается тѣсная взаимная связь, вплоть до завершительнаго момента, связаннаго съ катастрофой нео-наполеоновской Франціи, которая въ обоихъ объединительныхъ движеніяхъ сыграла важную, хотя и неодинаковую роль: въ одномъ случаѣ—въ качествѣ сознательной помощницы Сардиніи и ея союзницы, въ другомъ—въ качествѣ безсознательной помощницы Пруссіи, а затѣмъ—въ роли несчастной противницы послѣдней.

Пруссія въ борьбѣ съ Австріей за преобладаніе въ Германіи.

Работая въ союзѣ съ Сардиніей надъ объединеніемъ Италіи на счетъ Австріи, нео-наполеоновская Франція тѣмъ самымъ ока-

зывала безсознательно услугу Пруссіи, которая подготовляла объединеніе Германіи подъ своей гегемоніей, въ ущербъ той же Австріи. Послѣ Вѣнскаго конгресса Пруссія вышла не только возстановленной, но и усиленной; вмѣсто утраченной части Польши, она получила чисто нѣмецкія прирейнскія земли, то-есть одну изъ наиболѣе культурныхъ и цвѣтущихъ областей коренной Германіи. Владѣя обоими флангами Германіи — восточнымъ и западнымъ — и значительными территоріями въ центральной части сѣверной Германіи, Пруссія больше, чѣмъ когда-либо, пріобрѣтала господствующее положеніе въ Германіи, и болѣе, чѣмъ когда-либо, становилась серьезной соперницей Австріи. Кромѣ того преимущества, которое имѣетъ государство молодое и ростущее, какимъ являлась Пруссія, передъ государствомъ дряхлѣющимъ, какимъ была Австрія, на сторонѣ Пруссіи было еще то существенное преимущество, которое заключалось въ однородности племеннаго состава ея населенія, чисто нѣмецкаго (за незначительнымъ исключеніемъ), въ противоположность этнографической пестротѣ Габсбургской монархіи. Это обстоятельство получало особенное значеніе въ виду того развитія національнаго самосознанія среди европейскихъ народовъ и того обостренія національныхъ противоположностей, которымъ характеризуется эпоха послѣ наполеоновскихъ войнъ. Этотъ новый факторъ — пробужденіе національнаго самосознанія — былъ источникомъ силы для чисто нѣмецкой Пруссіи и источникомъ слабости для нѣмецко-славянско-мадьярской Австріи. Въ первой указанный факторъ игралъ роль центростремительной и сплочающей силы, въ послѣдней — силы центробѣжной, разлагающей. Послѣ Вѣнскаго конгресса Пруссія, дѣйствительно, была самымъ крупнымъ изъ чисто-нѣмецкихъ государствъ, что́, естественно, возвышало ея престижъ въ глазахъ нѣмецкихъ патріотовъ, въ ущербъ Австріи, хотя и болѣе крупной, но зато лишь полу-нѣмецкой державы.

Опираясь на вытекавшій изъ этого факта свой моральный перевѣсъ, а также на свое матеріальное и политическое преобладаніе въ сѣверной Германіи, Пруссія рѣшительно вступаетъ въ борьбу съ Австріей — сначала за равноправіе, а затѣмъ и за преобладаніе въ Германскомъ союзѣ. Уже въ 1815 году она заявила притязаніе на главное командованіе военными силами всѣхъ государствъ, входившихъ въ составъ Союза. Въ этомъ ей, правда, было отказано, но въ критическіе моменты (1830, 1848 г.), союзное правительство само поручало Пруссіи руководящую роль въ военныхъ операціяхъ.

Когда, начиная съ тридцатыхъ годовъ, развилось въ Германіи движеніе въ пользу національно-политическаго объединенія, Пруссія выступила, какъ мы видѣли, конкуррентомъ Австріи на руководящую роль въ этомъ дѣлѣ и въ этомъ состязаніи одержала надъ послѣдней серьезную моральную побѣду. Съ тѣхъ поръ Пруссія не переставала работать надъ тѣмъ, чтобы эту моральную побѣду довершить побѣдой матеріальной, политической. Почва для послѣдней подготовлялась Пруссіей издавна—въ сферѣ финансово-экономической.

Съ развитіемъ фабричнаго производства и международной торговли, въ Германіи особенно дало себя чувствовать неудобство множества таможенъ, которыя находились не только на границахъ каждаго изъ входившихъ въ составъ Германскаго союза княжествъ, но даже на границахъ отдѣльныхъ провинцій внутри этихъ княжествъ. Всего болѣе неудобство этого положенія вещей ощущалось въ Пруссіи, какъ по причинѣ причудливой черезполосности ея владѣній, въ особенности въ центральной ихъ части, гдѣ онѣ пересѣкались съ многочисленными территоріями мелкихъ княжествъ, такъ и по причинѣ многочисленности внутреннихъ таможенныхъ границъ между отдѣльными прусскими областями, изъ которыхъ каждая имѣла свой таможенный уставъ и свой тарифъ. Въ одной Пруссіи такихъ отдѣльныхъ тарифовъ насчитывалось болѣе полсотни. Прусское правительство начало съ того, что отмѣнило всѣ внутреннія таможенныя границы и установило одинъ общій таможенный тарифъ для всей территоріи королевства (1818 г.). Вслѣдъ затѣмъ Пруссія предложила мелкимъ княжествамъ центральной Германіи, разбросаннымъ вперемежку между прусскими территоріями, упразднить свои таможни и взамѣнъ получать изъ доходовъ прусскихъ таможенъ часть, пропорціональную населенности ихъ владѣній. Князья, усмотрѣвшіе въ этомъ предложеніи покушеніе на ихъ суверенныя права со стороны Пруссіи, пытались-было протестовать и искать защиты у Союзнаго сейма противъ прусской тиранніи, но изъ этого ничего не вышло. Въ концѣ концовъ имъ пришлось подписать преподнесенный имъ Пруссіей договоръ, въ силу котораго они отказывались отъ права взимать таможенные сборы на своихъ границахъ, подъ условіемъ соотвѣтствующаго отчисленія въ ихъ пользу изъ таможенныхъ доходовъ Пруссіи. Этимъ было положено начало знаменитому Таможенному союзу (Zollverein) [1]), который, постепенно расширяясь, втянулъ

Таможенный союзъ подъ гегемоніей Пруссіи.

[1]) F. Thudicum. Verfassungsrecht des Norddeutschen Bundes und des deut-

въ себя мало-по-малу всѣ германскія государства, за исключеніемъ Австріи, которая, естественно, относилась враждебно къ Таможенному союзу, въ которомъ руководящая роль принадлежала Пруссіи. Южно-германскія государства, съ Баваріей и Вюртембергомъ во главѣ, относившіяся отрицательно ко всему, что походило на гегемонію Пруссіи, долгое время воздерживались отъ вступленія въ таможенный союзъ и образовали даже въ противовѣсъ ему Таможенную лигу южной Германіи (1828 г.); но эта лига имѣла лишь кратковременное существованіе, а въ тридцатыхъ годахъ и южныя государства вошли въ составъ прусскаго Таможеннаго союза. Вступавшія въ союзъ королевства и болѣе значительныя княжества сохраняли, естественно, бо́льшую самостоятельность по отношенію къ Пруссіи, чѣмъ мелкія княжества, окруженныя со всѣхъ сторонъ прусскими владѣніями. Послѣднія теряли свои таможенныя границы и не получали никакого участія въ сборѣ и распредѣленіи таможенныхъ доходовъ. Болѣе крупныя государства, граничившія съ иноземными владѣніями, сохраняли на внѣшнихъ границахъ свои таможни съ своими чиновниками, но они обязывались принять прусскій тарифъ, ввести у себя табачный акцизъ по прусскому образцу и признать обязательными для себя заключенные Пруссіей торговые договоры. Это послѣднее условіе придавало извѣстный политическій оттѣнокъ какъ самому Таможенному союзу, такъ и той гегемоніи, которую упрочила въ немъ за собою Пруссія. Во всякомъ случаѣ, въ осуществленномъ Пруссіей финансово-экономическомъ объединеніи Германіи заключались серьезные задатки для давно подготовлявшагося политическаго объединенія, а финансово-экономическая гегемонія Пруссіи являлась важной предпосылкой для осуществленія гегемоніи политической. Своимъ устраненіемъ отъ таможеннаго союза Австрія облегчила Пруссіи осуществленіе ея программы: Германія, объединенная подъ эгидой Пруссіи, съ устраненіемъ изъ нея Австріи.

Таможенный союзъ представлялъ уже и въ географическомъ смыслѣ готовую рамку для будущей Германской имперіи. Дѣйствительно, въ томъ видѣ, какъ окончательно сложился Таможенный союзъ къ началу пятидесятыхъ годовъ, его внѣшнія границы почти вполнѣ совпадали съ границами провозглашенной въ 1871 году Германской имперіи. Оставляя въ сто-

---

schen Zollvereins. Tübingen, 1869; W. Weber. Der deutsche Zollverein. Leipzig, 1869; W. Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft in XIX Jahrh. Berlin, 1903.

ронѣ отвоеванныя у Франціи области Эльзасъ и Лотарингію, изъ областей Германской имперіи въ составъ таможеннаго союза не входили лишь Мекленбургъ, Ганноверъ, Брауншвейгъ, Ольденбургъ и ганзейскіе города.

Принявшее въ 1848 году острую форму объединительное движеніе въ Германіи, естественно, обострило соперничество между Пруссіей и Австріей за преобладаніе въ будущей объединенной Германіи. Крушеніе объединительныхъ попытокъ, бывшее въ значительной степени слѣдствіемъ этого соперничества, привело, какъ мы видѣли, къ возстановленію стараго порядка, который давалъ формальный перевѣсъ Австріи въ дѣлахъ Германскаго союза [1]). Опираясь на этотъ формальный перевѣсъ, Австрія пыталась возстановить свою прежнюю фактическую гегемонію въ Германіи и отодвинуть въ тѣнь Пруссію, про которую австрійскій министръ Шварценбергъ говорилъ въ 1850 году, что ее надо „сначала унизить, а потомъ разрушить“. Но эти претензіи, далеко не отвѣчавшія дѣйствительному соотношенію силъ, находились въ непримиримомъ противорѣчіи съ притязаніями Пруссіи, опиравшимися на вполнѣ реальныя данныя. Образъ дѣйствій Австріи лишь привелъ Пруссію къ окончательному убѣжденію въ томъ, что, какъ выразился прусскій делегатъ на возстановленномъ франкфуртскомъ сеймѣ, Бисмаркъ [2]), будущій первый канцлеръ Германской Имперіи, „Германія слишкомъ тѣсна для того, чтобы Австрія и Пруссія могли въ ней помѣститься обѣ“. Угрозѣ Австріи „уничтожить Пруссію“ послѣдняя противопоставила свою: „выгнать Австрію изъ Германіи“. „Я увѣренъ, писалъ Бисмаркъ, что намъ придется въ очень близкомъ времени воевать съ Австріей“. Убѣжденіе въ неизбѣжности войны съ Австріей въ ближайшемъ будущемъ раздѣлялось и наслѣднымъ принцемъ Вильгельмомъ, который, съ 1858 года, вслѣдствіе признанной психической ненормальности короля Фридриха-Вильгельма IV, правилъ въ качествѣ регента. Вмѣстѣ съ Бисмаркомъ и другими своими сотрудниками онъ предвидѣлъ при этомъ возможность разрѣшенія вопроса объ объединеніи Германіи въ смыслѣ прусскихъ пожеланій и въ этихъ видахъ поощрялъ дѣятельность основаннаго при содѣйствіи прусскаго правительства и подъ патронатомъ регента Національнаго союза

Бисмаркъ и Вильгельмъ.

Національный Союзъ.

---

[1]) См. выше, стр. 74.

[2]) M. Lenz. Geschichte Bismarks. Leipzig, 1902; C. Heyck. Bismark. Bielefeld. 1907; T. Matter. Bismark et son temps. 3 vol. Paris, 1908; H. Blum. Fürst Bismark und seine Zeit. München, 1895; P. Klein-Hattingen. Bismark und seine Welt. Berlin, 1902—1907.

(Nationalverein, въ 1859 г.), который, со своими провинціальными развѣтвленіями во всѣхъ частяхъ Германіи, сдѣлался средоточіемъ всѣхъ общественныхъ элементовъ, сочувствовавшихъ объединенію Германіи подъ гегемоніей Пруссіи. Это было въ сущности продолженіе и возрожденіе старой „мало-германской партіи“, ряды которой пополнились разочарованными либералами, послѣ неудачной попытки національнаго объединенія на либерально-федеративныхъ началахъ.

Войны 1864 и 1866 гг. и основаніе Сѣверно-германскаго Союза.

«Желѣзомъ и кровью».

Но, ища опоры въ обществѣ, прусское правительство возлагало свои надежды главнымъ образомъ на вооруженную силу. „Единство Германіи, выразился какъ-то Бисмаркъ, осуществится не при помощи ораторскихъ рѣчей и не путемъ парламентскихъ голосованій, но—посредствомъ желѣза и крови“. Поэтому первой и самой неотложной задачей своей онъ считалъ усиленіе боевыхъ силъ страны, тѣмъ болѣе, что, кромѣ предстоящей войны съ Австріей, Пруссіи приходилось быть наготовѣ и на западномъ фронтѣ, въ виду воинственныхъ заявленій Наполеона III относительно возстановленія естественныхъ границъ Франціи на Рейнѣ. Первымъ дѣломъ принца-регента было—увеличить прусскую армію. Это было достигнуто, во-первыхъ—путемъ возвращенія къ прежнему трехлѣтнему (вмѣсто установившагося на практикѣ въ послѣднее время двухлѣтняго) сроку дѣйствительной службы, что разомъ увеличивало составъ дѣйствующей арміи на 50 процентовъ; во-вторыхъ—посредствомъ удвоенія срока службы въ запасѣ съ двухъ до четырехъ лѣтъ. Такимъ путемъ составъ дѣйствующей арміи съ запасомъ былъ доведенъ до 440.000 человѣкъ, не считая „ландвера“ (ополченія), въ которомъ числились до 32-лѣтняго возраста лица, отбывшія три года дѣйствительной службы и четыре года запаса. Тревога, вызванная австро-итальянской войной 1859 года, дала удобный случай для проведенія этой реформы. По прусской конституціи, армія находилась въ полномъ распоряженіи короны, которая не нуждалась для проведенія задуманной реформы въ согласіи Сейма. Но для осуществленія послѣдней реформы требовались значительныя средства, а источниками этихъ средствъ могли быть либо новые налоги, либо заемъ, но Сеймъ согласился вотировать повышенные кредиты лишь на одинъ годъ,

въ видѣ временной чрезвычайной мѣры, по случаю исключительныхъ обстоятельствъ. Однако принцъ-регентъ, убѣжденный въ необходимости усиленія арміи, въ виду предстоявшей вооруженной борьбы съ Австріей, а быть можетъ—и съ Франціей, не хотѣлъ отказаться отъ произведенной имъ реформы. Возникалъ, такимъ образомъ, конфликтъ между прерогативами короны и правами народнаго представительства. Въ началѣ 1861 года умеръ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Вступая на престолъ подъ именемъ Вильгельма I, принцъ-регентъ воспользовался случаемъ для того, чтобы подчеркнуть независимость королевской прерогативы отъ народнаго представительства. Въ своемъ первомъ манифестѣ (7 января 1861 г.) онъ цитировалъ изреченіе своего предшественника: „Я и мой домъ желаемъ служить Господу“. Вильгельмъ пожелалъ возстановить для себя прежній обрядъ коронованія въ Кёнигсбергѣ. Наканунѣ коронованія онъ созвалъ Сеймъ, передъ которымъ еще разъ изложилъ свои воззрѣнія на права прусской короны. „Прусскіе государи получаютъ свою корону отъ Бога. Вотъ почему я приму завтра корону на престолѣ Господнемъ и возложу ее на мою голову“. Возлагая на себя корону, король счелъ нужнымъ еще разъ подчеркнуть свою мысль: „Я — первый король, вступающій во власть послѣ того, какъ тронъ окруженъ современными учрежденіями (народнымъ представительствомъ), но я не забываю, что получаю свою корону отъ Бога“.

Вильгельмъ I и военная реформа.

Но это политическое credo короля, шедшее въ разрѣзъ со взглядами либераловъ, заставило болѣе, чѣмъ когда-либо, сплотиться либеральную оппозицію и придало ей болѣе боевой характеръ. На выборахъ въ новый Сеймъ, въ іюнѣ 1861 года, либеральная оппозиція выступила впервые въ формѣ организованной партіи, давшей себѣ наименованіе нѣмецкой прогрессивной. Въ „нѣмецкой“, то-есть національной части своей программы, партія требовала „прочнаго объединенія Германіи“ съ „сильной центральной властью въ рукахъ Пруссіи“, но „съ общимъ для всей Германіи народнымъ представительствомъ“. Въ этой части своей программы партія примыкала, слѣдовательно, къ Національному Союзу и не расходилась съ правительственной программой. Но зато она рѣзко расходилась съ правительствомъ въ той части своей программы, которая касалась внутренней политики и принципіальнаго вопроса объ отношеніи между прерогативами короны и правами народнаго представительства. Во главѣ своихъ требованій партія ставила то, что она называла „осуществленіемъ правового государства“: отвѣтственное министерство, полное уничтоженіе приви-

легій помѣстнаго дворянства, секуляризація школы, судъ присяжныхъ по дѣламъ прессы, гражданскій бракъ. Какъ необходимую предпосылку всѣхъ этихъ реформъ, партія выставляла требованіе коренного преобразованія верхней палаты (Палаты господъ), „враждебной всякому прогрессу“. Въ вопросѣ о военной реформѣ партія, однако, высказалась рѣшительно противъ намѣченнаго правительствомъ прогресса и требовала сохраненія прежней двухгодичной службы. Въ палатѣ прогрессисты, вмѣстѣ съ примкнувшими къ нимъ радикалами, образовали большинство и отказали королю въ требуемыхъ налогахъ на содержаніе дополнительныхъ военныхъ контингентовъ. Но король ни за что не хотѣлъ отказаться отъ реформъ, которыя онъ считалъ жизненно-необходимыми для страны, и не хотѣлъ признать за Сеймомъ права отказывать ему въ средствахъ, необходимыхъ для исполненія того, что онъ считалъ своимъ долгомъ, какъ глава арміи. Съ своей стороны, прогрессистское большинство палаты заявило, что „если палата не вправѣ отказать въ новомъ налогѣ, то вся ея дѣятельность сводится къ пустой комедіи“.

Конфликтъ съ палатой и Бисмаркъ.

Палата была распущена. Новые выборы дали еще болѣе рѣшительное большинство оппозиціи. Но новый роспускъ палаты, очевидно, не обѣщалъ выхода изъ создавшагося затрудненія. Оставалось либо отказаться отъ военной реформы, либо добыть необходимыя для нея средства помимо согласія народнаго представительства. Но на первое не хотѣлъ согласиться король, на второе не могло рѣшиться министерство. Послѣднее подало въ отставку. Король въ отчаяніи думалъ объ отреченіи. Актъ объ отреченіи былъ уже написанъ. Однако, прежде чѣмъ подписать его, Вильгельмъ рѣшилъ попробовать попытаться счастья въ борьбѣ. Но для этого нужно было прежде всего найти смѣлаго и рѣшительнаго министра, который бы былъ готовъ пойти по намѣченному королемъ пути, не отступая, если потребуется, передъ явнымъ нарушеніемъ конституціи. Подходящимъ для этого человѣкомъ Вильгельму казался Бисмаркъ, занимавшій въ данный моментъ постъ прусскаго посла въ Парижѣ, а ранѣе бывшій делегатомъ Пруссіи на франкфуртскомъ Сеймѣ. Вызванный спѣшно изъ Парижа Бисмаркъ засталъ короля въ одномъ изъ подгородныхъ замковъ близъ Берлина. Вильгельмъ показалъ ему актъ объ отреченіи, говоря, что не считаетъ возможнымъ отказаться отъ того, въ чемъ видитъ свой долгъ. Король прибавилъ, что онъ готовъ былъ бы попытаться провести свою программу наперекоръ палатѣ, если бы нашелъ министра, который бы рѣшился на это, и предложилъ

взять на себя эту роль Бисмарку. Послѣдній не колеблясь заявилъ, что считаетъ дѣло короля своимъ дѣломъ, за которое готовъ бороться, даже если бы пришлось для этого рискнуть своей головой. Вильгельмъ разорвалъ свое отреченіе и назначилъ Бисмарка первымъ министромъ (сентябрь 1862 г.).

Это былъ въ высшей степени интересный и важный моментъ въ исторіи не только Пруссіи и Германіи, но и всей Европы, такъ какъ, именно, тутъ завязывался узелъ чреватыхъ богатыми послѣдствіями событій, имѣвшихъ рѣшающее значеніе для дальнѣйшей исторіи Пруссіи, Германіи и всей Европы. Отступи Вильгельмъ передъ оппозиціей народнаго представительства, и Пруссія не располагала бы тѣми силами, которыя ей позволили сыграть ту роль, которая выпала на ея долю въ событіяхъ 1864—1870 гг., измѣнившихъ лицо Европы и введшихъ новые факторы въ ея дальнѣйшую эволюцію международную, политическую, соціальную и культурную.

Интересъ даннаго момента заключается независимо отъ указаннаго, еще и въ томъ, что онъ положилъ начало интересному въ государственно-правовой исторіи новѣйшаго времени конституціонному конфликту, продолжавшемуся около четырехъ лѣтъ (1862—1866 гг.).

Бисмаркъ, принципіальный противникъ парламентаризма, какъ наслѣдія революціи, которую онъ ненавидѣлъ всей душой, сформировалъ министерство изъ людей подходящаго идейнаго закала и смѣло вступилъ въ борьбу съ народнымъ представительствомъ. Когда Палата депутатовъ отказала въ утвержденіи бюджета, въ которомъ фигурировали неутвержденныя ею статьи расходовъ, Бисмаркъ представилъ свой проектъ въ верхнюю палату, которая его приняла значительнымъ большинствомъ. Палата депутатовъ объявила бюджетъ вотированный Палатой господъ, недѣйствительнымъ въ виду того, что по конституціи требовалось предварительное одобреніе его нижней палатой. Въ отвѣтъ на это Бисмаркъ заявилъ, что правительство, обязанное „покрывать расходы, необходимые для поддержанія государственныхъ учрежденій и блага страны“, принуждено, въ виду отказа палаты отъ санкціонированія бюджета, проводить послѣдній хотя бы вопреки буквальному смыслу конституціи. Бисмаркъ, впрочемъ, находилъ и теоретическое оправданіе своей точкѣ зрѣнія. Конституція, по его мнѣнію, установила въ законодательномъ и бюджетномъ правѣ Пруссіи три равноправныя силы: Корону, Палату депутатовъ и Палату господъ, но она не предусмотрѣла того случая, когда эти три равноправныя

силы окажутся въ разногласіи. Такъ какъ жизнь государства не терпитъ никакой остановки, то подобный конфликтъ становится „вопросомъ силы“: „побѣда остается за тѣмъ, на чьей сторонѣ перевѣсъ силы“. Это была, въ сущности, революціонная теорія „соотношенія реальныхъ силъ“, отважно поставленная на службу королевской прерогативы.

Правительство еще разъ распустило палату. Въ новой палатѣ либеральная оппозиція пріобрѣла еще болѣе сильное большинство. Но ни эта новая блестящая побѣда оппозиціи, ни шумныя общественныя манифестаціи, ни многочисленные адресы королю,—ничто не могло сломить непреклонности короля и его непоколебимаго министра. Бисмаркъ просто-напросто пересталъ считаться съ палатой, не представлялъ ей для разсмотрѣнія бюджета и помимо нея изыскалъ средства для покрытія расходовъ на усиленіе арміи. Игнорируя парламентскую оппозицію, онъ объявилъ непримиримую войну оппозиціи въ странѣ и для борьбы съ нею перенесъ въ Пруссію тѣ пріемы, которые были выработаны въ тѣхъ же видахъ во Франціи Наполеономъ III. Онъ подчинилъ прессу правительственному надзору и ввелъ французскую систему „предостереженій“, за которыми, въ случаѣ рецидива, слѣдовало запрещеніе изданія; онъ ограничилъ право общественныхъ собраній, запрещая ихъ подъ предлогомъ „общественнаго спокойствія“. Городскія управленія, организовавшія оппозиціонныя депутаціи и петиціи, или поддерживавшія оппозиціонныхъ кандидатовъ, штрафовались и даже смѣщались и замѣнялись правительственными комиссарами. По примѣру Наполеона III, Бисмаркъ ввелъ въ Пруссіи систему правительственныхъ кандидатуръ и административной агитаціи на выборахъ въ палату.

Либеральная оппозиція, съ своей стороны, объявила непримиримую войну правительству и всюду ставила ему палки въ колеса, между прочимъ, и во внѣшней политикѣ. Но Бисмаркъ невозмутимо продолжалъ держать свою линію, а на либеральные протесты спокойно отвѣчалъ: „Германія вѣдь будетъ считаться съ Пруссіей не постольку, поскольку она будетъ либеральна, а поскольку она будетъ сильна“. Наперекоръ либеральному большинству палаты онъ вмѣшался въ шлезвигъ-голштинскій вопросъ (1864 г.), а два года спустя объявилъ войну Австріи (1866 г.); наперекоръ либеральному большинству палаты Бисмаркъ ускорилъ рѣшеніе вопроса объ объединеніи Германіи и обезпечилъ Пруссіи рѣшающій голосъ въ этомъ дѣлѣ. Тотъ фактъ, что корона и поддерживаемое ею противъ большинства палаты министерство обнаружили гораздо больше прозорливости и патріотизма, чѣмъ

Значеніе конституціоннаго конфликта 1862—1866 г.

народное представительство, и что величіе Пруссіи было создано наперекоръ послѣднему, не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на современниковъ и не оставить глубокаго слѣда. Фактъ этотъ, безспорно, нанесъ сильный моральный ударъ парламентаризму, который, дѣйствительно, не успѣлъ съ тѣхъ поръ утвердиться ни въ Пруссіи, ни въ объединенной подъ ея гегемоніей Германіи.

«Союзъ реформъ».

Правда, анти-либеральная политика Бисмарка оттолкнула отъ Пруссіи многихъ патріотовъ либеральнаго лагеря и способствовала пополненію рядовъ основаннаго въ 1860 году, въ противовѣсъ прусскому Національному союзу, Союза реформъ, который, примыкая къ традиціямъ велико-германской партіи сороковыхъ годовъ, проектировалъ преобразованіе Германскаго союза, съ сохраненіемъ въ немъ преобладающаго положенія Австріи. Въ пользу Союза реформъ склонялись многіе государи, особенно въ Южной Германіи, относившіеся отрицательно къ прусской гегемоніи. По ихъ иниціативѣ и при содѣйствіи Австріи, въ 1863 году былъ созванъ особый конгрессъ во Франкфуртѣ для обсужденія предположенной „реформы“. Послѣдняя собрала въ свою пользу большинство голосовъ, но вслѣдствіе энергической оппозиціи Пруссіи, это постановленіе имѣло лишь академическій характеръ и не получило фактическаго осуществленія. Это была послѣдняя попытка Австріи разрѣшить германскій вопросъ въ свою пользу, но она лишь побудила Бисмарка поспѣшить съ выполненіемъ своихъ плановъ на счетъ „изгнанія Австріи изъ Германіи“. Уже въ эпоху франкфуртскаго конгресса, въ 1863 году, Бисмаркъ довольно недвусмысленно заявилъ австрійскому послу, что „Австріи слѣдовало бы отказаться отъ всякихъ видовъ на Германію и перенести свой центръ тяжести въ Пештъ“. Но какъ и ранѣе, онъ, разумѣется, возлагалъ свои надежды не столько на краснорѣчіе и добрые совѣты, сколько на „огонь и желѣзо“. Вскорѣ представился и случай вступить на этотъ послѣдній путь аргументаціи. Въ ноябрѣ 1863 года умеръ датскій король Фридрихъ VII. Его смерть выдвигала на сцену крайне запутанный и спорный шлезвигъ-голштинскій вопросъ. Положеніе этихъ двухъ нѣмецкихъ княжествъ было до крайности противорѣчивымъ и запутаннымъ. Они принадлежали Датскому королю, но не какъ таковому, а какъ герцогу названныхъ нѣмецкихъ княжествъ. Хотя оба герцогства были объявлены неразрывно между собою связанными, но при организаціи Германскаго союза Голштинія, съ ея чисто нѣмец-

Шлезвигъ-голштинскій вопросъ.

нимъ населеніемъ, вошла въ конфедерацію, Шлезвигъ же, наполовину нѣмецкій (югъ), наполовину датскій (сѣверъ) по своему населенію, остался внѣ союза. По примѣру прочихъ своихъ соплеменниковъ, шлезвигъ-голштинскіе нѣмцы приняли активное участіе въ революціонномъ движеніи 1848 года, но были усмирены датскимъ правительствомъ при содѣйствіи другихъ державъ. На лондонской конференціи (8 мая 1852 г.) положеніе обоихъ герцогствъ было урегулировано въ томъ смыслѣ, что по смерти Датскаго короля они должны были перейти вмѣстѣ съ прочими датскими владѣніями къ его наслѣдницѣ (племянницѣ). Но это рѣшеніе державъ было опротестовано, какъ со стороны герцогствъ, такъ и со стороны многихъ германскихъ князей, утверждавшихъ, что, согласно дѣйствующему въ герцогствахъ наслѣдственному праву, послѣднія должны перейти къ ближайшему наслѣднику по мужской линіи, каковымъ являлся герцогъ Фридрихъ Августенбургскій. По смерти короля послѣдній немедленно предъявилъ свои права на оба герцогства. На его сторонѣ было и мѣстное нѣмецкое населеніе, тяготѣвшее къ „единой Германіи“, и германское общество, и большинство германскихъ князей. Вступился за права герцога и франкфуртскій Союзный сеймъ.

Заварившаяся вокругъ этого вопроса каша давала Бисмарку удобный случай сдѣлать первый шагъ къ „изгнанію Австріи изъ Германіи“, съ надеждой притомъ увеличить прусскія владѣнія такимъ цѣннымъ для нея кускомъ, какимъ являлся Шлезвигъ съ его двойнымъ морскимъ фронтомъ и великолѣпной естественной гаванью, Килемъ. „Я всегда былъ того мнѣнія, сознавался впослѣдствіи Бисмаркъ, что присоединеніе Шлезвига (къ Пруссіи) было наилучшимъ изъ возможныхъ рѣшеній этого вопроса“. Подъ предлогомъ поддержать постановленіе Сейма въ пользу герцога Августенбургскаго, Пруссія двинула свои войска, а вслѣдъ за ней послала свой корпусъ и Австрія, для того чтобы не дать Пруссіи одной поживиться на счетъ спорныхъ земель (январь 1864 г.). Соединенныя войска Пруссіи и Австріи безъ труда вытѣснили датчанъ изъ обоихъ герцогствъ, потомъ раздавили датскую армію и заняли весь Ютландскій полуостровъ. Не видя помощи со стороны Европы, оставшейся безучастной зрительницей разгрома маленькаго королевства двумя великими державами, Датскій король принужденъ былъ принять условія, продиктованныя побѣдителями. По вѣнскому миру (30 октября 1864 г.) онъ отказался отъ всякихъ притязаній на Шлезвигъ и Голштинію въ пользу Австріи и Пруссіи, которыя, забывши совершенно о правахъ законнаго наслѣдника, въ защиту

Вѣнскій миръ 30 октября 1864 г.

которыхъ ими было поднято оружіе, преспокойно забрали себѣ оба герцогства. Но когда пришлось дѣлить добычу, то на этотъ счетъ побѣдители никакъ не могли столковаться. Австрія, для которой обладаніе оторваннымъ и далекимъ отъ ея государственной территоріи клочкомъ представляло больше затрудненій, чѣмъ реальныхъ выгодъ, готова была уступить свои „права“ за незначительную территоріальную компенсацію въ сопредѣльныхъ съ ея границами областяхъ; но Бисмаркъ проявилъ самую непримиримую неуступчивость. Прусская военная реформа была закончена, Австрія была не готова къ войнѣ. Моментъ былъ самый подходящій для Пруссіи помѣряться съ Австріей съ увѣренностью въ успѣхѣ. Но Бисмарку не удалось преодолѣть нерѣшительности Вильгельма I. Послѣдній настаивалъ на улаженіи вопроса мирнымъ путемъ. Въ августѣ 1865 года обѣими державами была подписана въ Гаштейнѣ конвенція, въ силу которой оба герцогства признавались совмѣстною собственностью Австріи и Пруссіи, но Голштинія переходила подъ управленіе первой, а Шлезвигъ подъ управленіе послѣдней. По внѣшности дѣлежъ былъ равный, на дѣлѣ же Шлезвигъ представлялъ для Пруссіи неизмѣримо болѣе цѣнное пріобрѣтеніе, чѣмъ Голштинія для Австріи, и Вильгельмъ I не былъ не правъ, выразившись о гаштейнской конвенціи, какъ о „безкровной побѣдѣ Пруссіи“. Гаштейнская конвенція 1865 г.

Но Бисмаркъ и его сотрудникъ по военной части Мольтке [1]) (начальникъ главнаго штаба арміи) видѣли въ этой „безкровной побѣдѣ“ лишь предисловіе къ побѣдѣ менѣе мирной и смотрѣли на гаштейнскую конвенцію, какъ на перемиріе. Къ тому же конвенція эта, какъ всякій компромиссъ, лишь обошла главный вопросъ, не разрѣшивши его. Признаніе принципа „совмѣстнаго обладанія“ сосѣдними герцогствами оставляло открытое поле для дальнѣйшихъ недоразумѣній и раздоровъ. Послѣдніе не замедлили вскорѣ дать возможность Бисмарку и его сотрудникамъ, наперекоръ нерѣшительному королю и враждебно настроенному общественному мнѣнію, довести дѣло до вооруженнаго столкновенія съ Австріей. „Война 1861 года, писалъ впослѣдствіи Мольтке, вытекала не изъ необходимости защищать наше собственное существованіе; это было столкновеніе, признанное министерствомъ необходимымъ, заранѣе обдуманное и задолго подготовленное“.

Въ апрѣлѣ 1866 года, т.-е. всего восемь мѣсяцевъ спустя

[1]) M. Fähns. Feldmarschall Moltke. Berlin, 1900; N. Bigge. Feldmarschall Graf Moltke. München, 1900.

послѣ гаштейнской конвенціи, Пруссія, обезпечивши себѣ предварительно нейтралитетъ Франціи, заключила съ Италіей оборонительный и наступательный союзъ противъ Австріи, съ обязательствомъ вступить въ войну съ послѣдней въ теченіе трехмѣсячнаго срока. Пруссія жаловалась на то, что австрійскій губернаторъ Голштиніи „покровительствуетъ революціонерамъ“ (такъ называлъ Бисмаркъ приверженцевъ герцога Августенбургскаго, какъ ихъ законнаго государя). Не найдя удовлетворенія своимъ жалобамъ въ Вѣнѣ, Пруссія заняла своими войсками Голштинію (11 іюня 1866 г.). Такъ началась кратковременная, но рѣшительная по своимъ послѣдствіямъ австро-прусская война 1866 года.

Австро-прусская война 1866 г.

Австрія очистила Голштинію и обратилась къ франкфуртскому Сейму съ требованіемъ мобилизаціи союзной арміи противъ Пруссіи. Большинство Сейма высказалось за удовлетвореніе требованія Австріи. Въ отвѣтъ Пруссія объявила, что не признаетъ болѣе Союзнаго сейма, считаетъ Германскій союзъ расторгнутымъ, но въ то же время, „дорожа единствомъ германской націи“, беретъ на себя трудъ возстановить это единство въ другой, болѣе прочной формѣ. Государства, вотировавшія въ Сеймѣ въ пользу Австріи, немедленно вступили съ ней въ союзъ: это были четыре королевства (Баварія, Вюртембергъ, Саксонія, Ганноверъ, и герцогства Гессенъ, Нассау, Баденъ). Пруссія имѣла съ собой только Италію, но на ея сторонѣ было качественное превосходство арміи, лучше обученной и лучше вооруженной. Еще болѣе важное преимущество Пруссіи заключалось въ ея стратегической подготовленности къ войнѣ, которая, наоборотъ, застала врасплохъ Австрію. Планъ войны былъ заранѣе детально разработанъ прусскимъ штабомъ подъ руководствомъ Мольтке, и прусскія войска, заранѣе подготовленныя, быстро мобилизовались по первому сигналу и напали на войска Австріи и ея союзниковъ въ то время, когда они лишь заканчивали свою мобилизацію, и прежде чѣмъ отдѣльные корпуса успѣли соединиться между собой. Въ теченіе двухъ недѣль пруссаки разгромили ганноверскую армію и заставили ее капитулировать (25 іюня), заняли безъ сопротивленія Саксонію, разбили баварцевъ и другихъ южанъ и заняли богатый Франкфуртъ, который обложили многомилліонной контрибуціей. Наконецъ, три прусскія арміи вступили съ разныхъ концовъ въ Чехію и соединились между Садовой и Кёниггрецемъ. Здѣсь произошла рѣшительная битва съ главными австрійскими силами (3 іюля 1866 г.).

Силы противниковъ численно были приблизительно равны (около 220.000 на каждой сторонѣ), но исходъ битвы былъ рѣшенъ въ

пользу качественно превосходной прусской арміи. Австрійцы отступили, потерявъ около 25.000 убитыми, ранеными и плѣнными. Пруссаки вступили въ Моравію и двинулись къ Вѣнѣ. Въ половинѣ іюля главный штабъ прусской арміи расположился въ Никольсбургѣ, въ 12 миляхъ отъ Вѣны. Столица Австріи оставалась безъ серьезной защиты. Столь быстрый и рѣшительный разгромъ Австріи, этой „семидесятимилліонной имперіи“, какъ любили ее титуловать кичливые австрійскіе дипломаты, несравненно менѣе значительной по своимъ размѣрамъ и населенію Пруссіей ошеломилъ всѣхъ, и, быть можетъ, всего болѣе Наполеона III, который такъ легко согласился на нейтралитетъ Франціи лишь потому, что былъ увѣренъ въ томъ, что война между Пруссіей и Австріей затянется надолго, истощитъ въ концѣ концовъ обоихъ противниковъ и дастъ ему возможность выступить посредникомъ, для того чтобы принудить обѣ стороны принять тѣ условія, которыя ему угодно будетъ имъ продиктовать. Обнаруженный Пруссіей столь рѣшительный военный перевѣсъ испугалъ французское правительство. Министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ императору немедленно послать войска къ прусской границѣ. Но военный министръ доложилъ, что Франція могла бы выставить немедленно лишь около 40.000, а впрочемъ, и это было бы безполезно, за недостаткомъ боевыхъ снарядовъ. Лучшія силы французской арміи находились въ то время въ Мексикѣ, куда онѣ были отправлены для поддержки безразсудной и эфемерной „Мексиканской имперіи“ (1863 — 1867 г.) [1]). Когда къ Наполеону III явился австрійскій посланецъ съ мольбой о помощи, императоръ могъ лишь отвѣтить конфузнымъ: „Я не готовъ“.

Неготовность Франціи

[1]) Французская военная экспедиція была вызвана слѣдующими обстоятельствами. Овладѣвши въ 1861 году властью въ Мексикѣ, радикальная партія объявила войну католической церкви и позволила себѣ различныя правонарушенія по отношенію къ европейскимъ державамъ. Такъ, европейскіе подданные были привлечены къ отбыванію воинской повинности, была пріостановлена уплата процентовъ по европейскимъ займамъ и т. п. Въ октябрѣ 1861 г. три державы— Англія, Франція и Испанія—подписали конвенцію для совмѣстнаго воздѣйствія на мексиканское правительство. Послѣ того какъ послѣднее оставило безъ отвѣта ультимативную ноту державъ, послѣднія отправили въ Мексику экспедиціонные отряды (1861 г.). Но вскорѣ между союзниками начались разногласія. Испанія и Англія отозвали свои отряды. Наполеонъ III воспользовался этимъ для осуществленія своихъ плановъ—созданія въ Мексикѣ монархіи подъ протекторатомъ Франціи. Въ подкрѣпленіе экспедиціонному отряду былъ снаряженъ новый, болѣе значительный (до 30.000 съ 50 орудіями); въ общемъ въ Мексику было отправлено около 40.000 лучшихъ французскихъ войскъ. Подъ прикрытіемъ послѣднихъ мексиканская республика была превращена въ имперію. Имперія же просуществовала лишь до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ III, убѣдившись въ безплодности своей мексиканской авантюры, не отозвалъ экспедиціонный корпусъ, въ 1866 году. Послѣ ухода французовъ въ Мексикѣ произошла революція, императоръ Максимиліанъ былъ захваченъ революціонерами и разстрѣлянъ (19 іюня 1867 г.), а Мексика снова превратилась въ республику.

Австріи ничего не оставалось, какъ подписать условія, продиктованныя побѣдителемъ. По предварительному миру, подписанному 26 іюля въ Никольсбургѣ и подтвержденному окончательнымъ договоромъ въ Прагѣ, 23 августа 1866 года, Австрія отказывалась въ пользу Пруссіи отъ своихъ притязаній, признавала провозглашенное Пруссіей расторженіе Германскаго союза и предоставляла Пруссіи организовать новый Германскій союзъ безъ участія Австріи и южно-германскихъ государствъ. Послѣдняя оговорка относительно южныхъ государствъ была включена въ окончательный мирный договоръ по настоянію другихъ державъ, преимущественно Франціи, которая разсчитывала ограничить Германскій союзъ подъ гегемоніей Пруссіи предѣлами Сѣверной Германіи, а изъ южныхъ создать въ противовѣсъ ему другой союзъ, который Наполеонъ III надѣялся держать подъ ферулой Франціи. Но Бисмаркъ, прекрасно понимавшій смыслъ этого требованія Франціи, сумѣлъ не только парализовать его значеніе, но, пользуясь непредусмотрительностью Наполеона III, обратить противъ самой Франціи направленный ею противъ Пруссіи ударъ. Дѣло въ томъ, что, выступая въ качествѣ посредника между Австріей и Пруссіей, Наполеонъ III выказалъ желаніе получить въ свою пользу вознагражденіе въ видѣ части германской территоріи по лѣвому берегу Рейна. Бисмаркъ показалъ видъ, что считаетъ требованіе Наполеона III вполнѣ резоннымъ и попросилъ его представить ему письменное изложеніе французскихъ притязаній. Наполеонъ III, не подозрѣвая ловушки, исполнилъ желаніе Бисмарка. Послѣдній поспѣшилъ ознакомить южно-германскихъ государей съ компрометтирующимъ французскимъ документомъ, что не замедлило вызвать всеобщее раздраженіе противъ Франціи, и Бисмарку послѣ этого не стоило большого труда склонить южныхъ государей заключить съ Пруссіей оборонительный и наступательный союзъ противъ Франціи. Южно-германскій союзъ послѣ этого становился излишнимъ, а Наполеону III пришлось отказаться отъ своихъ видовъ на исправленіе рейнской границы. Наполеонъ III высказалъ тогда желаніе вознаградить Францію за счетъ Бельгіи и, по просьбѣ Бисмарка, снова изложилъ свой проектъ письменно, давши, такимъ образомъ, въ руки врагу новое оружіе противъ Франціи. До поры до времени Бисмаркъ припряталъ драгоцѣнный документъ, а когда разразилась война между Пруссіей и Франціей, онъ его опубликовалъ во всеобщее свѣдѣніе и тѣмъ возстановилъ противъ Франціи Бельгію и охладилъ къ ней остальную Европу.

Пражскій миръ 23 августа 1866 г.

Дипломатическая побѣда Бисмарка надъ Наполеономъ III.

Вслѣдъ за вооруженной побѣдой надъ Австріей Прус-

сія одержала, такимъ образомъ, блестящую дипломатическую побѣду надъ Франціей. Результатомъ этой двойной побѣды было значительное территоріальное увеличеніе Пруссіи и образованіе новаго Германскаго союза подъ ея гегемоніей.

Пруссія послѣ Садовой.

Пруссія, безъ дальнѣйшихъ околичностей, присоединила къ своимъ владѣніямъ, кромѣ Шлезвига и Голштиніи, занятыя прусскими войсками во время войны союзныя Австріи княжества Сѣверной Германіи: королевство Ганноверское, герцогство Гессенъ и Нассау вмѣстѣ съ находившимся на территоріи послѣдняго вольнымъ городомъ Франкфуртомъ, бывшей резиденціей Союзнаго сейма. Вслѣдствіе этихъ присоединеній Пруссія пріобрѣла около семи милліоновъ новыхъ подданныхъ, притомъ—исключительно нѣмецкой національности (за исключеніемъ датской части Шлезвига); населеніе Прусскаго королевства поднялось съ 18 до 25 милліоновъ. Территорія королевства увеличилась приблизительно на четверть своего прежняго состава; но новыя территоріальныя пріобрѣтенія представляли особенную цѣнность потому, что они связывали сплошной полосой двѣ раздѣленныя до тѣхъ поръ части прусской территоріи—восточную и западную. Въ новомъ своемъ видѣ Пруссія почти поглощала въ своемъ составѣ всю Сѣверную Германію, такъ какъ изъ 31 милліона населенія послѣдней на долю Пруссіи приходилось 25 милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она становилась, безспорно, самымъ сильнымъ изъ нѣмецкихъ государствъ. Пруссія не считала нужнымъ освѣдомляться о настроеніи населенія присоединяемыхъ областей, какъ это дѣлала Италія по примѣру Франціи; она отказалась даже исполнить подписанное ей въ пражскомъ трактатѣ обязательство, въ силу котораго она обѣщала возвратить Даніи сѣверную часть Шлезвига, „если населеніе свободнымъ голосованіемъ“ выскажется за это. Горсточкѣ датскаго населенія сѣвернаго Шлезвига оставалось лишь покориться своей участи, равно какъ и маленькой Даніи признать за Пруссіей право сильнаго, которое прусскія канцеляріи высокопарно называли „Божьимъ рѣшеніемъ“. Что касается нѣмецкихъ областей, то населеніе ихъ вошло безъ протеста и частью даже съ удовольствіемъ въ „новую и болѣе обширную національную общину“, какою являлась Пруссія сравнительно съ прочими нѣмецкими землями. Только въ Ганноверѣ значительная часть населенія не хотѣла примириться съ утратой своей политической автономіи и своей собственной династіи. Эти недовольные составляли настолько значительную и вліятельную часть насе-

ленія, что могли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проводить своихъ кандидатовъ въ Имперскій сеймъ; они образовали въ послѣднемъ особую группу, подъ названіемъ „вельфовъ“ [1]).

„Выгнавши Австрію изъ Германіи“ и сдѣлавшись полною хозяйкою въ Сѣверной Германіи, Пруссія немедленно, и не дожидаясь даже подписанія окончательнаго мира, приступила осуществлять признанное за ней Никольсбургскимъ договоромъ право организовать Сѣверную Германію по своему плану. 26 іюля былъ подписанъ предварительный миръ въ Никольсбургѣ, а 4 августа прусское правительство уже обратилось ко всѣмъ государствамъ Сѣверной Германіи съ приглашеніемъ заключить съ Пруссіей союзъ на одинъ годъ, съ тѣмъ чтобы въ теченіе этого срока осуществить намѣченную миромъ новую союзную организацію. Большинство государей, равно какъ и оставшіеся три вольные города, Гамбургъ, Бременъ и Любекъ, приняли безъ возраженій предложеніе Пруссіи, прекрасно понимая всю безполезность какихъ-либо возраженій по адресу побѣдителя при Садовой. Тѣ, которые этого не поняли, не замедлили получить соотвѣтствующее наглядное разъясненіе. Княгиня-регентша маленькаго княжества Рейссъ (Reuss) попробовала-было уклониться отъ прусскаго приглашенія; немедленно явился прусскій отрядъ и занялъ княжество. Герцогъ Мейнингенскій, заслужившій немилость Пруссіи своимъ австрофильствомъ, принужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу своего сына.

Волей-неволей всѣ государства Сѣверной Германіи вошли въ составъ Союза, который былъ организованъ по заранѣе выработанной Бисмаркомъ программѣ, воспроизводившей въ главныхъ чертахъ прусскій проектъ 1849 года [2]). Новая организація, получившая оффиціальное названіе Сѣверно-германскаго Союза (Nord-deutscher Bund) [3]), представляла собою союзное государство подъ гегемоніей Пруссіи.

Сѣверно-германскій Союзъ и его организація.

Въ качествѣ президента Союза, Прусскій король является главой и представителемъ послѣдняго въ международныхъ сношеніяхъ. Ему принадлежитъ право вести переговоры отъ имени Союза съ иноземными державами, вступать въ договоры, объявлять войну и заключать миръ. Ему принадлежитъ высшее командованіе

---

[1]) Вельфъ—фамильное имя ганноверской династіи.
[2]) См. выше, стр. 69—70.
[3]) K. Binding. Gründung des Norddeutschen Bundes. Leipzig, 1889; G. Hirt. Annalen des Norddeutschen Bundes. Berlin, 1868—1870. См. также примѣчаніе къ стр. 135.

и распоряженіе вооруженными силами Союза. Послѣднія составляются изъ контингентовъ Пруссіи и всѣхъ входящихъ въ составъ Союза государствъ, при чемъ контингенты мелкихъ государствъ входятъ непосредственно въ составъ прусской арміи, болѣе крупныя сохраняютъ свои отдѣльныя арміи; всѣ онѣ, однако, должны быть преобразованы по прусскому образцу. Далѣе, прусскій король, въ качествѣ президента Союза, опубликовываетъ законы, созываетъ союзныя собранія, открываетъ и закрываетъ ихъ сессіи, назначаетъ и смѣщаетъ союзныхъ чиновниковъ. Непосредственнымъ органомъ президента является союзный канцлеръ, который фактически выполняетъ бо́льшую часть функцій президента. Отдѣльныя государства сохраняютъ свою политическую и административную автономію, но послѣдняя въ сущности мало обезпечена отъ захватовъ центральной власти Союза, въ лицѣ его президента и канцлера, то-есть короля Вильгельма I и Бисмарка.

Въ качествѣ убѣжденнаго абсолютиста, Бисмаркъ лично предпочелъ бы обойтись вовсе безъ народнаго представительства, но какъ человѣкъ съ государственнымъ умомъ, онъ понималъ, что, при господствующихъ взглядахъ и настроеніяхъ, было необходимо придать союзному строю конституціонный обликъ. Поэтому рядомъ съ президентомъ былъ поставленъ представительный органъ Союза, которому было присвоено авансомъ пышное наименованіе Имперскаго Сейма (Reichstag). Бисмаркъ пошелъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что въ основу избирательнаго права положилъ радикальный принципъ всеобщаго голосованія (по одному депутату на каждыя сто тысячъ населенія, всего около 300 депутатовъ). Впрочемъ, Бисмаркъ имѣлъ при этомъ въ виду не столько угодить радикаламъ, сколько парализовать партикуляристскія стремленія отдѣльныхъ германскихъ государствъ и сдѣлать изъ Рейхстага представительство Германіи, какъ цѣлаго. Эта цѣль, дѣйствительно, была достигнута Бисмаркомъ, но зато всеобщее избирательное право принесло и нѣкоторые непредвидѣнные и нежелательные съ его точки зрѣнія плоды (напримѣръ, появленіе въ Рейхстагѣ соціалистовъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ принялъ мѣры противъ возможнаго уклона союзнаго представительства въ сторону парламентаризма, ограничивъ заранѣе компетенціи Рейхстага вотированіемъ новыхъ налоговъ и поставивъ его законодательную дѣятельность въ зависимость, съ одной стороны—отъ президента, съ другой—отъ Союзнаго Совѣта (Bundesrath). Въ самомъ дѣлѣ, каждый новый законъ, вотированный Рейхстагомъ, долженъ былъ пройти еще черезъ Совѣтъ и полу-

чить одобреніе президента. Союзный Совѣтъ, игравшій въ нѣкоторомъ родѣ роль верхней палаты по отношенію къ Рейхстагу, напоминалъ по своему составу прежній Союзный сеймъ (франкфуртскій). Онъ состоялъ изъ делегатовъ отдѣльныхъ государствъ, или, точнѣе — ихъ правительствъ, въ числѣ 43, изъ которыхъ на долю Пруссіи приходилось 17.

Обѣ палаты представляли по своему составу величины до такой степени разнородныя и, такъ сказать—несоизмѣримыя, что правительство, то-есть президентъ съ своимъ канцлеромъ и министрами, могли считать себя застрахованными отъ опасности совмѣстной оппозиціи обоихъ собраній. Наоборотъ, правительство имѣло всегда возможность противопоставить аристократическо-монархическій Совѣтъ демократическимъ стремленіямъ вышедшаго изъ всеобщаго голосованія Рейхстага, а на этотъ послѣдній опираться, въ случаѣ нужды, какъ на органъ германскаго единства и выразителя общенаціональной воли противъ партикуляристскихъ поползновеній отдѣльныхъ мѣстныхъ правительствъ.

Въ отличіе отъ расторгнутаго Германскаго союза, который съ государственно-правовой точки зрѣнія представлялъ собою не что иное, какъ тѣсный и постоянный союзъ или федерацію государствъ, въ новомъ союзѣ уже нельзя не признать федеративнаго государства, съ сильною и прочно организованною центральною властью. Несмотря на конституціонную внѣшность, фактически власть эта оказывалась въ рукахъ правительства, слѣдовательно—прежде всего Прусскаго короля.

Для завершенія объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи оставалось еще привлечь къ Союзу оставшіяся за его предѣлами четыре южно-германскихъ государства: Баварію, Вюртембергъ, Баденъ и Пфальцъ. Эти послѣднія государства входили уже ранѣе въ составъ организованнаго Пруссіей, подъ своей гегемоніей, Таможеннаго союза [1])

Первый шагъ къ болѣе тѣсному сплоченію этихъ государствъ съ Пруссіей и новымъ Сѣверно-германскимъ союзомъ былъ сдѣланъ еще въ 1866 году, въ формѣ оборонительнаго и наступательнаго союза, заключеннаго ими съ Пруссіей (главнымъ образомъ противъ Франціи). Слѣдующій шагъ къ сліянію съ Сѣверногерманскимъ союзомъ былъ сдѣланъ въ связи съ преобразованіемъ Таможеннаго союза въ 1867—1868 гг. Преобразованіе это заключалось въ томъ, что отнынѣ центральнымъ органомъ Таможен-

[1]) См. выше, стр. 135—136.

наго союза долженъ былъ служить такъ называемый Таможенный парламентъ (Zollparlament). Этотъ послѣдній состоялъ изъ Рейхстага, усиленнаго депутатами (избранными всеобщимъ голосованіемъ) южныхъ государствъ, въ числѣ 85, пропорціонально численности ихъ населенія. По своему составу Таможенный парламентъ ничѣмъ не отличался отъ будущаго имперскаго Рейхстага, но покамѣстъ его компетенціи ограничивались лишь таможенной политикой. Такимъ образомъ, до окончательнаго объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи оставался уже небольшой шагъ. Облегчить и ускорить этотъ шагъ взяло на себя близорукое и бездарное правительство Наполеона III.

«Таможенный парламентъ».

Франко-германская война и основаніе Германской имперіи.

Разгромъ Австріи при Садовой (1866 г.), огромное территоріальное увеличеніе Пруссіи и объединеніе Сѣверной Германіи подъ ея гегемоніей въ сильную державу, — эти факты рѣзко нарушали установившееся соотношеніе международныхъ силъ въ Европѣ въ пользу Пруссіи и въ ущербъ Австріи и Франціи. Для того чтобы до извѣстной степени возстановить въ пользу Франціи нарушенное равновѣсіе, Наполеонъ III, какъ было выше отмѣчено, пытался обезпечить для Франціи территоріальныя компенсаціи сначала на счетъ лѣваго берега Рейна, потомъ на счетъ Бельгіи, но, какъ мы видѣли, эти попытки лишь усугубили дипломатическое пораженіе Франціи и упрочили перевѣсъ Пруссіи, оттолкнувъ отъ Франціи южно-германскія государства, поссоривъ ее съ Бельгіей и увеличивъ число союзниковъ Пруссіи.

Франція и Пруссія послѣ Садовой.

Наконецъ, когда Наполеонъ III попытался обезпечить стратегическое положеніе Франціи со стороны Пруссіи путемъ пріобрѣтенія за деньги герцогства Люксембургскаго у его обладателя, короля Нидерландовъ, то это вызвало въ Германіи настоящую бурю, которую Бисмаркъ нарочно постарался раздуть и потомъ, опираясь на общественное возбужденіе противъ Франціи, пригрозилъ Голландіи войной, въ случаѣ осуществленія заключенной съ Наполеономъ III сдѣлки. Послѣ этого сдѣлка не состоялась (1866—1867 г.). Этотъ случай служилъ наглядным симптомомъ происшедшей рѣзкой перемѣны въ соотношеніи международныхъ силъ. Тотъ, которымъ заговорила Пруссія съ Франціей,

былъ неслыханнымъ. Онъ ясно показывалъ, что Пруссія уже не боялась Франціи, что возможность войны съ послѣдней ее нисколько не пугала. Дѣйствительно, Бисмарку, прекрасно освѣдомленному относительно внутренняго положенія Франціи, было хорошо извѣстно, что Франція продолжала, какъ и въ 1866 году, въ эпоху битвы при Садовой, оставаться неготовой къ войнѣ, въ то время какъ Пруссія располагала многочисленной, прекрасно обученной и вооруженной, вдобавокъ обстрѣлянной въ бояхъ и побѣдоносной арміей, которую, въ случаѣ нужды, могли подкрѣпить контингенты союзныхъ государствъ. Бисмаркъ не только не боялся войны съ Франціей, но и желалъ ея, такъ какъ надѣялся, что вызванный ею патріотическій подъемъ въ Германіи поможетъ устранить многочисленныя внутреннія тренія и партикуляристскія стремленія отдѣльныхъ частей Союза, сплотитъ его болѣе прочно въ общегерманскомъ національно-патріотическомъ порывѣ, подниметъ моральный престижъ Пруссіи въ Германіи и поможетъ закончить объединеніе послѣдней подъ прусской гегемоніей. Война была нужна Пруссіи, и кромѣ того, надо было спѣшить съ ней, пока Франція не успѣла провести намѣченную въ 1868 г. военную реформу, обѣщавшую значительно усилить французскую армію. Важно было также предупредить заключеніе тройственнаго австро-франко-итальянскаго союза, который подготовлялся Австріей (1869—1870 гг.), продолжавшей носиться съ мыслью о реваншѣ Пруссіи за 1866 годъ. Интересно, что лично Вильгельмъ I былъ противъ войны, равно какъ и Наполеонъ III, но Бисмаркъ въ своихъ воинственныхъ планахъ находилъ себѣ опору и въ министерствѣ, и въ парламентѣ, и въ обществѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ недавнихъ побѣдъ и дипломатическихъ треній съ Франціей, образовалось довольно сильное воинственное, франкофобское теченіе. Аналогичное шовинистское и воинственное теченіе существовало и во Франціи, гдѣ многіе не могли примириться съ возвышеніемъ Пруссіи и разсчитывали силою оружія возвратить послѣднюю на ея прежнее мѣсто въ Европѣ и въ Германіи. Партія войны во Франціи оказала большую услугу Бисмарку, избавивъ его отъ необходимости искать или создавать casus belli и брать на себя всегда тяжелый починъ войны.

Политика Бисмарка.

Вопросъ объ испанскомъ престолонаслѣдіи.

Поводомъ къ войнѣ послужилъ вопросъ объ испанскомъ престолонаслѣдіи.

Фердинандъ VII (1814—1833 г.), возстановившій въ Испаніи абсолютизмъ при содѣйствіи французскихъ войскъ въ 1823 году [1]),

[1]) См. выше, выпускъ I, стр. 145.

умеръ десять лѣтъ спустя, не оставивъ мужского потомства. Согласно завѣщанію короля, его преемницей на престолѣ была объявлена его старшая дочь Изабелла, которая была въ эту пору трехлѣтнимъ ребенкомъ; ея мать Христина была объявлена регентшей. Но это противорѣчило установившемуся въ династіи Бурбоновъ порядку престолонаслѣдія — исключительно по мужской линіи; по этому порядку законнымъ наслѣдникомъ Фердинанда являлся его братъ Карлъ, который и провозгласилъ себя королемъ. На его сторонѣ было большинство дворянства и значительная часть населенія, преимущественно въ сѣверныхъ областяхъ. Это объясняется тѣмъ, что, въ противоположность Христинѣ, которую поддерживали либералы, Карлъ объявилъ себя сторонникомъ старыхъ порядковъ, а это означало, между прочимъ, и сохраненіе старыхъ мѣстныхъ привилегій, которыми очень дорожило населеніе этихъ областей. Дѣло дошло до междоусобной войны между карлистами и христинистами. Междоусобіе, продолжавшееся около пяти лѣтъ (1834—1839 г.), окончилось побѣдой христинистовъ, которымъ оказали дѣятельную поддержку Англія и Франція, приславшія имъ на помощь, первая—два полка, послѣдняя—„иноземный легіонъ“. Пораженію карлистовъ не мало способствовали также начавшіеся раздоры между ихъ вождями. Въ 1839 году карлисты сложили оружіе, выговоривъ себѣ амнистію; самъ Карлъ, съ кучкой наиболѣе преданныхъ приверженцевъ, удалился во Францію.

Во время междоусобной войны Христина, опиравшаяся на либераловъ, принуждена была ввести соотвѣтствовавшее ихъ требованіямъ конституціонное устройство. По королевскому статуту 1834 года, учреждались Кортесы изъ двухъ палатъ: нижней, избираемой на три года на основѣ цензовой и двухстепенной системы, и верхней, состоявшей изъ членовъ пожизненныхъ или наслѣдственныхъ по назначенію короны. Этотъ строй, скопированный въ сущности съ французской „хартіи“ 1814 года, и гарантировавшій коронѣ рѣшительный перевѣсъ, удовлетворилъ, однако, лишь болѣе умѣренныхъ либераловъ, но имъ остались недовольны радикалы, или, какъ они себя называли, прогрессисты; послѣдніе требовали однопалатнаго представительства на основѣ всеобщаго избирательнаго права и свободы печати. Ихъ идеаломъ была конституція 1812 года. Прогрессисты, которымъ удалось склонить на свою сторону часть арміи, добились пересмотра „статута“ 1834 года и привнесенія въ него нѣкоторыхъ поправокъ изъ конституціи 1812 года. Результатомъ этого пересмотра была конституція 1837 года. Хотя послѣдняя и оставляла двухпалатную систему, но рас-

ширяла компетенціи обѣихъ палатъ, привлекала къ участію въ выборахъ болѣе широкіе слои населенія, устанавливала принципъ равенства всѣхъ гражданъ, свободу личности, свободу печати и пр.

Режимъ „пронунціаменто».

Продолжительное междоусобіе втянуло въ политическую борьбу армію и пріучило политическія партіи искать опоры въ войскахъ, то-есть фактически среди командующаго состава ихъ, потому что солдаты, мало понимавшіе въ политикѣ, обыкновенно вѣрили наслово своимъ командирамъ и шли туда, куда ихъ вели. Чтобы свергнуть неугодное министерство, вожаки оппозиціи обращались обыкновенно къ тому или другому изъ единомышленныхъ генераловъ, тотъ объявлялъ соотвѣтствующую прокламацію (пронунціаменто) и безъ дальнѣйшихъ околичностей шелъ на столицу. Высланные противъ него правительствомъ отряды, обыкновенно присоединялись къ недовольнымъ товарищамъ, и министерству приходилось уходить, уступая мѣсто другому, котораго чрезъ нѣсколько времени обыкновенно ожидала подобная же участь. Благодаря такому порядку вещей, въ теченіе 25 лѣтъ въ Испаніи смѣнилось около пятидесяти министерствъ, а отдѣльныя министерства, особенно военное и финансовое, мѣняли своихъ руководителей еще чаще (около 90 военныхъ министровъ и около 80 министровъ финансовъ за тотъ же періодъ). Благодаря постояннымъ „пронунціаменто“, Испанія жила въ атмосферѣ хроническаго государственнаго переворота и фактической военной диктатуры. Конституція и гарантированныя ею свободы превратились въ чистыя фикціи, потому что правительство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пользовалось своимъ правомъ „пріостанавливать конституціонныя гарантіи“, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства. Благодаря постоянному вмѣшательству вооруженной силы, авторитетъ и значеніе народнаго представительства упали до такой степени, что правительство находило излишнимъ считаться съ нимъ. Оно безъ всякаго стѣсненія законодательствовало путемъ королевскихъ декретовъ, устанавливало налоги, не спрашиваясь Кортесовъ, не представляло имъ бюджета на предварительное разсмотрѣніе, а ограничивалось лишь сообщеніемъ для свѣдѣнія по истеченіи бюджетнаго года.

Результатомъ одного изъ пронунціаменто было провозглашеніе въ 1855 году новой конституціи, которая, впрочемъ, мало отличалась отъ конституціи 1837 года и во всякомъ случаѣ не внесла никакого существеннаго измѣненія въ установившійся въ Испаніи порядокъ вещей. Пронунціаменто 1855 года вынудило Христину бѣжать изъ Испаніи. Тринадцать лѣтъ спустя, болѣе серьезный

невеворотъ заставилъ бѣжать и самоё королеву. Пронунціаменто 1868 года, поддержанное городскими рабочими и интеллигенціей, было произведено при возгласахъ: „Да здравствуетъ національный суверенитетъ! Долой Бурбоновъ!“—и было направлено уже не только противъ правящей партіи (абсолютистовъ), но и противъ самой династіи и даже отчасти противъ монархіи, такъ какъ среди побѣдившей партіи прогрессистовъ обнаружилось на этотъ разъ и замѣтное республиканское теченіе. Правда, республиканцы составляли сравнительно незначительное меньшинство—и созванное временнымъ правительствомъ Учредительное собраніе, избранное всеобщимъ голованіемъ, высказалось подавляющимъ большинствомъ голосовъ въ пользу сохраненія монархіи. Вслѣдъ затѣмъ была вотирована новая конституція въ духѣ прогрессистовъ; двухпалатная система сохранялась, но обѣ палаты были избирательными, а нижняя палата избиралась всеобщимъ голосованіемъ. Кромѣ того, конституція 1868 года впервые провозглашала свободу культа для не-католическихъ исповѣданій и не-христіанскихъ религій.

Высказавшись въ пользу сохраненія монархіи, Учредительное собраніе въ то же время объявило Бурбоновъ разъ навсегда устраненными отъ испанскаго престола. Такимъ образомъ, открывался вопросъ о замѣщеніи вакантнаго испанскаго престола. Но охотника занять послѣдній оказалось трудно найти. Принцы царствующихъ домовъ въ Италіи, въ Саксоніи, въ Португаліи, одинъ за другимъ отклонили адресованныя имъ въ этомъ смыслѣ предложенія. Наконецъ, обратились къ одному изъ дальнихъ родственниковъ прусскаго короля, принцу Леопольду Гогенцоллерну. Эта кандидатура и положила начало тѣмъ дипломатическимъ пререканіямъ между Парижемъ и Берлиномъ, которыя разрѣшились вооруженнымъ столкновеніемъ между Франціей и Пруссіей. Если дипломатическія пререканія, не выходившія по своему значенію изъ категоріи заурядныхъ дипломатическихъ конфликтовъ, улаживаемыхъ безъ всякаго шума дипломатическими канцеляріями, разыгрались въ концѣ концовъ въ вооруженное столкновеніе, то это, съ одной стороны — потому, что Бисмаркъ, который подстерегалъ желательный для него casus belli, постарался обострить дипломатическій споръ, превративъ его въ вопросъ національной чести для Франціи; съ другой стороны — потому, что правительство Наполеона III, не замѣчая поставленной ему ловушки, имѣло неосторожность взять сразу слишкомъ высокій тонъ и выставить вопросъ объ испанскомъ престолонаслѣдіи, какъ вопросъ безопасности Франціи и всей Европы. Въ засѣданіи

Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна на испанскій престолъ.

французской палаты 6 іюля 1870 года министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Грамонъ, заявилъ, что занятіе однимъ изъ Гогенцоллерновъ „трона Карла V“ былъ бы угрозой европейскому равновѣсію, но что „Франція сумѣетъ выполнить свой долгъ безъ колебаній и безъ слабости“. Вслѣдъ затѣмъ Грамонъ, отъ имени правительства, предъявилъ Прусскому королю, находившемуся въ это время въ Эмсѣ, требованіе, чтобы онъ запретилъ своему родственнику принять испанскую корону. Вильгельмъ I отвѣтилъ, что это его не касается. Между тѣмъ, 12 іюля Леопольдъ опубликовалъ свое заявленіе объ отказѣ отъ предложенной ему короны. Казалось, что инцидентъ былъ исчерпанъ. Но Грамонъ не успокоился и поручилъ французскому послу въ Берлинѣ потребовать отъ короля формальнаго обязательства въ томъ, что онъ не позволитъ и впредь Леопольду принять корону, если бы послѣдній вздумалъ на это согласиться. 13 іюля утромъ французскій посолъ лично передалъ это требованіе Вильгельму. Послѣдній, естественно, отказался исполнить столь странное требованіе. Немного спустя, въ то же утро, Вильгельмъ получилъ депешу отъ прусскаго посла въ Парижѣ, о томъ, что Наполеонъ желаетъ, чтобы король написалъ ему письмо съ завѣреніемъ, что онъ не хотѣлъ нанести оскорбленія достоинству Франціи. Это новое требованіе окончательно разсердило Вильгельма, и когда послѣ полудня того же дня французскій посолъ заявилъ о своемъ желаніи получить новую аудіенцію, король выслалъ къ нему своего адъютанта сказать, что онъ не имѣетъ ничего болѣе сказать послу. Дипломатическія отношенія становились натянутыми, но о разрывѣ пока не было рѣчи, и Вильгельмъ, отправляясь на другой день изъ Эмса въ Берлинъ, заявилъ лично французскому послу, который явился на вокзалъ, что его правительство готово вести дальнѣйшіе переговоры по затронутому вопросу. Дипломатическая атмосфера, казалось, снова прояснялась. Но Бисмаркъ, узнавши о происшедшемъ инцидентѣ, поспѣшилъ принять свои мѣры къ тому, чтобы такъ хорошо налаживавшійся casus belli не разстроился. Онъ немедленно опубликовалъ въ берлинскихъ газетахъ правительственное сообщеніе, въ которомъ эмсскій инцидентъ получалъ болѣе рѣзкій и болѣе обидный для Франціи характеръ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Правительственное сообщеніе заканчивалось словами: „Его Величество отказался принять французскаго посла и велѣлъ ему сказать, что не имѣетъ болѣе ничего ему сообщить“. Это сообщеніе вызвало настоящую бурю въ Парижѣ и въ частности въ палатѣ, на что, конечно, и разсчитывалъ Бис-

Эмсскій инцидентъ.

маркъ. Военная партія въ палатѣ и въ правительствѣ, не замѣчая коварно разставленной ловушки, потребовали объявленія войны Пруссіи за нанесенное, будто бы, оскорбленіе Франціи. Напрасно Тьеръ и другіе болѣе благоразумные депутаты призывали къ спокойствію, указывая на то, что съ отказомъ Леопольда отъ испанской короны, конфликтъ по существу долженъ считаться улаженнымъ, а что касается прусскаго правительственнаго сообщенія, то необходимо выяснить сначала его фактическую точность; но эти призывы къ благоразумію были заглушены шумомъ и криками шовинистовъ: „Измѣнникъ! Пруссакъ!“ Правительство Наполеона III, съ своей стороны, не сдѣлало ни малѣйшей попытки пойти противъ теченія, и первый министръ Олливье, слывшій до тѣхъ поръ сторонникомъ мира, первый потребовалъ у палаты немедленнаго вотированія кредитовъ для войны, которую правительство принимало, какъ онъ выразился, „съ легкимъ сердцемъ“, желая этимъ высказать свою увѣренность въ легкости французской побѣды. Въ подкрѣпленіе словъ своего коллеги, военный министръ заявилъ: „Мы готовы-архиготовы; если даже война затянется на годъ, у насъ ни въ чемъ не будетъ недостатка—вплоть до послѣдней пуговицы“. Послѣ столь авторитетныхъ заявленій противникамъ войны оставалось лишь замолкнуть. Палата немедленно вотировала потребованные кредиты, и 19 іюля Франція объявила Пруссіи войну.

Франція объявляетъ войну Пруссіи.

Война была объявлена „съ легкимъ сердцемъ“, потому что французское правительство разсчитывало, кромѣ своей 750-тысячной арміи, на поддержку Австріи и Италіи, съ которыми уже около года велись переговоры о заключеніи тройственнаго союза, тянувшіеся, главнымъ образомъ, изъ-за неподатливости Наполеона III въ римскомъ вопросѣ (см. выше стр. 130). Свою увѣренность въ побѣдѣ надъ Пруссіей французское правительство основывало также на партикуляристскихъ стремленіяхъ южно-германскихъ государствъ и на сильномъ анти-прусскомъ теченіи въ нихъ. Но разсчеты на внутренній разладъ въ Германіи такъ же мало оправдались, какъ и надежды на содѣйствіе Австріи и Италіи. Послѣднія, на ряду съ прочими державами, поспѣшили объявить себя нейтральными, а объявленіе войны Франціей вызвало во всей Германіи такой взрывъ патріотическаго одушевленія, передъ которымъ сразу смолкли всѣ внутреннія противоположности. Въ самый день объявленія войны Баварскій король предоставилъ въ распоряженіе Вильгельма свою армію на все время войны. Прочія южно-германскія правительства послѣдовали примѣру Баваріи. Одновременно во Франціи мобилизація на первыхъ же шагахъ обнаружила полную несостоятельность за-

явленія военнаго министра объ „архиготовности“ французской арміи. Вмѣсто числившихся на бумагѣ 750.000 солдатъ, къ концу іюля едва удалось собрать около 250.000. Всюду обнаружилась полная неподготовленность, непредусмотрительность и безпорядокъ. Генералъ, посланный командовать бригадой въ Бельфоръ, въ Эльзасѣ, доносилъ по телеграфу въ Парижъ: „Не нашелъ ни бригады, ни дивизіоннаго генерала. Не знаю, гдѣ мои полки. Что мнѣ дѣлать?“ Посланныя изъ Дуэ въ Мецъ полевыя батареи были отосланы обратно, потому что при нихъ не оказалось упряжи. Продовольственная часть оказалась никуда не годной. Въ заключеніе у французовъ не было никакого плана, потому что выработаннымъ ранѣе планомъ Наполеонъ III остался недоволенъ и собирался наскоро выработать новый, но пруссаки не дали на это времени; уже въ началѣ августа, не дожидаясь нападенія французовъ, они сами перешли въ наступленіе и вступили въ предѣлы Франціи. Тутъ обнаружилась полная неосвѣдомленность французскихъ командировъ, которые были предусмотрительно снабжены военными картами Германіи, но не имѣли въ своемъ распоряженіи соотвѣтствующихъ картъ французской территоріи, которая неожиданно для всѣхъ сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій. Обнаружилась совершенная недостаточность развѣдочной части, и французскіе командиры позволяли безнаказанно захватывать себя врасплохъ. Французскія ружья оказались, правда, лучше, но зато артиллерія, съ старомодными бронзовыми пушками, заряжавшимися съ дула, оказались не въ состояніи состязаться съ вновь введенными въ прусской артиллеріи стальными пушками, заряжавшимися съ казенной части, болѣе дальнобойными и скорострѣльными. Согласно наскоро составленному Наполеономъ III плану, главныя французскія силы должны были сосредоточиться къ концу іюля въ Мецѣ, въ количествѣ до 400.000, по его разсчету, съ тѣмъ чтобы отсюда всей массой перейти въ наступленіе. Но когда въ концѣ іюля Наполеонъ III прибылъ въ Мецъ, чтобы лично вступить въ командованіе „рейнской арміей“, то, вмѣсто ожидаемыхъ 400.000, онъ нашелъ тамъ лишь нѣсколько десятковъ тысячъ, которые вмѣстѣ съ не успѣвшими еще сосредоточиться корпусами, расположенными вдоль границы въ Эльзасѣ и Лотарингіи, едва составляли въ общей сложности 250.000 человѣкъ. При такихъ условіяхъ, Наполеонъ III принужденъ былъ отказаться отъ немедленнаго наступленія, а нѣсколько дней спустя ему пришлось уже думать объ оборонѣ отъ наступленія пруссаковъ и ихъ союзниковъ. Мобилизація, планъ которой у пруссаковъ былъ заранѣе

выработанъ до мельчайшихъ подробностей, совершилась у нихъ, какъ въ 1866 году, съ необычайной отчетливостью и быстротой, послѣ чего прусскія войска немедленно перешли въ наступленіе, по опять-таки заранѣе выработанному главнымъ штабомъ плану.

Пруссаки во Франціи.

Благодаря этому, пруссаки съ союзниками оказались на французской территоріи съ значительнымъ численнымъ перевѣсомъ надъ французами. Перешедшія въ первыхъ числахъ августа французскую границу три германскія арміи насчитывали въ общей сложности около 400.000. При такихъ условіяхъ, кампанія оказывалась проигранной для Франціи еще до начала военныхъ дѣйствій, а съ началомъ послѣднихъ, это былъ непрерывный рядъ неудачъ для французскаго оружія, несмотря на проявленные французскими войсками мужество и героизмъ. 4 августа 160-тысячная армія изъ баварцевъ и другихъ южныхъ нѣмцевъ, подъ командой кронпринца, вступила въ Эльзасъ, опрокинула при Вейссенбургѣ французскій авангардъ, а два дня спустя раздавила 45-тысячный корпусъ маршала Макмагона. Въ два дня весь Эльзасъ былъ завоеванъ нѣмцами, за исключеніемъ хорошо укрѣпленнаго Страсбурга, противъ котораго пришлось вести правильную осаду. Въ тотъ же день (6 августа) двѣ другія германскія арміи, подъ командой Штейнмеца и принца Фридриха-Карла, вторглись въ Лотарингію, гдѣ сосредоточились, вокругъ укрѣпленнаго Меца, главныя французскія силы. Здѣсь произошли наиболѣе упорныя и кровопролитныя битвы всей кампаніи. Въ битвѣ при Гравелоттѣ каждая сторона потеряла по 15.000 убитыми и ранеными; при Сенъ-Прива потери французовъ были приблизительно такія же, потери нѣмцевъ еще значительнѣе. Нѣкоторыя изъ этихъ битвъ, напримѣръ, при Гравелоттѣ, были нерѣшительными, такъ что французы даже считали себя побѣдившей стороной, но въ общемъ на сторонѣ нѣмцевъ былъ рѣшительный перевѣсъ. Французы принуждены были отступить къ Мецу, который немедленно былъ обложенъ пруссаками. Приходилось думать о защитѣ Парижа. Изъ остатковъ разбитой арміи Макмагона, вмѣстѣ съ вновь мобилизованными четырьмя корпусами, удалось сформировать „шалонскую армію“ въ 120.000 человѣкъ, которая, подъ командой Макмагона и въ присутствіи самого Наполеона III, двинулась на выручку Меца, но принуждена была, послѣ кровопролитнаго сраженія при Базейлѣ съ превосходными силами непріятеля, отступать къ Седану, приблизительно въ 100 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Меца. Наполеонъ III совершенно растерялся и на дру-

Седанъ, 2 сентября 1870 г.

гой день (2 сентября 1870 г.) сдался со всей арміей, насчитывавшей въ этотъ моментъ около ста тысячъ человѣкъ.

Извѣстіе о сдачѣ арміи и плѣнѣ императора вызвало потрясающее впечатлѣніе въ Парижѣ и во всей Франціи. Оно было смертнымъ приговоромъ для имперіи. Въ палатѣ раздались голоса о необходимости объявить императора низложеннымъ и образовать временное правительство. Министерство пыталось спасти тронъ предложеніемъ регентства, но прежде чѣмъ палата успѣла закончить начавшіяся по этому поводу бурныя пренія, въ залу засѣданія ворвалась шумная толпа съ криками: „Низложеніе! Да здравствуетъ республика!“ Монархисты поспѣшили стушеваться, предоставивъ республиканцамъ полную свободу дѣйствій. Среди всеобщаго шума, по предложенію парижскаго депутата Гамбетты (Gambetta, 1838—1882), было объявлено: „Лун-Наполеонъ Бонапартъ и его фамилія перестали царствовать“. Была немедленно провозглашена республика и учреждено временное правительство изъ парижскихъ депутатовъ-республиканцевъ, къ которымъ присоединенъ военный губернаторъ Парижа, генералъ Трошю (Trochu, 1815—1896) (4 сентября 1870 г.). Временное правительство, принявшее оффиціально названіе „правительства національной обороны“, помѣстилось, согласно установившейся республиканской традиціи, въ городской ратушѣ и объявило палату распущенной, обѣщая созвать, когда окажется возможнымъ, Учредительное собраніе. Покрывшая себя неизгладимымъ позоромъ имперія, въ лицѣ Наполеона III, не имѣла болѣе защитниковъ въ странѣ, и провозглашеніе республики не только было встрѣчено безъ протеста во всей Франціи, но наиболѣе значительные изъ провинціальныхъ центровъ, какъ Ліонъ, Марсель, Бордо, даже предупредили Парижъ и провозгласили республику, не дожидаясь почина столицы.

Парижскій переворотъ 4 сентября 1870 г.

Послѣ катастрофы 2 сентября Франція осталась безъ арміи, если не считать заблокированныхъ въ Мецѣ остатковъ главныхъ французскихъ силъ. Вильгельмъ I предложилъ миръ на условіи уступки Эльзаса и половины Лотарингіи. Временное правительство отказалось принять эти условія, разсчитывая на иностранное вмѣшательство. Оно командировало Тьера въ С.-Петербургъ, Лондонъ и Флоренцію, съ просьбой о посредничествѣ; тѣмъ временемъ оно энергично принялось за сформированіе новой арміи, а въ виду опаснаго положенія Парижа, учредило отдѣленіе временнаго правительства въ Турѣ.

Между тѣмъ, вслѣдъ за капитуляціей Седана, германская

армія двумя колоннами двинулась къ Парижу, сметая по пути слабыя попытки къ сопротивленію со стороны отдѣльныхъ городовъ, фортовъ и замковъ. Двѣ недѣли спустя послѣ капитуляціи Седана, прусскій авангардъ подступилъ къ Парижу. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Парижъ былъ обложенъ пруссаками и ихъ союзниками и отрѣзанъ отъ остальной Франціи (18 сентября 1870 г.). Временное правительство назначило Гамбетту президентомъ своей турской делегаціи и поручило ему взять на себя руководство организаціей національной обороны. 7 октября Гамбетта поднялся изъ Парижа на аэростатѣ и благополучно перелетѣлъ непріятельскія линіи. Между тѣмъ новая страшная вѣсть, какъ громомъ, поразила Францію: сосредоточенныя въ Мецѣ главныя французскія силы подъ командой маршала Базена (Bazaine, 1811—1888), въ количествѣ до 180.000, съ 1500 орудій, сдались пруссакамъ 27 октября. Это дало возможность пруссакамъ усилить осадную парижскую армію новыми силами, которыя до тѣхъ поръ были отвлечены осадой Меца.

Капитуляція Меца, 27 октября 1870 г.

Эту новую національную катастрофу парижскіе соціалисты и другіе революціонеры попытались использовать для того, чтобы произвести переворотъ, свергнуть правительство національной обороны и учредить „парижскую коммуну“. Толпа распропагандированныхъ національныхъ гвардейцевъ одного изъ рабочихъ предмѣстій (бельвильскаго), подъ предводительствомъ Бланки, овладѣла ратушей съ криками: „Да здравствуетъ коммуна!“ но была разогнана подоспѣвшей гвардіей другихъ кварталовъ (31 октября). Чтобы обезоружить революціонеровъ, правительство аппелировало къ парижскому населенію путемъ плебисцита. Довѣріе правительству было вотировано 550.000 голосами противъ 60.000, чѣмъ было обнаружено численное ничтожество революціонеровъ и ихъ приверженцовъ (3 ноября).

Къ тому времени Гамбетта, съ помощью своихъ турскихъ коллегъ, успѣлъ сформировать „луарскую армію“, численностью до 250.000, но это было скорѣе народное ополченіе плохо обученное, плохо вооруженное, и вдобавокъ ему не хватало опытныхъ командировъ. Луарской арміи удалось, правда, одержать надъ пруссаками побѣду въ окрестностяхъ Орлеана и заставить ихъ очистить этотъ городъ (9 ноября), но этотъ первый успѣхъ французскаго оружія былъ вмѣстѣ и послѣднимъ. Попытка луарской арміи выручить Парижъ не удалась, а вылазка, сдѣланная въ первыхъ числахъ декабря 1870 г. парижскими войсками навстрѣчу ей, закончилась кровопролитной битвой съ пруссаками при Шампиньи (къ

юго-востоку отъ Парижа), послѣ чего парижане принуждены были возвратиться, потерявъ около 10.000 своихъ, а луарская армія— отступить къ Орлеану, который тѣмъ временемъ очутился въ рукахъ непріятеля. Въ слѣдующемъ январѣ (1871 г.) была сдѣлана новая отчаянная попытка выручить Парижъ, но она потерпѣла такую же неудачу. Послѣ этого Парижъ, къ страданіямъ котораго отъ холода и голода (пруссаки прекратили всякій подвозъ съѣстныхъ припасовъ и топлива) [1]) присоединились съ начала января ужасы бомбардировки изъ привезенныхъ пруссаками осадныхъ орудій, не видя болѣе ни откуда помощи, принужденъ былъ капитулировать. 28 января 1871 года делегатъ временнаго правительства, Жюль Фавръ (Jules Favre, 1809—1880), подписалъ въ Версалѣ, куда Прусскій король перенесъ свою главную квартиру, условія капитуляціи: гарнизонъ сдается въ плѣнъ, національная гвардія сохраняетъ оружіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось перемиріе на три недѣли для созыва Національнаго собранія, которое бы могло заключить миръ отъ имени Франціи.

Капитуляція Парижа, 28 января 1871 г.

Собравшееся въ серединѣ февраля 1871 года Національное собраніе въ Бордо вотировало низложеніе Бонапартовъ и заключило предварительный миръ (1 марта), который въ окончательномъ видѣ былъ подписанъ уполномоченными обѣихъ сторонъ во Франкфуртѣ, 10 мая 1871 года. Франція уступала весь Эльзасъ и восточную часть Лотарингіи съ Мецемъ и обязывалась уплатить въ трехлѣтній срокъ военную контрибуцію въ пять милліардовъ франковъ.

Франкфуртскій миръ

Ближайшимъ слѣдствіемъ побѣдоносной войны для Пруссіи было завершеніе объединенія Германіи подъ ея гегемоніей. Какъ только послѣ седанской катастрофы окончательно выяснилась несомнѣнность благопріятнаго исхода войны для нѣмецкаго оружія, въ южно-германскихъ государствахъ обнаружилось сильное тяготѣніе къ вступленію въ Сѣверно-германскій Союзъ. Либеральные круги, однако, связывали это стремленіе съ надеждой, что организація Союза подвергнется при этомъ болѣе или менѣе существенной переработкѣ въ либеральномъ духѣ. Надежды эти основывались въ значительной мѣрѣ на либеральныхъ симпатіяхъ кронпринца Фридриха. Но Бисмаркъ сумѣлъ парализовать всѣ либеральныя поползновенія и настоять на сохраненіи существующаго порядка, обезпечивавшаго Прусскому королю фактическую власть въ Союзѣ.

---

[1]) Къ концу осады парижанамъ приходилось питаться лошадьми, кошками, собаками, крысами, наконецъ—животными изъ зоологическаго сада.

Кончилось тѣмъ, что Баденъ и Гессенъ вошли въ Союзъ наравнѣ съ прочими его членами, а для Вюртемберга и Баваріи были со стороны Бисмарка сдѣланы незначительныя отступленія. Вюртембергъ получилъ право сохранить цѣлость своей арміи, какъ отдѣльнаго корпуса; Баварія сохраняла полную военную автономію въ мирное время и кромѣ того—самостоятельную администрацію почтъ и телеграфа. Расширенный такимъ образомъ Союзъ получилъ новое, болѣе пышное названіе Имперіи (Reich), а скромный титулъ президента замѣнялся громкимъ титуломъ императора (Kaiser). 18 января 1871 года за нѣсколько дней до подписанія версальскаго перемирія, германская имперія была торжественно провозглашена въ зеркальной галлереѣ версальскаго дворца. Уступленныя Франціей Эльзасъ и часть Лотарингіи (около полутора милліона жителей) получила особое положеніе въ Имперіи, въ качествѣ „имперской области“ (Reichsprovinz), поставленной подъ непосредственное управленіе имперскаго правительства, то-есть фактически имперскаго канцлера. Эту должность, естественно, сохранилъ за собою „желѣзный канцлеръ“ Союза, Бисмаркъ. Основаніе Германской Имперіи.

XIII. Австрійская монархія послѣ 1850 г.

I. Документальные источники, мемуары и другія сочиненія современниковъ: Staatsgrundgezetze der Oesterreichischen Monarchie. Sammlung aller die Reichsverfassung und die Landesverfassungen betr. Gesetze, Verordnungen, Handschreiben und sonstigen Erlasse. Wien, 1861; comte de Hübner. Neuf ans de souvenirs d'un ambassadeur, 1851—1859. Paris, 1904; Ritter von Meyer. Erlebnisse. 2 Bde. Wien und Budapest, 1873—1875; J. Frebel. Ein Lebenslauf. Selbstbiographie. 2 Bde. Stuttgart, 1890—1891; Aus der Briefen des Grafen von Prokesch-Osten, K. K. Botschalters und Feldzeugsmeisters, 1849—1855. Wien, 1896; Lemmermeyer. Aus Schmerling's Leben. Erinnerungen etc. (Deutsche Revue, XXII, 3); A. Springer. Aus meinem Leben. Berlin, 1892; von Welden. Episoden aus meinem Leben. Graz, 1853; von Wessenberg. Briefe aus den Jahren 1848—1858. 2 Bde. Leipzig, 1877; Franz Pulszky. Meine Zeit und mein Leben. 4 Bde. Pressburg, 1880—1883; Szilagyi. The Speeches of E. L. Fayer. Budapest, 1906. Архивныхъ изданій для этого періода еще не имѣется, и документальные источники ограничиваются законодательными, правительственными и административными актами, публикуемыми въ различныхъ оффиціальныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Будапештѣ и столицахъ другихъ областей, а также отчетами о засѣданіяхъ вѣнскаго Рейхсрата, пештскаго Сейма и областныхъ Сеймовъ. Изъ политическихъ органовъ прессы наиболѣе важное значеніе для внутренней политической и соціальной исторіи Австрійской монархіи и ея отдѣльныхъ частей за новѣйшій періодъ имѣютъ издающіеся въ Вѣнѣ: Neue Freie Presse (либеральная), Vaterland (феодально-клерикальная), Ostdeutsche Rundschau (нѣмецкая націоналистская), Arbeiter Zeitung (соціалистская); въ Прагѣ: Po- Источники и литература.

litik (старо-чешская), Narodni Listy (младо-чешская); въ Краковѣ: Czas (польская консервативная); въ Будапештѣ: Pester Lloyd (либеральная); Magyar Allam (клерикальная); Ungarische Revue; въ Загребѣ: Kroatische Revue.—II. Изъ новѣйшихъ сочиненій см., кромѣ общихъ курсовъ и обзоровъ исторіи XIX в., а также сочиненій по исторіи Австріи, указанныхъ выше, вып. I, стр. 141, и вып. II, стр. 133, слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія, болѣе спеціальныя монографіи: H. Friedjung. Oesterreich von 1848 bis 1860. Stuttgart und Berlin, 1908; G. Kolmer. Parlament und Verfassung in Oesterreich. Wien, 1902; W. Rogge. Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart. 3 Bde. Wien, 1872—1873; A. Beer. Kübek und Metternich. Wien, 1897; A. Beer. Fürst Schwarzenberg's Deutsche Politik. Hist. Taschenbuch. Leipzig, 1891; E. Denis. La Bohême depuis la Montagne-Blanche. 2 vol. Paris, 1903; Germanisierung oder Czechisierung? Ein Beitrag zur Nationalitätenfrage in Böhmen. Leipzig und Heidelberg, 1861; W. Wachsmuth. Geschichte des Illyrismus. Leirzig, 1849; Jorga. Geschichte des Rumänischen Volkes. 2 Bde. Gotha, 1905; J. Preux. La question des langues en Autriche. Paris, 1888; Saint-René Taillandier. La Bohême et la Hongrie. Paris, 1875; Scharmatz. Oesterreichs innere Geschichte. (1848—1907). Leipzig, 1908; Auerbach. Les races et les nationalités en Autriche-Hongrie. Paris, 1898; Шпрингеръ. Національная проблема. Борьба національностей въ Австріи. Спб. 1909.

Внутреннія противоположности въ Габсбургской монархіи.

Революціонно-сепаратистскія движенія 1848—1849 г. въ Австріи обнаружили слабую сторону Габсбургской монархіи, заключавшуюся въ ея разноплеменности. Послѣ подавленія революціонныхъ движеній вѣнское правительство думало найти спасеніе въ болѣе тѣсномъ сплоченіи отдѣльныхъ частей имперіи посредствомъ усиленія центральной власти и подчиненія ей всѣхъ областей путемъ бюрократической централизаціи. Средствомъ для пересозданія плохо спаянной имперіи въ сплоченное и централизованное государство должно было служить чиновничество, и прежде всего — нѣмецкое чиновничество. Бюрократическая централизація должна была служить въ то же время и цѣлямъ онѣмеченія разноплеменнаго населенія имперіи. Нѣмецкій языкъ былъ сдѣланъ обязательнымъ, какъ языкъ администраціи и суда, для всѣхъ областей.

Но эта политика бюрократическо-деспотической централизаціи съ германизаторскими тенденціями была заранѣе обречена на неудачу; она слишкомъ явно шла въ разрѣзъ съ пробудившимися національно-освободительными стремленіями входившихъ въ составъ имперіи народностей. Возможно, однако, что эта политика могла бы продолжаться долѣе, не будь тѣхъ внѣшнихъ толчковъ, дѣйствію которыхъ пришлось подвергнуться Габсбургской монархіи въ 1859 и 1866 г. Неудачная война съ Сардиніей въ 1859 г., стоившая Австріи ея итальянскихъ владѣній, нанесла первый серьезный

ударъ деспотическо-бюрократическому режиму; болѣе серьезная военная катастрофа 1866 г. вызвала его окончательное крушеніе [1]).

Манифестъ 1859 г. и «Усиленный Рейхсратъ».

Въ манифестѣ, опубликованномъ послѣ неудачи 1859 г., императоръ Францъ-Іосифъ I признавалъ „застарѣлыя злоупотребленія“, какъ причину пораженія, и возвѣщалъ цѣлый рядъ либеральныхъ реформъ. Въ 1860 г. былъ созванъ такъ называемый Усиленный Имперскій Совѣтъ (Verstärkte Reichsrath). Кромѣ постоянныхъ членовъ Имперскаго Совѣта или Рейхсрата (Reichsrath), сюда вошли наиболѣе видные сановники и около сорока нотаблей (именитыхъ гражданъ), приглашенныхъ изъ различныхъ областей.

Первымъ дѣломъ Усиленнаго Рейхсрата было—высказать единодушное осужденіе „системѣ внутренняго устройства имперіи“ и пожеланіе, чтобы „различныя области получили внутреннее самоуправленіе“. Но въ вопросѣ о конкретной формѣ, въ какую должны были вылиться желательныя реформы, мнѣнія Рейхсрата раздѣлились. Обнаружились двѣ противоположныя тенденціи. Одни настаивали на расширеніи областного самоуправленія до размѣровъ настоящей автономіи; желательный строй имперіи имъ представлялся въ видѣ федераціи автономныхъ областей Эту точку зрѣнія, по вполнѣ понятнымъ мотивамъ, отстаивали преимущественно славянскіе и мадьярскіе делегаты. Они составляли большинство въ Рейхсратѣ. Меньшинство же, состоявшее изъ нѣмцевъ и подвластныхъ Венгріи сербовъ и хорватовъ, было противъ усиленія мѣстныхъ автономій „въ ущербъ единству имперіи и сильной имперской власти“; оно лишь намекало на необходимость преобразованія этой „имперской власти“ на новыхъ началахъ; говорить прямо о конституціи считалось въ ту пору еще неудобнымъ. Мнѣніе большинства, естественно, восторжествовало; оно получило санкцію императора въ формѣ императорскаго „диплома“, въ которомъ этотъ актъ былъ названъ „постояннымъ и не подлежащимъ отмѣнѣ основнымъ государственнымъ закономъ“ (ein beständiges und unwiderrufliches Staatsgrundgesetz). Въ силу этого „основнóго закона“, опубликованнаго 20 октября 1860 г., областнымъ сеймамъ (ландтагамъ) предоставлялась законодательная власть по мѣстнымъ вопросамъ. Что же касается вопросовъ общегосударственнаго характера, и прежде всего—вопросовъ финансовыхъ, то они предоставлялись компетенціи Имперскаго Совѣта (Рейхсрата) изъ делегатовъ отъ областныхъ сеймовъ, въ числѣ ста.

«Основной законъ» 20 октября 1860 г.

---

[1]) См. выше, стр. 146—148.

Эта федералистская конституція послужила сигналомъ къ возобновленію сепаратистскаго движенія въ Венгріи. Испуганное имъ вѣнское правительство поспѣшило привлечь на свою сторону партію конституціоналистовъ анти-федералистовъ и въ формѣ императорскаго „патента“ опубликовало 26 февраля 1861 г. дополненіе къ основному закону 1860 г. Но это „дополненіе“ было въ сущности новой конституціей, съ анти-федералистической тенденціей. По февральскому „диплому“ 1861 г., Рейхсратъ преобразовывался въ двѣ палаты—верхнюю и нижнюю. Верхняя палата, или Палата Господъ (Herrenhaus), состояла изъ частью пожизненныхъ, частью наслѣдственныхъ членовъ по назначенію императора. Нижняя палата или Палата представителей (Haus der Abgeordneter) состояла изъ 343 делегатовъ отъ семнадцати областныхъ сеймовъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то ихъ члены избирались мѣстнымъ населеніемъ по четыремъ избирательнымъ куріямъ: 1) крупныхъ землевладѣльцевъ, 2) торговыхъ палатъ, 3) городовъ и 4) деревень. Этой сложной системой выборовъ имѣлось въ виду обезпечить перевѣсъ за нѣмцами, которые имѣли большинство въ первыхъ трехъ куріяхъ. Но эта плохо замаскированная попытка сохранить, при помощи избирательнаго закона, нѣмецкое господство, которое не удалось обезпечить при посредствѣ бюрократической централизаціи, легко была разгадана тѣми, противъ кого она была направлена. Она вызвала противъ себя энергичный отпоръ въ ненѣмецкихъ областяхъ, въ особенности же въ Венгріи. Венгерскій сеймъ категорически отказался признать новый режимъ, низводившій, по его заявленію, Венгрію на степень „австрійской провинціи“, которую хотятъ подчинить „иноземному собранію“. Венгерскій сеймъ наотрѣзъ отказался послать своихъ делегатовъ въ вѣнскую Палату представителей. Подобнымъ же образомъ поступили и нѣкоторые другіе областные сеймы, такъ что, когда собралась для первой сессіи вѣнская Палата представителей, то ей недоставало около двухъ пятыхъ полнаго состава. Тѣмъ не менѣе, Палата, большинство которой состояло изъ нѣмцевъ, признала себя въ законномъ составѣ и вотировала налоги для всѣхъ частей имперіи, не исключая и Венгріи. Но мадьяры отказались платить налоги, какъ установленные безъ ихъ согласія. Недовольные правительствомъ и нѣмецкимъ большинствомъ Палаты, покинули ее вскорѣ чехи и поляки. Послѣ этого въ ней остались лишь нѣмцы да немногочисленные делегаты мелкихъ славянскихъ областей. Однако и послѣ этого дѣятельность Палаты никакъ не могла войти въ желательное

«Патентъ» 26 февраля 1861 г.

для правительства русло. Кончилось тѣмъ, что въ 1865 г. императоръ распустилъ Рейхсратъ, а вслѣдъ затѣмъ объявилъ конституцію пріостановленной. Австрія превратилась въ „конституціонную монархію безъ конституціи“. Венгры продолжали будировать и отказались помогать Австріи въ ея войнѣ противъ Пруссіи и Италіи въ 1866 г. Катастрофа, которой закончилась для Австріи война, заставила императора Франца-Іосифа подумать объ удовлетвореніи національно-либеральнымъ стремленіямъ своихъ подданныхъ и прежде всего — примирить съ собой венгровъ. Послѣдніе настаивали на полной внутренней автономіи. Въ концѣ концовъ императору пришлось уступить и признать за Венгріей значеніе автономнаго королевства, соединеннаго съ остальной имперіей личностью монарха и нѣкоторыми обще-имперскими учрежденіями („реальная унія“). Военная катастрофа 1866 г. и «соглашеніе» съ Венгріей 1867 г.

Имперія, согласно заключенному съ Венгріей „соглашенію“ (Ausgleich, 1867 г.) [1]), получала отнынѣ оффиціальное наименованіе Австро-Венгерской Монархіи (Oesterreich-Ungarische Monarchie). Титулъ монарха раздвоялся: императоромъ онъ остался лишь для остальной части имперіи, т.-е. для собственной австрійскихъ земель или Цислейтаніи; для Венгріи же съ подвластными ей славянскими и румынскими областями, или для Транслейтаніи, Францъ-Іосифъ былъ только „королемъ Венгріи“; оффиціальный титулъ его отнынѣ былъ — „императоръ Австріи, король Венгріи“ (Kaiser von Oesterreich, König von Ungarn). Венгрія получала особую конституцію, въ основу которой легла бельгійская конституція. Законодательная власть распредѣляется между двумя палатами и короной. Верхняя палата или Палата магнатовъ состоитъ въ большинствѣ изъ наслѣдственныхъ вельможъ. Палата депутатовъ избирается на основѣ очень низкаго ценза, приближающаго избирательное право ко всеобщему. Министры назначаются королемъ, но отвѣтственны передъ палатами. Главою перваго національнаго министерства Венгріи, на основаніи новой конституціи, былъ графъ Андраши (1823–1890), одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ венгерскаго возстанія 1849 г. Общими дѣлами для обѣихъ частей монархіи были признаны: 1) внѣшняя политика, 2) армія и флотъ и 3) финансы — въ части, соотвѣтствующей издержкамъ общимъ для обѣихъ частей монархіи. Эти категоріи дѣлъ признаны „соглашеніемъ“ 1867 г. общими разъ навсегда. Но Венгрія выговорила себѣ право имѣть, независимо

[1]) L. Eisenmann. Le compromis austro-hongrois de 1867. Paris, 1904 (trèse).

отъ имперской, свою собственную національную кавалерію (гонведовъ) и соотвѣтствующее „министерство гонведовъ“. Что касается таможенъ, денежнаго обращенія, военнаго законодательства и нѣкоторыхъ другихъ категорій дѣлъ, то, хотя онѣ и были признаны общими для обѣихъ частей монархіи, но лишь временно, на десять лѣтъ, впредь до новаго соглашенія опять на десять лѣтъ и т. д., черезъ каждый десятилѣтній промежутокъ времени. Каждый разъ на десять лѣтъ должно было также устанавливаться распредѣленіе общегосударственной податной тяжести между обѣими частями монархіи. Для контроля надъ общими министрами (иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, военнаго и морского), а также для вотированія законовъ и рѣшенія вопросовъ общегосударственнаго характера, каждая изъ двухъ частей монархіи делегируетъ по двадцати членовъ отъ верхней и по сорока членовъ отъ нижней палаты. Обѣ Делегаціи (таково ихъ оффиціальное наименованіе) собираются поочередно то въ Вѣнѣ, то въ Пештѣ и засѣдаютъ отдѣльно, сносясь между собою путемъ письменныхъ посланій. Въ случаѣ разногласія и невозможности достигнуть соглашенія, обѣ Делегаціи соединяются въ одну палату, но лишь для вотированія, а не для обсужденія. Слѣдуетъ прибавить, что установленная соглашеніемъ 1867 г. система дуализма Австро-Венгерской монархіи была признана обязательной для Венгріи только по отношенію къ Францу-Іосифу и его потомству; съ прекращеніемъ династіи, прекращается и дѣйствіе соглашенія, то-есть Венгрія получаетъ право избрать себѣ въ короли, кого ей угодно, или же учредить у себя республику. Изъ этого видно, до какой степени непрочны тѣ государственно-правовыя нити, которыя связываютъ Венгрію съ остальной монархіей.

Австрійская конституція 1867 г.

Что касается Цислейтаніи, то, съ утратой Венеціи и государственно-правовымъ отпаденіемъ Венгріи въ 1866—1867 гг., пріостановленная конституція 1861 г., естественно, подлежала пересмотру. Она была дополнена и видоизмѣнена изданнымъ 21 декабря 1867 г. закономъ объ имперскомъ представительствѣ (Gesetz über die Reichsvertretung). Рейхсратъ сохранялъ организацію, установленную конституціей 1861 г., съ раздѣленіемъ на двѣ палаты, но его компетенціи были значительно расширены. Онъ получилъ право законодательной инициативы и право выбирать своихъ предсѣдателей и ихъ товарищей. Кромѣ того, конституція 1867 г. устанавливала отвѣтственность министровъ передъ палатами и гарантировала въ обычныхъ формулахъ свободу личности и равноправіе какъ гражданъ между собою, такъ

и всѣхъ входящихъ въ составъ имперіи національностей и ихъ языковъ. Дѣла мѣстнаго характера были попрежнему предоставлены компетенціи областныхъ сеймовъ.

Избирательная реформа 1873 г.

Закономъ 2 апрѣля 1873 г. порядокъ выборовъ въ нижнюю палату Рейхсрата былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что депутаты должны были избираться на будущее время уже не областными сеймами, а непосредственно избирательными куріями. Этотъ законъ, направленный къ дальнѣйшему ослабленію славянскаго представительства въ Рейхсратѣ, нѣмцамъ удалось провести лишь благодаря тому, что польскіе и хорватскіе депутаты поддержали ихъ своими голосами противъ чеховъ и остальныхъ славянъ. Избирательный законъ 1873 г., дѣйствительно, надолго обезпечилъ за нѣмцами перевѣсъ въ австрійскомъ Рейхсратѣ.

Если конституція 1867 г. дала удовлетвореніе венграмъ, то она отнюдь не удовлетворила славянъ, которые въ Венгріи остались въ полномъ подчиненіи у мадьяръ, а въ Австріи новая конституція лишь обострила антагонизмъ между обойденнымъ славянскимъ большинствомъ и отстаивавшимъ свое господствующее положеніе нѣмецкимъ меньшинствомъ. „Соглашеніе“ 1867 г., давшее автономію Венгріи, вызвало въ Чехіи сильное движеніе въ пользу возстановленія былой автономіи Чешскаго королевства или, какъ тогда выражались, въ пользу „возстановленія государственнаго права Чехіи“ [1]). Чехи настаивали на томъ, чтобы Францъ-Іосифъ короновался въ Прагѣ чешской короной, по примѣру прежнихъ императоровъ—до Іосифа II, который впервые нарушилъ эту традицію. Впредь до удовлетворенія своихъ требованій чехи отказались участвовать въ вѣнскомъ Рейхсратѣ. Чтобы успокоить ихъ, имъ были сдѣланы въ семидесятыхъ годахъ нѣкоторыя уступки. Въ чешскій избирательный законъ были введены нѣкоторыя желательныя для чеховъ измѣненія; былъ учрежденъ одинъ чешскій министръ безъ портфеля; основанъ чешскій національный университетъ въ Прагѣ на ряду съ старымъ, онѣмеченнымъ университетомъ; наконецъ, Францъ-Іосифъ обѣщалъ чехамъ короноваться чешской короной (обѣщаніе это, впрочемъ, исполнено не было). Послѣ этого чехи прекратили бойкотъ вѣнскаго Рейхсрата (1879 г.). Но зато, нѣсколько лѣтъ спустя, нѣмцы демонстративно покинули

Борьба національностей въ Австріи.

---

[1]) Kalusek. Einige Grundlagen der böhmischen Staatsrechts. Prag, 1871; Toman. Das böhmische Staatsrecht. Prag, 1872; Jaroslav Vlach. Die Tschecho-Slaven. Wien, 1883.

пражскій Сеймъ, въ которомъ они были обречены на положеніе безсильнаго меньшинства (1886 г.).

Въ самомъ Рейхсратѣ борьба національныхъ и другихъ партій настолько обострилась къ концу XIX столѣтія, что правительству нерѣдко приходилось прибѣгать къ пріостановкѣ дѣятельности законодательныхъ палатъ и обходиться временными правительственными указами. Въ надеждѣ нѣсколько ослабить эту партійную борьбу внутри Рейхсрата посредствомъ освѣженія его состава новой струей, австрійское правительство провело въ 1896 г. новый избирательный законъ, въ силу котораго къ прежнимъ четыремъ избирательнымъ куріямъ прибавлялась еще пятая, такъ называемая курія всеобщаго голосованія. Избирательное право по этой куріи принадлежало всѣмъ не опороченнымъ по суду гражданамъ, достигшимъ 24-лѣтняго возраста. Этимъ открывалась въ Рейхсратъ дверь новымъ, демократическимъ слоямъ населенія. Впрочемъ законъ 1896 г. не оказалъ существеннаго вліянія на составъ народнаго представительства, въ виду незначительнаго числа депутатовъ, избираемыхъ пятою куріей (72). Въ слѣдующемъ году чехамъ удалось послѣ упорной и продолжительной борьбы добиться осуществленія установленнаго конституціей, но фактически не осуществлявшагося равноправія чешскаго языка съ нѣмецкимъ въ предѣлахъ чешскихъ земель (Чехіи и Моравіи). Но привыкшее къ привилегированному положенію своего языка нѣмецкое меньшинство населенія этихъ земель (которыя нѣмцы продолжали вызывающе называть „нѣмецкою землей“) не хотѣло мириться съ новымъ порядкомъ вещей. Доходило до того, что нѣмцы срывали уличные плакаты съ чешскими названіями улицъ въ чешскихъ городахъ, разбивали надгробные памятники на кладбищахъ съ чешскими надписями, а въ 1909 г. устроили въ Вѣнѣ массовый погромъ чешскихъ просвѣтительныхъ, общественныхъ и коммерческихъ учрежденій. Подобныя выходки, естественно, возмущали чешское населеніе, обостряя въ немъ анти-нѣмецкое настроеніе и доводя временами до уличныхъ побоищъ между чехами и нѣмцами.

Избирательный законъ 1896 г.

Что касается другихъ, менѣе значительныхъ славянскихъ народностей Австріи, то для нихъ провозглашенное конституціей 1867 г. равноправіе продолжало оставаться либо звукомъ пустымъ какъ для словинцевъ или хорватовъ, или же злой ироніей, какъ для русскихъ галичанъ, которыхъ австро-нѣмецкая бюрократія даже не признаетъ русскими, называя имъ „рутенами“ (Ruthenen) [1]).

[1]) Искаженное „русинъ“, названіе равносильное и „русакъ“, „русскій человѣкъ“, и аналогичное съ „болгаринъ“, „татаринъ“ и т. д. Измышленная книж-

Къ борьбѣ національностей въ Австріи, въ первые годы настоящаго столѣтія, присоединилось сильное движеніе въ пользу избирательной реформы на основѣ всеобщаго избирательнаго права, первый шагъ къ чему былъ положенъ, какъ мы видѣли, избирательнымъ закономъ 1896 г. Движеніе это, подъ вліяніемъ разыгравшихся въ сосѣдней Россіи въ 1905 г. бурныхъ событій, получило крайне острую форму. Въ ноябрѣ 1905 г. Вѣна сдѣлалась театромъ грандіозныхъ манифестацій въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Агитаторами въ пользу избирательной реформы, съ соціалистамя во главѣ, была организована въ Вѣнѣ, въ ноябрѣ 1905 г., грандіозная уличная манифестація, въ которой приняло участіе отъ 200 до 250 тысячъ человѣкъ. Манифестація эта произвела настолько сильное впечатлѣніе на австрійское правительство, что оно поспѣшило обѣщать провести законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Законъ этотъ былъ, дѣйствительно, проведенъ въ слѣдующемъ, 1906 г. По новому избирательному закону, пріурочившему всеобщее избирательное право къ округамъ, распредѣленнымъ по національностямъ, приходится изъ 516 депутатскихъ мѣстъ на долю славянъ 259 (въ томъ числѣ 108 на долю чеховъ) и 24 на долю итальянцевъ и румынъ. Хотя избирательнымъ закономъ 1906 г. за нѣмцами было сохранено привилегированное положеніе (въ нѣмецкихъ округахъ приходится по одному депутату на каждыя 42.000 жителей, въ чешскихъ по одному депутату на каждые 56.000), тѣмъ не менѣе въ обновленномъ Рейхсратѣ, впервые собравшемся въ маѣ 1907 г., нѣмцы оказались въ меньшинствѣ, и только продолжающаяся рознь между славянами мѣшаетъ съ тѣхъ поръ славянамъ сдѣлаться хозяевами въ Австрійской имперіи.

Законъ 1906 г. о всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Усиленіе славянскаго элемента, вслѣдствіе избирательной реформы 1906 г., вызвало въ нѣмецкихъ кругахъ тревогу и опасенія за свое господство въ Габсбургской монархіи и тѣмъ усилило пангерманскія стремленія нѣмецкаго меньшинства, которое съ тѣхъ поръ болѣе, чѣмъ когда-либо, стало тяготѣть къ политическому сліянію съ Германской имперіей. При такихъ условіяхъ не только существующая австрійская конституція, но и самое существованіе Габсбургской монархіи представляется проблематическимъ, въ особенности если принять во вниманіе непроч-

Усиленіе славянскаго элемента въ Рейхсратѣ.

ными людьми, совершенно чуждан народу и этимологически неправильная форма множ. числа „русины“ могла возникнуть лишь вслѣдствіе утраты чутья языка и удержаться вслѣдствіе желанія извѣстныхъ круговъ сдѣлать во что бы то ни стало изъ галицкихъ русскихъ особый народъ, о чемъ, по вполнѣ понятнымъ мотивамъ, усиленно хлопочетъ австро-нѣмецкая бюрократія.

ность австро-венгерской уніи, связанной съ явно угасающей династіей. Присоединеніе, въ 1908 г., сербскихъ по составу своего населенія турецкихъ областей Босніи и Герцеговины, предоставленныхъ державами по Берлинскому трактату 1878 г. Австріи на правахъ временной оккупаціи, расширяя географическіе предѣлы австрійскаго суверенитета, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ центробѣжные элементы Габсбургской монархіи и тѣмъ ускоряетъ процессъ ея распаденія.

XIV. Германія послѣ 1871 г.

I. Изданій архивныхъ документовъ для этого періода еще не имѣется. Изъ мемуаровъ современниковъ и т. п., можно указать: Bismarck. Die politischen Reden. Historisch-kritische Ausgabe, von H. Kohl. Stuttgart, 1892—1904; Bismarck. Gedanken und Erinnerungen. Stuttgart, 1905; Böhms u. Dove. Fürst Bismark als Redner. Vollständige Sammlung der parlamentarischen Reden Bismarks seit 1877. Berlin u. Stuttgart. 1895—1904; Poschinger. Fürst Bismark als Volkswirth. 5 Bde. 1889—1891; Moritz Busch. Bismark, some secret pages of his History. 2 vol. Paris, 1892; Poschinger. Neue Tischreden Bismarks. 2 Bde. 1899; Kohl. Wegweiser durch Bismark's Gedanken und Erinnerungen. 1899; Prinz zu Hohenlohe-Ingelfingen. Aus meinem Leben. Dresden, 1904; Fürst zu Hohenlohe-Schillingsfürst. Denkwürdigkeiten. 2 Bde. Stuttgart, 1906; H. Kohl. Dreissig Jahre Preussisch-Deutschen Geschichte (1858—1888) in amtlichen Kundgebungen. Giessen, 1888; Moltke's Militärische Werke, herausg. vom Grossen Generalstabe. Berlin, 1892 sqq.; Roon. Denkwürdigkeiten. Breslau, 1905; Kaiser und König Wilhelm I. Reden, Proklamation etc. Berlin, 1879; Wilhelms des Grossen Briefe und Schriften. Berlin, 1900.—II. Изъ новѣйшихъ сочиненій, кромѣ ранѣе указанныхъ обзоровъ новой и новѣйшей исторіи, а также обзоровъ исторіи Германіи, можно указать на слѣдующія: Penzler. Bismark seit seiner Entlassung. 1897; Treitschke. Historische und politische Aufsätze. 1886—1897; W. Vogt. Welt- und Zeitgeschichte, 1862—1890. Heibelberg, 1892; E. Marcks. Kaiser Wilhelm I. Leipzig, 1905; W. Oncken. Unser Heldenkaiser. Berlin, 1893; L. Schneider. Aus dem Leben Kaiser Wilhelms. Berlin, 1888; Hahn. Geschichte des Kulturkampfes in Preussen. 1881; Schulte. Geschichte des Kulturkampfes. 1883; Masunke. Gesch. d. Kulturk. 1876—1888; M. Philippson. Friedrich III. 1893; Hintzpeter. Kaiser Wilhelm II. 1888; E. Lavisse. Trois empereurs d'Allemagne. Paris, 1888; H. Blum. Fürst Bismarck und seine Zeit. München, 1895; M. Lenz. Geschichte Bismarcks. Leipzig, 1902; Heuck. Bismarck. Bielefeld, 1907; Welschinger. Bismarck. Paris, 1900; Matter. Bismarck et son temps. 3 vol. Paris, 1908; Hauser. Les colonies allemandes. Paris, 1900; Blondel. L'essor industriel du peuple allemand. Paris, 1900; A. Lichtenberger. L'Allemagne moderne, son évolution. Paris, 1908; Oncken. Das Zeitalter des Kaisers Wilhelm I. 2 Bde. 1890—1892; G. Egelhaaf. Geschichte der neuesten Zeit, vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1908.—III. По исторіи соціальнаго вопроса и соціалистскаго движенія въ Германіи: Зомбартъ. Соціализмъ и соціальное движеніе въ

XIX в. Москва, 1905; Мильо. Германская соціалдемократія. Москва, 1906; Мерингъ. Исторія германской соціалдемократіи; Schmoller. Zur Sozial- und Gewerbepolitik der Gegenwart. Reden und Aufsätze, 1898; Schmoller. Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik und der Volkswirtschaftslehre. 1898; Meyer. Der Emanzipationskampf des Vierten Standes. 1874—1877; Bourdeau. Le socialisme allemand et le nihilisme russe. Paris, 1892.

Вильгельмъ I и Бисмаркъ

Въ теченіе всего продолжительнаго царствованія короля-императора Вильгельма I (1871—1888 г.), Бисмаркъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ своего государя, былъ фактически главою имперскаго правительства; министры, которыхъ онъ назначалъ и смѣщалъ по своему усмотрѣнію, играли скорѣе роль подначальныхъ исполнителей его указаній, чѣмъ сотрудниковъ. По отношенію къ Рейхстагу Бисмаркъ, въ качествѣ лица отвѣтственнаго по конституціи лишь передъ короной, держалъ себя совершенно независимо и велъ свою линію во внутренней и внѣшней политикѣ, нисколько не смущаясь парламентской оппозиціей, которую къ тому же онъ умѣлъ почти всегда держать на положеніи меньшинства, искусно лавируя между партіями и парализуя однѣ изъ нихъ при помощи другихъ, такъ какъ ни одна изъ партій въ Рейхстагѣ не располагала абсолютнымъ большинствомъ; послѣднее всегда имѣло коалиціонный характеръ, что оставляло широкій просторъ для различныхъ комбинацій. Но главнымъ образомъ Бисмаркъ опирался на консерваторовъ и національ-либераловъ.

Партіи Рейхстага

Консервативная партія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ представителей прусскаго помѣстнаго дворянства („юнкерства“), поддерживала Бисмарка не только какъ убѣжденнаго консерватора, но и какъ прусскаго патріота и создателя величія Пруссіи. Впослѣдствіи, когда часть консерваторовъ перешла въ оппозицію, отъ нея отдѣлилась группа, которая, подъ названіемъ свободно-консервативной или имперской партіи продолжала поддерживать правительство.

Что касается національно-либеральной партіи, то ея происхожденіе связано было съ прусско-австрійской войной 1866 года. Побѣдоносная война примирила съ Бисмаркомъ часть прогрессистовъ, которые отдѣлились отъ своей партіи и стали поддерживать канцлера, какъ поборника національнаго объединенія Германіи. Партія эта, по своему преобладающему составу, имѣла городской, буржуазно-интеллигентскій характеръ.

Что касается оппозиціи, то она включала въ себя партіи трехъ категорій: однѣ, стоя на почвѣ имперскаго единства, выступали лишь противъ правительственной политики; оппозиція дру-

гихъ была направлена не столько противъ даннаго правительства, сколько противъ имперской организаціи самой по себѣ.

Первую группу составляли, прогрессисты и католическій центръ; вторую составляли партикуляристы, частью нѣмецкіе, не желавшіе примириться съ утратой мѣстной самостоятельности своей родины, частью инородческіе, а именно—польскіе, датскіе и эльзасъ-лотарингскіе; наконецъ, соціалисты или соціалдемократы составляли третью, совершенно особую по своему характеру группу. Самою значительною изъ партикуляристскихъ группъ была группа ганноверскихъ депутатовъ, такъ называемыхъ вельфовъ, не желавшихъ примириться съ потерею значенія Ганновера, какъ особаго королевства. Впрочемъ, партикуляристская оппозиція, незначительная по своей численности, играла роль не столько въ качествѣ отдѣльной партійной группы, сколько въ качествѣ вспомогательнаго элемента при другихъ оппозиціонныхъ партіяхъ.

Партія католическаго центра, самая многочисленная по числу своихъ членовъ въ Рейхстагѣ, состояла изъ депутатовъ католическаго юга и прусской Рейнской провинціи, ганноверскихъ вельфовъ, поляковъ и эльзасъ-лотарингцевъ. Это была имперская, но въ то же время анти-прусская партія, оппозиція которой вытекала одновременно изъ ея католичности и изъ ея федералистскихъ тенденцій. Но, благодаря антикатолическимъ тенденціямъ правительственной политики, въ первые годы имперіи на первый планъ выдвинулась, именно, вѣроисповѣдная оппозиція. Правительство, вопреки требованіямъ партіи, отказалось поддержать свѣтскую власть папы, фактически уничтоженную съ присоединеніемъ папской области къ Итальянскому королевству и съ превращеніемъ Рима въ столицу послѣдняго. Оно отказалось признать постановленіе ватиканскаго собора 1869 года, признавшаго спорное богословское мнѣніе о непогрѣшимости папы обязательнымъ для всѣхъ католиковъ догматомъ, и отказалось принимать какія бы то ни было мѣры противъ тѣхъ католиковъ, которые не желали признать новаго догмата и подъ именемъ старо-католиковъ основали отдѣльную отъ папской церкви церковную общину („старокатолическое“ движеніе, однако, имѣло лишь очень ограниченное распространеніе, преимущественно среди верхнихъ слоевъ городской интеллигенціи). Бисмаркъ, однако, считалъ невозможнымъ допустить хотя бы тѣнь вліянія на внутреннюю политику Германіи со стороны иноземной власти, какою являлась власть папы, объявленная вдобавокъ непогрѣшимой, слѣдовательно—стоявшей выше власти государственной.

Поэтому онъ объявилъ непримиримую войну партіи центра, которая дѣйствовала во имя этой иноземной власти. Онъ прекрасно понималъ, что въ этой борьбѣ онъ встрѣтитъ поддержку не только со стороны правительственныхъ партій, но также и со стороны оппозиціонныхъ лѣвыхъ группъ, которыя въ притязаніяхъ центра видѣли недопустимую попытку возвращенія къ среднимъ вѣкамъ. Несомнѣнный анахронизмъ многихъ изъ притязаній центра давалъ Бисмарку возможность объявить партіи центра войну не только во имя правъ государства и свѣтской власти, но и во имя прогресса и культуры. Отсюда это названіе Kulturkampf, то-есть „культурная борьба“, которое было дано современниками героической эпохѣ этой борьбы Бисмарка съ католическимъ центромъ (1871—1875 г.). Опираясь на коалиціонное большинство Рейхстага, Бисмаркъ провелъ за этотъ періодъ цѣлый рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью парализовать вліяніе папы и католическаго духовенства на политическую и общественную жизнь страны, и подчинить нѣмецкое католическое духовенство контролю правительства. Такимъ образомъ, были проведены законы объ изгнаніи іезуитовъ, объ установленіи гражданскаго брака и необязательности церковнаго, объ ограниченіи дисциплинарной власти епископовъ надъ приходскимъ духовенствомъ, объ обязательности для кандидатовъ въ священники прохожденія университетскаго курса и т. п. Папа объявилъ эти законы недѣйствительными, какъ противные церковнымъ канонамъ, и заранѣе объявилъ отлученнымъ всякаго, кто имъ подчинится. Епископовъ и священниковъ, которые, подчиняясь папѣ, отказались подчиниться законамъ, правительство лишало жалованья, смѣщало, сажало въ тюрьмы, а управленіе епархіями и приходами, оставшимися безъ епископовъ и священниковъ, передавало въ руки свѣтскихъ комиссій. Дипломатическія сношенія съ папской куріей были прерваны. Подъ конецъ, однако, само правительство стало тяготиться создавшимся положеніемъ и радо было случаю изъ него выйти, тѣмъ болѣе, что изъ новыхъ выборовъ въ Рейхстагъ партія центра вышла еще болѣе сильной (она выиграла около 30 новыхъ мѣстъ), между тѣмъ поддержка лѣвыхъ партій была ненадежна. Смерть Пія IX и избраніе на его мѣсто Льва XIII, въ 1878 г., дали удобный случай правительству возстановить нарушенный „культурной борьбой“ внутренній миръ и нормальныя отношенія съ папской куріей. Правительство постаралось даже цѣлымъ рядомъ уступокъ примирить съ собою центръ, поддержка котораго была ему нужна въ предстоявшей борьбѣ съ другой болѣе серьезной враждебной силой—соціализмомъ.

Kulturkampf.

Соціализмъ въ Германіи.

Соціалисты, впервые выступившіе въ Германіи въ качествѣ политической партіи въ революціонныхъ движеніяхъ 1848—1849 годовъ, играли въ нихъ лишь второстепенную роль [1]). Рабочій пролетаріатъ, въ рядахъ котораго рекрутировалъ соціализмъ свою армію, былъ въ ту пору еще незначителенъ въ Германіи, гдѣ фабрично-заводская промышленность находилась тогда лишь въ зачаточномъ состояніи. Въ союзномъ Рейхстагѣ соціалисты имѣли одного, потомъ двухъ представителей. Въ первый имперскій Рейхстагъ въ 1871 году было выбрано два соціалиста. Но побѣдоносная война, оживленіе, внесенное въ политическую жизнь объединеніемъ Германіи, наконецъ—обильный золотой дождь, оросившій германскую почву въ видѣ пяти милліардовъ французской контрибуціи,—все это дало могучій толчокъ развитію промышленной жизни въ странѣ, выразившейся въ усиленной постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, въ основаніи фабрикъ, заводовъ и промышленно-торговыхъ предпріятій всякаго рода. Непосредственнымъ результатомъ этого промышленно-торговаго оживленія былъ быстрый ростъ городского и фабрично-заводскаго пролетаріата. А наступившая вскорѣ послѣ этого въ значительной степени искусственнаго оживленія острая реакція въ видѣ промышленнаго кризиса, выразившагося въ крушеніи цѣлаго ряда предпріятій, отразилась бѣдственнымъ образомъ на рабочихъ массахъ, частью сокративъ ихъ заработокъ, частью оставивъ ихъ совершенно безъ работы. Все это создавало какъ нельзя болѣе благопріятныя условія для распространенія соціализма, съ его готовыми формулами для разрѣшенія всѣхъ мучившихъ недовольнаго своей судьбой рабочаго проклятыхъ вопросовъ и съ готовыми рецептами для улучшенія его соціальнаго и экономическаго положенія. Въ результатѣ—быстрый ростъ соціализма въ первые годы имперіи, выражавшійся наглядно въ прогрессивномъ увеличеніи числа голосовъ, подаваемыхъ за соціалистскихъ кандидатовъ на выборахъ въ Рейхстагъ. При выборахъ въ первый Рейхстагъ было подано за соціалистовъ около 100.000 голосовъ, при слѣдующихъ выборахъ, въ 1874 году, ихъ было уже около 350.000, на выборахъ 1877 года—около 500.000. Вмѣсто двухъ депутатовъ, представлявшихъ соціалистскую или, какъ она стала себя называть въ Германіи, соціалъ-демократическую партію, въ первомъ имперскомъ Рейхстагѣ,—въ третьемъ, выбранномъ въ 1877 году, ихъ было уже 12, при чемъ —неслыханная вещь—одинъ изъ депутатовъ партіи, отрицавшей не только

[1]) См. выше, стр. 66—74.

Германскую имперію и Прусское королевство, но и всякую монархію и даже всякое государство (за исключеніемъ неизвѣстнаго ни исторіи, ни современной дѣйствительности соціалистскаго квазигосударства),—партіи по существу революціонной, былъ посланъ въ Рейхстагъ столицей имперіи, столицей Пруссіи, самимъ Берлиномъ. Послѣ этого Бисмаркъ не считалъ болѣе возможнымъ оставаться спокойнымъ зрителемъ столь быстраго роста соціалъ-демократіи.

Борьба съ соціализмомъ.

Уже послѣ выборовъ 1874 года онъ сдѣлалъ попытку парализовать соціалистскую пропаганду путемъ ограниченія свободы печати; но такъ какъ это ограниченіе грозило всѣмъ оппозиціоннымъ партіямъ и, кромѣ того, встрѣчало себѣ принципіальныхъ противниковъ и въ средѣ правительственныхъ партій, то представленные Бисмаркомъ законопроекты въ этомъ смыслѣ были отвергнуты Рейхстагомъ (1874, 1876 гг.). Для того чтобы ослабить оппозицію, необходимо было отвлечь отъ нея католическій центръ, который, по своему консервативному настроенію, являлся естественнымъ союзникомъ правительства въ борьбѣ противъ соціалистовъ. Это обстоятельство послужило одной изъ главныхъ причинъ прекращенія „культурной борьбы“. Однако ошеломляющій ростъ соціализма, обнаруженный выборами 1877 года, встревожилъ не одно правительство, а послѣдовавшія лѣтомъ 1878 года одно за другимъ два покушенія на жизнь императора создали и въ обществѣ и въ парламентѣ настроеніе какъ нельзя болѣе благопріятное для подготовлявшейся Бисмаркомъ борьбы противъ соціализма. Правда, партія соціалъ-демократовъ поспѣшила отказаться отъ всякой солидарности съ обоими террористами, дѣйствовавшими на свой страхъ; но оба они были соціалисты, и этого было достаточно для того, чтобы вооружить общественное мнѣніе противъ соціализма вообще. Это дало возможность Бисмарку провести, наконецъ, въ Рейхстагѣ давно подготовленный имъ законъ о репрессивныхъ мѣрахъ „противъ разрушительныхъ стремленій соціалъ-демократіи“. Закономъ этимъ воспрещались всякія ассоціаціи, собранія или періодическія изданія, „направленныя къ ниспроверженію общественнаго порядка или обнаруживающія соціалистскія тенденціи“. Въ силу этого закона, правительство уполномочивалось объявлять въ городахъ „малое осадное положеніе“, которымъ предоставлялось администраціи право высылать всякое признанное ею неблагонадежнымъ лицо. Этотъ исключительный законъ, вотированный на четырехлѣтній срокъ, былъ возобновленъ на второе и третье четырехлѣтіе и, такимъ образомъ, дѣйствовалъ

Законъ противъ соціалистовъ (1878—1890).

въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1878—1890 г.). Что этотъ законъ не остался мертвой буквой, можно судить по тому, что за первый годъ его примѣненія правительствомъ было закрыто около 250 ассоціацій и запрещено нѣсколько сотъ изданій. Соціалистскіе ораторы подверглись арестамъ, высылкамъ, судебнымъ преслѣдованіямъ. За двѣнадцать лѣтъ насчитывалось около 900 высылокъ и около 1500 тюремныхъ заключеній. На первое время этими мѣрами былъ нанесенъ сильный ударъ соціалистской пропагандѣ; на выборахъ 1881 года число голосовъ за соціалистскихъ кандидатовъ понизилось съ 500.000 до 300.000. Но вскорѣ партія оправилась и научилась обходить законъ. Соціалисты возстановили свои организаціи подъ видомъ различныхъ пѣвческихъ и спортивныхъ кружковъ. Они продолжали свою пропаганду путемъ частныхъ разговоровъ съ рабочими, ремесленниками, студентами, путемъ брошюръ и летучихъ листковъ, частью печатавшихся въ подпольныхъ типографіяхъ, частью за-границей, главнымъ образомъ въ Цюрихѣ, куда былъ перенесенъ и оффиціальный органъ партіи „Соціалъ-Демократъ“. За границей же они продолжали устраивать свои періодическіе международные съѣзды. Преслѣдованія, которымъ подверглись соціалъ-демократы со стороны правительства, создали партіи ореолъ героизма и мученичества и завоевали симпатіи къ ней даже въ извѣстныхъ слояхъ буржуазіи, преимущественно въ рядахъ молодежи, которая легко находила въ идеологіи соціалъ-демократіи готовые отвѣты на свои идеалистическіе порывы. Исключительный законъ сыгралъ роль рекламы для соціалъ-демократовъ. Правительственныя репрессіи являлись лучшей аттестаціей партіи въ глазахъ недовольныхъ и оппозиціонно настроенныхъ элементовъ всѣхъ слоевъ населенія, и на выборахъ многіе избиратели, даже совершенно не знакомые съ соціалистской идеологіей или равнодушные къ ней, отдавали, однако, свои голоса кандидатамъ соціалъ-демократіи, какъ партіи наиболѣе оппозиціонной и непримиримой. Наконецъ, въ пользу соціалъ-демократіи работало продолжавшее идти гигантскими шагами промышленное развитіе Германіи, сопровождавшееся быстрымъ численнымъ ростомъ рабочаго пролетаріата. Въ результатѣ, исключительный законъ, лишь временно пріостановившій распространеніе соціализма, оказался не въ состояніи остановить его дальнѣйшаго роста. На выборахъ 1884 года за соціалистскихъ кандидатовъ было подано уже больше полумилліона голосовъ, на выборахъ 1887 года около восьмисотъ тысячъ голосовъ, а на выборахъ 1890 года—около полутора милліона. Замѣчательно,

что, съ прекращеніемъ дѣйствія исключительныхъ законовъ, эта прогрессія значительно ослабѣла. Наибольшаго успѣха соціалъ-демократы достигли на выборахъ 1903 года, собравъ въ свою пользу около трехъ милліоновъ голосовъ (изъ восьми). Слѣдовательно, за 13-лѣтній періодъ послѣ дѣйствія исключительнаго закона (1890—1903 г.) число соціалистскихъ голосовъ удвоилось, тогда какъ за 12-лѣтній періодъ исключительнаго закона (1878—1890 г.) это число почти упятерилось. Интересно также отмѣтить тотъ фактъ, что, несмотря на полную свободу соціалистской пропаганды въ настоящее время, послѣдніе выборы въ Рейхстагъ, въ 1907 году, не только не дали дальнѣйшаго прироста соціалистскихъ голосовъ, но, наоборотъ, обнаружили значительное ихъ пониженіе. Есть ли это исключительное и временное явленіе, или же симптомъ начинающагося нисходящаго движенія въ ростѣ соціалъ-демократіи, сказать пока нельзя, но не подлежитъ сомнѣнію, что соціализму все болѣе и болѣе приходится встрѣчать себѣ сознательный отпоръ со стороны наиболѣе трезвыхъ элементовъ рабочаго пролетаріата, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны—широкое развитіе профессіональныхъ союзовъ, объединившихъ въ послѣднее время больше двухъ милліоновъ рабочихъ въ Германіи, дало въ руки представителямъ труда могучее средство легальной борьбы противъ эксплуатаціи со стороны капитала, а съ другой стороны — и само государство въ новѣйшее время вступило на путь законодательнаго улучшенія положенія рабочихъ. Почти одновременно съ исключительными законами противъ соціалистовъ Бисмаркъ приступилъ къ проведенію цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ для улучшенія положенія рабочихъ. Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ сводились къ учрежденію цѣлаго ряда пенсіонныхъ кассъ для обезпеченія рабочихъ пенсіями или единовременными пособіями на случай болѣзни, несчастнаго случая, старости. Въ составленіи капиталовъ этихъ кассъ принимали участіе, кромѣ рабочихъ (путемъ процентныхъ отчисленій изъ заработной платы), предприниматели и казна. Затѣмъ былъ принятъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію эксплуатаціи рабочихъ со стороны предпринимателей, а для надзора за исполненіемъ установленныхъ для промышленныхъ заведеній правилъ учреждена, по примѣру Англіи, фабричная инспекція. „Государство, говорилось въ посланіи, которое правительство предпосылало своей новой соціальной политикѣ, должно принимать болѣе близкое участіе, чѣмъ это было до сихъ поръ, въ матеріаль-

Соціализмъ въ Германіи послѣ 1890 г.

Государственный соціализмъ.

ныхъ нуждахъ своихъ членовъ. Слѣдуетъ поддерживать въ неимущихъ классахъ населенія, наиболѣе многочисленныхъ и наименѣе образованныхъ, мысль о томъ, что государство есть не только учрежденіе необходимое, но и благодѣтельное. Государство должно содѣйствовать благосостоянію всѣхъ своихъ членовъ, и въ особенности наиболѣе слабыхъ". Эта новая политика прусскаго правительства, подсказанная частью тактическими соображеніями борьбы съ революціоннымъ соціализмомъ, частью идеями нарождавшейся въ германской экономической наукѣ новой школы, такъ называемыхъ академическихъ соціалистовъ (Kathedersozialisten), выдвигавшихъ, въ противоположность ученію классической школы экономистовъ о невмѣшательствѣ государства въ хозяйственныя отношенія во имя индивидуальной свободы идею о необходимости такого вмѣшательства—во имя соціальной справедливости и интересовъ самого государства,—получила названіе государственнаго соціализма. Эта политика, родоначальникомъ которой считается Бисмаркъ (хотя въ дѣйствительности починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ Англіи, которая первая вступила на путь соціальнаго законодательства), продолжала практиковаться и послѣ него. Отъ Германіи „государственный соціализмъ" былъ перенятъ и другими государствами и въ настоящую пору является болѣе или менѣе существеннымъ элементомъ внутренней политики всѣхъ культурныхъ странъ.

Академическіе соціалисты.

Въ мартѣ 1888 года умеръ Вильгельмъ I, на 91 году своей жизни. Послѣ кратковременнаго царствованія его сына Фридриха III, слегшаго въ могилу три мѣсяца спустя послѣ своего отца отъ давно подтачивавшей его болѣзни, на престолъ вступилъ 30-лѣтній сынъ Фридриха III, Вильгельмъ II.

Вильгельмъ II.

Въ противоположность своему дѣду, Вильгельму I, который довольствовался лишь тѣмъ, что царствовалъ, предоставляя управлять „желѣзному канцлеру", Вильгельмъ II захотѣлъ не только царствовать, но и управлять. Но съ этимъ никакъ не могъ примириться Бисмаркъ, и ему вскорѣ пришлось уйти, не совсѣмъ по своей волѣ (1890 г.), получивши въ видѣ позолоты горькой пилюли титулъ герцога Лауенбургскаго, въ придачу къ своему прежде полученному княжескому титулу. Послѣ своей отставки Бисмаркъ навсегда покинулъ Берлинъ и провелъ остатокъ дней своихъ (ум. въ 1898 г.) въ тиши деревенскаго уединенія, не переставая, впрочемъ, внимательно слѣдить за политикой и дѣлясь съ осаждавшими его корреспондентами и разными депутаціями болѣе или менѣе ядовитыми замѣчаніями по адресу своихъ преемниковъ.

Преемники Бисмарка въ должности канцлера, графъ Каприви (1890—1894 г.), затѣмъ князь Гогенлое (1894—1900 г.), князь Бюловъ (1900 — 1909) и, наконецъ, смѣнившій послѣдняго, въ 1909 г., фонъ-Бетманъ-Гольвегъ играютъ несравненно болѣе скромную роль, являясь лишь исполнителями личныхъ плановъ императора и истолкователями его личной политики.

XV. Франція послѣ 1870 г.

Источники и литература.

I. Изданій архивныхъ документовъ для этого періода еще не имѣется (да и самые документы еще не подлежатъ сообщенію изслѣдователямъ); изъ документальныхъ источниковъ доступны для изученія только законодательные акты, дебаты законодательныхъ палатъ и тѣ изъ правительственныхъ и административныхъ актовъ, которые были въ свое время опубликованы или же продолжаютъ публиковаться во всеобщее свѣдѣніе въ различныхъ оффиціальныхъ періодическихъ изданіяхъ; важнѣйшее изъ послѣднихъ—Journal Officiel, въ которомъ публикуются стенографическіе отчеты о дебатахъ законодательныхъ палатъ тексты законовъ, декреты президента республики и другіе важнѣйшіе изъ правительственныхъ актовъ. Мемуары и переписка современниковъ имѣются пока лишь для болѣе ранняго періода третьей республики, а для позднѣйшаго, наряду съ оффиціальными изданіями, главное значеніе имѣютъ крупныя политическія газеты: le Temps, le Journal des Débats, etc. Для ориентировки въ политическихъ и общественныхъ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ могутъ служить различные ежегодники; для Франціи важнѣйшій—Daniel. L'Année politique (съ 1876 г.) Мемуары для начальнаго періода третьей республики: Jules Simon. Le gouvernement de Thiers. Paris. 1879; Chesnelong. La campagne monarchique d'octobre 1873. Paris, 1895; H. Pessard. Mes petits papiers. Paris, 1887—1888; Henri Rochefort. Les aventures de ma vie. Paris, нѣск. изданій; Thévenot. Souvenirs d'un journaliste. Paris, 1901; Dreux-Brézé. Notes et souvenirs pour servir à l'histoire du parti royaliste (1872—1883). Paris, 1902; Meaux. Souvenirs politique, (Correspondant, 1902).—II. Изъ новѣйшихъ сочиненій по исторіи этого періода, кромѣ указанныхъ ранѣе сочиненій по исторіи Франціи въ новое и новѣйшее время (см. выше, вып. I, стр. 162), важнѣйшія: Hanotaux. Histoire de la France contemporaine (1871—1900). Paris, s. d (еще не окончена); Samuel Denis. Histoire contemporaine. Paris, 1897, sqq.; Zévort. Histoire de la Troisième République. Paris, 1893 sqq. См. также: W. Audibert. La Troisième République et les Napoléons. Langres, 1890; E. Bénoît-Lévy. Histoire des Quinze ans (1870—1885). Paris, 1887; A. Béthezène. Histoire de la Basse-République (1870—1890). Paris, 1890; J. Canis. Histoire de la République française depuis 1870 jusqu'à 1883. Paris, 1884; Pierre de Coubertin. Etudes d'histoire contemporaine. Paris, 1896; Louis Teste. Les monarchistes sous la Troisième République. Paris, 1891; Karl Vogel. Die dritte französische Republik bis 1895. Stuttgart, 1895; Edgard Zévort. La France sous le régime du suffrage universel. Paris, 1894; A. Callet. Les origines de la Troisième Republique. Paris, 1889; Paul de Cassagnac. Histoire de la Troisième République. Paris, 1875; E. Littré. De l'établissement de

la Troisieme République. Paris, 1880; C. Giraldoni. Quatre années de République. Vitry-le-François, 1893; Target. Dix ans de République (1879—1889). Paris, 1889; Bloch. Le régime parlementaire en France sous la troisième République. Paris, 1905; Leblond. La Société française sous la troisième République. Paris, 1905; Э. Д. Гриммъ. Изъ исторіи первыхъ лѣтъ третьей французской республики („Русская Мысль", 1907); Писаревъ. Современная Франція. Исторія третьей республики. Спб., 1900.—III. По исторіи парижской Коммуны 1871 г. имѣется очень мало документальныхъ источниковъ, довольно много свидѣтельствъ очевидцевъ и „исторій", написанныхъ современниками и участниками движенія, но покамѣстъ не имѣется ни одного объективнаго и критическаго изложенія исторіи послѣдней. Изъ документовъ оффиціальнаго характера имѣются: Journal Officiel (издававшійся инсуррекціоннымъ правительствомъ); Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars. Paris, 1872; Améline. Dépositions des témoins de l'enquête parlementaire. Paris, 1872; E. B. Washburne. Franco-German War and Insurrection of the Commune. Correspondence of E. B. Washburne, envoy extraordinary and minister plenipotentiary of the U. S. A. to France. Washington, government printing Office, 1878; Le dossier de la Commune devant les Conseils de guerre. Paris, 1871; интересный историческій матеріалъ представляютъ также многочисленные сохранившіеся газеты и листки, издававшіеся въ Парижѣ въ эпоху Коммуны (Le Vengeur, le Père Duchêne и др.). Мемуары, „исторіи", написанные современниками, и монографіи: Maxime Du Camp. Les convulsions de Paris, 5 vol. Paris, 1878—1879 (важнѣйшій изъ свидѣтелей враждебныхъ Коммунѣ); Lissagaray. Histoire de la Commune. Paris, 1896 (есть по-рус.) (важнѣйшее изъ свидѣтельствъ въ пользу Коммуны); Fiaux. Histoire de la guerre civile de 1871. Paris, 1879 (есть по рус.); J. d'Arsac. La guerre civile et la Commune de Paris. Paris, 1871; J. Claretie. Histoire de la Révolution de 1870—1871. Paris, s. d., 6 vol.; Tridon. La Commune de Paris. Braxelles, 1871; l'abbé Vidieu. Histoire de la Commune de Paris en 1871. Paris, 1876; De la Guéronnière. La Commune sanglante. Paris, 1871; Арну. Народная исторія парижской Коммуны. Спб. (безъ даты) (исторически-декламаторская, въ защиту Коммуны); Бакъ. Парижская Коммуна 1871 г. 1905; Дюбрейль. Исторія парижской Коммуны 1871 г. (часть изъ многотомной „Histoire Socialiste" Жореса); Belleval. Souvenirs contemporains. Versailles et la Commune. Paris, 1900; P. Cattelain. Mémoires du chef de la Sûreté sous la Commune. Paris, 1900; Jourde. Souvenirs d'un membre de la Commune. Paris, 1877; H. Lucas. Correspondance pendant le siège et la Commune. Vannes, 1900; Costa. La Commune vecue. 3 vol. Paris, 1905; P. Ginisty. Paris intime en révolution, 1871. Paris, 1904; G. Lefrançais. La Commune et la Révolution. Paris, 1896; C. Prolès. La vérité sur la révolution du 18 mars 1871. Paris, 1902; Paris, sous la Commune, par un témoin fidèle: la photographie. Paris, 1895; E. Chevalet. Mon journal pendant le siège et la Commune. Paris, 1871; P. et V. Marguéritte. Une époque. La Commune. Paris, 1901; L. Gallet. Guerre et Commune, impressions d'un hospitalier. Paris, 1898; S. C. Chérest. Le bilan de la Commune. Paris, 1896; Denormandie. Notes et souvenirs. Paris, 1896; Dauban. Le fond de la Société sous la Commune. Paris, 1873; J. de Gastine. Mémoires secrets du Comité central et de la Commune. Paris, 1871; Dupont. Souvenirs de Versailles pendant la Commune. Paris, 1881; Monteil. Souvenirs de la Commune. Paris, 1883; Lockroy. La Commune et l'Assemblée. Paris, 1871; Journal d'un habitant de Neuilly pendant la Commune. Paris, 1871; Denis. Histoire contemporaine (третій томъ цѣликомъ посвященъ Коммунѣ). Изъ

иностранныхъ сочиненій о парижской Коммунѣ: A. von Holleben. Die Pariser Kommune von 1871 unter den Augen der deutschen Truppen. Berlin, 1897; L. Hale. The History of the „people's War" in France (1870–1871). London, 1904; Th. Marche. The History of the Paris Commune of 1871. London 1896.

Возстаніе парижской Коммуны.

Причины возстанія.

Собравшееся въ Бордо 13 февраля 1871 года учредительное Національное собраніе подтвердило объявленное временнымъ правительствомъ отъ имени народа низложеніе Наполеона III и его фамиліи, но оно отклонило предложеніе республиканцевъ провозгласить республику. Дѣло въ томъ, что подавляющее большинство собранія составляли роялисты. Но съ другой стороны, раздвоеніе послѣднихъ на легитимистовъ и орлеанистовъ парализовало роялистское большинство въ вопросѣ о реставраціи монархіи. Легитимисты желали видѣть королемъ Бурбона, графа Шамбора (внука Карла X); орлеанисты имѣли своего кандидата въ лицѣ графа Парижскаго, внука Луи-Филиппа. Раздѣленное на три непримиримыя меньшинства (третье меньшинство составляли республиканцы), собраніе оказалось не въ силахъ прійти ни къ какому окончательному рѣшенію въ вопросѣ о формѣ правленія и остановилось на временной мѣрѣ, носившей характеръ компромисса. Оно поручило Тьеру сформировать временное правительство подъ своимъ предсѣдательствомъ, съ титуломъ „главы исполнительной власти Французской Республики" (17 февраля 1871 г.). По заключеніи мира (1 марта 1871 г.) роялистское большинство рѣшило перенести резиденцію временнаго правительства не въ Парижъ, создавшій себѣ репутацію республиканскаго гнѣзда, а въ оффиціальную столицу дореволюціонной Франціи, Версаль (10 марта).

Парижское населеніе было до крайности раздражено этимъ шагомъ Національнаго собранія, направленнымъ къ развѣнчанію Парижа, какъ столицы, тѣмъ болѣе, что республиканцы не безъ основанія смотрѣли на этотъ актъ, какъ на первый шагъ къ ликвидаціи фактически установившейся послѣ низложенія Наполеона III республики. Кромѣ того, парижское населеніе, среди котораго господствовало непримиримое настроеніе противъ побѣдителей и увѣренность въ возможности блистательнаго „реванша" посредствомъ организаціи всенароднаго ополченія, по образцу 1793 года, было до крайности озлоблено противъ Національнаго собранія и назначеннаго имъ правительства за подписаніе мира на тяжкихъ

и унизительныхъ для Франціи условіяхъ. Вдобавокъ, нѣкоторыми ихъ своихъ постановленій Національное собраніе затронуло болѣе непосредственнымъ и чувствительнымъ образомъ интересы парижскаго населенія. Во время осады Парижа временнымъ правительствомъ была объявлена отсрочка квартирныхъ и другихъ денежныхъ платежей. По окончаніи войны передъ Національнымъ собраніемъ было возбуждено ходатайство о продленіи этой отсрочки. Національное собраніе отвѣтило отказомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе поспѣшило отмѣнить установленное во время осады суточное вспомоществованіе національнымъ гвардейцамъ. Этой мѣрой оно возстановило противъ себя низшіе слои парижскаго населенія, рабочихъ и ремесленниковъ, которые во время осады почти поголовно записались въ ряды національной гвардіи (народнаго ополченія), такъ что численность ея доходила до 300.000 человѣкъ.

На почвѣ создавшагося остраго недовольства этой 300-тысячной и вдобавокъ вооруженной массы и возникла та новая революціонная вспышка, которая получила названіе возстанія парижской Коммуны.

Вожаки возстанія.

Періодически возобновлявшіяся въ теченіе восьмидесяти лѣтъ революціи создали въ Парижѣ особый классъ людей, которыхъ можно назвать профессіональными революціонерами или революціонерами по призванію. Это были люди, для которыхъ революція была жизненной стихіей, внѣ которой они задыхались. Революція являлась для нихъ своего рода психологической потребностью. Всякій установившійся порядокъ, каковъ бы онъ ни былъ, былъ для нихъ невыносимымъ гнетомъ. Поэтому всегда и при всякомъ режимѣ они проповѣдовали революцію и готовы были въ каждый данный моментъ принять активное участіе въ переворотѣ, разъ къ этому представлялись благопріятныя условія. Революціонный соціализмъ, съ его непримиримой враждебностью ко всякому режиму, кромѣ того, который нигдѣ не существуетъ и никогда не существовалъ, но который, по вѣрованію соціалистовъ, будетъ существовать и который одинъ лишь имѣетъ право на существованіе,—приходился какъ нельзя болѣе подъ стать людямъ указаннаго психологическаго склада. Къ тому же соціалистскіе лозунги, какъ въ ихъ казовой сторонѣ (общечеловѣческая солидарность, соціальная справедливость, „всеобщее счастье“, свобода, равенство и братство), такъ и въ ихъ оборотной сторонѣ („экспропріаціи экспропріаторовъ“ и „диктатуры пролетаріата“), являлись незамѣнимымъ средствомъ — увлекать обездоленныя, полуголодныя массы, необходимыя для революціоперовъ, какъ матеріальная, во-

оруженная сила. Благодаря этимъ своимъ свойствамъ, революціонный соціализмъ, послѣ своего разгрома 1848 года, успѣлъ къ концу шестидесятыхъ годовъ снова завоевать себѣ самую широкую популярность во всѣхъ революціонныхъ кружкахъ Парижа. Осада Парижа пруссаками, выбившая парижскія рабочія массы изъ ихъ мастерскихъ и превратившая ихъ въ вооруженныя толпы подъ видомъ національныхъ гвардейцевъ, создавала исключительно благопріятныя условія, какъ для увеличенія революціонныхъ силъ путемъ пропаганды, такъ и для ихъ организаціи въ видахъ возможной революціи. Неудачная попытка 31 октября 1870 года обнаружила недостаточную революціонную подготовку и организацію національной гвардіи [1]). Были приняты мѣры къ восполненію обнаруженныхъ пробѣловъ. Были организованы участковые революціонные комитеты, для объединенія которыхъ былъ учрежденъ Центральный делегатскій Комитетъ. Въ результатѣ революціонной обработки національной гвардіи, къ концу февраля 1871 года была создана организація подъ названіемъ республиканской федераціи національной гвардіи. Задачею организаціи выставлялась защита интересовъ гвардіи и охрана республики. Къ моменту обостреннаго настроенія парижскаго населенія противъ Національнаго собранія организація эта была закончена учрежденіемъ Центральнаго Комитета федераціи. Послѣдній немедленно взялъ въ свои руки начавшееся движеніе, которое, при господствовавшемъ возбужденномъ настроеніи рабочихъ-гвардейцевъ, ему безъ особеннаго труда удалось направить на излюбленный парижскими революціонерами путь вооруженнаго возстанія. То, что не удалось 31 октября предыдущаго года, имѣло теперь гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ. Однимъ изъ первыхъ актовъ Центральнаго Комитета было принятіе слѣдующей резолюціи (6 марта 1871 г.): „Въ случаѣ отнятія Національнымъ собраніемъ у Парижа значенія столицы, сенскій департаментъ (т. е. Парижъ съ своими ближайшими пригородами) конституируется въ независимую республику“. Вслѣдъ затѣмъ, Комитетъ приступилъ къ подготовкѣ вооруженнаго сопротивленія Національному собранію Высоты Монмартра, куда національные гвардейцы еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ свезли большую часть своей артиллеріи, были превращены въ грозную крѣпость, господствовавшую надъ центральными и сѣверо-западными кварталами Парижа. Прибывшее въ Парижъ, въ половинѣ марта, во главѣ съ Тьеромъ, правительство потребовало,

Подготовка возстанія.

[1]) См. выше, стр. 163.

чтобы орудія были переданы войскамъ, но получило отказъ отъ Центральнаго Комитета. Тьеръ послалъ вооруженный отрядъ, чтобы взять орудія силой. Но солдаты, окруженные многотысячной толпой, въ рядахъ которыхъ было много женщинъ и дѣтей, отказались стрѣлять въ толпу, многіе даже побросали оружіе. Среди происшедшаго замѣшательства командовавшій отрядомъ генералъ Лекомтъ и еще другой генералъ, Тома, были схвачены гвардейцами и тутъ же разстрѣляны (18 марта 1871 г.). Кровь была пролита, началось формальное возстаніе. Не имѣя въ своихъ рукахъ вооруженной силы, Тьеръ съ правительствомъ удалились въ Версаль, куда вслѣдъ за ними были перепесены и всѣ правительственныя учрежденія. Парижъ былъ представленъ самому себѣ. Центральный Комитетъ немедленно и открыто сталъ во главѣ возстанія, въ качествѣ временнаго инсуррекціоннаго правительства.

Начало возстанія.

Однако далеко не все парижское населеніе присоединилось къ возстанію; даже значительная часть національной гвардіи, именно гвардія болѣе буржуазныхъ западныхъ кварталовъ, оставалась „на сторонѣ порядка“, то-есть была противъ возстанія. Наиболѣе смѣлые изъ сторонниковъ порядка рѣшились даже открыто заявить о своемъ несочувствіи возстанію. 21 марта, то-есть три дня спустя послѣ начала возстанія, они прошли толпой по бульварамъ и западнымъ кварталамъ съ криками: „Да здравствуетъ порядокъ! Да здравствуетъ Національное собраніе! Долой Комитетъ!“ Эта манифестація не вызвала нигдѣ протеста, наоборотъ—во многихъ мѣстахъ вызвала знаки сочувствія. Ободренные первымъ успѣхомъ, противники возстанія собрались на другой день въ болѣе значительномъ количествѣ, чтобы повторить въ болѣе широкомъ масштабѣ вчерашнюю анти-революціонную манифестацію, но на Вандомской площади были встрѣчены залпомъ „федератовъ“ (fédérés, какъ стали называть возставшихъ гвардейцевъ, а потомъ и всѣхъ примкнувшихъ къ возстанію). Десятка два безоружныхъ манифестантовъ упали окровавленные, тринадцать изъ нихъ были убиты наповалъ. Манифестанты не подозрѣвали, что послѣ первой антиреволюціонной манифестаціи Комитетомъ былъ отданъ приказъ командирамъ „федератской“ гвардіи принимать противъ всякаго рода „реакціонныхъ“ манифестацій „энергичныя мѣры“, до употребленія оружія включительно.

Со стороны участковыхъ меровъ Парижа, стоявшихъ на сторонѣ порядка, была сдѣлана попытка предотвратить дальнѣйшее развитіе возстанія и уладить мирнымъ образомъ создавшіяся затрудненія. По ихъ ходатайству, Національное собраніе согласилось

вотировать продолженіе отсрочки платежей и предоставленіе національной гвардіи права выбирать своихъ офицеровъ. Но послѣ двойного кровопролитія 18 и 22 марта для вожаковъ возстанія были сожжены корабли, и Комитетъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, для того чтобы не дать потухнуть разгоравшемуся пожару.

По ходатайству парижскихъ участковыхъ меровъ, правительство согласилось назначить выборы въ Парижѣ, для избранія новаго муниципальнаго Совѣта, на основѣ всеобщаго голосованія. Центральный Комитетъ, которому неловко было противодѣйствовать избранію Совѣта, постарался придать выборамъ революціонный характеръ, съ тѣмъ чтобы обезпечить за революціонными элементами большинство въ будущемъ Совѣтѣ. Онъ самовольно ускорилъ выборы, вопреки протесту правительства, благодаря чему многіе сторонники порядка отказались участвовать въ выборахъ, какъ незаконныхъ. Болѣе половины всѣхъ избирателей воздержались отъ участія въ послѣднихъ. Когда, несмотря на это, все-таки въ числѣ избранныхъ 90 членовъ Совѣта прошло около двухъ десятковъ сторонниковъ порядка, то послѣдніе отказались отъ избранія. Объявляя выборы въ Коммунальный Совѣтъ, Центральный Комитетъ обѣщалъ сложить свои полномочія, но потомъ отказался исполнить это обѣщаніе и продолжалъ засѣдать рядомъ съ Коммунальнымъ Совѣтомъ, подъ предлогомъ необходимости служить посредникомъ между Совѣтомъ и національной гвардіей. Совѣтъ не протестовалъ. Изъ этого сотрудничества сложилось то революціонное правительство, которое оставило столь зловѣщую память въ исторіи подъ названіемъ парижской Коммуны. Отсюда—кличка коммунаровъ, данная „федератамъ“ ихъ противниками. Замѣтимъ здѣсь, что эти названія „коммуны“ и „коммунаровъ“ не имѣли никакого отношенія къ коммунизму, а были подсказаны историческими воспоминаніями о парижской революціонной Коммунѣ 1792—1793 г. (см. томъ IV, стр. 244—248).

Организація революціонной Коммуны.

Первымъ дѣломъ Коммуны было обезоружить анти-революціонную часть гвардіи, объявить службу въ ней обязательной для всѣхъ взрослыхъ и здоровыхъ мужчинъ и объявить недѣйствительными всѣ акты „версальскаго правительства“. Для выполненія правительственныхъ функцій Коммуна, состоявшая приблизительно изъ 80 человѣкъ, раздѣлилась на десять комиссій. Главнѣйшая изъ этихъ комиссій, такъ называемая исполнительная, была вскорѣ (20 апрѣля) замѣнена девятью делегатами, по одному отъ каждой изъ остальныхъ комиссій. Эти делегаты играли роль министровъ, то-есть главъ отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Коммуна возстановила республиканскій календарь и замѣнила трехцвѣтное знамя краснымъ. Послѣднее было дѣломъ соціалистовъ. Впрочемъ ихъ насчитывалось въ Коммунѣ не болѣе двухъ десятковъ, столько же приблизительно бланкистовъ (самъ Бланки, хотя и выбранный, не попалъ въ Коммуну, такъ какъ былъ арестованъ правительствомъ), приверженцевъ радикальной революціи безъ всякой ясной цѣли; остальные были революціонерами въ духѣ якобинцевъ, то-есть приверженцами революціонно-демократической диктатуры. Въ общемъ это была довольно случайная и пестрая по своему составу коалиція революціонеровъ самыхъ различныхъ оттѣнковъ, безъ всякой программы и безъ всякой сколько-нибудь опредѣленной и ясной цѣли. Правда, мѣсяцъ спустя послѣ начала возстанія Коммуна опубликовала, подъ громкимъ заглавіемъ Декларація къ французскому народу, нѣчто въ родѣ политической программы (19 апрѣля 1871 г.). Въ этой декларація говорилось о „признаніи и упроченіи республики“, объ „абсолютной автономіи общины (коммуны), распространенной на всѣ населенныя мѣста Франціи“, при чемъ пояснялось, что „автономія общины не должна имѣть границъ, кромѣ тѣхъ, которыя заключаются въ одинаковомъ правѣ на автономію для всѣхъ другихъ общинъ“. Франція, согласно этой программѣ, должна была превратиться въ федерацію „безусловно автономныхъ“ городовъ, мѣстечекъ и деревень, по примѣру парижской Коммуны. Но декларація не давала никакого разъясненія на счетъ того, какимъ путемъ могла осуществиться на практикѣ подобная политическая атомизація страны, вся многовѣковая исторія которой заключалась, именно, въ настойчивомъ стремленіи къ національному и политическому единству. Не задавались, далѣе, составители прокламаціи и вопросомъ о томъ, какъ отнесутся къ такой атомизаціи Франціи вчерашніе ея побѣдители, продолжавшіе стоять подъ Парижемъ и занимать нѣсколько десятковъ департаментовъ; вопросъ о томъ, какъ отнесутся къ подобной операціи другія державы Европы, и не сулитъ ли Франціи судьбы Рѣчи Посполитой рекомендуемое Коммуной превращеніе страны въ сорокъ тысячъ „абсолютно автономныхъ“ республикъ,—подобные вопросы, повидимому, даже не приходили въ голову авторамъ декларація 19 апрѣля 1871 г., и уже одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы составить себѣ представленіе о степени умственной и политической зрѣлости новоявленныхъ преобразователей Франціи. О той же поразительной незрѣлости мысли говоритъ и крайняя неясность и противорѣчивость политическихъ идеаловъ Коммуны.

«Декларація къ Французскому народу»

Въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ оффиціальныхъ актахъ Коммуна сплошь да рядомъ ссылается на революцію 1793 года, какъ на заслуживающій подражанія образецъ, очевидно, совершенно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что якобинская революціонная диктатура 1793 года, съ ея рѣзко выраженными централизаторскими тенденціями и непримиримой враждебностью ко всякому федерализму, является полярной противоположностью тому, основанному на „абсолютной автономіи", крайнему федерализму, который Коммуна объявила своимъ политическимъ идеаломъ. Замѣчательно, что этотъ идеалъ, находящійся въ непримиримомъ противорѣчіи съ основными идеями якобинцевъ, въ которыхъ, однако, Коммуна готова была видѣть образецъ для подражанія, не отвѣчалъ въ то же время и господствующимъ идеямъ революціоннаго соціализма, насчитывавшаго, какъ мы видѣли, значительное число послѣдователей въ средѣ Коммуны. Въ самомъ дѣлѣ, необходимой предпосылкой осуществленія соціалистскаго строя является сильная центральная власть, которая въ рукахъ соціалистовъ должна превратиться въ орудіе осуществленія ихъ общественно-политическаго идеала („диктатура пролетаріата"). Между тѣмъ, въ своей декларации Коммуна начинаетъ съ упраздненія центральной власти. Затѣмъ, центральный пунктъ соціалистской программы заключается въ „эмансипаціи пролетаріата отъ гнета капитализма" посредствомъ „обобществленія орудій и средствъ производства". Но декларація не заключаетъ въ себѣ никакихъ заявленій въ этомъ смыслѣ. Равнымъ образомъ, Коммуна не сдѣлала за свое двухмѣсячное существованіе ни одного шага въ направленіи къ осуществленію соціалистскихъ идеаловъ. Въ дѣйствительности, въ своихъ основныхъ пунктахъ, программа Коммуны, какъ она формулирована въ декларации, имѣетъ не якобинскій и не соціалистскій, а скорѣе анархистскій характеръ, такъ какъ идея „абсолютно автономной общины" есть чисто анархистская идея (формулированная впервые Бакунинымъ) [1]). Декларація 20 апрѣля, какъ и другіе акты Коммуны, представляетъ собою едва ли не самый яркій изъ извѣстныхъ исторіи примѣровъ соединенія непомѣрной притязательности съ поразительнымъ умственнымъ убожествомъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, призывъ къ раздробленію Франціи, равносильный призыву къ междоусобной войнѣ на глазахъ вчерашнихъ побѣдителей и, быть можетъ, завтрашнихъ завоевателей,

---

[1]) „Каждая община имѣетъ неограниченное право на полнѣйшую самостоятельность"—говоритъ Бакунинъ. См. Эльцбахеръ. Анархизмъ. Спб. 1906.

вызвалъ лишь чувство боли и негодованія въ удрученной только что пережитымъ національнымъ бѣдствіемъ странѣ. Ни одна изъ 40.000 французскихъ „общинъ“ не двинулась, чтобы послѣдовать жалкому призыву и еще болѣе жалкому примѣру парижской Коммуны. Правда, примѣръ Парижа первое время нашелъ себѣ послѣдователей въ нѣсколькихъ провинціальныхъ центрахъ: въ Ліонѣ, Крезо, Сентъ-Этьенѣ, Тулузѣ, Нарбоннѣ, Марселѣ, Лиможѣ имѣли мѣсто аналогичныя попытки „отложиться отъ Франціи“ и возстать противъ Національнаго собранія, но всѣ эти попытки успѣли потерпѣть крушеніе еще недѣли за двѣ до опубликованія парижской декларацін. Революціонный Парижъ оставался одинокимъ среди всеобщей враждебности. Коммуна чувствовала потребность выйти какъ-нибудь изъ того трагически-глупаго положенія, въ которомъ очутилась по ея винѣ столица, объявившая войну странѣ, въ лицѣ ея народнаго представительства и назначеннаго послѣднимъ правительства, признаннаго всей страной. Коммунары попытались выйти изъ затрудненія путемъ новаго переворота. Въ отвѣтъ на начатую версальскими войсками, 2 апрѣля, бомбардировку Парижа (правда, не успѣвшую пока причинить особеннаго вреда, за дальностью разстоянія), Центральнымъ Комитетомъ былъ организованъ на другой день походъ на Версаль, для сверженія вооруженною рукой ненавистнаго „версальскаго правительства“. Кромѣ своихъ собственныхъ вооруженныхъ силъ, въ лицѣ революціонной гвардіи, Коммуна учитывала возможность повторенія того, что было 18 марта, когда солдаты отказались стрѣлять въ инсургентовъ. Но эти разсчеты не оправдались; войска встрѣтили парижскихъ коммунаровъ дружными залпами и обратили ихъ въ бѣгство; тѣ изъ нихъ, которые попали въ плѣнъ, были немедленно разстрѣляны, какъ мятежники.

Начало конца Коммуны.

Это было лишь отвѣтомъ на то, что первые начали практиковать коммунары (18 марта). Но неудача военной экспедиціи и разстрѣлъ попавшихъ въ руки войскъ участниковъ ея были немедленно объявлены Коммуной, какъ неслыханное злодѣйство и вопіющее нарушеніе „правъ человѣчности“. Однако тотъ путь, на который спѣшила вступить сама Коммуна, былъ еще дальше отъ человѣчности, въ недостаткѣ которой она упрекала „версальскихъ бандитовъ“, какъ она аттестовала народное представительство и законное правительство страны въ предисловіи къ опубликованному ей 5 апрѣля декрету, которымъ предписывалось арестовать и заключить въ тюрьмы всѣхъ лицъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе въ „сообщничествѣ съ Версалемъ“. Арестованные должны были слу-

жить „заложниками“ и отвѣчать своей головой за жизнь каждаго коммунара. Пунктъ пятый декрета гласилъ дословно: „Всякая казнь военноплѣннаго (коммунара) или сторонника правительства Коммуны будетъ сопровождаться немедленной казнью тройного количества заложниковъ, намѣченныхъ жребіемъ“.

Этотъ декретъ, слѣдующій непосредственно послѣ протестовъ по имя „правъ человѣчности“, дорисовываетъ намъ съ моральной стороны портретъ вождей Коммуны, такъ хорошо отразившійся съ умственной стороны въ опубликованной ею двѣ недѣли спустя „декларацiи“. Декретъ 5 апрѣля затмевалъ собою знаменитый „законъ о подозрительныхъ“ временъ якобинскаго террора [1]). О томъ, что декретъ этотъ не остался мертвой буквой, можно судить по множеству арестованныхъ и заключенныхъ въ тюрьмы „подозрительныхъ лицъ“, главнымъ образомъ изъ числа духовныхъ, а также изъ дворянъ и буржуа, вообще изъ тѣхъ „людей порядка“, которые еще ранѣе успѣли скомпрометировать себя въ глазахъ коммунаровъ выраженіемъ своего несочувствія возстанію, безсмысленному въ своемъ началѣ, безцѣльному въ своемъ продолженіи, разрушительному и жестокому въ своемъ концѣ. Декретъ 5 апрѣля открылъ широкое поле для дѣятельности многочисленныхъ „делегатовъ“ Коммуны, представлявшихъ собою въ миніатюрѣ то, чѣмъ были въ рукахъ якобинскаго правительства его комиссары [2]). О характерѣ дѣятельности этихъ мелкихъ революціонныхъ деспотовъ можетъ дать понятіе слѣдующее распоряженіе одного изъ нихъ, по имени Ле-Моссю, расклеенное въ одномъ изъ монмартрскихъ кварталовъ: „Принимая во вниманіе, что попы являются бандитами въ своихъ церквахъ, гдѣ они производятъ моральное убійство надъ народными массами..., гражданскій делегатъ квартала Карьеръ при бывшей полицейской префектурѣ предписываетъ церковь Сенъ-Пьеръ на Монмартрѣ запечатать, а поповъ арестовать“ [3]). Въ числѣ арестованныхъ былъ архіепископъ парижскій и всѣ наиболѣе видные по своему положенію люди въ духовномъ и свѣтскомъ мірѣ. Многія церкви были запечатаны, другія нарочно осквернены, либо превращены въ помѣщенія для коммунарскихъ клубовъ.

Съ возвращеніемъ солдатъ изъ прусскаго плѣна, къ половинѣ мая, правительство располагало, наконецъ, достаточными вооруженными силами, для того чтобы приступить къ подавленію затянув-

---

[1]) См. выпускъ I, стр. 35.
[2]) См. выпускъ I, стр. 10.
[3]) Текстъ этого характернаго распоряженія воспроизведенъ цѣликомъ въ Dossier de la Commune devant les Conseils de guerre, стр. 30.

шагося, къ злорадству вчерашнихъ враговъ, мятежа. Болѣе умѣренные изъ коммунаровъ готовы были пойти на уступки, чтобы избѣжать угрожавшаго кровопролитія, но большинство Коммуны было за сопротивленіе во что бы то ни стало. По примѣру якобинскаго Конвента, Коммуна учредила Комитетъ общественнаго спасенія, въ составъ котораго вошли наиболѣе непримиримые элементы. Было рѣшено отстаивать Парижъ „отъ непріятеля“ во что бы то ни стало и организовать настоящую „научную войну“. Научность эта должна была заключаться въ примѣненіи „тѣхъ страшныхъ силъ, какія наука предоставляетъ въ распоряженіе революціи“. Проектировали фабриковать бомбы, начиненныя гвоздями, отравленныя мышьякомъ, стрихниномъ и другими ядами, для того чтобы малѣйшая царапина была смертельной. Въ крайнемъ случаѣ, если бы не удалось отстоять Парижа, предполагалось „ростопчинировать“ (rostoptchiner), то-есть сжечь его, по примѣру Москвы, сожженной (какъ думали) губернаторомъ Ростопчинымъ при нашествіи Наполеона. Съ этой цѣлью заранѣе заготовлялись склады керосина, пороха и другихъ горючихъ и взрывчатыхъ матеріаловъ. „Парижъ либо останется нашимъ, либо его вовсе не будетъ“—заявлялъ одинъ изъ главарей Коммуны, Клюзере.

Проекты «научной войны».

Этимъ адскимъ планамъ удалось осуществиться лишь наполовину, благодаря тому, что версальскимъ войскамъ удалось проникнуть въ Парижъ, прежде чѣмъ организаторы „научной войны“ успѣли перейти отъ словъ къ дѣлу.

Воспользовавшись небрежностью инсургентовъ, оставившихъ безъ охраны одну изъ западныхъ заставъ Парижа, подвергавшейся наиболѣе сильному артиллерійскому огню, версальскія войска проникли въ городъ съ вечера 21 мая и къ утру заняли часть западныхъ кварталовъ, населеніе которыхъ, въ большинствѣ своемъ не сочувствовавшее возстанію, встрѣтило солдатъ, какъ своихъ освободителей. Но захваченные врасплохъ коммунары принялись лихорадочно строить баррикады и готовиться къ отчаянному сопротивленію. Войскамъ пришлось завоевывать городъ шагъ за шагомъ, подъ градомъ пуль, сыпавшихся изъ-за баррикадъ, изъ полузакрытыхъ оконъ домовъ, подъ градомъ кровельныхъ черепицъ, кирпичей и камней, бросаемыхъ съ крышъ и верхнихъ этажей. Кровь полилась рѣкой съ той и другой стороны. Взаимное озлобленіе довело людей до настоящаго озвѣрѣнія. Въ тюрьмахъ началась отвратительная бойня, передъ которой поблекли воспоминанія о зловѣщихъ сентябрьскихъ убійствахъ временъ якобинскаго террора. Несчастныхъ „заложниковъ“ коммунары выталкивали изъ тюремъ,

«Кровавая недѣля» и конецъ Коммуны.

ставили въ рядъ и разстрѣливали, а плохо разстрѣлянныхъ доканчивали штыкомъ, ружейнымъ прикладомъ, выстрѣломъ въ упоръ изъ пистолета. Отступая подъ напоромъ войскъ, коммунары принялись выполнять одну изъ частей своей программы „научной войны“: поджигали наиболѣе значительныя, преимущественно казенныя зданія, предварительно обливая ихъ керосиномъ и подкатывая подъ нихъ бочки съ порохомъ. Въ этой работѣ коммунарамъ помогали отчасти и версальскія бомбы, бывшія также причиною многихъ пожаровъ. Запылали зданія Королевской улицы, потомъ королевскій дворецъ (Тюильри), луврская библіотека, Пале-Рояль, министерство финансовъ, префектура полиціи, зданіе судебныхъ учрежденій (старинное зданіе парижскаго парламента), колоссальный дворецъ счетной палаты, наконецъ — городская ратуша, которую пришлось эвакуировать „правительству Коммуны“. Это была какая-то бѣшеная оргія огня и крови, въ которой люди совершенно потеряли всякій человѣческій обликъ. Ожесточенныя варварской расправой коммунаровъ съ „заложниками“ и ихъ явнымъ желаніемъ привести въ исполненіе свою угрозу сжечь Парижъ, солдаты расправлялись съ попадавшими въ ихъ руки федератами съ такою же безчеловѣчностью, какъ и они съ своими жертвами. Ихъ разстрѣливали на мѣстѣ. Одну толпу взятыхъ въ плѣнъ коммунаровъ привели на кладбище Перъ-Лашезъ, выстроили въ рядъ вдоль забора возлѣ вырытаго тутъ же рва-могилы и разстрѣляли. Отъ поголовнаго разстрѣла плѣнныхъ коммунаровъ спасло лишь ихъ огромное количество: ихъ было около 40.000.

Ликвидація возстанія

Отчаянное сопротивленіе, оказанное федератами войскамъ, лишь затянуло агонію Коммуны и увеличило число жертвъ съ обѣихъ сторонъ: ожесточенныя уличныя битвы продолжались цѣлую недѣлю. Эта „кровавая недѣля“, какъ ее прозвали, закончилась лишь послѣ того, какъ всѣ баррикады были разрушены, а ихъ защитники либо перебиты, либо взяты въ плѣнъ. Что касается убитыхъ съ той и другой стороны, то, понятно, что въ разыгравшейся кровавой оргіи было не до точной статистики, а свидѣтельства современниковъ, дѣлавшихъ вычисленія на глазомѣръ, не могутъ, конечно, претендовать на точность, въ особенности если принять во вниманіе сознательную или безсознательную тенденцію ихъ къ явному преувеличенію. Одинъ изъ наиболѣе безпристрастныхъ и освѣдомленныхъ новѣйшихъ историковъ (Сеньобосъ) считаетъ цифру 17.000 убитыхъ наиболѣе близкой къ дѣйствительности (въ томъ числѣ около 1.000 солдатъ). Во всякомъ случаѣ Парижъ, за всю свою многовѣковую исторію, еще не видалъ въ

своихъ стѣнахъ болѣе ожесточеннаго и кровопролитнаго междоусобія.

Уцѣлѣвшіе плѣнные, въ количествѣ около 35.000 (число это было значительно пополнено позднѣйшими арестами), были затѣмъ преданы суду военныхъ совѣтовъ, первоначальное число которыхъ, четыре, было впослѣдствіи доведено до 22. Дѣятельность ихъ продолжалась вплоть до 1876 года. Только 110 были присуждены къ смертной казни, но большинству осужденнымъ казнь была замѣнена другими наказаніями. Остальные были приговорены частью къ каторжнымъ работамъ, частью къ ссылкѣ за океанъ.

Только немногіе изъ главарей Коммуны погибли въ бою или попали въ руки правительства; большинство же успѣли благополучно пережить „кровавую недѣлю“ и скрыться въ послѣдній моментъ въ безопасныя мѣста.

Значеніе возстанія

Безумное, а въ данной обстановкѣ вдобавокъ и глубоко антипатріотическое парижское возстаніе, совпадавшее съ переговорами объ окончательномъ мирѣ, въ значительной степени ослабило положеніе французскаго правительства и дало непріятелю возможность повысить свою требовательность и неуступчивость. Парижская Коммуна оказала, дѣйствительно, настолько цѣнныя услуги Бисмарку, что многіе современники были увѣрены въ его тайномъ, но активномъ сообщничествѣ съ вожаками Коммуны. Въ наличность такого сообщничества вѣрятъ, безъ достаточныхъ впрочемъ основаній, и нѣкоторые изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ [1]). А вандализмъ и варварство, которыми запятнали себя, какъ защитники Коммуны, такъ и ея усмирители, сильно уронили Францію въ глазахъ прочихъ націй и вызвали охлажденіе симпатій къ ней въ остальной Европѣ.

Внутри страны парижская Коммуна провела новую кровавую полосу, которая оживила и обострила классовую рознь, начинавшую понемногу сглаживаться послѣ кровавыхъ событій 1848 года. Дѣло въ томъ, что, хотя парижское возстаніе 1871 года и не имѣло характера соціальной революціи, но по контингенту своихъ активныхъ участниковъ оно было все-таки движеніемъ рабочимъ, „пролетарскимъ“. Помимо своего реальнаго значенія, какъ факторъ соціальнаго антагонизма, Коммуна 1871 года продолжала впослѣдствіи и продолжаетъ доселѣ оказывать серьезную услугу апостоламъ революціоннаго соціализма, въ качествѣ наглядпаго пособія для развитія

[1]) Напримѣръ, S. Denis, въ своей обширной Histoire contemporaine, t. III, (Paris, 1900).

въ рабочихъ массахъ классовой „сознательности", то-есть враждебнаго чувства къ тому, что̀ подъ именемъ буржуазіи выставляется, какъ непримиримый врагъ пролетаріата [1]). Этимъ значеніемъ парижскаго возстанія 1871 года для соціалистской пропаганды объясняется то обстоятельство, что оффиціальные представители тогдашняго революціоннаго соціализма поспѣшили высказать свое сочувствіе Коммунѣ, хотя, какъ мы видѣли, ея чисто анархистская программа въ сущности такъ же рѣзко расходилась съ программой соціализма, какъ и проявленныя Коммуной якобинскія тенденціи и замашки.

Третья республика во Франціи.

Временная конституція и правленіе Тьера

Послѣ подавленія возстанія Коммуны Національное собраніе вотировало временную конституцію (31 августа 1871 г.). Не будучи въ состояніи столковаться на счетъ кандидата въ короли, роялистское большинство желало въ то же время избѣжать и провозглашенія республики, какъ окончательной формы правленія Франціи. Было лишь постановлено, что „глава исполнительной власти приметъ титулъ президента республики". Президентъ объявлялся отвѣтственнымъ передъ народнымъ представительствомъ, равно какъ и назначаемые имъ министры.

Въ качествѣ президента республики, Тьеръ (Thiers, 1871—1873) правилъ Франціей въ теченіе двухъ лѣтъ [2]). Главнымъ дѣломъ его была ликвидація тяжелаго наслѣдія несчастной войны и связаннаго съ парижской Коммуной кроваваго междоусобія. По франкфуртскому миру (10 мая 1871 г.), Германія сохранила за собой право занимать своими гарнизонами нѣсколько пограничныхъ пунктовъ, на счетъ французской казны, впредь до окончательной уплаты военной контрибуціи (5 милліардовъ франковъ). Чтобы ускорить освобожденіе французской территоріи отъ этой унизительной и тягостной иноземной оккупаціи, по почину Тьера были устроены въ 1871—1872 г. два внутреннихъ займа. Послѣдніе были съ избыткомъ покрыты и позволили выплатить контрибуцію до истеченія установленнаго договоромъ максимальнаго трехлѣтняго срока. Зато,

[1]) Типичнымъ образчикомъ такого пропагандистскаго и анти-историческаго использованія исторіи парижской Коммуны можетъ служить брошюра К. Маркса подъ заглавіемъ „Гражданская война во Франціи (1870–1871)" (Одесса, 1905), послужившая образцомъ для цѣлаго ряда позднѣйшихъ произведеній подобнаго же рода.

[2]) Jules Simon. Le gouvernement de Thiers; Marcère. L'Assemblée nationale de 1871. Le gouvernement de Thiers. Paris, 1903.

вслѣдствіе увеличенія государственнаго долга, платежи процентовъ по нему возросли до колоссальныхъ размѣровъ — болѣе полумилліарда франковъ ежегодно. Это заставило правительство, совмѣстно съ Національнымъ собраніемъ, пересмотрѣть всю финансовую систему. Въ результатѣ этого пересмотра большинство существующихъ налоговъ подверглись повышенію и, кромѣ того, были введены новые налоги.

Вмѣстѣ съ процентами по государственному долгу сильно возросли также военныя издержки, связанныя съ возстановленіемъ національной обороны, что было вторымъ главнымъ дѣломъ Тьера, какъ президента республики. Прежде всего былъ значительно увеличенъ численный составъ арміи и введена, по примѣру Пруссіи, всеобщая воинская повинность. Затѣмъ было произведено перевооруженіе арміи болѣе усовершенствованнымъ оружіемъ. Наконецъ, было положено начало новой, болѣе соотвѣтствующей измѣнившимся условіямъ военнаго дѣла, линіи защищающихъ Парижъ фортовъ.

Бывшій лидеръ лѣваго центра во время іюльской монархіи, Тьеръ, послѣ паденія второй имперіи сталъ въ ряды умѣренныхъ республиканцевъ. „Республика, заявилъ онъ въ Національномъ собраніи, еще во время его пребыванія въ Бордо, это именно тотъ режимъ, на которомъ мы всего менѣе разойдемся другъ съ другомъ“. Но въ то же время Тьеръ считалъ, что „республика должна быть консервативной“. Однако роялистское большинство собранія вовсе не хотѣло республики, хотя бы и консервативной; съ нею оно готово было мириться, лишь какъ съ временнымъ и неизбѣжнымъ зломъ, въ надеждѣ на лучшія времена. Политика Тьера, наоборотъ, преслѣдовала какъ-разъ противоположную цѣль: упрочить за республикой значеніе окончательно установившагося государственнаго порядка во Франціи. „То, что дѣлаетъ меня, бывшаго приверженца монархіи, защитникомъ республики, заявилъ Тьеръ въ палатѣ, въ маѣ 1873 г., это—убѣжденіе въ безусловной невозможности монархіи въ настоящее время“. Но большинство Національнаго собранія продолжало оставаться при своемъ мнѣніи на этотъ счетъ и выразило Тьеру свое недовѣріе. Тьеръ, котораго этотъ вотумъ вовсе не обязывалъ къ отставкѣ, тѣмъ не менѣе не захотѣлъ оставаться послѣ этого у власти и сложилъ свои полномочія.

Макмагонъ и попытка монархической реставраціи.

Въ преемники Тьеру былъ избранъ роялистъ и усмиритель Коммуны, маршалъ Макмагонъ (Mac-Mahon, 1873—1878). Онъ поспѣшилъ немедленно сформировать роялистское министерство во

главѣ съ герцогомъ Брольи (Broglie, 1821—1901), игравшимъ роль застрѣльщика въ вотумѣ недовѣрія Тьеру (24 мая 1873 г.). Новое министерство принялось за немедленную чистку администраціи, въ которой болѣе замѣтные республиканцы были замѣщены роялистами и имперіалистами. Дѣло явно клонилось къ монархической реставраціи. Единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ къ послѣдней служилъ традиціонный антагонизмъ между двумя роялистскими фракціями—легитимистами и орлеанистами [1]). Надъ устраненіемъ этого препятствія и работали теперь нѣсколько вліятельныхъ представителей обѣихъ фракцій въ палатѣ. Въ концѣ концовъ имъ удалось добиться соглашенія, какъ между обѣими фракціями, такъ и между обоими претендентами. Было рѣшено, что обѣ фракціи будутъ дѣйствовать въ полномъ согласіи для возстановленія монархіи въ пользу легитимистскаго кандидата, графа Шамбора, съ тѣмъ чтобы послѣ бездѣтнаго „Генриха V“ (королевское имя гр. Шамбора) престолъ перешелъ къ кандидату орлеанистовъ, графу Парижскому (внуку короля Луи-Филиппа). Такъ какъ вошедшія въ соглашеніе фракціи располагали безусловнымъ большинствомъ въ Національномъ собраніи, то монархическая реставрація представлялась послѣ этого дѣломъ вполнѣ рѣшеннымъ и обезпеченнымъ. Правительство приступило даже къ приготовленіямъ для встрѣчи новаго короля. Но планы роялистовъ разбились о неожиданное сопротивленіе самого „Генриха V“. Послѣдній категорически отказался признать французское трехцвѣтное знамя, „знамя революціи“, и непремѣннымъ условіемъ своего согласія на принятіе короны поставилъ возстановленіе традиціоннаго бѣлаго знамени старой Франціи Бурбоновъ. Однако во Франціи настолько успѣли забыть о старомъ бурбонскомъ знамени и настолько привыкли считать трехцвѣтное знамя, въ свое время „обошедшее всю Европу“, національнымъ флагомъ, что отказъ отъ него считали невозможнымъ даже такіе рѣшительные монархисты, какъ Макмагонъ.

Монархическая республика.

Послѣ неудачи реставраціонной попытки роялистамъ ничего другого не оставалось, какъ постараться организовать республику на монархическій ладъ. Они начали съ того, что провели законъ о „септеннатѣ“, въ силу котораго срокъ президентства опредѣлялся въ семь лѣтъ. Этимъ путемъ роялисты разсчитывали обезпечить за собой власть на возможно значительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго многое можно было сдѣлать для дальнѣйшаго упроченія своего положенія. Можно было, прежде

[1]) См. выше, стр. 185.

всего, овладѣть всѣми вліятельными позиціями въ администраціи путемъ постепеннаго „очищенія“ послѣдней отъ республиканцевъ, и въ этомъ отношеніи Макмагонъ и назначаемые имъ министры не теряли даромъ времени. Правительство, какъ и Національное собраніе, тщательно избѣгало въ оффиціальныхъ актахъ самаго названія „республики“. Это слово было даже прямо запрещено въ оффиціальномъ языкѣ администраціи и суда. Правительство тщательно вытравляло всякіе слѣды ненавистной роялистамъ „революціи“; такъ, изъ помѣщенія присутственныхъ мѣстъ были убраны бюсты французской республики. Правительство заявляло, что оно ставитъ своею задачей „возстановить нравственный порядокъ въ странѣ“. Но этотъ режимъ „нравственнаго порядка“, какъ его прозвали иронически въ республиканскихъ кругахъ, видимо, не встрѣчалъ особеннаго сочувствія въ странѣ, судя по тому, что дополнительные выборы все болѣе и болѣе пополняли ряды республиканской оппозиціи въ Національномъ собраніи. Между тѣмъ роялистское большинство, послѣ кратковременнаго соглашенія въ 1873 г., снова раздвоилось и тѣмъ дало все болѣе и болѣе возраставшему численно республиканскому меньшинству возможность оказывать серьезное вліяніе на ходъ дѣлъ въ палатѣ, и это какъ-разъ въ то время, когда пришлось обсуждать проектъ новой конституціи, представленный къ началу 1875 г. избранной для этого ранѣе комиссіей. При обсужденіи конституціи въ палатѣ роялисты уже не обладали рѣшительнымъ перевѣсомъ. Благодаря этому, самая конституція получила характеръ компромисса между роялистами и республиканцами. Многіе важные вопросы были рѣшены большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ. Въ проектѣ комиссіи, состоявшей въ большинствѣ изъ роялистовъ, слово „республика“ отсутствовало; въ палатѣ республиканцамъ удалось добиться внесенія этого слова въ текстъ конституціи, но вопросъ этотъ былъ рѣшенъ лишь большинствомъ одного голоса.

Конституція 1875 г.

Такъ называемая конституція 1875 г., продолжающая, съ нѣкоторыми частичными поправками, внесенными въ 1884 г., дѣйствовать во Франціи вплоть до настоящаго времени, не представляетъ собою законченнаго цѣлаго, подобно болѣе раннимъ французскимъ конституціямъ, а состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ: 1) акта, регулирующаго организацію сената, 2) акта объ организаціи публичной власти и 3) акта о взаимныхъ отношеніяхъ властей. Эти три конституціонныхъ закона (lois constitutionnelles), какъ ихъ назвали, были впослѣдствіи

дополнены такъ называемыми органическими законами (lois organiques) о выборахъ въ Сенатъ и о Государственномъ совѣтѣ.

Въ общемъ конституція 1875 г. носитъ характеръ парламентарной конституціи по образцу бельгійской, съ тою лишь разницей, что мѣсто наслѣдственнаго короля здѣсь занимаетъ президентъ республики, избираемый на семь лѣтъ. Президентъ избирается изъ своей среды Національнымъ конгрессомъ (Congrès national), засѣдающимъ въ Версалѣ и состоящимъ изъ совокупности депутатовъ палаты и сенаторовъ. Подобно конституціонному монарху, президентъ является представителемъ страны передъ другими державами. Подобно конституціонному монарху, онъ не отвѣтствененъ. Про него, какъ и про конституціоннаго монарха, можно сказать, что онъ „царствуетъ, но не управляетъ“. Онъ опубликовываетъ принятые палатами законы и издаетъ правительственныя распоряженія (декреты), не иначе, впрочемъ, какъ за подписью одного изъ министровъ. Не обладая правомъ законодательнаго veto, президентъ можетъ, однако, возвращать всякій принятый палатой законъ для его пересмотра. Ему принадлежитъ также королевское право распускать Палату депутатовъ, впрочемъ не иначе, какъ съ согласія Сената.

Конституція 1875 г. устанавливаетъ двухпалатную систему народнаго представительства (вопросъ этотъ былъ рѣшенъ лишь незначительнымъ большинствомъ голосовъ). Палата депутатовъ (Chambre des députés) избирается путемъ всеобщаго голосованія срокомъ на четыре года (безъ частичнаго возобновленія своего состава). Верхняя палата, оффиціально называемая Сенатомъ (Sénat), имѣетъ смѣшанный составъ. Большинство, именно три четверти всѣхъ сенаторовъ, избираются такъ называемыми сенаторскими коллегіями (collèges sénatoriaux), срокомъ на девять лѣтъ. Сенаторская коллегія образуется въ каждомъ департаментѣ изъ делегатовъ отъ городскихъ и сельскихъ управленій, по одному отъ каждаго, и изъ всѣхъ „избранниковъ департамента“, то-есть сенаторовъ, депутатовъ Палаты и членовъ департаментскихъ совѣтовъ. Эта часть состава Сената подлежитъ частичному, именно въ одной своей трети, возобновленію каждые три года. Остальная часть Сената (одна четвертая) состоитъ изъ пожизненныхъ членовъ, избираемыхъ Національнымъ собраніемъ и подлежащихъ дальнѣйшему замѣщенію путемъ кооптаціи (то-есть по выбору самого Сената).

Компетенціи обѣихъ палатъ одинаковы. Обѣ онѣ имѣютъ право законодательной инициативы, но бюджетъ обсуждается пред-

варительно въ Палатѣ депутатовъ, а потомъ уже въ Сенатѣ. Между обѣими палатами есть еще то различіе, что Сенатъ не подлежитъ роспуску, и его согласіе необходимо для роспуска Палаты президентомъ. Резиденціей обѣихъ палатъ, функціонирующихъ одновременно, конституція 1875 г. признала Версаль.

Функціи исполнительной власти, подъ номинальнымъ главенствомъ президента республики, исполняетъ назначаемое имъ и солидарно-отвѣтственное передъ палатами министерство, функціонирующее коллективно въ формѣ Совѣта министровъ (Conseil des ministres), во главѣ съ первымъ министромъ, носящимъ оффиціальный титулъ президента совѣта.

Побѣда республиканцевъ.

Конституція 1875 г., возводившая республику въ постоянный режимъ, была уже поэтому серьезной побѣдой республиканской партіи. Въ началѣ слѣдующаго года Національное собраніе, согласно новой конституціи, выбрало четвертую часть сенаторовъ изъ своей среды. Благодаря солидарности всѣхъ республиканскихъ фракцій и разногласіямъ въ средѣ роялистовъ, республиканцамъ удалось провести большинство своихъ кандидатовъ. Этотъ новый успѣхъ республиканской партіи, правда, былъ до извѣстной степени парализованъ тѣмъ фактомъ, что въ большинствѣ сенаторскихъ коллегій одержали верхъ роялисты, благодаря чему въ итогѣ послѣдніе получили въ Сенатѣ нѣкоторый, правда незначительный, перевѣсъ. Вслѣдъ затѣмъ Національное собраніе разошлось, уступая мѣсто избранной на основаніи новой конституціи Палатѣ депутатовъ. На выборахъ въ Палату республиканцы одержали уже рѣшительную побѣду. Въ Палатѣ они составляли около двухъ третей всего состава. Роялистскому правительству было, разумѣется, довольно трудно ужиться съ республиканской Палатой. Опираясь на роялистское большинство Сената, Макмагонъ распустилъ, съ его согласія, Палату (въ маѣ 1877 г.), въ разсчетѣ, что новые выборы могутъ поправить дѣло. Однако на новыхъ выборахъ всѣ республиканскіе депутаты были вновь перезбраны. Послѣ этого Макмагону ничего не оставалось, какъ сложить съ себя президентство (въ декабрѣ 1878 г.).

Жюль Греви.

Въ преемники ему былъ выбранъ Національнымъ конгрессомъ одинъ изъ республиканскихъ лидеровъ Палаты депутатовъ, Жюль Греви (Jules Grévy, 1879—1887), который первымъ дѣломъ сформировалъ новое министерство изъ республиканцевъ. Первое частичное обновленіе Сената дало рѣшительный перевѣсъ республиканцамъ и въ верхней палатѣ (въ январѣ 1879 г.). Торжество республиканской партіи было полное: въ ея ру-

кахъ были, вмѣстѣ съ президентствомъ и министерствомъ, обѣ палаты. Республиканцы начали съ того, что, вопреки конституціи, перенесли резиденцію правительства и палатъ изъ ненавистнаго имъ, по связаннымъ съ нимъ роялистскимъ традиціямъ, Версаля въ Парижъ, „республиканизмъ“ котораго долженъ былъ служить моральной опорой молодому и еще не окрѣпшему республиканскому режиму.

Затѣмъ былъ проведенъ цѣлый рядъ законовъ, клонившихся къ упроченію республики и къ ослабленію монархическихъ элементовъ въ странѣ. Была возстановлена свобода печати и союзовъ (1881 г.), дополненная впослѣдствіи (въ 1901 г.) свободой союзовъ. Наоборотъ, была стѣснена педагогическая дѣятельность духовенства и различныхъ монашескихъ конгрегацій, оказывавшихъ черезъ свои школы сильное вліяніе на подростающее поколѣніе въ нежелательномъ съ республиканской точки зрѣнія смыслѣ. Именно, по почину республиканскаго министра народнаго просвѣщенія Жюля Ферри (1832—1893), былъ проведенъ въ 1880 г. законъ, воспрещавшій держать школы и заниматься дѣломъ воспитанія и обученія юношества не признаннымъ законами духовнымъ ассоціаціямъ. Такихъ ассоціацій („конгрегацій“) насчитывалось во Франціи до пятисотъ съ болѣе, чѣмъ двадцатью тысячами, членовъ. Когда Сенатъ, въ которомъ все еще преобладали консервативные элементы, отвергъ этотъ законъ, Ферри, опираясь на пришедшіе въ забвеніе, но не отмѣненные старые законы эпохи великой революціи противъ духовенства, закрылъ іезуитскія школы и запретилъ членамъ Общества Іисуса всякую дѣятельность во Франціи, а всѣмъ остальнымъ конгрегаціямъ предписалъ заручиться въ трехмѣсячный срокъ разрѣшеніемъ правительства на основанныя ими ранѣе школы и другія учрежденія. Для того чтобы окончательно вырвать у католическаго духовенства школу, служившую въ его рукахъ могучимъ орудіемъ идейнаго и моральнаго воздѣйствія на общество и на народныя массы, Ферри провелъ, въ 1882 г., законъ о всеобщемъ, безплатномъ и свѣтскомъ образованіи. Города и сельскія общества должны были организовать, при матеріальномъ содѣйствіи казны, достаточное количество начальныхъ школъ. Преподаваніе въ нихъ должно было имѣть чисто свѣтскій характеръ и находиться подъ контролемъ правительства. Духовенство было совершенно устранено отъ преподаванія въ этихъ школахъ, а традиціонное преподаваніе Закона Божія замѣнено преподаваніемъ „свѣтской морали“. Обученіе дѣтей въ этихъ школахъ было объявлено обязательнымъ для родителей, своего рода государственной повинностью, невы-

Жюль Ферри.

полненіе которой должно было влечь за собой опредѣленныя взысканія.

Частичный пересмотръ конституціи и упроченіе республики.

Нѣсколько позднѣе былъ произведенъ частичный пересмотръ конституціи 1875 г. Результатомъ этого пересмотра было уничтоженіе двойственности въ составѣ Сената. По мѣрѣ убыли пожизненныхъ сенаторовъ, ихъ вакансіи должны были замѣщаться на будущее время по выборамъ сенаторскими коллегіями, на равнѣ съ прочими сенаторами (1884 г.).

Окончательному упроченію республики во Франціи не мало способствовало также постепенное исчезновеніе претендентовъ на французскую корону. Принцъ Лун-Наполеонъ отправился въ 1879 г. въ Южную Африку, для того чтобы въ качествѣ добровольца сражаться въ рядахъ англійскихъ войскъ противъ туземнаго племени Зулу, и тамъ погибъ отъ руки этихъ дикарей. Легитимистскій кандидатъ, графъ Шамборъ (Генрихъ V) умеръ въ 1883 г. въ Австріи, не оставивъ потомства. Послѣ этого оставался лишь кандидатъ орлеанистовъ, графъ Парижскій; но его кандидатура не встрѣчала себѣ сочувствія среди легитимистовъ и не могла представлять серьезной опасности для республики. Оставшійся по смерти гр. Парижскаго, въ 1894 г., его сынъ, герцогъ Филиппъ Орлеанскій (род. въ 1869 г.), уже не заявлялъ оффиціально притязаній на французскій престолъ.

Тѣмъ не менѣе, республикѣ пришлось пережить во Франціи серьезный кризисъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Онъ связанъ съ именемъ генерала Буланже (Boulanger, 1837—1891) и извѣстенъ подъ названіемъ буланжистскаго движенія или буланжизма. Кризисъ этотъ разыгрался уже въ президентство преемника Греви, избраннаго въ концѣ 1887 г. Сади-Карно (Sadi-Carnot, внука знаменитаго дѣятеля эпохи великой революціи, о которомъ см. выше, выпускъ I, стр. 88). Проведенный въ 1886 г. въ военные министры радикалами, популярный генералъ Буланже принужденъ былъ въ слѣдующемъ году, вслѣдствіе побѣды умѣренныхъ республиканцевъ, выйти въ отставку. Его попытка попасть въ составъ новаго министерства потерпѣла неудачу. Напротивъ, Буланже попалъ въ опалу и былъ посланъ командовать армейскимъ корпусомъ въ одинъ изъ отдаленныхъ провинціальныхъ городовъ, Клермонъ-Ферранъ. Эта едва замаскированная ссылка, искусно эксплуатируемая самимъ Буланже и его многочисленными друзьями, лишь способствовала дальнѣйшему росту его популярности. Всякое появленіе опальнаго генерала въ публикѣ служило поводомъ къ овиціямъ по его адресу и къ анти-правительственнымъ демонстраціямъ.

Буланжистское движеніе.

Правительство дало отставку фрондирующему генералу, но тѣмъ лишь подогрѣло его популярность. Имя Буланже сдѣлалось вскорѣ центромъ единенія для всѣхъ недовольныхъ правительствомъ и существующимъ режимомъ элементовъ. Объединившіеся вокругъ популярнаго опальнаго генерала элементы эти образовали то, что̀ получило названіе буланжистской партіи. Сюда входили какъ монархисты различныхъ оттѣнковъ, такъ и значительная часть республиканцевъ, въ особенности такъ называемые націоналисты: такъ называла себя образовавшаяся незадолго передъ тѣмъ общественно-политическая группа, которая нападала на правительство за его недостаточно энергичную внѣшнюю политику и настаивала на „реваншѣ“ за неудачную войну 1870—1871 г., съ цѣлью отвоеванія у Германіи Эльзаса и Лотарингіи.

Сами буланжисты присвоили себѣ названіе ревизіонистовъ (révisionnistes), такъ какъ главнымъ пунктомъ своей программы буланжистская партія выставляла требованіе пересмотра (révision) конституціи. Это былъ какъ разъ такой лозунгъ, который всего лучше могъ объединить оппозиціонные элементы самыхъ разнообразныхъ типовъ и оттѣнковъ. Свою программу „ревизіонисты“ формулировали въ видѣ тройного девиза: роспускъ, пересмотръ, учредительное собраніе.

При выборахъ въ Палату депутатовъ въ началѣ 1889 г. Буланже выставилъ свою кандидатуру. Выборная кампанія была организована буланжистами на небывало широкую ногу; видно было, что молодая партія располагала крупными матеріальными средствами. Результатъ избирательной кампаніи былъ блестящій. Кандидатура Буланже прошла въ нѣсколькихъ департаментахъ и наконецъ въ самомъ Парижѣ. Общее впечатлѣніе было такое, что Буланже попытается использовать свою популярность съ цѣлью произвести переворотъ въ свою пользу и свергнуть правительство, а быть можетъ и республику. Однако въ послѣдній моментъ Буланже отступилъ передъ рѣшительнымъ шагомъ, а ободренное нерѣшительностью его и его приверженцевъ правительство постановило привлечь Буланже къ суду Сената по обвиненію въ противогосударственномъ заговорѣ. Тогда Буланже окончательно растерялся и бѣжалъ заграницу (въ Брюссель), чѣмъ сразу погубилъ свой престижъ и нанесъ рѣшительный моральный ударъ дѣлу своей партіи. А открывшаяся весной того же года всемірная выставка въ Парижѣ, совпавшая со столѣтней годовщиной начала великой революціи, отвлекла общественное вниманіе въ другую сторону. Два года спустя Буланже покончилъ самоубійствомъ (въ 1891 г.),

но можно сказать, что „буланжизмъ“ умеръ еще ранѣе. Какъ бы то ни было, но тотъ фактъ, что въ теченіе нѣкотораго времени почти всѣ во Франціи, не исключая и самого правительства, серьезно опасались переворота и вѣрили въ его возможность, довольно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени республика чувствовала въ ту пору мало обезпеченнымъ свое существованіе.

Президентство Сади-Карно (1887 — 1894) ознаменовалось крупнымъ событіемъ въ международной жизни Франціи: сближеніемъ съ Россіей, закончившимся (правда, уже при его преемникѣ) заключеніемъ формальнаго союза между обѣими державами (въ 1895 г.), чѣмъ былъ положенъ конецъ тому изолированному положенію, въ какомъ находилась Франція со времени пережитой ею въ 1870—1871 г. двойной катастрофы. Въ 1894 г. президентъ Сади-Карно палъ отъ руки итальянскаго анархиста Казеріо (24 іюня). Его преемникъ, Казимиръ Перье (Casimir Périer), сложилъ съ себя президентство погода спустя послѣ своего избранія (въ январѣ 1895), по причинамъ, оставшимся не вполнѣ выясненными.

Феликсъ Форъ.

Преемникъ его, Феликсъ Форъ (Félix Faure, 1895—1899), не дожилъ до окончанія семилѣтняго срока своего президентства, наиболѣе крупнымъ событіемъ котораго было завершеніе сближенія Франціи съ Россіей, чѣмъ значительно упрочилось международное положеніе Франціи, въ особенности по отношенію къ Германіи.

Эмиль Лубэ.

Преемникъ Феликса Фора, Эмиль Лубэ (Emile Loubet, 1899—1906), бывшій передъ тѣмъ президентъ Сената, былъ вторымъ изъ президентовъ третьей республики, пробывшихъ полные семь лѣтъ на своемъ посту. Послѣ него въ президенты республики

Фальеръ.

былъ избранъ президентъ Сената Фальеръ (Fallières) (въ февралѣ 1906 г.), продолжающій понынѣ занимать этотъ постъ. Важнѣйшимъ событіемъ внутренней политики Франціи за время президентства Лубэ и Фальера является окончательный разрывъ между третьей республикой и католическою церковью, выразившійся въ отмѣнѣ заключеннаго Наполеономъ конкордата съ папской куріей [1]) и полнымъ отдѣленіемъ церкви отъ государства во Франціи. Съ самаго начала третьей республики взаимныя отношенія между правительствомъ и церковью во Франціи были, какъ мы видѣли, довольно натянутыми. Французское духовенство и стоявшая за нимъ папская курія относились съ безусловнымъ отрицаніемъ къ республикѣ, чѣмъ дали право республиканскому правительству смотрѣть на себя, какъ на непріятельскій лагерь. „Клерикализмъ,

Окончательный разрывъ между церковью и государствомъ во Франціи.

[1]) См. выпускъ I, стр. 72.

вотъ — настоящій непріятель!" — воскликнулъ какъ-то въ Палатѣ одинъ изъ наиболѣе выдающихся лидеровъ республиканской партіи, Гамбетта. И какъ только республика почувствовала подъ собой достаточно прочную почву, она немедленно объявила войну „клерикализму". Первымъ шагомъ на этомъ пути были тѣ направленныя противъ католическихъ конгрегацій мѣры Жюля Ферри, о которыхъ намъ приходилось уже говорить. Этими мѣрами былъ нанесенъ конгрегаціямъ, и въ частности ихъ школамъ, тяжелый ударъ. Ударъ этотъ, однако, вопреки разсчетамъ правительства, далеко не былъ смертельнымъ. Несмотря на признанную закономъ обязательность казенной свѣтской школы, конгрегаціи продолжали не безъ успѣха конкуррировать съ ней; случалось нерѣдко, что „свободная школа" конгрегаціи имѣла больше учащихся, чѣмъ находящаяся рядомъ съ ней, въ той же „коммунѣ", казенная школа. Преслѣдовать судомъ родителей, уклонявшихся отъ посылки своихъ дѣтей въ казенныя школы, правительство не рѣшалось, изъ опасенія вызвать возбужденіе въ широкихъ слояхъ населенія, легко могшее повести къ большимъ непріятностямъ для правительства, при наличности режима всеобщаго голосованія. Запретить педагогическую дѣятельность католическимъ ассоціаціямъ, легализованнымъ на основаніи закона о союзахъ и обществахъ, а также на основаніи тѣхъ правъ, которыя были признаны за католическою церковью во Франціи конкордатомъ 1801 г., — было нельзя. Въ виду этого, болѣе рѣшительные республиканцы („радикалы") стали настаивать на болѣе энергичныхъ законодательныхъ мѣрахъ противъ конгрегацій, вплоть до уничтоженія конкордата и полнаго отдѣленія церкви отъ государства. Въ этомъ вопросѣ радикалы нашли себѣ рѣшительную поддержку со стороны всѣхъ соціалистскихъ фракцій. Въ первые годы нашего столѣтія эта радикально-соціалистская агитація вступила на путь правительственнаго и законодательнаго осуществленія своихъ цѣлей. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ радикальнымъ министерствомъ Комба (Combes), которое въ 1902 г. издало декретъ о закрытіи всѣхъ католическихъ ассоціацій, которыя не заручатся признаніемъ правительства въ теченіе опредѣленнаго срока. Когда же къ назначенному сроку огромное количество конгрегацій обратилось къ правительству съ ходатайствомъ о такомъ признаніи, то правительство отвѣтило отказомъ, а Палата, большинство которой принадлежало къ радикально-соціалистскому блоку, одобрила поведеніе правительства (правда, лишь незначительнымъ большинствомъ—300 противъ 257). Опираясь на этотъ вотумъ Палаты,

правительство Комба закрыло всѣ учрежденія конгрегацій, а принадлежавшую имъ недвижимость конфисковало. Во многихъ мѣстахъ эта мѣра вызвала сопротивленіе со стороны мѣстнаго населенія и примѣненіе вооруженной силы со стороны администраціи.

Ухудшившіяся, вслѣдствіе этой рѣзко-антиклерикальной политики радикальнаго министерства, взаимныя отношенія между третьей республикой и папской куріей сдѣлались еще болѣе натянутыми послѣ того, какъ по смерти Льва XIII (20 іюля 1903 г.), державшагося примирительной политики по отношенію къ республиканской Франціи [1]), на папскій престолъ вступилъ кандидатъ Австріи и тройственнаго союза, Пій X (продолжающій понынѣ занимать престолъ св. Петра). Въ маѣ 1904 г. французское правительство отозвало своего посланника при Ватиканѣ и порвало всякія оффиціальныя сношенія съ папской куріей, а въ іюлѣ того же года провело въ палатахъ законъ о совершенномъ упраздненіи французскаго посольства при Ватиканѣ, послѣ чего и папа отозвалъ своего нунція изъ Парижа. Послѣ этого оставался лишь одинъ шагъ до полнаго отдѣленія церкви отъ государства, къ чему сознательно, какъ мы видѣли, стремилось опиравшееся на радикально-соціалистскій блокъ радикальное министерство. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ смѣнившимъ кабинетъ Комба министерствомъ Рувье (Rouvier), въ формѣ закона, вотированнаго Палатой депутатовъ 3 іюля 1905 г. и принятаго Сенатомъ 6 декабря того же года. Основныя положенія этого закона объ отдѣленіи церкви отъ государства заключались въ слѣдующемъ. Государство отказывалось на будущее время выплачивать католическимъ священникамъ казенное содержаніе, установленное Учредительнымъ собраніемъ въ эпоху великой революціи, взамѣнъ отобранныхъ въ казну церковныхъ имуществъ (въ 1790 г.). Церкви, церковные дома, зданія духовныхъ семинарій и другихъ церковныхъ учрежденій, со всею находящеюся въ нихъ обстановкою, и вообще всѣ церковныя имущества отбирались въ казну безъ всякаго вознагражденія. Католическимъ ассоціаціямъ предоставлялось арендовать у государства церковныя зданія, на условіяхъ, выработанныхъ правительствомъ. Папа Пій X призналъ недопустимымъ новый порядокъ, ставившій католическое богослуженіе въ зависимость отъ изволенія свѣтской власти, вдобавокъ — враждебной католичеству, а французское ду-

Законы 1905 и 1907 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства

[1]) Онъ, несмотря на сопротивленіе большинства французскаго духовенства, призналъ оффиціально республику, какъ законный порядокъ во Франціи, и предписалъ французскому духовенству включить въ богослуженіе молитву за республику: Domine, salvam fac Rempublicam!

ховенство отказалось подчиниться не признанному папой закону. Тогда правительство выслало изъ Франціи оставшагося въ Парижѣ, послѣ отозванія нунція, дипломатическаго агента папской куріи, а французскихъ епископовъ, священниковъ, монаховъ и монахинь, не желавшихъ подчиниться новому порядку, выдворило изъ ихъ помѣщеній при помощи полицейской и воинской силы. Въ виду встрѣтившихся на практикѣ, при осуществленіи закона 1905 г., серьезныхъ затрудненій, онъ былъ дополненъ и видоизмѣненъ новыми законами, 21 декабря 1907 г., въ томъ смыслѣ, что церковныя зданія передавались государствомъ въ собственность городскимъ и сельскимъ общинамъ, которымъ предоставлялось сдавать эти зданія въ аренду католическимъ ассоціаціямъ или же давать имъ другое назначеніе (многія церкви были обращены въ школы); что касается церковныхъ земель, то онѣ передавались въ собственность департаментовъ, въ цѣляхъ использованія ихъ для надобностей общественнаго призрѣнія.

Законами 1905—1907 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства завершилось болѣе, чѣмъ вѣковая борьба между государствомъ и церковью во Франціи, начавшаяся въ эпоху великой революціи [1]).

XVI. Международныя отношенія новѣйшей Европы.

Источники и литература

I. Изданія архивныхъ документовъ для времени послѣ 1870 г. пока нѣтъ. Документальные источники ограничиваются различными оффиціальными сборниками дипломатическихъ документовъ, публикуемыхъ правительствами: это такъ называемыя „синія книги“ въ Англіи, „желтыя“ во Франціи, „бѣлыя“ въ Германіи, „зеленыя“ въ Италіи. Ежегодный указатель публикуемыхъ „книгъ“ печатается въ Англіи подъ заглавіемъ Index to reports of His Majesty's diplomatic and consular representatives abroad and trade of subjects of general interests (London). Для ориентировки во внѣшнихъ фактахъ политической исторіи послѣднихъ лѣтъ могутъ служить издаваемыя на различныхъ языкахъ ежегодники: Schulthess. Europäscher Geschichtskalender; Wippermann. Politische Geschichte der Gegenwart; Daniel. L'Année politique; Annual Register, etc. Отдѣльные дипломатическіе документы печатаются въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: Archives diplomatiques, Mémorial diplomatique, Revue diplomatique et consulaire, Revue général de droit internationale et de législation comparée, etc.—II. Записки и переписка современниковъ: Thiers. Notes et souvenirs. Paris, 1903; Gambetta et Spuller. Correspondance („Revue de Paris“, 1900); marquis de Gabriac. Souvenirs diplomatiques, Occupation et liberation du territoire. Correspondance. 2 vol. Paris, 1903; Hahn. Fürst Bismarck, sein politisches Leben und Wirken (собраніе оффиціальныхъ документовъ). Berlin, 1892; Effendi

[1]) См. выше, выпускъ I, стр. 70—71.

Noradounghian. Recueil d'actes internationaux de l'Empire ottoman. Paris, 1898.—III. Изъ историческихъ сочиненій, кромѣ указанныхъ ранѣе общихъ и спеціальныхъ сочиненій по новѣйшей исторіи З. Европы, болѣе спеціальнымъ образомъ относятся къ настоящему отдѣлу: Debidour. Histoire diplomatique de l'Europe. 2 vol. Paris, 1891; E. Bourgeois. Manuel historique de politique étrangère. 3 vol. Paris, 1898—1905; Valfrey. Histoire du traité de Francfort. 2 vol. Paris, 1874; Oncken. Das Zeitalter des Kaisers Wilhelms I 2 Bde. 1890. E. Hippeau. Histoire diplomatique de la troisième République. Paris, 1889; A. d'Avril. Négociations relatives au traité de Berlin. Paris, 1875—1886; B. Brunswick. Le traité de Berlin annoté et commenté. Paris, 1878; A. Bourguet. La France et l'Angleterre en Egypte. Paris, 1897; duc de Broglie. La mission de M. de Gontaut-Biron à Berlin (1872—1878). Paris, 1896; Georgiadès. La Turquie actuelle. Paris, 1892; L. Léger. La Save, le Danube et les Balkans; De Caix de Saint-Aymour. La Bosnie et l'Herzegovine après l'occupation austro-hongroise. Paris, 1884; Bosnien unter oesterreichisch-hungar. Verwaltung. Leipzig, 1886; Кораблевъ. Боснія и Герцеговина, ихъ прошлое и настоящее. 1908; Андрэ Барръ. Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. 1909; Max Choublier. La question d'Orient depuis le traité de Berlin. Paris, 1897; E. Simon. L'Empereur Guillaume I et son règne. Paris, 1886; E. Simon. L'Allemagne et la Russie au XIX s. Paris, 1893; E. de Cyon. Histoire de l'entente franco-russe. Documents et souvenirs. Paris, 1895; F. Maurice. La politique extérieure de la République française Paris, 1881; Edmond Scherer. L'alarme de 1875 (Revue Bleu, 1897); E. Daudet. Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe. Paris. 1894.—IV. О милитаризмѣ и вооруженномъ мирѣ: Фишеръ. Милитаризмъ. 1903; Ферреро. Милитаризмъ и современное общество. 1900; Wiede. Der Militarismus. 1877; В. В. Милитаризмъ и капитализмъ („Рус. Мысль“ 1887); Мануиловъ. Милитаризмъ и капитализмъ („Юрид. Вѣстникъ“ 1890); И. Бліохъ. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. 1898; Schäffle. Der nächste Krieg in Zahlen. 1887; Steinmetz. Philosophie des Krieges. 1907; П. Ардашевъ. Философія войны („Русское Богатство“, октябрь 1895).

Международныя отношенія послѣ 1870 г.

Измѣненія, внесенныя въ политическую карту Европы войнами 1859, 1864, 1866 и 1870—1871 гг.

Европейскія войны 1859, 1864, 1866 и 1870—1871 г., прежде всего, закончили выработку политической карты современной Европы, за исключеніемъ, впрочемъ, Балканскаго полуострова, гдѣ политическія границы продолжаютъ находиться въ состояніи большой неустойчивости въ связи съ перипетіями восточнаго вопроса. Войны 1866—1871 г. закончили послѣднія и наиболѣе существенныя изъ тѣхъ поправокъ, которыя начавшееся въ эпоху наполеоновскихъ воинъ національное движеніе въ Европѣ начало вносить въ картографическую работу вѣнскаго конгресса. Результатомъ этихъ поправокъ, общая тенденція которыхъ заключалась въ стремленіи къ приведенію политическихъ границъ въ возможно полное соотвѣтствіе съ границами національно-этнографическими, было, съ одной стороны—возникновеніе цѣлаго ряда второстепенныхъ націо-

нальныхъ государствъ, частью возникшихъ путемъ дѣленія, какъ Бельгія и Голландія, частью путемъ выдѣленія изъ состава поглощавшаго ихъ болѣе обширнаго политическаго тѣла, какъ Греція, Румынія, Сербія и Болгарія, выдѣлившіяся изъ состава Оттоманской имперіи.

Но еще важнѣе, по своему значенію для европейской исторіи, было объединеніе въ два крупныхъ политическихъ тѣла двухъ до тѣхъ поръ политически разрозненныхъ націй центральной Европы: итальянской и германской.

Со вступленіемъ объединенной Италіи въ семью великихъ державъ и съ образованіемъ въ центрѣ Европы могущественной Германской имперіи на мѣсто непрочнаго Сѣверно-германскаго союза, подверглось рѣзкому нарушенію установившееся до этого соотношеніе международныхъ силъ, или, выражаясь языкомъ дипломатіи, международное европейское равновѣсіе. Австрія, которая послѣ вѣнскаго конгресса заняла, какъ мы видѣли, преобладающее положеніе на континентѣ З. Европы, и Франція, которыя во время второй имперіи пыталась возвратить себѣ былую руководящую роль въ международной жизни Европы, принуждены были, первая послѣ своихъ военныхъ неудачъ 1859—1866 г., вторая — послѣ военной катастрофы 1870—1871 г., уступить первенствующую роль вновь возникшей Германской имперіи, организовавшейся подъ гегемоніей Пруссіи за счетъ Австріи и Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, центръ тяжести международной жизни З. Европы рѣзко перемѣстился изъ Вѣны и Парижа въ Берлинъ. Первые годы послѣ франкфуртскаго мира были особенно благопріятны для упроченія международной гегемоніи Германіи, благодаря тому, что, обезсиливъ своего традиціоннаго противника въ лицѣ Франціи, Германія успѣла привлечь на свою сторону старую соперницу свою въ лицѣ Австріи. Если вооруженная борьба съ Пруссіей оказалась не подъ силу Австріи до образованія Германской имперіи, то событія 1871 г. отнимали у ней всякую надежду на возможность возобновить съ успѣхомъ свое старинное соперничество съ Пруссіей, которая отнынѣ располагала силами цѣлой имперіи. Было благоразумнѣе и выгоднѣе, примирившись съ совершившимся фактомъ, постараться извлечь изъ него всю возможную для себя пользу въ будущемъ. Такъ, именно, и поступила Австрія. Вытѣсненная изъ Италіи, „выгнанная“ изъ Германіи, монархія Габсбурговъ перенесла центръ тяжести своихъ международныхъ интересовъ съ сѣвера и запада на югъ и востокъ, къ постелѣ „больного человѣка“, изъ наслѣдства котораго

Перемѣщеніе центра тяжести международной жизни Европы.

она могла разсчитывать урвать кое-какую „компенсацію“ за свои территоріально-политическія потери на юго-западѣ и морально-политическія на сѣверѣ. Но на этомъ пути Австріи предстояло натолкнуться на противодѣйствіе другихъ заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ державъ, и прежде всего—Россіи. Мощная поддержка Берлина, лично не заинтересованнаго тогда въ дѣлахъ Востока, могла въ этомъ случаѣ оказаться драгоцѣнной для Вѣны. Независимо отъ этихъ соображеній, стремленіе Вѣны къ сближенію съ Берлиномъ вытекало изъ инстинктивнаго тяготѣнія правящаго нѣмецкаго меньшинства Габсбургской монархіи къ великой нѣмецкой державѣ. Австрія, съ своей стороны, могла оказаться полезной для Германіи въ качествѣ противовѣса вліянію Россіи. На этой почвѣ уже въ 1871 г. произошло сближеніе между Берлиномъ и Вѣной, являющееся съ тѣхъ поръ и вплоть до нашихъ дней основою иностранной политики обоихъ кабинетовъ.

Въ Россіи, частью подъ вліяніемъ естественной жалости къ разгромленной и униженной Франціи, съ которой насъ соединяло издавна столько культурныхъ нитей, частью вслѣдствіе проявленной ея побѣдителями грубости въ способѣ веденія войны и безжалостнаго отношенія къ побѣжденной странѣ, общественное мнѣніе было неблагопріятно къ Пруссіи и къ ставшей подъ ея ферулу Германіи. Кромѣ того, объединеніе Германіи, являвшееся крупнымъ шагомъ къ осуществленію пангерманскихъ стремленій, вызвало нѣкоторую тревогу въ широкихъ кругахъ русскаго общества, какъ угроза всему славянскому міру. Но благодаря родству и старинной личной дружбѣ Александра II съ Вильгельмомъ I и традиціоннымъ добрососѣдскимъ отношеніямъ между Россіей и Пруссіей, оффиціальныя отношенія между Петербургомъ и Берлиномъ продолжали и послѣ 1871 г. сохранять свой дружественный характеръ. При содѣйствіи Берлина, мало-по-малу произошло также сближеніе между Петербургомъ и Вѣной. Въ результатѣ взаимнаго сближенія трехъ кабинетовъ, въ сентябрѣ 1872 г. состоялось въ Берлинѣ свиданіе трехъ императоровъ и ихъ министровъ. Это сближеніе, названное современниками союзомъ трехъ императоровъ (хотя въ дѣйствительности формальнаго союзнаго договора не было заключено), сдѣлался, какъ въ свое время Священный Союзъ, заключенный по почину предковъ трехъ императоровъ, главнымъ „оплотомъ европейскаго мира“, какъ любили выражаться дипломаты,—вплоть до русско-турецкой войны 1877—1878 г., которой этотъ „оплотъ“ оказался не въ состояніи пре-

«Союзъ трехъ императоровъ».

дотвратить. Напротивъ, самъ „союзъ трехъ императоровъ“ получилъ при этомъ такой ударъ, послѣ котораго не могъ уже долго устоять. Уже a priori можно было ожидать, что установившееся, при посредствѣ Берлина, соглашеніе между Вѣной и Петербургомъ не выдержитъ испытанія, разъ на сцену выдвинется восточный вопросъ, въ которомъ интересы Россіи и Австріи сталкивались въ непримиримомъ противорѣчіи. Дѣйствительно, лишь только Россія объявила войну Турціи, Вѣна не замедлила повернуться спиной къ Петербургу, а когда раздавленная русскимъ оружіемъ Турція принуждена была по санъ-стефанскому миру (3 марта 1878 г.) признать независимость Сербіи, Черногоріи, Румыніи и Болгаріи (съ присоединеніемъ къ ней Македоніи), то Австрія стала недвусмысленно бряцать оружіемъ по адресу Россіи, поощряемая къ тому же Англіей, которая обѣщала Турціи поддержку своего флота, въ случаѣ занятія русскими Константинополя, выговоривши себѣ при этомъ за обѣщанную услугу вознагражденіе натурой въ видѣ о. Кипра. Истощенная войной, стоившей ей полтора милліарда рублей и сотни тысячъ людей, Россія вынуждена была, скрѣпя сердце, согласиться на пересмотръ санъ-стефанскаго мира великими державами. На состоявшемся въ Берлинѣ, въ іюнѣ и іюлѣ 1878 г., международномъ конгрессѣ представителей шести великихъ державъ и Турціи, подъ предсѣдательствомъ Бисмарка, Россія встрѣтилась съ явной враждебностью одного изъ своихъ „союзниковъ“, Австріи, открыто поддерживавшей Турцію, и съ скрытымъ недоброжелательствомъ другого, Германіи. Въ результатѣ Россія вынуждена была подписать выработанный державами берлинскій трактатъ, урѣзывавшій въ пользу Турціи и въ ущербъ освобожденнымъ русскою кровью и русскими милліардами балканскимъ славянамъ, результаты русскихъ побѣдъ, закрѣпленные санъ-стефанскимъ миромъ. Въ то же время Австрія не пролившая ни капли крови, не потратившая ни одного гульдена на Балканахъ, благодаря дружественному содѣйствію Германіи, получила двѣ обширныя турецкія области, Боснію и Герцеговину. Правда, присоединеніе это разсматривалось дипломатами берлинскаго конгресса лишь какъ временная оккупація, впредь до полнаго умиротворенія оккупированныхъ областей, и съ оговоркой относительно неприкосновенности „суверенныхъ правъ султана“; но всѣ эти ограничительныя оговорки имѣли лишь значеніе красиваго плаща для прикрытія вовсе некрасиваго въ своей наготѣ дѣла; что всѣ эти ограничительныя оговорки не имѣли никакого реальнаго значенія, это Австрія сама наглядно доказала тридцать

лѣтъ спустя, превративши захватнымъ правомъ временную оккупацію въ постоянную „аннексію“ (въ 1908 г.).

Распаденіе «союза трехъ императоровъ» и новая группировка державъ.

Если послѣдняя русско-турецкая война положила конецъ „соглашенію“ между Петербургомъ и Вѣной, то берлинскій конгрессъ посѣялъ охлажденіе между Петербургомъ и Берлиномъ, обнаруживъ не только передъ русскимъ обществомъ, но и передъ тяготѣвшимъ по традиціи къ Берлину правительствомъ русскимъ всю цѣну германской дружбы.

Распаденіе „союза трехъ императоровъ“ имѣло своимъ послѣдствіемъ новую группировку великихъ державъ, которая, несмотря на частичныя колебанія, продолжаетъ съ тѣхъ поръ, вплоть до нашего времени, служить основой европейскаго равновѣсія. Эта новая группировка заключается въ раздѣленіи пяти великихъ державъ европейскаго континента на два лагеря: тройственный союзъ между Германіей, Австріей и Италіей—съ одной стороны, двойственный союзъ между Россіей и Франціей—съ другой. Оба эти союза окончательно сформировались лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ берлинскаго конгресса и подъ его непосредственнымъ вліяніемъ; но первые зародыши этой новой международной группировки замѣчаются еще въ эпоху возникновенія „союза трехъ императоровъ“. На послѣдній можно смотрѣть лишь какъ на временное недоразумѣніе, которое было разсѣяно русско-турецкой войной и берлинскимъ конгрессомъ. Тройственный и двойственный союзъ въ сущности лишь осуществляли ту группировку, которая намѣчалась сейчасъ послѣ франко-германсвой войны.

Происхожденіе тройственнаго союза.

Съ одной стороны, Италія, въ силу того принципа, что „съ побѣжденнымъ въ союзъ не вступаютъ“ [1]), окончательно отвернулась отъ Франціи, которая ей больше не была нужна, и повернула свои взоры къ побѣдителямъ. Союзъ съ Германіей и Австріей давалъ Италіи надежду возвратить уступленныя Франціи области „пескупленной“ Италіи. Съ Австріей у Италіи произошло сближеніе, какъ мы видѣли, еще до франко-германской войны. Послѣ этой войны произошло сближеніе также и съ Германіей, для которой Италія, въ качествѣ непосредственной сосѣдки Франціи, являлась вполнѣ желанной союзницей. Сближеніе это нашло себѣ выраженіе, независимо отъ дипломатическихъ преговоровъ, въ посѣщеніи Берлина наслѣдникомъ итальянскаго престола (и будущимъ королемъ) Гумбертомъ въ маѣ 1872 г., затѣмъ въ посѣщеніи самимъ

[1]) См. выше, стр. 131.

королемъ Викторомъ-Эммануиломъ Вѣны и Берлина въ 1873 г. Такимъ образомъ, на ряду съ „союзомъ трехъ императоровъ“ установилось параллельно тройственное сближеніе между Берлиномъ, Вѣной и Римомъ. Это сближеніе и являлось настоящимъ зародышемъ тройственнаго союза— за десять лѣтъ до его окончательнаго формальнаго завершенія. Первоначально формальный союзъ былъ заключенъ въ октябрѣ 1879 г. между Германіей и Австріей. Этотъ союзъ, державшійся долгое время въ секретѣ, былъ направленъ спеціально противъ Россіи. Сущность его заключалась въ обязательствѣ взаимной защиты въ случаѣ нападенія Россіи на одного изъ союзниковъ.

Что касается Италіи, то ея отношеніе къ Берлину и Вѣнѣ въ первые годы послѣ франко-германской войны имѣло характеръ сближенія, но безъ всякихъ взаимныхъ обязательствъ. Это обстоятельство позволило Италіи не только сохранить свои добрососѣдскія отношенія съ Франціей, но и сблизиться съ послѣдней къ концу семидесятыхъ годовъ. Но съ начала восьмидесятыхъ годовъ во взаимныхъ отношеніяхъ между обѣими сосѣдними державами произошло значительное охлажденіе вслѣдствіе того, что Франція, въ виду участившихся разбойничьихъ набѣговъ на Алжиръ со стороны пограничныхъ съ Тунисомъ кочевниковъ, заняла, въ маѣ 1881 г. (съ согласія Бисмарка), Тунисъ, на который Италія также имѣла свои виды. Результатомъ этого было болѣе тѣсное сближеніе Италіи съ Германіей и Австріей, выразившееся внѣшнимъ образомъ въ посѣщеніи королемъ Гумбертомъ I Вѣны (1881 г.), потомъ Берлина (въ 1882 г.) и, наконецъ, въ заключеніи формальнаго союза между тремя державами (въ маѣ 1881 г.). Тройственный союзъ, заключенный первоначально на нѣсколько лѣтъ, былъ затѣмъ возобновленъ въ 1887 г. и потомъ продолжалъ съ тѣхъ поръ возобновляться безъ перерыва.

Происхожденіе двойственнаго союза

Отвѣтомъ на тройственный союзъ, направленный противъ Россіи и Франціи, былъ двойственный союзъ между этими обѣими державами. Но подобно тройственному, франко-русскій союзъ точно также пережилъ довольно продолжительную подготовительную стадію, прежде чѣмъ завершиться въ формѣ оффиціальнаго дипломатическаго акта. Начало его коренится въ тѣхъ же событіяхъ, что и начало тройственнаго союза, то-есть во франко-германской войнѣ 1870—1871 г. Отношенія между Россіей и нео-наполеоновской Франціей были неизмѣнно холодными, но разгромъ Франціи и возникновеніе Германской имперіи вызвали

въ Россіи крутой поворотъ въ сторону Франціи, какъ со стороны русскаго общества, такъ и со стороны петербургскаго правительства. Русскій канцлеръ кн. Горчаковъ, послѣ франкфуртскаго мира, заявилъ Тьеру о рѣшимости Россіи поддерживать Францію, какъ необходимый противовѣсъ новой грозной международной силѣ въ лицѣ объединенной и побѣдоносной Германіи. Попытки Бисмарка воспрепятствовать энергично начатой во Франціи работѣ возстановленія національной обороны были парализованы вмѣшательствомъ Россіи. „Намъ нужна сильная Франція"—заявилъ кн. Горчаковъ французскому послу въ Берлинѣ, во время свиданія трехъ императоровъ (въ сентябрѣ 1872 г.). Бисмаркъ, недовольный тѣмъ, что Франція такъ быстро оправилась отъ разгрома и уже начинала мечтать о „реваншѣ", собирался новымъ ударомъ доконать ее, прежде чѣмъ она успѣетъ закончить свою военную реорганизацію. Весной 1875 г. Бисмаркъ явно готовилъ ударъ и началъ, видимо, вести дѣло къ дипломатическому разрыву съ Франціей. Чувствуя себя неготовой къ новой боробѣ съ Германіей, Франція обратилась за поддежкой въ Петербургъ и Лондонъ. Россія и Англія энергично вступились за Францію, а императоръ Александръ II не скрылъ даже своей рѣшимости поддержать, въ случаѣ нужды, оружіемъ Францію. Тогда Бисмаркъ показалъ видъ, что у него и въ умѣ не было вызвать конфликтъ съ Франціей,— что все это—не болѣе, какъ недоразумѣніе. Какъ бы то ни было, важно то, что это былъ первый случай вполнѣ реальнаго проявленія подсказанной дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, хотя пока еще и не оформленной въ видѣ союза, международной солидарности между Россіей и Франціей.

Болѣе тѣсному и прочному сближенію между Россіей и Франціей препятствовало недовѣріе русскаго правительства къ республиканскому режиму и неувѣренность въ устойчивости французской политики, поставленной въ зависимость отъ капризовъ и сюрпризовъ всеобщаго голосованія; въ республиканской Франціи также существовало недовѣрчивое отношеніе къ русскому монархическому абсолютизму. Этого взаимнаго недовѣрія не могло долгое время побѣдить даже возникновеніе явно направленнаго противъ Россіи и Франціи тройственнаго союза. Но очевидный, настойчиво подсказываемый положеніемъ вещей взаимный интересъ создалъ въ концѣ концовъ настолько сильное теченіе въ пользу франко-русскаго сближенія въ общественномъ мнѣніи обѣихъ странъ, что наконецъ и оба правительства рѣшились сдѣлать шагъ ко взаимному сближенію. Внѣшнимъ образомъ послѣднее выразилось сна-

чала въ посѣщеніи Кронштадта французской военной эскадрой въ іюлѣ 1891 г. Прибытіе французской эскадры вызвало всеобщій и бурный энтузіазмъ въ Петербургѣ и послужило первой громкой манифестаціей „франко-русской дружбы“. Царь Александръ III, пославшій по этому случаю телеграмму президенту французской республики съ выраженіемъ „глубокихъ симпатій, связывающихъ Россію съ Франціей“, и приказавшій въ своемъ присутствіи играть Марсельезу (считавшуюся у насъ запрещеннымъ революціоннымъ гимномъ), сдѣлался сразу самымъ популярнымъ человѣкомъ въ республиканской Франціи. Отвѣтный визитъ русской эскадры въ Тулонъ, въ октябрѣ 1893 г., вызвавшій небывалый энтузіазмъ во Франціи, окончательно закрѣпилъ „дружбу“ или, какъ выражались дипломаты, „сердечное соглашеніе“ (entente cordiale) между обѣими державами. Сущность этого соглашенія, равно какъ и его форма, держались и до сихъ поръ продолжаютъ держаться въ секретѣ обоими правительствами; впрочемъ, что касается формы, то начиная съ 1895 г. терминъ „франко-русскій союзъ“ получилъ право гражданства въ оффиціальномъ языкѣ обоихъ правительствъ. Въ октябрѣ (по нов. ст.) 1896 г. царь Николай II, во время своего посѣщенія Парижа, выразился въ своемъ тостѣ о Россіи и Франціи, какъ о „дружественныхъ и союзныхъ націяхъ“ (nations amies et alliées). Слово „союзъ“ было затѣмъ повторено и президентомъ Феликсомъ Форомъ, во время посѣщенія имъ Россіи въ 1897 г. Что касается сущности обоюдныхъ обязательствъ Россіи и Франціи, то во время русско-японской войны 1904—1905 г. выяснилось, что каждая изъ сторонъ обязана оказывать другой вооруженную поддержку только въ случаѣ нападенія на послѣднюю со стороны двухъ или болѣе державъ одновременно.

Оба союза, тройственный и двойственный, продолжаютъ служить до настоящаго времени основой европейскаго равновѣсія и даже оказываютъ свое вліяніе на международныя отношенія далеко за предѣлами Европы.

Англія и «тройственное соглашеніе».

Что касается Англіи, то благодаря своему островному положенію, и значенію самой сильной морской державы, она имѣла возможность въ теченіе долгаго времени не связывать себя союзами или соглашеніями, предпочитая сохранять себѣ полную свободу дѣйствій и, смотря по обстоятельствамъ, поддерживать то двойственный, то тройственный союзъ. Одно время дипломатическія столкновенія Англіи съ Франціей на почвѣ колоніальной политики обѣихъ державъ, и съ Россіей на почвѣ восточной и дальне-восточной политики, толкали ее въ сторону тройственнаго союза;

но въ послѣднее время все болѣе и болѣе обнаруживающаяся „германская опасность“, заключающаяся въ быстромъ ростѣ промышленнаго, торговаго, колоніальнаго и морского могущества Германіи, угрожающемъ вѣковой торгово-промышленной и военно-морской супрематіи Англіи, побудила послѣднюю измѣнить курсъ своей внѣшней политики—въ сторону сближенія съ обѣими державами двойственнаго союза, Франціей и Россіей. Сближеніе это вылилось въ послѣднее время въ формѣ „соглашенія“ (entente cordiale), заключеннаго Англіей сначала съ Франціей, а потомъ и съ Россіей. Такимъ образомъ, двойственный союзъ получилъ подкрѣпленіе въ „тройственномъ соглашеніи“.

Вооруженный миръ.

Рость европейскихъ вооруженій послѣ 1870 г.

Франко прусская война 1870—1871 г. была послѣднимъ военнымъ столкновеніемъ между великими державами въ Европѣ. Установившійся съ тѣхъ поръ международный миръ въ Европѣ не прерывался, если не считать полу-европейской русско-турецкой войны 1877—1878, двухъ вооруженныхъ стычекъ на Балканскомъ полуостровѣ—между Болгаріей и Сербіей (въ 1885 г.), потомъ между Грецiей и Турціей (въ 1897 г.), а также внѣ-европейской русско-японской войны (1904—1905 г.). Никогда еще Европа не переживала столь продолжительнаго періода мира. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда, даже въ самый разгаръ наполеоновскихъ войнъ, Европа не походила болѣе, чѣмъ теперь, на военный лагерь; никогда она не была до такой степени переполнена солдатами, ощетинена штыками, начинена порохомъ съ оставившими его позади новѣйшими взрывчатыми веществами: пироксилиномъ, динамитомъ, мелинитомъ и тому подобными, неизвѣстными прежде взрывчатыми веществами страшной разрушительной силы. Въ самый разгаръ наполеоновскихъ войнъ европейскія арміи далеко не достигали тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ онѣ достигаютъ въ настоящее время, при полномъ международномъ мирѣ. Достаточно сказать, что численность содержимаго пятью великими державами континента армій въ мирномъ составѣ доходитъ въ настоящее время до трехъ милліоновъ и болѣе, а въ военное время эта цифра можетъ быть учетверена. Международный миръ, водворившійся въ Европѣ послѣ войны 1870—1871 г., не походитъ на миръ добраго стараго времени; это миръ совершенно особаго рода: это—вооруженный миръ. И своей продолжитель-

ностью этотъ миръ обязанъ въ значительной степени, именно, тому, что онъ вооруженный.

Система вооруженнаго мира является непосредственнымъ слѣдствіемъ франко-германской войны. Когда принятая еще въ началѣ XIX в. въ Пруссіи система всеобщей воинской повинности была послѣ 1871 г. распространена на всю Германскую имперію, это дало ей возможность довести численность своей арміи до небывалыхъ размѣровъ. Для упроченія завоеваннаго положенія и въ частности—для предотвращенія всякой возможности реванша со стороны побитой и обобранной Франціи, Германія считала нужнымъ держать постоянно наготовѣ огромную армію. Но непомѣрный ростъ военной силы Германіи, естественно, заставилъ и Францію, а вслѣдъ за нею и другія державы, увеличить въ соотвѣтствующей пропорціи свои военныя силы и для этого ввести у себя, по примѣру Германіи, всеобщую воинскую повинность. Соревнованіе державъ приводило къ тому, что каждое новое увеличеніе боевыхъ силъ одной державы влекло за собой соотвѣтствующее увеличеніе боевыхъ силъ другихъ державъ. Во главѣ этого прогрессивнаго роста милитаризма продолжаетъ идти Германія, не желающая утратить пріобрѣтеннаго ею въ моментъ основанія имперіи значенія первой военной державы въ З. Европѣ.

Милитаризмъ, какъ явленіе мировое

Къ концу XIX в. и началу XX в. милитаризмъ успѣлъ перешагнуть за предѣлы Европы и сдѣлалъ крупный шагъ по пути къ превращенію своему изъ явленія европейскаго въ явленіе міровое. Русско-японская война 1904—1905 г. является первой яркой манифестаціей милитаризма, какъ явленія мірового. Эта же война дала сильный толчекъ дальнѣйшему развитію его въ особенности въ формѣ милитаризма морского. Развитіе послѣдняго связано, впрочемъ, не столько съ послѣдними войнами, сколько съ другимъ болѣе общимъ фактомъ, именно—съ расширеніемъ исторической сцены далеко за предѣлы Европы, можно сказать—на весь земной шаръ. Послѣднее связано, съ одной стороны—съ выступленіемъ въ концѣ XIX в. и въ началѣ XX в. на историческую сцену, въ качествѣ первостепенныхъ международныхъ силъ, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и Японіи. Выступленіе это ознаменовалось вооруженнымъ столкновеніемъ обѣихъ тихоокеанскихъ державъ съ европейскими: первой—съ Испаніей (въ 1898 г.), второй—съ Россіей (въ 1904—1905 г.), при чемъ въ обоихъ столкновеніяхъ, окончившихся пораженіемъ европейскихъ державъ, флотъ и морскія силы сыграли выдающуюся роль, а въ первомъ случаѣ—даже рѣшающую.

Международное соперничество европейскихъ державъ за предѣлами Европы.

Въ основѣ международнаго соперничества европейскихъ державъ за предѣлами Европы лежитъ, кромѣ борьбы за политическое преобладаніе, также стремленіе обезпечить себѣ возможно больше земель для избытка населенія въ метрополіяхъ, а также—расширить рынки для сбыта излишковъ все возрастающаго отечественнаго производства.

Англія въ Индіи.

Раньше другихъ европейскихъ державъ ощутила эту потребность Англія, какъ вслѣдствіе ограниченности своей островной территоріи, стѣснявшей естественный ростъ населенія, такъ и вслѣдствіе необычайно быстраго развитія своей промышленности и торговли [1]). Побѣдоносныя войны съ Франціей и Голландіей, во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX в., отдали въ руки Англіи обширныя колоніальныя владѣнія этихъ державъ въ Азіи (Индія), въ Африкѣ (Капская земля), въ Америкѣ (Канада) и въ Океаніи (материкъ Австралія и многіе острова). Вытѣснивши Францію изъ Индіи во второй половинѣ XVIII в., Англія постепенно прибрала къ рукамъ мелкія туземныя княжества и къ серединѣ XIX в. распространила свои владѣнія на весь Индостанъ и на значительную часть сосѣдняго Индокитая. Послѣ подавленія возстанія сипаевъ (мѣстныхъ англійскихъ войскъ изъ туземныхъ солдатъ), въ 1858 г. была упразднена привилегированная Индійская Компанія, въ рукахъ которой находилось управленіе индійскими владѣніями Англіи, подъ контролемъ правительства; Индія была поставлена послѣ этого подъ непосредственное управленіе послѣдняго. Территоріальное распространеніе Россіи въ Средней Азіи и на Дальнемъ Востокѣ въ XIX в. вызвало въ Англіи тревогу за свои индійскія владѣнія. Отсюда—ея стремленіе къ распространенію своихъ владѣній и своего вліянія въ Азіи, въ противовѣсъ возраставшему вліянію Россіи. Частью путемъ вооруженнаго давленія, частью при помощи золота, Англіи удалось подчинить своему вліянію сосѣдніе съ Индіей Белуджистанъ и Афганистанъ (съ послѣднимъ ей пришлось вести тяжелую войну въ 1879—1881 г.); въ то же время она старалась утвердить свое вліяніе въ Персіи, Китаѣ и Японіи. Къ этому соперничеству въ Азіи между Россіей и Англіей присоединилась въ концѣ XIX в. Германія. Ближайшимъ результатомъ этого соперничества былъ частичный раздѣлъ Китайской имперіи, на которую, послѣ ея неудачной войны съ Японіей (въ 1894 г.), въ Европѣ стали смотрѣть какъ на „больного чело-

Частичный раздѣлъ Китайской имперіи

[1]) П. Г. Мижуевъ. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи. Спб. 1903.

вѣка“ Дальняго Востока. Въ ноябрѣ 1897 г., подъ предлогомъ наказанія Китая за убійство китайцами двухъ католическихъ миссіонеровъ, германскихъ подданныхъ, германская эскадра заняла важный въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ портъ Кіочау, а въ началѣ 1898 г. китайское правительство принуждено было дать формальное согласіе на занятіе Германіей названнаго порта съ прилегающей къ нему частью области Шандунь, подъ видомъ долгосрочной аренды (на 99 лѣтъ). Вслѣдъ затѣмъ Россія пожелала также „арендовать“ у Китая, правда, на болѣе короткій срокъ (на 25 лѣтъ), полуостровъ Квантунъ съ важнымъ въ стратегическомъ отношеніи Портъ-Артуромъ. Такъ какъ желаніе Россіи было подкрѣплено рѣшимостью поддержать его вооруженною силой, то Китаю, не располагавшему въ ту пору достаточной вооруженной силой, ничего не оставалось, какъ подписать продиктованный Россіей договоръ (24 марта 1898 г.). Двѣ недѣли спустя Англія добилась подобной же уступки, на правахъ „аренды“, лежащаго противъ Портъ Артура, по другую сторону Печилійскаго залива, порта Вейхайвей (4 апрѣля 1898 г.); а восемнадцать дней спустя, на подобныхъ же условіяхъ Франція заняла гавань Кванчуванъ въ Южномъ Китаѣ (22 апрѣля 1898 г.). Другимъ, болѣе отдаленнымъ слѣдствіемъ международнаго соперничества въ Азіи была русско-японская война 1904—1905 г. Вытѣснивши Россію изъ Китая, Японія положила вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ дальнѣйшимъ поползновеніямъ европейскихъ державъ къ раздѣлу Китайской имперіи.

Англія въ Африкѣ

Африка сдѣлалась въ XIX в. другимъ обширнымъ полемъ для соперничества между европейскими державами. Захвативши въ эпоху наполеоновскихъ войнъ голландскія колоніи въ Африкѣ (Капскую землю), Англія въ теченіе всего XIX в. продолжала систематически работать надъ расширеніемъ своихъ африканскихъ владѣній. Расширеніе это шло первоначально съ юга, отъ Капской земли. Начавшись присоединеніемъ Наталя (въ 1840 г.), оно продолжалось захватомъ владѣній сосѣднихъ туземныхъ племенъ Базуто, Зулу, Кафровъ (въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ) и закончилось покореніемъ, послѣ продолжительной и упорной войны (1899—1902 г.), двухъ населенныхъ потомками голландскихъ колонистовъ („бурами“) независимыхъ республикъ, Трансваальской и Оранжевой (въ 1902 г.).

Египетъ.

Съ захватомъ Египта, въ восьмидесятыхъ годахъ XIX в., началось расширеніе владѣній Англіи также и съ сѣвера. Къ обладанію Египтомъ Англія стала настойчиво стремиться послѣ того, какъ съ прорытіемъ Суэцкаго канала (въ 1869 г.) черезъ него

пролѐгъ кратчайшій морской путь въ Индію. Суэцкій каналъ былъ сооруженъ французскимъ инженеромъ Лессепсомъ [1]), на французскія же деньги, и, казалось, обезпечивалъ Франціи вліятельное положеніе въ Египтѣ. Но разразившаяся вскорѣ злополучная война съ Германіей, надолго парализовавшая международную активность Франціи, дала возможность Англіи спачала оттѣснить Францію на второй планъ, а затѣмъ и совершенно вытѣснить ее изъ Египта. Добившись въ 1878 г. уступки себѣ о. Кипра отъ Турціи за обѣщаніе вооруженной поддержки противъ Россіи, Англія стала твердою ногою у порога Египта. Событія дали ей вскорѣ случай перешагнуть черезъ этотъ порогъ. Въ 1881 г., по настоянію великихъ державъ, турецкимъ султаномъ былъ низложенъ египетскій хедивъ Исмаилъ за то, что отказался платить проценты по своимъ европейскимъ займамъ, и на его мѣсто былъ поставленъ его сынъ Тевфикъ-паша. Это вмѣшательство европейцевъ во внутреннія дѣла Египта вызвало сильное возбужденіе въ туземномъ населеніи, въ особенности же въ войскахъ, которыя, кромѣ того, были недовольны новымъ хедивомъ за то, что онъ, изъ экономіи, сократилъ имъ жалованье. Въ іюнѣ 1882 г. въ Александріи вспыхнуло возстаніе противъ европейцевъ, изъ которыхъ около пятидесяти поплатились жизнью и около сотни были болѣе или менѣе тяжело ранены. Это событіе дало поводъ къ военному вмѣшательству Англіи въ египетскія дѣла. Мѣсяцъ спустя послѣ избіенія европейцевъ, передъ Александріей явилась англійская эскадра, подвергшая городъ разрушительной бомбардировкѣ. Вслѣдъ затѣмъ англійское правительство предложило французскому занять совмѣстно Египетъ англійскими и французскими войсками для охраны живущихъ въ Египтѣ европейцевъ и сооруженій Суэцкаго канала. Но французская палата депутатовъ, изъ соображеній экономіи, отклонила участіе Франціи въ предложенной экспедиціи, а Англія не замедлила воспользоватіся предоставленною ей свободою дѣйствій. Она послала въ Египетъ цѣлый корпусъ, а когда возстаніе было окончательно подавлено, англійскія войска принялись, именемъ египетскаго правительства, расширять египетскія владѣнія къ югу, то-есть по направленію къ южно-африканскимъ владѣніямъ Англіи. Захватъ Египта вызвалъ въ Англіи мысль о возможности соединить съ нимъ южно-африканскія владѣнія сплошной полосой и такимъ путемъ выкроить въ Африкѣ обширную колоніальную

[1]) F. de Lesseps. Lettres, journal et documents pour servir à l'histoire du canal de Suez. Paris, 1875.

„имперію“. Завоеванныя территоріи, вдоль Нила, закрѣплялись англичанами постройкой желѣзныхъ дорогъ и фортовъ, въ которыхъ оставлялись постоянные англійскіе гарнизоны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ предлогомъ временной экспедиціи, Англія фактически установила въ Египтѣ свою безсрочную оккупацію. Опираясь на свою военную силу, она фактически подчинила себѣ египетское правительство, превративши его вассальную зависимость отъ турецкаго султана въ пустую фикцію. Фактическая оккупація имѣетъ явную тенденцію превратиться въ постоянное владѣніе. Послѣднему не достаетъ лишь формальной санкціи; но въ пользу Англіи работаетъ время, постепенно создающее ту давность владѣнія, которая обладаетъ драгоцѣннымъ свойствомъ превращать захватъ въ право. Но главное, конечно, въ томъ, что неоспоримая морская супрематія Англіи дѣлаетъ для нея почти ненужной какую-либо правовую санкцію. И можно сказать, что въ настоящее время Египетъ составляетъ столь же неотъемлемую часть колоніальнаго африканскаго „домена“ Англіи, какъ и Капская земля. Къ концу XIX в. закончился раздѣлъ Африки между европейскими державами, главнымъ образомъ между Англіей, Германіей и Франціей. На почвѣ вызваннаго этимъ раздѣломъ соперничества, въ концѣ XIX в., дѣло едва не дошло до вооруженнаго столкновенія Англіи сначала съ Германіей изъ-за Занзибара, затѣмъ—съ Франціей изъ-за Фашоды (на Верхнемъ Нилѣ) [1]).

Колоніальное расширеніе Франціи.

Франція, растерявшая бо́льшую часть своихъ колоній въ своихъ по большей части неудачныхъ войнахъ съ Англіей, со времени іюльской монархіи принялась понемногу возсоздавать свою „колоніальную имперію“, сначала въ Африкѣ (Алжиръ, Сенегамбія), а затѣмъ и въ Азіи (Кохинхина, Камбоджа). Злополучная война 1870—1871 г. пріостановила на цѣлое десятилѣтіе дальнѣйшее колоніальное расширеніе Франціи, но съ начала восьмидесятыхъ годовъ она снова выступила на путь дѣятельной колоніальной политики. Индокитайскія владѣнія ея были расширены присоединеніемъ Тонкина и части Сіама, африканскія — присоединеніемъ Туниса, затѣмъ расширеніемъ сенегальскихъ владѣній почти на весь бассейнъ рѣки Нигера и созданіемъ новой обширной колоніальной области къ сѣверу отъ р. Конго. Наконецъ, въ 1895—1896 г. Франція завладѣла обширнымъ и богатымъ по своей природѣ о. Мадагаскаромъ.

---

[1]) См. Edouard Marbeau. Alexandrie et Fachoda, 1882—1898. „Revue de l'Etranger et des Colonies“, t. 24 (1899).

Германія и Италія, какъ колоніальныя державы.

Германія, вовсе не имѣвшая колоній въ моментъ основанія имперіи, въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ быстраго роста населенія и еще болѣе быстраго роста своей промышленности, также вступила на путь дѣятельной колоніальной политики [1]) и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ создала себѣ къ концу XIX в. обширныя владѣнія въ Африкѣ, на восточномъ, западномъ и гвинейскомъ побережьяхъ, а также въ Океаніи (часть о. Новой Гвинеи и нѣсколько мелкихъ архипелаговъ).

На путь колоніальнаго расширенія пыталась вступить, почти одновременно съ Германіей, и самая молодая изъ великихъ державъ, Италія, основавшая, въ 1885 г., на африканскомъ побережьи Краснаго моря колонію Эритрею. Но попытки Италіи расширить свои владѣнія на счетъ сосѣдней Абиссиніи и подчинить послѣднюю своему протекторату привели къ вооруженному столкновенію съ послѣдней, окончившемуся разгромомъ итальянской арміи при Адуѣ (въ 1896 г.). Италія принуждена была отказаться отъ своихъ покушеній на территоріальную цѣлость и политическую независимость Абиссиніи. Эта неудача первыхъ попытокъ къ колоніальному расширенію сильно охладила колонизаторскія стремленія Италіи.

Соперничество между европейскими державами на почвѣ ихъ стремленій къ колоніальному расширенію и распространенію своего „вліянія“ на внѣ-европейскія, „экзотическія“ страны является въ настоящее время однимъ изъ главныхъ стимуловъ къ дальнѣйшему развитію морского милитаризма. Внѣшнимъ образомъ этотъ видъ милитаризма выражается въ прогрессивномъ ростѣ военныхъ флотовъ. Ростъ этотъ пріобрѣлъ небывало ускоренный темпъ съ начала настоящаго столѣтія, отчасти подъ вліяніемъ толчка, даннаго русско-японской войной, но главнымъ образомъ благодаря обнаруженному Германіей стремленію оспаривать у Англіи ея традиціонную морскую супрематію. Съ своей стороны, Англія, считающая такую супрематію вопросомъ не только національной чести, но и вопросомъ своей жизни и смерти, съ удвоенной энергіей принялась работать надъ усиленіемъ своихъ мореходныхъ силъ. Въ это соревнованіе, естественно, втягиваются волей-неволей и прочія великія державы. Благодаря всему этому, развитіе морского милитаризма въ послѣднее время проявляетъ тенденцію ко все болѣе и болѣе ускоренному темпу.

[1]) Первой германской колоніей была занятая въ 1884 г. на гвинейскомъ побережьи область Камерунъ, расширенная впослѣдствіи къ сѣверо-востоку, вплоть до озера Чадъ.

Милитаризмъ, какъ основа европейскаго мира.

Новѣйшій милитаризмъ является настоящей основой переживаемаго Европой послѣ 1871 г. „вооруженнаго мира“. Поскольку онъ связанъ со всеобщею воинскою повинностью, превратившею современныя арміи въ вооруженныя націи, милитаризмъ сдѣлалъ вопросъ о мирѣ и войнѣ дѣломъ близкимъ для всѣхъ и каждаго; въ поддержаніи мира заинтересованы теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, всѣ, и это обстоятельство является одной изъ серьезныхъ сдержекъ противъ попытокъ нарушить этотъ миръ. Съ другой стороны, размѣры современныхъ армій, вмѣстѣ съ ужасною разрушительною силой новѣйшихъ орудій военной борьбы, сдѣлали войну болѣе страшной, чѣмъ когда-либо. Наконецъ, крайняя дороговизна современной войны [1]) дѣлаетъ ее разорительной даже для побѣдителя, а побѣжденному угрожаетъ страшной экономической катастрофой. Все это взятое вмѣстѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было гуманитарныхъ и другихъ отвлеченныхъ соображеній, является вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы создать во всѣхъ слояхъ европейскаго общества и въ широкихъ народныхъ массахъ, равно какъ и въ правящихъ кругахъ, безусловно отрицательное отношеніе къ войнѣ. Кромѣ того, при наличности союзовъ, каждое столкновеніе между двумя великими державами грозитъ неминуемо превратиться въ обще-европейскую войну, а послѣдствія такой войны, при наличности современныхъ условій военнаго дѣла, представляются настолько ужасными, что никакое правительство, никакой парламентъ въ наше время не рѣшится довести то или другое международное разногласіе до вооруженнаго конфликта, не исчерпавъ предварительно всѣхъ способовъ для его предотвращенія, тѣмъ болѣе, что возможность быть втянутыми въ войну заставляетъ и незаинтересованныя державы употреблять все свое вліяніе въ томъ же направленіи.

Кромѣ практиковавшагося и ранѣе вмѣшательства нейтральныхъ державъ, режимъ вооруженнаго мира выдвинулъ въ новѣйшее время практику третейскаго суда, какъ способа мирнаго разрѣшенія международныхъ споровъ. Такъ, въ 1885 г. Германія и Испанія, не будучи въ состояніи придти къ взаимному соглашенію по поводу возникшаго между ними спора изъ-за Каролинскихъ острововъ, обратились къ третейскому суду папы Льва XIII.

---

[1]) По вычисленіямъ, сдѣланнымъ въ 1896 г. австрійскимъ министромъ торговли, война между тройственнымъ и двойственнымъ союзомъ стоила бы въ его время отъ 90 до 100 милліоновъ рублей въ сутки. Съ тѣхъ поръ военная техника сдѣлала значительный шагъ впередъ, а каждый новый шагъ въ этомъ направленіи означаетъ соотвѣтствующее удороженіе войны.

Въ 1904 г. извѣстный „гулльскій инцидентъ“ (поврежденіе эскадрой адмирала Рожественскаго нѣсколькихъ рыбачьихъ англійскихъ судовъ), едва не вызвавшій вооруженнаго конфликта между Англіей и Россіей, былъ улаженъ, по взаимному соглашенію обоихъ правительствъ, при помощи особой международной слѣдственной коммиссіи, образованной въ Парижѣ изъ пяти адмираловъ различныхъ національностей (русскаго, англійскаго, французскаго, сѣверо-американскаго и австрійскаго) [1]. Опытъ удачнаго примѣненія третейскаго суда для улаженія международныхъ споровъ подалъ мысль объ учрежденіи постояннаго международнаго третейскаго трибунала. Такой трибуналъ былъ, дѣйствительно, учрежденъ въ 1899 г. въ Гаагѣ, согласно постановленію созванной въ этомъ году, по предложенію императора Николая II, въ Гаагѣ международной конференціи „для обсужденія способовъ ограничить непомѣрно растущія вооруженія державъ“ [2].

Гаагская конференція и международный третейскій трибуналъ.

Вмѣстѣ съ постановленіемъ объ учрежденіи международнаго третейскаго трибунала, на гаагской конференціи была принята резолюція, провозглашавшая новый принципъ — международной солидарности державъ въ рѣшеніи вопроса о мирѣ и войнѣ. „Державы признаютъ — гласитъ резолюція — своимъ долгомъ, въ случаѣ опасности остраго столкновенія между двумя изъ нихъ, напомнить имъ о существованіи международнаго трибунала“. Разумѣется, что существованіе международнаго трибунала, располагающаго лишь чисто моральнымъ авторитетомъ, не является безусловной гарантіей мира, какъ показываетъ возникшая шесть лѣтъ спустя русско-японская война, но наличность этого учрежденія, вмѣстѣ съ провозглашеннымъ державами, устами своихъ представителей на гаагской конференціи, правомъ и „долгомъ“ каждой изъ нихъ—оказывать моральное давленіе на спорящихъ въ интересахъ мирнаго улаженія возникшихъ разногласій, несомнѣнно, облегчаетъ возможность избѣжать войнъ изъ-за мелкихъ разногласій и споровъ, въ родѣ того, который послужилъ поводомъ къ послѣдней большой европейской войнѣ, между Франціей и Германіей.

Идея международной солидарности державъ.

---

[1]) См. объ этомъ: André Mandelstam. La Commission internationale d'enquête sur l'incident de la mer du Nord. Paris, 1905.

[2]) Вычислено, что къ началу XIX в. издержки шести великихъ державъ на армію и флотъ превышали три милліарда рублей въ годъ: это—въ мирное время. О гаагской конференціи см.: Mérinhac. La conférence de La Haye. Etude historique, exégétique et critique des travaux et des résolutions de la conférence de La Haye de 1899. Paris, 1900.

XVII. Соціальное движеніе и соціализмъ въ новѣйшее время.

Литература.

I. Капитализмъ и соціальный вопросъ: Зомбартъ. Современный капитализмъ. 2 т. Москва, 1904—1905; Зомбартъ. Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX в. Москва, 1905; Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Спб. 1898; Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы. Спб. 1900; Гобсонъ. Проблемы бѣдности и безработицы. Спб. 1900; Галекъ. Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею. Спб. 1904; Цвидинекъ-Зюденгорстъ. Теорія и политика заработной платы. М. 1905; Желѣзновъ. Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы. Кіевъ, 1904; Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи; Положеніе рабочаго класса въ главнѣйшихъ государствахъ Европы, С.-Америк. С. Ш. и Австраліи. Сборникъ статей, 2 т.; Лорія. Рабочее движеніе. Происхожденіе, формы, развитіе. 1905; Геркнеръ. Рабочій трудъ въ З. Европѣ; Тотоміанцъ. Формы рабочаго движенія. Спб. 1906; Прокоповичъ. Рабочее движеніе на Западѣ. Спб. 1899; Пелутье. Жизнь рабочихъ во Франціи. Спб. 1901; Галеви. Очерки по исторіи рабочаго движенія во Франціи; Веббъ. Теорія и практика англійскаго тредъ-юніонизма. 2 т. Спб. 1900—1901; Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Спб. 1905; Ностицъ. Рабочій классъ въ Англіи въ XIX в. М. 1902; Штейнъ. Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Москва, 1899; Brentano. La question ouvrière. Paris, 1885; Hoffmann. Die Soziale Frage der Gegenwart. München, 1899.—II. Главнѣйшія ученія соціализма: Карлъ Марксъ. Коммунистическій манифестъ. Текстъ съ историческимъ введеніемъ и комментаріемъ къ нему проф. Андлера. Спб. 1906; Эрфуртская программа (нѣсколько русскихъ изданій, по большей части съ комментаріями Каутскаго, подъ заглавіемъ: „Экономическое развитіе и общественный строй“, или „Пролетаріатъ и общественный строй“ и т. д.); Карлъ Марксъ. Капиталъ. 3 тома (лучшій переводъ подъ ред. П. Струве, изд. Поповой въ Спб.); Карлъ Марксъ. Нищета философіи (нѣск. русскихъ изданій); Каутскій. Изложеніе „Капитала“ Маркса (нѣск. русскихъ изданій); Бернштейнъ. Изложеніе третьяго тома „Капитала“. Кіевъ, безъ даты; Девиль. Изложеніе перваго тома „Капитала“ Маркса. Спб. 1907; Ф. Лассаль. Сочиненія. 3 т. изд. Глаголева въ Спб. (безъ даты); Бернштейнъ. Предпосылки соціализма. Москва, 1901; Бернштейнъ. Очерки по исторіи и теоріи соціализма. 1902; Бернштейнъ. Возможенъ ли научный соціализмъ? (Съ отвѣтомъ Г. Плеханова). Одесса, 1906; Карлъ Каутскій. Анти-Бернштейнъ. Къ критикѣ теоріи и практики марксизма. Одесса, 1905; А. Шеффле. Квинтъ-эссенція соціализма. Спб. 1906; Ренаръ. Соціалистическій строй. Спб. (безъ даты); Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ (изд. „Голоса“); Штернъ. Государство будущаго (безъ даты); Энгельсъ. Отъ классическаго идеализма къ діалектическому матеріализму. Спб. 1905; Энгельсъ. Анти-Дюрингъ. Спб. 1904; Ферри. Коллективизмъ и позитивная наука. Спб. 1905; Вандервельдъ. Промышленное развитіе и общественный строй. Спб. 1905.—III. Исторія соціализма въ монографіяхъ (Бернштейна, Каутскаго, Лафара и др.); Warschauer. Geschichte des Sozialismus und Communismus im XIX Jahrh. 1896; Adler. Geschichte des Sozialismus und Kommunismus. 1899; Walcker. Geschichte des Nationaloekonomie und d. Sozialismus. Leipzig, 1899; H. Denis. Histoire des systèmes économiques et socialistes. 2 vol. Paris, 1907; E. Fournière. Les théories socialistes aux XIX s. Paris; B. Malon. Histoire du socialisme. Paris, 1882—1884; Bourdeau. L'évolution du socialisme. Paris, 1901; Isambert. Les idées socia-

listes en France, 1815—1848. Paris, 1905; Поль-Луи. Исторія соціализма во Франціи. Москва и Спб. 1906; Мерингъ. Исторія германской соціалдемократіи (два изд.: „Грапата" въ Москвѣ и „Просвѣщенія" въ Спб.); Камнфмейеръ. Очерки развитія нѣмецкой соціалдемократіи. Спб. 1907; Мильо. Германская соціалдемократія; G. Bouffet. Le parti démocrate socialiste allemand. Son évolution. Paris, 1903; Вандервельдъ и Дестрэ. Соціализмъ въ Бельгіи. Спб. 1906; Веббъ. Соціализмъ въ Англіи; Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Спб. 1898; Лангъ. Соціализмъ въ Швейцаріи; Анджіолини. Исторія соціализма въ Италіи. Спб. 1907.—IV. Критическія изложенія теорій новѣйшаго соціализма: Масарикъ. Философскія и соціологическія основанія марксизма. Москва, 1900; Бёмъ-Баверкъ. Теорія К. Маркса и ея критика. Спб. 1897; Бургэнъ. Современныя соціалистическія системы и экономическое развитіе. Спб. 1906; Ле-Бонъ. Психологія соціализма. Спб. 1908; Фоггъ. Соціальныя утопіи. Спб. 1907; Зибель. Ученія современнаго соціализма и коммунизма. Спб. 1906; Кроче. Историческій матеріализмъ и марксистская экономія. Спб. 1902; Вольтманъ. Историческій матеріализмъ. Изложеніе и критика марксистскаго міросозерцанія. Спб. 1901; Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма. Спб. 1906; см. также курсы по исторіи политической экономіи проф. Чупрова, проф. Миклашевскаго и др., а также: Б. Чичеринъ. Собственность и Государство. 2. т. Москва, 1882—1883; Проблемы идеализма. Сборникъ статей С. Булгакова, кн. С. Н. и Е. Н. Трубецкихъ, А. Бердяева и др. Москва, 1903; Бердяевъ и Струве. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Спб. 1901; С. Булгаковъ. Отъ марксизма къ идеализму. Спб. 1904; Laveleye. Le socialisme contemporain. Paris, 1891; Paul Leroy-Beaulieu. Le Collectivisme. Paris, 1904; Eichthal. Socialisme, Communisme et Collectivisme. Paris, 1901. Для ориентировки въ обширной литературѣ по соціализму см. J. Stammler. Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus. 2 Bde. Jena, 1893—1900.

Какъ франко-германская война 1870—1871 г. была послѣднею крупною европейской войной, такъ возстаніе парижской Коммуны было послѣдней политической революціей въ Западной Европѣ.

Ослабленіе революціонизма и его причины.

Прекращеніе революцій объясняется отчасти устраненіемъ одной изъ главныхъ причинъ, вызывающихъ революціонныя движенія: абсолютизмъ къ началу семидесятыхъ годовъ окончательно исчезъ изъ политическаго обихода З. Европы. Введеніе народнаго представительства двоякимъ образомъ ослабило революціонные элементы. Во-первыхъ, оно лишило ихъ поддержки болѣе умѣреннаго большинства населенія, которое, съ введеніемъ народнаго представительства, не имѣло болѣе основаній поддерживать ихъ и стало рѣшительно на сторону установившагося порядка, на сторонѣ же революціонныхъ партій остались лишь непримиримые элементы: республиканцы въ монархическихъ странахъ, соціалисты разныхъ оттѣнковъ, до анархистовъ включительно [1]), въ странахъ респуб-

[1]) Хотя теоретически анархизмъ, какъ доведенный до своихъ геркулесовыхъ столбовъ индивидуализмъ, есть идейный антиподъ соціализма, по психоло-

ликанскихъ. Да и въ этихъ партіяхъ болѣе уравновѣшенные элементы возлагаютъ надежду на осуществленіе своихъ стремленій отъ законодательныхъ реформъ и отъ мирной эволюціи, безъ насильственныхъ переворотовъ и вооруженныхъ возстаній. Съ другой стороны, наличность народнаго представительства дѣлаетъ существующій порядокъ болѣе гибкимъ, болѣе чуткимъ къ назрѣвающимъ потребностямъ и выдвигаемымъ жизнью запросамъ и тѣмъ устраняетъ одно изъ главныхъ условій революціонныхъ переворотовъ: чрезмѣрное накопленіе настоятельныхъ, но неразрѣшенныхъ вопросовъ внутренней жизни той или другой страны. Кромѣ того, самый фактъ существованія народнаго представительства морально парализуетъ революціонныя партіи, лишая ихъ возможности дѣйствовать во имя народа.

Независимо отъ этихъ условій, вѣра революціонныхъ партій въ силу вооруженнаго возстанія значительно поколебалась послѣ двукратной неудачи послѣдняго въ 1848 и въ 1871 гг. Въ вооруженное возстаніе продолжаютъ вѣрить лишь сравнительно незначительныя и мало вліятельныя среди самихъ революціонныхъ партій группы экзальтированныхъ и ограниченныхъ фанатиковъ и крайнихъ соціалистовъ и анархистовъ; но въ большинствѣ своемъ даже соціалистскія партіи, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, отказываются отъ вооруженнаго возстанія, какъ средства для достиженія своихъ цѣлей. Заговоры и возстанія, признанныя совершенно устарѣвшими, въ качествѣ орудій революціи, оставляются въ пользу новыхъ, болѣе мирныхъ и легальныхъ, каковы: выборная парламентская борьба, пропаганда соціализма въ рабочихъ

тически и практически соціалисты и анархисты являются настолько близки другъ къ другу, что въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ оказывается возможнымъ споръ о томъ, есть ли данное лицо соціалистъ или же анархистъ. По крайней мѣрѣ, представители извѣстныхъ революціонныхъ теченій, причисляемые соціалъ-демократами къ разряду анархистовъ, сами себя признаютъ соціалистами. Въ практикѣ революціонныхъ партій довольно обычное явленіе, что одно и то же лицо безъ затрудненій переходитъ, иногда по нѣскольку разъ, изъ соціалистовъ въ анархисты и наоборотъ: до такой степени практически эти явленія родственны между собою. Дѣло въ томъ, что на практикѣ рѣшающую роль играетъ революціонная психологія, а вовсе не революціонная идеологія, роль которой скорѣе — показная, декоративная. Надо только, чтобы данный индивидуумъ обладалъ революціонной психологіей, а остальное приложится, и будетъ ли это приложеніе революціоннымъ соціализмомъ того или другого оттѣнка, или же чистымъ анархизмомъ, вопросъ объ этомъ рѣшается не столько идейной силой того или другого направленія, сколько настроеніемъ и темпераментомъ субъекта и тѣми вліяніями, которыя его окружаютъ.—Объ анархизмѣ см.: Эльцбахеръ. Анархизмъ. Спб. 1906; Цеккеръ. Анархизмъ. Исторія и критика анархическихъ ученій. Москва. 1906; Диль. Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Спб. 1906; Бернштейнъ. Анархизмъ. Спб. 1907. Многія изъ указанныхъ выше сочиненій о соціализмѣ трактуютъ также и объ анархизмѣ.

массахъ путемъ прессы и митинговыхъ рѣчей, массовыя стачки и т. п. Исторія революціоннаго движенія въ З. Европѣ послѣ 1871 г. сводится въ сущности къ исторіи новѣйшаго революціоннаго соціализма, который, поглотивши въ себѣ прежнія революціонныя теченія, ввелъ ихъ главный потокъ въ русло мирной, идейной и парламентской, борьбы. Тѣмъ не менѣе, если не по своей тактикѣ, то по своей программѣ новѣйшій соціализмъ, въ главныхъ своихъ теченіяхъ, является движеніемъ революціоннымъ, чѣмъ и объясняется та легкость, съ какою онъ притягиваетъ къ себѣ и частью поглощаетъ самые разнородные революціонные элементы.

Ростъ революціоннаго соціализма въ новѣйшее время и его причины.

Ростъ революціоннаго соціализма въ новѣйшее время является слѣдствіемъ обострения соціальныхъ противоположностей и классовой борьбы, а это обостреніе и эта борьба, въ свою очередь, являются результатомъ того глубокаго переворота, который произошелъ въ теченіе XIX столѣтія въ соціально-политической и культурно-экономической жизни европейскихъ народовъ.

Въ соціально-политической сферѣ переворотъ этотъ заключается въ окончательной побѣдѣ „революціи“ надъ „старымъ порядкомъ“. Внутренняя соціально-политическая исторія Европейскаго Запада, съ конца XVIII в., представляетъ собою въ сущности непрерывную борьбу вышедшей изъ Франціи „революціи“ съ „старымъ порядкомъ“, который въ основѣ своей былъ всюду тотъ же, что и въ до-революціонной Франціи: это было сочетаніе выдвинутаго новѣйшимъ развитіемъ монархическаго абсолютизма съ уцѣлѣвшими остатками средневѣкового феодализма. Цѣлымъ рядомъ пережитыхъ Европою революцій, которыя всѣ представляли собою болѣе или менѣе отдаленные отголоски великой французской революціи, „старый порядокъ“ въ континентальной Европѣ былъ разрушенъ до основанія. Абсолютизмъ всюду уступилъ мѣсто конституціонному строю, основанному на участіи гражданъ въ государственной власти, а построенный на сословныхъ и корпоративныхъ привилегіяхъ старый соціальный строй уступилъ мѣсто новому порядку, основанному на началахъ гражданскаго равноправія. Результатомъ этого переворота было то, что прикрытыя и замаскированныя прежде сословными и корпоративными привилегіями, основанныя на экономическомъ неравенствѣ классовыя противоположности выступили теперь гораздо рѣзче, чѣмъ это было при старомъ порядкѣ. Классовыя неравенства становились тѣмъ ненавистнѣе для обездоленныхъ слоевъ насе-

ленія, что привилегированное положеніе имущихъ классовъ, какъ основанное на простомъ фактѣ экономическаго неравенства, было лишено той правовой и исторической санкціи, которою до извѣстной степени оправдывались прежнія классовыя неравенства, замаскированныя исконными „правами и привилегіями“ сословій и корпорацій. Провозглашенный новымъ порядкомъ принципъ гражданскаго равноправія лишь подчеркивалъ это экономическое неравенство гражданъ различныхъ общественныхъ классовъ, и преимущественно тѣхъ двухъ классовъ, на противоположности которыхъ главнымъ образомъ и разыгрывается „соціальное движеніе“ новѣйшаго времени, то-есть буржуазіи и рабочаго пролетаріата.

Гражданское равенство и классовыя противоположности.

Таковы были главнѣйшія соціально-политическія причины обостренія классовой борьбы въ новѣйшее время. Не менѣе важную роль играли въ этомъ отношеніи также причины культурно-экономическія, а именно: необычайное развитіе капитализма и тѣсно связанный съ послѣднимъ ростъ городовъ и городской жизни.

Ранѣе всего процессъ этотъ обнаружился, какъ мы видѣли (см. выпускъ I, стр. 88—92) въ Англіи, въ связи съ пережитымъ ею еще въ концѣ XVIII в. хозяйственнымъ переворотомъ. Въ XIX вѣкѣ и континентальная Европа вступила въ полосу такого же экономическаго переворота. Въ основѣ послѣдняго, какъ мы видѣли, лежалъ переходъ отъ ручного, ремесленнаго и мануфактурнаго производства къ производству машинному, фабричному. Ростъ машиннаго производства и связанный съ нимъ ростъ капитализма [1]) пріобрѣтаетъ особенно ускоренный темпъ, начиная съ половины XIX в., то-есть послѣ того, какъ распространеніе паровыхъ машинъ пріобрѣтаетъ широкое распространеніе и массовое примѣненіе на континентѣ. Но наибольшей интенсивности прогрессъ машиностроительной техники, повысившій до неслыханныхъ размѣровъ производительность машинъ и позволившій распространить машинное производство почти на всѣ отрасли труда, достигъ лишь въ послѣдней четверти XIX в. и продолжаетъ въ наше время идти гигантскими шагами, особенно послѣ того, какъ на ряду съ паромъ нашли себѣ практическое примѣненіе цѣлый рядъ новыхъ стихійныхъ двигателей: газъ, нефть, бензинъ, сжатый воздухъ, электричество.

Ростъ капитализма.

---

[1]) Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Ярославль, 1898; Jousset. L'influence des machines sur la classe ouvrière. Bordeaux. 1903.

Большую роль въ этомъ ускореніи темпа поступательнаго развитія капитализма во второй половинѣ XIX в. сыграли новые способы передвиженія: желѣзныя дороги и пароходы, массовое примѣненіе которыхъ начинается съ середины прошлаго столѣтія. Первая (маленькая) желѣзнодорожная линія была построена въ Англіи, между Мэнчестеромъ и Ливерпулемъ, въ 1827 г. Пять лѣтъ спустя началась постройкой первая желѣзная дорога во Франціи, между Ліономъ и Сентъ-Этьеномъ. Но только во второй половинѣ XIX в. желѣзнодорожное дѣло получило настолько значительное развитіе, что вліяніе его начало серьезно отражаться на промышленной и культурно-экономической жизни Европы. Въ настоящее время вліяніе это колоссально, хотя и не поддается точному учету. Точно также только во второй половинѣ XIX в. получило значеніе серьезнаго хозяйственнаго фактора пароходство, хотя первые опыты примѣненія парового двигателя къ движенію по водѣ относятся еще къ концу XVIII в. Впервые серьезное вниманіе на это изобрѣтеніе было обращено лишь въ началѣ прошлаго столѣтія. Въ 1816 г. прибылъ въ Англію первый пароходъ изъ Франціи, въ 1819 г. первый пароходъ въ Европу изъ Америки, а въ 1840 г. была организована первая пароходная линія между Европой и Америкой. Но собственно серьезное значеніе, въ качествѣ орудія международной торговли и вліятельнаго фактора промышленнаго развитія, пароходство получило, какъ было замѣчено, лишь во второй половинѣ XIX столѣтія, въ особенности послѣ того, какъ примѣненіе желѣза вмѣсто дерева къ постройкѣ судовъ значительно удешевило ихъ постройку и позволило вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить во много разъ размѣры судовъ. Въ половинѣ XIX в. судно въ три тысячи тоннъ считалось гигантомъ; въ настоящее время строятъ суда до шестидесяти тысячъ тоннъ водоизмѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, введеніе винта на мѣсто лопастнаго колеса, а въ послѣднее время изобрѣтеніе турбиннаго двигателя дало возможность довести до неслыханныхъ прежде размѣровъ быстроходность судовъ. Наконецъ, продуктивность пароходства, какъ орудія мірового передвиженія, товарнаго и пассажирскаго, въ сильной степени повысилась благодаря сооруженію Суэцкаго канала (въ 1869 г.), сократившаго въ нѣсколько разъ одинъ изъ важнѣйшихъ міровыхъ торговыхъ путей—между Европой и Индіей. Наконецъ, немаловажную роль въ развитіи крупной промышленности и торговли сыграло то ускореніе и облегченіе торговыхъ сношеній, которое связано съ усовершенствованіемъ и облегченіемъ почтовыхъ сношеній, благодаря распространенію почтовой органи-

зацiи на всѣ части свѣта и ея объединенiю во всемiрный почтовый союзъ. Аналогичную роль играло параллельное развитiе телеграфной сѣти [1]).

Ростъ городовъ. Въ тѣсной связи съ развитiемъ машиннаго производства и способовъ передвиженiя находится ростъ городовъ [2]). Необычайный ростъ городовъ въ новѣйшее время является не столько фактомъ демографическимъ, зависящимъ отъ естественнаго прироста населенiя [3]), сколько фактомъ культурно-экономическимъ, зависящимъ отъ перенесенiя центра тяжести общественной и хозяйственной жизни изъ деревни въ городъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ населенiе Западной Европы въ теченiе XIX столѣтiя приблизительно удвоилось, населенiе городовъ увеличилось въ восемь разъ. Существовавшiе ранѣе городскiе центры сильно развились, и на ряду съ ними выросло множество новыхъ городовъ. Въ Англiи, въ началѣ XIX в., одинъ лишь Лондонъ насчитывалъ свыше сотни тысячъ населенiя; къ началу нашего столѣтiя такихъ городовъ тамъ насчитывается уже до двадцати пяти. Городовъ съ населенiемъ отъ двадцати до ста тысячъ въ началѣ XIX в. насчитывалось всего четырнадцать; сто лѣтъ спустя ихъ было уже больше полутораста. Лондонъ, насчитывавшiй въ началѣ XIX в. меньше 900.000 жителей, въ настоящее время имѣетъ свыше пяти милiоновъ жителей. Изъ провинцiальныхъ городовъ особенно быстрымъ темпомъ отличается ростъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, какъ Мэнчестеръ, выросшiй въ теченiе XIX вѣка съ сорока до семисотъ пятидесяти тысячъ, или Ливерпуль, населенiе котораго за тотъ же перiодъ поднялось съ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ до семисотъ тысячъ. Маленькое графство Ланкаширъ, благодаря развитiю въ немъ фабричной промышленности, насчитываетъ въ настоящее время восемь городовъ съ населенiемъ свыше ста тысячъ въ каждомъ и больше сорока городовъ съ населенiемъ отъ двадцати до ста тысячъ. Начиная съ половины XIX в., ростъ городовъ прiобрѣтаетъ особенно ускоренный темпъ. Въ 1850 г. населенiе Англiи распредѣлялось приблизительно поровну между городомъ и деревней; въ началѣ нашего столѣтiя городское насе-

---

[1]) Телеграфъ, изобрѣтенный въ 1837 г. американцемъ Морзомъ, получилъ первое практическое примѣненiе въ Англiи, въ 1839 г.; на материкѣ онъ началъ примѣняться лишь начиная съ середины XIX в.

[2]) Веберъ. Ростъ городовъ въ XIX в. Спб. 1903.

[3]) Демографiя („народоописанiе“) — такъ называется тотъ отдѣлъ статистики, который имѣетъ своимъ предметомъ народонаселенiе (численность населенiе той или другой страны, его распредѣленiе по поламъ, возрастамъ, роду занятiй, „движенiя“ т. е. его увеличенiе или уменьшенiе, и т. д.).

леніе составляло уже больше трехъ четвертей всего населенія страны (25 милліоновъ на 8 милліоновъ деревенскихъ жителей).

Во Франціи, въ серединѣ XIX в., городское населеніе составляло не болѣе четверти всего населенія страны; въ началѣ нашего столѣтія оно было почти равно населенію деревни. Въ началѣ XIX в. во Франціи было всего лишь четыре города съ населеніемъ свыше ста тысячъ; въ началѣ XX в. такихъ городовъ насчитывается уже до пятнадцати. Число городовъ съ населеніемъ свыше десяти тысячъ за тотъ же періодъ поднялось съ пятидесяти (въ гладкихъ цифрахъ) до полутораста. Населеніе Парижа съ 1800 до 1900 г. возросло съ 800.000 до трехъ милліоновъ.

Въ Пруссіи, съ 1800 до 1900 г., городское населеніе упятерилось, въ то время какъ сельское населеніе лишь утроилось. Населеніе Берлина за тотъ же періодъ удесятерилось, поднявшись съ 200.000 до двухъ милліоновъ.

Примѣръ Англіи, передовой страны въ дѣлѣ промышленнаго развитія въ новѣйшее время, показываетъ, что развитіе промышленности, увеличивая прогрессію роста городовъ, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только сократить приростъ деревенскаго населенія, но и совершенно остановить послѣдній. Это фактъ столько же естественный, сколько и понятный, если принять во вниманіе, что сельское хозяйство можетъ занять лишь извѣстное, ограниченное количество рабочихъ рукъ. Поэтому являющійся результатомъ естественнаго прироста населенія излишекъ рабочихъ рукъ въ деревняхъ принужденъ искать себѣ труда въ городахъ и на фабрикахъ (что впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ одно и то же); фабрика же, при наличности спроса, можетъ найти помѣщеніе для неограниченнаго количества рабочихъ рукъ.

Но города притягиваютъ къ себѣ населеніе не только въ качествѣ промышленныхъ центровъ, но также и въ качествѣ центровъ торговыхъ. Благодаря, съ одной стороны—необычайному повышенію и удешевленію производства, вслѣдствіе прогресса машинной техники, съ другой стороны—благодаря усовершенствованію способовъ массоваго транспортированія товаровъ на огромныя разстоянія, торговля получила въ новѣйшее время небывалый размахъ, какъ въ отношеніи ея экстенсивности, такъ и въ отношеніи интенсивности. Въ отношеніи экстенсивности, то-есть въ смыслѣ расширенія рынковъ или района сбыта. Для иллюстраціи этого послѣдняго факта достаточно, напримѣръ, сказать, что Англія снабжаетъ своими машинами и другими стальными издѣліями, своими сукнами и бумажными тканями почти всѣ страны свѣта,

и въ свою очередь питается продуктами, доставляемыми ей также со всѣхъ концовъ земного шара: хлѣбомъ изъ Россіи, мясомъ изъ Австраліи, фруктами изъ Америки, сахаромъ изъ Германіи и т. д. Для иллюстраціи необычайнаго развитія международной торговли въ смыслѣ ея интенсивности можно указать опять-таки на примѣръ Англіи. Ея внѣшняя торговля съ 1800 до 1900 г. поднялась съ трехсотъ милліоновъ до трехъ съ лишкомъ милліардовъ по вывозу и съ шестисотъ милліоновъ до четырехъ милліардовъ по ввозу (въ рубляхъ).

Наконецъ, большіе города притягиваютъ къ себѣ зажиточное населеніе страны въ качествѣ центровъ политической, общественной и культурной жизни. Кромѣ фабричныхъ и городскихъ рабочихъ, кромѣ купцовъ, приказчиковъ, фабрикантовъ, управляющихъ и другихъ служащихъ въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ лицъ, сосредоточенныя въ крупныхъ городахъ, въ особенности въ столицахъ, законодательныя, правительственныя, административныя, судебныя, церковныя, благотворительныя, учебныя, просвѣтительныя и проч. учрежденія привлекаютъ въ города многочисленное чиновничество, духовенство, военныхъ, учащихъ и учащихся, писателей и артистовъ, и разнаго рода общественныхъ дѣятелей. Наконецъ, какъ центры культурной жизни, съ ея комфортомъ и блескомъ, съ ея удобствами и массой всевозможныхъ развлеченій, города привлекаютъ въ свои нѣдра многочисленный зажиточный и праздный людъ, какъ отечественный, такъ и международный: счастливыхъ наслѣдниковъ, не знающихъ, куда дѣвать унаслѣдованное состояніе, отдыхающихъ отъ дѣлъ разбогатѣвшихъ аферистовъ или сколотившихъ себѣ прежними сбереженіями скромное состояніе „рентьеровъ“. Послѣдніе составляютъ довольно многочисленный, въ особенности во Франціи, общественный классъ, созданный не только новѣйшимъ капитализмомъ, но также и новѣйшимъ милитаризмомъ, являющимся главнымъ источникомъ задолженности современныхъ государствъ. Заемныя долговыя обязательства государствъ, „ренты“, которыхъ въ настоящее время находится въ обращеніи въ Западной Европѣ на нѣсколько десятковъ милліардовъ рублей, обезпечиваютъ ихъ обладателямъ, „рентьерамъ“, ежегодный доходъ свыше милліарда рублей и составляютъ, такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ источниковъ того „нетрудового дохода“, который доставляетъ проповѣдникамъ революціоннаго соціализма одно изъ наглядныхъ доказательствъ негодности современнаго „буржуазнаго“ общественнаго строя.

Если ростъ капитализма, пролетаризируя все болѣе и болѣе

Пропаганда революціоннаго соціализма.

широкіе слои населенія, придавалъ необычайную серьезность классовымъ противоположностямъ, обнаженнымъ „революціей“ отъ прикрывавшихъ ихъ сословныхъ и корпоративныхъ неравенствъ „стараго порядка“, то развитіе городской жизни съ ея наглядными, бросающимися въ глаза контрастами между богатствомъ и бѣдностью, между сытымъ и обезпеченнымъ довольствомъ празднаго рентьера и не работающаго (съ точки зрѣнія рабочаго) буржуа—съ одной стороны, и полуголоднымъ и необезпеченнымъ существованіемъ трудящагося пролетарія—съ другой, создавало какъ нельзя болѣе благопріятную обстановку для обостренія недовольства обездоленныхъ массъ своимъ положеніемъ и развитію въ нихъ соціальной зависти и классовой ненависти къ „буржуазіи“, къ „эксплуататорамъ“. Все это взятое вмѣстѣ создавало какъ нельзя болѣе благопріятную атмосферу для развитія рабочаго движенія и для его направленія въ русло революціоннаго соціализма, который своими якобы научными построеніями возводилъ классовую борьбу въ основной законъ исторіи, давалъ теоретическое оправданіе соціальной зависти, а классовую ненависть поднималъ на пьедесталъ, какъ „классовое самосознаніе“, возводимое идеологами соціализма въ идеалъ пролетарской интеллигентности, или „сознательности“; въ то же время, своими утопическими „роскошными перспективами“ [1]), сулящими обездоленному, полуголодному пролетарію „обѣтованную землю“ [2]), гдѣ не будетъ болѣе ни безработицы, ни „капиталистической эксплуатаціи“, но будетъ для всѣхъ одинаково обезпеченное положеніе и матеріальное довольство, при вдвое-втрое меньшей затратѣ труда [3]),—соціализмъ оказывалъ не менѣе чарующее дѣйствіе на воображеніе рабочихъ массъ, чѣмъ въ свое время оказывалъ магометовъ рай въ устахъ проповѣдниковъ мусульманства на воображеніе аравійскихъ кочевниковъ. Революціонный соціализмъ завоевалъ значительную часть рабочихъ массъ не столько своей якобы научной частью, сколько именно развертываемыми имъ утопическими перспективами того земного рая,

Революціонный соціализмъ, какъ религія «сознательнаго» пролетаріата.

---

[1]) „Существуетъ ли идеалъ, который открываетъ болѣе роскошныя перспективы?“—говоритъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ изъ современныхъ „идеологовъ“ соціализма, Карлъ Каутскій („Этика и Соціализмъ“).

[2]) „Обѣтованная земля уже, дѣйствительно, обрисовывается вдали“—говоритъ объ ожидаемомъ торжествѣ соціализма одинъ изъ просвѣщенныхъ свѣтомъ соціалистическаго евангелія, рабочій-писатель Дицгенъ. См. Унтерманъ. Антоніо Лабріола и Іосифъ Дицгенъ. Спб. 1907.

[3]) По увѣреніямъ Карла Каутскаго, одного изъ наиболѣе трезвыхъ изъ теоретиковъ соціализма, уже на первыхъ порахъ функціонированія соціалистскаго режима, заработокъ рабочихъ, при сокращеніи рабочаго дня наполовину, удвоится вдвое и даже втрое; при окончательномъ же водвореніи соціализма, положеніе вещей должно, естественно, еще значительно улучшиться въ смыслѣ

который долженъ водвориться съ торжествомъ соціализма. Наличность этого утопическаго элемента, этотъ своего рода соціальный мессіанизмъ дѣлаетъ изъ соціализма доктрину, чрезвычайно похожую на религіозное ученіе, а изъ соціалистскаго движенія — движеніе психологически и исторически родственное движеніямъ религіознымъ. Революціонный соціализмъ даже и не скрываетъ своего стремленія занять въ душѣ пролетарія то мѣсто, которое занимала (или продолжаетъ занимать) религія. Соціализмъ стремится стать религіею „сознательнаго пролетаріата“; отсюда — его непримиримая враждебность ко всякой религіи и прежде всего къ той, на которую ему приходится наталкиваться въ душѣ европейскаго рабочаго — къ христіанству [1]).

Происхожденіе революціоннаго соціализма.

Мы видѣли уже, что первымъ очагомъ революціоннаго соціализма былъ Парижъ; здѣсь, въ февральской революціи 1848 г., революціонный соціализмъ впервые выступаетъ на сцену въ качествѣ замѣтнаго соціально-политическаго фактора. Но „іюньскіе дни“ того же года надолго пріостановили развитіе соціализма во Франціи [2]). Соціалисты играли также нѣкоторую роль въ революціонныхъ движеніяхъ 1848 г. въ Германіи. Въ августѣ этого года ими даже былъ устроенъ въ Берлинѣ съѣздъ, положившій начало революціонному союзу подъ названіемъ „Братство“, который принялъ активное участіе въ революціонномъ движеніи въ Саксоніи и Баденѣ. Около того же времени Карлъ Марксъ (1814—1883), будущій теоретикъ новѣйшаго революціоннаго соціализма, основалъ въ Кёльнѣ соціалистскій журналъ и содѣйствовалъ организаціи соціалистскаго союза, ставившаго себѣ цѣлью добиваться „соціально-демократической республики“. Нѣсколько соціалистовъ по-

---

повышенія заработка, при одновременномъ дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго дня. См. Каутскій. Соціальная революція и на другой день послѣ соціальной революціи (нѣсколько русскихъ изданій).

[1]) Заявляемый теоретиками соціализма принципіальный нейтралитетъ послѣдняго въ дѣлѣ религіи не мѣшаетъ соціализму вести непримиримую войну противъ христіанства, какъ и противъ всякой религіозной вѣры, за исключеніемъ лишь вѣры въ догматы соціализма и въ ожидающій его послѣдователей земной рай. Оффиціально провозглашенное наиболѣе вліятельной изъ современныхъ соціалистскихъ партій, соціалъ-демократической, положеніе, что „религія есть частное дѣло каждаго“, по вѣрному замѣчанію проф. Булгакова („Карлъ Марксъ, какъ религіозный типъ“. Спб., 1907), есть, со стороны партіи, не болѣе, какъ „условное лицемѣріе, вызванное тактическими соображеніями, главнымъ образомъ — условіями агитаціи въ деревнѣ. Достаточно и поверхностнаго знакомства съ литературой и общимъ настроеніемъ партіи послѣдователей Фейербаха и Маркса, чтобы убѣдиться въ неискренности этого заявленія, ибо, конечно, это есть партія не только соціализма, но и воинствующаго атеизма“. Что касается такъ называемаго „христіанскаго соціализма“, то это есть не что иное, какъ попытка бороться съ революціоннымъ соціализмомъ его же собственнымъ оружіемъ.

[2]) См. выше, стр. 27—28.

пали во франкфуртскій парламентъ, гдѣ они впервые выступили съ требованіемъ признанія „права на трудъ“. Но роль соціализма въ движеніяхъ 1848—1849 г. была въ общемъ незначительна, а послѣ неудачи революціи соціалисты настолько стушевались, что даже наблюдательные люди изъ современниковъ склонны были считать его „умершимъ“. „Говорить о соціализмѣ значитъ произносить ему надгробное слово“ — писалъ одинъ современный публицистъ.

Лассаль и Марксъ.

Но вожаки соціализма продолжали въ тиши работать надъ возстановленіемъ соціалистскихъ организацій и старались сплотить вокругъ своего знамени всѣ оппозиціонные элементы интеллигенціи и недовольные круги рабочаго класса. Наиболѣе видную роль въ этой реставраціи революціоннаго соціализма играли два лица— Фердинандъ Лассаль [1]) и Карлъ Марксъ (оба евреи по своему происхожденію). Первый основалъ въ 1863 г., въ Лейпцигѣ, Всеобщій нѣмецкій рабочій Союзъ (Allgemeine deutsche Arbeiterverein), развѣтвившійся вскорѣ по всѣмъ промышленнымъ районамъ Германіи. Когда въ слѣдующемъ году Лассаль умеръ (раненый на дуэли), соціализмъ представлялъ въ Германіи уже довольно значительную силу. Но еще болѣе важное значеніе получила основанная въ 1864 г. группой нѣмецкихъ и другихъ континентальныхъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, съ Марксомъ во главѣ, Международная рабочая Ассоціація (Association internationale des travailleus) (1864—1874 г.) [2]). Это было первое выступленіе соціализма, какъ международнаго движенія. Два года спустя, Ассоціація, сдѣлавшаяся болѣе извѣстной подъ именемъ Интернаціонала (Internationale), организовала первый международный соціалистскій съѣздъ въ Женевѣ. На этомъ съѣздѣ былъ выработанъ окончательный уставъ Интернаціонала и формулированы главные принципы соціализма, согласно опубликованному въ началѣ 1848 г. Карломъ Марксомъ, въ сотрудничествѣ съ его другомъ Энгельсомъ, такъ называемому Манифесту Коммунистической Партіи, или коротко—Ком-

Интернаціоналъ.

---

[1]) Онкенъ. Лассаль, какъ политическій дѣятель. Спб. 1905. О К. Марксѣ не имѣется до сихъ поръ ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго біографическаго сочиненія.

[2]) V. Fribourg. L'Association internationale des travailleus. Paris, 1871; O. Testu. L'Internationale. Paris, 1871; James Guillaume. L'internationale. Documents et souvenirs (1864—1878). Paris, 1905; Іеккъ. Интернаціоналъ. Спб. 1906; Луначарскій. Очеркъ развитія Интернаціонала. Спб. 1905; А. Ященко. Соціализмъ и интернаціонализмъ. Москва, 1907; Бакунинъ. Историческое развитіе интернаціонала, 1872; Paul Brousse. Le marxisme et l'Internationale. Paris, 1882. Сколько-нибудь удовлетворительной въ научномъ отношеніи исторіи Интернаціонала до сихъ поръ не имѣется.

мунистическому Манифесту (Manifest der Kommunistischen Partei, Kommunistischer Manifest). „Коммунистическая партія“: такъ называли себя родоначальники современнаго революціоннаго соціализма, Марксъ и его кружокъ. Это произведеніе, прошедшее почти незамѣченнымъ въ свое время, легло въ основу программы первой международной соціалистской организаціи, а черезъ нее и въ основу современнаго международнаго революціоннаго соціализма. „Коммунистическій Манифестъ“, это вмѣстѣ и символъ вѣры новой партіи и ея программа. Первый сводится къ слѣдующему ряду положеній (въ которыхъ доля истины переплетается съ болѣе или менѣе очевидными ошибками). „Исторія всякаго общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ“. Побѣдительницей въ этой борьбѣ была до сихъ поръ буржуазія. Послѣдняя завладѣла политическою властью и сдѣлала изъ государства орудіе своего классоваго господства, поставила его на службу своимъ узкимъ классовымъ интересамъ. „Современная государственная власть есть не что иное, какъ комитетъ буржуазіи для завѣдованія общими дѣлами буржуазнаго класса“. Роль буржуазіи въ исторіи изображается „Манифестомъ“ въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ. „Буржуазія играла въ исторіи въ высшей степени разрушительную роль. Повсюду, гдѣ она завоевала власть, она разрушила патріархальныя, идиллическія отношенія эпохи феодализма... Эксплуатацію, замаскированную религіозными и политическими соображеніями, она замѣнила открытой, грубой и безстыдной эксплуатаціей“. Далѣе, происшедшій въ новѣйшее время промышленный переворотъ, со всѣми его отрицательными соціальными слѣдствіями, изображается „Манифестомъ“, опять-таки какъ результатъ все той же разрушительной дѣятельности буржуазіи. „Буржуазія можетъ существовать лишь при условіи непрерывнаго революціонированія орудій труда, а слѣдовательно—и способовъ производства и вообще всей совокупности общественныхъ отношеній. Эти постоянные перевороты въ способахъ производства, безпрестанное потрясеніе всего общественнаго строя, вѣчное возбужденіе и необезпеченность отличаютъ буржуазную эпоху отъ всѣхъ предыдущихъ“. „Благодаря быстрому развитію орудій производства и путей сообщенія, буржуазія вовлекаетъ въ потокъ цивилизаціи всѣ, даже самые варварскіе народы. Подъ страхомъ смерти, она принуждаетъ всѣ народы принять буржуазный способъ производства. Буржуазія все сильнѣе и сильнѣе уничтожаетъ раздробленіе средствъ производства, собственности и населенія. Она увеличила плотность насе-

«Коммунистическій Манифестъ».

Символъ вѣры революціоннаго соціализма

ленія, централизовала средства производства и концентрировала собственность въ рукахъ немногихъ индивидовъ. Фатальнымъ результатомъ этихъ измѣненій была также централизація политическая". Слѣдствіемъ всей этой „разрушительной дѣятельности" буржуазіи является „развитіе пролетаріата, класса современныхъ рабочихъ, которые могутъ поддерживать свое существованіе только тогда, когда находятъ себѣ работу, но которые лишаются ея, какъ только перестаютъ увеличивать своимъ трудомъ капиталъ. Рабочіе вынужденные изо дня въ день продавать себя, являются, подобно всякому другому предмету торговли, товаромъ; поэтому они подвержены всѣмъ случайностямъ конкурренціи, всѣмъ колебаніямъ рынка". „Условія существованія пролетаріата въ настоящее время не имѣютъ уже ничего общаго съ условіями существованія стараго общества. Пролетарій не имѣетъ собственности; его семейныя отношенія въ корнѣ отличны отъ тѣхъ, которыя господствуютъ въ буржуазной семьѣ. Современный промышленный трудъ, сопровождаемый одинаково всюду порабощеніемъ рабочаго капиталомъ, уничтожаетъ всякія національныя отличія пролетаріевъ. Законы, мораль и религія являются для него лишь буржуазными предразсудками, прикрывающими буржуазные интересы". Таковъ въ общихъ чертахъ символъ вѣры родоначальниковъ современнаго революціоннаго соціализма. Сущность этого символа вѣры, какъ легко видѣть, заключается въ подчеркиваніи раздѣляющихъ буржуазію и пролетаріатъ классовыхъ противоположностей и въ теоретизированіи классовой ненависти послѣдняго къ буржуазіи, которая изображается „Манифестомъ" въ видѣ какъ бы живой личности, сознательно творящей тотъ историческій процессъ, однимъ изъ продуктовъ котораго (на ряду съ пролетаріатомъ) она въ дѣйствительности является. Такое представленіе было бы наивно, если бы оно было искренне, но авторъ „Манифеста" никогда не былъ наивнымъ человѣкомъ. Онъ зналъ, что дѣлалъ. Изложенная здѣсь теорія историческаго развитія была ему нужна для того, чтобы подготовить соотвѣтствующее настроеніе въ читателѣ, особенно въ читателѣ-рабочемъ, для воспріятія имъ программной части „Манифеста".

Программа революціоннаго соціализма.

Программа „Манифеста" не отличается ясностью; ясно въ ней лишь одно: желаніе создать изъ пролетаріата боевую революціонную силу противъ современнаго государства, являющагося, по теоріи „Манифеста", лишь „комитетомъ для завѣдованія дѣлами буржуазіи, какъ класса". Если борьба классовъ привела къ господству буржуазіи, то пролетаріату слѣдуетъ сплотиться для того, чтобы свергнуть

этотъ гнетъ, а это возможно лишь путемъ „коренной перестройки оффиціальнаго общества“, перестройка же эта должна начаться съ уничтоженія частной собственности на средства производства. Вѣдь, „пролетаріямъ нечего упрочивать; они должны, напротивъ разрушить всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія“. Предварительнымъ шагомъ къ „коренной перестройкѣ“ буржуазнаго общества долженъ быть захватъ государственной власти пролетаріатомъ. Если буржуазія сдѣлала изъ государства орудіе своего классоваго господства, то и свергнуть это господство можно лишь путемъ отнятія у буржуазіи захваченной ею власти. Овладѣвши послѣднею, пролетаріатъ водворитъ на мѣсто разрушеннаго буржуазнаго строя новый порядокъ, въ которомъ „свободное развитіе каждаго явится условіемъ свободнаго развитія всѣхъ“. Какимъ образомъ будетъ осуществляться этотъ новый порядокъ, можно судить по тому, что въ числѣ первыхъ мѣръ овладѣвшаго политической властью пролетаріата „Манифестъ“ называетъ „экспропріацію земельной собственности и конфискацію собственности всѣхъ эмигрантовъ и повстанцевъ“ (характерна эта предусмотрительность революціонеровъ относительно репрессій, которыя они собираются принимать противъ ожидаемыхъ „повстанцевъ“), „обязанность труда для всѣхъ и организація промышленныхъ армій“. Авторы „Манифеста“ дипломатично умалчиваютъ относительно организаціи этой проектируемой ими для осчастливленія общества новой рекрутчины, относительно дисциплины въ будущихъ „промышленныхъ арміяхъ“ и режима тѣхъ казармъ, въ которыхъ будетъ жить преобразованное въ такія арміи соціалистское общество. Уже своимъ упоминаніемъ о трудовой повинности и „промышленныхъ арміяхъ“ авторы „Манифеста“ доставили немало хлопотъ позднѣйшимъ идеологамъ соціализма, которымъ стоило немалыхъ усилій затушевать впослѣдствіи эти мало привлекательныя стороны будущаго соціалистскаго рая на землѣ.

„Манифестъ“ заканчивается слѣдующими характерными словами: „Коммунисты не скрываютъ своихъ взглядовъ и своихъ намѣреній. Они открыто заявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ насильственнаго низверженія всего существующаго общественнаго строя. Господствующіе классы могутъ бояться коммунистической революціи. Пролетаріямъ нечего терять отъ нея, кромѣ своихъ цѣпей; а пріобрѣсти они могутъ цѣлый міръ. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“. Откровенное заявленіе „Манифеста“ относительно „насильственнаго низверженія всего существующаго общественнаго

строя“ также доставило немало хлопотъ позднѣйшимъ идеологамъ соціалъ-демократіи, старающимся, изъ тактическихъ соображеній, всячески затушевать революціонный характеръ послѣдней, для того чтобы не отпугнуть отъ нея большинство рабочихъ массъ, настроенное вовсе не революціонно.

Первые шаги революціоннаго соціализма.

Какъ бы то ни было, успѣхи революціоннаго соціализма были на первыхъ порахъ довольно медленны. Несмотря на широкое участіе рабочихъ на выборахъ депутатовъ въ союзный Рейхстагъ, начиная съ 1867 г, соціалистамъ удалось провести туда не болѣе двухъ своихъ кандидатовъ. Въ парижской Коммунѣ 1871 г. соціалисты составляли, какъ мы видѣли, лишь незначительное меньшинство и не играли руководящей роли. Однако, главарямъ Интернаціонала хотѣлось, ради увеличенія своего революціоннаго престижа, выставить возстаніе Коммуны, какъ соціалистское движеніе, и въ этомъ смыслѣ Марксомъ, отъ имени главнаго Совѣта Интернаціонала, былъ изданъ новый „манифестъ“. Но этой манифестаціей солидарности съ Коммуной, одно имя которой вызывало всюду чувство содроганія во Франціи и во всей Европѣ, за исключеніемъ немногочисленныхъ революціонныхъ кружковъ, къ которымъ принадлежали руководители Интернаціонала, революціонный соціализмъ оттолкнулъ отъ себя широкіе слои пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ навлекъ на себя преслѣдованія со стороны всѣхъ правительствъ. Въ Англіи рабочіе, послѣ марксовскаго „манифеста“, совершенно порвали съ Интернаціоналомъ и отвернулись отъ революціоннаго соціализма (который, какъ мы видѣли, и ранѣе не успѣлъ пустить здѣсь глубокихъ корней). Во Франціи соціализмъ также надолго потерялъ всякое вліяніе. Ежегодные конгрессы Интернаціонала вовсе не могли состояться въ теченіе 1870 и 1871 г., а состоявшійся въ 1872 г. конгрессъ въ Гаагѣ обнаружилъ такой упадокъ соціалистскаго движенія, что руководители Ассоціаціи, чтобы замаскировать неминуемую смерть послѣдней, поспѣшили перенести резиденцію главнаго Совѣта въ Нью-Іоркъ, что было лишь предисловіемъ къ оффиціальному прекращенію Интернаціонала (въ 1874 г.).

Происхожденіе и развитіе германской соціалъ-демократіи.

Дальнѣйшее развитіе революціоннаго соціализма связано было съ организаціей отдѣльныхъ національныхъ соціалистскихъ партій. Ранѣе другихъ сложилась и получила наиболѣе широкое развитіе соціалистская партія въ Германіи. Послѣ смерти Лассаля (1864 г.), на ряду съ основаннымъ имъ Всеобщимъ нѣмецкимъ рабочимъ Союзомъ (1863 г.), не примкнувшимъ къ Международной Ассоціаціи, двое изъ послѣдователей Маркса, Бе-

бель и Либкнехтъ, объединили примкнувшіе къ послѣдней элементы въ Германіи въ особую организацію, которая присвоила себѣ названіе Соціалъ-демократической Рабочей Партіи (1869 г.) и признала своимъ оффиціальнымъ органомъ основанную Марксомъ въ 1865 г. газету „Соціалъ-демократъ“. Отъ основаннаго Лассалемъ Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго Союза, носившаго національно-нѣмецкій характеръ и тяготѣвшаго въ сторону „государственнаго соціализма“, введеннаго впослѣдствіи въ практику Бисмаркомъ (съ которымъ Лассаль находился въ личныхъ сношеніяхъ), марксовская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія отличалась болѣе радикальнымъ, непримиримымъ характеромъ и вмѣстѣ — своими ярко-космополитическими тенденціями. Она не хотѣла знать современнаго государства, въ которомъ видѣла, согласно Коммунистическому Манифесту, лишь органъ буржуазіи и орудіе классоваго господства ея надъ пролетаріатомъ, и заявляла свою полную солидарность съ Международной Ассоціаціей, признавъ себя лишь „отпрыскомъ“ послѣдней. На учредительномъ съѣздѣ партіи въ Эйзенахѣ (1869 г.) была принята выработанная Марксомъ программа, въ основу которой были положены идеи и требованія Манифеста 1848 г., отчасти развитыя и обоснованныя теоретически въ опубликованномъ не задолго передъ этимъ (въ 1867 г.) первомъ томѣ „Капитала“. Такъ озаглавилъ Марксъ предпринятый имъ обширный трудъ, въ которомъ онъ задался цѣлью обосновать научнымъ образомъ революціонно-утопическія идеи, формулированныя догматически въ Манифестѣ 1848 г. [1]). Эта такъ называемая „эйзенахская программа“, получившая признаніе со стороны другихъ, возникшихъ по примѣру Соціалъ-демократической Рабочей Партіи, аналогичныхъ организацій въ другихъ странахъ Европы, формулируетъ: 1) цѣль партіи, 2) принципы партіи и 3) собственно программу послѣдней. Цѣль партіи—„созданіе свободнаго демократическаго государства“. Принципы: борьба за освобожденіе рабочаго класса есть дѣло самихъ рабочихъ; политическая свобода есть необходимое условіе экономической эмансипаціи; политическая и экономическая эмансипація возможны лишь при совмѣстной борьбѣ всего рабочаго класса. „Это проблема—ни мѣстная, ни національная, а соціальная“. Программа партіи, кромѣ обычныхъ требованій радикальной партіи (всеобщаго избирательнаго права, введенія референдума, уни-

Эйзенахская программа.

[1]) Послѣдній (третій) томъ „Капитала“ вышелъ одиннадцать лѣтъ спустя, уже послѣ смерти Маркса (умеръ въ 1883 г.), подъ редакціей его друга и сотрудника Энгельса (въ 1894 г.).

чтоженія всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и прочихъ привилегій, отдѣленія церкви отъ государства, свободы печати, собраній и союзовъ), выставляетъ цѣлый рядъ требованій чисто пролетарскаго характера: сокращеніе рабочаго дня, ограниченіе работы женщинъ и дѣтей и т. п. Программа эта, какъ легко замѣтить, гораздо менѣе радикальна, чѣмъ провозглашенные партіей „цѣль“ и „принципы“, и лишена того ярко-революціоннаго оттѣнка, которымъ отличается Манифестъ 1848 г. Это было необходимо для того, чтобы привлечь въ ряды партіи болѣе умѣренные элементы, группировавшіеся вокругъ лассалевскаго Всеобщаго Нѣмецкаго Рабочаго Союза и вообще возможно широкіе слои рабочихъ массъ, въ большинствѣ своемъ вовсе не революціонныхъ. Главное— надо было втянуть ихъ въ партійную организацію и тѣмъ поставить ихъ въ условія благопріятныя для ихъ революціоннаго воспитанія, орудіемъ котораго должна была служить приспособленная къ пролетарскому пониманію и къ пролетарской психологіи якобы научная теорія соціализма; а разъ ставъ достояніемъ широкихъ массъ, теорія тѣмъ самымъ имѣла пріобрѣсти значеніе той матеріальной силы, которой недоставало идеологамъ соціальной революціи для осуществленія ихъ революціонной утопіи о „коренной перестройкѣ“ современнаго общества [1]).

Подсказанный тактическими соображеніями умѣренный характеръ эйзенахской программы, дѣйствительно, облегчилъ сліяніе лассалевскаго Всеобщаго Нѣмецкаго Рабочаго Союза съ марксовской Соціалъ-демократической Рабочей Партіей въ одну общую организацію, которая приняла оффиціальное названіе Нѣмецкой Соціалъ-демократической Рабочей Партіи. Новая организація объединила въ себѣ всѣ соціалистскіе элементы въ Германіи.

Готская программа.

Оффиціальная программа партіи, принятая на учредительномъ съѣздѣ въ Готѣ въ 1875 г., представляла собою воспроизведеніе эйзенахской программы съ нѣкоторыми уступками въ пользу лассальянства. Но въ общемъ это была побѣда космополитиче-

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, напечатанномъ незадолго до появленія въ свѣтъ Коммунистическаго Манифеста, Карлъ Марксъ высказалъ довольно откровенно эту затаенную и обыкновенно тщательно затушевываемую его послѣдователями основную мысль революціоннаго соціализма. „Матеріальная сила, писалъ онъ, должна быть свергнута матеріальной же силой; но значеніе матеріальной силы пріобрѣтаетъ и теорія, разъ она овладѣла массами“. Заслуживаетъ также быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что „научная“ разработка революціоннаго соціализма Марксомъ, въ его „Капиталѣ“ началась болѣе двадцати лѣтъ спустя послѣ начала соціалистской пропаганды, въ „Манифестѣ“ 1848 г.

скаго и революціоннаго марксизма надъ національно-нѣмецкимъ и податливымъ въ сторону мирнаго „государственнаго соціализма“ лассальянствомъ. Это было не столько сліяніе двухъ организацій, сколько поглощеніе одной организаціи (лассалевской) другой (марксовской).

Наступившій послѣ побѣдоносной войны 1870—1871 г. необычайный промышленный подъемъ Германіи вызвалъ быстрый ростъ рабочаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и создавалъ благодарную почву для соціалистской пропаганды. Рабочія массы тѣмъ охотнѣе шли за соціалъ-демократической партіей, что, независимо отъ своихъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ теоретическихъ принциповъ и болѣе или менѣе отдаленныхъ и утопическихъ перспективъ, партія выставляла на своемъ знамени цѣлый рядъ чисто конкретныхъ, жизненныхъ и практически осуществимыхъ при современномъ политическомъ и соціальномъ строѣ требованій, вполнѣ понятныхъ и близкихъ рабочимъ. И дѣйствительно, нигдѣ соціализмъ не достигъ такого широкаго распространенія среди рабочихъ массъ и такого вліятельнаго положенія въ ряду прочихъ политическихъ партій, какъ въ Германіи. Но если умѣренность и практичность выставленной соціалъ-демократическою партіей программы была одною изъ причинъ ея успѣха въ широкихъ слояхъ рабочаго класса, то, съ другой стороны, именно это участіе въ соціалистскомъ движеніи широкихъ массъ, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ совершенно мирныхъ и вовсе не-революціонныхъ, предохранило германскій соціализмъ отъ возвращенія къ революціоннымъ замашкамъ своей юности и сдѣлало для него возможнымъ превращеніе въ то, что онъ представляетъ собою въ настоящее время въ Германіи: въ самую многочисленную и вліятельную изъ оппозиціонныхъ партій, самую непримиримую изъ нихъ, но въ сущности совершенно мирную, „парламентскую“ и совсѣмъ не революціонную—по крайней мѣрѣ по своей ближайшей практической программѣ, мирящейся съ существованіемъ „буржуазнаго“ строя. Не слѣдуетъ, однако, забывать, какъ это нерѣдко дѣлаютъ, что по своей отдаленной и, такъ сказать, принципіальной программѣ, пока что не приводимой въ дѣйствіе и остающейся какъ бы въ резервѣ, эта партія продолжаетъ сохранять безусловно революціонный характеръ.

Что касается болѣе неспокойныхъ и нетерпѣливыхъ революціонеровъ по природѣ, то имъ оставалось либо примириться съ отсрочкою на неопредѣленное время осуществленія принципіально-революціонной части соціалистской программы, либо совершенно

разорвать съ партіей, какъ это сдѣлалъ въ 1867 г. Бакунинъ и основанный имъ Международный Соціалъ-демократическій Союзъ.

«Бакунисты». „Бакунисты“ вышли въ 1872 г. изъ состава (впрочемъ уже разваливавшейся въ эту пору) Международной Ассоціаціи, а въ основанную въ 1875 г. Соціалъ-демократическую партію они уже и не пытались вступить. Бакунинскій Союзъ, объединившій вокругъ себя чистыхъ анархистовъ съ непримиримыми революціонерами изъ числа соціалистовъ, ставилъ себѣ цѣлью — „разрушить всѣ государства и всѣ церкви вмѣстѣ со всѣми ихъ учрежденіями — религіозными, политическими, правовыми, финансовыми, полицейскими, образовательными, экономическими и соціальными“. Эта сравнительно немногочисленная группа непримиримыхъ революціонеровъ отказалась отъ всякаго участія въ парламентской жизни и безсильная предпринять какія-либо крупныя революціонныя дѣйствія, ограничила свою дѣятельность отдѣльными актами террора, совершенно безсмысленными и безцѣльными, но которымъ эти тупые фанатики (зачастую впрочемъ просто психически ненормальные люди) старались придать смыслъ, говоря о нихъ, какъ о „пропагандѣ дѣйствіемъ“.

Въ періодъ дѣйствія исключительныхъ законовъ въ Германіи (1878—1890) Соціалъ-демократическая Рабочая Партія принуждена была прекратить свое легальное существованіе и уйти въ подполье, а единство партіи поддерживать путемъ періодическихъ съѣздовъ за-границей. Съ прекращеніемъ дѣйствія этихъ законовъ въ 1890 г., партія немедленно реорганизовалась и на новомъ учредительномъ съѣздѣ, въ Эрфуртѣ въ 1891 г., программа партіи подверглась новому пересмотру, результатомъ котораго было очищеніе ея отъ послѣднихъ остатковъ лассальянства и болѣе полное

Эрфуртская программа. согласованіе съ принципами марксизма. Эрфуртская программа провозглашала главной задачей партіи — постепенное завоеваніе рабочихъ массъ въ пользу соціализма и сплоченіе ихъ подъ знаменемъ послѣдняго въ боевую силу для завладѣнія государственною властью, съ тѣмъ, чтобы посредствомъ послѣдней осуществить конечную цѣль соціализма—замѣну существующаго „буржуазнаго строя“, основаннаго на частной собственности и капиталистическомъ производствѣ, новымъ строемъ, въ основу котораго будетъ положено начало „обобществленія средствъ производства“. Что касается собственно практической части прежней программы, то она подверглась лишь нѣкоторымъ незначительнымъ измѣненіямъ, въ смыслѣ большей логической выдержанности и законченности. Со

времени эрфуртскаго съѣзда программа Соціалъ-демократической Рабочей Партіи не подвергалась болѣе никакимъ существеннымъ измѣненіямъ и въ настоящую пору „эрфуртская программа“ играетъ въ современномъ правовѣрномъ соціализмѣ приблизительно такую же роль, какую въ свое время играло аугсбургское исповѣданіе въ правовѣрномъ протестантствѣ.

Международный революціонный соціализмъ и его значеніе.

Организація и программа Нѣмецкой Соціалъ-демократической Рабочей Партіи послужила образцомъ для возникшихъ по ея примѣру и подъ ея вліяніемъ, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, національныхъ соціалистскихъ партій и въ другихъ европейскихъ странахъ; нигдѣ, однако, послѣднія не достигли такого развитія и вліянія, какъ въ Германіи. Германскіе соціалъ-демократы пользуются также наибольшимъ вліяніемъ и на періодическихъ международныхъ съѣздахъ соціалистскихъ организацій. Эти международные съѣзды, собирающіеся каждые три года въ различныхъ крупныхъ центрахъ рабочаго движенія, продолжаютъ, послѣ прекращенія Интернаціонала, поддерживать идейную солидарность между отдѣльными національными соціалистскими партіями, которыя, согласно провозглашенному Манифестомъ 1848 г. принципу интернаціонализма соціалистскаго движенія, разсматриваются, какъ мѣстные отдѣлы одной всемірной соціалистской партіи. Надо, однако, замѣтить, что, несмотря на столь продолжительную и настойчивую пропаганду революціоннаго соціализма, несмотря на рисуемыя имъ передъ взорами рабочихъ массъ „роскошныя перспективы“, послѣднему не удалось до сихъ поръ направить рабочее движеніе цѣликомъ въ свое русло. Тѣмъ не менѣе, революціонный соціализмъ, какъ наиболѣе яркое выраженіе раздѣляющихъ современное европейское общество классовыхъ противоположностей, представляетъ собою явленіе первостепенной важности— не только по своему фактическому и реальному значенію, но также и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя онъ сулитъ въ будущемъ. Можно сказать, что соціальная борьба и связанный съ нею революціонный соціализмъ являются такимъ же господствующимъ фактомъ внутренней соціально-политической жизни новѣйшей Европы, какъ вооруженный миръ и связанный съ нимъ милитаризмъ является господствующимъ фактомъ ея международной жизни. Можно также сказать, что, какъ вооруженный миръ есть въ сущности лишь скрытая затяжная война, такъ и новѣйшая соціальная борьба есть въ сущности лишь скрытая хроническая революція. И если ростъ

II-20390.

милитаризма таитъ въ своихъ нѣдрахъ новыя войны, болѣе страшныя, чѣмъ всѣ до сихъ поръ бывшія, то и ростъ революціоннаго соціализма, въ свою очередь, можно думать, чреватъ новыми революціями, которыя могутъ затмить собою все, что въ этомъ отношеніи пережила Европа.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

Туркестанскій край. Опытъ военно-статистическаго обозрѣнія Туркестанскаго военнаго округа. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Состав. полковн. генер. штаба **Л. Ф. Костенко.** Въ 3-хъ томахъ. Спб., 1880 г. I-й томъ 3 карты, II-й томъ, III-й томъ . . . . . **6** р.

Сочиненіе это внесено въ основной каталогъ войсковыхъ офицерскихъ библіотекъ.

Исторія Древняго Востока. Культурно-политическая и военная съ отдаленнѣшихъ временъ до эпохи Македонскаго завоеванія. **Египетъ и Финикія.** Томъ I. Книги I—IV. Сост. князь **В. П. Максутовъ.** Спб., 1905 г. **6** р.

То же, томъ II. Книги V — VIII. **Ассиро-Халдея и Персія.** Спб., 1905 г. . . . . **6** р.

Требующіе оба тома сразу, за пересылку не платятъ.

... Должно признать, что ни одинъ изъ упомянутыхъ военныхъ писателей не заходилъ такъ далеко въ отношеніи изученія „культурно-политической" исторіи соотвѣтственныхъ государствъ и народовъ, какъ это сдѣлалъ авторъ разсматриваемаго труда, и въ этомъ также его заслуга.

П. Гейсманъ. Прилож. къ „Русск. Инв." № 130, 1905 г.

Къ числу достоинствъ „Исторіи" можно отнести легкій, живой и изобразительный языкъ, столь непохожій на тотъ высокій „штиль", которымъ пишутся подобнаго рода сочиненія. „Вѣстн. О-ва Рев. воен. Зн." № 101, 1905 г.

По богатству эрудиціи и обстоятельности, сочиненіе князя Максутова представляетъ едва ли не лучшее пособіе по исторіи древняго Востока на русскомъ языкѣ...

А. Б. „Русь" 1 ноября 1905 г.

Оригинальность замысла, самостоятельность автора, продолжительное и довольно серьезное изученіе—вотъ его достоинства.

„Военный Сборникъ" январь 1906 г. стр. 213.

Авторъ даетъ широкое мѣсто очеркамъ религіи, письменности, науки, искусствъ, а также домашнему быту древнѣйшаго Востока.

„Вѣстн. Европы" № 11, 1905 г.

Записки Петра Кононовича Менькова. Въ 3-хъ томахъ. Изданіе **В. А. Березовскаго.** Спб., 1898 г.

Томъ I. **Дунай и нѣмцы.**
„ II. **Дневникъ П. К. Менькова.**
„ III. **Сборникъ статей:** 1) Краткій журналъ графа К. Ѳ. Толь о пребываніи его въ арміи во время Польской войны; 2) Очерки Польской кампаніи князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго; 3) Фрейтагъ; 4) Отрывокъ изъ Путешествія по Петербургу; 5) Севастопольскія рѣчи П. К. Менькова, Киргизскія степи; 7) Матеріалы относящіяся къ Венгерской войнѣ 1849 г.

Цѣна за три тома . . . . . **7** р.
II и III томы (I-й т. печатался въ „Изборникѣ Развѣдчика") **5** р.

25490

Проф. М. Н. ПЕТРОВЪ.

(† 23 января 1887 г.).

ЛЕКЦІИ ПО ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

Первое изданіе было удостоено Императорскою Академіею наукъ большой преміи Петра Великаго.

I Томъ. ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА. Въ обработкѣ и съ дополненіями ректора Новороссійскаго университета *Н. А. Деревицкаго* . . . . . 2 р. 50 к.

II Томъ. ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ. Въ обработкѣ профессора Харьков. университета *А. С. Вязигина.*

Ч. I. Время происхожденія новыхъ государствъ Европы и Азіи . . . . . 1 р.

Ч. II. Время отъ крестовыхъ походовъ до исхода XV столѣтія . . . . . 1 р.

III Томъ. ИСТОРІЯ НОВЫХЪ ВѢКОВЪ (реформаціонная эпоха). Въ обработкѣ и съ дополненіями профессора Харьковскаго университета *В. П. Бузескула.* 1 р. 75 к.

IV Томъ. ИСТОРІЯ НОВЫХЪ ВѢКОВЪ (отъ Вестфальскаго мира до Конвента). Въ обработкѣ и съ дополненіями профессора *В. П. Бузескула.* 1 р. 75 к.

V Томъ. ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ (отъ Конвента до нашихъ дней). Составилъ *П. Н. Ардашевъ*, профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра.

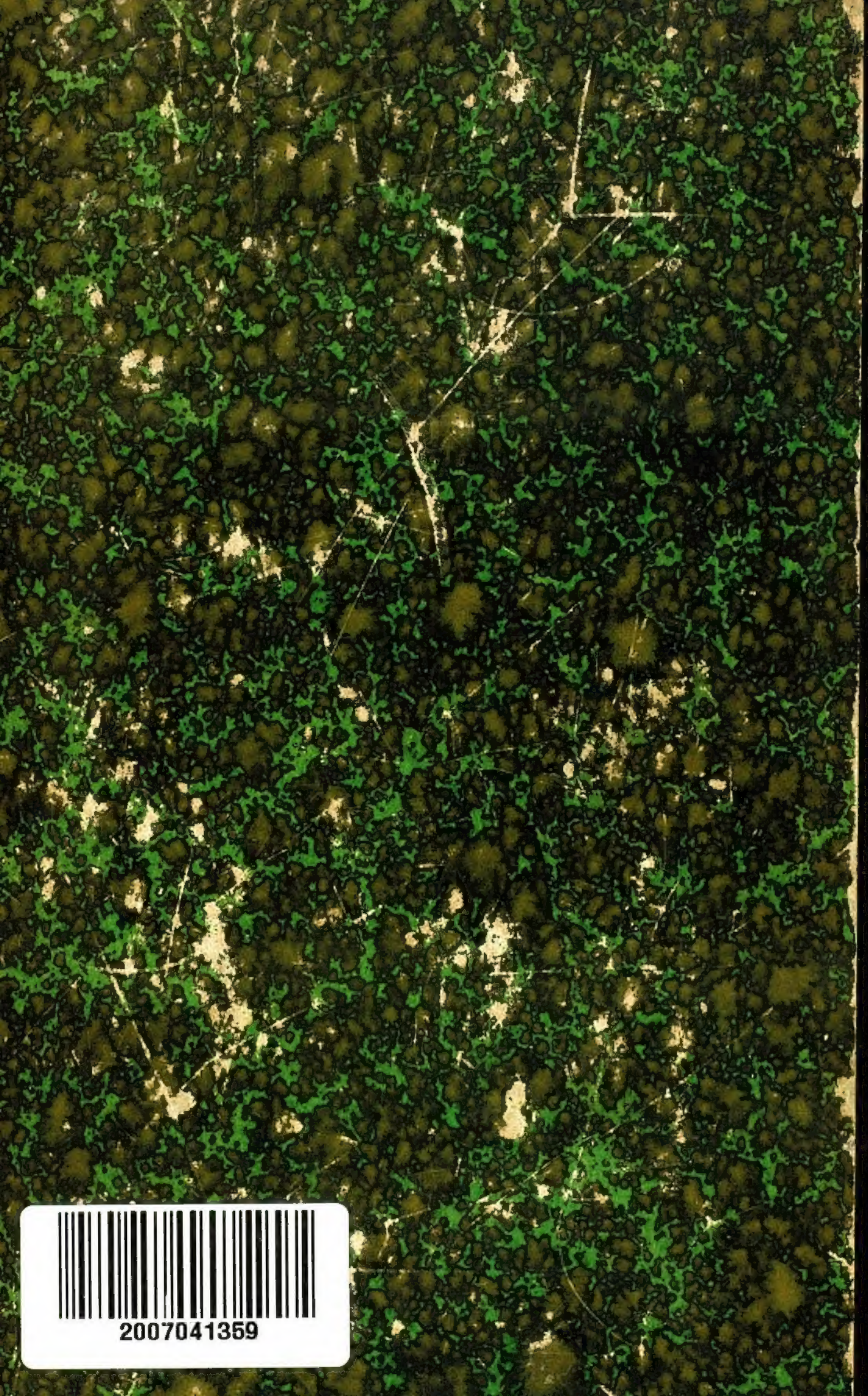
Ч. I. До начала тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. . . . . 1 р. 40 к.

Ч. II. Съ начала тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія до нашихъ дней. . . . 1 р. 60 к.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.


2007041359